Власть истории – История власти

Том 12. Часть 1. (№67)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 12. Issue 1. (№67)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 30,375

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2026

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481 Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482 Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный уни-

верситет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

Ашрапов Б.П., кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Степанов С.А., доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, кафедра публичной политики и истории государства и права.

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Department of English, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov.

Stepanov S.A., Doctor of Historical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Лупина А.Е. Этнолингвокультурная картина мира:
особенности интерпретации и методологические перспективы.....14
Смирнова Е.В., Ведерникова Т.В., Шуаипова А.А.
Специфика функционирования явления
«денглиш» в немецком политическом дискурсе.....24
Содикова Р.А. Некоторые теоретические взгляды
на историю изучения предлогов в таджикском и английском языках....31
Терских Н.В. О происхождении топонимов США.....39
Аминджанова Р.Х. Семантико-морфологический
анализ таджикского простого глагола “шудан/shudan”
в образовании сложных глаголов и его английских эквивалентов.....49
Джамалова Т.Ю., Савина А.В.
Англицизмы как средство самоидентификации в цифровой среде.....57
Дилфузаи Ислом Понятие «родина» в составе
фразеологических единиц таджикского и английского языков.....67
Зафарова З.А. Некоторые теоретические взгляды
на сравнительный анализ конструкций с неличными
глагольными формами в таджикском и английском языках.....76
Ли Илинь Двусторонняя интерпретация
и сопоставительный анализ трансграничного
распространения китайской и российской сетевой литературы.....85

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И.
Банкнотная бумага как фундамент безопасности:
технологические инновации и индустриальный контроль
в производстве банкнот Банка Франции (XIX – начало XX вв.).....95
Жегалова У.А. Идеология «Итальянского социального
движения» и стратегия ее пропаганды в Европе 1960 – 1970-х гг.....107
Пром Тхари Исторические наследия
и их влияние на демократический переход Камбоджи в 1993 году.....118
Гончаров Н.А. Рабочий вопрос
в ходе парламентских прений в Великобритании в 1918-1921 гг.:
между революционной угрозой и социальной реформой.....130

Куровский С.В., Мишин Д.А., Морозов М.А.
Присоединение ФРГ к НАТО в 1955 году:
генезис, процесс и трансформация архитектуры
европейской безопасности в контексте ранней холодной войны.....149
Мэн Синь Механизм функционирования приграничных
транспортных станций на советско-китайской границе
в контексте деятельности Дальневосточного бюро Коминтерна.....165
Набизода М.С. Источники о таджиках в составе
кокандского ханства в годы правления Алим-Хана (1805-1810 гг.).....174
Писчикова Н.П., Савосина Ю.В.
Дискурс о Британии в российской прессе:
общественное мнение и геополитика на рубеже XIX-XX столетий.....184
Пром Тхари Институциональный дисбаланс в парламентской
системе Камбоджи: структурный барьер на пути к демократии.....191
Смирнов А.В. Советско-американские переговоры по вопросам
урегулирования платежей по системе «Ленд-Лиз» (1946-1948).....208
Солиходжаева С.А. Деятельность
британской агентурной сети в средней Азии в 1918-1919 гг.....220
Хахалин С.И. Бугенвиль:
краткая история, предпосылки кризиса и сегодняшний день.....235
Сераев А.Р. Мадридский саммит НАТО 1997 года
как первая попытка глобальной трансформации военного блока.....241

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Терновая Л.О., Чапкин Н.С.
Власть математики: невидимая сила, управляющая миром.....249
Мухамедов Р.А., Пивненко В.Ю.
Образование и воспитание молодежи в позднесоветской
провинции (на материалах Ульяновской области в конце 1970-х гг.):
достижения, противоречия и системные проблемы.....272
Упоров И.В. Диссидентство как
общественно-политическое явление в период со-ветского «застоя».....279
Щупленков О.В., Щупленков Н.О.
Модернизация государственных вооруженных сил
в Западной Европе – социально-исторический аспект.....286
Эшматова Г.Б. Руководители Ойротской
автономной области в годы Великой Отечественной войны.....302

Шипова М.А. Технологии производства
на Императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX века...315
Турянская К.А., Бобров А.А., Панкратьева Г.И.
Феномен подстаканника как символа железных дорог России.....341
Тимербулатов Т.А. Исторический опыт развития системы
обеспечения информационной безопасности в РСФСР
в 1929–1941 годах. Часть 1. Субъекты информационной безопасности...350
Бедретдинова Л.Н. Географический
детерминизм раннего С.М. Соловьева.....363
Гусельников С.Д. Проблема обеспечения
медицинским персоналом войск царя Алексея Михайловича
в годы русско-польской войны 1654-1667 годов.....375
Джумагулова А.Т., Илясова А.А., Колесов М.А.
Административные и социокультурные практики
интеграции Крыма в состав России: к постановке проблемы.....387
Ерошков К.Ю., Попова М.Б., Буркова В.А., Воробьёва А.Е.,
Иванов К.С. Роль гестапо в системе контроля за населением.....404
Макарова Д.Д., Иванова Д.Е., Иванов К.С., Иванова А.С.
«Культурная революция» в СССР:
пропаганда, ликбез и формирование «нового человека».....414
Кальченко П.Д. Газеты «Новая жизнь» и «Утро»,
издаваемые в период немецко-фашистской оккупации
на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.),
как фактор идеологического влияния на детей и их семьи.....422
Карелина Н.Н., Михеева Е.С., Васющенкова Т.С.,
Миляева А.К., Миронова Е.А. Женщины в спорте
в СССР: исторические основы физической активности женщин.....428
Лебедев В.П. Харбин как фактор социально-экономической,
политической и культурной трансформации Маньчжурии.....443
Меньшиков И.А. Средневековые украшения
конской узды из экспозиции Луганского краеведческого музея.....452

Аннотации.....449
Авторы.....480

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Lupina A.E. Ethnolinguocultural worldview:
interpretation features and methodological perspectives.....14
Smirnova E.V., Vedernikova T.V., Shuaipova A.A. The specific
functioning of the phenomenon of "denglish" in german political discourse...24
Sodiqova R.A. Some theoretical views
on the history of the study of prepositions in Tajik and English.....31
Terskikh N.V. About the origin of the US toponyms.....39
Aminjonova R.H. Semantico-morphological
analysis of the TAJIK simple verb "шудан/shudan"
in composite verb formation and its English equivalents.....49
Dzhamalova T.Yu., Savina A.V.
Anglicisms as a means of self-identification in the digital environment.....57
Dilfuzai Islom The notion of «homeland»
in the composition of phraseological units of Tajik and English.....67
Zafarova Z.A. Some theoretical views on comparative analysis
of constructions with non-finite verb forms in Tajik and English.....76
Li Yilin A bilateral interpretation and comparative analysis
of the cross-border dissemination of Chinese and Russian online literature....85

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Gavrilyuk N.P., Dediu E.I.
Banknote paper as the foundation of security:
technological innovations and industrial control
in the production of bank of France banknotes (19th – early 20th centuries)...95
Zhegalova U.A. The ideology of the "Italian Social Movement"
and the strategy of its propaganda in Europe in the 1960s and 1970s.....107
Prom Thary Historical legacies
and their impact on Cambodia's Democratic transition 1993.....118
Goncharov N.A. The labour question in British parliamentary
debates, 1918–1921: between revolutionary threat and social reform.....130

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Morozov M.A.
FRG'S accession to NATO in 1955: genesis, process, and transformation
of the European security architecture in the context of the early Cold War...149
Meng Xin The functioning of border
transport stations on the Soviet-Chinese border in the context
of the activities of the Far Eastern Bureau of the Comintern.....165
Nabizoda M.S. Sources on Tajiks
in the Kokand khanate during the reign of Alim Khan (1805-1810).....174
Pischikova N.P., Savosina Y.V.
Discussion about Britain in the Russian press:
public opinion and geopolitics at the turn of the 19th and 20th centuries.....184
Prom Thary Institutional imbalance in Cambodia's
parliamentary system: a structural barrier to democracy.....191
Smirnov A.V. Soviet-American negotiations
on the settlement of payments under the Lend-Lease system (1946-1948).....208
Solikhojaeva S.A. The activities
of the British agent network in central Asia in 1918-1919.....220
Khakhalin S.I. Bougainville:
a brief history, the background of the crisis and the present day.....235
Seraev A.R. The 1997 Madrid summit of the national guard
as the first attempt of the global transformation of the military block.....241

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Ternovaya L.O., Chapkin N.S.
The power of mathematics: the invisible force ruling the world.....249
Mukhamedov R.A., Pivnenko V.Yu.
Education and upbringing of youth in the late soviet provinces
(based on materials from the Ulyanovsk Region in the late 1970s):
achievements, contradictions, and systemic problems.....260
Uporov I.V. Dissidence
as a socio-political phenomenon during the soviet "stagnation".....267
Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O.
Modernization of the State armed forces
in Western Europe – a socio-historical aspect.....274
Eshmatova G.B. Leaders of the Oyrot
autonomous region during the Great Patriotic War.....290

Shipova M.A. Manufacturing technologies at the Imperial porcelain manufactory in the second half of the 19th century.....303
Turianskaia K.A., Bobrov A.A., Pankratieva G.I. The phenomenon of glass holder as a symbol of Russian railways.....329
Timerbulatov T.A. Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 1. Subjects of information security.....338
Bedretdinova L.N. The geographical determinism of early S.M. Solovyov.....351
Guselnikov S.D. The problem of providing medical personnel to the troops of Tsar Alexei Mikhailovich during the Russian-Polish War of 1654-1667.....363
Dzhumagulova A.T., Ilyasova A.A., Kolesov M.A. Administrative and sociocultural practices of Crimea's integration into Russia: problem statement.....375
Eroshkov K.Yu., Popova M.B., Burkova V.A., Vorobyova A.E., Ivanov K.S. The Gestapo's role in population control.....392
Makarova D.D., Ivanova D.E., Ivanov K.S., Ivanova A.S. The "Cultural Revolution" in the USSR: propaganda, literacy campaigns, and the formation of the "new man".....402
Kalchenko P.D. Newspapers "Novaya zhizn" and "Utro", published during the period of the german-fascist occupation in the territory of the Voroshilovgrad region (1942-1943), as a factor of ideological influence on children and their families.....410
Karelina N.N., Mikheeva E.S., Vasiushcenkova T.S., Milyaeva A.K., Mironova E.A. Women in sports in the USSR: historical foundations of women's physical activity....416
Lebedev V.P. Harbin as a factor of socio-economic, political, and cultural transformation of Manchuria.....431
Menshikov I.A. Medieval decorations for horse bridles from the exhibition of the Lugansk historical and local museum.....440

Abstracts.....465
Authors.....483

Лупина А.Е.

Кандидат филологических наук, преподаватель. Военный университет г. Москва.

Этнолингвокультурная картина мира: особенности интерпретации и методологические перспективы*

Аннотация. В условиях глобализации и формирования полиэтничных социумов, актуализируется проблема адекватной интерпретации мировосприятия различных этнолингвокультурных сообществ. Статья посвящена теоретическому обоснованию и методологическому наполнению интегрального подхода к изучению данной проблемы – концепции этнолингвокультурной картины мира (ЭЛКМ).

Автор проводит анализ эволюции смежных дисциплин (лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики) и обосновывает становление новой синтетической области знания – этнолингвокультурологии, фокусирующейся на триаде «язык-этнос-культура». Операционализируется ключевое понятие ЭЛКМ, определяемое как динамическая модель мировосприятия, реконструируемая через анализ культурно-маркированных концептов.

Особое внимание уделяется методологии исследования. Доказывается необходимость сочетания традиционного качественного анализа с инструментарием цифровой лингвистики. В статье рассматриваются возможности применения корпусных методов, NLP-инструментов и сетевого моделирования для объективации и верификации структуры этноконцептов.

Научная новизна работы заключается в систематизации этнолингвокультурологии как направления, четкой операционализации понятия ЭЛКМ и предложении конкретного интегрального методического комплекса. Практическая значимость исследования связана с перспективами применения его результатов в сфере преподавания языков и культур (особенно РКИ), межкультурной коммуникации, анализа социолингвистических конфликтов и экспертизы публичного дискурса в полиэтничных сообществах.

Ключевые слова: этнолингвокультурная картина мира, этнолингвокультурология, концепт, межкультурная коммуникация, цифровая лингвистика, корпусные методы, полиэтничность.

* © Лупина А.Е., 2026.

Lupina A.E.
Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Moscow Military University.

Ethnolinguocultural worldview: interpretation features and methodological perspectives

Abstract. In the context of globalization and the formation of polyethnic societies, the problem of adequately interpreting the worldviews of various ethnolinguistic cultural communities becomes increasingly relevant. The article is devoted to the theoretical justification and methodological elaboration of an integral approach to studying this problem—the concept of the ethnolinguistic cultural worldview (ELCW).

The author analyzes the evolution of related disciplines (linguoculturology, ethnolinguistics, cognitive linguistics) and substantiates the emergence of a new synthetic field of knowledge—ethnolinguoculturology, which focuses on the triad "language-ethnicity-culture." The key concept of ELCW is operationalized, defined as a dynamic model of worldview reconstructed through the analysis of culturally marked concepts.

Special attention is given to research methodology. The article argues for the need to combine traditional qualitative analysis with digital linguistics tools. It explores the potential of corpus methods, NLP tools, and network modeling for objectifying and verifying the structure of ethnoconcepts.

The scientific novelty of the work lies in the systematization of ethnolinguoculturology as a research direction, the clear operationalization of the ELCW concept, and the proposal of a specific integral methodological framework. The practical significance of the study is linked to the prospects of applying its results in language and culture teaching (especially RKI), intercultural communication, analysis of sociolinguistic conflicts, and expertise in public discourse within polyethnic communities.

Key words: ethnolinguocultural worldview, ethnolinguoculturology, concept, intercultural communication, digital linguistics, corpus methods, multi-ethnicity.

Современные процессы глобализации, миграции, европеизации порождают изменения межкультурной коммуникации и мировоззрения. Такие трансформации отражаются на организации любого социума. В результате, образуется не только список положительных результатов данных изменений, но и проблемных.

Такие спорные ситуации пытаются разрешить на различном уровне. Языкознание является одним из лидеров в анализе проблем, связанных с обществом. В ряде работ, основанных на лингвистике и интегральных с ней наук, показаны стратегии решения различных задач. Например, в этнолингвистике направление исследований обозначено триадой язык-этнос-культура, в психолингвистике – язык-сознание-поведение, этнопсихолингвистике – этнос-психика-язык. Интерлингвокультурология фокусируется на межкультурном взаимодействие, когнитивная лингвистика – концеп-

туализации, категоризации, метафоризации знаний, лингвоперсонология – языковой личности, социолингвистика – взаимосвязи языка и общества. Лингвокультурология опирается на культурно-языковые концепты, компьютерная лингвистика –NLP – корпусы, лингвоконцептология – концепт-поле и др.

Несмотря на обширную методологическую базу, количество работ по решению проблем в сфере язык-общество, язык-сознание и другие подобные ракурсы, отмечается кристаллизация новых задач.

Например, лингвокультурологи отмечают такие проблемы, как десемантизация онимов (утрата семантической насыщенности в полиэтничных контекстах) [Овчинникова Г.В.], лакунарность концептов – «значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой» [Карасик, Прохвачёва https://psv4.userapi.com/s/v1/d/zTi15Uv-1eWubGKxeBZEQk7lyKY_0OLwUFA_ibEZEC6WWlU5j4GlZVtP-WDL86-3lwWT2Vs9DgJD0f8HrDblVM_Br7SBmPCq2eJ0flnOvIVngWB2o-S9zDvg/Karasik_V_I__Prohvachyova_O_G__Inaya_mentalnost_BookZZ_org.pdf], а также необходимость коррекции этнических стереотипов в дискурсах различного рода [Миньяр-Белоручева, Покровская]. Лингвокогнитологи видят необходимость моделирования этноконцептов в полиэтничных группах через прототипные структуры [Демьянков https] и семантические сети, интегрируя данные корпусов с NLP-инструментами (например, spaCy) [Navigli, Ponzetto 2012]. Социолингвисты акцентируют языковые конфликты в глобализации, включая механизм кодовых переключений, языковую иерархию и этноцентричные нормы в урбанистических социумах [Денисова].

На сегодняшний день активно развивается новое направление лингвистики – этнолингвокультурология. Эта дисциплина дифференцирует возможности лингвокультурологии, отпочковываясь от нее и, в тоже время, основывается на достижениях этнолингвистики, а также предполагает использование достижений социолингвистики, психолингвистики, лингвоперсонологии и других смежных наук. Этнолингвокультурология сосредоточена на изучении «этноса в ситуации взаимодействия этносов» [Вершинина Т.С., Гузикова М.О., Кочева 2014 с. 6] и «учитывает … специфические – национальные, народные, племенные – особенности языка этноса» [Вершинина Т.С., Гузикова М.О., Кочева 2014 с. 7]. На тему особенностей данной дисциплины написано некоторое количество работ, посвященные ее предмету, объекту [Вершинина Т. С., Гузикова М.О., Кочева 2014], проблемам и перспективам [Скороспелкина 2004], а также ряду выводов, посвященных этнолингвокультурной картине мира и основной единице ее анализа – концепту [Боева-Омелечко 2020; Кононченко 2021; Васильева 2010; Рябкова]. Статьи, посвященные этнической культуре в на-

шем глобализирующемся мире и ее культурном коде в будущем [Олейник 2016; Иванов 2024; Бабосов 2025; Боброва 2025; Танин 2024], этнокультурологическим и этнолингвистическим проблемам в образовании [Вырыпаева 1999; Гун Яо 2025], а также в процессе становления определенного сообщества [Шнирельман 1989; Курганова 2017; Каксин http; Теркулов 2024; Васильева 2010; Любимова, Баянова http; Радбиль 2020; Варданян 2014; Дальдинова 2025; Руднева, Короб 2022] способствуют развитию этнолингвокультурологии. Актуальность данного направления зиждется прежде всего на детальном исследовании лингвокультурных аспектов определенной полиэтнической среды. Результатом описания такого анализа может быть построение этнолингвокультурной картины мира.

В настоящее время широкое распространение получили именно лингвокультурологический и лингвокогнитивный способ расшифровки лингвокультуного кода. Очень часто они становятся этапами этого процесса, а не противопоставленными методами. Такой подход видится перспективным, так как позволяет представить информацию и на языковом уровне, и на когнитивном. Как следствие, интерпретировать энтнолингвокультурную картину мира возможно не только на основе культурных доминант, но и на базе ментальных моделей, соответственно. Для того, чтобы исследование имело масштабный характер, необходимо использовать как можно больше текстов. Следовательно, такой объем информации требует оптимизации его описания. В этом направлении развивается область компьютерной лингвистики, позволяющая применить методы цифровой обработки информации. Основные инструменты могут включать корпусный анализ (Frantext, Gallica, НКРЯ и т.п.), ассоциативные эксперименты и NLP (spaCy для семантических полей, NetworkX для прототипных сетей, Lancsbox для частотности и тематической категоризации, Word2Vec для векторного анализа). Отдельные работы детально описывают возможности цифрового инструментария [Laurence A. http; Кратнова 2023], который позволяет оптимизировать работу лингвиста, а также провести апробацию, используя только корпуса текстов, записи аудио и видео, как с участием организованных групп людей, так и без. «Исследование концептов и концептуальных пространств позволяет с наибольшей полнотой эксплицировать диалектический характер картины мира и ее отношения с языком только динамическая природа концепта» [Ефремов], что обеспечивается соответствующим инструментарием и методикой.

Современная действительность актуализирует этнолингвокультурное направление, в частности ввиду формирования полиэтничных и поликультурных государств, формируя интерес к изучению его устройства и перспектив развития, что подчеркивает взаимосвязь экстралингвистических и собственно лингвистических факторов в языке, а также

обозначает переход к транслингвальным исследованиям (например, диаспор в соцсетях), учитывая цифровизацию общества [Щупленков, Щупленков 2023; Островская].

В связи с переключением исследований с объекта на субъект произошло формирование «нового направления в области когнитивных исследований – этнолингвокультурологии» [Кононченко 2021], а также внимание сфокусировалось на изучении «культурной составляющей языка и его взаимосвязи с конкретным этносом» [Кононченко 2021]. Основа анализа этнолингвокультурной картины мира видится на уровне языкового менталитета (отражении языкового сознания), который понимается, как: «национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощённый в семантической системе национального языка» [Радбиль, 2010, 66]. Подходы к изучению данного феномена как правило учитывают прежде всего достижения как лингвокультурологии, так и лингвокогнитологии. Следовательно, предполагается ее интерпретация посредством построения ментальных моделей с учетом достижений компьютерной лингвистики и корпусного анализа текстов. Основной единицей, формирующей этнолингвокультурную картину мира является концепт: «специфически маркированная единица отражения культуры и этнической ментальности» [Кононченко 2021]. Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвокультурного типа фиксируют наиболее яркие различия между сравниваемыми этнолингвокультурами, возникающие из-за расхождений в ментальных образах предметов и понятий. Они выражаются через речевые средства контакта, языковые формулы, проксемику, кинематику, темпоральные и числовые коды, цветовые символы, культурные реалии, фразеологизмы, паремии, прецедентные феномены, целостные текстовые фрагменты и прочее [Привалова 2006]. Базовые единицы лингвистического, когнитивного, культурного пространства организованы иерархически, перенося соответственно неделимые смысловые объемы, что позволяет анализировать этнокультурную маркированность сознания через их взаимодействие [Привалова 2006].

В современной лингвистике концепт стал предметом интенсивного междисциплинарного анализа, хотя и остается полем дискуссий без единого определения. Об этом свидетельствуют труды ведущих исследователей Е.С. Кубряковой, В.Н. Телии, Р.М. Фрумкиной, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, В.А. Масловой, Ю.Е. Прохорова, М.В. Пименовой, З.К. Дербишевой, Т.Б. Радбиль и других. Интеграция эмпирических подходов с цифровыми методами исследования позволит операционализировать структуру концептов, сделав их доступными для моделирования в корпусной и компьютер-

ной лингвистике. В результате, интуитивное описание больших объемов данных дополнится количественным анализом при обработке естественного языка с помощью алгоритмов машинного обучения (Natural Language Processing (NLP)).

Приведем пример операционализации методики анализа языкового менталитета, предложенного Т.Б. Радбиль. Научный протокол анализа этнолингвокультурной картины мира может быть построен таким образом. Во-первых, анализ соответственно уровням, предложенные Т.Б. Радбиль, позволяют определить конкретную цель интерпретации каждого отобранного концепта в ракурсе определенного исследования: 1. Вербально-семантический. Установить лексические знаки, которые маркируют культуру, 2. Лингвокогнитивный. Выявить идеи и образы, которые стоят за этими словами, 3. Аксиологический. Отобразить ценности и оценки, в них зашифрованные, 4. Мотивационно-прагматический. Интерпретировать, как эти идеи влияют на поведение и общение (контекстуальный анализ, прагматические маркеры). Для решения задач по достижению перечисленных целей предлагается использование цифровых инструментов. Так, для первого и четвертого уровня ключевым является анализ корпус текстов и статистический анализ, который можно провести с помощью приложений (например, Lancsbox). На второй ступени возможно применение инструментов для векторного пространства (Gensim/Word2Vec). На третьем этапе исследование проводится с помощью моделей для сентимент-анализа (предобученные модели TextBlob, Vader, DeepPavlov, Natasha) и тематического моделирования (LDA (Latent Dirichlet Allocation)), чтобы автоматически выделить семантические кластеры, группирующиеся вокруг определённых оценочных полюсов в дискурсе. Переход к когнитивному моделированию достигается формализацией результатов, например, через метафорологические модели Дж. Лакоффа [Лакофф 2004], визуализируемые в NetworkX/Graphviz. Это выявляет аксиологическое ядро этнолингвокультурной картины мира и межкультурные лакуны, а также потенциальные конфликты понимания в межкультурной коммуникации. Такой подход позволит формализовать описание не только концептов, составляющих этнолингвокультурной картины мира, но и самой ее модели, а также верифицируемость и воспроизводимость результатов.

Таким образом, абстрактная идея превращается в последовательность технических действий, которые можно повторить и проверить, а также перейти к количественно измеримым и визуализированным данным, выявляя аксиологическое ядро этнолингвокультурной картины мира. Операционализировать можно любую существующую методику исследования концепта и картины мира.

Этнлингвокультурная картина мира – это специфический ракурс

представления языковой картины мира определенного лингвокультурного сообщества. «Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвокультурного типа включают наиболее видимые различия контрастируемых этнолингвокультур, возникающие вследствие несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах» [Вершинина, Гузикова, Кочева 2014 с. 36]. Если национальная картина мира – это результат слияния нескольких наций, а этническая – это скорее моноэтническое образование, то этнолингвокультурная – это отображение особенностей перехода от этнического к национальному сообществу.

В данной статье акцентируется выделение понятия этнолингвокультурной картины мира именно для фокуса на ее этническом аспекте в динамике с обязательной когнитивной интерпретацией лингвокультурных фактов конкретного сообщества. Актуальность такой интерпретации обусловлена ростом полиэтничных обществ и необходимостью гармонизации межкультурных отношений. Этнолингвокультурная картина мира представляет собой интегральный динамический конструкт, отражающий специфику восприятия мира конкретным этносом или полиэтнической группой через призму языка, культуры и когнитивных структур. Её изучение позволяет выявить культурно-языковые лакуны, стереотипы, конфликты идентичности и другие проблемы, возникающие в условиях межкультурного взаимодействия. Составляющие этнолингвокультурной картины мира – лексические единицы с высокой культурной нагрузкой, которые являются вербальными репрезентациями концептов сознания, доступными для анализа. Особый интерес вызывает исследование связи языка и общества в полиэтнических странах, так как государство может оказывает на это взаимоотношение особое влияние. Цифровые инструменты (NLP, корпусы) позволяют объективировать и моделировать этнокультурные семантические пространства.

Библиографический список:

1. Бабосов Е.М. Культурный код нации: обогащение опыта прошлого и конструирование будущего // Экономика. Социология. Право. 2025. № 1 (37). С. 36-43. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-01-36-43.
2. Боброва Ю.В. Методы реализации этнолингвокультурной модели обучения русскому языку как иностранному, основанной на материале суеверий и примет // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 10 (138). С. 192-198. – DOI 10.24158/spp.2025.10.24.
3. Боева-Омелечко Н.Б. Этнолингвокультурология как интегральная область научных исследований // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 22-29. – DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-22-29.
4. Варданян Л.В. Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковых картинах мира. Москва, 2007. 210 с.
5. Васильева Е.Н. Специфика этнолингвокогнитивных интерпретаций в языковой картине мира В. Набокова (на материале перевода «Слова о полку Игореве») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 197-200.
6. Васильева Е.Н. Специфика этнолингвокогнитивных интерпретаций в языковой картине мира В. Набоко-

ва (на материале перевода «Слова о полку Игореве») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 197-200.
7. Вершинина Т.С., Гузикова М.О., Кочева О.Л. Этнолингвокультурология: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. 2014. 80 с.
8. Вырыпаева Л.М. Инокультурный текст как основа формирования этнолингвокультурологической компетенции обучаемых: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Уфа, 1999. 224 с.
9. Гун Яо. Этнокультурный подход в педагогике музыкального образования // Преподаватель XXI век. 2025. № 3-1. С. 192-199. – DOI 10.31862/2073-9613-2025-3-192-199.
10. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языках // URL: https://infolex.ru/Prot.html
11. Денисова Е.А. Феномен «Code Switching » в картине мира би-культурального писателя-транслингва // URL: file://D:/Users_data/Anna/Downloads/179-177-1-PB.pdf
12. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «`мужчина`-`женщина`»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. // URL: https://www.dissercat.com/content/dinamika-russkoi-yazykovoi-kartiny-mira-verbalizatsiya-kontseptualnogo-prostranstva-muzhchin/read
13. Рябкова Е.С. Этнолингвокультурная картина мира Тамбов: Грамота // URL: https://www.gramota.net/article/alm20110364/fulltext
14. Иванов В.В. Значение этнической культуры в современном глобализирующемся мире // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-4. С. 67-71. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-173.
15. Каксин А.Д. Этническая культура и развитие языка: к проблематике современной когнитивной лингвистики // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37615191
16. Карасик В.И., Прохвачёва О.Г. Иная ментальность // URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/zTi15Uv-1eWubGKxeBZEQk7lyKY_0OLwUFA_ibEZEC6WWlU5j4GlZVtPWDL86-3lwWT2Vs9DgJD0f8HrDblVM_Br7SBmPCq2eJ0flnOvIVngWB2oS9zDvg/Karasik_V_I__Prohvachyova_O_G__Inaya_mentalnost_BookZZ_org.pdf
17. Кононченко Ю.А. Концепт как стержневое понятие этнолингвокультурологии // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2021. Т. 63. № 3. С. 14-20.
18. Кононченко Ю.А. Концепт как стержневое понятие этнолингвокультурологии // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2021. Т. 63. № 3. С. 14-20.
19. Кратнова З.А. Автоматизированный анализ научного текста – DOI: 10.36809/2309-9380-2025-47-84-89
20. Курганова Н.И. Этнокультурная специфика картины мира: подходы и методы исследования // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: Сборник статей научно-практического круглого стола, Минск, 15 декабря 2017 года. – Минск: Издательский центр БГУ, 2018. С. 13-16.
21. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
22. Любимова Л.М., Баянова О.В. Этнолингвистическое описание культурных кодов (на примере обрядового фольклора) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnolingvisticheskoe-opisanie-kulturnyh-kodov-na-primere-obryadovogo-folklora-1
23. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-stereotipy-v-sovremennom-yazykovom-prostranstve
24. Овчинникова Г.В. Особенности десемантизации урбанонимов во французском, английском и русском языках // URL: https://linguistics-journal.ru/files/2023_Linguistics_3-106-116.pdf
25. Олейник Р.В. Этнолингвокультурная и этнолингвокогнитивная специфичность как свойства семантических уникалий во фразеологии. Обсерватория культуры. 2016. № 13 (3). С. 296-300. – DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-3-296-300;
26. Островская Е.Н. Эволюция этнокультурного подхода: от античности до цифровой эпохи // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82490203
27. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование) : специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Привалова Ирина Владимировна. – Москва, 2006. 486 с.
28. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759-774. – DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774
29. Танин И.В. Теория и практика этнокультурного образования будущих педагогов / И.В. Танин, А.А. Талых // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-4. С. 256-259.
30. Теркулов В.И. Базовые понятия лингвоэтнологического подхода к идентификации личности // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 2. С. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455.
31. Шнирельман В.А. Этнокультурные заимствования и лингвистический процесс (некоторые методологические аспекты) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Том Часть 3. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский

центр РАН «Издательство «Наука», 1989. С. 132-134.
32. Щупленков Н.О., Щупленков О.В. Этносоциокультурные конструкты эпохи цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 177. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsiokulturnye-konstrukty-epohi-tsifrovizatsii (Дата обращения: 27.01.2026)
33. Laurence A. Concordancing with AI: Applications of word and sentence embeddings // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666799125000462
34. Navigli R., Ponzetto S.P. BabelNet: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network // Artificial Intelligence. 2012. Vol. 193. P. 217-250. – DOI: 10.1016/j.artint.2012.07.001.
35. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

Reference

1. Babosov E.M. Cultural Code of the Nation: Enriching the Experience of the Past and Constructing the Future // Economy. Sociology. Law. 2025. № 1 (37). P. 36-43. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-01-36-43.
2. Bobrova Yu.V. Methods for Implementing an Ethnolinguocultural Model of Teaching Russian as a Foreign Language Based on Superstitions and Signs // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2025. № 10 (138). P. 192-198. – DOI 10.24158/spp.2025.10.24.
3. Boeva-Omelechko N.B. Ethnolinguacultural studies as an integral field of scientific research // Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2020. № 3. P. 22-29. – DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-22-29.
4. Vardanyan L.V. The ethnolinguacultural concept of "soul" in the English, Russian, and Erzya linguistic pictures of the world. – Moscow, 2007. 210 p.
5. Vasilyeva E.N. Specificity of ethnolinguacognitive interpretations in V. Nabokov's linguistic picture of the world (based on the translation of "The Tale of Igor's Campaign") // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. 2010. № 4. P. 197-200.
6. Vasilyeva E.N. Specificity of ethnolinguocognitive interpretations in the linguistic picture of the world of V. Nabokov (based on the translation of "The Tale of Igor's Campaign") // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. 2010. № 4. P. 197-200.
7. Vershinina T.S., Guzikova M.O., Kocheva O.L. Ethnolinguoculturology: textbook. manual. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. state University. 2014. 80 p.
8. Vyrypaeva L.M. Foreign culture text as a basis for developing students' ethnolinguoculturological competence: dissertation ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.02. - Ufa, 1999. 224 p.
9. Gong Yao. An Ethnocultural Approach to the Pedagogy of Music Education // Prepodavatel XXI vek. 2025. № 3-1. P. 192-199. – DOI 10.31862/2073-9613-2025-3-192-199.
10. Dem'yankov V.Z. Prototype Theory in the Semantics and Pragmatics of Languages // URL: https://infolex.ru/Prot.html
11. Denisova E.A. The Phenomenon of "Code Switching" in the Worldview of a Bicultural Translingual Writer // URL: file://D:/Users_data/Anna/Downloads/179-177-1-PB.pdf
12. Efremov V.A. Dynamics of the Russian linguistic picture of the world: verbalization of the conceptual space "`man`-`woman`": abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences. St. Petersburg, 2010. // URL: https://www.dissercat.com/content/dinamika-russkoi-yazykovoi-kartiny-mira-verbalizatsiya-kontseptualnogo-prostranstva-muzhchin/read
13. Ryabkova E.S. Ethnolinguocultural picture of the world Tambov: Gramota // URL: https://www.gramota.net/article/alm20110364/fulltext
14. Ivanov V.V. The Importance of Ethnic Culture in the Modern Globalizing World // Trends in the Development of Science and Education. 2024. № 110-4. P. 67-71. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-173.
15. Kaksin A.D. Ethnic culture and language development: on the problems of modern cognitive linguistics // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37615191
16. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G. A Different Mentality // URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/zTi-15Uv-1eWubGKxeBZEQk7lyKY_0OLwUFA_ibEZEC6WWlU5j4GlZVtPWDL86-3lwWT2Vs9DgJD0f8HrD-blVM_Br7SBmPCq2eJ0flnOvIVngWB2oS9zDvg/Karasik_V_I__Prohvachyova_O_G__Inaya_mentalnost_BookZZ_org.pdf
17. Kononchenko Yu.A. Concept as a Core Notion of Ethnolinguoculturology // Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series 3. Philological Sciences. Media Communications. 2021. Vol. 63. № 3. P. 14-20.
18. Kononchenko Yu.A. Concept as a Core Notion of Ethnolinguocultural Studies // Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series 3. Philological Sciences. Media Communications. 2021. Vol. 63. № 3. P. 14-20.
19. Kratnova Z.A. Automated Analysis of Scientific Text – DOI: 10.36809/2309-9380-2025-47-84-89
20. Kurganova N.I. Ethnocultural Specificity of the Picture of the World: Approaches and Research Methods // Pic-

ture of the World through the Prism of Chinese and Belarusian Cultures: Collection of Articles from the Scientific and Practical Round Table, Minsk, December 15, 2017. – Minsk: Publishing Center of BSU, 2018. P. 13-16.
21. Lakoff J. Women, Fire, and Dangerous Things: What Language Categories Tell Us About Thinking / Translated from English by I.B. Shatunovsky. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 792 p.
22. Lyubimova L.M., Bayanova O.V. Ethnolinguistic Description of Cultural Codes (Based on Ritual Folklore) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnolingvisticheskoe-opisanie-kulturnyh-kodov-na-primere-obryadovogo-folklora-1
23. Minyar-Belorucheva A.P., Pokrovskaya M.E. Ethnic Stereotypes in the Modern Language Space // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-stereotipy-v-sovremennom-yazykovom-prostranstve
24. Ovchinnikova G.V. Features of Desemantization of Urbanonyms in French, English and Russian // URL: https://linguistics-journal.ru/files/2023_Linguistics_3-106-116.pdf
25. Oleynik R.V. Ethnolinguocultural and Ethnolinguocognitive Specificity as Properties of Semantic Unique Features in Phraseology. Observatory of Culture. 2016. № 13 (3). P. 296-300. – DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-3-296-300;
26. Ostrovskaya E.N. Evolution of the ethnocultural approach: from antiquity to the digital age // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82490203
27. Privalova I.V. Linguistic consciousness: ethnocultural markedness (theoretical and experimental study): specialty 10.02.19 "Theory of language": dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences / Privalova Irina Vladimirovna. – Moscow, 2006. 486 p.
28. Radbil T.B. "Self-isolation" as the Newest Russian Cultural Concept: Cognitive-Discursive Aspect // Communicative Studies. 2020. Vol. 7. № 4. P. 759-774. – DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774
29. Tanin I.V. Theory and Practice of Ethnocultural Education of Future Teachers / I.V. Tanin, A.A. Talykh // Problems of Modern Pedagogical Education. 2024. № 84-4. P. 256-259.
30. Terkulov V.I. Basic Concepts of the Linguistic Ethnological Approach to Personal Identification // Electronic Journal "Caucasology". 2024. № 2. P. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455.
31. Shnirelman V.A. Ethnocultural borrowings and the linguistic process (some methodological aspects) // Linguistic reconstruction and ancient history of the East. Volume Part 3. – Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing, and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences "Nauka Publishing House", 1989. P. 132-134.
32. Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. Ethnosociocultural Constructs of the Digitalization Era // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. № 177. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsiokulturnye-konstrukty-epohi-tsifrovizatsii (27.01.2026)
33. Laurence A. Concordancing with AI: Applications of word and sentence embeddings // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666799125000462
34. Navigli R., Ponzetto S.P. BabelNet: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network // Artificial Intelligence. 2012. Vol. 193. P. 217-250. – DOI: 10.1016/j.artint.2012.07.001.
35. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Смирнова Е.В.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Ведерникова Т.В.
Кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков АНОВО «Московский международный университет».

Шуаипова А.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и востоковедения Института иностранных языков АНОВО «Московский международный университет».

Специфика функционирования явления «денглиш» в немецком политическом дискурсе

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу функционирования феномена «денглиш» в современном немецком политическом дискурсе. Детально рассматриваются социолингвистические предпосылки интенсивного проникновения англицизмов, связанные с глобальной доминацией английского языка как лингва франка. Особое внимание уделяется дифференциации между функционально оправданными заимствованиями, заполняющими концептуальные лакуны, и собственно «денглишем» – использованием английской лексики там, где существуют полноценные немецкие эквиваленты. Центральная часть работы раскрывает специфические прагматические функции этого явления в политической коммуникации: конструирование прогрессивного имиджа, создание эзотерического кода для политической элиты, эвфемизацию непопулярных мер и дискредитацию оппонентов. Подчеркивается, что «денглиш» является не стилистическим приемом, а инструментом идеологической борьбы и символической политики. На примере таблицы наглядно демонстрируется, как конкретные англицизмы реализуют эти функции в публичных выступлениях и официальных документах. Статья также анализирует обратную реакцию – сопротивление «денглишу» со стороны консервативных и правопопулистских сил, которые используют его критику для продвижения национал-патриотической повестки. Делается вывод о том, что языковая дискуссия отражает глубинный социокультурный раскол в немецком обществе и служит ключом к пониманию современных политических процессов в Германии.

Ключевые слова: немецкий политический дискурс, «денглиш», англицизмы, языковая идеология, лингвистическая прагматика, политическая коммуникация.

* © Смирнова Е.В., Ведерникова Т.В., Шуаипова А.А., 2026.

Smirnova E.V.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture. «Russian State Social University».

Vedernikova T.V.
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages ANOHE «Moscow International University».

Shuaipova A.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Romano-Germanic Philology and Oriental Studies, Institute of Foreign Languages, ANOHE «Moscow International University».

The specific functioning of the phenomenon of "denglish" in german political discourse

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of «Denglish» in contemporary German political discourse. It examines in detail the sociolinguistic preconditions for the intensive penetration of Anglicisms, associated with the global dominance of English as a lingua franca. Particular attention is paid to differentiating between functionally justified borrowings that fill conceptual gaps and «Denglish» proper—the use of English vocabulary where full-fledged German equivalents exist. The central part of the paper reveals the specific pragmatic functions of this phenomenon in political communication: constructing a progressive image, creating an esoteric code for the political elite, euphemizing unpopular policies, and discrediting opponents. It is emphasized that «Denglish» is not a stylistic device, but a tool of ideological struggle and symbolic politics. The table illustrates how specific Anglicisms fulfill these functions in public speeches and official documents. The article also analyzes the counter-reaction—resistance to «Denglish» from conservative and right-wing populist forces, who use its criticism to advance a nationalist-patriotic agenda. It concludes that the linguistic debate reflects a deep sociocultural divide in German society and serves as a key to understanding contemporary political processes in Germany.

Key words: German political discourse, «Denglish», anglicisms, language ideology, linguistic pragmatics, political communication.

На сегодняшний день почти каждый язык испытывает влияние со стороны другого языка, и немецкий не является исключением. Из-за центрального расположения в Европе на немецкий язык на протяжении столетий оказывали влияние другие языки. Ряд специалистов утверждают, что ни

одна группа заимствованных слов не растет так быстро в немецком словоупотреблении, как англицизмы [1]. В последние десятилетия английский язык, собственно, стал «франкским языком» («Lingua franca»). С начала шестидесятых годов XX века можно наблюдать усиленный рост числа англицизмов в немецком языке, который, в конечном счете, чрезвычайно усилился в девяностые годы. Причины этого — прежде всего экономическое, технологическое, военное и культурное доминирование Соединенных Штатов и англоязычного пространства в целом. Это доминирование особенно сильно проявляется в сфере медиа, в технике, в киноиндустрии и в музыке.

При детальном анализе лингвистических работ становится очевидным, что единого подхода к определению англицизма не существует [2]. Многочисленные авторы предлагают свои формулировки, однако они зачастую акцентируют внимание лишь на отдельных характеристиках этого сложного и многогранного явления, что превращает поиск универсальной и точной дефиниции в непростую задачу. В связи с этой терминологической размытостью возникает насущная необходимость не только в четком определении самого понятия, но и в его строгом отграничении от смежных лингвистических категорий.

Немецкий лингвист Айзенберг П. предлагает принципиально важный критерий для такой дифференциации. Он настаивает на том, что англицизмы по своей сути являются не английскими, а именно немецкими словами, поскольку, будучи усвоенными системой языка-реципиента, они, как правило, приобретают специфические черты, отличающие их от их английских прототипов, даже в случае прямого заимствования [3]. Эта интеграция в принимающий язык подтверждается тем, что многие современные заимствования, такие как «дизайн» или «пул», легко опознаются носителями немецкого языка как англицизмы, несмотря на их очевидное расхождение с традиционными немецкими нормами орфографии и произношения.

Буссе У. расширяет это понимание, трактуя англицизм в максимально широком смысле — как любое языковое явление в немецком языке, которое является результатом переноса из любого варианта английского языка, будь то британский, американский или любой другой диалект [4, с. 135]. Таким образом, он рассматривает термин «англицизм» в качестве родового понятия, охватывающего все разнообразие английских лингвистических влияний. Схожей позиции придерживаются исследователи, которые делают акцент на процессе заимствования, определяя англицизм как лексическую единицу, которая мигрировала из любого варианта английского языка, включая американский, британский, афроамериканский английский или ямайский креольский, и прочно вошла в словарный состав языка-реципиента, в данном случае немецкого.

Явление «денглиш» (denglisch), понимаемое как интенсивное и зача-

стую неоправданное с функциональной точки зрения проникновение англицизмов и английских синтаксических конструкций в немецкий язык, является одной из наиболее заметных и дискуссионных тенденций в современном немецком политическом дискурсе. Его функционирование здесь обладает своей спецификой, отличающей его от использования в рекламе, корпоративной коммуникации или молодежном сленге. В политике язык – это не просто инструмент передачи информации, но и орудие легитимации власти, формирования общественного мнения, создания групповой идентичности и манипуляции. Именно в этом ключе и следует рассматривать феномен «денглиш».

Прежде всего, необходимо разграничить два основных пласта функционирования англицизмов в политическом языке. Первый – это заимствования, которые заполняют концептуальные лакуны, обозначают новые реалии, для которых в немецком языке не существует точных эквивалентов. Слова like «Lobbyist», «NGO», «Shutdown», «Fake News», «Whistleblower» прочно вошли в словарный запас именно по этой причине. Они обозначают специфические политические и социальные феномены, часто имеющие глобальное происхождение. Их использование является в значительной степени вынужденным и функционально оправданным. Однако именно второй пласт – использование англицизмов там, где существуют полноценные немецкие аналоги, – и составляет суть критикуемого «денглиша» и раскрывает его специфические функции в дискурсе власти.

Одной из ключевых функций «денглиш» в политическом дискурсе является создание современного, прогрессивного и глобально ориентированного имиджа политика или партии.

Таблица. Функции «денглиш» в политическом дискурсе.

Функция	Примеры
Создание прогрессивного имиджа	Townhall-Meeting (вместо «Bürgerversammlung»), Digital Boost (вместо «Förderung»)
Язык для «посвящённых»	Framing, Benchmarking, Governance (как маркеры элитарности)
Смягчение негативных мер	Downsizing (вместо «Entlassung»), Outsourcing (вместо «Auslagerung»)
Политическая дискредитация	Populism, Fake News, Cancel Culture (как ярлыки для оппонентов)
Демонстрация международной компетенции	Global Player, Soft Power, Sustainable Development

Источник: составлено автором.

Английский язык в массовом сознании прочно ассоциируется с такими концептами, как «инновации», «модернизация», «глобализация», «открытость», «технологический прогресс». Используя англицизмы, политик пытается «присвоить» эти положительные коннотации. Когда политик говорит о «Der Digital Boost für unser Land» вместо «Digitale Förderung», или о «Townhall-Meeting» вместо «Bürgerversammlung», он на символическом уровне позиционирует себя не как традиционного, возможно, консервативного управленца, а как современного лидера, говорящего на языке цифровой эпохи и мировых элит. Это особенно характерно для таких партий, как Свободная демократическая партия, которая активно использует лексику like «Start-up-Kultur», «Innovationsschub», «Future Skills», чтобы подчеркнуть свою приверженность либеральным экономическим моделям и технологическому развитию.

С другой стороны, «денглиш» выполняет функцию создания закрытого кода, понятного лишь для «посвященных» – политической, медийной и экспертной элиты. Этот языковой код служит маркером групповой принадлежности и инструментом исключения. Такие термины, как «Framing», «Benchmarking», «Outcome», «Governance», «Mainstream», «Push-Faktoren», «Big Data», используются не столько для прояснения смысла, сколько для демонстрации компетентности в рамках определенного дискурса. Непонимание этих терминов рядовым избирателем создает барьер, который подчеркивает разницу между «простыми гражданами» и «профессионалами от политики». Это явление можно наблюдать в аналитических статьях, выступлениях экспертов на политических ток-шоу и в официальных документах, где «Compliance» заменяет «Rechtskonformität», а «Sustainability» – «Nachhaltigkeit», хотя последние немецкие термины являются абсолютно устоявшимися и точными [5, с. 228]. Таким образом, язык становится инструментом символического производства и поддержания власти через демонстрацию монополии на определенный тип знания.

Третья важная функция – эвфемизация и сокрытие негативного или непопулярного содержания. Английское слово, будучи менее эмоционально нагруженным для носителя немецкого языка, может служить смягчающим фильтром. Классическим примером является разница между прямым и жестким немецким «Entlassung» (увольнение) и более мягким, технологичным «Downsizing» или «Outplacement». В политическом контексте это может проявляться в таких оборотах, как «sozialverträgliches Downsizing» (социально приемлемое сокращение штатов), где английский термин маскирует социальную боль, ассоциирующуюся с немецким аналогом. Аналогично, «Target» (цель) звучит более нейтрально и технично, чем «Ziel», которое может нести оттенок милитаристской или излишне директивной риторики. Использование «денглиша» позволяет упаковать неприятные

решения в красивую, международную обертку, лишив их части их критического заряда.

Кроме того, «денглиш» как четвертая функция активно используется как инструмент политической борьбы и дискредитации оппонентов. Ярлыки, заимствованные из англоязычного политического дискурса, обладают мощным воздействием. Слово «Populist» стало универсальным оружием против партий и движений, бросающих вызов политическому мейнстриму, будь то правые «Alternative für Deutschland» или левые «Die Linke». Термин «Fake News» используется для маркировки любой информации, не соответствующей позиции говорящего. Понятие «Cancel Culture» было импортировано из американского дискурса и стало центральным элементом риторики консервативных сил, обвиняющих леволиберальный лагерь в подавлении свободы слова. Использование этих англоязычных концептов позволяет немецким политикам встраивать свои локальные конфликты в глобальный идеологический контекст, придавая им больший вес и узнаваемость.

Однако распространение «денглиша» встречает и мощное сопротивление, что также является частью его специфики в немецком политическом пространстве [6, с. 150]. Защита немецкого языка от «загрязнения» англицизмами стала частью политической программы консервативных и правопопулистских сил. Партия «Alternative für Deutschland» активно использует критику «денглиша» как элемент своей культурно-национальной риторики, представляя себя защитником национальной идентичности и культурного суверенитета. Для них «денглиш» – это символ потери национальной самобытности, подчинения глобализму и чуждым влияниям. Эта критика находит отклик у части электората, чувствующей себя отчужденной от языка политической и медийной элиты. Таким образом, языковой вопрос становится полем идеологической битвы между космополитическим, глобализированным крылом политического спектра и его национал-консервативным, протекционистским крылом.

В заключение необходимо подчеркнуть, что функционирование «денглиша» в немецком политическом дискурсе является сложным, многогранным и сугубо идеологически нагруженным процессом. Это не просто стилистическая причуда или следствие глобализации. Это мощный инструмент символической политики, служащий для конструирования идентичности (прогрессивной или традиционной), установления границ элитарных групп, маскировки непопулярных решений и ведения идеологической борьбы. Анализ использования англицизмов в выступлениях политиков, партийных программах и государственных документах позволяет выявить не только языковые предпочтения, но и глубинные стратегии легитимации власти, формирования общественного мнения и позиционирования в по-

литическом поле. Борьба вокруг «денглиша» – это, по сути, борьба за то, чьи ценности, чья картина мира и чье видение будущего Германии будут доминировать в публичном пространстве, и язык здесь является не пассивным отражением, а активным участником этих процессов. Постоянный диалог между сторонниками языкового пуризма и адептами глобализированного «денглиша» отражает более широкий социокультурный раскол в немецком обществе, делая этот лингвистический феномен ключевым для понимания современной немецкой политики.

Библиографический список:

1. Чечетка В.И., Лукина Л.В., Пилевцева А.В. Динамика англицизмов в современном немецком языке. Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2022. № 2 (54). С. 98-116.
2. Шестеркина А.А., Легонькова Е.В. Englisch как отражение влияния англицизмов на современный немецкий язык. В сборнике: Вклад молодых ученых в инновационное развитие АПК России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых. Пенза, 2024. С. 486-490.
3. Eisenberg, P. Näheres zum Fremdwortpurismus // Das Fremdwort im Deutschen. Berlin / New York, Walter de Gruyter Verlag. 2011. 112 p.
4. Busse Ulrich. Typen von Anglizismen: von der heilago geist bis Extremsparing - aufgezeigt anhand ausgewählter lexikographischer Kategorisierungen. In: STICKEL, Gerhard (Hrsg). Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. Berlin/New-York: de Gruyter, 2001. P. 131-155.
5. Приступа А.В., Чукшис В.А. Сравнительный анализ заимствованных англицизмов в немецком языке. В сборнике: Студенческая наука Подмосковью. Сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых. – Орехово-Зуево, 2024. С. 228-231.
6. Тупикова С.Е., Данилин П.А. Лингвистические особенности англо- и немецкоязычного политического дискурса. В сборнике: Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты. материалы VII международной научно-практической конференции. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2022. С. 150-156.
7. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.

Reference

1. Chechetka V.I., Lukina L.V., Pilevtseva A.V. Dynamics of Anglicisms in Modern German. Scientific journal "Modern linguistic and methodological-didactic studies". 2022. № 2 (54). P. 98-116.
2. Shesterkina A.A., Legonkova E.V. Englisch as a reflection of the influence of Anglicisms on modern German. In the collection: The contribution of young scientists to the innovative development of the agro-industrial complex of Russia. Collection of materials from the International scientific and practical conference of young scientists. Penza, 2024. P. 486-490.
3. Eisenberg, P. Näheres zum Fremdwortpurismus // Das Fremdwort im Deutschen. Berlin / New York, Walter de Gruyter Verlag. 2011. 112 p.
4. Busse, Ulrich. Types of English words: from the heilago geist bis Extremisparing - to increase the number of lexical categories. In: STICKEL, Gerhard (Hrsg). New and Frequently Asked Questions in German Wortschatz. Current Lexical Studies by Wandel. Berlin/New-York: de Gruyter, 2001. P. 131-155.
5. Pristupa, A.V., Chukshis, V.A. Comparative Analysis of Borrowed Anglicisms in the German Language. In the collection: Student Science in the Moscow Region. Collection of Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists. – Orekhovo-Zuyevo, 2024. P. 228-231.
6. Tupikova S.E., Danilin P.A. Linguistic features of English- and German-language political discourse. In the collection: Language and cultural contacts: linguistic and linguodidactic aspects. Proceedings of the VII international scientific and practical conference. Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. – Saratov, 2022. P. 150-156
7. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.

Содикова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Некоторые теоретические взгляды на историю изучения предлогов в таджикском и английском языках*

Аннотация. Данная статья представляет собой комплексный обзор историко-сравнительного изучения предлогов в таджикском и английском языках. Обобщая ключевые исследования, работа начинается с анализа основополагающих трудов таджикских языковедов, таких как Немёнова, которая классифицировала предлоги таджикского языка и описала их семантику. Рассматриваются вопросы грамматикализации, функциональной эволюции простых и составных предлогов с привлечением исследований Сиёева, Халилова, Исматуллоева и других. Параллельно прослеживается развитие предлогов английского языка от древнеанглийского периода до современности с опорой на работы таких авторитетных грамматистов, как Еспер-сен, Куирк и Траугоут. Сравнительный анализ выявляет общие тенденции семантического расширения и структурного усложнения предлогов в обоих языках, подтверждая их переход от конкретных пространственных маркеров к многогранным грамматическим элементам.

Ключевые слова: предлог, самостоятельные части речи, поэзия и проза, семантические функции предлогов, типы предлогов, стиль, таджикский и английский языки, лингвистика, сравнительный анализ, обзор историко-сравнительного изучения предлогов.

Sodiqova R.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic.

Some theoretical views on the history of the study of prepositions in Tajik and English

* © Содикова Р.А., 2026.

Abstract. The given article provides a comprehensive overview of the historical and comparative study of prepositions in the Tajik and English languages. It synthesizes key research, beginning with foundational Tajik linguistic works by scholars like Neměnova, who classified Tajik prepositions and analyzed their semantics. The review extends to the examination of primary and compound prepositions, their grammaticalization, and functional evolution, referencing contributions from Tajik linguists such as Siyoev, Khalilov, and Ismatulloev. Simultaneously, the article traces the development of English prepositions from Old English to Modern English, citing leading grammarians like Jespersen, Quirk, and Traugott. The analysis highlights the parallel processes of semantic expansion and structural complexification in both languages, demonstrating how prepositions have evolved from concrete spatial markers to multifunctional grammatical elements. The article concludes that cross-linguistic research offers valuable insights into universal and language-specific trends in syntactic and semantic development.

Key words: preposition, independent parts of speech, poetry and prose, semantic functions of prepositions, types of prepositions, style, Tajik and English, linguistics, comparative analysis, overview of the historical and comparative study of prepositions.

1. Introduction

The study of semantic nuances and the characteristics of Tajik language prepositions was first undertaken directly by linguist R.L. Neměnova, whose work details the content and scope of this part of speech in her dissertation [Предлоги в таджикском языке / Prepositions in the Tajik Language]. The dissertation's introduction provides general information on the types of prepositions and their evolution, noting that some forms have now fallen out of use in the modern literary language but were widely used in classical works. The author divides Tajik prepositions into two categories, providing detailed information on each. The relatively small number of primary Tajik prepositions is noted, with examples such as аз (from), ба (to), бо (with), бе (without), бар (on/upon/over), дар (андар) (in, at), то (until, to), чуз (except) given. The third section of the dissertation covers the synonymy of simple primary Tajik prepositions, indicating their division into two groups. The first group includes prepositions that are completely synonymous with each other (e.g., дар and ба). The second group consists of prepositions whose synonymy differs based on semantic nuances (e.g., аз and бо) [4]. Thus, the analyzed dissertation represents the first attempt to define and specify the norms of Tajik prepositions and has been used as a reference source in subsequent linguistic research.

2. Main results and discussion

Literature Review / Theoretical Framework

Research on Tajik Prepositions

Linguist R.L.Neměnova's foundational work "Prepositions in the Tajik Lan-

guage" (1954) systematically categorizes Tajik prepositions and analyzes their semantic functions.

Professor Davlatbek Khoja is noted as one of the first scholars in Tajik linguistics, particularly in the study of the formation and evolution of Persian-Tajik linguistic science and issues related to morphology in the Middle Ages. He seriously examined the ideas of medieval scholars on grammar, presenting his logical conclusions in his treatise [1]. It is noted that his primary aim was not a detailed examination of prepositions, postpositions, conjunctions, and particles, but he occasionally addressed the grammatical functions of these auxiliary elements of speech [1].

Prominent linguist B. Siyoev, in his scientific work on the history of the verb in literary Tajik, in its third chapter, comments on the multifunctionality of prepositions like андар, боз, бар, emphasizing that in the work ["Tarikh-i Tabari" by Bal'ami], a group of verbal affixes, such as the prefixes андар, боз, бар, etc., are frequently used as prepositions, similar to the modern literary language... Determining whether these elements function as prefixes or prepositions is a very important issue. Briefly stated here, when андар, боз, and бар come before an object, they are prepositions, and if used directly with a verb, they function as prefixes [5, p. 108]. Thus, Professor B. Siyoev outlined the task for future linguists: "Comprehensively resolving this issue is of great importance for determining the historical development of prefixes and prepositions and requires separate research" [5, p. 161].

Researcher A. Khalilov, while studying the grammatical functions of the ezafe particle -i, emphasizes that "during the research, it was determined that the range of functions of the ezafe particle -i is very broad. Linguistic facts testify that in text, the ezafe particle -i can be used in place of simple prepositions дар (in), ба (to), аз (from), бо (with), the simple ezafe preposition барои (for), the compound preposition дар бораи/дар хусуси (about), or the postposition -ро (direct object marker) as well. And conversely, the preposition аз (from), the postposition -го, the indefinite suffix -е, as well as the conjunctions ва (and), у (-ю) (and), ҳам (also) can function as synonyms for the ezafe particle -i in specific contexts" [6, p.57]. Alongside primary simple Tajik prepositions that can serve the function of the ezafe particle, the author also describes the compound ezafe prepositions дар бораи and дар хусуси as substitutes for the ezafe particle [6, p. 64-65].

Linguist M. Ismatulloev, in his scientific work "Grammatical Essays on Adverbial Modifiers in Modern Literary Tajik" (dealing with the nature and expression of locative and temporal adverbials, part 1), provides substantial information on expressing locative adverbials with the help of primary prepositions and their synonyms, such as the preposition ба and its synonyms [2, p. 6-11]; locative adverbials with the compound ezafe prepositions ба сари (to the head of), ба лаби (to the edge of) [2, p. 11-17]; the preposition дар and its synonyms

[2, p. 17-27]; the preposition аз and its synonyms [2, p. 27-36]; expressing locative adverbials with nominal-ezafe prepositions [2, p. 37-44]; expressing locative adverbials with the postposition -po [2, p. 44-51]; combined locative adverbials and some of their features [2, p. 57-63]; expressing locative adverbials via parts of speech [2, p. 68-98]; expressing temporal adverbials with various prepositions [2, p. 100-111]; expressing temporal adverbials formed with various postpositions [2, p. 111-114], etc.

When researching temporal verbal phrases in modern literary Tajik, linguist A. Mirzoev devoted five chapters of his scientific work to the role of prepositions in forming verbal phrases. In the second chapter, titled "Temporal Verbal Phrases with Primary Prepositions," the author provides information primarily on the role of primary simple prepositions like дар/андар (in), аз (from), то (until), ба (to), бо (with) [3, p.37-80]. Prepositions recognized as connective means, such as nominal compound temporal prepositions or preposition-like constructions (дар вақти, дар замони, дар мавриди, дар фурсати, баъд аз, пас аз, аз замони, то замони, аз овони, ба ҳини, ба айёми, бо мурури... etc.), form the main subject of discussion in the third chapter [3, p. 80-124]. The formation of temporal verbal phrases with non-temporal nominal compound prepositions (дар тӯли, дар арзи, дар баробари, дар қатори, дар поёни, дар ними, дар нисфи, аз паси, аз қафои, аз мобайни, аз миёнаи, то дами, то қариби, то наздики, ба қадри, ба таври, ба муҷарради, ба болои... etc.) is the subject of the fourth chapter, where the author provides conclusive evidence for each type of these prepositions [3, p.124-165].

Linguist F. Sharifova, in her work "The Evolution of the Simple Sentence in the Tajik Language," in the chapter "Sentence Recognition in Modern Iranian Linguistics," emphasizes that "the means of connecting words in the indirect object, with the help of which this type of object is constructed, are listed (in Persian language textbooks – S.R.), such as аз, дар, бар, андар, ба, бо, барои" [7, p.68]. This researcher shows the declension of words in eight cases (nominative, accusative, instrumental, dative, genitive/ezafe, ablative, locative, vocative) of the ancient period and provides substantial information on prepositions. According to him, "although the other six cases of Old Persian did not transition into Middle Persian, subsequently, their function was performed by auxiliary words, prepositions and postpositions, and the ezafe particle" [7, p.169].

Research on English Prepositions

Otto Jespersen is one of the greatest English grammarians who discussed the"semantics of prepositions, functions of adpositions and equivalents in other languages." He was among the first to analyze the functional equivalents of prepositions like аз - from, ба - to, бо - with, бе - without, and дар - in, at [13, p. 128].

Randolph Quirk is the author of one of the most detailed English grammars, which examines "prepositional equivalence, semantic functions, spatial vs ab-

stract meanings and cross-linguistic correspondences" [17, p.276].

In the grammatical work "The Cambridge Grammar of the English Language," authors Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullum focus on primary simple prepositions, whose Tajik equivalents are: ба → to, бо → with, аз → from, бе → without, дар → in / at, бар → over / upon / on. According to the researcher, these grammatical elements are described in terms of "syntax–semantics mapping" [12, p. 327].

Linguist Leonard Talmy analyzed the use of prepositions for expressing direction, motion, location, and abstraction. It should be noted that their Tajik equivalents are ба - to, аз - from, бар - on/over [18, p. 245].

John Lyons, in his work, clearly presents substantial detailed information on the "semantics of spatial relations," how humans perceive space, and how this perception is expressed in language through prepositions. This linguist holds the view that prepositions like in, on, at, to, from, with, without have more grammatical nuance than other prepositions. The prepositions дар (in / at), ба (to), бар (on), аз (from), and то (until / to) are analyzed within the framework of the theory of location vs. direction [15, p. 197].

Elizabeth Traugott, in her book "A History of English Syntax," explains the historical changes of prepositions (from, to, with, in, on, without, until) that have been in use from the Old English period to the present. E. Traugott notes that in Old English, prepositions were relatively fewer, simpler in form, and limited semantically. According to her, the primary source of most English prepositions is Germanic languages [19, p. 43–58]. Prepositions were closely related to noun cases. E. Traugott argues that English prepositions began as spatial forms, and with the decay of noun inflections, their function increased. This grammatical change led to an increase in compound and idiomatic prepositions, and the preposition "to" separated as an infinitive marker [19, p. 72].

Elizabeth Closs Traugott has worked on historical grammar and factors leading to syntactic change. This linguist is considered one of the primary researchers of the history of prepositions. In "A History of English Syntax" (1972), she explains in detail the basic and productive processes of prepositional change. She worked on the origin and development of prepositions observed since the Old English period. Traugott shows that in Old English, prepositions like tō, fram, mid, in, on, wið had limited spatial meanings but gradually acquired abstract meanings.

In the Old English(OE) period, the relationship between verb and noun was mostly expressed through cases. With the loss of cases, their function was transferred to prepositions. The element "to," under the influence of language's internal and mental factors, underwent grammaticalization and today serves as an infinitive marker: to go, to read, to understand [19, p. 72].

Among other linguists, Bruce Mitchell conducted research on Old English

syntax. Mitchell investigated Old English prepositions from structural and functional perspectives. He noted that Old English prepositions mostly originated from Germanic roots, including: tō (to), on (on), in (in), fram (from), mid (with, alongside), wið (against – later becoming synonymous with with) (Mitchell, B. Old English Syntax. 1985).

Richard Hogg is another linguist who has researched the history of English and Old English grammar. Hogg offers an analysis of the structure of prepositions in Old English and later in Middle English. He concludes that prepositions were relatively limited in the Old English period but acquired new meanings in the Middle English (ME) period (XII-XV).

He emphasizes that the elementfram – from is one of the first abstract prepositions: from fear, from joy. According to him, the concept of time expressed by till, until entered English from Scandinavian languages [11, p. 92].

Olga Fischer researched morphosyntactic change, analyzing the historical reasons for the emergence of prepositions from the perspective of the loss of noun cases. Her contribution in showing the decrease in "case endings – increase in the function of prepositions," the emergence of blends like in/on, to/towards, for/to is very significant [10, p. 99].

Compound and Complex Prepositions

Compound prepositions mainly appeared in the 17th–20th centuries.In English, compound prepositions are divided into two groups:

1. "Compound prepositions" – formed prepositions, consisting of one word or two roots. These prepositions often express basic spatial meaning but sometimes also have abstract and idiomatic meanings. Examples: without, within, inside, outside, underfoot, throughout, into, onto. Researchers, including Quirk and his colleagues (1985), analyzed them, proposing syntactic and semantic classification (Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman). Biber and his colleagues (1999) conducted semantic analysis, examining the difference between logical and spatial meanings (Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman.).

2. "Complex prepositions" – complex prepositions, usually consisting of two or three words. These are divided into two forms:

Preposition + Noun + Preposition, which gives abstract or idiomatic meaning. Examples: in front of, on top of, in spite of, in case of, in accordance with, with regard to, with reference to.

Preposition + Preposition, which expresses spatial meaning or a fixed relationship. Examples: from behind, from under, until after.

Quirk, Greenbaum, Leech, and Svartvik (1985) in "A Comprehensive Grammar of the English Language" performed a detailed analysis of prepositions, ex-

plaining syntactic and semantic classification.

Douglas Biber and his colleagues(1999) in "Longman Grammar of Spoken and Written English" conducted research, showing the frequency, structure, and difference in logical and spatial meanings of compound prepositions [8, p. 67].

Otto Jespersen(1924–1933) in "Modern English Grammar" was one of the first scholars to examine compound prepositions like because of, in front of, by means of [14, p. 234].

George Curme(1931) in "English Grammar" researched the origin and development of prepositions that come after nouns. He attributed prepositions like across, against, before, behind, within, without, besides to this type [9, p. 342].

Finally, "Compound prepositions" mainly have spatial meaning and are single words, but they can also have abstract or idiomatic meaning. "Complex prepositions" usually have abstract and idiomatic meaning and their structure can be P + N + P or P + P. Compound prepositions were formed under the influence of Germanic and French languages and over time acquired spatial → abstract → idiomatic meanings.

3. Conclusion

Finally, from a summary analysis of the works and articles dedicated to prepositions and their types in Tajik and English, it becomes clear that the majority of researchers hold a consensus regarding this linguistic element. Although this multifunctional auxiliary element lacks lexical meaning, it plays a significant role in expressing content.

Thus, it is evident from the examined research that English prepositions have formed from Germanic and Scandinavian roots. Many modern prepositions - from, to, in, on, with, till, until - have come from Old English to the present. In the Old English period, prepositions had limited physical/spatial meanings, and with the decay of the case system, prepositions took on more functions. In the Middle English period, prepositions acquired various grammatical and abstract meanings. In the Modern English period, some prepositions acquired polysemous features.

Библиографический список:

1. Давлатбеки Хоҷа. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна / Хоҷа Давлатбек. – Душанбе: Диловар ДМТ, 1998. 152 с.
2. Исматуллоев М. Очеркҳои грамматикӣ оид ба ҳолшарҳкунандаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Исматуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1971. 200 с.
3. Мирзоев А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А.Мирзоев. – Душанбе: Дониш, 1972. 255 с.
4. Неменова Р. Предлоги в таджикском языке / Р. Неменова. – Сталинабад, 1954. 40 с.
5. Сиёев Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик / Б.Сиёев. – Душанбе: Дониш, 1968. 167 с.
6.Халилов А. Вазифаҳои грамматикии бандаки изофӣ (-и) дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Халилов. – Душанбе: Дониш, 1969. 120 с.
7. Шарифова Ф. Таҳаввули чумлаи содаи забони тоҷикӣ / Ф. Шарифова. Қ.1. – Душанбе, 2012. 224 с.

8. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman. 1999.
9. Curme G. English Grammar. Boston: Heath, 1931.
10. Fischer O. Morphosyntactic Change. Oxford: Oxford University Press. 1992.
11. . Hogg R.M. A Grammar of Old English. Volume 1: Phonology. Oxford: Basil Blackwell. 1992.
12. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
13. Jespersen O. (1909–1949). A Modern English Grammar on Historical Principles. London: Allen & Unwin. (p. 1120–1280 as cited).
14. Jespersen O. (1924–1933). Modern English Grammar. Copenhagen: Ejnar Munksgaard.
15. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press. 1977.
16. Mitchell B. Old English Syntax. Volumes I–II. Oxford: Clarendon Press. 1985.
17. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman. 1985. 580 p.
18. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press. 2000.
19. Traugott E.C. A History of English Syntax. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1972.
20. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

Reference

1. Davlatbeks Khokha. Tashakkul va tahavvuli ilmi zabonshinosi forsu tohik dar asrҳoi miyona / Khoҷa Davlatbek. – Dushanbe: Dilovar DMT, 1998. 152 p.
2. Ismatulloev M. Essays on grammar oid ba holshar qunandaho dar zaboni adabii khozirai tok / M. Ismatulloev. – Dushanbe: Irfon, 1971. 200 p.
3. Mirzoev A. Iborakhoi feilii zamoni dar zaboni adabii khozirai tok / A. Mirzoev. – Dushanbe: Donish, 1972. 255 p.
4. Nemenova R. Prepositions in the Tajik language / R. Nemenova. – Stalinabad, 1954. 40 p.
5. Siyoev B. Essay on doir ba tarihi fe'li zaboni adabii tohik / B. Siyoev. – Dushanbe: Donish, 1968. 167 p.
6. Khalilov A. Vazifahoi grammars and bandaki isofi (-i) dar zaboni adabii khozirai tokik / A. Khalilov. – Dushanbe: Donish, 1969. 120 p.
7. Sharifova F. Tahavvuli kumlai sodayi zaboni togiki / F. Sharifova. K.1. – Dushanbe, 2012. 224 p.
8. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman. 1999.
9. Curme G. English Grammar. Boston: Heath, 1931.
10. Fischer O. Morphosyntactic Change. Oxford: Oxford University Press. 1992.
11. . Hogg R.M. A Grammar of Old English. Volume 1: Phonology. Oxford: Basil Blackwell. 1992.
12. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
13. Jespersen O. (1909–1949). A Modern English Grammar on Historical Principles. London: Allen & Unwin. (p. 1120–1280 as cited).
14. Jespersen O. (1924–1933). Modern English Grammar. Copenhagen: Ejnar Munksgaard.
15. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press. 1977.
16. Mitchell B. Old English Syntax. Volumes I–II. Oxford: Clarendon Press. 1985.
17. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman. 1985. 580 p.
18. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press. 2000.
19. Traugott E.C. A History of English Syntax. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1972.
20. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Терских Н.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка. Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск.

О происхождении топонимов США*

Аннотация. Статья исследует топонимическую лексику северо восточных штатов США. Отличительная черта местных топонимов -присутствие лексических элементов из языков коренных американцев, а также французского, немецкого, голландского и английского.

В рамках исследования проанализированы истоки топонимов пяти штатов: Нью Йорка, Пенсильвании, Нью Джерси, Делавэра и Мэриленда. Количественный анализ выявил преобладание англоязычных названий, что отражает последствия британской колонизации и последующее языковое доминирование.

Примечательно, что топонимы коренных американцев образуют устойчивый доколониальный языковой субстрат. Это выделяет регион как территорию, где доевропейская номенклатура сохраняется в современном топонимическом пространстве. Исследование подчёркивает как колониальное влияние, так и непреходящее наследие индейских топонимов в формировании региональной топонимической системы.

Ключевые слова: топонимическая лексика, северо восточные штаты США, топоним, ойконим, колонизация, английский язык, языки коренных американцев, заимствования, топонимическое пространство, доколониальный субстрат, лингвистическое наследие, количественный анализ.

Terskikh N.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the English Language Department. Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk.

About the origin of the US toponyms

Abstract. The article examines toponymic vocabulary in the northeastern U.S. states. A key feature of Northeastern toponyms is the presence of lexical elements from Native American, French, German, Dutch, and English.

The study analyzes toponym origins in five states: New-York, Pennsylvania, New Jersey, Delaware, and Maryland. Quantitative analysis reveals the predominance of English-derived names, reflecting British colonization and subsequent linguistic dominance.

Notably, Native American place names form a significant precolonial linguistic substrate.

* © Терских Н.В., 2026.

This distinguishes the region as an area where pre European nomenclature persists within the modern toponymic landscape. The research thus highlights both colonial influence and the enduring legacy of Indigenous toponyms in shaping the region's toponymic space.

Key words: toponymic vocabulary, Northeastern United States, toponym, oikonym, colonization, English language, Native American languages, borrowings, toponymic space, precolonial substrate, linguistic heritage, quantitative analysis.

Топонимика – это важнейшая междисциплинарная область знаний, находящаяся на стыке лингвистики, истории и географии. Её предмет – географические названия (топонимы), которые не просто маркируют пространство, но и хранят многослойную информацию о языке, культуре и историческом опыте общества. Изучая происхождение, эволюцию и функционирование топонимов, наука раскрывает механизмы языковой памяти, фиксирует следы этнических миграций, отражает смену культурных и политических эпох [2, С. 15-17]. Топонимия конкретной территории представляет собой своеобразный «архив» прошлого, где каждое название – свидетельство взаимодействия человека с ландшафтом, результат осмысления пространства через призму языка и традиций.

Топонимика Соединённых Штатов Америки – это яркий пример многослойной системы, сформированной последовательными волнами заселения и культурного взаимодействия.

Ономастика является одной из отраслей лингвистики. А.В. Суперанская [6, С. 43-45] сравнивает строение ономастики и топонимики с архитектурой. Все имена собственные, существующие на земле изучаются ономастикой, которая в свою очередь, подразделяется на антропонимию, зоонимию, астронимию, космонимию, теонимию и, наконец, топонимию.

В рамках этой дисциплины принято выделять два уровня классификации топонимов – макротопонимику и микротопонимику, которые различаются по масштабу обозначаемых объектов и сфере распространения названий [4, С. 10].

Макротопонимика состоит из природных или созданных человеком объектов, причем очень крупных, к ним можно отнести: Colorado, the Great Plains, Yosemite,Northern Ireland, the Scottish Highlands, Ben Nevis, the Irish Sea

Микротопонимы – это географические объекты узколокальной местности. К ним можно отнести формы рельефа возле сельского пункта - роща, поле, урочище, овраг, местный сосновый бор такие как Fair Oaks Avenue, Lakewood Boulevard, Tarzana Neighborhood, Street of Shame, the Silicon Roundabout, the Cheesegrater,Wobbly Bridge, Trembling Lady.

Многообразие топонимов обусловило существование нескольких систематизаций географических названий.

К известным классификациям можно отнести следующие: ономастическая, предложенная В. Ташицким [12, С. 120], которая предполагает вариант деления топонимов по морфологическим признакам на простые и сложные.

Существует семантическая классификация американского лингвиста Дж.Р. Стюарта [10, С. 50], основанная на мотивах номинации, то есть на причинах и принципах, по которым объект получил своё название.

Известен вариант топонимической классификации географических названий, основанный на их происхождении и смысловой мотивации, состоящий из 8 классов топонимов, предложенный Г.Л. Менкеном. [9, С. 30].

Но наиболее оптимальным и удачным принципом деления топонимов, на наш взгляд, можно считать классификацию, основанную на типе географического объекта, которому присвоено название, и отражает его природно-географические или антропогенные характеристики. Вышеупомянутая классификация не связана с конкретным автором – это распространённая в топонимике система категоризации.

Наиболее распространенной тип топонимов - оронимы, обозначающие названия форм рельефа: горы, равнины, впадины, пещеры, овраги и другит геоморфологические объекты, например, the Pennines, Scafell Pike, the Chiltern Hills, Grand Teton, the Sandia Mountains.

Под гидронимами понимают различные водные объекты, имеющие высокую лингво-историческую ценность. Гидронимы помогают ученым проследить этнические и миграционные процессы на прилегающей территории, выявить контакты и системные связи между различными этносами, воссоздать этнолингвистическое прошлое, представить этнокультурный фон. Примеры гидронимов: the Mediterranean Sea, the Panama Canal,the Niagara Falls.

Существуют следующие разновидности гидронимов: пелагонимы, отображающие названия морей (the North Sea, the Irish Sea); лимнонимы – обозначающие названия озер, прудов (Lake Elisabeth, Laguna Canyon); потамонимы, отображающие названия рек (Stinkingwater Creek, Spring River).

Населенные пункты также собраны в отдельную группу, включающую в себя названия населенных пунктов - ойконимов. К ойконимам относятся только деревни и города, например, Hay-on-Wye, Sedona, Athens.

В рамках настоящего исследования проведён анализ происхождения топонимических терминов на территории Северо-Востока Соединённых Штатов Америки.

Издавна территорию современных Соединённых Штатов Америки населяли индейские племена. Но 1492 год ознаменовал новую эпоху в исто-

рии человечества, когда геополитическая ситуация в регионе претерпела значительные изменения. Исходя из этого изучение американской топонимики делится два этапа: первый - от начала освоения Америки до обретения независимости США (начале XVII века – 1776 год), второй начался с появления США как независимого государства в 1783 году и продолжается до сих пор [3, С. 67-69].

Топонимия Северо-Востока США формировалась под влиянием нескольких исторических, культурных и языковых факторов, связанных с колонизацией, миграцией и взаимодействием разных народов. Этот регион отличается полиструктурностью топонимического ландшафта, где переплетаются индейские, голландские, английские и другие языковые пласты.

До прихода европейцев территория Северо-Востока была населена индейскими племенами (алгонкины, ирокезы, делавары, могикане и другие.), что оставило значительный след в топонимии, особенно в гидронимии (названиях рек, озёр). Индейские топонимы часто связаны с природой, культурой и образом жизни коренных народов. Примеры: Река Гудзон на языке могикан именовалась Muh-he-kun-ne-tuk, название водохранилища Ашокан на языке ирокезов означает «рыбное место». Озеро Эри получило название от этнонима племени ирокезской семьи, которое означало «кошка» (тотем этого племени).

В XVII веке Северо-Восток США находилась под контролем Голландии, что привело к формированию специфического топонимического слоя с характерными формантами. Например: формант (-kill (от голл. kil - «русло реки») сохранился в названиях водных объектов и населённых пунктов: Fishkill, Peekskill, Catskill Creek. Формант -hook (от голл. hoek - «угол, сторона») встречается в названиях, связанных с изгибами рек или рельефа: Kinderhook, Sandy Hook, Red Hook. Формант clove (от голл. kloor - «расселина, ущелье, пропасть») распространился в виде «скалистый утёс, ущелье»: Stony Clove, Clove Valley, Kaaterskill Clove [5].

После перехода территорий под контроль Англии в середине XVII века начался процесс англизации топонимии. Появились новые типы названий. Коммеморативные названия (в честь выдающихся деятелей). Например, Олбани – в честь Якова II, носившего титул герцога Олбани. Названия-переносы (в честь уже существующих объектов в Европе), например, Нью-Рошелл – от города во Франции, Сиракьюс – от города на Сицилии. Притяжательные отантропонимические ойконимы, например, Рочестер - от имени полковника Н. Рочестера, Пикскилл – от фамилии поселенца Яна Пика и голландского форманта «килл». Описательные названия, например, Буффало - от изменённой французской фразы beau fleuve («красивая река»).

Также в топонимии северо-востока США появились английские элементы, отражающие специфику заселения региона, например, manor (маноры – поместья с феодальными правами) и patent (земельное пожалование) в названиях вроде Manorkill, Pelham Manor, Holland Paten [8].

Миграционные процессы сопровождались практикой топонимического переноса названия населённых пунктов, гидронимов и других объектов на новых территориях. Это породило ономастическую омонимию - совпадение плана выражения топонимов в британской и американской системах при различии их денотативного и культурного контекста [5].

Таким образом, формирование топонимики Северо-Востока США – это результат сложного взаимодействия индейских, голландских, английских и других языковых и культурных традиций, отражающий историю освоения региона и его многонациональное население.

Для анализа происхождения топонимов Северо-Востока США мы исследовали 40 языковых единиц, топонимов различного ранга, чтобы выявить источники топонимов в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Мэриленд, Делавэр.

Нью-Йорк – один из крупнейших штатов по численности населения, названный в честь Якова II, герцога Йоркского, что, конечно, говорит об англоязычном происхождении штата. Один из самых крупных городов штата является Нью-Йорк (New-York) изначально назывался Новый Амстердам, имел голландские корни. Захватив это поселение, англичане переименовали его, сейчас это центр восточного побережья США. Крупнейшая река штата Гудзон (Hudson) была исследована Генри Гудзоном ещё в XVII веке. Берега штата Нью-Йорк омываются озером Онтарио (Lake Ontario) – одним из великих озер, название которого связано с индейским племенем, и дословно означает «прекрасное озеро». Наивысшей точкой штата является гора Марси (Mount Marsi), названная по имени губернатора У. Марси, также имеет англоязычную основу [11, С. 125-127].

Тенденция присваивать названия географическим объектам по именам общественных деятелей, политиков, известная во всем мире. Например, Пенсильвания – следующий северовосточный штат США, названа так из уважения к одному из основоположников будущего государства США -Уильяму Пенну, который прибыл сюда по поручению английского короля в 1682 году. Пенсильвания (Pennsylvania) дословно означает «лесная страна Пенна». Крупнейшая река штата – Делавэр (Delaware) названа в честь англичанина, являвшимся исследователем этих земель. Филадельфия является крупнейшим городом этого штата, название населенного пункта исходит от темы библейского сюжета и повествует о сплоченности первых поселенцев, которая помогла им пережить тяготы, на греческом языке (Philadelphia) название города означает «братолюбие». Встречаются на тер-

ритории штата и немецкоязычные города – Питтсбург (Pittsburgh), Гаррисберг (Harrisburg). Территория Пенсильвании примыкает к озеру Эри, которое получило свое название в честь одного из индейских племен. Наивысшей точкой штата является гора Маунт-Дэвис (Mount-Davis) – по всем критериям она произошла из английского языка [7, С. 230-234].

Центром штата Нью-Джерси является город Трентон (Trenton), первоначально он назывался Трент-Таун (Trent-town), но со временем название упростилось. Сам штат (New Jersey) назван в честь острова Джерси, расположенного в проливе Ла-Манш, оттуда прибыла основная часть первых переселенцев. Крупнейшей рекой штата Нью-Джерси является Раритан (Raritan River), название которой имеет индейские происхождение, впрочем, как и крупнейшее озеро-Хопатконг (Lake Hopatkong). Самая крупная вершина штата-гора Хай-Пойнт (High Point) с английского переводится как «высшая точка» [1, С. 211-213].

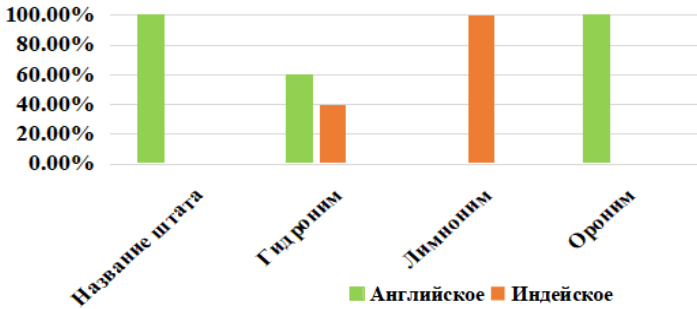
Делавэр – название этого штата произошло от имени английского капитана де ла Варра, который исследовал эти места. Помимо гидронима, с таким же названием, берега штата омывается одноименным заливом Делавэр (Delaware). Высочайшая вершина штата – Эбрайт Азимут (Ebright Azimuth), имеет английское происхождение. Что касается лимнологии штата, то Ламс Под (Lums Pond) это крупнейшее озеро в Делавэре имеет индейское происхождение. Столица штата – город Довер (Dover) имеет схожее название с английским городом Дувр, что снова указывает на след, оставленный в этой области английскими переселенцами.

Мэриленд (Maryland) – штат, имеющий англоязычное название, назван так по имени английской королевы Марии. Наибольшее значение для штата имеет Чесапикский залив (Chesapeake bay), который именуется так по располагающемуся здесь селению. Одним из самых известных гидронимов северо-востока США является река Потомак (Potomac), она имеет индейское происхождение, означает «место торговли». Наивысшая точка штата Мэриленд -гора Хой-Крест (Hoye Crest). Ойкономия Мэриленда представляет собой сочетание различных и необычных названий, некоторые из которых распространены по всему миру. Крупнейший город – Балтимор (Baltimore), назван в честь одного из английских лордов, первого правителя колонии Мэриленд [7, С. 170-172].

Представленные штаты являются центром распространения английского языка на континенте, так как эти территории уже с XVII века были частью английских колониальных владений.

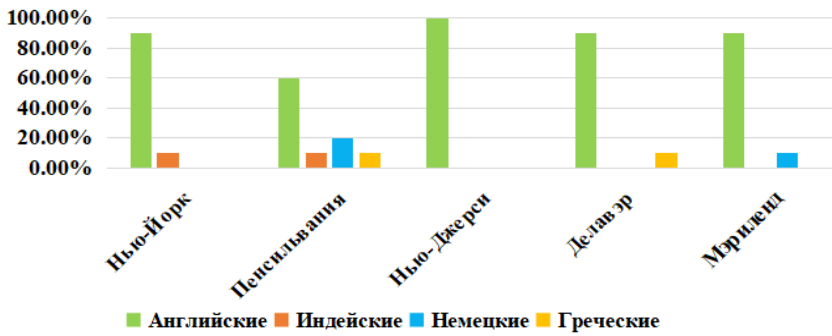
Судя по рисунку 1, в представленных штатах не наблюдается лингвистического разнообразия происхождения названий основных природных объектов, они представлены лишь английским и местными индейскими языками. Причем, только в названиях рек мы видим разнообразие, так как

Рис. 1. Происхождение основных топонимов штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд.



Источник: Составлено автором на основании [7, 8, 9].

Рис. 2. Происхождение основных ойконимов штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд.



Источник: Составлено автором на основании [1, 7, 11].

имеются гидронимы и англоязычного, и индейского происхождения. В наименованиях оронимов и лимнонимов пяти Северо-Восточных штатов наблюдается интересная конфигурация: в одном случае распространены лишь английские названия – 100 % оронимов, а в случае с названием озер присутствуют только индейские наименования 100%.

Всем известно, что наиболее выгодным местом для заселения новых земель и закрепления на них является речная долина, чаще всего устье реки. Именно поэтому основная часть гидронимов (60 %) в Нью-Йорке, Пенсильвании, Нью-Джерси, Делавэре и Мэриленде имеют англоязычную основу, так как английские мигранты селились по берегам рек, что сходится с фактом преобладания английских переселенцев на данной территории. Тем не менее, данные лимнологии свидетельствуют о сохранении индей-

скими племенами самостоятельности во внутренних районах территории этих штатов. Европейцы достигли этих регионов уже позже, к тому же многие индейские названия стали со временем для них привычны, что повлияло на самобытность.

Для визуализации результатов анализа топонимической преемственности в среднеатлантических штатах на рис. 2 сопоставлены источники происхождения основных ойконимов Нью-Йорка, Пенсильвании, Нью-Джерси, Делавэра и Мэриленда.

Как следует из гистограммы, названия городов в Нью-Йорке, Пенсильвании, Нью-Джерси, Делавэре, Мэриленде имеют в основном английское происхождение. Но, поскольку люди из других стран также селились на этой земле, здесь имеются и греческие названия - 4 % от названий всех городов, а также немецкие – 6 % и, уже традиционные, индейские наименования, около 4 %.

Как свидетельствует анализ гистограммы, в топонимической системе городов штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр и Мэриленд доминируют топонимы английского происхождения, что отражает ведущую роль британской колонизации в формировании региональной топонимии. Вместе с тем многоэтничный характер заселения региона обусловил присутствие иноязычных пластов, статистически значимых хотя и не преобладающих: греческий пласт составляет 4 % от общего корпуса городских топонимов; немецкий-около 6 %, что коррелирует с масштабной миграцией немецких поселенцев в колониальный и раннефедеральный периоды; индейский пласт - около 4 %, представляющий доколониальный топонимический слой, частично сохранённый и адаптированный в городской номенклатуре.

Если остановиться на характеристике каждого штата в отдельности, то самым «интернациональным» штатом из всех 5 представленных можно считать Пенсильванию, в которой 40 % городов имеют иноязычные названия. Напротив, Нью-Джерси - штат, в котором наиболее распространена англоязычная ойконимика, уровень которой составляет 100%. В других 3 штатах (Нью-Йорк, Делавэр и Мерилэнд) английский язык является преобладающим (90% всех значительных ойконимов). Таким образом, лишь 10 % городов в представленных областях имеют происхождение из других языков.

США являлись одной из немногих стран, где топонимика формировалась под влиянием сразу нескольких европейских языков и культур из старого света. Борьба за колонии и ресурсы этой территории тесно сопряжена с противостоянием не только между самими колонизаторами, но и с местным населением, уже сотни лет проживавшим на этой земле.

После анализа примеров происхождения ключевых топонимов необходимо систематизировать эти данные, что позволит оценить вклад каждой

культуры в формирование топонимики Севера -Востока США.

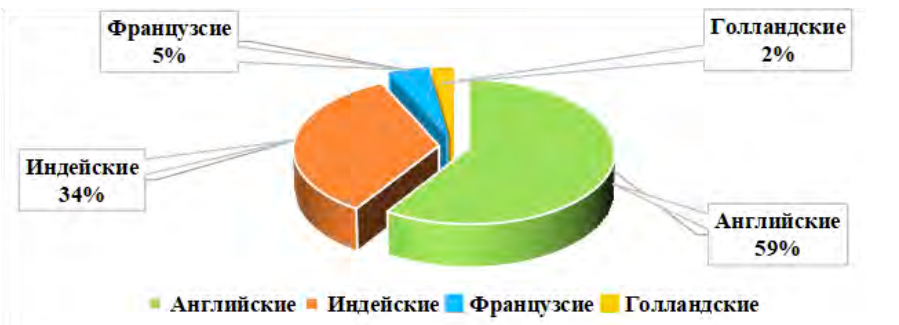
Для выявления языковых пластов в региональной топонимии на рис.3 представлено соотношение источников происхождения ключевых топонимов Северо-Востока США.

Согласно статистическому анализу топонимии Северо-Востока США распределение основных этнолингвистических пластов выглядит следующим образом: английские названия составляют абсолютное большинство-59%. Второй по значимости слой - индейские топонимы (34%), что отражает глубокую историческую связь с коренным населением. Наследие других колониальных держав более скромное: французские названия представляют 5%, голландские лишь 2% от общего массива.

Таким образом, проведенный количественный анализ позволяет сделать вывод о структуре топонимического пространства Северо -Востока США. Рис 3 фиксирует доминирование английских названий, что является прямым следствием британской колониализации и последующей культурно-языковой гегемонии. Однако, особенностью региона выступает удельный вес индейских топонимов, что формирует данный регион как зону устойчивого доколониального субстрата.

Следовательно, топонимика Северо Востока США представляет собой сложный историко лингвистический феномен, отражающий многоэтапный процесс освоения региона. Многослойность топонимической системы от индейских гидронимов до английских ойконимов демонстрирует последовательную смену культурных и языковых доминант. В каждом названии отражены особенности разных народов, специфика хозяйственной деятельности, мировоззренческие установки и стратегии номинации переселенцев. Топонимическая система Северо Востока США служит уникаль-

Рис. 3. Соотношение происхождения основных топонимов Северо-Востока США.



Источник: Составлено автором на основании [5, 8, 9].

ным свидетельством формирования североамериканского культурного ландшафта в его языковой, исторической и социальной многогранности.

Библиографический список:

1. Азимов А. Слова на карте. Географические названия и их смысл / А. Азимов. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2008. С. 211-213.
2. Басик С.Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета / С.Н. Басик. – Минск: БГУ, 2008. С. 15-17.
3. Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики / В.Д. Беленькая. – М.: Высшая школа, 1977. С. 67-69.
4. Дамбе В.Ф. Исследования по вопросам топонимики Латвийской ССР [Текст]: Доклад на соискание учёной степени кандидата филол. наук / Акад. наук Латв. ССР. Ин-т языка и литературы. – Рига: [б. и.], 1970. С. 10.
5.Сидорова Л.А. Специфика топонимической лексики Соединённых Штатов Америки / Л.А. Сидорова, Е.Н. Засецкова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2017. № 1 (93). С. 68-75. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-toponimicheskoy-leksiki-soedinennyh-shtatov-ameriki (Дата обращения: 15.12.2025).
6. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 2010. С. 43-45.
7. Томахин Г.Д. Америка через американизмы / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 2009. С. 230, 231, 232, 233,234, 170,171,172
8. Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация: монография / А.В. Уразметова. – 2-е изд., стереотипное. – Москва: ФЛИНТА, 2018. 188 с. // URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=377454 (Дата обращения: 10.12.2025).
9. Mencken H.L. The American Language / H.L. Mencken; edited by A.A. Knopf. – New-York: Alfred A. Knopf, 1980. P. 30.
10. Stewart G.R. Classification of Place Names // Names. – 1954. P. 50.
11. SchapiroJelly J. Names of New-York: Discovering the City's Past, Present, and Future Through Its Place Names / J. Jelly Schapiro. – New-York: Pantheon Books, 2Desktop\n. 2021. P. 165-167.
12. Taszycki W. Das christliche Element in den polnischen Ortsnamen / W. Taszycki // Collectanea theologica. 1937. Vol. XVIII. P.120
13. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Reference

1. Azimov A. Words on the map. Geographical names and their meaning / A. Azimov. – M.: ZAO «Tsentrpoligraf», 2008. P. 211-213.
2. Basik S.N. General toponymy: a textbook for students of the Faculty of Geography / S.N. Basik. – Minsk: BSU, 2008. P. 15-17.
3. Belenkaya V.D. Essays on English-language toponymy / V.D. Belenkaya. – M.: Vysshaya shkola, 1977. P. 67-69.
4. Dambe V.F. Research on the issues of toponymy of the Latvian SSR [Text]: Report for the degree of Candidate of Philological Sciences / Academy of Sciences of the Latvian SSR. Institute of Language and Literature. – Riga: [former] and], 1970. P. 10.
5. Sidorova L.A. Specifics of the toponymic vocabulary of the United States of America / L.A. Sidorova, E.N. Zasetskova // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2017. № 1 (93). P. 68-75. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-toponimicheskoy-leksiki-soedinennyh-shtatov-ameriki (15.12.2025).
6. Superanskaya A.V. What is toponymy? / A.V. Superanskaya. – M.: Science, 2010. P. 43-45.
7. Tomakhin G.D. America through Americanisms / G.D. Tomakhin. – M.: Vysshaya shkola, 2009. P. 230, 231, 232, 233,234, 170,171,172
8. Urazmetova A.V. Toponymic system of the USA: primary and secondary nomination: monograph / A.V. Urazmetova. - 2nd ed., stereotypical. - Moscow: FLINTA, 2018. 188 p. // URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=377454 (12.10.2025).
9. Mencken H.L. The American Language / H.L. Mencken; edited by A.A. Knopf. – New-York: Alfred A. Knopf, 1980. P. 30.
10. Stewart G.R. Classification of Place Names // Names. – 1954. P. 50.
11. SchapiroJelly J. Names of New-York: Discovering the City's Past, Present, and Future Through Its Place Names / J. Jelly Schapiro. – New-York: Pantheon Books, 2Desktop\n. 2021. P. 165-167.
12. Taszycki W. Das christliche Element in den polnischen Ortsnamen / W. Taszycki // Collectanea theologica. 1937. Vol. XVIII. P.120
13. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Аминджанова Р.Х.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Худжандского политехнического института Таджикского технического Университета имени академика М.С. Осими, г. Худжанд, Республика Таджикистана.

Семантико-морфологический анализ таджикского простого глагола “шудан/shudan” в образовании сложных глаголов и его английских эквивалентов*

Аннотация. В данной статье рассматривается семантико-морфологический анализ простого таджикского глагола *шудан (shudan)* – «становиться» – в его функции вспомогательного глагола в сложных глагольных образованиях. Используя корпус основополагающей работы Садриддина Айни «Воспоминания», исследование систематически изучает семантический и грамматический вклад *шудана* в составной предикат. Основное внимание уделяется роли глагола в выражении ингрессивных (инхоативных), трансформативных и результативных значений, тем самым формируя аналитические каузативы и пассивные конструкции. Контрастивный анализ выявляет и классифицирует английские переводные эквиваленты для этих конструкций, раскрывая закономерности, варьирующиеся от простых глагольных фраз («began to...», «was...ed») до сложных перифрастических и лексикализованных форм. Результаты показывают, что *шудан* – это многозначный и грамматически универсальный вспомогательный глагол, занимающий центральное место в таджикской глагольной морфологии, функции которого распределены по множеству лексических и синтаксических структур в английском языке.

Ключевые слова: таджикский язык, составной глагол, вспомогательный глагол *шудан*, семантико-морфологический анализ, ингрессивный аспект, трансформативный аспект, каузативный аспект, пассивный залог, контрастивная лингвистика, Садриддин Айни, «Воспоминания».

Aminjonova R.H.

Candidate of Science in Philology, senior lecturer of Foreign Languages Department, Khujand Polytechnic Institute of Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi, Khujand, Republic of Tajikistan.

* © Аминджанова Р.Х., 2026.

Semantico-morphological analysis of the TAJIK simple verb "шудан/shudan" in composite verb formation and its English equivalents

Abstract. The given article dwells on the semantico-morphological analysis of the Tajik simple verb *шудан* – "to become" – in its function as an auxiliary within compound verb formations. Using the corpus of Sadriddin Aini's foundational work "Reminiscences", the study systematically investigates the semantic and grammatical contribution of *шудан* to the composite predicate. The primary focus is on the verb's role in expressing ingressive (inchoative), transformative, and resultative meanings, thereby forming analytical causatives and passives. A contrastive analysis identifies and categorizes the English translational equivalents for these constructions, revealing patterns ranging from simple verbal phrases ("began to...", "was...ed") to complex periphrastic and lexicalized forms. The results demonstrate that *шудан* is a highly polysemous and grammatically versatile auxiliary central to Tajik verbal morphology, whose functions are distributed across multiple lexical and syntactic structures in English.

Key words: Tajik language, compound verb, auxiliary *шудан*, semantico-morphological analysis, ingressive aspect, transformative aspect, causative, passive voice, contrastive linguistics, Sadriddin Aini, "Reminiscences".

1. Introduction

1.1. Relevance of the Topic. The Tajik language (a variety of Persian) possesses a rich system of compound verbs, where a nominal, adjectival, or verbal element combines with a semantically light verb (also called a vector or auxiliary verb) to form a single predicative unit. Among these light verbs, *шудан* – the infinitive meaning "to become" – holds a position of exceptional productivity and semantic complexity. It transcends its basic lexical meaning to act as a core grammatical operator, expressing ingression (the onset of a state or action), transformation, resultativity, and serving as a marker of the analytical passive and causative. A deep, contextual analysis of its functions within literary texts is essential for theoretical linguistics (describing Tajik grammar), applied linguistics (improving translation methodology and language teaching), and typology (contrasting Indo-European language structures) [2; 8; 9; 13].

1.2. State of Research. Tajik and Persian compound verbs have been studied by both domestic and foreign linguists [3; 4; 5; 6; 7; 16; 17]. The verb *шудан* is often mentioned in grammars as a component of the passive voice and certain aspectual constructions. However, a focused, corpus-based semantico-morphological analysis of *шудан* in a defined literary corpus, paired with a systematic investigation of its English translation equivalents, remains an underdeveloped area. Most studies treat its functions in isolation rather than as a coherent, polysemous system.

1.3. Purpose and Objectives. The purpose of this article is to conduct a de-

tailed semantico-morphological analysis of the verb *шудан* in composite verb formations based on the material from S. Aini's "Reminiscences" and to establish a typology of its English equivalents.

2. Research Methods

2.1. Corpus Description. The analyzed corpus comprises approximately 200 contextual examples of the verb *шудан* in its auxiliary function, extracted from the first volume of "Reminiscences" [1]. The examples include simple and contextual translations into English [11].

2.2. Analytical Framework. Each example is analyzed according to a unified scheme:

Original Tajik Sentence: With a focus on the compound verb;

Literal Gloss: Word-for-word translation;

Morphological Analysis: Parsing of the *шудан* form (tense, person, number) and the status of the first component (part of speech, possible inflection);

Semantic Function: Classification of *шудан*'s role (e.g., ingressive with adjective, passive with past participle);

Published English Translation: The equivalent from an authoritative translation;

Translation Analysis: Classification of the English strategy (phrasal verb, periphrastic construction, simple verb, etc.);

Comparative Commentary: Notes on semantic shifts or gains/losses in translation.

3. Results and Discussion

3.1. Morphological and Syntactic Patterns of Composite Verbs with *Шудан*

The verb *шудан* exhibits remarkable morphological flexibility, serving as a grammatical pivot that binds various non-verbal elements into a unified predicate. The analysis of the corpus from Aini's "Reminiscences" reveals three dominant structural patterns, each with distinct syntactic behaviors and semantic implications.

Pattern 1: Adjectival/Stative Predicate + *Шудан* (Ingressive-Transformative Core)

This is the most prolific pattern, where *шудан* attaches to an adjective (or an adjectival phrase) to signal the subject's entry into a new state. The adjective can be a simple quality, a participle, or a complex descriptive phrase.

Structure: [Subject] + [Adjective (Nominal Predicate)] + [Conjugated Шудан]

Example: «Вале ин корҳои бемуруву беҳадди нотавон манро хаста ва ночор мекард» [1, p. 121] - **Literal Gloss:** "But these works endless and limitless powerless me tired and helpless IMPF-made" - **Translation Equivalent:** "But these endless, immeasurable tasks left me weary and helpless" [11, p. 110].

Here, хаста (tired) and ночор (helpless) function as adjectival predicates

linked to the subject ман (me) via the causative construction мекард. However, the same adjectives frequently combine directly with *шуд* to form an ingressive: *хаста шуд* (became tired). The English translation employs a causative lexical verb ("left") with stative adjectives ("weary," "helpless"), demonstrating a shift from a Tajik potential ingressive compound *(хаста мешуд)* to an English causative-resultative structure. Morphologically, the adjective remains invariant; the entire grammatical load of tense, person, and aspect is carried by *шудан.*

Pattern 2: Nominal Predicate + *Шудан* (Transformative-Identificational)

In this pattern, *шудан* couples with a noun or nominal phrase to denote a transformation of the subject's identity, status, or essential quality. This often implies a definitive or socially recognized change.

Structure: [Subject] + [Noun (in Nominative/Non-Marked Case)] + [Conjugated Шудан]

Example: «Чун ба синни таҳсил расидам, манро ба мактаби деҳа гузаронида, *талаба шудам*» [1, p. 67] - **Literal Gloss:** "When to age of study I-reached, me to school village they-transferred, student became-I" - **Translation Equivalent:** "When I reached school age, I was sent to the village school and became a pupil" [11, p. 58].

The noun талаба (pupil) combined with *шудам* indicates a change in social role. English uses the cognate verb "became," providing a direct equivalent. However, Tajik's zero-copula present tense (ман талабам – "I am a pupil") contrasts with the explicit *шудан* for past tense transformation, highlighting *шудан*'s role as a carrier of past tense in nominal predicates. The transformation is often non-volitional, as seen here ("was sent... became").

Pattern 3: Past Participle + *Шудан* (Resultative-Stative Passive)

This pattern is the primary means of forming the analytical passive voice in Tajik, heavily emphasizing the state resulting from a prior action rather than the action itself (perfect passive).

Structure: [Patient Subject] + [Past Participle (-га/-а)] + [Conjugated Шудан]

Example: «Баъзе аз ин китобҳо чанд маротиба *хонда шуда,* парча-парча гаштанд» [1, p. 24] - **Literal Gloss:** "Some of these books several-several times read become, tattered became" - **Translation Equivalent:** "Some of these books, having been read and re-read, fell to pieces" [11, p. 19].

The participle хонда (read) + *шуда* forms a perfect passive participle phrase *хонда шуда* (having been read). English mirrors this perfectly with the perfect passive participle "having been read." The Tajik construction is inherently resultative: the state of "having been read multiple times" directly causes the next clause (парча-парча гаштанд – "became tattered"). This exemplifies how the PP + *шудан* construction is not a dynamic event-oriented passive but a stative description of a condition, a nuance often lost if translated as a simple preterite passive ("were read").

3.2. Semantic-Functional Spectrum of *Шудан:* A Typology

The verb *шудан* operates on a semantic continuum. The following typology, illustrated with corpus examples, delineates its core functions.

3.2.1. Pure Ingressive (Inchoative): Marks the inception of a state or internal process. The subject's prior state is implicitly different.

Example: «Дили ман аз ин суханҳо ранҷу *ғамгин шуд*» [1, p. 98] - Literal: "Heart my from these words sorrowful and sad became" - **English Equivalent:** "My heart grew sorrowful and sad at these words."

Ғамгин шуд is a classic ingressive. English prefers the inchoative verb "grew," which, like *шудан,* implies a process of change. Alternatives like "became" are also direct equivalents. The Tajik structure is more economical, encoding the inchoative meaning in a single grammaticalized verb, whereas English has a small set of competing inchoative verbs (grow, turn, become, get).

3.2.2. Transformative (Mutative): Indicates a complete or qualitative change in the subject's nature, identity, or composition. The endpoint is a new, distinct state.

Example: «Мактаби нав... дар хотири ман маъбади *бузурге шуд,* ки...» [1, p. 71]. - **Literal:** "School new... in imagination my temple great became, that..." - **English Equivalent:** "The new school... was transformed in my imagination into a great temple where..." (Contextual translation)

The transformation of мактаб (school) into маъбад (temple) is metaphorical and absolute. The English translation uses the periphrastic passive "was transformed into," which is more explicit about the metaphorical process than the simple Tajik *шуд*. A simpler translation, "became a great temple," would be closer syntactically but might lose the active sense of mental transformation conveyed by дар хотири ман (in my imagination). This highlights how context can push a simple transformative *шуд* towards a more nuanced English phrasal equivalent.

3.2.3. Resultative-Stative Passive: The core passive voice construction, focusing on the state of the patient-subject post-action.

Example: «Ҳамаи ин саволҳо *ҷавоб дода шуда* буданд» [1, p. 132] - **Literal:** "All these questions answered become were" - **English Equivalent:** "All these questions had been answered".

*Ҷавоб дода шуда будан*д is a pluperfect passive, a fusion of perfect aspect (resultant state) and past tense. English uses the pluperfect passive "had been answered," providing a precise morphological counterpart. The systemic difference lies in frequency: Tajik uses this PP + *шудан* construction for most passive meanings, while English alternates between the dynamic "be"-passive and the more resultative "get"-passive or even active constructions to avoid passive voice.

3.2.4. Modal-Phasal (Achievement/Realization): In fixed combinations, often with intransitive verbal nouns or adjectives, *шудан* denotes the successful realization or completion of an action, acquiring a modal shade of possibility or finality.

Example: «Аз он замон ба бачагони маҳаллӣ *ҳамроҳ шуда,* бозӣ мекардам» [1, p. 55] - **Literal:** "From that time to children local joined became, play I-did" - **English Equivalent:** "From that time on, I joined the local children in their games."

Ҳамроҳ шудан is a lexicalized compound verb meaning "to join, to accompany". Here, *шуд* has lost its pure ingressive meaning and acts as a vector forming an intransitive verb of association. English uses the simple transitive verb "joined." This demonstrates a key contrast: many Tajik compound verbs with *шудан (ҳамроҳ шудан, оғоз шудан, тамом шудан)* correspond to simple, often Latinate, verbs in English ("join," "begin," "finish"). The analytical morphology of Tajik is mirrored by synthetic simplicity in English.

3.3. Contrastive Analysis: A Deep Dive into Typological Mismatches

The translation of *шудан*-constructions into English reveals profound typological and cognitive differences between the two languages.

1. Aspect-Prominent vs. Tense-Prominent Orientation:

Tajik, through *шудан,* is inherently aspectual in these constructions. *Хурӯш шуд* is not merely "clamored" (past tense) but "became clamorous" (ingressive aspect). English translations must often supplement tense with explicit aspectual markers. For example, an ingressive *шуд* may require "began to," "started to," "grew," or "became" to convey the aspectual nuance that is inherent in the Tajik auxiliary.

2. The Locus of Semantic Weight:

In Tajik composite verbs,semantic weight is distributed. The first element (noun/adj.) provides the lexical core, while *шудан* provides the grammatical frame (aspect/voice). In English, this weight is frequently recentered into a single, often more specific, lexical verb.

Қабул шуд (acceptance became) = "was accepted" (lexical passive verb).

Оғоз шуд (beginning became) = "began" (simple inchoative verb).

Хафа шуд (angry became) = "grew angry" (inchoative phrase).

3. The Passivity Gradient:

The Tajik passive with *шудан* is inherently resultative and stative. It describes a condition. The English "be"-passive can be either dynamic (focusing on the action: "The letter was written yesterday") or stative (focusing on the state: "The letter is written in ink"). To convey the strong resultative force of the Tajik *навишта шудааст,* English might prefer a present perfect ("has been written") or even an adjective ("is written"). Furthermore, English often employs active-voice, patient-fronted constructions to avoid the formal passive, a strategy less available in Tajik for expressing the same semantic role of the subject [14; 15].

4. Grammaticalization Pathways:

Шудан has grammaticalized further along the path from a full verb ("become") to a passive and inchoative auxiliary than its English counterpart "become." While "become" is used ("become known," "became destroyed"), it com-

petes with “get” (get broken, get hired) and “be” for passives, and with “grow,” “turn,” “go” for inchoatives. The Tajik system is more centralized and obligatory.

5. Translation Strategies: A Taxonomy

Based on the corpus, English equivalents for *шудан*-compounds fall into distinct categories:

Direct Inchoative Equivalent: “become” / “grow” + Adj. (*хурӯш шуд* - “became clamorous”).

Phrasal Inchoative: “begin to” / “start to” / “fall” + Verb/Adj. (*гиря шуд* - “began to cry”).

Simple Lexical Verb: Replaces the entire compound (*омухта шуд* - “studied”; *оғоз шуд* - “began”).

Be-Passive: For resultative-stative constructions (*гуфта шуд* - “was said”).

Get-Passive/Inchoative: For colloquial or dynamic-resultative meanings (*вайрон шуд* - “got destroyed”).

Adjectival Predicate: Using a stative adjective, omitting the “become” sense if context allows (*хушҳол шуд* - “was happy/delighted”).

Impersonal Construction: For existential-impersonal uses (*маълум шуд* - “it turned out”).

4. Conclusion

Thus, the verb *шудан* is far more than a mere copula or auxiliary; it is the semantic-syntactic keystone of a vast edifice of predicate formation in Tajik. Its morphological versatility enables the expression of a nuanced aspectual landscape– ingression, transformation, resultative state– through a regular, analytical pattern. The contrast with English reveals a fundamental dichotomy: Tajik’s reliance on a grammaticalized, universal operator of change versus English’s preference for a diverse lexicon of specific verbs and phrasal combinations to express similar semantic fields. This divergence presents both a challenge for translation– requiring careful diagnostic unpacking of each *шудан* instance– and a fascinating window into how different languages conceptualize and grammaticalize states, changes of state, and the relationship between an action and its resultant condition. Aini’s prose, with its rich depiction of personal and social transformation, provides the perfect corpus to explore this verb, which is, in essence, the linguistic embodiment of change itself.

Библиографический список:

1. Айни С. Ёддоштҳо. – Душанбе: Ирфон, 1987. Ҷилди 1-4.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1986. 372 с.
3. Каримов, С. Системаи феълӣ дар забони тоҷикӣ (дар асоси маводи «Ёддоштҳо»-и С. Айни): Дис. … докт. филол. илм. – Душанбе, 2010. 322 с.
4. Лазард, Ж. Грамматика современного персидского языка (таджикская ветвь) / Пер. с франц. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 207 с.
5. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2021. 1016 с.
6. Перри Дж. Р. A Grammar of Contemporary Tajik // Journal of the American Oriental Society. (Рецензия на

кн.: Раҳими, К., Перри, Дж. Р. Таджикский язык: Описательная грамматика. – Душанбе, 2000). 2005. Vol. 125. № 3. P. 442-445.
7. Расторгуева, В.С. Краткий грамматический очерк таджикского языка // Таджикско-русский словарь / Под ред. М.В. Рахими, Л.В. Успенской. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. С. 1091-1157.
8. Саймиддинов Д. Вожашиносии забони форсии миёна. – Душанбе, 2001. 310 с.
9. Сопоставительный анализ морфологических особенностей и словообразительного потенциала префикса наречия нов таджикском языке и его эквивалентов в английском языке / М.Н. Ахмедова, Б.П. Ашрапов, А.Ю. Гиниятуллина, Д.Б. Гарифуллина // Казанская наука. 2025. № 2. С. 408-411.
10. Ҳумоюнфаррух А. Дастури ҷомеи забони форсӣ. Чопи севум. – Теҳрон, 1364. 1096 с.
11. Aini S. The Sands of Oxus: Boyhood Reminiscences / Transl. by G.L. Penrose, S.A. Ibrohim. – Costa Mesa: Mazda Publishers, 1998. 240 p.
12. Alsina A., Bresnan J., Sells P. Complex Predicates. – Stanford: CSLI Publications, 2015. 320 p.
13. Ashrapov B.P. A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition on and Its Equivalents in Tajik and Chinese / B. P. Ashrapov // Stephanos. 2025. № 3 (71). P. 24-33. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33.
14. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
15. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B.P. Ashrapov, M.A. Ashrapova // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 79-86. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86.
16. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2025. № 3. P. 153-159.
17. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.

Reference

1. Aini S. Yoddoshto. – Dushanbe: Irfon, 1987. hildi 1-4.
2. Grammar and zaboni adabii gozirai toqik. – Dushanbe: Donish, 1986. 372 p.
3. Karimov, S. System and fe'li dar zaboni tokiki (dar asosi mavodi "Yoddoshto" - and S. Aini): Dis. ... doc. Philol. illm. – Dushanbe, 2010. 322 p.
4. Lazard, J. Grammar of the modern Persian language (Tajik branch) / Transl. from French – M.: Foreign publishing house. lit., 1957. 207 p.
5. Mamadnazarov A. Farҳangi anglisӣ-toҷikӣ. – Dushanbe: Er-graph, 2021. 1016 p.
6. Perry J.R. A. Grammar of Contemporary Tajik // Journal of the American Oriental Society. (Review of the book: Raҳimi, K., Perry, J.R. Tajik language: Descriptive grammar. – Dushanbe, 2000). 2005. Vol. 125. № 3. P. 442-445.
7. Rastorgueva, V.S. Brief grammatical essay on the Tajik language // Tajik-Russian dictionary / Ed. M.V. Rahimi, L.V. Uspenskaya. – M.: State. Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1954. P. 1091-1157.
8. Saimiddinov D. Vozhashinosii zaboni forsii miyona. – Dushanbe, 2001. 310 p.
9. Comparative Analysis of Morphological Features and Word-Formation Potential of the Adverb Prefix нов in the Tajik Language and Its Equivalents in English / M.N. Akhmedova, B.P. Ashrapov, A.Yu. Giniyatullina, D.B. Garifullina // Kazan Science. 2025. № 2. P. 408-411.
10. Ҳумоюнфаррух А. Дастури ҷомеи забони форсӣ. Чопи севум. – Tehon, 1364. 1096 p.
11. Aini S. The Sands of Oxus: Boyhood Reminiscences / Transl. by G.L. Penrose, S.A. Ibrohim. – Costa Mesa: Mazda Publishers, 1998. 240 p.
12. Alsina A., Bresnan J., Sells P. Complex Predicates. – Stanford: CSLI Publications, 2015. 320 p.
13. Ashrapov B.P. A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition on and Its Equivalents in Tajik and Chinese / B. P. Ashrapov // Stephanos. 2025. № 3 (71). P. 24-33. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33.
14. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
15. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B.P. Ashrapov, M.A. Ashrapova // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 79-86. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86.
16. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2025. № 3. P. 153-159.
17. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.

Джамалова Т.Ю.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и речевой коммуникации. Московский международный университет. SPIN-код: 7084-4306

Савина А.В.
Бакалавр направления «Филология, Мировая литература, творческое письмо и современная риторика». Московский международный университет. SPIN-код: 9573-2660

Англицизмы как средство самоидентификации в цифровой среде*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме исследования никнеймов как современных антропонимов, отражающих динамику языковых процессов в условиях глобализации. Отмечается, что прагматико-коммуникативном плане никнейм служит средством самопрезентации участника виртуального общения, в связи с чем основой классификации никнеймов выступает их семантика. Однако, сформированные различными лингвистическими методами никнеймы чрезвычайно разнообразны. Кроме того, отражая актуальные тенденции интернационализации цифровой среды, никнеймы часто содержат англицизмы. В статье приведена классификация никнеймов, содержащих заимствования из английского языка, по методу их формирования: лексико-семантическому, морфологическому и лексико-синтаксическому; даны примеры моно- и поликонтентных антропонимов, образованных с помощью каждого из названных методов.

Ключевые слова: никнейм, самоидентификация в цифровой среде, англицизм, лингвистический анализ, морфолого-словообразовательный анализ.

Dzhamalova T.Yu.
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Department of Foreign Language and Speech Communication, Moscow International University. SPIN-code: 7084-4306

Savina A.V.
Bachelor's degree in Philology, World Literature, Creative Writing, and Modern Rhetoric, Moscow International University. SPIN-code: 9573-2660

* © Джамалова Т.Ю., Савина А.В., 2026.

Anglicisms as a means of self-identification in the digital environment

Abstract. This article is devoted to the study of nicknames as modern anthroponyms, reflecting some language processes under the conditions of globalization. According to the pragmatic-communicative approach, nicknames are a means of self-presentation in virtual communication. Therefore, the basis for classification of nicknames is their semantics. However, a great variety of nicknames is existed, due to the fact that they are built of different morphemes. In addition, reflecting the current trends of internationalization of the digital environment, nicknames often contain anglicisms. The article offers a classification of nicknames containing some borrowings from the English language, according to their method of formation: lexical-semantic, morphological and lexical-syntactic. Examples of mono- and polycontent anthroponyms are given as well.

Key words: nickname, self-identification in the digital environment, anglicism, linguistic analysis, morphological analysis, word formation.

Введение

В контексте быстрого развития информационно-коммуникационных технологий общение в социальных сетях, мессенджерах и онлайн-платформах становится все более активным. Рост популярности онлайн коммуникаций обуславливает необходимость идентифицировать себя в цифровой среде, в связи с чем проблема самоидентификации в сети стала объектом исследований практически с момента широкого распространения Интернета.

Одними из первых исследователей данной проблемы стали Д. Чандлер, который изучал особенности самопрезентации пользователей на личных страницах в социальных сетях, и П. Уоллес, исследовавшей создание виртуальной личности и её репрезентацию. В 2000-х годах с развитием онлайн общения количество исследований о месте и роли никнеймов в системе антропонимии увеличилось. Исследованию никнеймов как лингвокультурного феномена посвящены работы Т.В. Аникиной, А.С. Балкуновой, А.В. Зубаревой, В.В. Казябы, А.А. Москальчук, Э.М. Рянской, М.Л. Якуниной и др. Исследования Л.А Штейдт и В.С. Хориковой содержат когнитивный анализ никнеймов, необходимый для более глубокого понимания современных языковых и коммуникационных практик, а также классификации сетевых имен на основе их семантических особенностей. Вопросам формировании никнеймов словообразовательными и графическими средствами посвящены работы В.В. Казябы, С.В. Мироновой и М.С. Столяровой. При этом, несмотря на активное проникновение в русский язык английских слов и выражений, недостаточно исследованными остаются

аспекты, связанные с использованием англицизмов в процессе цифровой самодентификации, что определяет актуальность изучения заимствований из английского языка в никнеймах.

Цель данного исследования – охарактеризовать практику применения русскоязычными пользователями англицизмов как инструмента самоидентификации в цифровой среде и показать типологическое разнообразие никнеймов, созданных на основе заимствований из английского языка.

Новизна данного исследования заключается в изучении морфологии никнеймов, имеющих в своем составе морфемы, слова и/или выражения, заимствованные из английского языка, предлагается классификация никнеймов, содержащих англицизмы, составленная на основе морфологического и словообразовательного анализов никнеймов пользователей русскоязычного интернета.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования были проведены лексико-семантический и лексико-графический анализы имен пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Telegram», являющихся участниками сообществ / каналов по интересам, с целью выявления содержащих англицизмы никнеймов. С помощью морфологического анализа отобранные из общего числа никнеймы были систематизированы и классифицированы, выявлены общие тенденции и закономерности в использовании англицизмов в никнеймах.

Результаты и обсуждение

Никнейм в современной ономастике чаще всего отождествляется с псевдонимом – вымышленным именем, которое существует в жизни человека наряду с настоящим или вместо него [11; с. 118]. По мнению В.К. Андреева, никнейм представляет собой частный случай псевдонима, наряду с литературными, сценическими и политическими псевдонимами. В свою очередь Т.В. Аникина, А.А. Москальчук и др. акцентируют внимание на функциях никнейма, связанных с сокрытием личности в цифровом пространстве и формированием виртуального образа. А.С. Балкунова и Э.М. Рянская рассматривают сетевое имя как единицу искусственной номинации, призванную идентифицировать пользователя в сети и выступающую в роли «визитной карточки» или ключевого элемента виртуального образа. В этой связи, В.В. Казяба отмечает, что в процессе самономинации пользователи используют такие никнеймы как: ник-автоним - собственный реальный антропоним человека; ник-псевдоним, т.е аппелятивную лексему или «чужой» оним; переходный тип - объединение реального имени пользователя с нарицательной единицей или «чужим» именем собственным [3; с. 87].

Таким образом, в прагматико-коммуникативном плане никнейм является результатом автономинации и используется как средство самопрезентации и экспрессии. [6; с. 120]. В зависимости от функции никнейма (представление себя на конкретной платформе (рабочей или развлекательной), установление контакта, выражение эмоций и/или др.) участник интернет-общения выбирает тот или иной псевдоним. руководствуясь различными мотивами, которые могут объяснить его лингвистический и социокультурный выбор.

Проведенный исследователями лингвистический анализ имен пользователей Интернета привел к появлению различных классификаций никнеймов. Так, одной их первых классификацию никнеймов предложила П. Шейдт, выделившая 20 типов никнеймов, основываясь в большей степени на их семантике: настоящие имена; никнеймы, отражающие черты характера, связанные с полом, возрастом, отношениями с другими людьми, провокационные, заимствующие имена и названия знаменитостей, групп, персонажей; отражающие принадлежность к группе, связанные с технологиями, неодушевленными предметами, флорой и фауной, использующие популярные высказывания, звукоподражание; социальные/статусные комментарии. Однако использование данной классификации затруднено из-за отсутствия единого основания для сравнения. Так, например, никнеймы, отражающие принадлежность к группе, могут иметь отсылки к технологиям, животным и пр.

Позднее В.С. Хорикова разделила никнеймы пользователей открытых чат румов на 7 групп: реальные имена; никнеймы, относящиеся к личным качествам (характер, внешний вид, профессия, хобби, местоположение, возраст); связанные с технологиями; флорой и фауной; с реальными и вымышленными личностями; провокационные никнеймы; использующие звукоподражание, перифразы, орфографические искажения. Очевидно, что первые шесть групп выделены по семантическому признаку, тогда как в седьмую группу объединены явления, требующие словообразовательного анализа.

Морфолого-словообразовательный анализ никнеймов пользователей был проведен С.В. Мироновой и М.С. Столяровой, которые выделили моно- и поликомпонентные наименования. Первые подразделяются на субстантивные, атрибутивные, глагольные и образуются лексико-семантическим и суффиксальным способами, путем усечения, сложения или аббревиации. Вторые образуются лексико-синтаксическим способом, т.е. сращением двух и более слов в одно («СчастливаяДевушкаЛиля») и путем чистого сложения («Волк-одиночка»). Так в качестве никнейма часто используются прецедентные высказывания («Что наша жизнь? – Игра», «я_не_трус_но_я_боюсь», «БутерБродсМаслоМ», «Kofe s molokom»).

Нередко в никнеймах можно встретить небуквенные символы: цифры, математические знаки, знаки препинания, геометрические фигуры и т.д.), нарушения орфографии («Nur&Aiko=love 07 12 2008», «{NE(r) OD (Я) *Й*К@}», «±KINGuxa:)):)) »).

Изучение никнеймов также показывает активное смешение латиницы и кириллицы и использование пользователями иноязычных, в первую очередь, английских, лексем.

Англицизмы, под которыми понимают заимствованные из английского языка слова или обороты речи, активно используются в повседневном общении. Наиболее часто англицизмы можно услышать в среде молодежи (возраст), людей, работающих в таких сферах как информационные технологии, экономика, менеджмент (профессия), а также геймеров (хобби). Однако широкое распространение английского языка в современном мире обуславливает проникновение английской лексики в различные сферы. Актуальны англицизмы и при формировании никнеймов.

Создание никнеймов происходит различными лингвистическими способами.

1. Транслитерация. Например: «Белла» - «Bella», «Bela», «Мария» -«Marya», «Maria», «Marie», Ксения – «Kseniia»

2. Аббревиация, сокращение. Например: Владислава - «Lala», Роман Земляков – «RZem», «К.А.».

3. Калькирование – буквальный перевод морфемной или словесной структуры иноязычных слов или выражений. Например: «StarrySky», «Arctic_Wolf», «Lunar Knight».

4. Окказиональный метод - создание нового слова из существующих морфем. Например: «flora» + «melody» = «flormelody», «star» + «dream» = «stardream» «sun» + «aura» = «sunOra».

5. Метод ассоциаций. Например, никнеймы участников фан сообщества поттероманов: «Гарри Поттер» - никнейм HarryWizard, Сириус Блэк - SiriusStar, Невилл Лонгботтом - NevilleKnight, Люпин - LupinHunter. Беллатриса Лестрейндж - BellatrixSorceress, Хагрид – HagridGiant.

6. Сложение двух или более слов с целью создать новый смысл или образ. Например: «Moonie-hyung». Вариант сложения - комбинирование различных языков с произвольным сочетанием двух систем письма. Например: английское слово «dark» + транслиттерация русского слова «свет» может дать «DarkSvet», аналогично: «BlueNebessa», «LesNOFFSpirit», «ThunderGrom».

7. Фонетическая транскрипция, когда каждой фонеме соответствует графема, дифференцируются только смыслоразличительные звуки. Использование основных синтаксических принципов часто игнорируется, часто прослеживается отсутствие знаков препинания и заглавных букв.

ХОРИКОВА Например: слово «тень» можно фонетически интерпретировать как «Ten» и сформировать никнейм «TenShadow»; «KatLuvr» - cat lover, LUVMI, «Kat» может быть производным от имени Катя и английского слова «cat». Вариантом фонетической транскрипции может быть замена букв и соответствующих им звуков символами и цифрами. Например: «S3cret», «M@ew» (@ - at), «K8» (Kate).

Важно, что далеко не все слова, написанные латиницей, можно считать заимствованиями. Так, не содержат заимствования никнеймы, представляющие собой полные и сокращенные имена («***Alexandra***», «Max», «Alinochka», «Nana»), официальные формы имени («Kirill Novikov», «Ivanov. Ivan», «merkulovadarya») и их аббревиатуры («D.K.», «T.H.M.»), никнеймы, содержащие в себе имя собственное и/или транслитерированную русскую лексему / слово / словосочетание («ArKasha», «annanimmus», «anaNASIK» «UnikaL'naYa DeVuShKa»), а также знаки препинания, символы и/или цифры, не изменяющие прочтение имени собственного («e.ka.terinne», «angelinkka.ek», «An.as.ta.siaa», «Ole4ka», «S3r3ga», «1eva»,«egorious2010», «MiLa Mil@shk@»), никнеймы, образованные от названий различных брендов, марок автомобилей и пр. («Tiffany», «Balenci-aga»), имен известных людей («Romanoff», «cesar», «Rooney99»), героев книг, кинофильмов и музыкальных произведений («Shrek», «billieeilish»), топонимов («RUSL@N T@T@RIN», «Paris»).

При этом производные от имен собственных слов, полученные путем добавления еще одного или нескольких английских слов или морфем, будет являться примером заимствования. Например: «But.Amir», «Just_egor», «not_sofia», «anyway», «youra», «McDan» (заимствована характерная для шотландский фамилий пристака Mc), «Denisson» (заимствован характерный для фамилий суффикс -son), «K@» (Kat – заимствовано слово @ - at).

Англицизмы в никнеймах могут являться моно- и поликомпонентными, а также различаться по способам заимствования: лексико-семантическому, характеризующемуся включением в состав никнейма части речи, символа и/или знака препинания, имеющих вариант прочтения (например, @ - at, **.** – dot), морфологическому, предполагающему включение в никнейм характерной для английского языка морфемы, и лексико-синтаксическому, отражающему процесс слияния нескольких слов для создания нового слова или субстантивированной фразы.

Важно отметить, что использование заглавных и строчных букв в одном никнейме, знаков препинания, цифр и символов, не препятствующих коммуникации, не нарушает систему классификации. Например, «bo$$», «Sh00ter», «Master123» являются заимствованием существительных, тогда как «K@», читаемое как [kæt], необходимо отнести к заимствованию символа.

Таблица 1. Примеры «англицированных» никнеймов.

Способы заимствования	Категории и примеры никнеймов	
	Монокомпонентные	**Поликомпонентные**
Лексико-семантический способ		
заимствование английского глагола	«ChewBacca» «ReaДом» «Writeгород»	«LUV_MI» «PUSH_THE_BUTTON»
заимствование английского существительного	«aribunny» «ПКfreak» «KatLuvr»	«roblox_player» «master_Mussu» «mesalina_degrees»
заимствование английского прилагательного	«Blondунка» «yellownya» «Crystal»	«DarkVSSvet» «BlueNebessa»
заимствование английских прилагательного и существительного	«Sw33tCheeks» «LuKKyGuy»	«Cherry_Lips» «Young_agent»
заимствование английских наречий	«Fast.us» «SVVEFTLI» «F1ercely!»	«Jump_Hi!» «Bravely_fightER» «r∧n_quickly_r∧n»
заимствование английских местоимений	«youra» «myCraft»	«Bess_IT» «I_рина»
заимствование английских служебных частей речи, читающихся символов и знаков препинания (@, dot)	«2U» «K@» «4ever»	«.2.» «not_sofia» «C_under⚡» «9mice» «Ecco2k»
заимствование английских аббревиатур	«BTW» «bff!»	«call_you_ASAP» «btw_human»
Морфологический способ		
русское или английское слово + английский суффикс существительных (в т.ч. транслитерированные варианты)	«BestТортег» «bester»	«U_море≈ист» «K@t&Piller» «Belovmet»
русское или английское слово + английский суффикс прилагательных (в т.ч. транслитерированные варианты)	«Lohless» «st@rLESS»	«Vasya_bedny» «Zimny_snezh»

аурусское или английское слово + английский суффикс наречий (в т.ч. транслитерированные варианты)	«Dev1LLLY» «ЛегкоLy»	«Sun***chously» «ksuwell»
английская приставка + русское или английское слово (в т.ч. транслитерированные варианты)	«андерGR@UND» «mis» «lalalalady»	«UN_TOH» «archyb0ld» «Unskipped_persik»
Лексико-синтаксический способ		
Коллокация или предложение	«Stardream» «sunOra»	«Justdoit», «whereareth-eavocados»

Не ведут к сбою коммуникации слова, образованные фонетическим методом. Так, «LUV_MI» относится к никнеймам, заимствующим глагол и местоимение, «SVVEFTLI» - заимствующим наречие.

В процессе классификации никнеймов по морфологическому принципу важно не только распознать морфему, но и установить является ли она частью существующего в английском языке слова, или же создает слово, несуществующее в русском или английском языках. Например, в никнейме «dreamer» суффикс -er, дополняя «dream», создает слово, существующее слово «мечтатель» и относится к группе никнеймов, заимствующих часть речи, тогда как тот же суффикс, дополняющий транслитерацию слова «торт» в никнейме «BestTopter» создает несуществующее слово. Таким образом, речь идет только лишь о заимствовании суффикса.

Выводы

Ярко выраженной тенденцией последних десятилетий является воздействие английского языка на многие другие языки, в том числе русский. Заимствование англоязычной лексики происходит во всех сферах, в т.ч. и в области онлайн коммуникации. В условиях стремительного развития виртуального общения никнеймы, отражающие личные качества, интересы и культурные особенности пользователя, стали важным средством самоидентификации и самовыражения в цифровой среде, позволяя создавать многослойные образы с помощью игры слов, юмора и культурных отсылок, а использование англицизмов в ходе самоидентификации позволяет пользователям выразить себя как часть глобального сообщества.

В следствие этого, никнеймы представляют собой значительный пласт лексики, требующий изучения.

В ходе исследования были выявлены различные подходы к классификации никнеймов. Первые системы основывались преимущественно на

семантических признаках, выделяя типы по содержанию и смысловой нагрузке, Проведенный позднее анализ морфологических и словообразовательных особенностей никнеймов позволил выделить моно- и поликомпонентные формы антропонимов, а также определить лингвистические способы их формирования. При этом было выявлено, что значительная часть никнеймов включает англицизмы, а разработанная классификация таких никнеймов отсутствует.

Предлагаемая классификация разделяет заимствования в никнеймах на 3 группы: заимствования морфемы, слова или фразы; но оставляет за рамками особенности авторской орфографии (удвоение букв, замена букв цифрами или символами DEV1LL, K@T) в случаях, когда это не ведет к сбою коммуникации.

В процессе отнесения никнейма к определенной группе, необходимо учесть вероятность использования пользователем нескольких способов формирования никнейма. Так, никнейм «Old_дример» может быть отнесен к категории поликомпонентных никнеймов, образованных лексико-семантическим способом (заимствование существительного) и морфологическим способом (заимствование транслитерированного с английского языка на русский суффикса -er).

Библиографический список:

1. Chandler D. Personal Homepages and the Construction of Identities on the Web // URL: http://www.aber.ac. uk/media/Documents/short/webident.html#C (Дата обращения: 16.11.2025).
2. Scheidt L.A. Avatars and Nicknames in Adolescent Chat Spaces // Gender and Computerization. 2001. // URL: https://www.researchgate.net/publication/253226272_Avatars_and_Nicknames_in_Adolescent_Chat_Spaces (Дата обращения: 16.11.2025).
3. Wallace P. The Psychology of the Internet / P. Wallace. – Cambridge University Press, 1999. 264 p. // URL: https://www.cambridge.org/core/books/psychology-of-the-internet/E10F2260386F971E4AA90DE6A58F520A (Дата обращения: 16.11.2025).
4. Андреев В.К. Автономинация в корпоративных языках молодежи: форма и содержание // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 59. №. 5. С. 4-7.
5. Аникина Т.В. Имя собственное в интернет-коммуникации // Известия Уральского гос. ун-та.: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2. С. 71-76.
6. Зубарева А.В. Онимы в Интернет-коммуникации: новые явления и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 120-136.
7. Казяба В.В. Никнейм переходного типа как способ самономинации в немецкоязычной интернет-коммуникации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 86-90.
8. Лаврентьева А.А. Англицизмы и их использование в качестве терминов на современном этапе развития русского языка / А.А. Лаврентьева, А.Г. Шмелева // Успехи в химии и химической технологии. 2020. № 10 (233). С.89-91.
9. Миронова С.В. Морфолого-словообразовательный аспект изучения никнеймов, используемых в интернет-коммуникации / С.В. Миронова, М.С. Столярова // Язык и культура. 2013. № 7. С. 93-97.
10. Москальчук А.А. Никнейм – виртуальное имя человека // Записки Горного ин-та. 2009. Т. 182. С. 246-248.
11. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; под ред. А.В. Суперанской. – М.: 1988. 200 с.
12. Рянская Э.М. Сетевое имя (никнейм) как языковой знак / Э.М. Рянская, А.С. Балкунова //Вестник Нижневартовского государственного университета. 2011. № 4. С. 72-76.
13. Савина А.В. Никнеймы как разновидность современных антропонимов // Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски. 2024. Том 2. С. 323-329.

14. Фролова О.А. Англицизмы как функционально-прагматические маркеры цифровой коммуникации русскоговорящей молодежи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. № 9. С. 3112-3070.
15. Хорикова В.С. Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №3. С. 64-68.
16. Якунина М.Л. Особенность интернет-коммуникаций: никнейм как лингвокультурный феномен // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2013. №3. С. 73-76.
17. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Reference

1. Chandler D. Personal Homepages and the Construction of Identities on the Web // URL: http://www.aber.ac. uk/media/Documents/short/webident.html#C (11.16.2025).
2. Scheidt L.A. Avatars and Nicknames in Adolescent Chat Spaces // Gender and Computerization. 2001. // URL: https://www.researchgate.net/publication/253226272_Avatars_and_Nicknames_in_Adolescent_Chat_Spaces (11.16.2025).
3. Wallace P. The Psychology of the Internet / P. Wallace. – Cambridge University Press, 1999. 264 p. // URL: https://www.cambridge.org/core/books/psychology-of-the-internet/E10F2260386F971E4AA90DE6A58F520A (16.11.2025).
4. Andreev V.K. Autonomy in the Corporate Languages of Young People: Form and Content // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2011. Vol. 59. № 5. P. 4-7.
5. Anikin T.V. Proper Name in Internet Communication // Bulletin of the Ural State University: Problems of Education, Science and Culture. 2010. № 2. P. 71-76.
6. Zubareva A.V. Onims in Internet Communication: New Phenomena and Functions // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. № 1. P. 120-136.
7. Kazyaba V.V. Transitional nickname as a way of self-nomination in German-language online communication // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2016. № 5. P. 86-90.
8. Lavrenteva A.A. Anglicisms and their use as terms at the current stage of development of the Russian language / A.A. Lavrenteva, A.G. Shmeleva // Advances in chemistry and chemical technology. 2020. № 10 (233). P. 89-91.
9. Mironova S.V. Morphological and word-formation aspect of the study of nicknames used in online communication / S.V. Mironova, M.S. Stolyarova // Language and Culture. 2013. № 7. P. 93-97.
10. Moskalchuk A.A. Nickname – a person's virtual name // Zapiski Gornogo In-ta. 2009. Vol. 182. P. 246-248.
11. Podolskaya, N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / N.V. Podolskaya; edited by A.V. Superanskaya. – Moscow: 1988. 200 p.
12. Ryanskaya E.M. Network name (nickname) as a linguistic sign / E.M. Ryanskaya, A.S. Balkunova // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2011. № 4. P. 72-76.
13. Savina A.V. Nicknames as a Type of Modern Anthroponyms // Media in the Information Society: Effects, Possibilities, Risks. 2024. Vol. 2. P. 323-329.
14. Frolova O. A. Anglicisms as Functional and Pragmatic Markers of Digital Communication of Russian-Speaking Youth // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. № 9. P. 3112-3070.
15. Khorikova V. S. Cognitive Analysis of Internet User Nicknames // Issues of Cognitive Linguistics. 2010. № 3. P. 64-68.
16. Yakunina M. L. Peculiarities of Internet Communications: Nickname as a Linguocultural Phenomenon // Bulletin of Kharkiv State University named after N. F. Katanov. 2013. № 3. P. 73-76.
17. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Дилфузаи Ислом

Докторант факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Понятие «родина» в составе фразеологических единиц таджикского и английского языков*

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «ватан/родина» в составе фразеологических единиц, пословиц и поговорок на таджикском и английском языках, а также выявляются их изоморфные и алломорфные особенности. Отмечается, что фразеологические единицы (ФЕ), включая пословицы и поговорки, служат языковыми сосудами для накопленной нацией мудрости, опыта и культурного мировоззрения. Цель исследования – провести сравнительный анализ концептуализации «ватан/родина» в рамках фразеологических систем таджикского и английского языков. В качестве первичных источников данных были использованы опубликованные словари таджикской и английской фразеологии, пословицы и корпуса литературных текстов. Были выявлены и семантически проанализированы таджикские ФЕ, содержащие лексему «ватан/родина» и связанные с ней понятия. Таким образом, понятие «ватан/родина» является фундаментальным и имеет позитивный оттенок в обеих языковых культурах.

Ключевые слова: понятие родины, фразеологические единицы, культурное восприятие, мудрость, пословица, защита родины, дом.

Dilfuzai Islom

Doctoral student of the Faculty of Foreign Languages of the State Educational Institution "Khujand State University named after Academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

The notion of «homeland» in the composition of phraseological units of Tajik and English

Abstract. The given article dwells on the notion of «ватан/homeland» within the composition of phraseological units, proverbs, and sayings in Tajik and English and identifies their isomorphic and allomorphic peculiarities. It is noted that phraseological units (PUs), including proverbs and sayings, serve as linguistic vessels for a nation's accumulated wisdom, experience, and cultural worldview. The study aims to conduct a comparative

* © Дилфузаи Ислом, 2026.

analysis of the notionualization of «ватан/homeland» within the phraseological systems of Tajik and English. The primary data sources included published dictionaries of Tajik and English phraseology, proverbs, and corpora of literary texts. Tajik PUs containing the lexeme «ватан/homeland» and related notions were identified and semantically analyzed. Thus, the notion of «ватан/homeland» is fundamental and positively charged in both linguistic cultures.

Key words: notion of homeland, phraseological units, cultural perception, wisdom, proverb, defense of homeland, home.

1. INTRODUCTION

The phraseological treasury of any language, formed over centuries based on its internal laws, becomes enriched over time. The phraseological units of each language encapsulate the manner, style, concise and figurative expression of the centuries-old life experiences of nations, embodying their culture and societal thought. Therefore, the phraseological units of each language, with their unique individual characteristics, richness, and specific vitality, remain exclusive to that language alone.

The term "phraseology" has Greek background. Originally, the expression of the meaning of "the study of speech turns" it was introduced into linguistics by C. Bally as "a branch of stylistics that studies set phrases". In Western linguistics, the Swiss linguist of French orientation, Charles Bally, is considered the founder of phraseology theory, having introduced the term "phraseology" into general linguistics as early as 1905 [3]. He proposed the issue as «the study of set phrases» and attributed to it the following definition: "phrases that have entered the language in a stable form are called phraseological units" [6, p. 5]. However, Russian scholars and researchers hold the view that Bally's theories could not prompt Western linguists, unlike Soviet linguists, to generate phraseological schools or develop phraseology theory.

1.1. Theoretical frameworks

The contribution of Academician V.V. Vinogradov to the development and maturation of Russian linguistics is considered significant. The scholar's various research and articles on the topic of phraseological units laid a favorable foundation for the investigations of scholars and researchers. He presented the issue of phraseology as an independent linguistic science. According to V.V. Vinogradov's theory, "a phraseological unit (phraseologism or phraseological turn) is a lexically indivisible phrase with a stable composition and structure, reproduced as a ready-made unit of speech, and semantically integral" [4, p. 10].

Tajik scholars M. Fozilov, M. Mukhammadiev, H. Majidov, B.B. Kamoliddinov, R. Ghafforov, M. Azimova, M. Mirzoeva, D.T. Tojiev, N. Ma'sumi, S. Juraeva, H. Jalilov, E. Mirzoev, G. Aslonova, B.P. Ashrapov [16; 17; 18; 19; 20] and others

have played a significant role in the study and analysis of phraseological units.

Especially noteworthy is the invaluable service of M. Fozilov in collecting phraseological units and the theoretical service of Professor H. Majidov in classifying phraseological units into groups. H. Majidov's worthy efforts in researching various issues of Tajik phraseology are extremely important, as the meticulous researcher, in a series of his works such as Phraseological Compositions [1980], Phraseological Units and the Word [1984], Phraseological Expressions and Verbal Compositions [1986], The Lexical Composition of Phraseological Units [1986], and the textbook Phraseology of the Modern Tajik Language [1982], The Phraseological System of the Modern Tajik Literary Language [2006], has detailed his thoughts and reflections regarding the grammatical features, syntactic functions, commonalities, similarities, and differences of phraseological units from words, and compound verbs [9, p. 19].

2. RESEARCH METHODS

The study employs a descriptive and contrastive methodology within a qualitative research framework.

2.1. Data Collection:

The primary data consists of Tajik and English PhUs (including set phrases, idioms, and proverbs) that explicitly or implicitly reference the notion of "ватан/ homeland". Sources for Tajik data included:

Specialized dictionaries of Tajik phraseology and proverbs (e.g., works by M. Fozilov) [9].

Corpus of modern and classical Tajik literary prose to examine PUs in context [14; 15].

Sources for English data included:

Established dictionaries of English idioms and proverbs (e.g., Oxford Dictionary of Proverbs, Cambridge Idioms Dictionary) [21; 22].

General English phraseological dictionaries.

2.2. Data Analysis:

The analysis was conducted in three stages:

1. Identification and Extraction: Tajik PUs containing the core lexeme *ватан* and its direct notionual associations *(e.g., хоки ватан - soil of the homeland)* were systematically extracted.

2. Semantic Field Analysis: Each Tajik PU was analyzed to define its precise meaning, connotative nuances, and typical contexts of use. A semantic field was constructed around the core notion.

3. Contrastive Matching and Comparison: For each Tajik PU, potential English equivalents were sought. «Equivalence» was determined not by literal translation but by functional and notionual proximity within the phraseological system. Pairs or groups of PUs were then compared along two axes:

Semantic/Notional: Comparing core meaning, emotional valence, and cultural connotations.

Structural/Grammatical: Comparing syntactic construction and component parts.

3. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

The Tajik language contains countless phraseological units that reflect the spirit, thinking, culture, customs, and attitudes of the people towards various social and moral issues. In the thinking and consciousness of the Tajik people, the word "ватан/homeland" is sacred and dear.

It is worth mentioning that the process or course of formation of phraseologisms in any language is connected to the history of that language and the people or nation speaking it and is closely related to human cognitive activity.

A comparative analysis of the notion of homeland within the phraseological units of the Tajik and English languages plays an effective role in understanding the culture and ideology of the peoples and determines their allomorphic and isomorphic features.

Thus, we recall below those phraseological units that contain the word "ватан/homeland" and semantically refer to it, such as: *"Аз ватани худ авора шудан" (to be uprooted from one's homeland), "Тарки ватан кардан" (to leave the homeland),* i.e., to emigrate [14, p. 153].

In prose works, we encounter the expression *"ҷалои ватан кардан" (to be exiled from the homeland)* with the same meaning: "*Ба маҷлиси шароб талабидаш, ҷомҳои шароб якчанд давра гашта буданд, ки Фаррухӣ бархоста бо овози ҳазину хуш қасидаеро, ки дар Систон дар бораи ҷалои ватан карданаш гуфта буд, хонд, амир шеър- шинос буд ва худаш хам шеър мегуфт, аз латофату нафосати сухани ӯ мот шуд*" [11, p. 150].

The expression *"ҷалои ватан кардан"* in the dictionary of set phrases means *"to leave the homeland, to take oneself away"* [15, p. 70].

In another source, however, this expression means «to be forced and compelled to leave the homeland» [12, p. 228]:

Зи ҷаври чарх ҷалои ватан макун, Мухлис,
Ки дар замини дигар осмони дигар нест.
Mukhlisi Koshī

In English dictionaries, the equivalent of the above-mentioned expression is observed in the form of "*go native*": "*Go native* (of a person living away from their own country or region) abandon their own culture, customs, or way of life and adopt those of the country or region they are living in)" [21, p. 186].

The expression *"go native",* while expressing the meaning of *"leaving one's birthplace"*, is also used to mean *"becoming estranged from one's own customs and adopting a foreign culture".*

Semantically, the phraseological units are similar. Both expressions imply the meaning of *"living far from the homeland"*. Their grammatical structure is also similar. However, a difference is observed: the phraseological unit *"аз ватани худ овора шудан"* is formed from the original preposition *аз*, the noun *ватан*, and the verbal phrase *овора шудан (to be uprooted),* while it's English equivalent *"go native"* consists only of a verbal phrase.

The expression *"ватан гирифтан"* means "*to choose a dwelling, to select a place of residence"* [12, p. 228]. The equivalent of this expression in English can be *"put down roots"* [21, p. 235].

Both expressions convey the meaning of *"choosing a country or a place as a place of residence"*. Their grammatical structures differ: the phraseological unit *"ватан гирифтан"* is formed from the noun *ватан* and the verb *гирифтан (to take)*. The expression *"Put down roots",* however, consists of the verbal phrase *put down* (*гузоштан)* and the noun *root* (реша).

As a result of researching English phraseological dictionaries, we encountered several phraseological units semantically related to the words homeland and home: *to show patriotism (ҳисси ватандӯстиро ифшо намуданд); native soil (зодгоҳ); my country, right or wrong (ибораи мазкур маънои "дар ҳама ҳолат дастгириву ҷонибдори кардани ватани хеш"-ро дорад.); o serve one's country, (барои ватани хеш хизмат кардан); to defend the homeland (дифои ватан); the old country (Англия, метраполия, зодгоҳ, ватан, сарзамини аҷдодон)* [21, p. 179]*; hearth and home; home and its comforts (Хона ё фазое, ки пур аз меҳру муҳаббат буда, ҳисси роҳативу оромиш пайдо мегардад); a home from home - a place where you are as happy, relaxed, or at ease as in your own (Маконе мисли хонаи худ, ки дар он фараҳ, оромиш ва осудагӣ эҳсос карда мешавад)* [22, p. 136]; *keep the flag flying; Represent your country or organization, especially when abroad (Кишвар ё ташкилоти худро муаррифи кардан, махсусан дар мамлакатҳои хориҷа)* [21, p. 110].

Die in the last ditch die: defending something; die fighting to the last extremity [21, p. 79]. In English, this expression is used not only in the defense of the homeland but also in other situations.

The set phrase *"ҷои хуни ноф рехтагӣ"* means *"birthplace, homeland, locality"* [1, p. 394]. This phrase is common in the thinking and linguistic culture of Tajiks, referring to the place where one was born. It is widely used in prose works: *"Якеро аз ин тоифа аз доман дореду бигуед: хой бародар, ватан он чост, ки хуни нофат рехтааст, бори нахуст каламу дафтар бардошта, ба мактаб рафтай.....)"* [10, p. 140]. An equivalent for the mentioned phrase was not observed in English dictionaries.

The set phrase *"хоки ватан кашидан"* expresses the meaning of *"to yearn and long for one's homeland"* and refers to a person who returns to their homeland before death: *Нозӣ, ки суханони ҷавонро пуштгардон мешунид, беих-*

тиёр аз дил гузаронд. «Наход ҷавонро хоки Ватан кашида бошад? Вой бар ҳолат, хоҳари чон!» Ҷойи ҳавас ва ҳасадро дар дили зан нисбат ба Зебо алами сӯзон гирифт) [5, p. 350]. *Аз чӣ бошад, ки ба Мулло Мурод чунин менамуд, ки ҳоло ба деҳааш на фақат барои ба хок супоридани нашъи завҷааш, балки хоки Ватан ӯро низ ба худ кашида овардааст)* [13, p. 13].

In the consciousness and thinking of the Tajik people, the phrase *"хоки ватан"* is precious and esteemed, and it can be found in the composition of most phraseological units and even in proverbs and sayings. Proverbs reflect the spirit and wisdom of the people, which have roots in the distant past. They preserve the culture, traditions, and experiences of the people, through which we gain access to the wisdom and knowledge of our ancestors.

Proverbs, sayings, advice and wisdom, traditional means of artistic depiction, special terms of a specific field of science or technology, and the like have entered the phraseological stock of our language without any reliable basis. M. Hotam in his work distinguishes the differences between phraseological units and proverbs/sayings and other artistic depictions. He notes that proverbs and sayings differ from phraseological units, first of all, in their meaning and somewhat more complex structure. Unlike phraseological units, they convey complete, finalized thoughts. Usually, proverbs and sayings contain such thoughts or axioms of life that are connected with the events and specific phenomena of our daily life. In this sense, they are used only in specific instances of speech [8, p. 18]. For example: *Атри кафан аз хоки ватан кардан ё Одами беватан, мурдаи бекафан: (Ватан, Ватан... ана, Моҳинавро овардам, бигир, ин ганҷи ноёбамро ба ту месупорам. Хоки азиз... Дар паҳлуи вай ту ба ман се газ ҷой диҳӣ, бас аст... Дар паҳлӯи вай... Атри кафан аз хоки ватан кардан чӣ хушбахтие будааст, фақат ман барин фарзандони гурбаткашидаат медонад)* [13, p. 12]. *Хоки ватан аз тахти Сулаймон беҳтар ё Хубби ватан аз тахти Сулаймон бехтар: (Мӯйсафедон ва ҷавонон аз фоҷиаи гирди гулхан бехабар хирман кӯфта ва коҳ бод карда, арз ва орзуи дили худро бо тарона сабук мекарданд. Таронаашон хоболуд буд. Аслия сӯйи писараш ки аз олам бехабар месуруд, норизо нигарист*:

Хоки Ватан аз тахти Сулаймон хуштар,
Хори Ватан аз лола ва райҳон хуштар.
Юсуф ки ба Миср подшоҳӣ мекард,
Эй кош, гадо будӣ ба Канъон хуштар?) [5, p. 276].

As a result of studying the dictionaries of phraseological expressions and proverbs of the compared languages, we encountered discourses that negatively assess being far from the homeland and residing in a foreign land.

Мисли модар ёру мисли Ватан диёре нест.
Дар диёри бегона гови мо гусола шуд [2, p. 48].

Love for the homeland is superior to everything; nothing can equal love for

the homeland [15, p. 623]. In the consciousness of Tajiks, the birthplace – the homeland – remains precious and dear regardless of various difficulties. No other place or land, even if it offers abundant opportunities and has heavenly nature, can replace the homeland. The mentioned proverbs, in terms of structure, are complex sentences. In the English language, proverbs close in meaning to these were also observed:

Dry bread at home is better than roast meat abroad.

Go further and fare worse [21, p. 136].

An Englishman's house is his castle [22, p. 162].

It is certain that the mentioned proverbs in the context of homeland also express the notion of home. When Tajiks build a house, they always consider the guest room, which has been a tradition for them since time immemorial. The best furnishings can be seen in the guest room. But the English people, first and foremost, provide conditions for their own comfort and tranquility.

EAST, west, home's best [21, p. 156].

There's no PLACE like home [21, p. 397].

HOME is home though it's never so homely [22, p. 163].

Also, in the dictionary of English proverbs, contrary to the meaning of the proverb mentioned above, there exists a saying, such as: *HOME is where the heart is: 1870 in & Davy Crockett. As I am to become an inmate of your home, give me a sort of a panoramic view... Well, home, they say, is where the heart is. (Модоме, ки дар хонаи шумо маскун шудан ба ман насиб гардидааст, ба ман як навъ хуҷраи манзараи панорамадорро деҳед. Чи гунае, ки мегӯянд:"Хона онҷоест, ки дар он қалб аст")* [22, p. 163]. This shows that in English culture, unlike Tajik culture, the psychological and material state of the individual himself is of primary importance.

Ба шаҳри хеш ҳар кас шаҳриёр аст.

Every person feels joy and tranquility/peace in their own city.

Гами ғарибию ғурбат чу барнаметобам,

Ба шаҳри худ раваму шаҳриёри худ бошам (H. Sherozi)

The equivalent of this proverb in English is: *Eery COCK will crow upon his own dunghill.*

Everyone is confident or at ease when on home ground. (Ҳамагон дар ватан эҳсоси сабукӣ ва мутмаъинӣ доранд) [21, p. 60].

Шахси беватан – булбули бечаман [2, p. 15].

It's an ILL bird that fouls its own nest [22, p. 265].

In the composition of Tajik phraseological units, the word *ватан* is expressed with the notions of mother, soil, umbilical cord blood, garden, while in the English language this word mainly refers to the notion of *home*. Under the notion of *home* in the ideology of English speakers is understood not only a place of residence but also the notion of homeland, native land.

4. CONCLUSION

This comparative analysis confirms that while the notion of homeland is vital in both Tajik and English linguistic consciousness, its phraseological embodiment follows distinct cultural logic. The Tajik language encodes *ватан* as a sacred, collective, and physically binding entity, central to personal and national identity. The English language, while containing expressions of patriotism, more frequently notionalizes belonging through the more intimate, personal, and pragmatic lens of «home». These findings underscore the profound role of phraseology as a mirror of deep-seated cultural cognitive models and historical experience. Understanding these differences is crucial for effective cross-cultural communication and translation.

Библиографический список:

1. Абдуллозода Р. Фарҳанги ибораҳои халқӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. 400 с.
2. Асрорӣ В. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. 97 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика Ш.Балли. – М.: 1961. 400 с.
4. Виноградов В. Избранные труды: лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. 350 с.
5. Гулрухсор. Занони сабзбаҳор (марзи номус) Боғи Варзоб. Тирамоҳи соли. – Душанбе: Дониш, 2009. 399 с.
6. Кунин А. Курс фразеологии современного английского языка: Учебное пособие. – М.: Феникс, 1996. 381 с.
7. Лоҳутӣ А. Ватан кору хонаи ишқам. Мураттиб Қ. Сатторӣ, М. Холов. – Душанбе: Маориф, 2019. 240 с.
8. Маҷидов Ҳ. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик: дастури таълимӣ. – Душанбе: Адиб, 1982. 107 с.
9. Мирзоев Э. Воҳидҳои фразеологии феълии ифодакунандаи ҳаракат дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣдис... доктор(PHd). Душанбе, 2024. 199 с.
10. Мухдмадиев Ф. Варта: Киссаҳо ва очеркҳо. (Барой бачагони синни миёна ва калони мактабй). – Душанбе: Адиб, 1987. 376 с.
11. Улуғзода С. Фирдавсӣ: Роман: – Душанбе: Адиб, 1988. 272 с.
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри Х то ибтидоиасри ХХ). Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди I. А – О. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. 952 с.
13. Фирӯз Б. Ғафлатзадагон – Хуҷанд: Хуросон, 2019. 448 с.
14. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик(фарҳанги фразеологӣ) ҷ. 1. – Душанбе: Нашриети давлатии Тоҷикистон, 1963. 952 с.
15. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ) ҷ. 2. – Душанбе: Ирфон, 1964. 684 с.
16. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
17. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
18. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
19. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
20. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.
21. Concise Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, Published by Oxford University Press. 2003. 363 p.
22. Jennifer S. The Oxford Dictionary of Proverbs. 625 p.
23. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.
24. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

Reference

1. Abdullozoda R. Farhangi iborakhoi halqi. – Dushanbe: Adib, 1988. 400 p.
2. Asrori V. Zarbulmasal va makolҳoi toҷiki. – Dushanbe: Nashriyoti davlatii Tojikiston, 1956. 97 p.
3. Bally Sh. French stylistics Sh. Bally. – M.: 1961. 400 p.
4. Vinogradov V. Selected works: lexicology and lexicography. – M.: Nauka, 1977. 350 p.
5. Gulrukhsor. Zanoni sabzbakhor (marzi nomus) Gods of Varzob. Tiramochi salt. – Dushanbe: Donish, 2009. 399 p.
6. Kunin A. Course of phraseology of modern English: Textbook. – M.: Phoenix, 1996. 381 p.
7. Lokuti A. Vatan koru honai ishkam. Murattib K. Sattori, M. Kholov. – Dushanbe: Maorif, 2019. 240 p.
8. Makhidov H. Phraseology and zaboni gozirai tohik: dasturi talimi. – Dushanbe: Adib, 1982. 107 p.
9. Mirzoev E. Vojidhoi phraseology fealy ifodakunandai harakat dar zabongoi tokiki va anglisidis... doctor (PHd). Dushanbe, 2024. 199 p.
10. Mukhdmmadiev F. Varta: Kissaho va ocherkho. (Baroy bachagoni sinni miyona va kaloni maktaby). – Dushanbe: Adib, 1987. 376 p.
11. Uluzoda S. Firdavsi: Novel: – Dushanbe: Adib, 1988. 272 p.
12. Farhangi zaboni tokiki (az asri X to ibtidoiasri XX). Iborat az du child. Gildi I. A – O. – M.: Soviet Encyclopedia, 1969. 952 p.
13. Firuz B. Gaflatzadagon – Khugand: Khuroson, 2019. 448 p.
14. Fozilov M. Farhangi iborakhoi rekhtai zaboni khozirai tokik (farhangi phraseologists) ч. 1. – Dushanbe: Nashrieti Davlatii Tojikiston, 1963. 952 p.
15. Fozilov M. Farhangi iborakhoi rekhtai zaboni khozirai tokik (farhangi phraseology) ч. 2. – Dushanbe: Irfon, 1964. 684 p.
16. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
17. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
18. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
19. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
20. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.
21. Concise Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, Published by Oxford University Press. 2003. 363 p.
22. Jennifer S. The Oxford Dictionary of Proverbs. 625 p.
23. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.
24. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.

Зафарова З.А.

Докторант кафедры перевода и грамматики английского языка, факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Некоторые теоретические взгляды на сравнительный анализ конструкций с неличными глагольными формами в таджикском и английском языках*

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу конструкций с неличными глагольными формами в таджикском и английском языках, основанному на теоретической концепции, разработанной в рамках контрастивной лингвистики и типологии. Неличные формы, включая инфинитивы, причастия и герундии, служат важными инструментами синтаксического подчинения и упаковки информации, однако их функциональная и структурная реализация значительно различается в разных языках. Изучая эти конструкции на примере таджикского языка, индоиранского языка с богатой синтетической морфологией, и английского языка, германского языка с выраженными аналитическими тенденциями, данное исследование выявляет как универсальные принципы, так и языковые ограничения. Анализ опирается на теоретические постулаты из описательных грамматик и контрастивных исследований для систематической классификации и сравнения синтаксических ролей, семантических свойств и дискурсивных функций неличных предложений в обоих языках. Ключевые различия выявлены в таких областях, как выражение временных-аспектных отношений, структура аргументов и допустимость нулевых подлежащих. В заключение статьи делается вывод, что, хотя оба языка используют неличные формы для интеграции предложений, лежащие в их основе грамматические системы накладывают различные правила на их образование и использование, что влияет на стратегии перевода и усвоение второго языка.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, неличные формы глаголов, таджикский и английский языки, синтаксис, типология, герундии, причастия, инфинитив, стратегии перевода, выражение временных-аспектных отношений.

Zafarova Z.A.

PhD student of the department of translation and grammar of the English language of the faculty of foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

* © Зафарова З.А., 2026.

Some theoretical views on comparative analysis of constructions with non-finite verb forms in Tajik and English

Abstract. The given article dwells on the comparative analysis of non-finite verb form constructions in Tajik and English, grounded in a theoretical framework derived from contrastive linguistics and typology. Non-finite forms– including infinitives, participles, and gerunds– serve as critical tools for syntactic subordination and information packaging, yet their functional and structural realizations vary significantly across languages. By examining these constructions through the lens of Tajik, an Indo-Iranian language with rich synthetic morphology, and English, a Germanic language with strong analytic tendencies, this study elucidates both universal principles and language-specific constraints. The analysis draws on theoretical postulates from descriptive grammars and contrastive studies to systematically categorize and compare the syntactic roles, semantic properties, and discourse functions of non-finite clauses in both languages. Key divergences are identified in areas such as the expression of temporal-aspectual relations, argument structure, and the licensing of null subjects. The article concludes that while both languages utilize non-finite forms for clause integration, the underlying grammatical systems impose distinct rules on their formation and usage, impacting translation strategies and second language acquisition.

Key words: contrastive linguistics, non-finite verb forms, Tajik and English languages, syntax, typology, gerunds, participles, infinitive, translation strategies, expression of temporal-aspectual relations.

1. Introduction

The study of non-finite verb forms occupies a central position in syntactic theory due to their hybrid nature, sharing properties of both verbs and nouns or adjectives. These forms– infinitives, participles, and gerunds– enable the formation of embedded clauses without finite tense marking, facilitating complex sentence structuring and information condensation. A comparative analysis of these constructions across genetically and typologically distinct languages, such as Tajik and English, offers valuable insights into the interplay between universal grammatical principles and language-particular features [3, p. 164; 4, p. 42; 5, p. 52].

Tajik, as a modern variety of Persian belonging to the Indo-Iranian branch, exhibits a robust system of non-finite morphology, including the infinitive (e.g., кардан 'to do'), present participle (e.g., кунанда 'doing'), past participle (e.g., карда 'done'), and gerunds (e.g., кардан 'doing'). These forms are integral to constructing adverbial, relative, and complement clauses, often contributing to a highly synthetic and integrated textual style. In contrast, English, a West Germanic language with significant analytic drift, employs a more limited set

of non-finite forms: the to-infinitive, the bare infinitive, the present participle (-ing form), and the past participle (-ed/en form). The functional distribution and syntactic constraints governing these forms differ markedly from those in Tajik [2; 15].

The primary aim of this research is to conduct a theoretically informed comparative analysis of non-finite constructions in Tajik and English. This involves:

1. Reviewing the theoretical foundations for classifying and analyzing non-finite forms in both languages.

2. Systematically mapping the syntactic functions (e.g., subject, object, adverbial, attributive) of each non-finite category.

3. Identifying points of structural convergence and divergence, with explanations rooted in the typological profiles of the languages.

4. Analyzing the semantic and discourse-pragmatic implications of these differences, particularly regarding modality, temporality, and voice.

The significance of this study is threefold: it contributes to the descriptive grammar of Tajik from a contrastive perspective, provides a theoretical framework for addressing common challenges in Tajik-English translation and language pedagogy, and tests typological predictions regarding synthetic versus analytic strategies in clause linkage.

The methodology is qualitative and analytical, based on the examination of grammatical descriptions and constructed examples illustrative of standard usage. The theoretical framework synthesizes insights from functional-typological grammar and contrastive linguistics.

2. Theoretical Framework and Literature Review

This section outlines the theoretical underpinnings for analyzing non-finite forms and reviews key literature on Tajik and English grammar from a contrastive standpoint.

2.1. Defining Non-Finiteness

Theoretical linguistics typically defines finiteness based on a cluster of properties, including the specification of tense, mood, agreement with a grammatical subject, and the ability to head an independent clause [11, p. 112]. Non-finite forms are characterized by the absence or severe reduction of these properties. They often lack independent tense, instead deriving temporal interpretation from the main clause, and may have reduced or no subject agreement. However, they retain certain verbal features, such as the ability to take objects and adverbial modifiers.

2.2. Non-Finite Forms in Tajik: A Theoretical Overview

In traditional Tajik grammar, non-finite forms are categorized as follows [2; 6; 7; 8; 9]:

Масдар (Infinitive): The citation form of the verb (e.g., навиштан 'to write').

It functions as a verbal noun and can serve as a subject, object, or complement. It is often used with modal verbs and in purpose clauses.

Сифати феълӣ (Verbal Adjective/Participle): Includes present (active) (навиштанда 'writing') and past (passive/perfective) (навишта 'written') participles. They primarily function as noun modifiers (attributes) but can also form the core of complex tenses (e.g., the perfect: навиштааст 'he has written') and absolute constructions.

Герунии (Gerund): This is a pivotal category, often identical in form to the past participle (навишта). Its function is primarily adverbial, expressing an action prior to that of the main verb (e.g., Китобро хонда, ба хоб рафт 'Having read the book, he went to sleep'). It is a key device for clause-chaining and creating narrative cohesion.

A critical theoretical point is the polyfunctionality of the -a form (e.g., карда), which can be a past participle, a gerund, or part of a perfective construction. Disambiguation is heavily context-dependent [14, p. 178].

2.3. Non-Finite Forms in English: A Theoretical Overview

English non-finite forms are traditionally analyzed as [13; 15]:

The Infinitive: Can be marked with to (to-infinitive) or unmarked (bare infinitive). Its functions include expressing purpose, serving as a complement to verbs of intention, perception, and causation, and acting as a subject or object.

The -ing Form (Gerund-Participle): This form represents a merger of the traditional gerund and present participle. It functions nominally as a gerund (e.g., Swimming is fun) and verbally/adjectivally as a participle (e.g., The swimming boy; He is swimming).

The Past Participle: Usually in -ed or -en form, it functions adjectivally (a broken window) and in perfect and passive constructions (has broken, was broken).

Theoretical debates in English syntax often concern the control and raising properties of non-finite clauses, i.e., the mechanisms determining the reference of their unexpressed subject (PRO or trace) [12, p. 89].

2.4. Contrastive Linguistics as a Theoretical Basis

Contrastive Analysis (CA) posits that systematic comparisons of linguistic systems can predict areas of difficulty in language learning and translation [10, p. 21-45; 11, p. 100]. This study adopts a modern, theoretically driven CA approach, focusing not only on surface-level differences but also on the underlying syntactic and semantic rules governing non-finite constructions. The typological contrast between Tajik's synthetic features (rich verbal morphology permitting dense clause integration) and English's analytic features (reliance on word order, prepositions, and finite auxiliaries) forms the overarching explanatory framework.

3. Comparative Analysis: Syntactic Functions and Realizations

This section provides a detailed, point-by-point comparison of how Tajik and English realize various syntactic functions using non-finite forms.

3.1. Subject and Object Positions

Tajik: The infinitive commonly functions as a subject or object.

Subject: Дондан лозим аст [1]. 'To know/Knowing is necessary.'

Object: Ман мехоҳам донам [1]. 'I want to know.' (Note: Here, the subjunctive present донам is often used instead of the infinitive дондан for object complements).

English: Both the to-infinitive and the gerund can occupy these positions, often with subtle semantic differences (e.g., general vs. specific, or completed vs. ongoing action).

Subject: To know him is to love him. / Knowing is half the battle.

Object: I want to know. / I enjoy knowing.

While both languages allow non-finites as subjects, Tajik shows a stronger preference for the infinitive in formal subject positions. For verbal complements, Tajik frequently shifts to a finite (subjunctive) clause after volitional verbs, whereas English consistently uses the non-finite to-infinitive.

3.2. Adverbial Functions (Time, Cause, Condition, Concession)

Tajik: The gerund is the primary device for adverbial subordination.

Time (Prior Action): Хона гирифта, ба кор рафт [1]. 'Having eaten breakfast, he went to work.'

Cause: Хаста буда, наомад [1]. 'Being tired, he didn't come.'

English: Adverbial functions are typically fulfilled by participle phrases or preposition + gerund constructions, often with explicit subordinating conjunctions.

Time: After eating/Having eaten breakfast, he went to work.

Cause: Being tired, he didn't come. / Because he was tired, he didn't come.

The Tajik gerund is a highly grammaticalized, default marker for sequential and causal relations, requiring no preposition. English offers a spectrum from a participial absolute construction ("Being tired,") which is somewhat literary, to a more explicit finite clause ("Because he was tired"). This highlights English's preference for explicit clause linkage markers.

3.3. Attributive Function (Noun Modification)

Tajik: Both present and past participles are used attributively, often following the noun they modify.

Present: зани хонданда 'the reading woman'

Past: китоби хондашуда 'the read book' / китоби хонда 'the book that has been read'

English: Present participles (-ing) and past participles (-ed/-en) are used, typically in pre-nominal position.

The reading woman; the read book (less common) / the book that was read (more common).

Tajik participles are more freely and productively used as post-nominal modifiers, equivalent to full relative clauses. English past participles in attributive position are often lexically restricted (e.g., a broken window is common, but a read book is not). English frequently resorts to a finite passive relative clause where Tajik uses a simple participle, again showing the analytic-synthetic divide.

3.4. Complement Clauses

Tajik: The infinitive and the subjunctive clause (introduced by ки) compete in complement positions. Perception and causation verbs often take an infinitive or a short form.

Ман ӯро омадан дидам. / Ман дидам, ки ӯ меояд [1]. 'I saw him come/coming.' / 'I saw that he came.'

English: A complex system exists: perception verbs take the bare infinitive or present participle (I saw him come/coming); verbs of causation take the bare infinitive (I made him leave); verbs of intention take the to-infinitive (I asked him to leave).

Tajik syntax exhibits greater variation between finite and non-finite complements. English has a more rigidly codified system of "complementation patterns," where the choice of non-finite form (bare infinitive vs. to-infinitive vs. -ing) is lexically governed by the matrix verb– a concept less prominent in Tajik grammatical descriptions.

3.5. Absolute Constructions

Tajik: The absolute participial construction is a hallmark of its syntax. It consists of a noun phrase and a participle (often past), forming an adjunct clause with its own subject.

Модар хобида, кӯдак бозӣ кард [1]. 'The mother being asleep, the child played.'

English: The nominative absolute construction exists but is considered formal and less frequent.

The mother being asleep, the child played. / With the mother asleep, the child played. / Because the mother was asleep, the child played.

The Tajik absolute construction is a common, neutral narrative device. Its direct English equivalent is stylistically marked. English prefers alternative strategies: a prepositional phrase with or, most commonly, a finite adverbial clause. This represents a major point of structural divergence with significant implications for translation stylistics.

4. Discussion: Theoretical Implications and Explanations

The comparative analysis reveals profound systemic differences that can be explained through theoretical lenses of typology and grammaticalization.

4.1. Typological Explanations: Synthesis vs. Analysis

The core divergence stems from Tajik's synthetic and English's analytic orientations [7, p. 101-145].

Tajik: Syntactic relations are often encoded via morphological markers on the verb (participle/gerund suffixes). This allows for dense packaging of multiple propositions into a single clause through non-finite subordination, creating a compact, integrated discourse style.

English: Syntactic relations are more often encoded through word order, function words (prepositions, subordinating conjunctions), and periphrastic constructions. This leads to a more sequential, clause-by-clause presentation of information.

The Tajik gerund (карда) is a prime example of synthesis: a single morpheme simultaneously conveys non-finiteness, perfective aspect, and adverbial subordination. English requires a combination of words to achieve the same: having done, after doing, because he did.

4.2. The Parameter of "Tense Transparency"

A theoretical concept useful here is the varying dependency of non-finite forms on the matrix clause for temporal interpretation. Tajik non-finites, particularly the gerund and past participle, have a strong intrinsic perfective/anterior aspectual value. English non-finites are more temporally transparent, their interpretation more rigidly determined by the matrix verb tense and the type of construction (e.g., the perfect participle having done explicitly marks anteriority, while the present participle doing is often simultaneous).

4.3. Implications for Control Theory

In generative grammar, the unexpressed subject of a non-finite clause (PRO) is said to be "controlled" by an argument in the main clause [5, с. 89]. The rules of control appear to differ. In Tajik sentences like Ман [PRO ба бозор рафтан]-ро дӯст дорам ('I like [PRO to go to the market]'), PRO is controlled by the subject ман. While similar to English, the system in Tajik may be less rigidly constrained by specific verb classes, warranting further theoretical investigation within a Principles & Parameters framework.

4.4. Grammaticalization Pathways

The Tajik system demonstrates a historical pathway where participles have grammaticalized into core tense-aspect markers (e.g., the perfect tense кардааст) and conjunctions. The English -ing form has also grammaticalized, but in different directions, blurring the line between gerund and present participle. This comparative study underscores how universal cognitive-functional needs (e.g., for subordination) are met through different historical-grammatical trajectories in different language families.

5. Conclusion

This theoretical and comparative analysis has demonstrated that while Tajik and English both employ a repertoire of non-finite verb forms to achieve syntactic complexity, the principles governing their use are fundamentally shaped by the typological profiles of each language.

The key findings are:

1. Functional Asymmetry: Forms that are superficially analogous (e.g., Tajik past participle/gerund карда and English past participle done) cover vastly different functional territories. The Tajik form is central to narrative structure, while its English counterpart is more restricted.

2. Synthetic Integration vs. Analytic Explicitness: Tajik favors morphologically marked non-finite forms that create tightly integrated, paratactic-like sentence structures. English favors finite subordinate clauses or non-finite forms accompanied by explicit linkers, resulting in a more hierarchical and explicitly marked clause linkage.

3. Primary Challenges in Translation and Acquisition: The areas of greatest divergence– particularly the Tajik absolute construction and the ubiquitous adverbial gerund– pose significant challenges. Translators must often recast these synthetic structures into analytic English clauses. Similarly, Tajik learners of English must learn to resist the overuse of participle phrases for adverbial meanings and adopt a wider range of conjunctions and prepositional phrases.

This study provides a theoretical foundation for more applied work in pedagogy and translation. Future research should employ corpus-based methods to quantify the usage frequencies of different non-finite constructions and explore the processing of these structures by bilingual speakers, thereby testing the psycholinguistic reality of the theoretical differences outlined here.

Библиографический список:

1. Айни С. Ёддоштхо. – Душанбе: Ирфон, 1987. – Ҷилди 1-4.
2. Забони адабии хозираи точик. (3) ч.-1, Фонетика ва морфология. – Душанбе, 1973. 451 с.
3. Ибрагимова Р.А. Синтаксические функции некоторых вербалий в английском и таджикском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 3 (44). С. 164-167.
4. Ибрагимова Р.А. Основные проблемы морфологии причастий // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2015. № 4-7 (180). С. 42-49.
5. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
6. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
7. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
8. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
9. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and

English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.
10. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. 2nd ed., University of Chicago Press, 1989. 252 p.
11. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed., Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
12. Ganshina M.A., Vasilevskaya, N.M. English Grammar / M.A. Ganshina, N.M. Vasilevskaya. Ninth edition revised. Higher School Publishing House, 1964. 540 p.
13. Haegeman L. Introduction to Government and Binding Theory. 2nd ed., Blackwell, 1994. 708 p.
14. Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
15. Khaimovich B.S., Rogovskaya B.I. A Course in English Grammar / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. −M.: Vishsaya shkola, 1967. 301 p.
16. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

Reference

1. Ayni S. Yoddoshtҳo. – Dushanbe: Irfon, 1987. – Чилди 1-4.
2. Забои адабии хоираи точик. (3) ч.-1, Phonetics and morphology. – Dushanbe, 1973. 451 p.
3. Ibragimova R.A. Syntactic functions of some verbals in English and Tajik languages // Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of humanitarian and social sciences. 2015. № 3 (44). P. 164-167.
4. Ibragimova R.A. Main problems of the morphology of participles // Bulletin of the Tajik National University. Series of philological sciences. 2015. № 4-7 (180). P. 42-49.
5. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
6. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
7. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle gӯyo and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
8. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
9. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24.
10. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. 2nd ed., University of Chicago Press, 1989. 252 p.
11. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed., Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
12. Ganshina M.A., Vasilevskaya, N.M. English Grammar/M.A. Ganshina, N.M. Vasilevskaya. Ninth edition revised. Higher School Publishing House, 1964. 540 p.
13. Haegeman L. Introduction to Government and Binding Theory. 2nd ed., Blackwell, 1994. 708 p.
14. Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
15. Khaimovich B.S., Rogovskaya B.I. A Course in English Grammar / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya.−M.: Vishsaya shkola, 1967. 301 p.
16. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Ли Илинь
Студент бакалавриата. Цзилиньский университет, г. Чанчунь, Китай.

Двусторонняя интерпретация и сопоставительный анализ трансграничного распространения китайской и российской сетевой литературы*

Аннотация. На фоне динамичного развития цифровой цивилизации и углубления гуманитарного обмена между Китаем и Россией сетевая литература, как новый носитель цифровой культуры, стала ярким явлением в культурном обмене между двумя странами. Исходя из концепций «Взаимодействие культурных символов» и «культурная адаптация», в данной работе проводит углубленную интерпретацию и систематический сопоставительный анализ двустороннего процесса распространения китайской и российской сетевой литературы. Исследование полагает, что этот процесс далеко не сводится к простому экспорту и импорту культурной продукции, а представляет собой непрерывное взаимодействие культурных символов и конструирование идентичности в цифровом поле при участии множества субъектов, таких как авторы, переводчики, платформы передачи и читатели. В этом процессе китайская сетевая литература, благодаря своей систематизированной картине мира и сильного нарратива, вызвала у российских читателей глубокую культурную адаптацию – от когнитивного восприятия до практики; в то время как российская сетевая литература, опираясь на свои глубокие литературные традиции и духовные поиски, достигла эстетической адаптации, основанной на ценностном резонансе, среди определенных кругов китайских читателей. Однако, упрощение содержания под влиянием коммерческой логики, нехватка высококвалифицированных кадров для межкультурной интерпретации и закрепление информационных пузырей из-за алгоритмов платформ в совокупности создают барьеры, препятствующие глубокому распространению. На этой основе в статье предлагается ряд оптимизационных мер, направленных на содействие высококачественному обмену смыслами и взаимному обогащению цивилизаций в рамках литературного обмена между двумя странами.

Ключевые слова: китайская сетевая литература, символическое взаимодействие, культурная адаптация, трансграничное распространение, межкультурная коммуникация, стратегии перевода, цифровые платформы, взаимное обогащение цивилизаций.

Li Yilin
Undergraduate Student. Jilin University, Changchun, China.

* © Ли Илинь, 2026.

A bilateral interpretation and comparative analysis of the cross-border dissemination of Chinese and Russian online literature

Abstract. Against the backdrop of the dynamic development of digital civilization and the deepening of cultural exchanges between China and Russia, online literature, as a new carrier of digital culture, has emerged as a prominent phenomenon in the bilateral cultural dialogue. Based on the theoretical frameworks of "cultural-semiotic interaction" and "cultural adaptation," this study provides an in-depth interpretation and a systematic comparative analysis of the bilateral dissemination process of Chinese and Russian online literature. The research posits that this process extends far beyond the mere export and import of cultural products; rather, it constitutes a continuous interplay of cultural symbols and an identity construction within the digital sphere, involving multiple actors such as authors, translators, distribution platforms, and readers. In this process, Chinese online literature, with its systematic world-building and compelling narratives, has elicited profound cultural adaptation among Russian readers–spanning from cognitive reception to practical engagement. Meanwhile, Russian online literature, drawing on its profound literary traditions and spiritual explorations, has achieved aesthetic adaptation based on value resonance within certain circles of Chinese readers. However, content simplification driven by commercial logic, a shortage of high-quality cross-cultural interpreters, and the reinforcement of information bubbles by platform algorithms collectively form barriers that hinder deeper dissemination. Building on this analysis, the paper proposes a series of optimization measures aimed at promoting high-quality meaning exchange and mutual enrichment of civilizations through literary interaction between the two countries.

Key words: Chinese online literature, symbolic interaction, cultural adaptation, cross-border dissemination, intercultural communication, translation strategies, digital platforms, cross-cultural enrichment.

Введение

С углублением глобализации и стремительным развитием цифровых технологий сетевая литература преодолела национальные границы, став важной площадкой для культурного обмена и демонстрации мягкой силы различных стран. В этом контексте зарубежное распространение китайской сетевой литературы достигло значительных успехов, а ее сравнение в рамках «двустороннего потока» с российской сетевой литературой позволяет выявить более богатую картину межкультурной коммуникации [1]. Китай и Россия являются важными всеобъемлющими стратегическими партнерами и обладают глубокими и уникальными культурными традициями, что возводит обмен их сетевой литературой над простой торговлей культурной продукцией, превращая его в непрерывный и углубленный диалог цивилизаций в цифровом пространстве [2]. В отличие от

распространенного подхода, ориентированного на односторонний экспорт, данное исследование особо подчеркивает «двустороннюю интерпретацию» и «сравнительный анализ», стремясь изучить, как культурные символы, содержащиеся в китайской и российской сетевой литературе, взаимодействуют и понимаются различными субъектами при входе в культурное поле друг друга, и как стратегии распространения адаптируются. Этот двусторонний процесс является ключом к пониманию микромеханизмов текущего гуманитарного обмена между Китаем и Россией. Поэтому данная статья систематически проанализирует внутреннюю логику и внешние проявления этого динамичного процесса, и, сравнив сходства и различия двух стран в путях распространения, механизмах рецепции и реальных трудностях, предоставит insights для содействия переходу китайско-российского обмена сетевой литературой и более широкого культурного обмена от «знания» к «пониманию».

I. Теоретическая основа и исследовательский подход

Данное исследование в основном рассматривает феномен обмена китайской и российской сетевой литературой с точек зрения символического взаимодействия и культурной адаптации. Теория символического взаимодействия указывает, что значение любого культурного символа не является фиксированным, а формируется в процессе межличностной коммуникации. Применяя эту точку зрения к распространению сетевой литературы, следует обратить внимание на то, как такие культурные элементы, как китайская концепция «культивации бессмертия» или русский фольклор, понимаются и принимаются людьми с различным культурным бэкграундом при трансграничном распространении. Этот процесс затрагивает множество аспектов: как авторы выбирают культурные элементы, как переводчики переводят и объясняют их, как интернет-платформы продвигают и представляют их, и как читатели понимают и даже участвуют в ре-творчестве.

Культурная адаптация относится к стратегии внесения соответствующих корректировок в процессе межкультурной коммуникации в соответствии с культурными особенностями целевой аудитории [3]. Конкретно в распространении сетевой литературы такие корректировки в основном проявляются в трех аспектах: во-первых, в языковом выражении, необходимо учитывать как смысл оригинала, так и читательские привычки аудитории перевода; во-вторых, в содержании и сюжете, могут потребоваться определенные адаптации, чтобы сделать их более соответствующими когнитивным и эмоциональным моделям местных читателей; наконец, в способах распространения, таких как выбор платформ и методов продвижения. Сочетание этих двух перспектив формирует основной подход данного

исследования: обмен китайской и российской сетевой литературой представляет собой непрерывный интерактивный процесс, в котором различные участники через постоянные корректировки и адаптацию совместно влияют на эффект распространения культурных символов.

Изучение состояния развития сетевой литературы в Китае и России показывает: китайская сетевая литература после более чем двадцати лет развития сформировала довольно зрелую модель творчества и операционной деятельности, жанры произведений разнообразны [4]. Российская сетевая литература, хотя и начала развиваться относительно позже, демонстрирует хорошие темпы роста, особенно в таких жанрах, как научная фантастика, проявляя уникальный стиль [6]. Эти сходства и различия в сетевой литературе двух стран предоставляют различные предпосылки и пути развития для трансграничного распространения.

II. Сравнение систем культурных символов в китайской и российской сетевой литературе

Китайская и российская сетевая литература содержат глубокие культурные корни своих стран, постепенно формируя характерные системы символов. Китайская сетевая литература, особенно в жанрах сянся (xiānxiá, «бессмертные герои») и сюаньхуань (xuànhuàn, «фэнтези»), конструирует систему символов, обладающую внутренней логикой и иерархичностью [5]. Например, система уровней в романах о культивации бессмертия (ляньци, чжуцзи, цзиньдань и т.д.) является типичным примером. Эти символы не только выполняют указательную функцию, но и несут глубокое культурное содержание, такое как философские идеи даосизма, традиционные этические концепции и т.д.

Система символов российской сетевой литературы отражает иные характеристики. Основываясь на своей глубокой литературной традиции и уникальных национальных особенностях, российская сетевая литература уделяет больше внимания духовным поискам и историческому измерению. В таких жанрах, как славянское фэнтези, переплетаются фольклор, историческая память и религиозные элементы, формируя уникальный эстетический стиль. В отличие от китайской сетевой литературы, акцентирующей систематизацию, российская сетевая литература больше фокусируется на индивидуальном духовном пути и выборе судьбы, использование символов часто служит для изображения внутреннего мира персонажей [6].

С точки зрения нарративных моделей, сетевая литература двух стран также демонстрирует значительные различия. Китайская сетевая литература тяготеет к грандиозной нарративной архитектуре и четким сюжетным линиям, истории обладают сильной целостностью и логичностью.

Российская сетевая литература же больше внимания уделяет напряженности повествования и философской глубине, развитие сюжета часто сопровождается глубокими моральными дилеммами и исследованием человеческой природы [7]. Эти нарративные различия отражают различные читательские привычки и эстетические предпочтения в двух странах. В аспекте выражения ценностей китайская сетевая литература в целом отражает активную жизненную позицию, подчеркивая единство личного стремления и коллективных интересов. Российская сетевая литература сохраняет глубокий поиск смысла существования, продолжая характерное для русской литературы чувство тревоги и социальную ответственность. Эти различия в ценностных ориентациях составляют как вызов для трансграничного распространения, так и предоставляют богатые возможности для культурного диалога.

III. Механизм символического взаимодействия в трансграничном распространении

(I) Символическое взаимодействие в процессе перевода

Перевод, как ключевое звено межкультурной коммуникации, демонстрирует отчетливые особенности в обмене китайской и российской сетевой литературой. В отличие от традиционного литературного перевода, перевод сетевой литературы больше ориентирован на оперативность и обратную связь с читателями [8]. Многие переводчики своевременно корректируют стратегии перевода на основе комментариев и предложений читателей. Такая интерактивная модель перевода делает переводной текст все более совершенным произведением. Кроме того, появление сообществ фан-переводчиков привнесло новую динамику в распространение сетевой литературы [9]. Эти переводчики обычно самоорганизуются из-за любви к произведениям, они глубоко разбираются в сюжетных линиях и характеристиках персонажей, поэтому их переводы часто ближе к стилю оригинала и лучше соответствуют ожиданиям читателей.

(II) Коммуникация и интерпретация в читательских сообществах

Цифровые платформы играют важную роль в содействии культурному взаимодействию. Специализированные платформы, такие как Webnovel (Qidian International), предоставляя читательские сообщества, зоны для взаимодействия и т.д., создают прямые калы связи между авторами, переводчиками и читателями. Здесь читатели могут обсуждать содержание произведений, переводчики делиться опытом перевода, а авторы узнавать отзывы читателей. Такая форма коммуникации в сообществах является не просто каналом общения, но и пространством культурного взаимодействия. Это многомерное взаимодействие значительно обогащает смысловое содержание процесса распространения.

(III) Сравнение моделей взаимодействия при двустороннем распространении

С точки зрения моделей взаимодействия, распространение китайской и российской сетевой литературы демонстрирует различные характеристики. Распространение китайской сетевой литературы в России часто происходит в форме жанровой литературы, через создание фансообществ, проведение онлайн-мероприятий и т.д., формируя относительно стабильную читательскую аудиторию. В то время как распространение российской сетевой литературы в Китае в большей степени relies on продвижение академическими институтами и культурными организациями, через литературные лекции, семинары по произведениям и другие формы, оказывая влияние на интеллектуальные круги. Эти две различные модели взаимодействия отражают различия в стратегиях культурного распространения двух стран и влияют на способы восприятия и интерпретации культурных символов.

IV. Практические пути и вызовы культурной адаптации

В процессе трансграничного распространения китайской и российской сетевой литературы культурная адаптация проявляется в разнообразных практических путях. Во-первых, на языковом уровне, переводчикам необходимо решать проблемы перевода некоторых специальных терминов. Для характерных для китайской сетевой литературы терминов культивации, названий приемов кунг-фу и т.д. русскоязычные переводчики разработали целый ряд системных стратегий перевода: некоторые используют транскрипцию с комментариями, другие находят аналогичные концепции в русской культуре для аналогии[8]. Выбор этих стратегий часто зависит от культурной позиции переводчика и ожиданий восприятия целевой аудитории. На уровне содержания культурная адаптация проявляется в корректировке нарративной структуры и трансформации ценностных выражений. Некоторые произведения при выходе на рынок другой стороны могут подвергаться соответствующей модификации ритма повествования, характеристик персонажей, чтобы соответствовать читательским привычкам местной аудитории. Например, относительно затянутые процессы культивации в китайской сетевой литературе могут быть соответствующим образом сокращены для российских читателей; а слишком тяжелые философские размышления в российской сетевой литературе также могут быть в определенной степени смягчены в китайской версии.

Однако процесс культурной адаптации также сталкивается с множеством вызовов. Первостепенной проблемой является феномен «культурного дисконта» (cultural discount): различия между Китаем и Россией в исторических традициях, социальных системах, ценностных представлениях

приводят к тому, что некоторые культурные коннотации не могут быть полностью поняты и приняты читательской аудиторией другой стороны [10]. Например, подчеркиваемый в китайской сетевой литературе дух «коллективизма» может вступать в определенное противоречие с большей ориентированностью российских читателей на личностную ценность. Другой существенной проблемой является эрозия литературности под влиянием коммерциализации. В погоне за максимальной рыночной эффективностью некоторые субъекты распространения склонны выбирать произведения, имеющие более высокую коммерческую ценность, но недостаточную литературную глубину, или чрезмерно адаптировать оригинал под массовый вкус. Такая тенденция может привести к упрощению культурного содержания произведений. Кроме того, нехватка профессиональных кадров также ограничивает качество культурной адаптации. Хороший литературный перевод требует не только прочных языковых навыков, но и глубокого понимания культур обеих сторон. В настоящее время профессиональных переводчиков, способных качественно переводить китайскую и российскую сетевую литературу, по-прежнему мало, что напрямую влияет на эффективность и глубину распространения.

V. Пути оптимизации и перспективы развития

(I) Инновации на институциональном уровне

Для содействия углубленному развитию обмена китайской и российской сетевой литературой необходимо построить системные пути оптимизации по нескольким измерениям. Во-первых, следует усилить проектирование и поддержку на институциональном уровне. Рекомендуется создать совместные центры перевода и исследований, концентрируя академические ресурсы обеих сторон для проведения такой базовой работы, как стандартизация терминологии, создание корпусов и т.д. Одновременно следует учредить специальные фонды поддержки, предоставляя гранты для наиболее перспективных переводческих проектов и академических исследований, обеспечивая институциональные гарантии для углубленного культурного обмена.

(II) Интеллектуальное обновление функций платформ

Следует поощрять цифровые платформы к разработке систем интеллектуальной поддержки перевода, внедряя базы знаний о культурном фоне для предоставления переводчикам справочной информации в реальном времени. Одновременно оптимизировать механизмы рекомендательных алгоритмов, наряду с обеспечением точных рекомендаций, увеличить функцию меж-пузырьковых рекомендаций, помогая качественному контенту преодолевать информационные пузыри. Кроме того, платформы должны усиливать социальные функции, создавая более открытые и ин-

клюзивные пространства для дискуссий, способствуя углубленному общению между читателями.

(III) Систематизация подготовки кадров

Продвижение подготовки кадров является ключом к устойчивому развитию. Рекомендуется вузам активно открывать курсы, связанные с литературным переводом, готовя многосторонне подготовленных специалистов, обладающих как языковыми способностями, так и литературной грамотностью и культурной проницательностью. Одновременно создавать механизмы обмена для переводчиков, регулярно проводить воркшопы и семинары для обмена практическим опытом. Что касается энтузиастов любительского перевода, можно путем учреждения наград, предоставления обучения и т.д. включить их в систему профессиональной подготовки кадров [11].

В перспективе обмен китайской и российской сетевой литературой имеет широкие возможности для развития. По мере постоянного совершенствования цифровой инфраструктуры двух стран и неуклонного расширения читательской аудитории, этот культурный обмен может перейти от простого импорта и экспорта произведений к взаимодействию и сотрудничеству на уровне творчества. В этом процессе китайская сетевая литература через более разнообразные и глубокие каналы будет демонстрировать уникальное очарование китайской культуры российскому и более широкому международному рынку. В будущем могут появиться значительно больше инновационных произведений, сочетающих элементы культур обеих сторон. Эти произведения не только смогут способствовать взаимному обогащению цивилизаций, но и станут важной практикой творческой трансформации и инновационного развития выдающейся традиционной китайской культуры. Через яркие и увлекательные сюжеты и полнокровные, многогранные образы персонажей китайская сетевая литература будет умело интегрировать в повествование культурную квинтэссенцию Китая, имеющую современную ценность и мировое значение, позволяя зарубежным читателям, наслаждаясь радостью чтения, углублять понимание и признание китайской культуры.

VI. Заключение

Трансграничное распространение китайской и российской сетевой литературы является важной практикой цивилизационного обмена в цифровую эпоху. Через углубленный анализ процесса их символического взаимодействия и культурной адаптации мы видим, что этот процесс представляет собой не просто пространственное перемещение культурной продукции, но и творческую трансформацию культурных смыслов в межкультурном контексте. Встреча двух литературных традиций по-

рождает как вызовы для понимания, так и стимулирует возможности для инноваций.

Данное исследование, построив аналитическую структуру «символическое взаимодействие – культурная адаптация», раскрыло сложный механизм распространения китайской и российской сетевой литературы. Исследование показало, что этот процесс характеризуется участием множества субъектов, многомерным взаимодействием, динамичным развитием и т.д., его успех зависит как от стратегического выбора различных акторов, так и обусловлен конкретным социально-культурным контекстом. Перед лицом существующих проблем, таких как культурный дисконт, коммерциализация и нехватка кадров, необходимы совместные усилия всех сторон для построения более открытой и инклюзивной экосистемы обмена. В будущем обмен китайской и российской сетевой литературой должен выйти за рамки простой логики рыночного обмена, двигаясь в направлении более глубокого культурного диалога. Это требует от создателей сохранения культурного самосознания, наследования через инновации; от переводчиков – повышения профессиональной грамотности, общения через перевод; от платформ – совершенствования сервисных функций, технологического усиления; а от читателей – сохранения открытого мышления, понимания через чтение. Только так литературный обмен в цифровую эпоху сможет по-настоящему стать мостом, соединяющим разные цивилизации. С развитием технологий и углублением обмена китайско-российский обмен сетевой литературой несомненно проявит более богатые формы. Мы надеемся, что этот культурный диалог, основанный на цифровых медиа, сможет не только способствовать процветанию литературного творчества в обеих странах, но и внести уникальный культурный вклад в построение сообщества с единой судьбой для человечества.

Библиографический список:

1. Шао Яньцзюнь, Цзи Юньфэй, Сяо Инсян. Зарубежное распространение китайской сетевой литературы в контексте медиа-революции [J]. Литературная теория и критика, 2018. № 2. С. 119-129.
2. Е Цису, Чэн Лучэнь. Китайско-российский культурный обмен и российское китаеведение – интервью с профессором Ли Минбином из Пекинского университета [J]. Международное китаеведение (International Sinology), 2021. № 4. С. 57-62.
3. Хэ Тяньпин, Цзян Сяньчэн. От «перевода» к «соединению»: инновация парадигмы культурного экспорта для точной международной коммуникации [J]. Книгоиздание Китая, 2024. № 10. С. 15-21.
4. Лю Цзянвэй, Су Янь. Опубликована «Синяя книга китайской сетевой литературы 2024» [N]. Гуанмин Жибао, 2025-06-19(009).
5. Юй Цзинвэй, Чжан Сюэцянь. Эволюционная наррация сетевых романов сюаньхуань и возвращение традиции [J]. Южный литературный форум, 2021. № 2. С. 79-84.
6. Красильников Р. Л. Современная российская литература и Интернет: проблемы взаимодействия [J]. Вестник Челябинского государственного университета: Филология и искусствоведение, 2017. № 8. С. 112-119.
7. Иванова Е. С. Теоретические основы изучения сетевой художественной литературы: этапы развития и особенности жанров [J]. Тенденции развития науки и образования, 2025. № 104 (2). С. 65-71.

8. Чжэн Цзяньвэй. Зарубежная рецепция китайской сетевой литературы и модель сетевого перевода [J]. Литература на китайском языке, 2018. № 5. С. 119-125.
9. Жуань Шиюнь. Влияние зарубежного распространения китайской сетевой литературы на переводческие исследования [J]. Журнал Яньшаньского университета (Философия и социальные науки), 2019. № 20 (1). С. 11-18.
10. Тан Вэйци, Чжан Чжиу. Исследование зарубежного распространения китайских сетевых романов в контексте культурного «выхода вовне» [J]. Журнал Хубэйского института профессионального образования, 2019. № 32 (23). С. 190-191+194.
11. Гу Цзюньвэй. Эффективность и вызовы международного распространения китайских сетевых романов [J]. Медиафорум, 2025. № 12. С. 39-43.
12. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

Reference

1. Shao Yanjun, Ji Yunfei, Xiao Yingxiang. Overseas Dissemination of Chinese Online Literature in the Context of the Media Revolution [J]. Literary Theory and Criticism, 2018. № 2. P. 119-129.
2. Ye Qisu, Cheng Luchen. Sino-Russian Cultural Exchange and Russian Sinology: An Interview with Professor Li Mingbin of Peking University [J]. International Sinology, 2021. № 4. P. 57-62.
3. He Tianping, Jiang Xiancheng. From "Translation" to "Connection": Innovating the Cultural Export Paradigm for Accurate International Communication [J]. China Book Publishing, 2024. № 10. P. 15-21.
4. Liu Jianwei, Su Yan. "The Blue Book of Chinese Net Literature 2024" is Published [N]. Guangming Ribao, 2025-06-19(009).
5. Yu Jingwei, Zhang Xueqian. The Evolutionary Narrative of Xuanhuan Net Novels and the Return of Tradition [J]. Southern Literary Forum, 2021. № 2. P. 79-84.
6. Krasilnikov R.L. Contemporary Russian Literature and the Internet: Problems of Interaction [J]. Bulletin of Chelyabinsk State University: Philology and Art Criticism, 2017. № 8. P. 112-119.
7. Ivanova E.S. Theoretical Foundations for the Study of Net Fiction: Stages of Development and Features of Genres [J]. Trends of Science and Education Development, 2025. № 104 (2). P. 65-71.
8. Zheng Jianwei. Overseas Reception of Chinese Net Literature and the Model of Net Translation [J]. Literature in Chinese, 2018. № 5. P. 119-125.
9. Ruan Shiyun. The Impact of Overseas Spread of Chinese Net Literature on Translation Research [J]. Journal of Yanshan University (Philosophy and Social Sciences), 2019. № 20 (1). pp. 11-18.
10. Tang Weiqi, Zhang Zhiwu. A Study on the Overseas Spread of Chinese Net Novels in the Context of Cultural "Going Out" [J]. Journal of Hubei Institute of Vocational Education, 2019. № 32 (23). P. 190-191+194.
11. Gu Junwei. The Effectiveness and Challenges of International Distribution of Chinese Online Novels [J]. Media Forum, 2025. № 12. P. 39-43.
12. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Банкнотная бумага как фундамент безопасности: технологические инновации и индустриальный контроль в производстве банкнот Банка Франции (XIX – начало XX вв.)*

Аннотация. В статье исследуется ключевой аспект финансовой истории Франции – технологическая и институциональная эволюция производства банкнотной бумаги как основы защиты национальной валюты от подделки. В центре внимания находится переход Банка Франции от эпизодического аутсорсинга сложных водяных знаков частным мануфактурам к полному технологическому суверенитету и прямому контролю над всем производственным циклом. На основе анализа архивных материалов и исторических свидетельств реконструируется процесс индустриализации этого производства во второй половине XIX века, инициированный резким ростом обращения банкнот мелких номиналов (50 и 100 франков). В работе рассматриваются взаимосвязанные факторы этого перехода: совершенствование технологий (от ручного черпания к машине Дюпона), кризис ремесленных навыков (исчезновение корпорации черпальщиков) и стратегические управленческие решения (приобретение фабрики в Бьерси, создание собственной мастерской). Делается вывод о том, что ответом на вызовы массового обращения и новых репродуктивных технологий (литография, фотография) стала не просто механизация, а создание комплексной системы, сочетавшей элементы инженерного новаторства, сохранение уникальных ручных навыков и жёсткий административный надзор. Этот процесс рассматривается как формирование современной, для того времени, модели защиты денежных знаков, обеспечившей Банку Франции производствен-

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

ную независимость и качество, необходимое для поддержания доверия к франку.

Ключевые слова: Банк Франции, водяной знак, защита банкнот от подделки, индустриализация бумажного производства, машина Дюпона, фабрика в Бьерси, черпальщики, денежное обращение XIX века, история финансовых технологий.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Banknote paper as the foundation of security: technological innovations and industrial control in the production of bank of France banknotes (19th – early 20th centuries)

Abstract. This article examines a key aspect of French financial history – the technological and institutional evolution of banknote paper production as the foundation for protecting national currency from counterfeiting. The focus is on the transition of the Bank of France from the episodic outsourcing of complex watermarks to private manufacturers to full technological sovereignty and direct control over the entire production cycle. Based on the analysis of archival materials and historical evidence, the process of industrialization of this production in the second half of the 19th century is reconstructed, initiated by a sharp increase in the circulation of small-denomination banknotes (50 and 100 francs). The article explores the interconnected factors of this transition: technological advancements (from manual vat papermaking to the Dupont machine), the crisis of artisanal skills (the disappearance of the corporation of vatmen), and strategic managerial decisions (acquisition of the factory in Biercy, creation of an in-house workshop). It concludes that the response to the challenges of mass circulation and new reproductive technologies (lithography, photography) was not merely mechanization, but the creation of a comprehensive system that combined elements of engineering innovation, preservation of unique manual skills, and strict administrative oversight. This process is examined as the formation of a modern, for its time, model of currency protection, which provided the Bank of France with the production independence and quality necessary to maintain trust in the franc.

Key words: Bank of France, watermark, banknote security, industrialization of paper production, Dupont machine, Biercy factory, vatmen, 19th-century monetary circulation, history of financial technology.

Формирование и поддержание доверия к национальной валюте является одной из ключевых функций любого центрального банка. В эпоху доминирования бумажных денег эта задача в значительной степени сводилась к созданию эффективной и непреодолимой системы защиты банкнот от подделки. На протяжении XIX и XX веков водяной знак оставался краеугольным камнем этой системы, представляя собой уникальное сочетание художественного мастерства и производственной технологии, которое крайне сложно воспроизвести фальшивомонетчикам.

История защиты французских банкнот представляет собой особый случай непрерывной технологической эволюции, инициированной и управляемой Банком Франции. С момента своего основания в 1800 году институт унаследовал и развил традиции изготовления защищённой бумаги, изначально полагаясь на аутсорсинг частным мануфактурам, таким как Бюж и Маре. Однако по мере демократизации денежного обращения, выраженной в снижении номиналов банкнот и резком увеличении объёмов эмиссии купюр в 50 и 100 франков во второй половине XIX века, старая модель периодических ручных заказов перестала соответствовать новым требованиям. Возникло фундаментальное противоречие между необходимостью массового выпуска и обязательством обеспечивать высочайшее, практически «ювелирное» качество и идентичность каждого защитного элемента.

С момента своего основания в 1800 году Банк Франции размещал практически на всех своих банкнотах цветные включения либо один или два водяных знака, технология изготовления которых могла варьироваться и совершенствоваться, чтобы усложнить задачу потенциальным фальшивомонетчикам. 27 июля 1803 года, во время обсуждения перевыпуска банкнот Банка Франции, представленного перед советом регентства, директор типографии Виктор де Куэнси подчеркнул важность «водяных знаков» – которые на тот момент, по сути, являлись цветными включениями – для защиты бумажных денег [3, p. 30]. Виктор де Куэнси опирался на систему защиты, унаследованную от банкнот Caisse des comptes courants, учреждения, с которым Банк Франции объединился в 1800 году. С самого начала эмиссионный институт требовал особой тщательности в изготовлении своих водяных знаков, и этот подход никогда не ставился под сомнение, поскольку они требуют от фальшивомонетчика усилий и усердия, чтобы придать его поддельной банкноте правдоподобный вид. Поддельщик вынужден был работать с тонкой бумагой (еще одной характеристикой французской банкнотной бумаги), что представляло собой несомненную трудность (некоторые из них пытались соскабливать поверхность бумаги, чтобы воспроизвести разную толщину, характерную для процесса изготовления водяного знака). Начиная с 1824 года, Банк Франции использовал светлые и непрозрачные водяные знаки на своих банкнотах номиналом 500

и 1000 франков. В то время производство бумаги с водяными знаками было ручным, осуществлялось черпальным способом и передавалось на аутсорсинг частным производителям: бумажной мануфактуре Бюж, которая уже производила бумагу для ассигнатов во время Революции и для Caisse des comptes courants, а затем, начиная с 1811 года, бумажной мануфактуре Маре [6, p. 76]. Заказы Банка Франции этим предприятиям в то время были нерегулярными. Они соответствовали текущим потребностям денежного обращения. Уполномоченный представитель Банка посещал мастерские мануфактур, следил за надлежащим выполнением работ и хранил материалы в запертых шкафах. Он был единственным человеком, уполномоченным предоставлять рабочим принадлежности, необходимые для изготовления банкнотной бумаги. Генеральный контролер Леон Шазаль в 1875 году объяснял, как была организована эта работа: «До 1860 года заказы были, можно сказать, периодическими, то есть между изготовлением каждой партии был более или менее длительный перерыв. Всякий раз, когда состояние денежного обращения, казалось, этого требовало, совет санкционировал заказ определенного количества стоп бумаги, на выполнение которого долгое время требовалось не более шести недель – двух месяцев. По окончании производства уполномоченный, который его контролировал, возвращался в Банк и оставался там до следующего заказа» [Цит. по 3, p. 31].

Таким образом, заказы становятся регулярными. С этого момента как же Банк Франции организует производство своих водяных знаков?

На протяжении всего XIX века номиналы банкнот снижались в зависимости от потребностей и под давлением государства, парламентариев или прессы [2]. Причина в том, что Банк Франции – это прежде всего частная компания, выполняющая публичную службу вплоть до 1945 года, когда она была национализирована. Он обязан подчиняться указаниям правительства лишь постольку, поскольку последнее предоставляет ему возобновляемую привилегию на эмиссию. Если изначально, в 1800 году, Банк Франции выпускал только банкноты в 500 и 1000 франков – то есть очень крупные суммы для целевой клиентуры, состоявшей из крупных торговцев и коммерсантов, – то в итоге он пустил в обращение банкноты в 250 франков (в 1808 и, особенно, в 1836 году через филиалы), 200 франков (1847), 100 франков (1848) и 50 франков (1864). Однако в течение XIX века эти номиналы оставались очень высокими и неподходящими для повседневных платежей. Например, в романе «Бакалавр», действие которого происходит в 1850-х годах, персонаж Жак Венгра, молодой провинциал и альтер эго Жюля Валлеса, получает от родителей 40 франков в месяц на все свои нужды в Париже; иными словами, банкнота в 50 франков Вентрасу совершенно бесполезна. В 1898 году парижанину отказали в доступе в омнибус, потому что он собирался оплатить свой билет банкнотой в 50 франков – суммой,

слишком крупной, чтобы получить сдачу [Цит. по 3, p. 33].

Тем не менее, использование банкнот в 50 и 100 франков расширялось. Банкнота в 50 франков оказалась полезной для рабочих из провинции, приехавших в Париж на различные работы (османовские стройки, железные дороги): они использовали их для перевода своих сбережений [2]. Банкнота в 100 франков также становилась все более распространенной.

Таким образом, Леон Шазаль констатирует, что начиная с 1860-х годов: «Постепенно заказы становились одновременно более значительными и более частыми, а интервалы между ними становились все короче, до тех пор, пока они не были полностью упразднены, и совет принял решение санкционировать заказ на весь год, утверждая бюджет» [Цит. по 3, p. 34].

В последней четверти XIX века использование банкнот – прежде всего в 50 и 100 франков – росло, и это явление сделало более трудной их защиту с прежней тщательностью, учитывая методы изготовления водяных знаков. Если Банк Франции вел борьбу против распространения «мелких купюр», что объясняет снижение, наблюдавшееся с 1875 и 1877 годов, то банкноты в 50 и 100 франков, тем не менее, все равно становились все более распространенными и пользовались определенным успехом благодаря своей практичности. Их использование становилось постоянным. Методы изготовления водяных знаков должны были успевать за ростом потребностей. Таким образом, Банк Франции столкнулся со следующей проблемой: как добиться защиты своих купюр с помощью водяных знаков, изготовленных с тем же техническим совершенством, одновременно выпуская все больше банкнот?

Размышления о защите бумажных денег всегда включают в себя вопрос о водяных знаках и подчеркивают их незаменимый характер. Во Франции их важность возрастала по мере распространения банкнот и появления новых технологий репродуцирования изображений, таких как литография и фотография. Эксперт Банка Франции Теофиль Делорю в 1849 году объяснял, что водяные знаки, создаваемые на производстве, имеют «большее значение, чем можно себе представить, из-за трудности их замечательного и совершенного изготовления», – говорил он. Он также утверждал: ...«Я укажу даже на факт, о котором, похоже, не догадываются многие образованные люди: возможно, не существует и шести мастеров-филигранщиков, способных идеально изготовить водяные знаки того рода, о котором я говорю. Бесспорно, для их идеального выполнения требуются точные, хорошо продуманные инструменты и много времени; кроме того, необходимы тщательность и навыки, которые дает лишь длительный практический опыт!» [Цит. по 3, p. 36].

« [...] Водяные знаки с затенённой растяжкой и плавными переходами не могут быть искусственно имитированы; те, что состоят из ком-

бинаций или составлены из светлых и непрозрачных участков, не подделываются так, чтобы обмануть внимание того, кто имеет малейший опыт» [Цит. по 3, p. 36].

Служба производства банкнот Банка Франции постоянно внедряла инновации в области водяных знаков и методом проб и ошибок изменяла процессы их изготовления в зависимости от возможностей своих сотрудников. Кристиан Дюрьё, мастерство и компетентность которого восхвалял Теофиль Делорю, отличился на промышленных выставках. Дюрьё был механиком Банка Франции, вроде инженера начала XIX века. Он даже представлялся как «механик-филигранщик» в одной из своих брошюр. Он собирал различные элементы машин для производства банкнот: печатные прессы, гидравлические прессы, пуансоны и т.д. Он вносил, небольшие, повседневные усовершенствования.

С 1812 по 1846 год Кристиан Дюрьё внес улучшения в процессы производства: склейку банкнот, усовершенствование печатного оборудования, метод идентичной печати корешков, гравировку марок на черном и белом фоне с микроскопическими буквами на закаленной стали, создание медного инструмента для тиснения веленевых сеток банкнот в 500 и 1000 франков, изобретение пресса для обрезки банкнот, сохраняющего тиснение (оттиск на обратной стороне бумаги, характерный для типографской печати). В области бумажного производства он отличился, разработав в 1819 году машину с круглой сеткой совместно с черпальщиком Порлье и запатентовав ее в 1825 году [8, p. 101; 6, p. 236-237]; он получил бронзовую медаль за изготовление глянцевой бумаги в 1823 году, серебряную медаль за бумагу с водяными знаками и непрозрачную бумагу в 1839 году и почетный отзыв от Общества поощрения промышленности за свою бумагу с водяными знаками. Он заявлял об изобретении метода создания специального водяного знака. В то время как водяные знаки формировались посредством прессования – метода, слишком простого для эффективной защиты банкноты, поскольку он «ни проработан, ни имеет вержеров», и который исчезает под воздействием влаги, – Дюрьё предлагает более сложный и узнаваемый метод, позволяющий ему создавать пейзажи, памятники, орнаменты, гербы, аллегории и буквы любого вида. Он указывает: «Я могу с помощью моего процесса воспроизводить различные узоры либо с помощью одних лишь непрозрачных элементов или водяных знаков, либо, наконец, с помощью непрозрачных элементов, сочетающихся с водяными знаками» [Цит. по 3, p. 33] . Он предлагает свои услуги: буквы в виде светлых водяных знаков, непрозрачные буквы, светлые водяные знаки с тенями и переплетённые курсивные буквы.

«Водяные знаки и непрозрачные включения, которые я предлагаю публике, после многочисленных усовершенствований, являются новшеством

в бумажной промышленности, и никто до меня еще не делал ничего подобного ни в одной стране. Они предоставляют государственным банкам и коммерции тем большую безопасность, что они отчаянно трудно поддаются имитации фальшивомонетчиком», – говорил он, чтобы продать свой процесс[Цит. по 3, p. 37].

Эта стратегия действительно была принята в 1844 году Банком Франции, и водяные знаки стали изготавливаться в Акционерном обществе бумажных мануфактур Маре и Сент-Мари.

После Кристиана Дюрьё его преемник, Луи Дюфо, продолжил исследования и также вносил постепенные улучшения в изготовление водяных знаков в течение 1840 – 1860-х годов. Он провел очень много испытаний бумаги. Под конец своей карьеры он вернулся к своим наиболее значимым работам. В 1858 году он заявил: «Мне удалось добиться возможности создания легенд в непрозрачном и светлом исполнении и в светлом с тенями, которые теперь есть в нашей бумаге»; водяные знаки, по-прежнему представлявшие буквы и цифры. Он также отличился в разработке концепции теневого водяного знака с головой Меркурия, размещенного на банкноте в 100 франков типа 1862 года, который было сложнее воспроизвести, чем светлые и непрозрачные водяные знаки. Именно эти теневые водяные знаки на банкнотах в 50 и 100 франков станут объектом индустриализации их производства [Цит. по 3, p. 37].

Техника теневого водяного знака, появившаяся около 1830 – 1850 годов, таким образом, использовалась Банком Франции как новая техника, считавшаяся лучшей в области водяных знаков, для защиты купюр.

13 июня 1861 года Банк Франции поручил Луи Дюфо выполнение водяного знака с человеческой головой. Вначале он действительно не мог найти достаточно искусного художника для этого. Дюфо сделал восковую модель головы Меркурия, нарисованной Гийомом-Альфонсом Араном, по прозвищу Кабассон, затем он изготовил металлическую форму и сетки с водяными знаками для испытаний. После этого эстафету принял художник Тома, который создал окончательный рисунок и восковую модель водяного знака. Затем Дюфо изготовил форму, потом металлическую матрицу и, наконец, натянул сетки, на которых производится бумага. Эксперименты оказались успешными, и теневой водяной знак с человеческой головой был признан превосходящим водяные знаки, изображающие буквы. Попытки подделки путем соскабливания, давления или литографии имели такие недостатки, что держатель банкноты сразу бы их заметил [Цит. по 3, p. 37].

В начале 1860-х годов формируется устойчивый метод изготовления водяного знака. Количество этапов возрастает, пока не получается тисненая сетка, используемая для создания водяного знака. После того как Банк Франции выбирает рисунок, гравер воспроизводит его на воске, состоящем

из карнаубы (растительного вещества, получаемого из бразильской пальмы) и парафина. На этот воск отливается гипс (а в конце XX века – пластик, так как эта техника использовалась вплоть до 1990-х годов), который делается электропроводящим, чтобы подвергнуть его гальванопластике в электролитической ванне. Слой металла – меди – осаждается на форме. Рабочие Банка получают «матрицу», которую нужно снова поместить в ванну, чтобы получить контр-матрицу. Матрица и контр-матрица устанавливаются на гидравлический пресс. Между ними сотрудники Банка пропускают металлическую сетку, которая будет тиснена, принимая таким образом форму исходного рисунка. Этот тисненый фрагмент вручную пришивается на сетку, которую используют черпальщики [7, p. 112-121].

Для создания этого затененного водяного знака привлекалось все больше персонала. В 1875 году его важность стала настолько велика, что Леон Шазаль считал, что необходимо обеспечить контроль. [...] мануфактуры Маре, которая хотела сохранить своего престижного клиента. Но Леон Шазаль все еще не был удовлетворен и упрекал частных бумажных фабрикантов, к которым он обращался, в частности, мануфактуру Де Ла Рю, которая не соблюдала его техническое задание, в недостатке строгости в то время. Тогда Леон Шазаль предложил Банку Франции приобрести бумажную фабрику под свой прямой контроль: «Мне не нужно возвращаться к тому,что так часто говорилось и писалось о водяном знаке, о его важности как средства распознавания подлинности банкнот, о больших трудностях его производства, об эффективной защите, которую он, следовательно, представляет против мошеннических подражаний. Есть один факт, который не мог не поразить Совет: важность этой защитной меры возрастает по мере того, как, вследствие популяризации химических манипуляций, литографических и фотографических процессов, уменьшаются гарантии, которые пытаются найти в усовершенствовании рисунка виньеток и их печати. […] Если водяной знак обладает такой значимостью, становится крайне важным, чтобы он производился в условиях максимально совершенного исполнения» [Цит. по 3, p. 40].

Индустриализация была постепенной, и постепенно возникла настоящая производственная цепочка. Изготовление водяных знаков для миллионов купюр в 50 и 100 франков больше не могло осуществляться вручную с абсолютной идентичностью без найма все большего числа рабочих, которые не гарантировали однородность, необходимую для защиты бумажных денег. С 1861 года руководство типографии Банка Франции (сначала выпускник Центральной школы Эрнест Сонье, а затем, особенно, инженер-выпускник Центральной школы Дюпон) пыталось разработать машину для непрерывного производства бумаги лист за листом. Бумагоделательная машина, созданная Сонье, хотя и перспективная, не вышла за стадию экспе-

римента, а машина Дюпона была испытана и привела к такому результату, что в 1878 году машина позволила рассмотреть окончательное приобретение Банком Франции бумажной фабрики Бьерси.

Бумагоделательная машина Дюпона воспроизводила то, что бумажники Маре делали вручную [4]. Машина, названная по имени инженера Банка Франции, который ее разработал, служила для изготовления бумаги с водяными знаками, необходимой для купюр в 50 и 100 франков Банка Франции. На Всемирной выставке 1889 года Дюпон получил золотую медаль за свою бумагоделательную машину и еще одну за свои бумаги с водяными знаками [6, p. 236]. Две машины Дюпона были установлены в Бьерси и обеспечивали 4/5 потребностей. Они заменили использование 24 черпальных чанов. Чтобы эта машина могла работать, необходимо было нанять рабочих-черпальщиков, отвечающих за обслуживание сеток с водяными знаками. Поиск черпальщиков оказался трудным. В записке от 17 ноября 1859 года Домерк, директор бумажных мануфактур Маре, уже предупреждал управляющего Банком Франции, де Жермини, и генерального контролера Леона Шазаля об исчезновении бумаги ручного производства с появлением машинной бумаги: «Производство черпальной бумаги, или бумаги ручной работы, получило страшный удар с введением машинной бумаги; ее используют теперь только государственные учреждения. Большая часть мануфактур ручного производства превратились в механические бумажные фабрики или полностью прекратили свое существование. В результате этого с каждым днем рабочие-бумажники становятся все более редкими; новых больше не обучается» [Цит. по 3, p. 41].

Хотя Дюпон регулярно приезжал на завод в Кревкёр для разработки своей бумагоделательной машины, рабочий-черпальщик бумажной мануфактуры Маре отказался заниматься учениками. Таким образом, рабочий Банка, Лемер, был отправлен в апреле 1868 года на бумажную мануфактуру в Тьере для обучения ремеслу у их черпальщика [Цит. по 3, p. 41]. Директор типографии Фредерик Эрмель писал по этому поводу: «Я давно ищу случай ознакомить одного из наших рабочих с монтажом форм, используемых для изготовления нашей банкнотной бумаги. Действительно, бумажная мануфактура Маре, и, косвенно, Банк, зависят от рабочего-черпальщика Маре, который никогда не хотел брать учеников. Если бы этот рабочий заболел, бумажная мануфактура Маре оказалась бы в очень затруднительном положении с выполнением монтажа сеток с водяными знаками для Банка. Им пришлось бы отправлять эти сетки далеко для монтажа, поскольку в этой местности нет других черпальщиков.

Такая отправка сеток, очевидно, не может устраивать Банк, поскольку она представляет собой дополнительный риск подделки, которого стремятся избежать, принимая все меры предосторожности» [Цит. по 3, p. 41].

Мастерская черпальщиков Банка Франции была впоследствии основана в 1877 году Буром. Он обучил своему ремеслу учеников, которые стали шестью рабочими, отвечавшими за обслуживание сеток бумагоделательной машины на бумажной фабрике Бьерси в 1870-х и 1880-х годах (включая Матро, который позже станет главой мастерской черпальщиков). Они, в свою очередь, передали свое мастерство другим ученикам. У бумажных мануфактур в Тьере и Маре к тому времени уже не осталось черпальщиков, так что это ноу-хау было утрачено за пределами Банка. В конце XIX – начале XX века у Банка Франции по-прежнему были черпальщики – профессия, которая таким образом пережила свое исчезновение в других местах. Новая организация бумажного производства заложила основу для изготовления водяных знаков в XX веке.

Валик для нанесения водяных знаков – этот цилиндр, состоящий из нескольких тисненых кусков (также называемых патчами) бронзовой сетки, сшитых вручную и несущих рисунок водяного знака, который требуется внедрить в бумагу, – создает водяные знаки на бумажном листе в еще влажной части бумагоделательной машины (в начале XX века – машины с плоской сеткой). Он закономерно появляется в мастерских Банка Франции для нанесения водяных знаков на мелкие купюры, которые стали их использовать в течение XX века: 5, 10, 20 франков, в дополнение к 50 и 100 франкам. Валики для нанесения водяных знаков использовались вплоть до 1993 года.

Бумагоделательные машины Дюпон, в свою очередь, были модернизированы при содействии производителя Маринони. Бумажная фабрика в Вик-ле-Комт имела до восьми машин Дюпон, работавших одновременно, и которые использовались вплоть до 1960-х годов. Бумагоделательные машины с непрерывной плоской сеткой Бувье также применялись для производства мелких купюр, появившихся во время Первой мировой войны (5, 10 и 20 франков). Машина Дюпон, оказавшаяся более приспособленной для качества, нежели для количества производимой банкнотной бумаги, была зарезервирована для купюр более высокого номинала [5, p. 61-62; p. 92-93].

В начале XX века, в доказательство важности водяного знака для защиты банкноты, руководство по производству банкнот решило размещать их не в центре, а по бокам купюр. Причина в том, что с расширением их использования держатели стали привычно складывать банкноты вчетверо или больше, что повреждало водяные знаки, оказывавшиеся согнутыми прямо посередине. Размещенные по бокам, водяные знаки служили дольше, что стало новым доказательством их важности для защиты бумажных денег.

Водяной знак на банкнотах, являвшийся необходимым средством защиты в XIX и XX веках, должен был соответствовать требованиям как к качеству, так и к количеству. Ответом на эту техническую проблему, с ко-

торой столкнулась служба производства банкнот Банка Франции, стала индустриализация их изготовления. Водяные знаки для банкнот мелких номиналов (сначала 50 и 100 франков, а в первой половине XX века – 5, 10 и 20 франков) производились с помощью машин для изготовления банкнотной бумаги, в то время как банкноты более крупных номиналов изначально продолжали изготавливать вручную, черпальным способом. Однако по мере роста потребностей ручное производство стало невозможным для любого номинала.

В конечном счете, машина смогла достичь того, что было бы трудно осуществить человеческими руками – выпускать крупные партии банкнот, строго идентичных друг другу. Однако здесь необходимо сделать важное уточнение. На самом деле, на начальном этапе производство банкнот в течение долгого времени сохраняло элемент ручного труда для создания водяных знаков даже в промышленную эпоху, поскольку привлекались художники, гравёры-виртуозы водяных знаков и черпальщики.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что эволюция производства водяных знаков для банкнот Банка Франции в XIX – начале XX вв. представляет собой наглядный пример системного ответа финансового института на вызовы массовизации денежного обращения и технического прогресса. Стремление поддерживать доверие к национальной валюте, фундамент которого в эпоху бумажных денег зиждился на их неуязвимости для подделки, выступило ключевым драйвером инноваций.

Исторический анализ демонстрирует последовательный переход от аутсорсинга, основанного на нерегулярных заказах у ремесленных мануфактур (Бюж, Маре), к полному технологическому суверенитету и прямому административному контролю над всем циклом производства. Этот переход был инициирован объективными факторами: демократизацией денежного обращения, выразившейся в распространении банкнот средних номиналов (50 и 100 франков), и появлением новых репродуктивных технологий (литография, фотография), снижавших защитную роль полиграфии.

Однако центральным выводом работы является то, что индустриализация в данной сфере не была простой механизацией. Она представляла собой создание комплексной гибридной системы, уникально сочетавшей в себе:

– Инженерное новаторство: разработка и совершенствование специализированного оборудования, такого как бумагоделательная машина Дюпона, позволившая обеспечить необходимый объем выпуска при сохранении высочайших стандартов качества.

– Сохранение и монополизацию уникальных ручных навыков: осознавая исчезновение корпорации черпальщиков, Банк Франции проявил стратегическую дальновидность, основав собственную учебную мастер-

скую. Это позволило институционализировать и сохранить «ноу-хау» изготовления и монтажа тисненых сеток для водяных знаков, сделав его эксклюзивным активом Банка.

– Жесткий административный и технологический контроль: от выбора дизайна и работы с художниками-граверами (Дюрьё, Дюфо) до надзора за каждым этапом на собственной фабрике в Бьерси. Приобретение фабрики стало кульминацией этой логики, устранив зависимость от сторонних подрядчиков и гарантировав «максимально совершенное исполнение» ключевого защитного элемента.

Таким образом, ответом Банка Франции на противоречие между массовостью и «ювелирным» качеством стало не упрощение защиты, а построение автономного производственного кластера. Этот кластер обеспечивал сквозной контроль – от художественного замысла теневого водяного знака до выпуска готовой бумаги – и сочетал машины с уникальным человеческим капиталом. Сформированная к началу XX века модель – с разделением труда между машинами для массовых номиналов и сохранением высоких стандартов для крупных купюр, с собственной школой мастеров и инженерными разработками – заложила основу современной системы защиты банкнот. Она продемонстрировала, что поддержание доверия к фидуциарным деньгам в индустриальную эпоху требует не только технологических решений, но и стратегического управления знаниями и тотального контроля над критически важными производственными цепочками.

Библиографический список / Reference

1. Балаченкова А.П. Об одном опыте франко-русского технического сотрудничества: черпальная машина системы А. Дюпона (1878) в экспедиции заготовления государственных бумаг. // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 1 / Сб. материалов Первой международной научной конференции (18 – 19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). – СПб.: АО «Гознак», 2018. 280 с. С. 58-64.
2. Baubeau Patrice Les petits billets de 1864 à 1879: une innovation «dangereuse», mais pour qui ? // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 20. № 1. 2020. P. 203-234.
3. Bidaux Mathieu Les filigranes des billets de la banque de france à l'ère industrielle : conjuguer quantité et qualité pour sécuriser les coupures. // Claude Laroque et Maryse Pierrard (dir.), 2020 Histoire du papier et de la pape terie : actualités de la recherche II (Actes de la journée d'étude du 13 octobre 2020) – 2021 Les papiers filigranés de la période 1830 – 1950 (Actes de la journée d'étude du 8 octobre 2021), – Paris, sites de l'HiCSA et de l'ENS, mis en ligne en novembre 2022. 215 p. P. 30-45.
4. Bidaux Mathieu La machine à papier Dupont de la Banque de France ou comment fabriquer du papier feuille à feuille en continu. – PapierS, № 15. janvier 2021. P. 2-7.
5. Camus Jean Claude La fabrication des billets à Chamalières et à Vic-le-Comte: cent ans d'histoire industrielle / Jean-Claude Camus; préface de François Villeroy de Galhau. – Paris: Flammarion, 2021. 219 p.
6. Dailly Alain La Seine-et-Marne. Berceau du papier-monnaie. Essai sur la manufacture, la papeterie du Marais et l'usine de Biercy. – Paris: Éditions Amatéis, 1996. 255 p.
7. L'Art du Billet: billets de la Banque de France 1800 – 2000, 1er avril – 11 juin 2000 / Banque de France, Musee Carnavalet; suivi editorial: S. Bailly, F. Jakubowicz. – Paris: Paris-Musees, Editions des musees de la Ville de Paris, 2000. 215 p.
8. Louis André Machines à papier. Innovation et transformations de l'industrie papetière en France, 1798-1860. – Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1996. 501 p.

Жегалова У.А.
Аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Идеология «Итальянского социального движения» и стратегия ее пропаганды в Европе 1960 – 1970-х гг.*

Аннотация. В статье проводится анализ идеологии и пропагандистских стратегий «Итальянского социального движения» (MSI) в 1960–1970-е годы в контексте европейского правого популизма. Рассматривается специфика итальянского правого популизма, тесно связанного с неофашистским наследием, а также исследуется организационная структура MSI, её внутренние противоречия и эволюция от радикального неофашизма к более умеренному национал-консерватизму. Особое внимание уделяется пропагандистским методам партии, включая использование СМИ, символики, уличных акций и молодёжных организаций. Статья также затрагивает влияние MSI на политическую жизнь Италии и её роль в формировании современных правых движений в Европе.

Ключевые слова: Итальянское социальное движение (MSI), правый популизм, неофашизм, национал-консерватизм, пропаганда, Италия, политическая идеология, радикальные правые движения, евроскептицизм.

Zhegalova U.A.
Postgraduate student. Russian State University for the Humanities.

The ideology of the "Italian Social Movement" and the strategy of its propaganda in Europe in the 1960s and 1970s

Abstract. The article analyzes the ideology and propaganda strategies of the "Italian Social Movement" (MSI) in the 1960s and 1970s in the context of European right-wing populism. The article examines the specifics of Italian right-wing populism, which is closely related to the neo-fascist legacy, as well as the organizational structure of MSI, its internal contradictions and evolution from radical neo-fascism to a more moderate national conservatism. Special attention is paid to the party's propaganda methods, including the use of mass media, symbols, street actions and youth organizations. The article also touches on MSI's influence on Italian political life and its role in shaping modern right-wing movements in Europe.

Key words: Italian Social Movement (MSI), right-wing populism, neo-fascism,

* © Жегалова У.А., 2026.

national conservatism, propaganda, Italy, political ideology, radical right-wing movements, euroscepticism.

Введение

В последние десятилетия правый популизм привлек значительное внимание исследователей из-за его влияния на политическую стабильность и общественное сознание в Европе. Целью данного исследования является глубокий анализ специфики правого популизма в Италии в 1960–1970-х годах, а также изучение идеологии и стратегий пропаганды «Итальянского социального движения» (Movimento Sociale Italiano, MSI) в контексте европейского политического ландшафта того времени.

MSI было основано в 1946 году группой ветеранов фашистской партии Бенито Муссолини и Итальянской социальной республики (Республика Сало). Основная идеология MSI включала элементы неофашизма, национализма, консерватизма и корпоративизма. Партия стремилась возродить традиционные социальные ценности, акцентируя внимание на национализме, антикоммунизме и критике либеральной демократии. MSI занимала позицию, «не отрицать и не реставрировать» исторический фашизм, что означало сохранение его некоторых идеологических аспектов без прямого восстановления системы фашистского режима.

Актуальность темы определяется не только необходимостью понимать исторические корни этого феномена, но и его прямой связью с современными политическими процессами. В настоящее время, особенно в тех странах, где традиционная центристская партийная система переживает распад, наблюдается процесс радикализации и усиления правого популизма, что делает изучение его исторических прецедентов особенно важным.

Целью данной статьи является глубокий анализ специфики правого популизма в Италии в 1960–1970-х годах, а также изучение идеологии и стратегий пропаганды «Итальянского социального движения» (Movimento Sociale Italiano, MSI) в контексте европейского политического ландшафта того времени.

Правый популизм в Европе определяется сочетанием националистических, консервативных и антимиграционных позиций, часто сопровождающихся антисистемной риторикой и критикой существующих элит. В послевоенной Европе, включая 1960–1970-е годы, эта идеология развивалась в несколько волн. Первая волна – историческая и связана с исследованием неофашистских движений, вторая – аналитическая с упором на электоральные исследования и политические процессы, третья – более комплексная, включая как анализ спроса, так и предложения радикального правого

политического спектра [11, с. 3-10].

Эта концепция также включает в себя эмоциональные и социально-экономические корни, связанные с модернизацией и глобализацией, которые обострили чувство социальной нестабильности и экономической незащищенности у определённых слоёв населения. Важной составляющей является акцент на защиту национального суверенитета, традиционных ценностей и консервативной идентичности жителей европейских стран.

Таким образом, понимание правого популизма в Европе 1960–1970-х годов требует рассмотрения исторических, идеологических и социальных аспектов, что создает основу для последующего анализа специфики «Итальянского социального движения».

Источниковая база и научная литература. Основу статьи составляют как современные опубликованные, так и архивные источники: партийные публикации MSI (газета *Il Secolo d'Italia*, программные документы), выступления лидеров, материалы митингов и культурных акций, что позволяет реконструировать формальные и неформальные аспекты идеологической деятельности.

Научная литература представлена зарубежными и отечественными работами. Среди зарубежных авторов ключевыми являются Кас Мудде, подробно освещающий теоретические аспекты правого популизма в Европе [12], а также исследования, посвящённые эмоциональным и социальным корням радикально-правых движений [1]. Среди отечественных исследований выделяются работы, анализирующие политическую ситуацию в Италии «свинцовых семидесятых». Для сравнительного контекста привлекались труды по общей истории Италии XX века.

Методологической базой исследования служат междисциплинарные подходы политологии, истории и социологии. Исследование опирается на теории изучения социо-политических движений, в том числе на теорию политического процесса, теорию мобилизации ресурсов и структурно-функциональный анализ. В частности, применяется структурно-функциональный подход к анализу условий возникновения общественного движения: структурная проводимость социальной среды, социальная напряжённость, генерализованные убеждения, мобилизирующие события и группы, а также социальная регуляция.

Особое внимание уделяется анализу идеологии через призму политической концептологии, выделяющей традиционализм и консерватизм, с фокусировкой на политической риторике и символике MSI. Конкретные методы включают: историко-генетический анализ для выявления причинно-следственных связей и развития идеологии; контент-анализ партийных публикаций и медиа; сравнительно-исторический метод для сопоставления MSI с другими правыми движениями Европы; критический анализ научной литературы.

Специфика правого популизма в Италии в 1960–1970-х годах

Правый популизм в Италии 1960–1970-х гг. – это сочетание националистических, консервативных и радикально антисистемных позиций при сильном идеологическом влиянии наследия фашизма и неофашизма. Этот тип популизма в этот период был тесно связан с наследием фашизма, что проявлялось в сохранении символики, риторики и идеологической базы неофашизма, сочетающей национализм и авторитаризм. При этом он представлял собой форму национал-консервативной политики, где акцент делался на защиту традиционных ценностей, национального суверенитета и религиозных основ общества, а также на использование популистской риторики, направленной на мобилизацию разочарованных социальных слоев, включая молодежь и рабочий класс [16, с. 3-12].

В этот период на политической арене Италии доминировала Христианско-демократическая партия (ХДП), но она постепенно испытывала спад доверия из-за социальных и экономических проблем [21, с. 99-120]. Главным оппонентом ХДП была мощная «Итальянская коммунистическая партия» (ИКП), что усиливало поляризацию. В таких условиях правые радикальные силы, прежде всего «Итальянское социальное движение», позиционировались как антисистемные игроки, которые выступали как против ХДП, так и коммунистов [3, с. 5-9]. Они сочетали парламентскую деятельность с уличным активизмом и, зачастую, насильственными методами. Кроме того, MSI стремился легитимизировать наследие фашизма, используя соответствующую символику и риторику.

Период «свинцовых семидесятых» характеризовался высокой политической напряжённостью, массовыми протестами, стычками на улицах и террористическими актами как с левой, так и с правой стороны. Это привело к росту правого популизма и радикальных правых движений, которые активно использовали уличное насилие и террор как часть своей стратегии. Экономические кризисы, социальная нестабильность и охлаждение авторитета традиционных элит способствовали усилению позиций MSI и других праворадикальных групп [3, с. 5-9].

Итальянский правый популизм сохранил непосредственное идеологическое и символическое наследие фашизма, что отличало его от многих других европейских правых движений, где подобное наследие было чаще маргинализировано или переосмыслено. Национализм в Италии имел выраженный авторитарный и корпоративистский оттенок, а риторика часто включала элементы ревизионизма и прямого апеллирования к исторической памяти о Муссолини и фашистском периоде. В то же время, итальянский правый популизм был глубоко антикоммунистическим и евроскептическим, что на фоне социально-экономического кризиса усиливало его актуальность [15, с. 20-22].

Таким образом, MSI стало основным политическим носителем правого популизма в Италии. Основанное на базе бывших фашистских структур, оно эволюционировало от радикально неофашистского движения к более умеренной национал-консервативной силе, пытавшейся легитимизировать своё присутствие в парламенте, а затем шире – в политической жизни страны. MSI последовательно использовало популистскую риторику (противостояние «системе» элиты), выстраивало стратегии пропаганды через массовые митинги, партийные СМИ и международные контакты с правыми движениями Европы.

Структура и направления деятельности Итальянского социального движения (MSI) в 1960–1970-х годах

Итальянское социальное движение (MSI), основанное в 1946 году как неофашистская политическая партия, обладало достаточно сложной организационной структурой с ярко выраженной внутренней поляризацией [21, с. 157-232]. Главными лидерами в рассматриваемый период были [5, с. 7-12]:

Артуро Микелини (руководил MSI с 1954 по 1969 год), который внедрил стратегию *inserimento* – постепенной интеграции партии в политическую систему Италии через сотрудничество и поиск парламентских союзов с правыми силами. Под его руководством MSI стремилась сбалансировать радикализм и политическую легитимность.

Джорджо Альмиранте (лидер с 1969 года), возглавил партию в период усиления политической нестабильности, сочетая радикальную антисистемную риторику с попытками создания широкой коалиции «Национального Правого» (Destra Nazionale). Под его руководством MSI вновь активизировала уличную политику и популистский национализм.

Пино Ромуальди – лидер радикального крыла, выступал против умеренной линии и позже отделился, основав более жёсткие неофашистские группировки.

Таким образом, внутри MSI существовал конфликт между умеренными, которые стремились к парламентской легитимизации и сотрудничеству с более классическими правыми силами, и радикальными фракциями, близкими к неофашизму и национал-популизму. Эти разногласия приводили к расколам и выходу радикалов, которые создавали отдельные организации, например, «Новый порядок» (Ordine Nuovo) и «Национальный авангард» (Avanguardia Nazionale) [8].

Несмотря на все разногласия, MSI сочетало официальную парламентскую деятельность с уличной политикой и более радикальными формами активности. В парламенте партия выступала как оппозиция доминирующим христианским демократам и коммунистам, пытаясь легитимизировать радикальные идеи национал-консерватизма и противостояния коммуниз-

му. Уличная деятельность включала организацию массовых демонстраций, митингов и столкновений с левыми движениями, что в условиях «свинцовых семидесятых» усиливало политическую нестабильность и насилие на улицах. MSI также имела связи с неофашистскими радикальными группами и боевиками, которые в отдельных случаях участвовали в террористических акциях (теракты на площади Фонтана и на ж/д вокзале в Болонье) и актах уличного насилия (столкновения на Валле-Джулия, восстание в Реджио-Калабрия и др.), что отчасти подрывало легитимность партии, но позволяло ей оставаться ядром правого экстремизма в Италии [18, с. 5-9].

Экономические и социальные кризисы, высокий уровень безработицы и массовые протесты в Италии 1960–1970-х годов способствовали радикализации части молодёжи и её вовлечению в подобные экстремистские движения. Здесь MSI играла двоякую роль. С одной стороны, пыталась использовать протестные настроения в поддержку своих политических целей, а с другой – её более радикальные сторонники оказывали влияние на молодежные группы, вовлечённые в насильственные уличные действия и терроризм. Например, массовые протесты студенчества и рабочих в 1968–1969 годах (так называемое «лето протестов») сопровождались насильственными столкновениями. MSI использовала эти протесты, чтобы мобилизовать свою базу и противопоставить себя левой оппозиции, проводя собственные демонстрации и уличные акции. Вследствие этого уличное насилие стало регулярным элементом политического процесса.

Радикалы, связанные с MSI, оказывали прямое влияние на молодежные организации, например на «Молодежный фронт» (Fronte della Gioventù). Эти группы участвовали в уличных столкновениях с левыми активистами, а некоторые из них были замешаны в террористических актах, таких как взрывы и нападения. Одним из самых печально известных событий стало теракт на железнодорожной станции в Болонье 2 августа 1980 года, что стало частью более широкого волнения, известного как «стратегия напряжения» (strategia della tensione), где праворадикальные элементы пытались дестабилизировать страну через насилие и страх.

Другая молодёжная организация MSI под названием «Университетский Фронт национального действия» (Fronte Universitario d'Azione Nazionale, FUAN) была также важным центром радикальной мобилизации молодых сторонников. FUAN участвовала в уличных столкновениях с левыми студентами и представителями профсоюзов, а также в организации культурных и политических мероприятий, подкреплявших идеологию MSI.

В парламенте MSI через свои организации поддерживала политику, направленную на противостояние коммунистам и левым экстремистам, что усиливало политическую поляризацию. Партия иногда выступала в защиту арестованных участников правых организаций, подчеркивая свою

роль как защитника «патриотических» сил против государств и сил левого толка. В ряде случаев MSI оказывала парламентскую поддержку правительственным формированиям, например, в 1960 году поддержала кабинет Тамброни, что шокировало общественность и вызвало волну протестов, но в целом партия сохраняла антисистемную риторику, аппелируя к части общества, недовольной существующим порядком [14, с. 127-136].

Идеологическое содержание MSI как одного из ключевых направлений деятельности

В начальный период своего существования MSI открыто отстаивала неофашистские взгляды, выражая ностальгию по режиму Муссолини и опираясь на символику и риторику фашистского прошлого. Национализм и патриотизм выступали в идеологической платформе как ключевые ценности, с акцентом на защиту итальянского государства, национального суверенитета и традиционных культурных норм [20]. Главным противником идеологии MSI становился марксизм и коммунистическое движение, что сочеталось с жёсткой критикой либеральной демократии, бюрократии и коррупции. Идеология подчеркивала необходимость восстановления порядка и традиционных ценностей, противопоставляя себя «разложению» общества под влиянием левых идей и западного либерализма [10, с. 45-50].

Однако в середине 1970-х годов наблюдается перелом в идеологической ориентации MSI. Под влиянием внутрипартийных дебатов и изменения политического контекста партия постепенно отходила от прямого апеллирования к фашистскому наследию и выстраивала более умеренную риторику национал-консерватизма, направленную на расширение электората и интеграцию в демократическую систему. Это сопровождалось активным переосмыслением стратегии и идеологических установок, включая отказ от милитаристских образов и усиление акцента на социальном консерватизме и традиционных семейных ценностях [6, с. 112-118].

Несмотря на эволюцию, историческое фашистское наследие играло важную роль в идеологии MSI, особенно в ранний период. Ведомые ностальгией по временам «великой Италии» и «эталону порядка», идеологи и лидеры партии стремились сохранить символы и мифы о фашизме как об образце национальной силы и единства [2, с. 67-73]. Риторика была направлена на мобилизацию тех, кто чувствовал себя «обманутым» и брошенным традиционными политическими институтами, особенно молодёжи и рабочему классу, обостряя чувство социальной несправедливости и желая выступить в роли защитника «обычных людей».

MSI выступала с критикой существующей либеральной демократии, обвиняя её в бюрократической волоките, коррупции и неспособности обеспечить национальное единство и безопасность. Партия провозглашала лозунги восстановления порядка, борьбы с «агентами Запада» и левой оп-

позицией, что делалось на фоне заявления о защите традиционных ценностей и социальной стабильности [9, с. 89-95]. Использовалось обещание восстановления порядка, дисциплины, традиционных моральных норм и общественной стабильности.

Ядро идеологии MSI – это стремление к укреплению национального суверенитета, жесткой защите государственной целостности и культурного единства Италии. Национализм выражался как в политических тезисах, так и в культурных инициативах, направленных на возрождение итальянского патриотизма в условиях глобальных и европейских вызовов. Это включало критику Европейского сообщества и евроскептические позиции [6, с. 112-1148].

Стратегия пропаганды идеологии MSI в Италии и Европе в 1960–1970-х годах

Стратегия пропаганды MSI в 1960–1970-х годах представляла собой комплексную и многоуровневую систему, направленную на широкое распространение идеологии неофашизма, национализма и антикомунизма как внутри Италии, так и на европейском уровне. Пропаганда активно использовала разнообразные каналы коммуникации, символику и риторику, учитывала конфликты политического контекста и изменялась в ответ на внутрипартийные и общественные вызовы.

MSI эффективно использовало партийные издания, например газету Il Secolo d'Italia, для распространения идеологических сообщений, политической критики и мобилизации сторонников. Митинги и уличные акции были не только средством визуальной демонстрации силы, но и платформой для прямой пропаганды националистических и антикомунистических тезисов. Изначально газета была создана для продвижения тезисов MSI [1]. Первая редакционная статья была написана фашистским политиком и руководителем X-MAS «черным князем» Валерио Боргезе [7].

Альмиранте назначил главным редактором журнала ветерана Национальной фашисткой партии Муссолини, юриста - Антонино Триподи, поручив расширить в газете освещение вопросов культуры. Триподи, в свою очередь, привлек еще ряд ультраправых, например бывшего редактора фашистского периодического издания «Нападение» (L'Assalto) Альберто Джованнини, который в 1982 году стал главным редакторов вместо Триподи [17].

Молодёжные организации, например FUAN, играли ключевую роль в вовлечении молодого поколения через культурные и политические мероприятия, а также через активное участие в уличных столкновениях с левыми радикалами [19, с. 51-71]. Медиа регулярно освещали темы национальной идентичности, социального порядка и угрозы марксизма, помогая формировать устойчивый электорат и распространять ключевые политические послания.

Символика MSI, включая стиль, лозунги и фашистские отсылки, была важным риторическим инструментом для создания эмоциональной связи с избирателями, особенно с теми, кто чувствовал себя маргинализированным послевоенной политической системой. Партия апеллировала к национальной памяти времен Муссолини, используя ностальгические образы великой Италии, чтобы укрепить идентичность и чувство патриотизма [4, с. 9-11]. Главный акцент делался на борьбе с коммунизмом как угрозой национальному порядку и суверенитету, что усиливало страхи и тревоги и способствовало широкой мобилизации.

К концу 1970-х годов MSI продолжал умиротворять риторику и пытался адаптироваться к меняющемуся политическому климату, стремясь к большей легитимации в парламентской системе и расширению электората [16, с. 9-11]:

1. MSI снизила акцент на откровенно неофашистские символы и открытую апологетику фашистского прошлого, все больше делая ставку на национал-консервативные идеи. Партия стала подчеркивать необходимость сохранения национального суверенитета, традиционных семейных и религиозных ценностей, общественного порядка и социальной стабильности.

2. Появился более выраженный акцент на социальных вопросах – защите традиционной семьи, социальной справедливости с правоконсервативной точки зрения, поддержке «малых людей» в экономике и защите рабочих интересов, что должно было привлечь избирателей, ранее ориентировавшихся либо на левые силы, либо на аполитичные группы. Это способствовало формированию более «социально-чувствительной» повестки, отвращая партию от прежней исключительно милитаристской и идеологически жесткой позиции.

3. Внутри MSI начались внутрипартийные дебаты между радикалами, которые хотели продолжать неофашистский курс, и умеренными с их «политическим модернизмом» и участием в легитимных институтах. Партия под лидерством Джорджо Альмиранте постепенно расширяла сотрудничество с другими правыми и центристскими силами, стремясь к формированию более широкой парламентской коалиции.

4. Появился более сдержанный стиль публичных выступлений, уменьшилась агрессивная антисистемная риторика, усилилось внимание к экономическим и культурным аспектам национальной идентичности, что делало MSI более приемлемой для умеренных консерваторов и центристов.

5. Такое смещение вызывало расколы, когда часть старых жёстких неофашистов покидала партию, а её место занимали новые активисты, ориентированные на правоконсервативный, а не революционный курс. Эта трансформация была залогом дальнейшего развития MSI и её эволюции в сторону более классической правой партии.

Таким образом, MSI выстраивала пропагандистскую стратегию, используя широкий спектр средств коммуникации и политических образов в условиях интенсивного политического конфликта и меняющихся общественных настроений в Италии и Европе 1960–1970-х годов.

Заключение

Итальянское социальное движение (MSI) сыграло ключевую роль в формировании правого популизма в Италии в послевоенный период, особенно в 1960–1970-х годах, и оказало значительное влияние на европейскую политическую сцену.

MSI являлось главным выразителем неофашистских и национал-консервативных идей в Италии, интегрируя наследие фашизма в современный правый популистский дискурс и формируя уникальную политическую традицию, которая стала ориентиром для многих правых движений в Европе. Партию отличала способность сочетать антисистемную риторику с деятельностью в парламенте, что позволило ей сохранять устойчивую электоральную базу и влияние в условиях сложного политического кризиса «свинцовых семидесятых».

Значимость изучения идеологии MSI выходит за рамки исторического анализа одной партии. Она предоставляет ключевое понимание механизмов радикализации правого популизма, способов его адаптации к демократическим институтам и трансформации в более умеренные национал-консервативные формы, что видно в последующих правах и партиях, таких как «Национальный альянс» (Alleanza Nazionale) и современные итальянские правые силы. Идеология MSI, с её сочетанием национализма, антимарксизма, ностальгии по фашистскому прошлому и антисистемной риторики, служит основой для глубокого понимания корней и динамики неофашистского и правоконсервативного популизма в Италии и в Европе.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью изучать длительное влияние MSI и её наследников на современную политику Италии и Европы, а также анализировать трансформацию правого популизма в условиях глобализации, миграционных кризисов и роста евроскептицизма. Важно изучать феномен интеграции радикальных движений в мейнстрим политический процесс, методы легитимации радикальных идеологий, а также влияние культурных и социальных факторов на устойчивость правого популизма. Усиление изучения транснациональных связей и сетей правых движений поможет лучше понять масштабы и механизмы распространения подобных идеологий в современном мире.

Библиографический список:

1. Atkins Stephen E. Encyclopedia of modern worldwide extremists and extremist groups. Greenwood. 2004.
2. Eatwell Roger. Fascism: A History. Chatto & Windus. 1996.

3. Friedrich-Ebert-Stiftung. Trade Unions and Right-Wing Populism in Europe. Country Study Italy. 2020.
4. From the Euroright to a Euro-leader. 2015. // URL: https://resolve.cambridge.org/core/books/abs/transnational-neofascism-in-france-and-italy/from-the-euroright-to-a-euroleader/F839476E77C782835ACE897326B5C8C6 (Дата обращения: 30.07.2025).
5. Gallego F. The Extreme Right in Italy from the Italian Social Movement to Post-Fascism. Institut de Ciències Polítiques i Socials, Barcelona. 1999.
6. Ignazi Piero. The Italian Extreme Right: Past and Present. West European Politics, 1992. Vol. 15. № 2.
7. Kisatsky Deborah. The United States and the European Right, 1945–1955. Ohio State University Press. 2005.
8. Middlebury Institute. Italian Neofascism and the Years of Lead: A Closer Look. 2023.
9. Minkenberg Cas. The Radical Right in Europe: An Overview. In Right-Wing Radicalism Today. Routledge. 2001.
10. Mudde Cas. The Ideology of the Radical Right. Manchester University Press. 2007.
11. Mudde Cas. The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. C-REX Working Paper Series, 2016. № 1.
12. Mudde Cas. The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. 2016.
13. Salmela J., von Scheve C. Emotional Roots of Right-wing Political Populism. 2017.
14. Simone Anthony Marshall. Popular Discontents: The Historical Roots of Italian Right-Wing Populism. Political Science Honors Projects. 2016. № 71.
15. Thesis Italy – a «Populist Paradise»: The rise of right-wing populism from a comparative perspective. Universiteit Leiden. 2023.
16. Torresin Marco. Italian Right Wing Populism. ECMI Working Paper № 102. 2017.
17. Vallauri Carlo. Giovannini, Alberto. Treccani – Dizionario Biografico degli Italiani. 2001.
18. Ventura S. The State of the Right: Italy. Fondapol. 2020.
19. Valdo Spini The New Left in Italy. Journal of Contemporary History, 1972. Vol. 7. № 1/2.
20. Гаврилова С.М. Политическая история современной Италии (1945-2011) в трудах российских ученых [Текст] / С.М. Гаврилова; Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва: ИВИ РАН, 2013.
21. Славина Я. Итальянский фашизм: 100 лет постоянства и перемен. – М.: Кучково поле, 2025. 400 с.
22. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Reference

1. Atkins Stephen E. Encyclopedia of modern worldwide extremists and extremist groups. Greenwood. 2004.
2. Eatwell Roger. Fascism: A History. Chatto & Windus. 1996.
3. Friedrich-Ebert-Stiftung. Trade Unions and Right-Wing Populism in Europe. Country Study Italy. 2020.
4. From the Euroright to a Euro-leader. 2015. // URL: https://resolve.cambridge.org/core/books/abs/transnational-neofascism-in-france-and-italy/from-the-euroright-to-a-euroleader/F839476E77C782835ACE897326B5C8C6 (30.07.2025).
5. Gallego F. The Extreme Right in Italy from the Italian Social Movement to Post-Fascism. Institut de Ciències Polítiques i Socials, Barcelona. 1999.
6. Ignazi Piero. The Italian Extreme Right: Past and Present. West European Politics, 1992. Vol. 15. № 2.
7. Kisatsky Deborah. The United States and the European Right, 1945–1955. Ohio State University Press. 2005.
8. Middlebury Institute. Italian Neofascism and the Years of Lead: A Closer Look. 2023.
9. Minkenberg Cas. The Radical Right in Europe: An Overview. In Right-Wing Radicalism Today. Routledge. 2001.
10. Mudde Cas. The Ideology of the Radical Right. Manchester University Press. 2007.
11. Mudde Cas. The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. C-REX Working Paper Series, 2016. № 1.
12. Mudde Cas. The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. 2016.
13. Salmela J., von Scheve C. Emotional Roots of Right-wing Political Populism. 2017.
14. Simone Anthony Marshall. Popular Discontents: The Historical Roots of Italian Right-Wing Populism. Political Science Honors Projects. 2016. № 71.
15. Thesis Italy – a «Populist Paradise»: The rise of right-wing populism from a comparative perspective. Universiteit Leiden. 2023.
16. Torresin Marco. Italian Right Wing Populism. ECMI Working Paper № 102. 2017.
17. Vallauri Carlo. Giovannini, Alberto. Treccani – Dizionario Biografico degli Italiani. 2001.
18. Ventura S. The State of the Right: Italy. Fondapol. 2020.
19. Valdo Spini The New Left in Italy. Journal of Contemporary History, 1972. Vol. 7. № 1/2.
20. Gavrilova S.M. Political history of modern Italy (1945-2011) in the works of Russian scholars / S.M. Gavrilova; Russian Academy of Sciences, Institute of General History. – Moscow: IVI RAS, 2013.
21. Slavina Ya. Italian fascism: 100 years of constancy and change. – Moscow: Kuchkovo pole, 2025. 400 p.
22. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Пром Тхари
Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Государственный служащий в Министерстве внутренних дел Камбоджи.

Исторические наследия и их влияние на демократический переход Камбоджи в 1993 году*

Аннотация. Данное исследование анализирует эволюцию демократического перехода Камбоджи после периода, организованного ООН (UNTAC) в 1993 году, с учетом её исторического контекста. В работе рассматривается, каким образом французское колониальное господство, режим «Красных кхмеров» и вьетнамская оккупация повлияли на развитие парламентской системы и демократических практик Камбоджи. Показано, что исторический институционализм объясняет, как прошлые события закрепили устойчивые политические структуры, способствующие централизации власти и доминированию элиты в Камбодже после 1993 года. Несмотря на то, что период UNTAC способствовал внедрению демократических норм через многопартийные выборы, политическая система по-прежнему подвержена влиянию исторических факторов, мешающих полной демократической консолидации. Исследование объясняет, каким образом процессы демократизации в постконфликтных обществах сталкиваются с барьерами, вызванными исторической травмой, что имеет важное значение для стран, проходящих аналогичные демократические переходы. В будущем стоит обратить внимание на изучение роли внешних акторов в процессах демократизации, а также проводить сравнительные исследования постконфликтных переходов для более глубокого понимания того, как можно преодолеть авторитарное наследие.

Ключевые слова: демократический переход, историческое наследие, UNTAC, Народная партия Камбоджи (CPP), «Красные кхмеры», политическое покровительство, проблемы демократизации, Камбоджа после 1993 года.

Prom Thary
Postgraduate student at the Peoples' Friendship University of Russia. Civil servant at the Cambodian Ministry of Interior.

Historical legacies and their impact on Cambodia's Democratic transition 1993

* © Пром Тхари, 2026.

Abstract. The research explores how Cambodia's democratic transition evolved after the 1993 UNTAC-led period through an examination of its historical background. This research evaluates how French colonial rule together with the Khmer Rouge period and Vietnamese occupation have shaped Cambodia's parliamentary system and democratic practices. The research demonstrates how historical institutionalism explains how past occurrences established permanent political frameworks which maintain power centralization and elite dominance in post-1993 Cambodia. The research demonstrates that although the UNTAC period introduced democratic norms through multi-party elections the political system continues to be dominated by historical factors which block complete democratic consolidation. The research helps explain how post-conflict democratization processes encounter barriers stemming from historical trauma which has implications for nations undergoing comparable democratic transitions. Future research needs to investigate external actor involvement in democratization processes and perform comparative studies of post-conflict transitions to better understand how authoritarian legacies can be overcome.

Key words: democratic transition, historical legacies, UNTAC, Cambodian People's Party (CPP), Khmer Rouge, political patronage, democratization challenges, post-1993 Cambodia.

1. Introduction

The democratic transition of Cambodia after 1993 demonstrates how historical backgrounds merged with political structures and social cultural patterns. The political system of Cambodia has been shaped by its historical legacies which determine its structure and its functional and evolutionary development. The democratic development of Cambodia since the UNTAC-led transition in the early 1990s directly results from its complicated historical background which includes French colonial rule and the Khmer Rouge regime and Vietnamese military control. The research investigates how past traumatic events continue to affect Cambodia's parliamentary system after 1993 to understand their lasting effects on the nation's political landscape.

The main research questions that direct this investigation are: Which historical factors have shaped both the organizational design and operational dynamics of Cambodia's parliamentary system? The UNTAC-led transition established democratic norms which have undergone changes throughout the years. This research aims to study the complex relationship between Cambodia's historical developments and its political framework following the 1993 elections by investigating how previous governments have influenced modern democratic operations.

Throughout the twentieth century Cambodia experienced political instability and institutional weaknesses because its system alternated between monarchic rule and authoritarian governance and revolutionary regimes. The monarchy's transformation into the Khmer Republic during the 1970s, followed by the

Khmer Rouge's genocide and Vietnamese military control created lasting impacts on Cambodia's institutional structure. According to Gray (2014) justice functions as an endless process without predetermined conclusions which helps explain the Cambodian transition's ongoing pursuit of democratic future governance (Gray, 2014).

The political situation after the 1993 UNTAC transition becomes more complex because of the state-led violence and political patronage. The Cambodian People's Party (CPP) maintained control of the country during the democratic period because it had built extensive political networks through the Khmer Rouge and Vietnamese rule. Chandler (2004) notes that the Cambodian political system was designed to allow a few powerful elites to maintain control while maintaining a democratic appearance (Chandler, 2004).

The United Nations Transitional Authority Cambodia (UNTAC) mission established the fundamental political institutions of post-conflict Cambodia through its efforts to implement democratic principles such as elections and political pluralism. The political elites maintained their control over democratic institutions through manipulative practices which hindered the development of genuine democratic values during the mission. Becker (1998) states that the Khmer Rouge's emergence and Cambodian genocide cannot be understood without understanding the historical and social environment which led to these events (Becker, 1998).

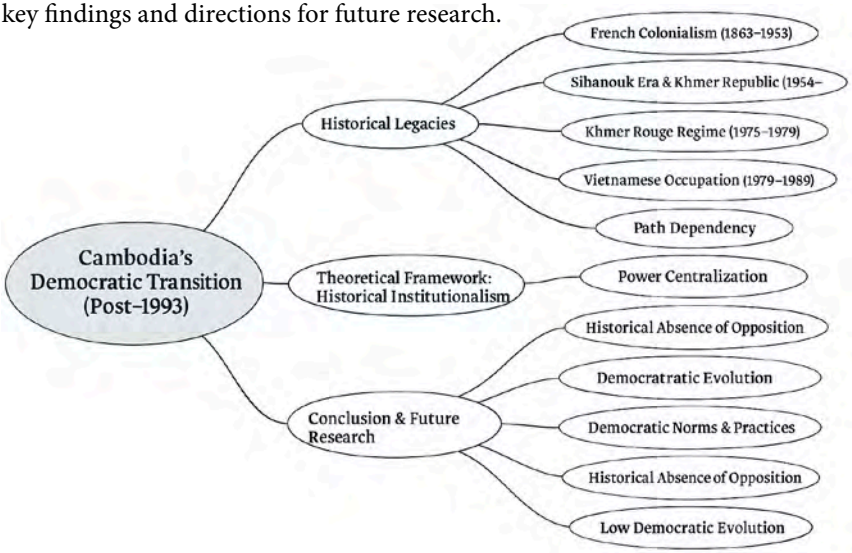
The research uses historical institutionalism to analyze how the Khmer Rouge rule and Vietnamese state-building operations shaped Cambodia's parliamentary framework. The 1993 Constitution marked a significant step in Cambodia's democratic transition yet it preserved several past-oriented elements including strong central power alongside weak opposition parties. The institutional framework of Cambodia which developed from its violent past creates obstacles for democracy to become established as a stable system. Gray (2014) emphasizes that justice needs narrative structure because how we tell the past determines both its application and realization (Gray, 2014). The interlinked political, historical, and cultural legacies create significant obstacles for democratization in post-conflict societies that still struggle with their historical trauma.

The research uses qualitative analysis of both primary and secondary sources with historical institutionalism as its core theoretical basis. This research analyzes Cambodia's parliamentary development and maintains critical evaluation of political events and actors to show how democratic norms from 1993 have not eliminated authoritarian practices.

2. Theoretical Framework: Historical Institutionalism

Historical institutionalism (HI) presents a theoretical framework which examines how past events through time influence political institutions and systems.

Figure 1. Presents a visual overview of the central components examined in this study, encompassing Cambodia's historical legacies, the analytical lens of historical institutionalism, developments following the 1993 transition, and the key findings and directions for future research.



According to this framework political structures evolve from decisions made during important historical moments which then determine democratic transition paths. Historical institutionalism offers essential understanding of political transitions because it explains how past occurrences such as colonial rule and authoritarian regimes and violent conflict establish permanent institutional patterns that affect current political systems[1]. Historical institutionalism provides an essential perspective to analyze Cambodia's post-1993 democratic transition because it shows how colonialism and genocide together with foreign interventions have formed lasting political institutions that affect current democratic practices. Pierson (2000) explains that historical institutionalism demonstrates "path dependency" because previous decisions form political structures which determine subsequent political development.

The political institutions of Cambodia developed through colonial rule and authoritarian regimes which strongly influenced both institutional development and democratic practices. The French colonial administration (1863–1953) established a centralized political system that destroyed traditional local political institutions throughout Cambodia. The political culture developed through top-down control mechanisms which maintained their influence after independence.

1 *Fioretos O.* Historical Institutionalism in International Relations. International Organization. 2011;65(2):367-399. doi:10.1017/S0020818311000002

Becker (1998) observes that French colonial administration in Cambodia established "weak institutional frameworks" which became the basis for future authoritarian political systems. The historical political structures of Cambodia became more established during the 1970s when the country shifted from monarchy to republic under Sihanouk and then the Khmer Rouge regime despite the destabilizing periods of violence. The Khmer Rouge regime (1975–1979) attempted to eliminate all political and social institutions which led to a power vacuum that the Vietnamese-backed People's Republic of Kampuchea partially occupied. The Khmer Rouge destroyed political and social institutions according to Becker (1998) which resulted in a society that lost its ability to trust government institutions.

The practice of personalized rule which placed power in the hands of individual leaders or small elite groups established itself as a fundamental characteristic of Cambodian politics that continued from the Khmer Rouge period into the post-1993 era. According to Chandler (2004) Cambodia's political system has enabled power to accumulate among a small number of elite leaders because of both colonial and Khmer Rouge historical influences. The political system of Cambodia has maintained its power structure in the hands of few elite leaders since the establishment of democratic institutions in 1993. The Cambodian People's Party (CPP) has ruled since the Khmer Rouge era and continues to dominate political institutions because these historical legacies persist.

Historical institutionalism provides a framework to understand why Cambodia maintained its undemocratic practices after the 1993 democratic transition. The 1993 UNTAC-led transition implemented democratic norms through elections and political pluralism yet Cambodia's historical background continues to hinder complete norm implementation. According to Gray (2014), justice requires narrative because the method through which the past is presented determines both justice application and realization. The political process of Cambodia reflects both structural and memory-based aspects of its historical legacies. The political elites of Cambodia have frequently used democratic institutions to block the development of authentic democratic systems. The ruling party maintains power control according to Chandler (2004) while opposition parties encounter substantial barriers to effectively participate in politics.

The historical institutionalist framework demonstrates its best fit for studying Cambodia's political system because it reveals how past events influence current developments. The framework reveals the reasons behind Cambodia's democratic transition which has struggled to establish authentic democratic practices even though formal democratic institutions exist. HI explains how power centralization and authoritarian governance together with weak institutions remain significant barriers to democracy consolidation in Cambodia.

The framework reveals the persistent nature of political practices and patterns which developed during Cambodia's colonial and authoritarian and revolutionary periods[2].

Historical institutionalism functions as an appropriate analytical tool for Cambodia's political system because it both reveals historical influences and demonstrates how political structures and practices persist across time. Through this framework researchers can study how Cambodia's difficult past restricts its complete adoption of democratic governance.

3. Historical Legacies: From French Colonialism to the UNTAC Period

3.1 French Colonialism (1863–1953)

French colonialism dominated Cambodia for 90 years from 1863 until 1953 which established fundamental political structures and institutions of the country. The French colonial government built a centralized administrative system that destroyed the traditional political institutions of Cambodia. The French colonial administration created a hierarchical system which focused on maintaining colonial control thus weakening both traditional leaders and community-based governance networks[3]. Becker (1998) explains that colonial powers substituted French officials for local leaders which resulted in the destruction of traditional governance systems and established dependence on centralized authority. The move toward centralized governance established a political culture in Cambodia which maintained power concentration among few elites beyond independence time.

The centralized administrative systems established during French colonial rule maintained their influence on post-independence Cambodia and directed its political developments through multiple decades. The political institutions of early Cambodia relied on bureaucratic systems imposed by France but these institutions served colonial interests instead of developing democratic governance. According to Chandler (2004) French rule established political instability through its centralized power structure because it created an institutional framework that lacked effective local governance systems.

3.2 Sihanouk Era and the Khmer Republic (1953–1975)

The Cambodian political development experienced a major transformation when King Sihanouk led the nation to adopt a republican system during the 1950s. Sihanouk faced political instability because his republican leadership

2 *Petersson M.* (2017). Modern patronage and development in Cambodia: historical foundations, modern re-articulations, and the contemporary quest for political legitimacy.

3 *Thaijongrak N.* (2023, November). Elective Monarchy: The Legacy of French Colonization in Cambodia. In Proceedings of the 34th International RAIS Conference on Social Sciences and Humanities (pp. 61-65). Scientia Moralitas Research Institute.

struggled between maintaining monarchical traditions and establishing republican institutions. His governance style which focused on personal authority destroyed the existing institutional framework[4]. According to Chandler (2004) the Sihanouk period combined strong leadership with weak institutions which created political instability throughout the era. The political system of Cambodia remained unstable during this period because Sihanouk tried to create national unity yet the government depended on his personal leadership instead of developing strong institutions.

During this time the political system developed into a highly personalized framework which placed the leader at the core of power. The political institutions of Cambodia inherited from this system became ineffective at handling opposition and civil disturbances. The coup led by Lon Nol resulted in the monarchy's collapse and the creation of the Khmer Republic which demonstrated the political instability that characterized Cambodia during this time. According to Gray (2014) the political system failed to maintain stability because power concentrated in one ruler while democratic norms collapsed due to insufficient institutional development.

3.3 Khmer Rouge Regime (1975–1979)

During the Khmer Rouge rule from 1975 to 1979 Cambodia experienced its most tragic period in history. The Khmer Rouge attempted to transform Cambodian society through radical means which resulted in the total collapse of all political and social and economic systems. Becker (1998) describes how Pol Pot led the Khmer Rouge to eliminate traditional governance and private property and cultural expressions because they opposed their communist utopian vision. The Khmer Rouge implemented policies which resulted in massive Cambodian deaths alongside state institution destruction and complete social collapse[5].

The Khmer Rouge period of institutional destruction created enduring distrust toward governance while simultaneously reducing political participation in Cambodia. The Khmer Rouge actions created deep population-wide distrust of government institutions because the state directly perpetrated mass violence and repression according to Chandler (2004). The political landscape of Cambodia remained severely damaged by the genocide trauma even after the Khmer Rouge collapsed because the population lost trust in institutions which had been destroyed by the state. The lack of democratic norms after the Khmer Rouge collapse stemmed from the institutional void that resulted from their destruction.

4 *Deth S.U.* (2009a). The Rise and Fall of Democratic Kampuchea. Association for Asian Studies. // URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/the-rise-and-fall-of-democratic-kampuchea/

5 BBC. (2018, November 16). Khmer Rouge: Cambodia's Years of Brutality. BBC News. // URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-10684399

3.4 Vietnamese Occupation and the People's Republic of Kampuchea (1979–1989)

After the Khmer Rouge lost power Cambodia became a Vietnamese-controlled state when the People's Republic of Kampuchea (PRK) was founded in 1979. The Vietnamese-backed government aimed to rebuild state institutions which the Khmer Rouge had eliminated. The period brought back central authority and power consolidation within the communist party. The Vietnamese government exercised deep influence on Cambodian governance through this period which determined political institutions and policies for multiple years ahead (Gray, 2014). The political system that emerged from one-party rule during this time would later affect Cambodia's democratic transition in the 1990s[6].

The Vietnamese-backed one-party rule during this time period established a political framework which shaped the post-1993 Cambodian political landscape by severely suppressing all forms of opposition. The centralized power structure that developed during this time period restricted the growth of pluralistic politics and democratic norms and political opposition development. The CPP maintained its power grip in the post-1993 period because it originated from the Vietnamese-supported regime which used control and patronage methods to sustain its rule (Chandler, 2004).

3.5 UNTAC Period (1991–1993)

The UNTAC-led transition from 1991 to 1993 was a critical turning point in Cambodia's political development because it was the first real attempt to establish a multi-party democracy in the post-Khmer Rouge era. UNTAC played a key role in facilitating Cambodia's transition to a democratic system, drafting the 1993 Constitution which established Cambodia as a constitutional monarchy with multi-party elections and a parliamentary system (Becker, 1998).

However, despite the formal establishment of democratic norms and institutions, the legacy of centralized power and political manipulation continued to undermine Cambodia's democratic transition. As Gray (2014) points out, the UNTAC mission's success in promoting elections was overshadowed by the difficulties in establishing long-term democratic norms. The political system remained heavily influenced by historical legacies, particularly the dominance of the CPP, which managed to retain significant control over the political system, despite the constitutional framework designed to promote pluralism and democracy[7].

6 Phnom Penh | national capital, Cambodia. (n.d.). Encyclopedia Britannica. // URL: https://www.britannica.com/place/Phnom-Penh

7 *Keller L.* (2005). UNTAC in Cambodia–from occupation, civil war and genocide to peace. Max Planck Yearbook of United Nations Law Online, 9(1), 127-178.

4. Post-1993 Democratic Transition: Continuities and Changes

4.1 Institutional Framework

The 1993 Constitution of Cambodia adopted a parliamentary system which replaced the autocratic leadership that had controlled most of the nation's political development. The Constitution established a dual-chambered National Assembly and Senate together with separate powers between the executive and legislative and judicial branches. The new framework was intended to support democratic governance and political pluralism following Cambodia's violent past which included the Khmer Rouge genocide and subsequent Vietnamese-backed authoritarian rule[8].

The parliamentary system of Cambodia developed from historical power centralization during colonial times and the Khmer Rouge period. The 1993 Constitution presented democratic features but it maintained elements of centralized authority which characterized earlier political systems. According to Becker (1998) Cambodia adopted a constitutional monarchy with democratic elections but the political system retained its "highly centralized" nature which stemmed from colonial rule and subsequent authoritarian regimes. The Cambodian People's Party (CPP) maintained its political dominance through democratic institutions because it originated from the Vietnamese-backed regime and the Khmer Rouge remnants (Chandler, 2004).

The centralization of power through history resulted in democratic institutions which failed to distribute genuine political power beyond the ruling party. According to Chandler (2004) the system permitted elites to keep control of political processes which reduced the democratic potential of institutions established in 1993. The parliamentary system of Cambodia exhibited democratic characteristics but its historical legacies maintained executive dominance which reduced legislative power and opposition influence.

4.2 Democratic Norms and Practices

The 1993 transition period brought substantial progress toward establishing democratic norms which include scheduled elections alongside political diversity and party system development. The 1993 elections became a historic moment because they introduced multi-party elections to Cambodia after many years of absence and UNTAC provided essential oversight for these elections which launched the country's formal democratic process (Becker, 1998). The development of democratic norms has proceeded at a slow pace while facing strong influence from Cambodia's historical background[9].

8 *Chandler D.* A history of Cambodia (PDF). Retrieved May 4, 2025 // URL: https://cdn.angkordatabase.asia/libs/docs/d.chandler-a-history-of-cambodia.pdf

9 *Ponniah K.* (2018, July 28). In 1993, the UN tried to bring democracy to Cambodia. Is that dream dead? BBC News. // URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-44966916

The political landscape continues to be controlled by the CPP which maintains its power through state structure dominance and holds regular elections. The political environment remains unbalanced because opposition parties face significant challenges in gaining substantial influence. According to Gray (2014) the continued centralization of power prevents democratic norms from being fully implemented in practice since elections serve to validate existing power structures instead of representing genuine pluralistic competition. The CPP maintains electoral control through resource and media restrictions which helps the party maintain its dominant position (Chandler, 2004).

The post-1993 period has maintained personalized rule which started under Sihanouk and intensified under the Khmer Rouge because essential leaders have maintained their grip on Cambodia's political system. Chandler (2004) explains that personal leadership remains the most significant historical legacy of Cambodia because it has created a political environment where power belongs to a few elite members instead of democratic institutions.

4.3 Challenges to Democratization

Multiple barriers to democratization exist in Cambodia because of the country's past authoritarian systems. The CPP has remained in power as the dominant political force after Cambodia adopted democratic institutions even though the CPP retains a strong control over the system. According to Chandler (2004), the historical period of authoritarianism established political norms that suppress opposition forces while allowing the ruling party to maintain unbalanced control of political competition.

Cambodian citizens lack faith in political institutions because of the violent Khmer Rouge era followed by the Vietnamese-backed regime. According to Gray (2014) the extensive violence combined with authoritarian rule has produced deep distrust toward government institutions. Democratic norms struggle to establish themselves because citizens remain fearful of participating in a political system which they believe is corrupt and controlled by elite groups.

The progressive weakening of opposition parties throughout the years serves as an additional obstacle to democratic consolidation in Cambodia. The CPP controls state resources alongside media platforms and security forces which establish an unfair competition environment for opposition parties to effectively oppose the ruling party[10]. The authoritarian political system has operated for so long that it has made opposition movements struggle to gain influence because it continues to restrict alternative viewpoints (Chandler, 2004). The political process remains challenging for opposition parties to participate

10 *Kurlantzick J.* (2023a, June 16). Cambodia continues toward complete authoritarianism as Southeast Asia shrugs. Council on Foreign Relations. https://www.cfr.org/blog/cambodia-continues-toward-complete-authoritarianism-southeast-asia-shrugs

effectively due to systemic obstacles despite the 1993 Constitution's establishment of political pluralism.

The process of democratization in Cambodia faces important obstacles due to historical factors which have concentrated power and generated institutional distrust while allowing the CPP to dominate political life. Political regimes from the past continue to influence the present political environment thus preventing democracy from becoming stable.

5. Conclusion

The research examines how historical events shaped Cambodia's democratic transition process through their impact on both parliamentary structures and democratic practices. The research demonstrates that Cambodia's political framework continues to experience lasting effects from its colonial past under France and its subsequent rule by the Khmer Rouge and Vietnamese occupation. The political institutions developed during these historical periods created lasting impacts which continue to affect the country through its post-1993 institutional reforms that maintained strong centralized power and weak institutional practices. The 1993 Constitution established Cambodia's parliamentary system to support democracy yet historical factors including powerful elite control and centralized power structures have maintained their influence over politics thus weakening democratic institutions.

The UNTAC period proved essential for democratic norm establishment through its work on the 1993 Constitution and its organization of Cambodia's inaugural multi-party elections. The development of democratic practices in Cambodia has shown gradual yet irregular progress since the establishment of democratic institutions. The Cambodian People's Party maintains its control over the government while opposition parties remain underpowered because of enduring authoritarian traditions. The political system's institutional framework from colonial and authoritarian times creates barriers for achieving complete democratic practices including party competition and political pluralism. The democratic transition in Cambodia faces ongoing hurdles which prevent the full establishment of democratic norms and practices.

The research delivers vital information which explains how societies transition to democracy after experiencing conflict. The Cambodian case illustrates how previous events shape political conditions while revealing the difficulties of establishing democratic stability in nations with enduring authoritarian legacies. Post-conflict nations must recognize that democratization demands both the development of democratic institutions and effective solutions to handle historical and cultural factors which impact governance and political participation.

Future research must explore new areas which will help us better understand Cambodia's democratic transition process. The research needs to study

how international organizations and foreign governments and NGOs affect the democratization process after conflict. The study of external impacts on democratic practices would provide essential information for future political transformations. Research that compares post-conflict transitions in different countries would reveal shared obstacles and effective methods to overcome authoritarian legacies and build stronger democratic frameworks.

Библиографический список / Reference

1. Findlay T. Cambodia: The Legacy and Lessons of UNTAC. The Journal of Asian Studies, 1995. № 55. P. 216-217. // URL: https://doi.org/10.2307/2943701.
2. White A. Decentralization, Governance and Capacity Building in Cambodia. Local Economy: The Journal of the Local Economy Policy Unit, 2006. № 21. P. 423-428. // URL: https://doi.org/10.1080/02690940601002833.
3. Collins É. Postsocialist informality: The making of owners, squatters and state rule in Phnom Penh, Cambodia (1989–1993). Environment and Planning A, 2016. № 48. P. 2367-2382. // URL: https://doi.org/10.1177/0308518X16658664.
4. Morgenbesser L. Cambodia's Transition to Hegemonic Authoritarianism. Journal of Democracy, 2019. № 30. P. 158-171. // URL: https://doi.org/10.1353/JOD.2019.0012.
5. Vu T. Introduction to the Special Issue on Authoritarian Resilience of Communist Regimes in Asia. Communist and Post-Communist Studies. 2022. // URL: https://doi.org/10.1525/cpcs.2022.1697966.
6. Strangio S. Hun Sen's Cambodia. 2020. // URL: https://doi.org/10.1355/cs37-1f.
7. Curtis G. Cambodia Reborn? The Transition to Democracy and Development. 1998.
8. Mitamura E. The coloniality of abridgment: afterlives of mass violence in Cambodia and the US. Third World Quarterly, 2019. № 40. P. 389-404. // URL: https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1568191.
9. Karbaum M. Cambodia's Façade Democracy and European Assistance. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2011. № 30. P. 111-143. // URL: https://doi.org/10.1177/186810341103000405.
10. Lizée P. Cambodia in 1995: From Hope to Despair. Asian Survey, 1996. № 36. P. 83-88. // URL: https://doi.org/10.2307/2645558.
11. Marston J. Post-Pol Pot Cambodia. Critical Asian Studies, 2005. № 37. P. 501-516. // URL: https://doi.org/10.1080/14672710500200706.
12. Clayton T. Reorientations in moral education in Cambodia since 1975. Journal of Moral Education, 2005. № 34. P. 505-517. // URL: https://doi.org/10.1080/03057240500410236.
13. Roberts D. Political Transition in Cambodia 1991-99: Power, Elitism and Democracy. 2000. // URL: https://doi.org/10.4324/9781315028736.
14. Roberts D. Democratization, Elite Transition, and Violence in Cambodia, 1991-1999. Critical Asian Studies, 2002. № 34. P. 520-538. // URL: https://doi.org/10.1080/1467271022000035910.
15. Deth S. Cambodia from Civil Wars to Fragile Peace: A Secular Perspective. 2016. № 4. P. 316-324.
16. Peou S. Intervention & Change in Cambodia: Towards Democracy? 2000. // URL: https://doi.org/10.1355/9789812305923.
17. Kucherenko G. Political Opposition in Cambodia after 1993, 2020. P. 168-183. // URL: https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-168-183.
18. Marks S., Naraharisetti R. Cambodia: Civil society, power and stalled democracy. 2013.
19. Roberts D. Political Transition and Elite Discourse in Cambodia, 1991-99. Journal of Communist Studies and Transition Politics, 2002. № 18. P. 101-118. // URL: https://doi.org/10.1080/714003621.
20. Peou S. Cambodia: A Hegemonic Party System in the Making. 2011. P. 79-105. // URL: https://doi.org/10.1142/9789814327954_0004.

Гончаров Н.А.
Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рабочий вопрос в ходе парламентских прений в Великобритании в 1918-1921 гг.: между революционной угрозой и социальной реформой*

Аннотация. В центре внимания статьи — парламентские дебаты в Великобритании 1918–1921 гг. как реакция политического истеблишмента на радикализацию рабочего движения после Первой мировой войны. Послевоенный период поставил перед правящими кругами задачу решения острого социального кризиса, вызванного демобилизацией, экономическими трудностями и влиянием революционных событий в России. В статье уделено внимание ключевым политическим фигурам, определявшим официальный ответ на вызовы времени — Дэвиду Ллойд Джорджу, либеральному министру Томасу Макнамаре, а также лидерам Лейбористской партии, таким как Артур Гендерсон и Джеймс Макстон, чьи идеологические разногласия внутри партии дезориентировали профсоюзное движение. Автор останавливается как на риторических стратегиях консерваторов и либералов, конструировавших образ рабочего — от «героя труда» до «бунтовщика», — так и на конкретных законодательных мерах, призванных смягчить социальную напряженность. Внимание уделено обсуждению в парламенте закона о угольных шахтах (Coal Mines Bill) 1919 г., Закона о шахтах 1920 г., а также дебатам о забастовке полиции и проблеме безработицы. Автор отмечает, что, несмотря на отдельные уступки, правящая коалиция в целом использовала тактику отсрочки и риторического маневра, чтобы блокировать фундаментальные реформы, такие как национализация шахт. Особое внимание уделено кризису Либеральной партии, которая не сумела предложить убедительную программу для рабочего класса и укрепить свои позиции. Дается оценка парламентским прениям как уникальному источнику, отражающему глубокий страх истеблишмента перед революционной угрозой и его попытки балансировать между социальной реформой и сохранением статус-кво. В статье проанализированы проблемы, которые вызывали наиболее заметные трения в отношениях между правительством и рабочим движением. Среди них — вопросы заработной платы и условий труда в угольной промышленности, национализация, а также тяжелое экономическое положение шахтеров Южного Уэльса и Шотландии.

Ключевые слова: британский парламент, рабочий вопрос, Дэвид Ллойд Джордж, Лейбористская партия, Либеральная партия, забастовочное движение, угольная промышленность, национализация шахт, социальные реформы.

* © Гончаров Н.А., 2026.

Goncharov N.A.
Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

The labour question in British parliamentary debates, 1918–1921: between revolutionary threat and social reform

Abstract. This article focuses on the parliamentary debates in Britain from 1918 to 1921 as a reflection of the political establishment's response to the radicalisation of the labour movement following the First World War. The post-war period presented the ruling classes with the urgent task of resolving a profound social crisis, precipitated by demobilisation, economic hardship, and the influence of revolutionary events in Russia. The article pays attention to key political figures who shaped the official response to the challenges of the time—David Lloyd George, the Liberal minister Thomas Macnamara, as well as leaders of the Labour Party, such as Arthur Henderson and James Maxton, whose ideological disagreements within the party disoriented the trade union movement. The author examines both the rhetorical strategies employed by Conservatives and Liberals, which constructed the image of the worker—from 'hero of labour' to 'insurgent'—and the specific legislative measures designed to alleviate social tensions. Attention is given to parliamentary discussions of the Coal Mines Act of 1919, the Mining Industry Act of 1920, as well as debates on the police strike and the problem of unemployment. The author notes that, despite some concessions, the ruling coalition largely employed tactics of delay and rhetorical manoeuvre to block fundamental reforms, such as the nationalisation of the mines. Particular attention is paid to the crisis of the Liberal Party, which failed to propose a convincing programme for the working class and strengthen its position. Parliamentary proceedings are evaluated as a unique source, revealing the establishment's deep-seated fear of a revolutionary threat and its attempts to balance social reform with the preservation of the status quo. The article analyses the issues that caused the most significant friction in the relationship between the government and the labour movement. Among these were questions of wages and working conditions in the coal industry, nationalisation, and the dire economic situation of miners in South Wales and Scotland.

Key words: British Parliament, labour question, David Lloyd George, Labour Party, Liberal Party, strike movement, coal industry, nationalisation of mines, social reforms.

Тема роста левого и рабочего движения в Великобритании после Первой мировой войны широко освещена как в отечественной, так и зарубежной историографии. Такие исследователи как Е.А. Суслопарова, В.Г. Трухановского охватывали в своих работах рост Лейбористской партии как

политической силы и её стратегию для достижения побед, а также борьбу за лидерство внутри партии между фракциями. В современной историографии в последние десятилетия можно наблюдать, что такие отечественные авторы как Н.А. Кручинина и зарубежные исследователи Дж. Кронин и Т. Адамс, углубляют изучение отношениям между властью и рабочим классом, и причинам радикализации части пролетариата. Конкретные парламентские прения между депутатами, которые могли быть не самыми известными деятелями их партий, или не представлявших интереса в рамках исследований по рабочему движению, мало освящены, в то время как это может демонстрировать не только сильную озабоченность политиками рабочим вопросом, но и показать отношение конкретных людей, их аргументы в необходимости исправления или оправдания тяжелого положения пролетариата.

Первые годы межвоенного периода стали для Великобритании переломным моментом в истории рабочего класса. Послевоенная рецессия и сокращение производства тяжелее всего отразились на низших слоях общества. На фоне победы в Первой мировой войне, породившей ожидания улучшения жизни, и Октябрьской революции в России, британский пролетариат начал смещаться на более радикальные позиции, что требовало внимания со стороны законодательной власти.

К моменту выборов в декабре 1918 г. судьбы двух ведущих парламентских партий оказались связаны с решением вопроса о материальном положении работников промышленности. Лейбористская партия должна была доказать свою способность защищать интересы рабочего электората в парламенте. Либералы, к тому моменту расколовшиеся на сторонников Д. Ллойда Джорджа и Г. Асквита, были вынуждены укрепляться на левом фланге, позиционируя себя как силу, обладающую наибольшим опытом в управлении государством и как главного оппонента консерваторов [3, с. 7].

Обе политические силы находились в сложном положении. Несмотря на расширение избирательного права, они были ослаблены внутренними противоречиями. Либералы должны были доказать свою состоятельность в управлении страной в мирную эпоху. Лейбористы, разделённые на фракции, демонстрировали колебания при выработке парламентского курса, усугублявшиеся опасениями обвинений в антигосударственной деятельности на фоне событий в России. Это подтолкнуло их к принятию новой программы, трансформировавшей её из профсоюзной по преимуществу федерации в общенациональную организацию. Особую значимость приобрёл Пункт IV, где целью провозглашалось «обеспечение работникам физического и умственного труда полных плодов их труда и наиболее справедливого распределения на основе обобществления

средств производства». Данная цель трактовалась гибко, допуская различные формы — от кооперативов до национализации. Автор программы С. Вебб представлял лейбористов как носителей научного, экспертного подхода к управлению, настаивая на достижении социалистических преобразований исключительно парламентским путём [9].

Анализ парламентских дебатов позволяет заключить, что депутаты отдавали себе отчёт в усугублении экономического положения низших классов. В марте 1918 года либерал Дж. Гилберт выразил обеспокоенность ростом стоимости проезда в лондонском метрополитене. Однако лейборист Дж. Уордл лишь констатировал, что, т.к. компании, повысившие тарифы, являлись частными, правительство не имело рычагов воздействия на их политику [10, col. 1682-1683]. Неспособность властей адекватно реагировать на вызовы последнего года войны проявилась раньше, в январе, когда решение кабинета министров о выборочном повышении оплаты труда лишь для повременных рабочих, занятых в судостроении и производстве боеприпасов, что спровоцировало волну трудовых конфликтов, т.к. работники других секторов потребовали распространить надбавки и на них [11, col 7-8]. В результате правительству пришлось передать разрешение возникших споров в Министерство труда и частично пересмотреть условия выплат. Но данная мера не сняла всех противоречий и продемонстрировала риски фрагментарного регулирования в условиях военной экономики.

Политические амбиции профсоюзных лидеров ярко проявились на Конгрессе тред-юнионов в сентябре 1919 г., где Э. Шинвелл задал тон заседанию резкой речью. Он провозгласил, что в ближайшие годы рабочим предстоит взять на себя ответственность «за ведение и контроль над государственными делами», противопоставив профсоюзы с их «созидательными способностями и гением» вестминстерскому парламенту, который он назвал собранием «посредственностей» [12, с. 45]. Ключевой причиной недовольства, как подчёркивал лидер профсоюза инженеров Джеймс Браунли, оставалось тяжёлое материальное положение. Признавая сокращение реальной заработной платы, он, однако, использовал этот факт как аргумент в пользу увеличения производительности труда как средства снижения цен [13, с. 212-213].

Население вправе было ожидать послевоенного улучшения жизни, однако собственники не желали идти навстречу требованиям трудящихся. В Палате лордов уже в феврале 1919 г. высказывали серьёзные опасения, что начавшиеся с забастовки в метрополитене промышленные беспорядки могут перерасти во всеобщую стачку. Поводом стали требования шахтёров, железнодорожников и транспортников о повышении оплаты труда, сокращении рабочего дня и, в отдельных случаях, о национализа-

ции их отраслей. Лорд Эммат охарактеризовал положение как катастрофическое, в то время как лорд Бакмастер указывал на огромные военные прибыли капитала (£450 млн) как на источник возмущения рабочих. Их оппоненты, лорды Эммотт и Леверхульм, пытались оспорить масштабы этого явления, апеллируя к росту зарплат трудящихся и налоговому бремени на состоятельные слои [14, col. 178-229]. В марте депутат-юнионист Кеннеди Джонс напрямую спросил премьер-министра о законодательных инициативах по урегулированию кризиса, однако правительство уклонилось от ответа [15, col. 401-402].

Кризис перехода от военной экономики к рыночным механизмам находил отражение в парламентских дискуссиях на протяжении всей весны 1919 года. Лейборист полковник Торн обвинял фабрикантов в искусственном сдерживании производства хлопка, что вело к росту розничных цен на 80-300%, хотя официальные лица отвергали эти обвинения [15, col. 2401]. Недовольство вызывало и повышение цен на уголь, произошедшее вопреки рекомендациям комиссии Сэнки (специально созданная комиссия для расследования экономической ситуации в угольной промышленности). Лейбористы, в лице Д. Моргана, пытались привлечь внимание и к проблеме трудоустройства демобилизованных солдат, поскольку владельцы шахт Южного Уэльса отказывались восстанавливать их в должности, что провоцировало новые волнения [15, col, 2567-2568]. Кабинет министров, однако, не усматривал в этих проблемах системного характера и не был намерен брать на себя ответственность за действия частных собственников

К лету 1919 года фокус конфликта сместился с глобальных политических требований к повседневным хозяйственным проблемам: логистике, распределению ресурсов и дисбалансу на рынке труда. Трудовые конфликты вспыхивали из-за несоответствия графиков работы пригородных поездов и заводского распорядка [16, col. 1200], а ключевые для экспорта отрасли, как керамическая, парализовывались хроническим дефицитом и сбоями в поставках угля. При этом ответ министров, в частности сэра А. Геддеса, сводился к туманным заверениям о «справедливом распределении» ресурсов [16, col. 1649-1650]. Государственная политика усугубляла ситуацию: создание национальных верфей с высокими зарплатами дестабилизировало региональные рынки труда, вызывая отток рабочей силы из сельского хозяйства, однако правительство отказывалось признавать связь между своими действиями и аграрным кризисом.

Проблема трудоустройства демобилизованных солдат приобрела новый оборот, когда выяснилось, что сами профсоюзы, как в случае с железнодорожниками, могли препятствовать их найму [17, col. 2016-2017]. Власти игнорировали и тяжёлое положение низкооплачиваемых госслу-

жащих, таких как клерки-женщины с их мизерными окладами (£1 в неделю) и неограниченный рабочий день [17, col. 1856-1857].

Ярким эпизодом роста влияния рабочего движения в парламенте стала дискуссия вокруг налоговой реформы. Лейбористы Адамсон и Секстон требовали изменить систему расчёта налога для рабочих, приведя её в соответствие с практикой для других классов – к годовому, а не поквартальному доходу. Примечательно, что финансовый секретарь Казначейства Стэнли Болдуин, в отличие от коллег, признал сложность и легитимность этой проблемы [18, col. 320-325].

Несмотря на подобные единичные случаи понимания, к концу июля 1919 г. ситуация переросла в масштабную забастовку. Правительство заняло жёсткую позицию, отказав в пособии по безработице сотням тысяч рабочих, оказавшихся без работы из-за остановки шахт [18, col. 1567-1568]. В ответ на требования лейбористов о чётком изложении политики, особенно в отношении национализации угольной отрасли, рекомендованной комиссией Сэнки, кабинет министров в лице Бонар Лоу ограничился формальным согласием, уклонившись от обязательств [18, col. 1547-1552]. В этих дебатах впервые отчётливо прозвучали обвинения в адрес «агитаторов» и «большевиков», на что лейбористы справедливо указывали, что корнем недовольства являются спекуляции, и требовали от властей бороться с капиталистами-спекулянтами так же рьяно.

Возник парадокс: правительство, не будучи формальным владельцем отраслей, выступало спонсором и арбитром, парализуя переговоры между трудом и капиталом. Ярким примером стал случай в Йоркшире, где достигнутое на местном уровне соглашение о повышении зарплат было заблокировано государственным Угольным контролером, что спровоцировало забастовку. Министр А. Геддес категорически отрицал сам факт договорённости, противопоставляя официальную версию свидетельствам профсоюзных лидеров [18, col. 2101-2104]. Бездействие исполнительной власти приобретало катастрофические масштабы: как сообщал депутат Ч. Лозби, забастовка парализовала промышленность Брэдфорда, оставив без работы 25 000 человек, на что министр Р. Хорн (консерватор-юнионист) ответил беспомощной бюрократической риторикой [18, col. 2429].

Новый этап кризиса наступил с началом забастовки полиции в августе 1919 года. Если остановка шахт была экономическим протестом, то выступление сил правопорядка представляло собой прямой вызов монополии государства на легитимное насилие. Министр внутренних дел Э. Шортт занял бескомпромиссную позицию, отказавшись признавать происходящее «промышленным спором» и введя термин «акт мятежа» (act of mutiny). Это риторическое переопределение позволяло представить забастовщиков как предателей, снимая с власти обязанность

искать компромисс [18, col. 2428]. Шортт заявил о беспощадных мерах: увольнении участников и применении армии для «подавления толпы» в Ливерпуле [19, col. 369-370].

Жёсткость правительства объяснялась стремительным ухудшением ситуации в угольной и железнодорожной отраслях, а также растущими опасениями прямой революционной угрозы. Лорд Р. Сессил связывал возможность всеобщей забастовки с попыткой изменить политику в отношении Советской России. Ответ Бонара Лоу был одним из самых принципиальных: он заявил, что успех такой забастовки будет означать «конец демократического и конституционного Правительства», что оправдывало любые ответные меры, включая применение армии [19, col. 166-167]. Со стороны правящей коалиции также звучали обвинения в адрес лейбористов в двуличности – в попытке одновременно поддерживать рабочих и дистанцироваться от экстремистских методов.

Вместе с тем, отсутствие единства в самом рабочем движении ослабляло его позиции. Когда на Конгрессе тред-юнионов прозвучали призывы к всеобщей забастовке для политического давления, руководство в лице вице-президента Джона Огдена оказало им решительный отпор. Огден опасался, что власти воспримут это как революционный вызов, что даст им повод для силовых действий против бастующих, которых объявят революционерами [27, с. 50-54]. Эта внутренняя разобщённость, на фоне консолидации и радикализации правительственного курса, стала одной из ключевых причин постепенного затухания масштабного социального кризиса.

Забастовка полиции отразила попытку профсоюзного руководства занять промежуточную позицию – закрепить полицейских в рядах пролетариата, но не допустить обвинений в подрыве конституционного строя. На Конгрессе лидер профсоюза полиции Дж. Марстон обвинял правительство, саботировавшее признание их организации, и Парламентский комитет тред-юнионов (исполнительный орган Конгресса, представительный и координирующий орган рабочих на политической арене) в пассивности и сговоре с властями. Марстон указывал на «хитрых политиков», вводивших профсоюзных лидеров в заблуждение. Умеренное крыло в лице Дж. Сэддлера выступало за парламентские методы борьбы, осуждая несанкционированную акцию как подрыв доверия к рабочему движению. Но лидеры профсоюза (Дж. Марстон, Дж. Хейс) настаивали на переходе от «слуг государства» к статусу «наемных работников» с правом на коллективные действия, апеллируя к достоинству и классовому сознанию. Споры выявили и недовольство низовых активистов, о чём свидетельствовала реплика из зала («Вы говорите о штрейкбрехерах!»), указывавшая на моральное осуждение тех, кто уклонялся от коллективной борьбы. Тем не менее, под давлением других тред-юнионов, как ливер-

пульские докеры, полицейские были вынуждены отступить от требований пересмотра договора с правительством [27, с. 232-244]. Отказ профсоюзного и лейбористского руководства идти на конфронтацию с правительством объяснено также тем, что как отмечал В.Г. Трухановский, лидеры стремились сохранить коалицию с буржуазией для дальнейшего укрепления у власти, что противоречило настроениям рядовых лейбористов [4, с. 4].

Либеральная партия Ллойда-Джорджа в этот момент оказалась в двусмысленном положении: стремясь остаться главным соперником лейбористов за влияние в рабочей среде, она не решалась на пересмотр своей программы в отношении национализации угольных шахт. Во время забастовки в Йоркшире в середине августа 1919 г. премьер-министр опасался, что национализация нарушит «гармонию» и не прекратит кризис, а перенаправит гнев рабочих с частных владельцев на государство, что пытались опровергнуть лейбористские депутаты Ланн и Гранди [17, col. 2004-2206]. Однако рост забастовочного движения вынудил кабинет министров пойти на некоторые изменения. В ходе обсуждения нового закона об угольных шахтах в Палате лордов консерваторы (граф Джерси, лорд-канцлер Биркенхед) высказались за его принятие, объясняя это необходимостью предотвратить социальный взрыв, в то время как либералы (виконт Чаплин, граф Брасси) критиковали отчёт комиссии Сэнки, полагая, что закон разрушит экономику [17, col. 786-96]. В результате новый акт был принят, сократив продолжительность подземных работ до 7 часов. Примечательно, что вторая часть закона (о 6-часовом дне) так и не вступила в силу из-за ухудшения экономического положения угольной промышленности в 1920-1921 гг. Таким образом, 7-часовой рабочий день для подземных работников оставался нормой вплоть до всеобщей забастовки 1926 года и последующего законодательства [8].

Несмотря на уступки шахтёрам, социальная напряжённость не ослабевала. Осенью 1919 г. забастовку начали железнодорожники и литейщики. Правительство в своих высказываниях становилось всё более радикальным, обвиняя в происходящем некий «анархистский заговор» [17, col. 1115-1116]. Депутаты-лейбористы (Ланн) выражали озабоченность по поводу злоупотребления властью, незаконного использования государственных средств и бездоказательных политических обвинений со стороны кабинета министров [18, col. 43]. Ситуация с литейщиками обострилась и из-за вопроса о выплатах по безработице. Депутат Мур-Брабазон указывал на проблему, когда неквалифицированные рабочие, косвенно пострадавшие от забастовки в своей отрасли, не получали пособие, в отличие от квалифицированных коллег, апеллируя к прецеденту железнодорожной забастовки, где, по его словам, такого разделения не было [18, col. 78-79].

Можно наблюдать, что правительство не только оставалось на непри-

миримых позициях, но и переходило к более жёсткой риторике. Это проявилось и в отношении бастовавших полицейских. Депутат А. Мартин (либерал) пытался заступиться за уволенных, указывая на тяжёлое положение их семей, профессиональную неприспособленность к другой работе и раскаяние виновных. Однако министр Шортт продемонстрировал образец непреклонной официальной позиции, заявив, что уволенные «показали себя непригодными для ответственной должности полицейского». Забастовка полиции рассматривалась как покушение на самые основы государственного порядка [19, col. 932-3]. Опасаясь радикализации рабочего класса, правительство, тем не менее, шло лишь на минимальные уступки, в целом придерживаясь жёсткой линии.

Консервативный подход сохранялся и в большинстве других вопросов, связанных с положением трудящихся. Примечательно, что отдельные консерваторы, осознавая необходимость адаптации к новому избирательному законодательству и потребность в голосах рабочих, также могли выступать в роли их защитников. Так, в марте 1920 г. депутат Дж. Террелл (консерватор) поднял трагический случай, вскрывавший серьёзные недостатки системы компенсаций. Речь шла о молодой женщине, получившей лишь 30 фунтов за травму, приведшую к удалению глаза и угрозе полной слепоты. Формально процедура была соблюдена – сумма была принята «в качестве окончательного урегулирования» через суд, – однако результат оказался вопиюще несправедливым, указывая на системные пробелы в Законе о компенсации рабочим (Workmen's Compensation Act). Однако его коллега по партии Д. Хоуп обозначил жёсткие бюрократические рамки, объявив проблему частным делом, которое было урегулировано в суде, и сняв с государства всякую ответственность [20, col. 29-30].

Аналогичная медлительность и нежелание чиновников реагировать на тяжёлое положение трудящихся проявились в дебатах о региональном неравенстве. У. Сигер (либерал) поднял проблему дифференциации зарплат в государственном секторе, аргументируя это тем, что стоимость жизни в крупных промышленных городах, как Кардифф, сравнялась с лондонской, а оплата труда — нет. Однако Л. Уортингтон-Эванс (консерватор) отложил рассмотрение этого вопроса на неопределённое время [20, col. 1296]. Данный эпизод демонстрирует, что государство как работодатель само воспроизводило практики, которые критиковало в частном секторе, усугубляя социальную несправедливость.

Несмотря на эту медлительность и явное нежелание проводить социальные реформы, правительство по-прежнему жило в опасении новых волнений среди трудящихся. В конце марта 1920 г. депутаты парламента встревожились возможностью новой забастовки на Пасхальные праздники, когда профсоюз транспортных работников потребовал увеличение за-

работной платы. Но владельцы трамвайных компаний (как частных, так и муниципальных) заявляли, что не могут этого сделать без повышения тарифов на проезд, которое должно быть санкционировано государством. Стратегия правительства — пообещать законодательное решение (законопроект) в надежде, что этого будет достаточно, чтобы профсоюз отложил забастовку, а компании тем временем найдут временные средства для выплат [21, col. 861-862]. Положение усугублялось угрозой срыва переговоров с шахтерами. На прямой вопрос виконта Ф. Керзона о прекращении экспорта угля для создания резервов премьер-министр дает уклончивый ответ, отказываясь от конкретных обязательств. Д. Ллойд-Джордж не просто опровергает слухи об отказе встречи с шахтерами, а заявляет, что они, по его убеждению, распространяются намеренно, чтобы подорвать доверие к правительству и обострить ситуацию [21, col. 613-614]. Это указывает на высокий уровень подозрительности и напряженности между правительством и радикальными элементами рабочего движения.

Из-за роста забастовочного движения у части депутатов возникают подозрения и в том, что государство переходит к прямому нарушению законодательства для борьбы с рабочими. 7 июня 1920 г. депутат Дж. Робертсон заявлял, что из-за забастовки шотландских шахтеров не выполняются положения Закона о шахтах, конкретно на спасательные работы, и указывает на корень проблемы — отказ владельцев шахт вести переговоры с профсоюзом. Но министр Шортт старается смягчить ситуацию, заявляя, что есть «обученные добровольцы». Это попытка снять с себя ответственность и обесценить значимость профессиональных спасательных бригад. Но его ключевая фраза «не вижу оснований для вмешательства с моей стороны» демонстрирует, что несмотря на явный сбой в системе безопасности и отказ работодателей от переговоров, правительство предпочитает оставаться в роли наблюдателя, рискуя жизнями шахтеров [22, col. 55]. Лейборист У. Грэхем 10 июня показывает осложнение ситуации, в связи с угрозой забастовки шотландских банкиров, при этом депутат подчеркивал, что ассоциация действовала исключительно в правовом поле, исчерпав все варианты. И представлял разумные требования: признание ассоциации, пересмотр зарплат из-за инфляции, создание Совета Уайтли (органа партнерства между работодателями и работниками) [22, col. 652]. Это приводит к тому, что уже в августе шахтеры, наблюдая пассивную позицию правительства, готовятся к новой забастовке, и министр Р. Хорн признает, что это приведет к катастрофе, но придерживается мнения, что рабочие не пойдут на радикальные действия [23, col. 550-551].

С одной стороны, правительство в лице премьер-министра Ллойд Джорджа и сэра Роберта Хорна настаивало на принципах законности и экономической ответственности, предлагая передать спор о повышении

заработной платы в Промышленный суд или увязать его с увеличением добычи угля, видя в уступке под давлением забастовки смертельную угрозу для прецедента и финансовой стабильности [23, col. 799-902]. С другой стороны, представители шахтеров, такие как Брейс, апеллировали к глубокому кризису доверия, вызванному отказом правительства выполнить рекомендации Комиссии Сэнки по национализации, и требовали не разовой выплаты, а коренного переустройства отрасли через создание Национального совета по заработной плате, фактически оспаривая несправедливость самой системы. Парламент в этой ситуации выступал не только как арена для политического торга, но и как зеркало расколотого общества, где страх перед эскалацией в «почти невообразимое бедствие» (как отмечал мистер Секстон, предрекавший вовлечение транспортников и голод) сталкивался с риторикой о «борьбе до конца» во имя спасения конституционного правительства, демонстрируя исчерпанность прежних моделей управления и острую необходимость поиска нового социального контракта.

Смелая риторика правительства в отношении трудящихся могла быть связана и с тем, что в самом рабочем движении осенью 1920 г. снова начинались брожения и раскол. На Конгрессе 1920 г. обсуждалась принятая ранее профсоюзами резолюция о «пассивном сопротивлении», то есть об отказе от участия в его администрировании и от уплаты взносов. Это привело бы к удержанию взносов работодателями в принудительном порядке и последующим увольнениям рабочих, которые откажутся платить. Э. Бевин выступал с резкой критикой отсутствия продуманной стратегии. Он указывал, что Парламентский комитет тред-юнионов не создал «механизма» для защиты рядовых членов (особенно из профсоюзов неквалифицированных рабочих), которые первыми пострадают от увольнений. Сильные профсоюзы (железнодорожники, шахтеры) могут выстоять, а слабые — останутся без поддержки. Ему вторил лидер неквалифицированных рабочих Дж. Р. Клайнс, требуя от Парламентского Комитета четкого и недвусмысленного заявления о его позиции по этому вопросу, чтобы Конгресс понимал, какое руководство ему дадут [28, с. 244-247].

Второй проблемой для профсоюзов стал скандал с выборами в Парламентский комитет и торговля голосами – порочная практика, когда крупные профсоюзы тайно договариваются об обмене голосами, чтобы гарантированно провести своих кандидатов в Парламентский комитет. Лидер шахтёров Р. Смилли, разоблачая практику торговли голосами, заявил, что шахтёры были «наказаны» за отказ в ней участвовать. Он заявил, что это «позор» для всего профсоюзного движения. Заявление У. Торна (неквалифицированные рабочие) вызвало скандал, когда он цинично заявил, что его профсоюз тоже будет «играть в ту же игру» и торговать голосами. Это

«если все воруют, то и я буду» шокировало часть делегатов [28, с. 247-249]. Председатель Конгресса был вынужден признать проблему, но уклонился от ответа на вопрос Стоукса: «Кто и как накажет виновных, если они признаются в нарушении?» Технически Комитет откладывал реформу избирательной системы на год, ссылаясь на сложности [28, с. 251].

Отсюда видно, что профсоюзы, несмотря на то, что наиболее сильные из них (угольный и железнодорожный) придерживались наиболее смелой стратегии действия, внутри всего рабочего движения наблюдался рост противоречий, что не позволяло выработать общую тактику действия и ставило их более легкой мишенью для атак правительства.

Тем не менее правительство поступало осторожно. Когда возросла угроза роста забастовки угольщиков, Д. Ллойд-Джордж избегал официальной конференции, опасаясь её провала и в парламенте заявлял о необходимости неформальных консультаций с пролетариями для возможности найти компромиссы. Правительство делает ставку на умеренных профсоюзных лидеров (таких как Дж. Томас), противопоставляя их «безответственным» элементам, очевидно опасаясь дебатировавшего с ним А. Гендерсона, который давил на правительство, требуя более активных шагов, таких как созыв официальной конференции, и выражая озабоченность по поводу каждого потерянного дня [24, col. 1221-1224]. И на следующий день (22 октября 1920 г.) Бонар Лоу отказывается давать какую-либо новую информацию, подчеркивая серьезность положения и трудность публичных комментариев. Это указывает на крайнюю напряженность и хрупкость закулисных переговоров [24, col. 1299-1300].

28 октября министр Р. Хорн объявил в Палате общин о предварительной договоренности с бастующими. Новое соглашение должно было действовать до 31 марта 1921 г. До этой даты должна была разработана и представлена правительству постоянная схема регулирования заработной платы, учитывающая, среди прочего, прибыли отрасли. Шахтеры немедленно получали повышение заработной платы на 2 шиллинга. Однако это повышение не являлось окончательным. Если выручка в контрольный период превышала базовую на сумму, достаточную для покрытия 2-шиллинговой надбавки, то надбавка сохранялась. Если нет — она автоматически снижалась (до 1 шиллинга, если достигнут уровень сентября, или ниже по установленной шкале). В дальнейшем зарплата за каждый месяц (январь, февраль, март) должна была пересматриваться на основе данных за предыдущий месяц. Владельцы шахт согласились, что их доля в сверхприбылях (10%) будет сокращаться пропорционально снижению зарплаты шахтеров, если целевые показатели не будут достигнуты. Это был важный для правительства элемент солидарности и «нового духа гармонии» [24, col. 1940-1946]. Правительство настояло на своем ключевом

условии: любое повышение заработной платы должно напрямую зависеть от увеличения экономической ценности, создаваемой отраслью (в данном случае, через экспортную выручку).

Правительство вынуждено было идти на компромиссы. Т. Адамс подчеркивает, что без государственного вмешательства переговоры с рабочими не смогли бы достичь успеха. Однако он утверждает, что государство действовало не по собственной инициативе и не как агент работодателей, а скорее как арбитр, вынужденный реагировать на давление профсоюзов для поддержания социального мира и военного производства [5, 603]. И ключевую роль Т. Адамс отдавал самим профсоюзам, которые были ключевыми инициаторами переговоров [5, p. 600].

К концу 1920 г. напряженность в промышленной отрасли не остывала. Как только правительство начинало гасить проблемные точки в угольной промышленности, поднимали свою голову остальные рабочие. В декабре консервативный депутат У. Дэвисон поднимает тревогу по поводу результата голосования в крупном профсоюзе государственных служащих. Он подробно излагал результаты голосования, показывая, что большинство активных членов профсоюза поддержало политику забастовок и создание забастовочного фонда. Это представляется как прямой вызов. Рост напряженности характерно показала единственная реплика ирландского депутата-националиста Д. МакВея: «Пошлите чёрно-пегих». Это ядовитое напоминание о жестоких методах, которые правительство в то же самое время применяло в Ирландии и указывает на глубокий раскол и радикализацию: некоторые депутаты открыто сравнивают потенциальные действия правительства против рабочих с колониальной войной. Ответ помощника генерального почтмейстера Г. Пиза (юнионист) был поразительно спокоен и бездейственен. Правительство «не считает необходимым» делать какое-либо предупреждение профсоюзу. Это «продуманная политика» — то есть бездействие является осознанным выбором [25, col. 1737-1738]. Причина бездействия прямо не называется, но ее можно понять из контекста. Почта была огромным государственным предприятием, и ее полная остановка парализовала бы страну. Правительство, только что пережившее масштабные забастовки шахтеров и железнодорожников, вероятно, не хотело провоцировать новый конфликт, который мог бы объединить разных госслужащих. Жесткое подавление забастовки полиции было возможно, потому что полиция — это силовая структура, чья лояльность считалась вопросом национальной безопасности. К почтовикам применялся иной подход.

Пример перехода правительства на более жесткие позиции приводит Н.А. Кручинина, когда королем Георгом V был подписан Акт о чрезвычайных полномочиях 1920 г., который «стал использоваться для борьбы с за-

бастовочным движением» [1, с. 27].

Как отмечала Е.А. Суслопарова, Великобритания, одержавшая победу в Первой мировой войне, так и не смогла обеспечить своих подданных достойным будущим, что привело к росту социальных конфликтов [3, с. 51]. При этом как указывает Дж. Кронин после войны началось действительно массовое волнение среди рабочих и их готовность бастовать для достижения своих целей. И эта рабочая «боевитость была как более широкой, так и более глубокой, и она сохранялась в течение удивительно долгого времени, вплоть до Всеобщей забастовки 1926 года.» [7, p. 165-166].

И несмотря на нарастающий кризис, правительство старалось создать видимость уверенности в проводимой политике. Уже в феврале 1921 г. депутаты опасаются разорения предприятий на фоне экономического спада. Член Консервативной партии Г. Уилсон-Фокс указывал на серьезный пробел в управлении: неадекватная официальная статистика по ключевым экономическим и социальным вопросам. Это мешало парламенту принимать обоснованные финансовые решения в период глубокой экономической нестабильности. Консерваторы, в частности Дж. Террелл, опасаются, что бизнес окажется в убытке из-за среднего расчета налогооблагаемой прибыли. Во время бума (как в предыдущие годы) это выгодно бизнесу, так как усредняет высокую прибыль с более низкой. Но во время резкого спада 1921 года это становится «очень угнетающим», так как частники облагаются налогом на основе прошлой, более высокой прибыли, в то время как их текущие доходы падают. Ответ Канцлера О. Чемберлена демонстрирует мастерство по политическому лавированию и отсрочке. Он объяснял, что не успеет внести изменение к предстоящему финансовому году, откладывая его еще на год. Его оправдание («Палата разошлась только в канун Рождества») кажется слабым на фоне требований бизнеса, оказавшегося в тисках кризиса [26, col. 535-537].

Рабочие не могли не опасаться, что из-за убытков бизнеса первыми под ударами окажутся именно трудящиеся. И это понимали депутаты Палаты общин. Дж. Ньюман (консерватор) заявляет, что грядет неизбежная забастовка шахтеров, целью которой является революция и свержение конституционного строя. Правительство осознает опасность кризиса, но старается успокоить депутатов и не придавать значения «слухам». Настоящая суть кризиса раскрывается в репликах других депутатов, когда Д. Морган указывал на истинную причину надвигающегося конфликта — планы правительства по досрочному прекращению государственного контроля над угольной промышленностью, что воспринималось как «крах доверия». Снятие контроля грозило снижением заработной платы и ухудшением условий труда [26, col. 1393-1394].

Позиция правительства на протяжении февраля-марта 1921 г. остаётся

выжидательной и министры явно не выражали желания быстрого реагирования для предотвращения кризиса. Дж. Барнс (лейборист) сообщал министру Т. Макнамаре о необходимости вмешательства правительства забастовку судовых плотников, но министр заявлял, что «ни одна из сторон не выразила желания о вмешательстве». Это отражает преобладавший тогда подход, согласно которому государство должно выступать в роли арбитра только по просьбе обеих сторон конфликта, а не быть активным посредником [26, col. 1167]. Эта позиция показывает, что правительство могло позволить отраслевым конфликтам тлеть в течение месяцев, предпочитая избегать риска неудачного посредничества, даже ценой продолжающихся экономических потерь и лишений для рабочих.

И уже в марте можно наблюдать, что количество безработных организуются в шествия для давления на парламент и кабинет министров. Консерваторы, как, например, У. Гиннесс и Г. Крофт, воспринимали это как рост радикализма, предлагая жёсткие меры вплоть до лишения пособий участников шествий. Это предложение основано на предположении, что участники демонстраций по определению являются мошенниками или агитаторами, а не подлинными жертвами экономического кризиса. И отказ министра Э. Шорта искренне воспринимают с удивлением [26, col. 1606].

После отказа правительства поддерживать заработную плату шахтёрам после 1 апреля начинается забастовка рабочих. И помимо экономических проблем глубже вскрылся раскол в британском пролетариате. Шахтеры, находящиеся в Тройственном союзе с железнодорожниками и транспортниками и могли ожидать их поддержки и солидарности в вопросе забастовке. Но 15 апреля 1921 г. два профсоюза отказались поддержать угольщиков, это событие стало известно как «Чёрная пятница». Но ещё до ключевого дня правительство прилагало усилия, чтобы не допустить распространения забастовочного движения. В парламент Т. Кеннеди заявил, что в Шотландии против угольщиков начались репрессии: аресты за участие в собраниях. Он предупреждал, что это вызывает «сильное общественное возмущение» и может спровоцировать дальнейшие беспорядки, и призывает к освобождению арестованных. Но секретарь по делам Шотландии Р. Мунро (либерал) заявил о «полном доверии полиции» и априори утверждал, что аресты не могли произойти без «разумных оснований». Он отказывался даже запрашивать информацию, демонстрируя нежелание подвергать сомнению действия властей на местах [26, col. 1297-1298]. Эта дискуссия показывает, как правительство использовало правовую систему для подавления инакомыслия и запугивания активистов в разгар трудового конфликта, одновременно отказываясь нести ответственность за эти действия.

Правительство действительно опасалось, что забастовка может перерасти во всеобщую, что прямо заявлял экс-премьер Г. Аскит, требуя от Д. Ллойда-Джорджа полной информации и возможности для парламента обсудить ситуацию, находящуюся в 48 часах от «угрозы всеобщей забастовки». Он подчеркивал, что это вопрос национальных интересов, а не просто переговоры между правительством и профсоюзами. Лидер Либеральной партии уверял депутатов, что переговоры с железнодорожниками ведутся для предотвращения кризиса и просит отсрочки этого обсуждения в стенах Палаты общин, опасаясь что это может помещать переговорам. Важно, что лидер оппозиции (Асквит) и лейборист (Клайнс) соглашаются с этой отсрочкой. Это демонстрирует, что в момент высочайшего кризиса политический истеблишмент, несмотря на разногласия, объединяется в стремлении избежать эскалации и найти управляемое решение, видя в парламентских дебатах потенциально дестабилизирующий фактор [26, col. 1301-1303].

Тяжелые последствия для пролетариев-угольщиков после провала всеобщей забастовки прекрасно раскрывают сами депутаты. Т. Макнамара приводил цифры, которые красноречиво свидетельствуют о быстром распространении кризиса по принципу домино. Рост общей безработицы с 1.5 млн до 1.68 млн человек всего за две недели. Увеличение числа людей, работающих неполный рабочий день, с 875 тыс. до 964 тыс. человек. Министр признавал, что рост в этот период был «более заметным», и прямо связывал это с угольным кризисом, предупреждая, что ситуация будет ухудшаться по мере исчерпания запасов угля [26, col. 1848].

Лейбористы могли видеть в этом не просто эффект от затянувшегося кризиса, но и продуманную стратегию правительства на подавление рабочего движения, что показывает вопрос от лейбористского депутата Эвана Дэвиса. Депутат 20 апреля с подозрением спрашивал министра Т. Макнамару о том, почему шахтёры его округа (Эббу Вейл, Уэльс) были уволены ещё до забастовки, с 26 февраля. Более того, даже после урегулирования трудового спора эти шахтеры не смогли вернуться к работе. Но данный вопрос был переадресован «страховому офицеру» — низкоуровневому чиновнику в системе страхования. Это позволило министру дистанцироваться от проблемы [26, col. 1848-1849]. Помимо этого, те кто лишились работы, попали под двойной удар. Дж. Террелл упоминал тогда же (20 апреля), что огромное количество безработных остались без социальной поддержки. ИТ. Макнамара заявил, что программа, которая была введена для помощи демобилизованным солдатам, была свернута 1 апреля 1921 года. Резкое падение выплат с £292,000 до £51,000 наглядно это демонстрирует [26, col. 1849].

Член Фабианского общества и историк Джордж Коул проанализировал

в 1923 г. в своей работе «Labour in the Coal-Mining Industry» ситуацию с материальным положением рабочих – при номинальном росте зарплат, реальных доходы в 1921 г. упали ниже довоенного уровня. В парламенте проблема общего потребления угля осознавалась и вместе с повышение арендной платы это сильно било по материальному благосостоянию простого британского населения [6].

Из приведенных парламентских дебатов можно увидеть, что лейбористы в ходе борьбы были в основном представлены не лидерами партии, а менее медийными членами профсоюзов. Связано это было с тем, что сама Лейбористская партия только трансформировалась в крупную общенациональную организацию. Е.А. Суслопарова замечает, что одного из руководителей партии А. Гендерсона после принятия устава «прежде всего заботило административное управление существенно обновленной в 1918 г. партией» [2, с. 173].

Парламентские прения 1918–1921 годов стали не просто отражением социального кризиса, но и ключевым полем битвы за его интерпретацию. Как показало исследование, правящая коалиция во главе с Д. Ллойд Джорджем выработала комплексную стратегию, сочетавшую ограниченные социальные уступки с жесткой риторикой и тактикой отсрочки, направленной на блокирование фундаментальных реформ, таких как национализация угольной промышленности. Анализ дебатов вокруг ключевых законодательных актов, забастовок в жизненно важных отраслях и выступлений лидеров основных политических сил позволяет сделать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, Официальный дискурс гибко трансформировал образ рабочего из «героя труда» в «бунтовщика», что позволяло делегитимизировать требования трудящихся и оправдывать силовые меры, избегая равных переговоров.

Во-вторых, Лейбористская партия, даже с её социалистической программой (Пункт IV), не смогла консолидированно ответить на вызовы времени. Внутренние разногласия и нерешительность в поддержке забастовок ослабили рабочее движение, что закономерно завершилось параличом «Тройственного союза» в «Чёрную пятницу».

В-третьих, либералы Ллойд Джорджа, разрываясь между консерваторами и лейбористами, исчерпали потенциал как сила, способная предложить программу социальных реформ. Их уклонение от национализации по рекомендации комиссии Сэнки обнажило кризис классического либерализма перед новыми классовыми реалиями.

Таким образом, парламент в этот переломный период выступил в роли мощного института дерадикализации социального протеста. Через дискур-

сивные практики, законодательные полумеры и тактику проволочек политический истеблишмент сумел перевести массовое недовольство из плоскости революционного вызова в плоскость управляемого экономического спора, который можно было решать в логике рыночной целесообразности и временных компромиссов. Опыт 1918–1921 гг. не разрешил «рабочий вопрос», но предопределил формат его обсуждения на последующее десятилетие, создав прецедент, когда угроза всеобщей стачки могла быть нейтрализована не столько уступками, сколько консолидацией элит, расколом в рядах рабочего движения и эффективным использованием государственного аппарата для защиты статус-кво.

Библиографический список:

1. Кручинина Н.А. Формирование основ политики государственного регулирования трудовых отношений в Великобритании в период послевоенного кризиса 1919–1921 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30. № 3. С. 19-30. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.3
2. Суслопарова Е.А. Артур Гендерсон – «архитектор» лейбористской партии Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 163-182.
3. Суслопарова Е.А. Эволюция Лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. 379 с.
4. Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 592 с.
5. Adams T. Employers, Labour, and the State in Industrial Relations History: A Reply to Gospel. The Economic History Review, New Series, Aug., 1998. Vol. 51. № 3 P. 597-605.
6. Cole G.D.H. Labour in the Coal-Mining Industry. Oxford: Clarendon Press, 1923. // URL: https://quod.lib.umich.edu/g/genpub/AEX7543.0001.001/1 (Дата обращения: 02.10.2025).
7. Cronin James E. Strikes and power in Britain, 1870-1920. International Review of Social History, 1987. Vol. 32. № 2. P. 144-167.
8. Coal Mines Act, 1919. // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/48/enacted (Дата обращения: 08.09.2025).
9. Constitution and Clause IV. // URL: http://www.labourcounts.com/Clause_IV.htm (Дата обращения: 25.08.2025).
10. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.103. L.: HMSO, 1918. 1236 col.
11. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.101. L.: HMSO, 1918. 1226 col.
12. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.33. L.: HMSO, 1919. 1290 col.
13. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.114. L.: HMSO, 1919. 2934 col.
14. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.116. L.: HMSO, 1919. 1360 col.
15. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.117. L.: HMSO, 1919. 1200 col.
16. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.118. L.: HMSO, 1919. 2500 col.
17. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.119. L.: HMSO, 1919. 2166 col.
18. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.121. L.: HMSO, 1919. 2084 col.
19. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.122. L.: HMSO, 1919. 1880 col.
20. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.126. L.: HMSO, 1920. 2720 col.
21. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.127. L.: HMSO, 1920. 2084 col.
22. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.130. L.: HMSO, 1920. 2634 col.
23. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.133. L.: HMSO, 1920. 2206 col.
24. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 135. L.: HMSO, 1920. 2722 col.
25. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 138. L.: HMSO, 1921. 2249 col.
26. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 140. L.: HMSO, 1921. 2316 col.
27. Trades Union Congress Report. 1919. 8–13 September.
28. Trades Union Congress Report. 1920. 6–11 September.
29. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

Reference

1. Kruchinina N.A. Formation of the Foundations of the Policy of State Regulation of Labor Relations in Great Britain during the Post-War Crisis of 1919-1921 // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2025. Vol. 30. № 3. P. 19-30. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.3
2. Susloparova E.A. Arthur Henderson – the "architect" of the Labor Party of Great Britain // Modern and Contemporary History. 2015. № 2. P. 163-182.
3. Susloparova E.A. Evolution of the Labor Party of Great Britain in the Second Half of the 1920s: Diss. ... Cand. of History. – M.: Lomonosov Moscow State University, 1999. 379 p.
4. Trukhanovsky V.G. Modern History of England. – M.: Publishing House of Social and Economic Literature, 1958. 592 p.
5. Adams T. Employers, Labour, and the State in Industrial Relations History: A Reply to Gospel. The Economic History Review, New Series, Aug., 1998. Vol. 51. № 3 P. 597-605.
6. Cole G.D.H. Labour in the Coal-Mining Industry. Oxford: Clarendon Press, 1923. // URL: https://quod.lib.umich.edu/g/genpub/AEX7543.0001.001/1 (02.10.2025).
7. Cronin James E. Strikes and power in Britain, 1870-1920. International Review of Social History, 1987. Vol. 32. № 2. P. 144-167.
8. Coal Mines Act, 1919. // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/48/enacted (08.09.2025).
9. Constitution and Clause IV. // URL: http://www.labourcounts.com/Clause_IV.htm (25.08.2025).
10. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.103. L.: HMSO, 1918. 1236 col.
11. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.101. L.: HMSO, 1918. 1226 col.
12. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.33. L.: HMSO, 1919. 1290 col.
13. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.114. L.: HMSO, 1919. 2934 col.
14. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.116. L.: HMSO, 1919. 1360 col.
15. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.117. L.: HMSO, 1919. 1200 col.
16. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.118. L.: HMSO, 1919. 2500 col.
17. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.119. L.: HMSO, 1919. 2166 col.
18. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.121. L.: HMSO, 1919. 2084 col.
19. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.122. L.: HMSO, 1919. 1880 col.
20. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.126. L.: HMSO, 1920. 2720 col.
21. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.127. L.: HMSO, 1920. 2084 col.
22. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.130. L.: HMSO, 1920. 2634 col.
23. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol.133. L.: HMSO, 1920. 2206 col.
24. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 135. L.: HMSO, 1920. 2722 col.
25. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 138. L.: HMSO, 1921. 2249 col.
26. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th ser., vol. 140. L.: HMSO, 1921. 2316 col.
27. Trades Union Congress Report. 1919. 8–13 September.
28. Trades Union Congress Report. 1920. 6–11 September.
29. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 134-143.

Куровский С.В.
Руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования».

Мишин Д.А.
Руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования».

Морозов М.А.
Студент факультета «Международные отношения и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.

Присоединение ФРГ к НАТО в 1955 году: генезис, процесс и трансформация архитектуры европейской безопасности в контексте ранней холодной войны*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования генезиса, процесса и трансформации архитектуры европейской безопасности в контексте ранней холодной войны в условиях присоединения ФРГ к НАТО в 1955 году. Цель научного исследования – комплексный анализ причин, механизмов и последствий присоединения ФРГ к НАТО для военно-политической и правовой архитектуры Европы. В статье приведены генезис «германского вопроса» в системе европейской безопасности (1949-1953 гг.), дипломатическая борьба вокруг перевооружения ФРГ и её интеграции в НАТО (1953-1955 гг.), последствия и формирование новой биполярной структуры (1955-1961 гг.), а также долгосрочные последствия для архитектуры европейской безопасности. Хронологические рамки исследования охватывают временной период 1949 (создание ФРГ и НАТО) – 1955 (вступление ФРГ в НАТО и ответное создание Организации Варшавского Договора) гг. с экскурсами в более ранний (план Плевена, 1950) и поздний периоды (кризис вокруг Берлина 1958-1961 гг.) для понимания причин и долгосрочных эффектов.

Ключевые слова: присоединение ФРГ к НАТО, генезис, трансформация архитектуры европейской безопасности, ранняя холодная война, германский вопрос, последствия, биполярная структура.

Kurovsky S.V.
Head of the Research Department LLC "Higher School of Education".

* © Куровский С.В., Мишин Д.А., Морозов М.А., 2026.

Mishin D.A.
Head of the Editorial and Publishing Department of LLC "Higher School of Education".

Morozov M.A.
Student of the Faculty of International Relations and Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

FRG'S accession to NATO in 1955: genesis, process, and transformation of the European security architecture in the context of the early Cold War

Abstract. The article presents the results of a study of the genesis, process, and transformation of the European security architecture in the context of the early Cold War following the accession of the FRG to NATO in 1955. The aim of the scientific study is to comprehensively analyze the causes, mechanisms, and consequences of the FRG's accession to NATO for the military-political and legal architecture of Europe. The article presents the genesis of the "German question" in the European security system (1949–1953), the diplomatic struggle over the rearmament of the FRG and its integration into NATO (1953–1955), the consequences and formation of a new bipolar structure (1955–1961), as well as long-term consequences for the European security architecture. The chronological framework of the study covers the time period from 1949 (the creation of the FRG and NATO) to 1955 (the entry of the FRG into NATO and the retaliatory creation of the Warsaw Pact). with excursions into earlier (Pleven plan, 1950) and later periods (Berlin crisis 1958-1961) to understand the causes and long-term effects.

Key words: Germany's accession to NATO, genesis, transformation of the European security architecture, early Cold War, the German question, consequences, bipolar structure.

Введение.

События 1955 года, связанные с присоединением Федеративной Республики Германия (ФРГ) к Организации Североатлантического договора, представляют собой один из ключевых рубежей в истории послевоенной Европы. Этот акт, подготовленный длительным и сложным дипломатическим процессом, не только изменил военно-политический статус одного государства, но и стал катализатором трансформации всей системы международных отношений на континенте, окончательно оформив её жесткую биполярную структуру [1, с. 503]. Исследование данного события затрагивает проблемы формирования архитектуры европейской безопасности, динамики баланса сил и механизмов принятия решений в условиях нарастающей конфронта-

ции. Анализ причин и последствий этого шага сохраняет высокую степень актуальности, поскольку заложенные в середине 1950-х гг. институциональные и идеологические рамки продолжали определять логику европейского порядка на протяжении последующих десятилетий холодной войны [2, с. 26].

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, процесс интеграции ФРГ в западный альянс является собой классический пример того, как угрозы конфликта трансформируются в конкретные военно-политические союзы, создавая новые линии раздела [3, с. 68]. Во-вторых, изучение дипломатической борьбы вокруг «германского вопроса» позволяет выявить механизмы взаимодействия и противоречия между ведущими державами Запада (США, Великобританией, Францией), демонстрируя поиск компромисса между требованиями военной стратегии и историческими опасениями [3, с. 67]. В-третьих, реакция СССР на это событие, выразившаяся в создании Организации Варшавского Договора (ОВД), иллюстрирует действие принципа биполярности, когда действие одной стороны порождает симметричное противодействие другой [4, с. 93]. Наконец, понимание истоков и последствий этой трансформации дает необходимый исторический контекст для осмысления современных проблем европейской безопасности, роли НАТО и места объединенной Германии в международной системе [5, с. 102].

Степень научной разработанности проблемы является значительной, однако историографический ландшафт характеризуется эволюцией подходов. В западной, прежде всего американской и немецкой, историографии 1950-х - 1960-х гг. доминировала обосновывающая точка зрения, рассматривавшая перевооружение ФРГ и её вступление в НАТО как вынужденную и рациональную реакцию свободного мира на экспансионистскую политику СССР и неудачи диалога по германскому единству [4, с. 95]. Советская историческая наука, в свою очередь, представляла этот процесс как прямое нарушение Потсдамских соглашений, ремилитаризацию Западной Германии и подготовку плацдарма для агрессии против социалистического лагеря [6, с. 5]. Впоследствии, с открытием архивов и развитием исторической науки, эти схемы были пересмотрены. Современные исследования уделяют больше внимания внутренней логике принятия решений в столицах великих держав [6], [7], роли личности канцлера К. Аденауэра [4], комплексному влиянию корейской войны [8], а также анализу альтернативных сценариев, которые не были реализованы, таких как план создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) [9].

Объектом настоящего исследования выступает система европейской безопасности в период с момента образования двух германских государств и военно-политических блоков в 1949 году до присоединения ФРГ к НАТО в 1955 году.

Предметом является процесс присоединения ФРГ к НАТО как многоаспектный фактор, определивший направления трансформации военно-политических, правовых и идеологических основ послевоенного европейского порядка функционирования.

Основной целью работы является проведение комплексного анализа генезиса, дипломатической реализации и системных последствий интеграции ФРГ в североатлантический альянс. Для достижения этой цели формулируется ряд задач. Необходимо отразить совокупность геополитических, военно-стратегических и внутриполитических причин, которые привели к отказу от первоначальных ограничений в отношении Германии и сделали её перевооружение приемлемым для западных союзников. Требуется подробно изучить дипломатическую процедуру, включая провал проекта ЕОС, переговоры в Лондоне и Париже и содержание заключительных соглашений. Важной задачей является анализ реакции СССР и стран Восточной Европы, результатом которой стало создание ОВД. Также представляется целесообразным оценить долгосрочное влияние данного шага на консолидацию раскола Германии, эволюцию военных доктрин и общее усиление конфронтационного характера международных отношений в Европе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1949 года по 1955 год, что позволяет отследить всю логическую цепочку от возникновения двух противостоящих блоков до окончательного оформления их структуры с включением в них обоих немецких государств. При этом для понимания причинно-следственных связей допускаются экскурсы в более ранний послевоенный период, а также рассмотрение ближайших последствий вплоть до Берлинского кризиса 1961 года, который стал отголоском утвердившегося раскола.

Научная новизна исследования определяется комплексным подходом, синтезирующим анализ дипломатического процесса, военно-стратегических расчетов и долгосрочных структурных сдвигов в европейской безопасности. Особое внимание уделяется взаимосвязи между действиями Запада и ответными мерами СССР, что позволяет представить событие как элемент динамики двусторонней конфронтации.

Практическая значимость заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы как в дальнейших научных изысканиях по истории холодной войны и европейской интеграции, так и в образовательном процессе. Понимание причин и природы биполярной структуры мира, сложившейся в середине 1950-х гг., способствует более глубокой интерпретации современных международных процессов, уходящих корнями в эту историческую эпоху.

Материалы и методы исследования.

Теоретико-методологическую основу работы составляют принципы

историзма и научной объективности. В исследовании применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить поэтапное развитие событий и политических решений. Историко-сравнительный метод используется для анализа позиций и аргументов различных государств-участников. Системный подход помогает рассмотреть изменения в архитектуре европейской безопасности как трансформацию целостной структуры, элементы которой находятся в тесной взаимосвязи. В качестве теоретической оптики, объясняющей логику действий великих держав, привлекаются положения теории политического реализма, акцентирующей внимание на категориях баланса сил, национального интереса и безопасности.

В рамках информационной базы исследования ключевую роль играют опубликованные документальные серии материалов, такие как «Внешняя политика Соединенных Штатов» (FRUS), официальные документы внешней политики ФРГ и Великобритании, а также сборники советских дипломатических материалов по германскому вопросу. Важными свидетельствами служат мемуары и дневники непосредственных участников событий, К. Аденауэра, Э. Идена, Д. Ачесона. Периодическая печать того периода привлекается для анализа информационного сопровождения и формирования общественного мнения. В работе также учитываются выводы, содержащиеся в статьях специалистов, посвященных истории холодной войны и международных отношений.

Результаты и их обсуждение.

1. Генезис «германского вопроса» в системе европейской безопасности (1949-1953 гг.). Период после 1949 года обусловил качественно новый этап в развитии европейского порядка. Создание двух германских государств, Федеративной Республики и Германской Демократической Республики, а также образование противостоящих военно-политических блоков (НАТО и Совета Экономической Взаимопомощи) трансформировало проблему будущего Германии в сферу конфронтации [1]. Если изначально контроль над Германией как целым государством рассматривался победителями как гарантия стабильности, то теперь её разделённые части стали восприниматься как потенциальный ресурс для усиления собственных позиций в зарождающемся биполярном мире. Это превратило «германский вопрос» из предмета четырехстороннего управления в элемент стратегического планирования двух коалиций, где каждая сторона стремилась интегрировать контролируемую ею часть немецкой территории в свою экономическую и оборонную систему.

В связи с образованием ФРГ и ГДР подходы великих держав претерпели эволюцию. США, СССР, Великобритания и Франция продолжали выступать за воссоздание единого германского государства, однако на практике их политика была направлена на консолидацию сфер влияния. СССР видел

в ГДР не только «первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле», но и территорию, безопасность которой требовала постоянного контроля и укрепления связи с Восточным блоком стран. Одновременно советская дипломатия использовала тему единства Германии в пропагандистских целях, обвиняя западные державы в расколе страны, что, тем не менее, не отменяло действий по её фактической интеграции в социалистический блок.

Американская позиция, изначально колебавшаяся между идеями продолжения оккупационного контроля и построения новой Европы с участием Германии, к началу 1950-х гг. окончательно склонилась в пользу второго варианта. Политика сдерживания, сформулированная в доктрине Трумэна, требовала создания на европейском континенте прочного противовеса советскому влиянию. Экономически восстановленная в рамках плана Маршалла Западная Германия стала рассматриваться как необходимый элемент такой системы. Для Вашингтона интеграция ФРГ в западные структуры представляла собой способ одновременно решить две задачи: обеспечить лояльность ключевого центра экономического потенциала в Европе и нейтрализовать угрозу возрождения германского национализма путём привязки страны к наднациональным институтам.

Позиции Великобритании и Франции были более противоречивыми и отражали глубокие исторические опасения. Британия, традиционно стремившаяся к балансу сил на континенте, видела в сильной, но контролируемой Западной Германии возможный противовес как советской мощи, так и французским амбициям. Однако Лондон крайне скептически относился к идеям прямого перевооружения ФРГ, предпочитая сначала укрепить общеевропейские оборонные механизмы. Франция находилась в наиболее сложном положении. Стремление к гарантиям безопасности от немецкой угрозы, являвшееся основой французской внешней политики, входило в прямое противоречие с логикой атлантической солидарности и американским давлением в пользу немецкого вклада в оборону Запада. В результате французская дипломатия была вынуждена лавировать, пытаясь найти такие формы интеграции Германии, которые исключили бы возможность её независимых военных действий. Данный сдвиг в позициях основных акторов отражен в таблице 1.

Внешнеполитический кризис, вызванный началом Корейской войны в июне 1950 года, оказал влияние на дискуссию о будущем ФРГ. В Вашингтоне и европейских столицах конфликт на Дальнем Востоке был воспринят как возможный прецедент, свидетельствующий о готовности коммунистического блока к силовой экспансии. Прямой параллелью виделась уязвимость Западной Германии, которая, не имея собственных вооруженных сил и располагая лишь оккупационными контингентами союзников, представлялась легкой добычей для гипотетического советского наступления.

Опасения относительно недостаточности обычных вооружений НАТО для сдерживания СССР на европейской арене военных действий придали дискуссии о немецком военном вкладе практический характер [8].

Таблица 1. Характеристики позиций основных акторов процесса.

Держава	Исходная позиция (1945-1948 гг.)	Эволюция к 1949-1953 гг.	Ключевой мотив изменения
СССР	Ослабление Германии	Интеграция ГДР в социалистический блок	Закрепление сферы влияния
	Репарации	Пропаганда единства при фактическом укреплении раскола	Создание буфера против Запада
	Демилитаризация		
	Четырёхсторонний контроль		
США	План Моргентау (деиндустриализация)	Активная поддержка экономического и политического восстановления ФРГ	Противостояние СССР
	Смена курса на восстановление	Курс на включение ФРГ в западную систему	Экономическая стабильность Европы
Великобритания	Поддержка контроля	Признание необходимости усиления ФРГ для баланса сил	Баланс сил в Европе
	Предотвращение доминирования любой континентальной державы	Осторожность в военном вопросе	Сдерживание СССР без чрезмерного усиления Франции или Германии
Франция	Максимальное ослабление и контроль над Германией (отделение Саара, интернационализация Рура)	Вынужденное согласие на восстановление ФРГ под давлением США	Гарантии безопасности от Германии по отношению к необходимости союза против СССР
		Поиск наднациональных форм контроля	

Источник: составлено авторами на основе [9-11].

Именно под влиянием этого шока французское правительство, стремясь перехватить инициативу и предложить альтернативу прямому перевооружению Германии, выдвинуло в октябре 1950 года «план Плевена». Рассматриваемая инициатива предлагала создание ЕОС - наднациональной военной организации, в рамках которой национальные контингенты, включая будущий западногерманский, были бы интегрированы на уровне дивизий под единым политическим и военным командованием. По замыслу авторов, такая конструкция позволяла получить немецкий военный потенциал, но

при этом лишала ФРГ возможности самостоятельно распоряжаться своей армией, минимизируя тем самым французские страхи. План получил поддержку США, увидевших в нем приемлемый для европейских союзников путь к ремилитаризации ФРГ, и лег в основу длительных и сложных переговоров, завершившихся подписанием договора о ЕОС в мае 1952 года [4].

Дальнейшее развитие событий вокруг ЕОС наглядно продемонстрировало эволюцию взглядов ключевых западных держав под давлением стратегической реальности. США, изначально поддержавшие французскую инициативу как промежуточное решение, постепенно стали рассматривать её как излишне сложную и медлительную. Американская администрация приходила к выводу, что только полноправное членство ФРГ в НАТО сможет обеспечить эффективную и скоординированную оборону Европы, а также удовлетворить растущие политические амбиции Бонна. Давление Вашингтона на Париж с целью скорейшей ратификации договора о ЕОС постоянно нарастало.

Великобритания, не являвшаяся участницей проекта ЕОС, заняла выжидательную позицию. Британское правительство с подозрением относилось к любым наднациональным военным структурам в Европе, видя в них угрозу собственному суверенитету и ослабление роли НАТО. Лондон был готов согласиться на немецкое перевооружение только в рамках проверенной атлантической системы, где влияние Великобритании оставалось бы значительным. Таким образом, британская позиция объективно сближалась с американской, создавая предпосылки для будущего альтернативного решения.

Наиболее драматичной была эволюция позиции Франции. Выдвинув план ЕОС, французское политическое общество само оказалось в плену собственной инициативы. Страх перед независимой германской армией боролся со страхом перед советской угрозой и нажимом со стороны самого мощного союзника. Длительные дебаты в Национальном собрании выявили глубокий раскол в стране по этому вопросу. В конечном итоге, ратификация договора была отложена, а летом 1954 года французский парламент отказался его рассматривать, что привело к фактическому провалу всего проекта ЕОС. Провал собственного плана поставил Францию перед дилеммой: либо согласиться на включение ФРГ в НАТО на условиях, которые будут диктовать США и Великобритания, либо остаться в дипломатической изоляции, взяв на себя ответственность за срыв создания единого западного фронта обороны. Перспектива изоляции оказалась сильнее исторических страхов, вынудив Париж искать новый компромисс.

Внутриполитическое развитие самой ФРГ в этот период определялось стратегической линией, разработанной её первым канцлером К. Аденауэром. Его внешнеполитическая концепция, известная как «политика силы», исходила из оценки реального положения послевоенной Герма-

нии. К. Аденауэр считал, что страна будучи разделённой и лишённой полного суверенитета не может проводить самостоятельную политику, балансируя между Востоком и Западом. Любая попытка играть на противоречиях сверхдержав, по его мнению, привела бы к маргинализации ФРГ и закреплению её слабости.

Вместо этого К. Аденауэр избрал курс на последовательную интеграцию в формирующееся западное сообщество. Его цель была двуединой: восстановление государственного суверенитета и повышение международного статуса ФРГ должны были быть достигнуты благодаря добровольному ограничению части этого суверенитета в пользу наднациональных структур Запада. Подписание договоров о Европейском объединении угля и стали, а затем и о ЕОС, он рассматривал как способ «привязать» Францию и другие страны к Германии институционально, делая возрождение немецкой военной мощи приемлемым и контролируемым процессом. К. Аденауэр справедливо полагал, что экономическая и военная интеграция с Западом создаст необратимые связи, которые в долгосрочной перспективе обеспечат ФРГ равное положение среди демократических наций. Таким образом, в его стратегии прагматичный расчёт на обеспечение безопасности и возвращение к влиянию через альянс сливался с идеей принципиального цивилизационного выбора в пользу Запада. Эта последовательная линия стала одним из ключевых факторов, определивших готовность западных союзников в конечном итоге пойти на предоставление ФРГ суверенитета и места в системе коллективной обороны.

2. Дипломатическая борьба вокруг перевооружения ФРГ и её интеграции в НАТО (1953-1955 гг.). Окончательное оформление западногерманского военного и политического статуса стало результатом интенсивного дипломатического процесса, проходившего на фоне нараставшей международной напряженности. Провал ранее согласованного проекта ЕОС создал ситуацию стратегической неопределенности, требовавшей от западных держав поиска нового консенсуса. Эта фаза переговоров характеризовалась необходимостью преодоления исторических противоречий, прежде всего французских опасений, под жестким давлением американской внешнеполитической линии и в условиях активного противодействия со стороны СССР. Достигнутые в 1954 году компромиссы носили комплексный характер, включая вопросы безопасности, суверенитета и территориальных споров в единый пакет договоренностей.

Отклонение Национальным собранием Франции 30 августа 1954 года ратификации Договора о ЕОС поставило западный альянс перед кризисом. Коллапс этого наднационального проекта, на разработку которого были потрачены значительные дипломатические усилия, ставил под сомнение способность Западной Европы к консолидированным действиям в сфере

обороны. Концентрация власти в центре Европы, которая должна была быть заполнена интегрированными вооружёнными силами, вновь становилась реальностью. Данная ситуация вызвала озабоченность в Вашингтоне, где стали рассматривать возможность «базового решения», а именно прямого приглашения ФРГ в НАТО в обход сложных европейских конструкций [9]. Великобритания, изначально державшаяся в стороне от ЕОС, получила возможность выступить в роли ключевого посредника, предложив альтернативу в форме модернизации и расширения Брюссельского пакта 1948 года. Для Франции провал ЕОС означал дилемму: необходимо было либо смириться с более прямыми и менее контролируемыми формами немецкого перевооружения, либо нести ответственность за разрушение западной оборонной стратегии.

Разрешение кризиса было найдено в ходе двух последовательных международных конференций. Девятистороннее совещание в Лондоне (28 сентября - 3 октября 1954 года) стало площадкой для выработки принципиальных решений, которые затем получили юридическое оформление в Париже (20-23 октября 1954 года). Компромиссный характер соглашений проявился в создании многоуровневой системы сдержек и противовесов. Основополагающим элементом стало преобразование Западного союза (Брюссельского пакта) в Западноевропейский союз (ЗЕС) с включением в него ФРГ и Италии. Данная структура в отличие от ЕОС не была наднациональной, но выполняла достаточно важные политические и контрольные функции. Именно в рамках ЗЕС были зафиксированы добровольные ограничения ФРГ на производство определённых видов вооружений (например, боевых кораблей большого водоизмещения, бомбардировочной авиации, ракетного оружия), что стало ответной реакцией на французские требования гарантий.

Значимым пунктом повестки дня стал саарский вопрос, бывший символом франко-германского антагонизма. Стороны согласовали придание Саару особого европейского статуса под управлением ЗЕС, что являлось временным решением, позволившим минимизировать остроту проблемы и продолжить переговоры по более существенным военно-политическим аспектам. Основным же военным итогом конференций стало принятие принципа включения ФРГ в НАТО. При этом вооружённые силы ФРГ должны были быть интегрированы в структуры альянса на уровне верховного главнокомандования, а их размер и структура определяться совместными решениями [10]. Это обеспечивало военную полезность немецкого контингента для обороны Запада, одновременно встраивая его в систему союзного контроля.

Подписанный комплекс документов, известный как Парижские соглашения, представлял собой проработанную правовую конструкцию, при-

званную регулировать новый статус ФРГ и её отношения с западными партнёрами. По своей сути, они являлись пакетом взаимосвязанных договоров, протоколов и резолюций, которые действовали как единое целое. Ключевыми элементами были Протокол о прекращении действия Оккупационного режима в ФРГ, Договор о пересмотре и дополнении Брюссельского договора (учреждавший ЗЕС), Протокол о вступлении ФРГ в НАТО. Специфической особенностью выступала их взаимозависимость: вступление в силу одних документов было обусловлено ратификацией других. Такой подход обеспечивал, что восстановление полного суверенитета ФРГ происходит синхронно с её интеграцией в западные оборонные структуры и принятием на себя соответствующих обязательств по контролю над вооружениями. С юридической точки зрения соглашения создали прецедентный механизм добровольного ограничения суверенитета в военной сфере в обмен на политическое равноправие и коллективные гарантии безопасности.

3. Последствия и формирование новой биполярной структуры (1955-1961 гг.). Вступление Парижских соглашений в силу 5 мая 1955 года и последовавшее за ним формальное присоединение ФРГ к НАТО изменили статус одного государства. Также эти события инициировали формирование биполярной модели безопасности в Европе, превратив теоретическое противостояние идеологий в военно-политическую реальность с чёткими границами и институциональными структурами. Последующие шесть лет стали периодом, когда логика блокового противостояния, получив организационное оформление, стала доминирующим фактором, определявшим развитие кризисов, формирование доктрин и повседневную жизнь в центре Европейского континента.

Реакция СССР на сложившийся геополитический факт была быстрой и демонстративно симметричной. В ответ на вхождение ФРГ в НАТО уже 14 мая 1955 года СССР и семь восточноевропейских государств (Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия) подписали в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Хотя двусторонние договоры о взаимопомощи между Москвой и её союзниками существовали и ранее, создание многосторонней военно-политической организации стало качественно новым явлением. Это был рациональный институциональный ответ, призванный легитимизировать и структурировать советское военное присутствие в Восточной Европе, а также создать единое командование для войск региона. ОВД провозглашал оборонительные цели и был открыт для присоединения других государств, но его реальное содержание определялось противостоянием с Североатлантическим альянсом. Таким образом, к середине 1955 года в Европе завершилось формирование двух организованных военных блоков, что придало конфронтации долговременный характер.

Политическим дополнением к военной интеграции ФРГ на Западе стала так называемая «доктрина Хальштейна», провозглашённая в декабре 1955 года. Рассматриваемая внешнеполитическая концепция, названная по имени статс-секретаря ведомства канцлера Вальтера Хальштейна, объявляла, что установление дипломатических отношений ФРГ с любым государством, признавшим ГДР, будет признаваться как недружественный акт и повлечёт за собой разрыв дипломатических связей с Бонном. Доктрина преследовала цель подтвердить исключительное право ФРГ представлять весь немецкий народ. Её влияние на отношения внутри социалистического лагеря оказалось неоднозначным. С одной стороны, она усилила зависимость Восточного Берлина от Москвы, поскольку лишь СССР и его ближайшие союзники могли себе позволить игнорировать давление Бонна. С другой стороны, доктрина способствовала консолидации социалистического блока вокруг поддержки ГДР, одновременно ужесточая его внутренние границы. Фактически «доктрина Хальштейна» трансформировала вопрос признания двух немецких государств в основополагающий элемент дипломатической борьбы, на длительное время заблокировав возможность гибких решений и закрепив раскол как на уровне государственности, так и в рамках международно-правовых отношений [11], [12].

Блоковое противостояние, институционализированное в 1955 году, сделало Берлин, находившийся в глубине территории ГДР, наиболее уязвимой точкой в Европе. Кризис, достигший пика в 1958-1961 гг., стал следствием общей логики противостояния, обострённой спецификой берлинского статуса.

В рамках новой военной архитектуры Европы территория ФРГ приобрела стратегическое значение. Статус «прифронтового государства» предопределил его роль в оперативном планировании НАТО. С конца 1950-х гг. на территории ФРГ началось размещение тактического ядерного оружия США, которое рассматривалось как средство компенсации численного превосходства сил ОВД. Подобное размещение делало ФРГ потенциальным полем ядерного сражения, увеличивая вероятность кризиса. Вопросы военного командования также отражали эту реальность, так как германский Бундесвер будучи крупнейшим контингентом сил в Центральной Европе был полностью интегрирован в структуры НАТО и лишён самостоятельного оперативного командования на высшем уровне [13]. Это означало, что суверенное право ФРГ на решение вопросов войны и мира было в значительной степени делегировано наднациональным органам альянса, где доминирующую роль играли США.

Таким образом, период 1955-1961 гг. стал временем, когда архитектура европейской безопасности, концептуально спроектированная в договорах, обрела свою полную материальную форму. Блоковое противостояние,

инициированное решениями 1955 года, определило логику кризисов, повседневную жизнь разделённого народа и ту степень риска, которая стала постоянным фоном международных отношений в эпоху холодной войны.

4. Долгосрочные последствия для архитектуры европейской безопасности. Решения, принятые в середине 1950-х гг., создали временную конфигурацию сил, устойчивые институциональные, правовые и идеологические рамки, внутри которых происходило последующее взаимодействие между Востоком и Западом. Долгосрочные последствия интеграции ФРГ в западные структуры сформировали политико-экономические паттерны и определили траекторию развития как двух германских государств, так и всей системы международных отношений на континенте. Эти последствия проявлялись в постепенной эволюции от противостояния к управляемой конфронтации, а также в сочетании раскола государства с элементами постепенного взаимного признания.

Политика интеграции, инициированная К. Аденауэром, имела оборонное, экономико-политическое измерение. Вхождение ФРГ в НАТО сопровождалось её активным участием в процессе европейской экономической интеграции: от Европейского объединения угля и стали (1951 г.) к Римским договорам и созданию Европейского экономического сообщества (1957 г.). Американская поддержка этого процесса, выражавшаяся в политическом покровительстве и инвестициях, создала прочную трансатлантическую структуру. В её рамках экономическое возрождение Западной Германии перестало восприниматься как угроза, а выступило основой процветания и устойчивости западноевропейского региона.

Эта интеграция в западные структуры привела к так называемой «двойной сдержанности»: потенциал ФРГ был ограничен, а её безопасность гарантировалась присутствием США [14], [15]. В результате сложилась модель, где развитая экономика континента действовала как ведущее, но ответственное звено в сети многосторонних институтов. Данная модель стала аспектом послевоенного западноевропейского порядка функционирования, обеспечив длительный период стабильности и роста.

События 1955 года заложили базовые принципы, которые продолжают влиять на подходы к европейской безопасности и после окончания холодной войны. Прежде всего, это утверждение НАТО как центрального и легитимного института евроатлантической безопасности. Процесс расширения альянса на Восток после 1991 года, несмотря на все споры, коренится в логике, впервые применённой к ФРГ: интеграция бывших противников (агрессоров) или нейтральных стран в единое оборонительное и ценностное сообщество для стабилизации континента. Именно успех западной интеграции Германии стал концепцией посткоммунистических трансформаций.

Роль объединённой Германии в современной Европе также отражает

влияние решений середины 1950-х гг. Её статус как ведущей экономической державы, сознательно ограничивающей своё военно-политическое лидерство и действующей в рамках Европейского союза и НАТО, является наследием модели «суверенитета через интеграцию». Современные дискуссии, касающиеся стратегической автономии Европы, оборонных обязательствах Германии и трансатлантической солидарности продолжают разворачиваться [8], [10]. Таким образом, современная архитектура европейской безопасности остаётся проекцией тех решений, которые оформили разделённый континент в эпоху биполярного противостояния.

Выводы.

Проведённое исследование процесса присоединения ФРГ к Организации Североатлантического договора в 1955 году позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение для понимания истории международных отношений в период холодной войны и формирования архитектуры европейской безопасности.

Решение о перевооружении и интеграции ФРГ в западный альянс стало закономерным итогом эволюции стратегического мышления ведущих западных держав в условиях углубляющегося раскола Европы. Под влиянием корейской войны и под давлением концепции биполярного противостояния первоначальные опасения перед возрождением германской военной мощи постепенно уступили место прагматичному восприятию ФРГ как незаменимого ресурса для сдерживания советского влияния. Ключевую роль в этом процессе сыграла позиция США, рассматривавших сильную и лояльную Западную Германию в качестве основополагающего элемента своей стратегии в Европе. Одновременно дипломатическое мастерство К. Аденауэра, последовательно проводившего курс на обретение суверенитета через интеграцию с Западом, позволило Бонну превратиться из объекта переговоров в их активного участника, добивающегося конкретных политических целей.

Сам процесс интеграции, оформленный Парижскими соглашениями 1954 года, носил компромиссный характер. Он являлся результатом преодоления кризиса, вызванного провалом проекта ЕОС. Создание Западноевропейского союза, наложение добровольных ограничений на вооружения ФРГ и гарантии постоянного британского военного присутствия на континенте стали той системой взаимных обязательств и гарантий, которая позволила примирить требования военной эффективности НАТО с историческими страхами европейских соседей Германии, прежде всего Франции. Таким образом, вступление ФРГ в альянс сопровождалось созданием многоуровневой системы контроля, что минимизировало риски и заложило основы для доверительного взаимодействия в рамках западного блока.

Непосредственным геополитическим следствием этого шага можно считать военно-политическое оформление раскола континента. Симме-

тричный ответ СССР в виде создания ОВД в мае 1955 года ознаменовал переход от зон влияния к системе двух противостоящих и институционально организованных блоков. Это привело к консолидации разделения Германии, где ФРГ и ГДР стали ключевыми элементами соответствующих военных структур. Дальнейшие берлинские кризисы, окончанием которых стало возведение Стены в 1961 году, наглядно продемонстрировали, как логика блокового противостояния материализуется в конкретных решениях, закрепляющих раскол в долгосрочном временном периоде.

Военно-стратегический паритет, достигнутый в Центральной Европе благодаря вкладу Бундесвера, вынудил НАТО эволюционировать к стратегии «гибкого реагирования», что повысило порог ядерной эскалации. Экономическая и политическая интеграция ФРГ в европейские и трансатлантические структуры создала устойчивую модель «двойной сдержанности», в рамках которой немецкая мощь стала основой стабильности, Эта модель, в свою очередь, подготовила фундамент для реализации «новой восточной политики» 1970-х гг., которая начала процесс постепенного смягчения раскола страны через диалог и договоры.

Историческое значение событий 1955 года обусловлено тем, что интеграция ФРГ в НАТО утвердила принцип, согласно которому включение государства в евроатлантические институты является наиболее эффективным инструментом стабилизации и обеспечения безопасности на континенте. Этот принцип стал парадигмой для постбиполярного расширения альянса. Роль современной объединённой Германии как ведущей, но ответственной державы, чьё влияние опосредовано многосторонними рамками Европейского союза и НАТО, является наследием стратегического выбора, сделанного в середине 1950-х гг. Таким образом, присоединение ФРГ к НАТО явилось вехой, определившей параметры европейского порядка функционирования на вторую половину XX века и заложившей институциональные основы для его трансформации в XXI веке.

Библиографический список:

1. Пархитько Н.П., Плотников И.П. «Зри в корень» к вопросу о нацистском происхождении НАТО // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 5. С. 502-508.
2. Унатлоков В.Х., Мишин Д.А., Куровский С.В. Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба») // Власть истории и история власти. 2025. Т. 11. № 2 (60). С. 21-31.
3. Родович Ю. В. Решение германского вопроса как предпосылка распада СССР // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. № 1 (9). С. 66-74.
4. Кристов И.Ю. Германо-советские и германо-германские отношения как фактор интеграционной политики К. Аденауэра в 1949-1955 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1 (55). С. 91-99.
5. Магадеев И.Э. Контуры послевоенной системы безопасности в Европе во французских стратегических и дипломатических оценках (1943-1949) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 89-140.
6. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.

7. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Торгово-экономическое сотрудничество РФ и стран Персидского залива: историческая ретроспектива, современные тренды и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2-2. С. 11-16.
8. Тихова В.В. Формирование военно-политического взаимодействия стран Европейского союза (1945-1992 гг.) // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 1. С. 3-12.
9. Джусупова А.А., Юрченко М.М. Позиция Германии по вопросу «совместных ядерных миссий» НАТО // Казанский вестник молодых учёных. 2022. Т. 6. № 3. С. 69-81.
10. Петросян Д.В. Внешняя политика Германии в период адаптации к реалиям постбиполярного мира // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 2. С. 407-438.
11. Козьякова Н.С. Вступление Второй Австрийской республики в ООН после окончания Второй мировой войны (1955 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 193. С. 254-261.
12. Куровский С.В., Мишин Д.А., Толоконникова Е.В. Перспективные направления внешнеэкономических связей РФ и Ирана в условиях новой экономической реальности // Инновации и инвестиции. 2025. № 2. С. 85-89.
13. Трунов Ф.О. Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов) // Балтийский регион. 2025. Т. 17. № 2. С. 49-72.
14. Сурмилов Н.М., Медведкин Т. С. Теоретическое переосмысление интеграционного взаимодействия Германии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 11 (129). С. 303-308.
15. Тодыков Е. С. Влияние политики ядерного нераспространения Р. Никсона - Дж. Форда на ведущие страны Западной Европы (1969-1975 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 133-139.
16. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

Reference

1. Parkhitko N.P., Plotnikov I.P. “Getting to the Root” of NATO’s Nazi Origins // Post-Soviet Studies. 2023. Vol. 6. № 5. P. 502-508.
2. Unatlokov V.Kh., Mishin D.A., Kurovsky S.V. Comparative Analysis of Concepts in the Russian and Chinese Languages (Based on the Concepts of “Soldier”, “Success”, “Study”) // The Power of History and the History of Power. 2025. Vol. 11. № 2 (60). P. 21-31.
3. Rodovich Yu.V. The Resolution of the German Question as a Prerequisite for the Collapse of the USSR // Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics. 2022. № 1 (9). P. 66-74.
4. Kristov I.Yu. German-Soviet and German-German Relations as a Factor in K. Adenauer’s Integration Policy in 1949-1955 // Bulletin of Bryansk State University. 2023. № 1 (55). P. 91-99.
5. Magadeev I.E. Contours of the Post-War Security System in Europe in French Strategic and Diplomatic Assessments (1943-1949) // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2025. Vol. 17. № 1. P. 89-140.
6. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian Policy in the Littoral Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
7. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Trade and Economic Cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf Countries: Historical Retrospective, Current Trends and Prospects // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 2-2. P. 11-16.
8. Tikhova V.V. Formation of Military-Political Interaction between the Countries of the European Union (1945-1992) // Law and Management. XXI Century. 2021. Vol. 17. № 1. P. 3-12.
9. Dzhusupova A.A., Yurchenko M.M. Germany’s Position on the Issue of NATO “Joint Nuclear Missions” // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2022. Vol. 6. № 3. P. 69-81.
10. Petrosyan D.V. Germany’s Foreign Policy during the Period of Adaptation to the Realities of the Post-Bipolar World // Historia provinciae – Journal of Regional History. 2022. Vol. 6. № 2. P. 407-438.
11. Kozyakova N.S. The Accession of the Second Austrian Republic to the UN after the End of World War II (1955) // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2021. Vol. 26. № 193. P. 254-261.
12. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Tolokonnikova E.V. Promising Directions of Foreign Economic Relations between the Russian Federation and Iran in the Context of the New Economic Reality // Innovations and Investments. 2025. № 2. P. 85-89.
13. Trunov F.O. The Federal Republic of Germany’s Approach to Interaction with the Republic of Poland in the Sphere of Security and Defense (by the Mid-2020s) // Baltic Region. 2025. Vol. 17. № 2. P. 49-72.
14. Surmilov N.M., Medvedkin T.S. Theoretical Rethinking of Germany’s Integration Interaction // Economy and Business: Theory and Practice. 2025. № 11 (129). P. 303-308.
15. Todykov E.S. The Impact of R. Nixon - J. Ford’s Nuclear Non-Proliferation Policy on Leading Countries of Western Europe (1969-1975) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2022. № 80. P. 133-139.
16. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Мэн Синь
Научный сотрудник. Хэйхэский университет.

Механизм функционирования приграничных транспортных станций на советско-китайской границе в контексте деятельности Дальневосточного бюро Коминтерна*

Аннотация. В статье исследуется скрытый механизм функционирования сети транспортных станций, созданных и курируемых Дальневосточным бюро Коминтерна (ДВБ КИ) на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-х гг. Данные станции являлись ключевыми элементами логистической инфраструктуры, обеспечивавшими нелегальную переброску партийных кадров, курьеров, финансовых средств, шифровальной аппаратуры и пропагандистских материалов из Советского Союза в Китай и обратно. Анализ архивных материалов и мемуарных свидетельств позволяет выявить двойственный характер этих пунктов — сочетание легальных прикрытий (торговые конторы, аптеки, гостиницы) и строжайшей конспирации. Особое внимание уделено роли станции в Харбине и приграничных пунктах Забайкалья, а также сложной системе взаимодействия агентов ДВБ, советских спецслужб и местных активистов Китайской компартии. Показано, что эффективность системы напрямую зависела от политической обстановки и жесткой централизации управления со стороны Москвы.

Ключевые слова: Коминтерн, Дальневосточное бюро, Маньчжурия, Транспортные станции, Китайская компартия.

Meng Xin
Researcher. Heihe University.

The functioning of border transport stations on the Soviet-Chinese border in the context of the activities of the Far Eastern Bureau of the Comintern

Abstract. The article explores the clandestine mechanism of the network of transport stations established and managed by the Comintern's Far Eastern Bureau (FEB) in Northeast China (Manchuria) during the 1920s–1930s. These stations were crucial elements of the logistical infrastructure, ensuring the illegal transfer of Party personnel, couriers,

* © Мэн Синь, 2026.

funds, cipher equipment, and propaganda materials between the Soviet Union and China. An analysis of archival and memoir sources reveals the dual nature of these posts—a combination of legal covers (trading houses, pharmacies, hotels) and the strictest conspiracy. Particular attention is paid to the role of the station in Harbin and the border points of Transbaikalia, as well as the complex system of interaction between FEB agents, Soviet intelligence services, and local Chinese Communist Party activists. It is demonstrated that the system's effectiveness was directly dependent on the political climate and strict centralized control from Moscow.

Key words: Comintern, Far Eastern Bureau, Manchuria, Transport Stations, Chinese Communist Party.

Сбор и исследование китайских, российских и японских архивных материалов по Красному международному транспортному маршруту в северо-восточном приграничном регионе Китая и Советского Союза (1928–1948) (№ проекта: 24BZS097, 2024 г.)

Исследование трансграничных коммуникаций и механизмов их обеспечения занимает особое место в историографии, посвященной внешнеполитической деятельности Советского Союза и истории Коминтерна. Взаимодействие между Москвой и зарождающимся коммунистическим движением в Китае было невозможно без устойчивого, конспиративного логистического коридора. Эту функцию на территории Северо-Восточного Китая, в Маньчжурии, взяло на себя Дальневосточное бюро Коминтерна (ДВБ КИ), создав уникальную, разветвленную сеть «транспортных станций».

Изучение принципов их функционирования открывает новые грани понимания специфики нелегальной работы и степени проникновения влияния Москвы в революционное движение региона. Маньчжурия в 1920-е годы представляла собой уникальный геополитический узел, где пересекались интересы старой российской эмиграции, китайских милитаристских клик, японской экспансии и советских внешнеполитических амбиций. Несмотря на наличие фундаментальных работ по истории Коминтерна [1] и монументальных документальных публикаций, детальное изучение оперативного механизма этих станций, как самостоятельного предмета, остается на периферии научного внимания. Настоящая работа призвана восполнить этот историографический пробел, основываясь на корпусе архивных документов и свидетельств участников событий [4].

Формирование сети и организационная структура

Система транспортных станций, или, как их еще называли в документах, «явки» и «курьерские пункты», не была однородной. Она формирова-

лась поэтапно, реагируя на меняющуюся политическую конъюнктуру: от относительно легальных переходов в период активного сотрудничества с Гоминьданом до глубоко законспирированных маршрутов после шанхайского переворота 1927 года.

Основные узлы и география влияния

Ключевым звеном в этой цепи являлся Харбин. Этот город, будучи административным центром КВЖД, обладал уникальным статусом. Здесь находилось наиболее мощное легальное прикрытие в виде Генерального консульства СССР и разветвленной сети советских учреждений, связанных с КВЖД. Советская администрация дороги, профсоюзы и торговые представительства создавали идеальный «шум», в котором могли беспрепятственно работать агенты Коминтерна.

Однако истинное ядро сети составляли периферийные, приграничные пункты, которые служили «шлюзами» для перехода через государственную границу. Среди них выделялись:

– **Станция Маньчжурия:** Ключевой пункт на границе с Забайкальем, через который шел основной поток литературы и кадров из Читы.

– **Суйфыньхэ (станция Пограничная):** Основной узел на востоке, связывавший Маньчжурию с Приморьем (Владивостоком).

– **Благовещенск:** Важнейший пункт на советской стороне Амура, через который осуществлялась связь с северными районами Маньчжурии.

– **Сахалян (Хэйхэ):** Китайский берег Амура, служивший перевалочным пунктом для тех, кто избегал использования железных дорог.

Управление сетью осуществлялось непосредственно из Шанхая через ДВБ, при этом ключевая координация с центром в Москве (Исполком Коминтерна) и советскими разведывательными структурами проходила через Владивосток и Иркутск [**5**]. Такая многоступенчатая система позволяла Центру оперативно менять маршруты в случае провала одного из направлений.

Принципы «ячеистой изоляции» и прикрытия

Сами станции представляли собой тщательно продуманные объекты с двойным назначением. Официальное прикрытие могло быть чрезвычайно прозаичным: небольшая коммерческая лавка, фотоателье, прачечная или, что было особенно удобно, частная квартира, арендованная под видом проживания русскоязычных эмигрантов.

Использование русских эмигрантов, зачастую не имевших никакого отношения к коммунистическому движению, но испытывавших финансовые затруднения, для создания «конспиративного фона» было распространенной тактикой ДВБ. Эмигрант, сам того не зная, мог служить «живым щи-

том», поскольку местная полиция меньше всего ожидала встретить агента Москвы в доме бывшего белого офицера или коммерсанта-расстриги.

Персонал станций набирался из числа наиболее проверенных, владевших китайским или местными диалектами кадров, преимущественно из числа коммунистов КВЖД, а также китайских активистов, прошедших обучение в Советском Союзе. Центральная фигура – «держатель явки» – обладал ограниченной информацией. Он знал только своего непосредственного связного из ДВБ и пароль для приема курьеров, идущих по его маршруту. Этот принцип «ячеистой изоляции» [6] был основополагающим для безопасности всей системы. Если один «держатель» попадал в руки полиции или Чжан Цзолиня, он физически не мог выдать всю сеть.

Операционные протоколы: Прием и отправка курьеров

Процедура приема и отправки курьеров требовала неукоснительного соблюдения протокола. Курьерская работа в Маньчжурии 1920-х годов была сопряжена с риском не только ареста, но и физического устранения местными бандами (хунхузами).

Прибывший из СССР курьер должен был не только назвать пароль, но и продемонстрировать опознавательный знак. Система визуальных сигналов была крайне изощренной: Особая складка на свежем номере газеты; Определенный вид зажигалки или табакерки, выставленный на стол; Намеренная опечатка или специфическое сокращение в рекомендательной записке; Разрезанная по определенной линии почтовая марка или банкнота, половина которой находилась у «держателя», а вторая — у курьера.

После подтверждения личности курьера размещали в «бункере» — скрытом помещении внутри станции. Это могли быть фальшивые стены в доходных домах Харбина или замаскированные подвалы в лавках на периферии. Курьеры не задерживались надолго; их переправляли дальше по железной дороге или тайными тропами к следующему пункту, используя фальшивые документы, подготовленные в Харбине или Владивостоке [7]. Часто документы изготавливались на подлинных бланках китайских ведомств, добытых путем подкупа или через агентуру в местной администрации.

Финансирование и обеспечение

Обеспечение жизнедеятельности этой сети требовало значительных финансовых ресурсов. Коминтерн фактически содержал целую «теневую инфраструктуру» в Маньчжурии. Денежные средства поступали из Москвы в виде золота или иностранной валюты (долларов США, японских иен), которые переводились в китайскую валюту через легальные советские торговые организации [8] или нелегальных менял.

Харбинский «Дальбанк» и система кооперативов КВЖД часто исполь-

зовались для легализации этих средств. Под видом закупок продовольствия или оплаты фрахта, огромные суммы обналичивались и распределялись по транспортным станциям. Часть средств шла на подкуп китайских чиновников и полиции, что обеспечивало «зеленый свет» для многих операций.

Технические аспекты конспирации и шифрования

Безопасность и непрерывность работы транспортного коридора обеспечивались не только строгим соблюдением правил конспирации на уровне кадров, но и внедрением передовых по тем временам технических средств. Одной из главных задач станций была передача секретной информации, директив Исполкома Коминтерна и докладов КПК.

Методы передачи информации

В начале 1920-х гг. преобладал метод «живого курьера» с использованием микропленок или тайников, вшитых в одежду, однако, начиная с середины десятилетия, ДВБ активно использовало примитивные, но эффективные системы шифрования.

Часто применялся метод «книжного шифра» [9], где ключом служило конкретное, редко издаваемое литературное произведение или учебник, заведомо имеющееся как в Москве, так и в Шанхае/Харбине. Сообщения, внешне представляющие собой обычные письма частного характера (например, о здоровье родственников или ценах на сою), содержали зашифрованные координаты страниц, строк и слов. Такая техника требовала минимального технического оснащения, но была крайне уязвима при захвате ключа.

Более надежные шифровальные машины были громоздкими и использовались только в крупных центрах, таких как Харбин и Владивосток. Их перевозка через границу была сопряжена с максимальным риском, часто требовала использования дипломатического прикрытия или специальных, дорогостоящих тайников в железнодорожных вагонах. Архивные документы упоминают использование двойных полов в тендерах паровозов КВЖД для перевозки печатных станков и шифровальной аппаратуры.

Легендирование и техническая маскировка

Кроме того, ДВБ разрабатывало детальные инструкции по «легендированию» курьеров и агентов. Легенда должна была быть устойчивой к допросу и подтверждаться минимальными, но убедительными деталями: Фотографии в паспорте с искусственно состаренными углами; Квитанции из гостиниц, которых уже не существовало (для создания видимости долгого пребывания); Знание локального жаргона определенного города.

Например, курьер, выдававший себя за торговца шелком, должен был

продемонстрировать глубокое знание рыночных цен и специфики товара [7]. На самых опасных участках, особенно в приграничных лесах, использовались временные «закладки» (тайники). Это были герметичные контейнеры, спрятанные в условленных местах, предназначенные для экстренной передачи материалов или денег без непосредственного контакта между агентами. Использование тайников значительно снижало риск взаимного разоблачения, но увеличивало опасность потери груза из-за местных жителей или пограничных патрулей.

Роль ДВБ в координации с советскими спецслужбами (ОГПУ/НКВД)

Деятельность транспортных станций Коминтерна была неразрывно связана с разведывательной и контрразведывательной работой советских спецслужб. Хотя ДВБ КИ формально являлось политическим органом, на практике его функции часто пересекались с задачами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а позднее и Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Оперативное взаимодействие на границе

На советской стороне границы ключевую роль в обеспечении безопасности и фильтрации кадров играли Забайкальская и Дальневосточная пограничные округа ОГПУ. Сотрудники ОГПУ не только осуществляли «зачистку» маршрутов от нежелательных элементов, но и проводили «отборочную работу» среди китайских коммунистов, прибывающих на территорию СССР для обучения или лечения. Каждый человек, который должен был быть переправлен обратно в Китай через станции ДВБ, проходил тщательную проверку на лояльность и отсутствие связей с антисоветскими или антияпонскими группировками [1].

Более того, советские спецслужбы предоставляли ДВБ критически важную инфраструктурную поддержку. Под их контролем находились порты, железнодорожные узлы и дипломатические учреждения, которые служили «фильтрационными точками» для легализации курьеров. Например, многие агенты ДВБ официально числились сотрудниками консульств или служащими Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), что обеспечивало им определенный иммунитет и свободу передвижения по Маньчжурии [6].

Трагедия 1930-х: Репрессии внутри сети

Однако это тесное взаимодействие имело и обратную сторону. С усилением политических репрессий в СССР в середине 1930-х годов, агенты Коминтерна, работавшие на транспортных станциях, сами стали объектами подозрений и проверок со стороны НКВД. Паранойя поиска «врагов

народа» перекинулась на закордонную агентуру.

Многие опытные кадры, десятилетиями выстраивавшие связи в Китае, были отозваны в Москву под предлогом консультаций и впоследствии репрессированы по обвинению в шпионаже или «троцкизме». Этот фактор серьезно подорвал эффективность сети, лишив ее наиболее надежных и опытных руководителей [2]. К моменту начала активной японской агрессии, многие «транспортные узлы» оказались обезглавлены или парализованы страхом перед собственным руководством.

Влияние японской оккупации Маньчжурии и реорганизация сети

Переломным моментом в истории транспортных станций стала японская оккупация Маньчжурии, начавшаяся в 1931 году, и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 году. Резкое усиление контроля со стороны Квантунской армии и японской разведки (Кэмпэйтай) сделало традиционные маршруты через Харбин и КВЖД практически непригодными для использования. В ответ на это ДВБ было вынуждено провести кардинальную реорганизацию сети.

Смещение в глубокую периферию

Во-первых, произошло смещение акцентов с крупных городов на глубокую периферию. Новые, более рискованные маршруты стали прокладываться через малонаселенные, горно-таежные районы Приморья и Забайкалья, в обход крупных железнодорожных узлов. Эти маршруты требовали не только высокой физической выносливости курьеров, но и установления связей с местными племенами или антияпонскими партизанскими отрядами [3]. Логистика стала «партизанской».

Внедрение системы многоуровневого посредничества

Во-вторых, была внедрена система многоуровневого посредничества. Вместо прямых контактов между агентами ДВБ и китайскими коммунистами, использовались «буферные» группы — представители бедной интеллигенции, студенты, или мелкие торговцы, которые могли перемещаться по территории без явных подозрений. Эти посредники не знали всей цепи, работая лишь с двумя соседними звеньями. Это усложняло логистику и удлиняло сроки доставки сообщений, но было единственным способом выжить в условиях тотальной слежки Кэмпэйтай.

Смена приоритетов грузов

В-третьих, изменился характер перевозимых грузов. После потери Харбина как логистического хаба и сворачивания деятельности КВЖД, акцент сместился с переброски крупногабаритных материалов (печатное оборудова-

ние, тяжелые тюки литературы) на финансовую поддержку и личный состав.

Необходимость финансирования антияпонского движения и оказания помощи Красной Армии Китая сделала доставку золота и валюты приоритетной задачей. Успешное функционирование станций в этих условиях зависело от высокой степени самоотверженности и готовности идти на жертвы со стороны немногочисленных оставшихся сотрудников [10].

К концу 1930-х годов, под давлением усиливающихся японских репрессий и внутренних чисток в СССР, сеть транспортных станций ДВБ на территории Маньчжурии была почти полностью свернута. Функции координации нелегальной работы были частично переданы Владивостокскому и Иркутскому отделениям, а связь с КПК стала осуществляться преимущественно через Чанчунь и более отдаленные, морские маршруты.

Заключение

Исследование механизма функционирования транспортных станций ДВБ Коминтерна в Маньчжурии показывает, что эта сеть была не просто логистическим инструментом, но сложной, многоуровневой системой, отражающей как политические амбиции Москвы, так и эволюцию подпольной борьбы в Китае.

Ключевыми характеристиками этой системы являлись:

1. Жесткая централизация управления со стороны ИККИ и ДВБ при широкой оперативной автономии на местах.

2. Двойное назначение объектов, сочетавшее легальное прикрытие (коммерция, быт) и глубоко конспиративное ядро.

3. Принцип ячеистой изоляции кадров, минимизирующий последствия провалов.

Эффективность сети напрямую зависела от геополитической стабильности и степени сотрудничества с советскими спецслужбами. Несмотря на неизбежные провалы, связанные с политическими чистками и враждебной внешней средой, транспортные станции сыграли решающую роль в истории Китайской компартии (КПК). Они обеспечили доступ КПК к жизненно важным ресурсам, обученным кадрам и прямому руководству из Москвы в критические периоды ее становления [4].

В исторической ретроспективе, этот механизм представляет собой яркий пример того, как идеологический императив трансформировался в детально проработанную, транснациональную логистическую операцию, ставшую неотъемлемой частью истории советско-китайских отношений в первой половине XX века. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на более глубоком изучении финансовых потоков и конкретных биографий рядовых держателей явок для полного восстановления картины их самоотверженной работы [5].

Библиографический список:

1. Панцов А.В. Мао Цзэдун. Монография, использующая архивные материалы Коминтерна. – М.: Молодая гвардия, 2012. 865 с.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 3. 1927–1931. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
3. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937–май 1943: Документы. Т. V. – М.: РОССПЭН, 2007.
4. Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны (1924–1927 гг.). Мемуары, содержащие сведения о ранней логистике. – М.: Наука, 1974. 396 с.
5. Гаврилов В.А. Дальневосточное бюро Коминтерна: организационные аспекты деятельности (1920–1930-е гг.). // Востоковедение. 2018. № 1. С. 45-60.
6. Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20–30-е годы XX века. Специализированное исследование по конспирации. – М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с.
7. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия: вопросы истории и международных отношений. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 528 с.
8. Шестопалов С.Н. СССР–Китай: нелегальные каналы связи в период 1920–1930-х годов. // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 102-115.
9. Котов Б.Н. Сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1920-е годы. Контекстуальное исследование. – М.: Издательство Института всеобщей истории, 1991. 240 с.
10. Войтинский Г. Н. Китай в огне: записки Коминтерновца. Воспоминания одного из первых агентов Коминтерна в Китае. – М.: Л.: Государственное издательство, 1928. 156 с.
11. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Reference

1. Pantsov A.V. Mao Zedong. A monograph using Comintern archival materials. – M.: Molodaya Gvardiya, 2012. 865 p.
2. The All-Union Communist Party (Bolsheviks), Comintern, and China. Vol. 3. 1927–1931. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003.
3. The All-Union Communist Party (Bolsheviks), Comintern, and the Communist Party of China during the Anti-Japanese War. 1937–May 1943: Documents. Vol. V. – M.: ROSSPEN, 2007.
4. A. I. Cherepanov. Notes of a Military Advisor in China. From the History of the First Civil Revolutionary War (1924–1927). Memoirs Containing Information on Early Logistics. – M.: Nauka, 1974. 396 p.
5. Gavrilov V.A. Far Eastern Bureau of the Comintern: Organizational Aspects of Activities (1920-1930s). // Oriental Studies. 2018. № 1. P. 45-60.
6. Usov V.N. Soviet Intelligence in China in the 1920s-1930s. Specialized Study on Conspiracy. – M.: Olma-Press, 2002. 384 p.
7. Titarenko M.L. Russia and East Asia: Issues of History and International Relations. – M.: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2008. 528 p.
8. Shestopalov S.N. USSR-China: Illegal Communication Channels in the 1920s-1930s. // Modern and Contemporary History. 2015. № 4. P. 102-115.
9. Kotov B.N. Cooperation between the USSR and the Kuomintang in the 1920s. Contextual Study. – M.: Publishing House of the Institute of General History, 1991. 240 p.
10. Voitinsky G.N. China in Flames: Notes of a Comintern Member. Memories of One of the First Comintern Agents in China. – M.: Leningrad: State Publishing House, 1928. 156 p.
11. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Набизода М.С.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Источники о таджиках в составе кокандского ханства в годы правления Алим-Хана (1805-1810 гг.)*

Аннотация. Статье описывается период превращение Коканда в ханства и принятие Алим-ханом, титу хана, сущность его реформы и преобразование политической жизнь таджикского народа в составе государства Коканд, который от владения в короткий срок, превратиться в ханства. Захват территории области Курама и Ташкент, превратило Коканд в ханства. Борьба за Ура-Тюбе, между Кокандом и Бухорой продолжалось. Но Худжанд, всегда было под властью Кокандского ханства. Именно Алим-хан возрождал весенний праздник земледельцев - Навруз, который организовалось в местности Чорчаман, за городом Коканд. Одним из таких гуляний Навруз, завершилось трагедий, Алим-хану был организован покушение. Смертельное ранение полученное ханом, зарождало много слухов в государстве и за рубежом. В результате, эмир Бухары проникает в Ура-Тюбе, владыка Ташкента, Хомидходжа ибни Юсуфходжа блокирует крепостей области Курама. Алим-хану пришлось организовать военный поход в Ташкент, в результате которого, область был захвачен окончательно. Реформы которые провел Алим-хан, конечно, служили для усиления Коканда, но рождало много оппонентов и врагов внутри государства. Именно противники Алим-хана, дважды организовали покушение, который, завершилось ножевым ранением. Внутренние противостояния и борьба, в итоге укрепило и оппозиционных сил среди военачальников, которые были недовольны от проведенной военной реформы, где хан ограничил власть наместников областей и племенных эмиров и вождей. Именно они и стали организаторами государственного переворота, отстранения от власти Алим-хана и его физического уничтожения.

Ключевые слова: Чорчаман, горные таджики, Кокандское ханства, Чорку, Чуст, Курама, Ташкент, Ура-Тюбе, Худжанд, Алим-хан, Умар-хан, Ирискулибий, Джумабой-кайтоки, Мухаммадхакимхон Тура, Навруз.

Nabizoda M.S.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, State Educational Institution "Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

* © Набизода М.С., 2026.

Sources on Tajiks in the Kokand khanate during the reign of Alim Khan (1805-1810)

Abstract. The article describes the essence of Alim Khan's reforms and the transformation of the political life of the Tajik people within the state of Kokand, which quickly transformed from a possession into a khanate. The seizure of the Kurama and Tashkent regions transformed Kokand into a khanate. The struggle for Ura-Tyube between Kokand and Bukhara continued. However, Khujand always remained under the control of the Kokand Khanate. It was Alim Khan who revived the spring agricultural festival of Navruz, which was held in the Chorchaman area, outside the city of Kokand. One of these Navruz celebrations ended in tragedy: an assassination attempt was staged against Alim Khan. The Khan's fatal wound fueled numerous rumors within the country and abroad. As a result, the Emir of Bukhara invaded Ura-Tyube, and the ruler of Tashkent, Khomidhoja ibn Yusufhoja, blockaded the fortresses of the Kurama region. Alim Khan was forced to organize a military campaign against Tashkent, which ultimately resulted in the region's final capture. Alim Khan's reforms, while certainly strengthening Kokand, created many opponents and enemies within the state. It was Alim Khan's opponents who twice staged assassination attempts, which ended with a knife wound. Internal conflicts and infighting ultimately strengthened opposition forces among the military commanders, who were dissatisfied with the military reforms implemented by the Khan, in which the power of regional governors, tribal emirs, and chieftains was limited. It was they who orchestrated the coup d'état, the removal of Alim Khan from power, and his physical assassination.

Key words: Chorchaman, mountain Tajiks, Kokand Khanate, Chorku, Chust, Kurama, Tashkent, Ura-Tyube, Khujand, Alim Khan, Umar Khan, Iriskuliby, Jumaboy-kaitoki, Muhammadhakimkhon Tura, Navruz.

1. ВВЕДЕНИЕ

Военная реформа Алим-хана, усилило позиции центральной власти, сепаратистические силы были подавленны в Чорку и в Чусте, это было уроком для других оппозиционных сил. Возникло возможность укрепить границы владения и расширить территории, чем и начал занимается Алим-хан. В этот момент правитель Ура-Тюбе и Худжанда, Бобо-парвоначи был убыть Бекмурод-беком, когда об этом стало известно, Алим-хан продвигался в Худжанд, Мухаммадхакимхан-тура, отмечает, что это было в 1221/1806-1807 гг. Алим-хан назначив Раджаб-девонбеги амирлашкаром, отправил как авангард в период. Они до раннего утро подошли к стенам крепости Худжанда незаметно, когда охрана ранее утром открыли вороты города, кокандцы ворвались в город и начали захват кварталы. Поднялось шум и столкновение противников, когда об этом стало известно Бекмурод-бию, он с войском вышел из арка и присоединился столкновениях на улицах города. Когда Бекмурод-бий увидел, что его войске стало туго, отступил

в цитадель и в течение пяти дней сопротивлялся в нем. Далее договорившись Алим-ханом, Бекмурод-бий оставил Худжанд и перешел в Ура-Тюбе. Холиккула-мирзо назначив наместником Худжанда, Алим-хан вернулся обратно в Коканд [3, с. 284-285].

Через некоторое время эмир Хайдар, правитель Бухары, заново организовал поход в Ура-Тюбе, Бекмурод-бий оказал сопротивление и погиб, город был захвачен. Область передав Эрназар-бий-мангиту, эмир вернулся в Бухару. Когда этот вест стало известно Алим-хану, он организовал поход в Ура-Тюбе и блокада началось в субботу пятнадцатого числа месяц савр 1221/1806 г. 4 мая, после ожесточенных схваток, захвачен город. Три тысячи сарбазов, вместе с эмирами племен Бухары попали в плен. Алим-хан приказал казнит пленных, но тут отец Хаким-хана просит сохранять жизнь пленных. Как он сам рассказывает, в те дни и родился автор исторического сочинения «Мунтахаб ат-таворих» Мухаммад Хакимхан. В город Ура-Тюбе был назначен наместником Неккадам-инок и хан вернулся в Коканд [3, с. 287-288]. После этих событий, Алим-хан организовал неудачный поход в Джизак, Ура-Тюбе заново переходит в Бухару. Поход Алим-хана в Ура-Тюбе не дали ожидаемых результатов, он был вынужден перемирием вернуться в Коканд. В те дни умер правитель Ташкента Юнусходжа, и хан решил захватит Ташкент [3, с. 290].

2. МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу исследования составляют классические для исторической науки методы критического анализа и синтеза источников. В работе применяются историко-генетический метод для реконструкции последовательности событий и выявления причинно-следственных связей, а также историко-сравнительный метод для анализа информации из разных источников и выявления общих тенденций или противоречий в описаниях. Комплексное использование этих методов позволяет оценить достоверность сведений и сформировать целостную картину политических процессов в Кокандском ханстве в указанный период.

Источниковую базу исследования составляют персоязычные исторические хроники, созданные в регионе в XVIII–XIX веках. Ключевыми материалами являются:

1. «Мунтахаб ат-таворих» Мухаммадхакимхана-тура – основной нарративный источник, детально описывающий внутреннюю политику и реформы Алим-хана, а также обстоятельства его свержения.

2. «Ибратул хавокин» («Тарихи Шохрухий») Ниёза Мухаммада Хӯқандий – источник, содержащий ценные сведения о военных походах, административных решениях и внешнеполитических взглядах Алим-хана.

3. «Анжум ат-таворих» Худоёрхонзода – хроника, предоставляющая

важные детали о социальной и культурной жизни ханства, включая описание празднования Навруза и покушения на хана.

4. «Тарихчаи Турони» Мухаммада Умара Умиди и «Ансаб ас-салатин ва таварих-ал хавакин» Мирзы Алима ибн Мирзы Рахима Тошканди – используются для сравнительного анализа, проверки датировок и получения дополнительных фактологических сведений.

Сравнительный анализ этих хроник, часто содержащих различающиеся или даже противоречивые оценки одних и тех же событий и личностей (например, касательно итогов взятия Ташкента или назначения наместников), позволяет выявить различные политические и этнорегиональные позиции их авторов. Это дает возможность не только восстановить ход событий, но и понять расстановку сил и конфликты внутри правящей элиты Кокандского ханства.

3. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Алим-хан объявил мобилизацию и собрав огромное войска направился в область Курама (Автор «Мунтахаб ат-таворих» пишет, что Олим-хан оставался в Коканде, с эмирами отправил Умар-хана во главе войск. Умар-хан в этом походе подчиняет Кураму и захватит крепость Ниязбек, Хомидходжа – правитель Ташкента тоже изъявил покорность) [3, с. 292-295]. Прибыв в Камиш-кургон, част войск отправил через перевал - Кандыр даван, еще группы войск отправил на пути «Ун икки буйнок», сам хан двигался в пути названный «Уч йули» [4, с. 83]. Это означает, что только через Аштский район было несколько пути в область Курама (в прошлом Илак) и Ташкент, который соединял Ферганской долины с соседними регионами.

Нияз Мухаммад Хуканди описывал военный поход Алим-хана в область Курама, захват местностей Кориз, крепостей Кировчи, Туй-тепа. После, 12 тысячная левое крыло его войска организовало набеги на областей Ташкент и Чимкент, захватив огромного количество верблюдов, баранов, табун лошадей. Передав 500 стрелков Мумин-беку, их направил в крепость Ниязбек, расположенный на месте водораспределительной дамбы обеспечивающий водой Ташкента. Когда чаповул (левое крыло) вернулся захватнического похода, все что они привезли, были распределены между гарнизонами крепостей Ниязбек, Кировчи, Туй-тепа. Остальное было распределено между войсками. Алим-хан вернулся на время в Коканд, оставив захваченных территориях военные гарнизоны. Это означало завершение похода в область Курама.

Здесь уместно отметить, что автор книги «Мунтахаб ат-таворих», отмечает, что, в первый раз в Ташкент, кокандцы во главе с принцем Умар-ханом организовали поход, овладев крепость Ниязбек, захватив в схватках Султон-ходжу сына Юнус-ходжу в плен. Тогда, правитель Ташкента Хо-

мид-ходжа сын Юнус-ходжа, прибыв к Умар-хану, проявил покорность. Умар-хан вернувшись из военного похода в Коканд, женился на Мохларoим, дочери Рахмонкул-бека, наместника Андижана который являлся дядей со стороны матери. Эти события происходит в 1220/1805-1806 гг. [3, с. 293-295].

Через некоторое время после ухода кокандцев, правитель Ташкента Хомид-ходжа, заново решил держать путь самостоятельности [3, с. 301], это стало известно и Алим-хану. Причиной такого поступка Хомид-ходжа, Худоёрхонзода связывает неудачным покушением на жизнь Алим-хана [5, с. 183]. Как он рассказывает, при Алим-хане, было принято проводит праздник Навруз за столичным городом, в окрестностях Коканда. Здесь, автор исторической хроники «Анджум ат-таворих» рассказывает, что народное гуляние, продолжалось в течение месяца. Народное гуляние организовалось в местности Гулчаман, первым туда переходил сам хан со своей семьей и чиновники двора, установив шалаш и юрта. Также, в нем участвовали все слои населения, от дехкана, до ремесленника и представителя торговли. Продавались товары ремесленников, от сладостей, до хозяйственных товаров. Каждый день в Гулчаман посещали жители столицу и окрестных селений, а также гости из областей. Войска, тоже переходив недалеко от местности, проводили военные упражнения [5, с. 183].

В последние дни гуляния, как было принято, при хане организовалось приём, угощение и вознаграждение гостей, куда посещали известные жители ханства. В тот год [5, с. 181], в конце гуляния тоже, собрались «… ученые религии, преподаватели медресе и известные шейхи прибыли к приему хана. Ученые при решения разных вопросов спорили друг, с другом доказывая свою правоту и знания. Угашались расстеленном ханском скатерти, в тот день, после получения подарки от хана, начали прощается ханом, но тут, человек в суфийской одежде, показывая себя безумным, приблизился к хану. Все думали, что он будет поцеловать руки хана, но вдруг он вытащил из рукава рубашки кинжал и ударил в плечо Алим-хана, второй раз хотел ударит но на его руку хан ударил саблей, кинжал вылетел из его рук, он поднял второй рукой кинжал и увидев сабля в руке хана бежал…» [5, с. 181]. Хотя хан кричал взят покушавшего живым но, не смогли поймать. Он увидев окружаюших, засунул кинжал в свой груд и погиб, естественно не смогли, установит заказчика покушения. Алим-хан терял сознание, через два часа проходил к себе, но его шатёр был окружен четырьмя тысяча сарбазами и круглосуточно, было организовано охрана [5, с. 182]. Слух о покушение хана распространялся в ханстве и за ее пределами. Близким соседям, дошло слух о смерти Алим-хана, от полученного ранения.

Бухарский эмир Хайдар дал указание коменданту крепостей Зомин и

Сангзор Махмудхуджа-туре, захватит Ура-Тюбе. Правитель Ташкента Хомидхуджа, решил, захватит территории, которые год назад, после договора с Умарханом переходившие от Ташкента в состав ханства [5, с. 183].

После недолгой подготовки, Алим-хан заново организовав мобилизации, собрав войска, двигался в направление Курама. Здесь уместно говорит о численности войска ханства. По сведениям Худоёрхонзода, при Алим-хане, численность новой наемной армии («янги сипох») превышало более двадцати тысяча, и более тридцати тысяча было, численность старой армии («эски сипох»), при необходимости ханства смог организовать сто тысяча войск [5, с. 204]. Соединив войска области Курама, двигался далее в Ташкент. В осаде Ташкента участвовали войска из число отряды горных таджиков, а также, отборные отряды названные «бекбаччалар», «гала баходирлар», народное ополчение – кил куйрик. Окружив крепости Ташкент, под стенами установив пороха («дору») и горючего («нафт» [4, с. 89]) порывали стен и вошли в город. Переходив оборонительные стены, кокандцы направились в арк – цитадель, где был расположен правитель Ташкента [4, с. 90]. На следующий день в город вошел Алим-хан. Месяц, находившись в Ташкенте, подчинил Коканду всего окружающего населения и казахских биев области. Лашкар-девонбеги назначен наместником Ташкента [4, с. 90]. В «Анжум ат-таворих»-е автор исторической хроники пишет, что наместником Ташкента и ее округи назван Сайид Алибек-парвоначи [5, с. 184], который остался в Ташкенте с большой войском.

Здесь мнение Нияз Мухаммад Хуканди и Мухаммадхакимхана-тура отличается, последний автор отмечает, что войска сторон столкнулись за стенами города, где с легкостью побеждены ташкентцы, Хомид-ходжа оставив, и семью и города решил бежать в Бухару. Алим-хан вошел в город и началось захват и грабежи города кокандцами. Только во второй день, хан приказал прекратить грабеж населения [3, с. 293-295]. Мнение авторов источников относительно назначенного наместника тоже различаются, Мухаммадхакимхан тура пишет, что «… правительство Ташкента передан Саййид Алибеку и несколько эмиров оставлены в его распоряжение» [3, с. 302]. После удачного военного похода Алим-хан, вернулся обратно в Фергану, через степей Охангарона и перевал Камчи – довон, переходив река Сайхун (Сыр-дарья – М.Н.) вошол в столичный город [3, с. 303]. С этого периода Ташкент входит в состав Коканда, владение получило называние Кокандского ханства.

Нияз Мухаммад Хуканди от имени Алим-хана пишет, что «… вокруг нас остались только русские, эгоистично и враждебно настроенная община. Против этой бесполезной общине организовав газават и джихат (священная религиозная война), надо начинать войну» [4, с. 91-92]. Такими мыслями хан обратно вернулся в Коканд. Нам кажется, слова Алим-хана,

возможно связано периодом эпохе Нияза Мухаммада Хуканди, в котором, экспансия Российской империи стало реальной угрозой или уже осуществилось частичная аннексия ханства.

О личности Алим-хана о его политике, его отношение разным социальным и этническим группам более подробно описывает Мухаммадхакимхан-тура. Алим-хан от своих предшественников отличался, личными положительными качествами, он был человек с красивым лицом, высокого роста, сильным и хорошо освоившим военные оружия своего времени – лук, стрела, ружья. В годы правления, он был справедливым всем слоям общества и всем этносам, проживающим в составе ханства. Постепенно у него появился характер монарха, решать все вопросы единолично. Он был смелым и решительным человеком. Начал смотреть поверхностно, всему окружающему, не признавал оппозиционных сил и ярых противников, постепенно превративших опасным врагам, не считал их даже себе ровными оппонентами. Необъективно, но поверхностно, слишком высоко оценивал свои силы. Его собеседниками и единомышленниками были горцы - тоглик-галча (горное население), горные таджики, перешедшие из Каратегина, Дарваза, Хоита, Бадахшана, Куляба, Алим-хан, больше времени проводил в беседе с ними, всегда их поддерживал морально и материально. Автор «Мунтахаб ат-таворих» подчеркивал, что он часто принудительно заставлял дочерей известных людей, выдавать своим собеседникам [3, с. 303-304, 310]. Которое тоже зарождало недовольство окружающих сановников и эмиров. Его политика относительно духовенству тоже увеличило число противников. Тогда в Фергане было много людей, которые объявив, себя святыми занимались, вымогательством простого населения. По решению хана, было создана из ученых теологов комиссия, ими произведено экзамен над такими людьми, объявившими себя, шейхами, святыми и многие из них опозорены в обществе. В результате, число противников молодого хана еще увеличилось. Однажды во время молитвы, ему был организован неудачное покушение. По сведениям Мухаммадхакимхан-тура [3, с. 306-310], когда его близкие предупреждали готовившемся государственном перевороте, и об их организаторах, Алим-хан не считал их к себя ровным, не обратил на них серьёзного внимания [3, с. 312-313].

Все началось после небольшого перерыва, когда Алим-хан вернувшись заново в Ташкент, зимой 1809/1810 гг. отправил войска под командованием Зухура-девонбеги, для осады Чимкента и Сайрама. Ирискулибий и Джумабой-кайтоки с войском были отправлены в степ, для захвата казахских племен, зимовавшие в прибережной зоне Сыр-дарьи. Ирискулибий и Джумабой-кайтоки удачно устроили набег над казахскими племенами. Когда о набегах кокандцев стало известно в степи, часть

казахских племен оставив свои зимовки, были вынуждены бежать на северо-запад. Когда войска вверенные Ирискулибию и Джумабою-кайтоки с захваченным добром вернулись в Ташкент, по ведомы Алим-хана, Умар-хан их встретил и по приказу хана, распорядился раздавать захваченное добро, между кокандцами. После этих дел, Умар-хан, по словам Мухаммадхакимхан-тура, специально передал сведения о тех казахских племенах, которые сбежавшись сохранили жизнь. Тогда Алим-хан, сановникам Ирискулибию и Джумабою-кайтоки приказал, во второй раз отправится за казахскими племенами, догнать и покорит их. Сильный холод затруднял военный поход кокандское войско в степ, было трудно организовать и осадные работы, побоявшись от Алим-хана, ни кто не смог просит него, отстрочит поход на степь и осады Чимкента до весны. Группа военных начальников во главе Ирискулибия и Джумабой-кайтоки, все таки решились организовать государственный переворот при участии младшего брата хана - Умар-хана. Мятежно настроенные сановники решились захватить власть, вместе с Умар-ханом, оставив Ташкент, вернулись в Коканд и подняли его на трон. Когда о государственном перевороте стало известно Алим-хану, он решил вернуться в Коканд, отправил личных махрамов (адъютантов) к Зухуру-девонбеги, чтобы вернуть их в Ташкент. Через неделю, после прихода войска Зухура-девонбеги, оставив своего сына Шохрухбия с наместником Ташкента Саййид Алибеком, собрав войска направился в Коканд, но, в дороге эмиры бежали на четыре стороны, Алим-хан оставался небольшим количеством сарбазов и продолжил путь в Коканд, но [3, с. 322-335] не доходив в столичный город, в местности Олтикуш был расстрелян. От него остались три сына: Шохрухбек, Иброхим-бек (также называли Оталик-бек), Мурод-бек и одна дочь. Через некоторое время, Умар-хан отправил своих сановников Бахадурходжа и Назар-бека в Ташкент по поручению убыть молодого принца, в результате [3, с. 336-337], 18 летный Шохрух-бек тоже был умертвлён. От него тоже остались три сына: Хайдар-бек, Саримсок-бек, Каттабек и одна дочь [3, с. 337.;4, с. 404].

Так завершается жизнь правителя - реформатора, в годы правления которого, существенно изменены системы государственного управления, военное ведомства, духовная жизнь в обществе. Благодаря которому укрепилась центральная власть, усилилась войска, полагавшись последнему, Алим-хан расширил территории владения, теперь кроме Ферганы, было присоединено области Курама и Ташкент. Он правил двенадцать лет и трех месяцев, в тридцать шестом году жизни погиб [2, с. 31]. Исторических хрониках имеется разное мнение и оценки, парой противоречиюшие друг друга, о жизни и деятельности Алим-хана. например, автор книги «Ибратул хавокин» в конце описания деятельность Алим-хана, оценивает его от-

рительно, отмечая его политику против правилам исламского общества (шариат) и справедливости [4, с. 101]. В другом историческом хронике, о деятельности Алим-хана, подчеркнуто, что «… улемы, ученые люди и старейшины дали произвише «Джанат макон»[1, с. 89].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период правления Алим-хана (1805–1810 гг.) стал переломным этапом в истории Кокандского владения, окончательно оформившим его как крупное централизованное ханство. Проведенное исследование, основанное на критическом анализе персоязычных исторических хроник, позволяет сделать следующие выводы.

Главным достижением Алим-хана стало значительное территориальное расширение и укрепление государственности. В результате успешных военных кампаний были окончательно присоединены стратегически важные области Курама и Ташкент, что не только увеличило ресурсную базу, но и изменило статус государства в регионе. Проведенная военная реформа, направленная на создание регулярной наемной армии («янги сипох») и ограничение власти племенных вождей и областных наместников, усилила центральную власть и позволила подавить сепаратистские выступления, как в Чорку и Чусте.

Однако именно эти преобразования, наряду с особенностями личного правления Алим-хана, стали источником глубоких внутренних противоречий. Опора хана на пришлых горных таджиков («тоглик-галча»), его конфликт с частью традиционной знати и духовенства, а также авторитарный стиль управления привели к формированию мощной коалиции недовольных. Как показал анализ источников, недовольство усугублялось такими конкретными действиями, как проверка «святых» и распределение военной добычи, которые задевали интересы ключевых элитных групп.

Трагическая гибель Алим-хана в результате государственного переворота, организованного военачальниками Ирискулибием и Джумабоем-кайтоки при участии его брата Умар-хана, была закономерным итогом этого внутриполитического кризиса. Его смерть символизировала поражение курса на жесткую централизацию, встретившую сопротивление со стороны укорененных племенных и региональных структур.

Таким образом, правление Алим-хана представляет собой яркий пример диалектики укрепления государственности в среднеазиатских ханствах начала XIX века: успешные военно-административные реформы, позволившие резко усилить и расширить государство, одновременно взрастили внутреннюю оппозицию, которая в итоге физически устранила реформатора. Противоречивые оценки его личности в исторических хрониках – от признания его силы и справедливости до обвинений в тирании и несоблю-

дении шариата – отражают глубокий раскол в обществе того времени, вызванный его преобразованиями.

Библиографический список:

1. Мирза Алим ибн Мирза Рахим Тошканди. Ансаб ас-салатин ва таварих-ал хавакин (Генеология султанов и история хаканов) / Перевод, примечания и указатели С. Юлдашева. Введение, науч ред. Ш. Вохидова. – Ташкент, 2007. 255 с.
2. Мухаммад Умар Умиди. Тарихчаи Турони. Тошкент, 2012. 208 с. +24 с.ил. + факсимиле CCLXXXIV.
3. Мухаммадҳакимхон Тура. Мунтахаб ат-таворих. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2010. 716 с.
4. Ниёз Муҳаммад Хўқандий. Ибратул хавокин (Тарихи Шохрухий) /Тожик тилидан таржимон, узбек тилидан табдил, кириш ва изоҳлар муаллифи т.ф.д., профессор Ш. Вохидов. – Тошкент: Turon zamin ziyo, 2014. 700 б.
5. Худоёрхонзода. Анжум ат-таворих. – Ташкент: Fan va texnologiya, 2014. 348 с.
6. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

Reference

1. Mirza Alim ibn Mirza Rahim Toshkandi. Geneology of the Sultans and History of the Khakans / Translation, notes, and indexes by S. Yuldashev. Introduction, ed. by Sh. Vohidov. Tashkent, 2007. 255 p.
2. Muhammad Umar Umidi. History of the Sultans. Tashkent, 2012. 208 p. +24 p. ill. + facsimile CCLXXXIV.
3. Muhammadҳakimkhon Tura. History of the Sultans. Tashkent: Yangi asr avlodi, 2010. 716 p.
4. Niyoz Muҳammad Khўқandiy. Ibratul havokin (Tarikhi Shokhruhiy) / Tozhik tilidan tarzhimon, Uzbek tilidan tabdil, kirish va isoglar muallifi t.f.d., professor Sh. Vohidov. – Tashkent: Turon zamin ziyo, 2014. 700 b.
5. Khudoyorkhonzoda. Anjum at-tavorih. – Tashkent: Fan va texnologiya, 2014. 348 p.
6. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

Писчикова Н.П.
Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Савосина Ю.В.
Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Дискурс о Британии в российской прессе: общественное мнение и геополитика на рубеже XIX-XX столетий*

Аннотация. В статье исследуется, как российские общественно-политические журналы формировали и изменяли представления об Англии в обществе в конце XIX – начале XX века. На примере публикаций в «Вестнике Европы», «Русском богатстве» и других изданиях показано, как пресса влияла на умы читателей. Авторы прослеживают, почему отношение к Великобритании резко менялось: от осуждения её политики во время англо-бурской войны до постепенного образа стратегического союзника после 1907 года. Работа демонстрирует, что ключевые нарративы в прессе напрямую определялись внешнеполитическими целями государства, что позволяет говорить о периодике как о важном проводнике официальной линии в общественное сознание.

Ключевые слова: общественное мнение, Великобритания, Россия, Первая мировая война, общественное сознание.

Pischikova N.P.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Savosina Y.V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Discussion about Britain in the Russian press: public opinion and geopolitics at the turn of the 19th and 20th centuries

* © Писчикова Н.П., Савосина Ю.В., 2026.

Abstract. The article explores how Russian socio-political magazines shaped and changed public perceptions of England in the late 19th and early 20th centuries. Through examples from publications in Vestnik Evropy, Russkoe Bogatstvo, and other media, the article examines how the press influenced readers' minds. The authors delve into why attitudes towards Britain underwent significant shifts, from condemnation of its policies during the Boer War to a gradual perception of it as a strategic ally after 1907. The work demonstrates that key narratives in the press were directly determined by the state's foreign policy goals, which allows us to consider periodicals as an important medium for conveying the official line to the public.

Key words: public opinion, Great Britain, Russia, World War I, public consciousness.

Международные отношения остаются определяющим фактором в современной геополитической обстановке. Отношения между Россией и Великобританией в конце XIX – начале XX веков характеризовались сложным переплетением интересов и противоречий. Начало XX века стало временем кардинальных перемен, глобально повлиявших на ход мировой истории. Первая мировая война трансформировала геополитическую карту и общественные устои. В России и Великобритании отношения к союзнику были непростыми. В исследуемый период наблюдалось двустороннее отношение к другой стране: часть населения испытывала симпатию, другая – неприязнь. Данные чувства и взгляды обуславливались разнообразием взглядов, которые, в свою очередь, зависели от принадлежности к определенным социальным группам и слоям общества.

Изучаемый период оказал значительное влияние на дальнейшее развитие не только нашей страны и Европы, но и всего человечества. Историки и общественные деятели продолжают уделять пристальное внимание событиям начала прошлого века, поскольку они кардинально изменили все сферы жизни общества: политику, экономику, духовность и культуру. В этот период исход исторических процессов определялся не только действиями профессиональных военных, политиков и дипломатов, но и мировоззрением, идеологией и социальной позицией обычных людей.

Как известно, отношения между Соединенным Королевством и Россией всегда были сложными и многогранными. Их развитие зависело от конкретных обстоятельств и этапов исторического процесса. Обе державы использовали схожие, а иногда и одинаковые методы влияния. Однако их эффективность и масштаб применения менялись в зависимости от времени [7, с. 112].

Стоит отметить, что к сожалению, в тот период ни Россия, ни Великобритания не имели полного представления о социальной структуре, традициях и культуре друг друга. Это обстоятельство послужило ключевой

причиной начала пропагандистских кампаний. Оба государства – Англия и Россия – предприняли значительные усилия в сфере пропаганды. В рамках реализации этой политики были запущены многочисленные проекты, часть которых достигла стадии воплощения. К ним относятся: выпуск информационных печатных изданий, создание специализированных пропагандистских бюро, активное использование визуальных средств агитации и демонстрация специально созданных фильмов с пропагандистской целью [1, с. 204].

В конце XIX – начале XX столетия периодические издания с общественно-политической тематикой оказывали значительное влияние на формирование взглядов в российском обществе. В настоящей работе представлен подробный разбор этого влияния.

В то время журналы являлись основным источником информации для широких слоев населения. Они освещали значимые события, происходившие как внутри страны, так и за рубежом. Годовой комплект такого журнала можно было уподобить обширной библиотеке, содержащей множество разделов, посвященных различным темам.

Для многих читателей, в особенности проживающих в провинции, толстые журналы служили источником актуальных сведений и отражением общественной жизни. К числу таких изданий можно отнести «Вестник Европы», являвшийся русским литературно-политическим ежемесячником [5, с. 97]; «Мир Божий» («Современный мир») – это было российское периодическое издание, выпускавшееся ежемесячно и посвященное литературе и научно-популярным темам, с целью расширения знаний читателей [2, с. 24]; «Русское богатство» являлся ежемесячным общественно-политическим, литературным и научным журналом [6, с. 116]; «Русская мысль» был литературным и политическим журналом [9, с. 154]. Все данные издания отличались сдержанностью, корректностью и проявляли высокий культурный уровень. Журналисты, специализирующиеся на международной тематике, демонстрировали высокий уровень профессионализма и глубокое понимание геополитических процессов. Они неуклонно следили за текущими событиями, проводили тщательный анализ информации из зарубежных источников.

Наше исследование русских литературных журналов показывает, что жители России и общество в целом проявляли значительный интерес к жизни и культуре Великобритании. Это можно объяснить, с одной стороны, сложностью и многозначностью связей между Россией и Великобританией, а с другой — напряжённой международной ситуацией того периода. Тем не менее следует отметить, что именно эти причины, по нашему мнению, препятствовали созданию объективного взгляда на Великобританию в материалах общественно-политических изданий. Следует подчеркнуть,

что влияние Великобритании на современников в России, будь то государственные служащие или представители аристократии, в основном определялось их личными взглядами. Тем не менее, можно выделить общие особенности в восприятии как англичан, так и русских. В конце XIX - начале XX века российская периодическая печать пришла к выводу, что утрата Великобританией статуса ведущей промышленной державы и мирового экономического лидера имела далеко идущие последствия, охватившие не только саму страну, но и повлиявшие на её политическое, социально-психологическое и экономическое развитие.

Важно отметить, что эти перемены коснулись не только указанных сфер, но и существенно преобразили общественное сознание. Особого внимания заслуживает анализ отношения граждан Великобритании к происходящим в стране и мире событиям.

В указанный период британское общество испытывало значительное напряжение, что сказывалось как на психологическом состоянии граждан, так и на восприятии Великобритании её российскими подданными. В обществе нарастала тревога, люди чувствовали неуверенность, а общее настроение становилось всё более мрачным.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции британское правительство придерживалось политики, которая отражала традиционные имперские идеалы. Эта стратегия была направлена на укрепление патриотизма и чувства национальной гордости, которые глубоко укоренились в сознании британцев ещё со времён правления королевы Виктории.

В конце XIX века для россиян Великобритания была олицетворением передовой промышленной страны. Однако эти взгляды быстро изменились. Это произошло из-за того, что известные политики, государственные деятели, писатели и другие влиятельные британцы активно поддерживали идеи империализма и стремления к доминированию. Среди сторонников и пропагандистов этих идей были такие известные личности, как Джозеф Чемберлен, Редьярд Киплинг и Артур Конан Дойл [10, с. 356].

Бесспорно, подобные действия и позиция способствовали формированию в российских общественно-политических изданиях нарратива о коварстве Великобритании. Британскому народу приписывались деструктивные черты, акцентировалось их неискренность и пренебрежение интересами России. Разумеется, это не могло не вызвать англофобию и антибританские настроения, а во время англо-бурской войны ситуация только ухудшилась.

Отметим, что череда событий случившихся в начале XX века, среди которых подписание англо-японского союза, поражение в войне с Японией, произошедшей революции 1905 года в России привели к мысли правительство Российской империи, что необходимо изменить вектор политики вза-

имоотношений с Великобританией. В среде российского общества, среди его либерально настроенных представителей, наблюдается формирование новых идей относительно будущего страны. Растёт убеждение, что для достижения позитивных преобразований в России необходима активная поддержка со стороны Великобритании.

Либеральная часть буржуазии была в восторге от конституционной монархии Великобритании, анализирую политическую и общественную систему ими был сделан вывод, что она наилучшем образом подходит и соответствует идеальному устройству общества. В контексте рассматриваемого общественного строя буржуазия усматривала гарантию укрепления своих позиций и обеспечения экономической, а также социальной стабильности.

Данное стремление обусловило появление многочисленных публикаций, направленных на формирование общественного мнения. К ним относятся статьи, пропагандирующие основополагающие идеи и ценности либерально-прогрессивной части общества, а также материалы, рассчитанные на широкие массы населения. Журналы и газеты, в свою очередь, предоставляли возможность транслировать идеи и формировать англиканские настроения среди российской интеллигенции. Ситуация, сложившаяся в указанный период, создавала благоприятные условия для либеральной буржуазии, стремящейся сохранить свои позиции и защитить накопленный капитал.

Исследователи, занимающиеся изучением политической системы Великобритании на рубеже XIX и XX веков, справедливо выделяют ряд характерных особенностей британской действительности того времени: кризис принципов викторианского либерализма; рост влияния империалистической идеологии; распространение и популярность джингоизма; пропаганда политиками и культурной элитой концепции о миссии англосаксонской расы в мировой истории; эволюция демократических процессов [11, с. 124].

Несомненно, общественное мнение в Великобритании по поводу произошедших событий было неоднородным. Часть населения выражала несогласие с новыми тенденциями, другая – одобряла появление новых политических концепций, а третья оставалась равнодушной к происходящему.

Традиционные представления о Великобритании изменились по двум причинам: подписание англо-русского договора в 1907 году и усиление геополитического влияния Германии в Европе. В ответ на эти события властям Российской империи нужно было скорректировать общественное мнение, чтобы оправдать и укрепить соглашение с Англией [8, с. 122].

В материалах российских журналистов и корреспондентов, освещающих жизнь в Великобритании, наблюдается своеобразная интерпретация событий. Невероятно, но факт: при рассмотрении британской колониальной политики российские журналисты нередко высказывали острую кри-

тику, одновременно проявляя склонность к англофильству. Примечательно, что конфликт между Англией и Ирландией часто игнорировался или оставался вне поля зрения российских наблюдателей.

В материалах журналистов порой наблюдалась несогласованность и амбивалентность при освещении определенных вопросов. Для более глубокого анализа данного феномена, рассмотрим следующий пример.

Во время англо-бурской войны общественное мнение Российской империи воспринимало Англию как страну, стремящуюся к экспансии, агрессии, грабежу и порабощению. Однако эти взгляды претерпели стремительную трансформацию и были высоко оценены. Благодаря усилиям профессиональных журналистов, население начало рассматривать метрополию как фактор, способствующий развитию и модернизации общественной и политической сфер колоний.

Бесспорно, участие России и Великобритании в Первой мировой войне на стороне Антанты способствовало разрешению противоречий между этими странами. Теперь ключевой целью стало формирование положительного имиджа союзника, который заменил прежний негативный образ противника. Как отечественные, так и иностранные журналисты неоднократно подчеркивали, что Первая мировая война явилась результатом значительного всплеска патриотических настроений, охвативших практически все государства в начале XX века. В преддверии военного конфликта журналисты обеих стран прилагали значительные усилия к созданию образа врага. В печатных изданиях звучали призывы к противостоянию «варварским ордам» [4, с. 189] тевтонских народов. Данная пропаганда, безусловно, способствовала усилению патриотических настроений и подъёму духа в обществе. Важно отметить, что в то время отношение к войне существенно отличалось от современного. Европейцы воспринимали войну как нечто героическое и желанное. Солдаты отправлялись на фронт с чувством радости и восхищения, а не страха. Несмотря на существование военных настроений, нельзя утверждать, что вся Европа одобряла войну. Значительная часть жителей как Великобритании, так и России выступала за дипломатическое урегулирование конфликта.

Воздействие новых и модернистских течений, пронизанных патриотическим духом, привело к обострению давних национальных противоречий. Данные течения, сфокусированные на социальных и политических проблемах, получили распространение не только в Великобритании, но и в других странах Европы. Их наибольшая активность наблюдалась в преддверии Первой мировой войны.

Не могли остаться равнодушными к этим тенденциям и российские периодические издания. Анализ текстов позволяет реконструировать эволюцию общественного мнения в рассматриваемый период.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения между Великобританией и Российской империей характеризовались сложностью и противоречивостью. Вопросы дипломатии, политики, экономики и культуры всегда вызывали споры, и являлись факторы то приближения позиций, то охлаждения отношений. Однако несомненно, что толстые журналы играли важную роль в формировании общественного мнения. Они влияли на восприятие как в России, так и в Великобритании.

Библиографический список:

1. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. – Минск.: Харвест, 2003. 368 с.
2. Антонова С.И. Периодическая печать как источник по истории СССР (1895-1917). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. Т. 1. 56 с.
3. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906-1910 гг. – М.: АН СССР, 1961. 405 с.
4. Бовыкин В.И. Очерк истории внешней политики, конец XIX в. – 1917 г. – М.: Учпедгиз, 1960. 216 с.
5. Боханов А.Н. Буржуазная пресса и крупный капитал в конце XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. 152 с.
6. Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX-начала XX вв.: Очерки. – Архангельск, Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 204 с.
7. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции, февраль-март 1917 г. – М.: Изд-во Наука, 1966. 340 с.
8. Игнатьев А.В. Внешняя политика России 1907-1914 гг. Тенденции, люди, события. – М.: Наука, 2000. 233 с.
9. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны: 1907-1914 гг. – М.: Институт Российской истории, 1997. 175 с.
10. Королев А.Г. Международные отношения: 1870-1918 гг. – М.: Госиздат, 1940. 404 с.
11. Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлениях российских дипломатов и военных в конце XIX начале XX века // Россия и Европа в XIX - XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: Сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. / Отв. ред. А.В. Голубев. – М.: ИРИ, 1996. 227 с.
12. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.

Reference

1. Diaries and documents from the personal archive of Nicholas II: Memories. Memoirs. – Minsk: Kharvest, 2003. 368 p.
2. Antonova, S.I. Periodicals as a source on the history of the USSR (1895-1917). – Moscow: Moscow University Press, 1966. Vol. 1. 56 p.
3. Bestuzhev, I.V. The struggle in Russia over foreign policy issues, 1906-1910. – Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 405 p.
4. Bovykin, V.I. An essay on the history of foreign policy, late 19th century-1917. – Moscow: Uchpedgiz, 1960. 216 p.
5. Bokhanov, A.N. The bourgeois press and big capital at the end of the 19th century. 1914 г. – Moscow: Nauka, 1984. 152 p.
6. Zashikhin A.N. "Looking from London": Russia in British Public Thought, Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Essays. – Arkhangelsk, Publishing House of the Pomor International Pedagogical University, 1994. 204 p.
7. Ignatiev A.V. Russian-British Relations on the Eve of the October Revolution, February–March 1917. – Moscow: Nauka Publishing House, 1966. 340 p.
8. Ignatiev A.V. Russia's Foreign Policy 1907–1914. Trends, People, Events. – Moscow: Nauka, 2000. 233 p.
9. Kostrikova E.G. Russian Press and Diplomacy on the Eve of World War I: 1907-1914. – Moscow: Institute of Russian History, 1997. 175 p.
10. Korolev A.G. International Relations: 1870-1918. – Moscow: Gosizdat, 1940. 404 p.
11. Sergeev E.Yu. The Image of Great Britain in the Perceptions of Russian Diplomats and Military Personnel in the Late 19th and Early 20th Centuries // Russia and Europe in the 19th and 20th Centuries: Problems of Mutual Perception of Peoples, Societies, and Cultures: A Collection of Scientific Papers / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. / Ed. A.V. Golubev. – Moscow: IRI, 1996. 227 p.
12. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

Пром Тхари
Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Государственный служащий в Министерстве внутренних дел Камбоджи.

Институциональный дисбаланс в парламентской системе Камбоджи: структурный барьер на пути к демократии*

Аннотация. Данное исследование анализирует продолжающийся институциональный дисбаланс в парламентской системе Камбоджи после принятия Конституции 1993 года. Конституция устанавливает разделение властей между исполнительной, законодательной и судебной ветвями, однако на практике преобладание исполнительной власти ограничивает их независимость. В работе показано, что Народная партия Камбоджи (CPP) сохраняет централизованное руководство, а система политического покровительства и зависимая судебная власть привели к ослаблению демократической подотчётности. Проводится качественный анализ правовых и политических структур, который иллюстрирует, что Национальное собрание и судебная система остаются структурно подчинёнными, что подрывает общественное доверие и затрудняет верховенство закона и проведение значимых реформ. Исследование также оценивает механизмы консолидации исполнительной власти и предлагает конституционные, правовые и политические реформы, которые могли бы восстановить демократические принципы, заложенные в соглашении 1993 года, путём возвращения баланса между государственными институтами.

Ключевые слова: Камбоджа, парламентская система, доминирование исполнительной власти, институциональный дисбаланс, судебная власть, конституционная реформа, управление, верховенство права.

Prom Thary
Postgraduate student at the Peoples' Friendship University of Russia. Civil servant at the Cambodian Ministry of Interior.

Institutional imbalance in Cambodia's parliamentary system: a structural barrier to democracy

Abstract. This research investigates the ongoing institutional imbalance in Cambo-

* © Пром Тхари, 2026.

dia's parliamentary system after the 1993 Constitution took effect. The Constitution establishes separate powers between the executive and legislative and judicial branches but executive dominance limits the operational independence of other institutions in practice. The research shows that the Cambodian People's Party (CPP) maintains centralized power while patronage networks and politically aligned judicial structures have led to the decline of democratic accountability. The paper conducts a qualitative examination of legal and political structures to show how the National Assembly and judiciary remain structurally subordinate which damages public trust and hinders rule of law and meaningful reform efforts. The research evaluates executive consolidation mechanisms to propose constitutional and legal and political reforms which would restore democratic principles from the 1993 settlement by rebalancing institutional relationships.

Key words: Cambodia, parliamentary system, executive dominance, institutional imbalance, judiciary, constitutional reform, governance, rule of law.

Introduction

The 1993 Constitution of Cambodia established a democratic system with a separation of powers after ending both authoritarian rule and violent conflict. The United Nations Transitional Authority in Cambodia (UNTAC) supported the creation of a political structure which would establish a multiparty liberal democracy with constitutional monarchy based on human rights protection and rule of law and institutional checks and balances (McCargo, 2005). The core objective of this vision included creating a parliamentary system that would monitor executive actions and an independent judiciary to enforce legal limits on political officials. The National Assembly and Senate existed to serve as representative bodies which would maintain government accountability through their functions as parliamentary institutions while an impartial judiciary protected constitutional legality and safeguarded citizens' rights.

The democratic principles embedded in Cambodia's Constitution have failed to become a reality during the last thirty years. The regular conduct of elections and maintenance of formal institutions do not hide the fact that executive power has become dominant in Cambodian governance. Prime Minister Hun Sen who took office in 1985, has built personalist control over all government branches which resulted in the legislature becoming ineffective and the judiciary becoming subordinate (Morgenbesser, 2019). The post-1998 period saw elections and parliamentary activities transform into what McCargo (2005) called "political theatre" which functioned to validate existing power structures rather than promote democratic competition. The ruling Cambodian People's Party (CPP) has achieved complete control over all power structures which scholars now call hegemonic authoritarianism (Morgenbesser, 2019).

This research investigates the persistent institutional imbalance which defines Cambodia's political framework. The research evaluates structural political

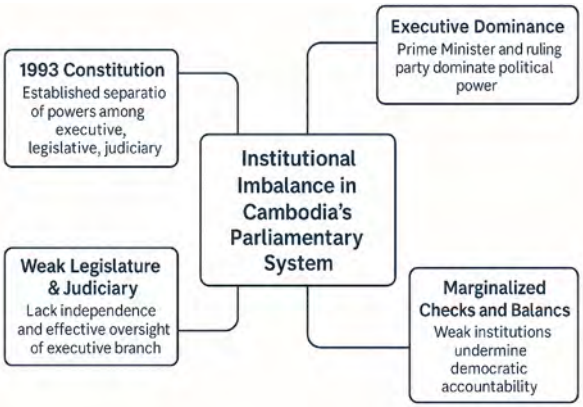


Figure 1. Central issues explored in the study-highlighting the core structural sources and institutional consequences of imbalance in Cambodia's parliamentary system.

elements that prevent the National Assembly from performing its duties to limit executive authority. The main research query for this study investigates the reasons behind Cambodia's parliamentary inability to perform independent oversight functions and legislative duties that are separate from executive control. This research needs to study constitutional structure together with political party relationships as well as bureaucratic dependencies and unofficial patronage systems. The second research inquiry investigates the effects that unequal power distribution between government branches produces on Cambodian democratic consolidation. The evaluation of weak legislative and judicial institutions requires an assessment of their long-term effects on governance quality and public accountability and rule of law[1].

Multiple observers have observed that formal democratic elements including elections alongside parliamentary debates and judicial proceedings conceal fundamental autocratic features. The death of Chea Sim in 2015 led to a decisive shift according to Sutton (2018), as Hun Sen successfully centralized power without facing any internal opposition. The National Assembly exists as the fundamental representative institution of democracy but it functions as an executive obedient body (Un, 2011). Judicial institutions including the Constitutional Council and courts demonstrate weak independence because they follow the preferences of the ruling party during appointment and decision-making processes (McCarthy & Un, 2015). The executive maintains full control over coercive and administrative instruments including police forces and military units and local governance structures which increases this institutional power imbalance (Morgenbesser, 2019; Karbaum, 2011).

The neopatrimonial political system of Cambodia presents institutional im-

1 Corruption and Cambodia's Governance System National Integrity System Assessment 2014 the Need for Reform. // URL: https://images.transparencycdn.org/images/2014_NISCambodia_EN.pdf

balance which acts as an enduring barrier to reform. According to Lee and Park (2018) international efforts to develop institutional capacity have not produced expected results because civil society organizations now assert themselves more forcefully while formal institutions continue to experience restrictions. The gap between institutional development and pluralistic governance requires immediate investigation into why Cambodia's constitutional framework has failed to produce effective democratic oversight[2].

Cambodia's Institutional Structure After 1993

The 1993 Constitution of the Kingdom of Cambodia established a historic transformation that shifted the nation from provisional post-conflict governance to a formally established liberal democratic system. The Constitution emerged from the 1991 Paris Peace Agreements and the broad peacebuilding work of the United Nations Transitional Authority in Cambodia (UNTAC) to establish a constitutional monarchy based on popular power distribution through balanced governance systems. The constitutional framework established three separate branches of power which operated independently to perform distinct responsibilities (Constitution of the Kingdom of Cambodia, 1993).

Article 51 of the Constitution establishes that Cambodia follows liberal democratic and pluralistic policies and power divides between legislative and executive and judicial branches. The document establishes that all state power originates from the people while institutions work to protect national sovereignty and stability. The constitutional framework contains legal promises to protect international human rights standards as well as political freedoms and representative governance. The Constitution's design for democratic pluralism and institutional checks and balances has not matched the actual political developments which show a wide gap between constitutional ideals and institutional realities (McCarthy & Un, 2015; Sutton, 2018).

- Executive Branch: The Prime Minister and the Council of Ministers

The executive branch operates through the Prime Minister who holds the position of head of government together with the Council of Ministers. The Prime Minister receives his appointment from the King through a recommendation from the National Assembly when the majority political party supports the selection. The Council of Ministers performs three main responsibilities which include state policy administration and public administration oversight and law enforcement of legislative enactments (Constitution of the Kingdom of Cambo-

2 *Morrison, Jenny Knowles, and Ann Sovatha.* "Accountability and Neo-Patrimonialism in Cambodia: A Critical Literature Review." ResearchGate, unknown, 2007. // URL: www.researchgate.net/publication/323497947_Accountability_and_NeoPatrimonialism_in_Cambodia_A_Critical_Literature_Review.

dia, Arts. 100–102).

The Prime Minister's executive authority has grown significantly since Hun Sen took office as the country's leader. Hun Sen has transformed the position of Prime Minister into a centralizing force in Cambodia's political system since his takeover of power during the 1980s and his continued leadership after the 1993 transition. Throughout his extended period as head of government in Southeast Asia Hun Sen has built his power base through legal and illegal methods, including patronage networks and constitutional changes and strategic political alliances (Morgenbesser, 2016).

Through its control the executive branch has significant power over security forces and public officials and local governance systems. Morgenbesser (2019) explains that institutional leverage becomes stronger because the executive maintains coercive authority in a centralized manner which enables both formal control and informal loyalty structures. The Cambodian People's Party (CPP) maintains dominance which has led to the progressive reduction of independence in other government branches.

- Legislative Branch: National Assembly and Senate

The legislative power in Cambodia is vested in a bicameral parliament consisting of the National Assembly and the Senate. The National Assembly holds primary responsibility for legislating, approving the national budget, ratifying treaties, and monitoring the activities of the executive. Comprising 125 members elected through proportional representation, it is intended to embody the democratic will of the people and to act as a counterweight to executive authority (Constitution of the Kingdom of Cambodia, Arts. 76–90).

The Senate, introduced later through constitutional amendment and fully operational since 1999, is considered the upper house of Parliament and plays a more consultative role. Its members are selected through a mix of indirect elections and appointments, and the Senate reviews draft legislation before it is enacted. Despite its potential advisory value, the Senate's influence in legislative processes remains limited in both scope and independence.

Although the Constitution envisions an autonomous legislature, Cambodia's parliamentary institutions have operated under significant constraints. As McCargo (2005) observes, elections and legislative procedures have frequently been reduced to exercises in symbolic legitimacy rather than genuine pluralist engagement. The dominance of the CPP, particularly following the dissolution of the Cambodia National Rescue Party (CNRP) in 2017, has eliminated meaningful opposition in the National Assembly. This has transformed the legislature into what many analysts describe as a "rubber-stamp" institution, endorsing executive proposals with limited deliberation or resistance (Sutton, 2018).

Furthermore, the legal framework governing political parties and parliamentary participation has been used strategically to suppress dissent. Legislators from opposition parties have faced legal harassment, removal of parliamentary immunity, and criminal prosecution under defamation and national security laws (Karbaum, 2011; Un, 2011). These practices significantly undermine the institutional role of the legislature in providing oversight and accountability, contrary to the constitutional commitment to multiparty democracy.

- Judicial Branch: Courts and the Constitutional Council

The judiciary functions as an independent power under Articles 128–130 of the Constitution to protect legal integrity and deliver justice and defend the rights and freedoms of Cambodian citizens. The judicial system includes both the ordinary court structure consisting of trial courts and Courts of Appeal and the Supreme Court alongside the Constitutional Council and Supreme Council of the Magistracy which handle judicial appointments and constitutional interpretation.

The Constitutional Council possesses the power to review laws for constitutional compliance and resolve election disputes. The body possesses the power to invalidate laws which violate constitutional requirements. The Supreme Council of the Magistracy maintains responsibility for judge and prosecutor professional conduct while providing judicial protection from political interference according to Article 136 through Article 142 of the Constitution of the Kingdom of Cambodia.

The Cambodian judiciary maintains formal protection systems yet international observers and scholars continue to report it lacks independence because of its systematic politicization. Judicial appointments heavily depend on executive authority while courts base their political case decisions on party interests (McCarthy & Un, 2015). International human rights observers together with legal scholars have expressed worry about court actions that target opposition figures and civil society actors and journalists through ambiguous legal provisions regarding incitement and national security and public order (Hyde et al., 2023; Lee & Park, 2018).

The Constitutional Council fails to act against government policies despite its theoretical power to check executive authority. Members of the Constitutional Council originate from institutions which support the CPP through their ties with the National Assembly and judicial system thus creating ongoing skepticism about its independence and operational capability (Un, 2011).

The combined effects of these institutional restrictions have led to the decline of judicial trust and the solidification of executive authority throughout all government branches. The constitutional framework remains intact although practical governance operates through a centralized model that frequently prior-

itizes elite interests over legal and political accountability systems (Morgenbesser, 2019; Sutton, 2018).

Executive Dominance: Causes and Mechanisms

The Cambodian People's Party (CPP) under Prime Minister Hun Sen has maintained complete control over the political landscape since 1993. The 1993 Constitution establishes a three-branch system of government with checks and balances but the executive branch has gained total control which diminishes both legislative and judicial powers. The executive maintains its dominant position through formal party structures and multiple informal systems which include patronage networks and bureaucratic control and legal ambiguity that maintain the executive's leading position in the political system[3].

The main reason behind executive entrenchment stems from the CPP's centralized organizational structure and operational hierarchy. The CPP stands apart from other political parties because it maintains a strict hierarchical structure with decision-making power concentrated among a few leaders. Since 1985 Hun Sen has maintained his position as Prime Minister while building the party's dominance. Morgenbesser (2016) explains how the CPP achieved hegemonic party status through the integration of state and party institutions which maintained electoral and administrative advantages for the ruling elite.

The death of Chea Sim in 2015 marked a pivotal moment for personalist executive rule because he was the CPP President and leader of a rival party faction. The death of Chea Sim eliminated all internal barriers to Hun Sen's power which resulted in the breakdown of party power sharing and enabled him to gain complete control over the regime (Sutton, 2018, p. 174). After this development the political system transitioned from competitive authoritarianism to full hegemonic rule because all important decision-making authority concentrated within the Prime Minister's closest advisors.

The executive strengthens its control by maintaining dominance over Cambodia's security forces and administrative systems. The Royal Cambodian Armed Forces (RCAF), National Police and Royal Gendarmerie forces operate under executive command and maintain institutional support along with personal networks of loyalty. The Ministries of Interior and National Defence remain under the control of CPP officials who maintain synchronized security policies with executive objectives according to Morgenbesser (2019). The Supreme Command of the RCAF remains loyal to Hun Sen because its leaders receive land concessions and political appointments from the executive which strengthens their dependence on executive patronage (Un, 2011).

3 *Un K.* (2006). State, Society and Democratic Consolidation: The Case of Cambodia. Pacific Affairs, 79 (2), 225–245. // URL: http://www.jstor.org/stable/40022690

The centralized governance model operates at the local administrative level. The Ministry of Interior exercises authority over provincial and commune-level officials who maintain CPP affiliation while enforcing national policy through grassroots implementation. Karbaum (2011) demonstrates how the CPP maintains executive control through its extensive network of local administrators and village chiefs and party branches which enables Phnom Penh to exercise political influence down to the village level. The executive maintains electoral dominance and opposes opposition activities by utilizing state resources combined with clientelist relations through its localized presence[4].

The support for these mechanisms stems from an extensive system which provides patronage to various stakeholders. The neopatrimonial nature of Cambodian politics allows the executive to sustain support throughout different social groups because personal relationships along with informal loyalty exceed legal-rational norms. According to Kheang Un (2011) the patron-client logic weakens democratic institutions by transforming them into networks that function based on obligations and mutual advantages. Government contracts and licenses along with public employment positions and legal protection become accessible only through informal channels that mediate these opportunities. This practice functions to both silence potential opponents and motivate officials and bureaucrats to follow orders. According to Lee and Park (2018) the official legal framework becomes dormant when political advantages require its suspension or gets used selectively for authority consolidation purposes.

Formal mechanisms serve as alternatives to informal systems because executive power expansion benefits from constitutional ambiguity and legal loopholes. The Constitution enforces power separation but provides weak safeguards that protect single-party dominance. Institutional preferences influence how Constitutional Council members receive their appointments from institutions which already follow executive direction. Unclear national security definitions and vague "incitement" provisions allow authorities to silence opposition voices in civil society and among political opponents according to McCarthy & Un (2015) and Hyde et al. (2023). The Law on Associations and Non-Governmental Organizations (LANGO) functions as an NGO regulation tool while the Ministry of Interior under executive authority holds power to suspend organizations based on political convenience (Lee & Park, 2018).

Executive dominance functions through the legislative process as a fundamental demonstration in Cambodian governance systems. The executive branch creates laws before the National Assembly quickly passes them without any

4 Corruption and Cambodia's Governance System National Integrity System Assessment 2014.

The Need for Reform. // URL: https://images.transparencycdn.org/images/2014_NISCambodia_EN.pdf

meaningful opposition scrutiny or debate. The legislative process described by McCargo (2005) operates through "rubber-stamp parliamentarianism" which enables the government to pass laws with little to no opposition oversight. The National Assembly voted unanimously for the 2017 political party law amendment which granted dissolution powers to the government after the opposition CNRP leaders faced legal proceedings. The Supreme Court dissolved the CNRP in 2017 through this legislative change which removed the CPP's main election opponent while securing more executive power (Morgenbesser, 2019).

The illustration shows that formal legislative procedures function as tools to pursue political goals. The ruling party maintains control through executive dominance which combines with legal authority and institutional compliance to create a system of political control while preserving legal legitimacy. The political system lost its constitutional balance because of cumulative effects between centralization and informal power structures and legal flexibility.

The Cambodian executive maintains its dominant position through a combination of electoral success with a party-controlled system which extends through administrative networks and legal framework modifications and informal enforcement mechanisms. This combination of factors creates a political system where opposition groups face significant obstacles while accountability mechanisms are limited and the separation of powers concept remains theoretical only[5].

Weaknesses of the National Assembly and Judiciary

The 1993 Constitution of Cambodia establishes the National Assembly and judiciary as fundamental institutions to perform democratic oversight and legal accountability functions. The two institutions face persistent challenges because they remain susceptible to executive control and political centralization in their operations. The three branches of government maintain an unbalanced relationship which becomes most apparent through the ruling party's control of legislative processes and judicial autonomy limitations and the restricted role of the Constitutional Council in providing independent constitutional adjudication[6].

The National Assembly of Cambodia exists as a legislative body that strongly depends on the executive branch for its operations. The Cambodian People's Party (CPP) maintains control over legislative processes which reduces the National Assembly's constitutional powers to scrutinize laws and approve budgets

5 *Young S.* (2021). The Dynamics of Political Durability of Cambodia's Ruling Regime. Strategies of Authoritarian Survival and Dissensus in Southeast Asia. // URL: https://doi.org/10.1007/978-981-33-6112-6_2.

6 *West L.* (2018). The limits to judicial independence: Cambodia's political culture and the civil law. Democratization, 26, 537-553. // URL: https://doi.org/10.1080/13510347.2018.1553956.

and exercise government oversight (Constitution of the Kingdom of Cambodia, 1993, Arts. 90–96). The executive branch holds dominant power in lawmaking according to scholars who observe that legislative debates remain minimal (McCargo, 2005, p. 99). The parliamentary committees possess authority to study public matters and assess laws yet they perform their duties in a symbolic manner because they lack both political independence and technical expertise to oppose executive proposals (Un, 2011).

The Assembly faces additional challenges because the opposition parties have been intentionally excluded from the political process. The Cambodia National Rescue Party (CNRP) formed through opposition movement unification became a viable electoral force during the 2013 general elections. The political path following the elections led to rising legal challenges against opposition leaders and their parliamentary removals before the party received its judicial dissolution in 2017. Morgenbesser (2019) demonstrates that this move eliminated all meaningful opposition from the Assembly thus converting it into a single-party legislative body. The CPP gained complete legislative control after the CNRP dissolved because opposition members lost their parliamentary immunity which previously served as procedural checks through interpellation and committee questioning.

The removal of parliamentary immunity from opposition members allows the government to prosecute dissenting voices through criminal defamation and incitement laws. Karbaum (2011) shows that this practice both limits parliamentary independence and creates a wider political discipline effect against government critics. The combination of these factors has created a legislative body that maintains its formal structure yet operates as a tool for executive control which undermines the pluralistic principles of Cambodia's constitutional framework.

The judiciary maintains a strong political connection with the ruling party which parallels the weak state of the legislative branch. The Cambodian judiciary operates under Article 128 of the Constitution which states that the judiciary should maintain independence but courts demonstrate widespread executive alignment during political and civil society-related cases. According to McCarthy and Un (2015) the Cambodian judiciary functions under a "thin rule of law" system which uses legal frameworks to support regime maintenance instead of providing impartial judicial decisions.

The judiciary displays this pattern most clearly through their decisions regarding major political cases. The judicial process against political opponents and trade union members and human rights defenders demonstrates two main characteristics of selective prosecution combined with rapid trial procedures which support decisions that benefit ruling party interests. According to Hyde, Lamb and Samet (2023) political tension has led the courts to function as tools

for removing political threats while presenting themselves as upholding legal legitimacy.

The Cambodian judicial system appoints its judges through the Supreme Council of the Magistracy which the King leads yet its members strongly support the CPP. Judicial appointments along with promotions within the judiciary system base their decisions more on political loyalty than on meritocratic standards or judicial independence. The executive maintains legal predictability through this system because judges must demonstrate political alignment to achieve career growth or maintain institutional stability (Un, 2011). The alignment between judicial officials and political power structures derives from their participation in networks that unite state officials with business interests and party elites according to Morgenbesser (2016) and results from more than coercion alone.

The Constitutional Council stands as an essential but frequently ignored institution within Cambodian law because it interprets the Constitution and reviews laws and settles electoral disputes. The Constitutional Council receives its authority to protect constitutional consistency through Article 136 of the Constitution and Article 141 gives it the power to review draft laws before declaring unconstitutional those that violate the Constitution. In reality the Constitutional Council has never functioned as a forceful mechanism to review executive or legislative activities.

The Council fails to achieve its full potential because of its current composition. The nine members of the Council receive their appointments from equal shares of the King and National Assembly and Supreme Council of the Magistracy while these bodies remain heavily under the control of the ruling party. The selection process for council members creates automatic dependence since members get chosen based on their political loyalty instead of their ability to remain impartial (McCarthy & Un, 2015). The Council has issued rulings which never conflicted with government laws or executive decisions thus undermining its role as a constitutional oversight body. The executive uses the Council as an operational tool for implementing its policies rather than as an independent authority for legal supervision as explained by Un (2011).

The Council's minimal public outreach and unclear decision-making processes decrease its ability to gain institutional trust from the public. The Council issues decisions without providing complete legal explanations or dissenting opinions which makes it challenging for legal practitioners and civil society members and the general public to evaluate the Council's jurisprudential standards. The lack of transparency in the Council's operations makes people believe it operates for executive interests instead of serving the public or constitutional goals.

The political-judicial connection along with legislative subordination demonstrates how formal institutions have lost their ability to function as democratic

checks. The institutional framework has developed into a system that restricts accountability mechanisms and legal oversight. Although the National Assembly and judiciary maintain their position within the constitutional framework their operational independence and autonomy face substantial reduction because of political influence and institutional design.

These dynamics demonstrate how institutional separation of powers remains theoretical instead of functional in practice. The political environment becomes characterized by suppressed dissent and legal interpretations that depend on politics and ineffective institutional oversight. The Constitutional Council together with the judiciary and legislature operate primarily based on executive consolidation and party control instead of legal mandates in this context.

Consequences of Institutional Imbalance

The excessive executive power and weakened judicial and legislative autonomy of Cambodia's government has produced major political outcomes for the nation. The system exhibits three major effects through reduced democratic oversight and declining public trust and judicial politicization alongside obstacles that impede real governance change.

Institutional imbalance directly weakens the checks and balances system to the point where some of these mechanisms become ineffective. A democratic system requires all independent institutions to perform mutual oversight for proper functioning. The current political structure of Cambodia enables executive power to become more entrenched while simultaneously depriving the government from judicial and legislative oversight. According to Sutton (2018), the Cambodian People's Party (CPP) lost all remaining internal checks after Chea Sim's death in 2015 which gave Prime Minister Hun Sen full control to eliminate all opposition to his unilateral rule. The executive power consolidation has been supported by legal and constitutional tools that gradually limit both opposition and civil society actors who could perform oversight functions.

The fundamental democratic tools of legislative debate alongside judicial review and electoral competition now serve primarily to validate political authority instead of serving as authentic oversight instruments. Morgenbesser (2019) identifies a transition from "competitive authoritarianism" to "hegemonic authoritarianism" which means the political domain becomes completely inaccessible to opposition forces. The established democratic balance in Cambodia's constitutional structure disappears as institutions transform into tools that only serve executive power.

The degradation of institutional trustworthiness led to an extreme decrease in public trust. The combination of non-substantial parliamentary proceedings and court decisions which seem influenced by politics leads citizens to doubt the official institutions' legitimacy. According to McCarthy and Un (2015) the public

loses confidence in both governance structures and the justice system when they observe a "thin rule of law" which displays selective enforcement of legal norms. Public trust in state institutions weakens further because opposition members face politically motivated prosecutions through unclear legal frameworks and civil society groups encounter bureaucratic hurdles that reduce their operational freedom (Lee & Park, 2018).

Everyday relations between state institutions and citizens have begun to experience the same negative impacts which started among political elites. The International Republican Institute together with Transparency International has found that public concerns about judicial corruption alongside police misconduct and procedural unfairness persist through their survey results (Un, 2011). Legal institutions have become seen as political tools instead of neutral justice administrators because defamation and incitement charges against journalists and activists occur frequently according to Hyde et al. (2023).

Public belief about the legal system has made it challenging to achieve meaningful reforms especially when it comes to anti-corruption and electoral integrity. The institutional imbalance prevents internal reform because it places all decision-making power within a limited political structure. The state control mechanisms and patronage networks which belong to the same party networks that dominate the legislative and judicial branches work against transparency and rule-based governance according to Morgenbesser (2016). The executive and other actors delay or weaken reform proposals regarding judicial independence and decentralization and electoral oversight due to fears about potential executive power reduction and actor empowerment.

This particular context presents significant challenges for the implementation of anti-corruption measures. The Anti-Corruption Unit serves as one of the established institutions yet critics maintain that its enforcement activities remain weak and perform only symbolic functions. The insufficient legislative power to supervise public funds and investigate governmental misconduct makes this situation worse. Kheang Un (2011) states that the political system's pervasive patron-client relationships produce an automatic reliance on unofficial loyalty networks which surpass institutional accountability systems. The state apparatus maintains structural inequalities through this dynamic which also hinders all reform initiatives.

The process of electoral reform faces identical barriers to implementation. The ruling party maintains direct control over the mechanisms of electoral management through its formal electoral processes including regular polling and an election commission. The CPP maintained its electoral dominance after the Cambodia National Rescue Party (CNRP) received dissolution charges in 2017 for plotting a coup thus eliminating the main opposition party from political competition (Sutton, 2018). The political framework of electoral oversight con-

tinues to face limited progress because dissident voices experience growing marginalization during attempts to establish independent monitoring and modify political party regulations.

The various results demonstrate that institutional imbalance extends its influence beyond power distribution to create major effects on democratic legitimacy and both legal credibility and policy responsiveness. Public trust in governance will stay weak because institutional channels for reform and checks remain restricted thus creating ongoing barriers for democratic progress and state transformation.

Recommendations

The post-1993 political trajectory of Cambodia needs institutional balance rectification through constitutional redes legal protections and political system reform. The introduction of specific reform measures with gradual implementation under national and international support can strengthen democratic institutions while building rule of law and rebuilding public trust in governance.

The most critical task involves building robust constitutional and legal structures which guarantee effective power separation among institutions. McCarthy and Un (2015) demonstrate that the 1993 Constitution guarantees judicial independence together with executive accountability to the legislative body yet insufficient procedural and institutional protections have allowed executive power consolidation. Constitutional modifications should be studied for enhancing the autonomous status of the National Assembly. Strengthening parliamentary immunity through enhanced protections and establishing clear rules for executive oversight and institutional minority party participation in key parliamentary committees should be implemented.

Judicial independence requires immediate reinforcement as a critical measure. The executive's close influence over the judiciary works against the constitutional duty of the judiciary to protect legal rights impartially. A possible judicial appointment reform involves taking politics out of judicial selection through changes to the Supreme Council of the Magistracy structure. The Supreme Council of the Magistracy faces criticism because its members show partisan bias in its current form according to Un (2011). The introduction of merit-based evaluation systems and the participation of civil society observers and independent legal experts during appointment processes would enhance both the appearance and reality of impartiality. According to Hyde, Lamb, and Samet (2023) it is possible to achieve better fairness and consistency through specific reforms that build judicial capacity and professional standards even in restricted settings.

The reforms should tackle political party systems alongside electoral processes as part of their scope. The political environment of Cambodia has experienced

fundamental changes because a dominant single party maintained control for a prolonged period while major opposition groups remained excluded. Political stability stands as a valid state priority yet a durable pluralistic system depends on strong and inclusive competition between parties. The 2017 political party law modifications and dissolution procedures need reevaluation to expand political freedom without compromising measures protecting unconstitutional conduct and incitement (Sutton, 2018).

The National Election Committee (NEC) should undergo electoral reform regarding its composition structure and operational procedures. The fundamental element of democratic credibility rests on independent electoral management. After 2017 political changes the opposition representative participation on the NEC that began in 2014 became unbalanced. A more trustworthy public perception of election outcomes could result from revising the NEC structure to establish an independent expert-based organization. Morgenbesser (2019) states that when elections lack genuine competition they transform from genuine political accountability tools into mere procedural exercises.

The implementation of these political and legal reforms requires substantial long-term funding for judicial training together with legal education development. Domestic legal capacity in Cambodia has improved significantly yet it still faces limitations in professional ethics as well as judicial reasoning and human rights law. The next generation of judges and lawyers can receive essential professional development through training programs made possible by partnerships with regional legal institutions and bar associations and international rule-of-law organizations. The capacity gap requires special attention in hybrid or semi-authoritarian settings because formal institutions need to operate effectively according to Lee and Park (2018).

Figure 2. Institutional Reform Pathway for Cambodia, An overview of Cambodia's core institutional challenges alongside targeted reforms aimed at strengthening judicial independence, restoring checks and balances, and expanding civic freedoms.

Initiatives that teach civic education and public legal literacy can break down judicial complexity and increase public participation with state institutions. Such educational initiatives should deliver information about legal rights alongside details about parliamentary functions and the role of institutional checks and balances. Knowledge empowerment of citizens leads to sustained constitutional development and legal accountability because it creates a demand for reform and builds a constitutional system (Kheang Un, 2011).

National dialogue between citizens will create the necessary foundation for Cambodia's institutional reforms to develop. The proposed legal and constitutional and political adjustments will assist in redistributing power between state institutions when implemented with care. The established framework enables better governance and public trust development which paves the way for democratic aspirations in the country to rise again.

Conclusion

An examination of post-1993 Cambodia's political structure shows how the constitutional establishment of liberal democracy stands apart from the operational reality of state institutions. The 1993 Constitution establishes liberal democratic principles for separation of powers and institutional pluralism yet the executive branch has gained control over both the legislature and judiciary thus concentrating power in ruling party structures. According to Morgenbesser (2019) and Sutton (2018) the authoritarian regime in Cambodia has shifted towards hegemonic authoritarianism through the reduction of checks and balances and severe restrictions on political pluralism.

The National Assembly faces marginalization because party control dominates legislative authority and restricts opposition actions while eliminating essential inter-party discussions (Karbaum, 2011; Un, 2011). The judiciary suffers from political ties that reduce public trust in legal institutions and weaken the ability of justice to function properly (McCarthy & Un, 2015; Hyde et al., 2023). The Constitutional Council faces challenges in asserting its constitutional authority because partisan interests influence the appointment process.

The resulting institutional imbalances produce three major effects, which include declining democratic accountability along with public distrust in governance and systemic opposition to reforms especially concerning anti-corruption and judicial independence and electoral integrity (Kheang Un, 2011; Lee & Park, 2018). The state institutions require rebalancing as a fundamental requirement to build trust in Cambodia's governance system while supporting a strong political structure.

Despite ongoing political and cultural obstacles the path to reform continues to exist. A combination of specific constitutional revisions with judicial reforms together with electoral improvements and capacity development measures will

establish a balanced institutional framework. The implementation of democratic ideals in the Constitution will advance through accountable governance and legal fairness and inclusive decision-making practices.

Библиографический список / Reference

1. Morgenbesser L. Cambodia's Transition to Hegemonic Authoritarianism. Journal of Democracy, 2019. № 30. P. 158-171. // URL: https://doi.org/10.1353/JOD.2019.0012.
2. Mccargo D. Cambodia: Getting Away with Authoritarianism?. Journal of Democracy, 2005. № 16. P. 112-98. // URL: https://doi.org/10.1353/JOD.2005.0067.
3. Un K. Cambodia: Moving away from democracy? International Political Science Review, 2011. № 32. P. 546-562. // URL: https://doi.org/10.1177/0192512111417120.
4. Lawrence B. Authoritarian Constitutional Borrowing and Convergence in Cambodia. Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, 2021. № 43. P. 321-344. // URL: https://doi.org/10.1355/cs43-2e.
5. Morgenbesser L. The failure of democratisation by elections in Cambodia. Contemporary Politics, 2017. № 23. P. 135-155. // URL: https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1230317.
6. Karbaum M. Cambodia's Façade Democracy and European Assistance. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2011. № 30. P. 111-143. // URL: https://doi.org/10.1177/186810341103000405.
7. Hyde, S., Lamb, E., & Samet, O. (2022). Promoting Democracy Under Electoral Authoritarianism: Evidence From Cambodia. Comparative Political Studies, № 56. P. 1029-1071. // URL: https://doi.org/10.1177/00104140221139387.
8. Sutton J. Hun Sen's Consolidation of Personal Rule and the Closure of Political Space in Cambodia. Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, 2018. № 40. P. 173-195. // URL: https://doi.org/10.1355/CS40-2A.
9. McCarthy S., & Un K. The evolution of rule of law in Cambodia. Democratization, 2017. № 24. P. 100-118. // URL: https://doi.org/10.1080/13510347.2015.1103736.
10. Lee S., & Park W. The dual track of democracy promotion in post-war peacebuilding in Cambodia: the gap between institutional development and civil society mobilisation. Peacebuilding, 2018. № 8. P. 78-97. // URL: https://doi.org/10.1080/21647259.2018.1498671.
11. Cai Q. Comparative Analysis of Democratic Systems in Cambodia, Laos, and Thailand. Journal of Ecohumanism. 2024. // URL: https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3816.
12. Loughlin N. Reassessing Cambodia's Patronage System(s) and the End of Competitive Authoritarianism: Electoral Clientelism in the Shadow of Coercion. Pacific Affairs, 2020. № 93. P. 497-518. // URL: https://doi.org/10.5509/2020933497.
13. Un K. Democratization in East Asia: Patronage Politics and Hybrid Democracy: Political Change in Cambodia, 1993-2003. Asian Perspective, 2005. № 29. P. 203-231.
14. Ward K., & Ford M. Labour and Electoral Politics in Cambodia. Journal of Contemporary Asia, 2021. № 52. P. 513-531. // URL: https://doi.org/10.1080/00472336.2021.1963810.
15. Leifer M. The Failure of Political Institutionalization in Cambodia. Modern Asian Studies, 1968. № 2. P. 125-140. // URL: https://doi.org/10.1017/S0026749X00001591.
16. Bektimirova N. Large-scale transition of power in Cambodia as a result of the 2023 parliamentary election. Southeast Asia: Actual Problems of Development. 2023. // URL: https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-091-101.
17. Norén-Nilsson A. A Regal Authoritarian Turn in Cambodia. Journal of Contemporary Asia, 2021. № 52. P. 715-736. // URL: https://doi.org/10.1080/00472336.2021.1974078.
18. Peou S. Intervention & Change in Cambodia: Towards Democracy? 2000. // URL: https://doi.org/10.1355/9789812305923.
19. Peou S. International Democracy Assistance for Peacebuilding: Cambodia and Beyond. 2007.
20. Weyden P. Parliamentary elections in Cambodia 1998. Electoral Studies, 2000. № 19. P. 615-621. // URL: https://doi.org/10.1016/S0261-3794(00)00004-4.

Смирнов А.В.
Магистр. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университета.

Советско-американские переговоры по вопросам урегулирования платежей по системе «Ленд-Лиз» (1946-1948)*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема урегулирования вопросов выплат по системе «Ленд-Лиз» в процессе первых советско-американских переговоров по вопросу выплаты кредита со стороны СССР в первые послевоенные годы. В этой связи особое внимание стоит уделить официальной позиции Вашингтона и Москвы, проиллюстрировать эволюцию дипломатических позиций Советского Союза и Соединённых Штатов в ходе переговорного процесса. Стоит подчеркнуть, что американская сторона не хотела идти на политические уступки СССР и особенно выделять Советский Союз из общего числа «стран-получателей» военно-экономической помощи по «Ленд-Лизу», в тоже время, предоставляя СССР льготные условия для реализации временных договорных обязательств по военным расходам. Советский Союз со своей стороны затягивал переговорный процесс, надеясь в конечном итоге на снижение требований к выплачиваемой сумме. А также руководство СССР сознательно откладывало обусловленную Соглашением о военной взаимопомощи 1942 года передачу Соединённым Штатам трёх американских линкоров, поскольку испытывало в них острую необходимость. Кроме того, делается соответствующий вывод о том, что спустя 2 года переговоров, различной степени интенсивности, дипломатические группы обеих сторон так и не достигли какого-либо определённого консенсуса.

Ключевые слова: США, СССР, ленд-лиз, переговоры, дипломатия, Н.В. Новиков, А.С. Панюшкин, У. Клейтон, У. Торп.

Smirnov A.V.
Master's degree. Novosibirsk National Research State University.

Soviet-American negotiations on the settlement of payments under the Lend-Lease system (1946-1948)

Abstract. This article examines the problem of resolving issues of payments under the Lend-Lease system in the process of the first Soviet-American negotiations on the

* © Смирнов А.В., 2026.

payment of a loan from the USSR in the first post-war years. In this regard, special attention is paid to the official position of Washington and Moscow, illustrating the evolution of the diplomatic positions of the Soviet Union and the United States during the negotiation process. It is worth emphasizing that the American side did not want to make political concessions to the USSR and especially single out the Soviet Union from the total number of "recipient countries" of military-economic assistance under the Lend-Lease. By providing the USSR with preferential conditions for the implementation of temporary contractual obligations for military expenditures. The Soviet Union, for its part, delayed the negotiation process, hoping eventually to reduce the requirements for the amount to be paid. And also, the leadership of the USSR deliberately postponed the transfer of three American battleships to the United States due to the 1942 Agreement on Mutual Military Assistance, as it felt an urgent need for them. In addition, it is concluded that after 2 years of negotiations of varying degrees of intensity, the diplomatic groups of both sides have not reached any definite consensus.

Key words: USA, USSR, lend-lease, negotiations, diplomacy, N.V. Novikov, A.S. Panyushkin, W. Clayton, W. Thorpe.

Переговоры по вопросам урегулирования расчётов по системе Ленд-Лиз между союзниками по антигитлеровской коалиции начались в сентябре 1945 года. Позиция демократической администрации президента Гарри С. Трумэна по данной проблеме нашла своё отражение в послании Конгрессу США от 5 сентября 1945 года. Находясь в Капитолии перед сенаторами, Г. Трумэн выразил следующую мысль: «Мы должны признать, что наши союзники не смогут уплатить нам долларами за большинство товаров, полученных ими по ленд-лизу. Но это не означает, что все обязательства по ленд-лизу будут аннулированы. В соответствии с процедурой, предусмотренной специальным Законом о ленд-лизе и последующими соглашениями с другими странами, мы будем стремиться достичь такого урегулирования наших отношений военного времени, основанного на программе ленд-лиза, которое позволит создать здоровую мировую экономику и будет содействовать международному миру и нашей собственной национальной безопасности»[1]. Специальное кредитное соглашение по недопоставленным по ленд-лизу товарам между Советским Союзом и Соединёнными Штатами было подписано 15 октября 1945 года, ранее подобные договоры были подписаны и ратифицированы другими странами-получателями американской военно-экономической помощи. Согласно условиям кредитного соглашения, СССР предоставлялся специальный кредит на оплату заказанных ранее, но не доставленных до 20 сентября 1945 года товаров и военно-технического оборудования на сумму 240,2 млн. долларов. Срок погаше-

1 Special Message to the Congress Presenting a 21-Point Program for the Reconversion Period. 1945. September 5 // The Truman Library // URL: https://catalog.archives.gov/id/307014274?objectPage=2 (Дата обращения: 30.03.2025)

ния кредита составлял 30 лет, под 23, 8% годовых[2]. При этом американская сторона дала своё согласие на сохранение за СССР семнадцати пароходов, предоставленных ранее на условиях ленд-лиза, без оплаты[3]. К 15 ноября 1945 года данное обещание было выполнено.

Дальнейшие переговоры по урегулированию специальной системы расчётов проходили в весьма сложных условиях. Американская дипломатическая группа 21 февраля 1946 г. уведомила официально Москву о том факте, что все экономические вопросы, как общего характера, так и достаточно специфические «…теперь должны решаться только с учётом значительных уступок со стороны СССР и непременно заканчиваться, успешным для США компромиссом»[4], что привело к полному параличу переговорного процесса. В число этих вопросов попали и вопросы по ленд-лизу. Ситуация усугублялась в немалой степени тем, что у дипломатических групп обеих сторон были диаметрально противоположные взгляды на предмет переговоров. Демократическая администрация Гарри С. Трумэна требовала произвести полный возврат или выкуп практически всех самолётов, судов, военного транспорта и т.д., оставшихся не повреждёнными к моменту завершения боёв Дальневосточного фронта с Кантонской группировкой армии Японской империи. В свою очередь советская сторона предприняла попытку получить на безвозмездной основе старые суда и самолёты под предлогом того обстоятельства, что они получили сильные повреждения в процессе боевых действий и как следствие больше не пригодны к эксплуатации по прямому назначению. А также советские дипломаты обращали внимание американской стороны на тот факт, что на момент поставок данных экземпляров военной техники в Советский Союз, эти образцы были уже далеко не новые. Однако в Вашингтоне этот запрос оставили без внимания. Кроме того, стоит упомянуть, что в условиях разорённой Вермахтом европейской части СССР, Советский Союз остро нуждался даже в старых машинах для восстановления сельского хозяйства, городов и сёл. А уничтожение американцами старых грузовиков и автомобилей на территории портов смотрелось весьма цинично на взгляд советских грузчиков, моряков и инженеров, непосредственно участвующих в погрузке автомобилей на борт судов. Также, учитывая тот факт, что СССР понес огромный ущерб от деятельности гитлеровской Германии на своей территории, советские дипломаты пытались выработать специальное компромиссное ре-

2 *Бутенина Н.В.* Ленд-лиз: сделка века. Москва, 2004. С. 165.

3 Соглашение между СССР и США о распоряжении ленд-лизовскими поставками, имеющимися в наличии или находящиеся в процессе приобретения в США от 15 октября 1945 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12. Д. 9870. Л. 56 – 59.

4 The Secretary of State to the Charge of the Soviet Union (Orekhov) // Foreign Relations of the United States. 1946 Vol. VI. Washington (D.C.), 1969. P. 828-829.

шение, основанное на индивидуальном подходе, и тем самым договориться о льготных условиях погашения кредитов по системе ленд-лиза. Однако советская делегация в этом вопросе не преуспела.

Кроме того, стоит подчеркнуть следующие обстоятельство, что вовсе не всё оборудование: автомобили и самолёты использовались Советским Союзом для военных нужд. В этом случае не стоит исключать возможность продажи техники в третьи страны. Таким образом, опасения правительства США были в целом не беспочвенны.

Итак, 30 июня 1946 года США обозначили погашение задолженности по программе ленд-лиз (возврат или оплату всего оборудования и транспорта, оставшихся на территории государств-союзников и невозвращённых в США) как непременное условие всех стран-кредитополучателей[5]. 14 сентября 1946 года, после довольно вялого «пинг-понга» дипломатическими нотами относительно реализации процесса двухсторонней консультации по ряду экономических вопросов, положительных результатов достигнуто не было. В тот же день первый заместитель госсекретаря США по экономическим вопросам У. Клейтон сообщил советскому послу в Соединённых Штатах Н.В. Новикову о возможности начать с советской стороной серию сепаратных переговоров по урегулированию вопросов по Ленд-Лизу[6]. Однако никаких реальных продвижений в политическом и экономическом плане не произошло. В переговорах между США и СССР о перечне подлежащего возврату имущества, методах оценки амортизации, соответственно, об итоговой сумме задолженности возникли серьёзные разногласия.

Первые доступные отечественному исследователю директивы, подготовленные Министерством иностранных дел Советского Союза по ленд-лизу, относятся к концу 1946 года. В соответствующих директивах и дипломатической переписке Правительством СССР советской дипломатической группе было сказано: «…ускорить уплату правительству США за оставшиеся к моменту прекращения боевых действий не переданные в итоге окончательному потребителю ленд-лизовские материалы на сумму 262 млн. долларов и, оценив стоимость военного оборудования в 35 % сверху от изначальной стоимости»[7]. В Москве также было принято особое решение о «согласии на покупку» 42 американских судов постройки периода ВМВ за 26, 3 млн. долларов, 50 судов довоенного периода постройки, которые желательно было выкупить за минимальную сумму в размере 8,1 млн. дол-

5 *Бутенина Н.В.* Ленд-лиз: сделка века. Москва, 2004. С. 167.

6 Нота заместителя госсекретаря по экономическим вопросам Клейтона послу СССР в США. Вашингтон 14 сентября 1946 год // РГАЭ Ф. 413. Оп. 20с. Д. 446. Л. 102

7 Директивы советской делегации по вопросу урегулирования выплат по ленд-лизу // Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 84 Оп. 1. Д. 28. Л. 73-74.

ларов. Кроме того, под большим вопросом оставалась судьба трёх танкеров, неподлежащих возврату. Кроме того, под вопросом оставалась судьба трёх танкеров неподлежащих возврату. Оплату остатков за ленд-лизовские материалы и за все суда предполагалось произвести на условиях и в счёт кредитов по Соглашению с США от 15 октября 1945 году.

В свою очередь американская дипломатическая группа предполагала урегулировать весь комплекс вопросов с Советским Союзом по уплате поставок по программе ленд-лиза по специальной стратегической схеме, предложенной американской стороной другим союзникам, включая главного агента по получению помощи Великобританию. Данная схема предполагала возвращение США всех военных «позиций» и судов или их выкуп в кредит по разумной цене; согласие СССР не передавать все военные товары Соединённым Штатам и разрешения в дальнейшем всех споров между двумя Государствами, возникшими по проблеме Ленд-Лиза. Вскоре от советской стороны пришло согласие продолжить серию переговоров по статье VII Соглашения о ленд-лизе от 11 июня 1942 года и «…о процессе согласования ряда иных спорных вопросов, а также начало уплаты Советским Союзом долга по Ленд-Лизу»[8].

Несмотря на наличие ряда директив и упомянутую ноту Клейтона от 14 сентября 1946 года, переговоры с американской дипломатической группой в 1946 году по вопросам оплаты ленд-лиза так и стартовали, о чём ярко свидетельствует, внутренняя переписка американских конгрессменов имеющих непосредственное отношение к этому вопросу. Одним из хороших примеров этой тенденции может служить соответствующий меморандум, подготовленный У. Клейтоном для своего шефа госсекретаря Джорджа Маршалла 26 февраля 1947 года[9].

В январе 1947 года, в связи с резким ухудшением взаимоотношений между США и СССР, правительство Соединённых Штатов приостановило поставки специального оборудования для учёта и транспортировки продукции ВПК. Таким образом, были нарушены основные положения кредитного соглашения, заключённого ранее между США и СССР от 15 октября 1945 года[10]. В этом случае стоит подчеркнуть, что советская делегация

8 Memorandum by Mr. George E. Truesdell of the Division of Lend-Lease and Surplus War Property Affairs Washington, 1947. March 25 // FRUS. 1947. Vol. IV. Washington (D.C.), 1972. P. 667-669. // URL: https://history.state.gov/historical documents/frus1947v04/d458 (Дата обращения: 26.04.2025)

9 Memorandum by the Under Secretary of State for Economic Affairs. Washington. 1947. February, 26 // FRUS. P. 658-664.// URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (Дата обращения: 26.04.2025)

10 The Lend-Lease Administrator (Lane) to the Chairman of the Government Purchasing Commission of the Soviet Union in the United States (Eremin) . Washington, 1947. January 30 // Ibid. P. 655.

при этом активно продолжала соблюдать положение, принятое ранее, и выплачивала проценты в соответствии с согласованным с Соединёнными Штатами графиком выплат[11].

В дальнейшем, 5 апреля 1947 года, посол Соединённых Штатов в СССР Уолтер Б. Смит информировал Вашингтон о том, что министр иностранных дел СССР В.М. Молотов выразил готовность начать переговоры платежей по ленд-лизу[12]. Далее в связи с этим 14 апреля ЦК ВКП (б) утвердил новые директивы, мало чем отличавшиеся от изложенных выше. Добавился лишь вопрос о трёх ледоколах. Речь шла о передовых на тот момент ледоколах типа «Wind», «Southwind» (Советское название «Адмирал Макаров»), «Northwind» (Северный Ветер / Капитан Белоусов) и «Westwind» («Северный Полюс»), оснащённых мощными дизель-электрическими установками. «У СССР не было подобных ледоколов: как дореволюционные модели: «Ермак», «Красин», «Фёдор Литке», так и более современные суда проекта «51» работали исключительно на угле»[13]. Общая сумма, предлагаемая советской стороной в уплату ленд-лизовских материалов и технологических инструкций, гражданских судов торгового типа и военно-промышленных ледоколов составляла в итоговом варианте советского заявления 125,5 млн. долларов (материалы невоенного значения оценивались приблизительно в 83 млн. долларов). Кроме того, предметом переговоров являлись 42 судна постройки военного времени – на сумму 26,3 млн. долларов, 49 судов постройки 1920-х годов – на сумму 7 млн. долларов и три ледокола – на сумму 9,2 млн. долларов. Советская делегация предполагала уплатить предоплату в размере 10,6 млн. долларов[14].

Вернувшись в Вашингтон после окончания специальной московской конференции Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая, Новиков известил 25 апреля 1947 года и.о. госсекретаря Соединённых Штатов Дина Ачесона о своей готовности приступить к переговорам по ленд-лизу[15]. Тридцатого апреля состоялось первое заседание особой межправительственной группы по вопросу ленд-лиза.

---

11 Справка о выплате 1 июля 1947 г. процентов по Соглашению от 15 октября 1945 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 20с. Д. 469. Л. 1.

12 The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State. Moscow. 1947. April 5 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 674. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v07/d483 (дата обращения:27.04.2025).

13 *Горбачёв В.А.* Ледоколы ленд-лиза // Полярные чтения на ледоколе «Красин» - Москва, 2015. С. 174.

14 Директивы по вопросу об урегулировании расчётов по ленд-лизу, утверждённые ЦК ВКП (б) от 14 апреля 1947 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 166. Д. 788. Л. 68-69.

15 The Ambassador of the Soviet Union (Novikov) to the Acting Secretary of State. Washington. 1947. April 25 // FRUS. 1947.Vol. IV. P. 677-678. // URL: https://history.state.gov/ (Дата обращения: 02.05.2025).

Со стороны Советского Союза в эту группу входили Новиков и его специально назначенный заместитель по вопросам достижения соглашения по ленд-лизу А.А. Арутюнян, с американской стороны принимали участие 13 чиновников среднего ранга, представляющих собой конгрессменов из различных ведомств, во главе с заместителем госсекретаря по экономическим вопросам Уильям Д. Торпом.

Таким образом, с 3 мая по 18 июля прошло десять заседаний рабочих групп, сформированных обеими сторонами для обсуждения отдельных вопросов. Предполагалось, что успешно решенные вопросы затем будут сведены в общее соглашение, однако к 18 июня достичь определённого соглашения не удалось[16].

В мае-июне 1947 года советская и американская дипломатические группы обменялись инвентарными списками переданных Советскому Союзу по программе ленд-лиза и остававшихся на момент 2 сентября 1945 года фактически не повреждённых судов и разных типов оружия, которые Правительство США хотело бы получить обратно или передать Москве за определённую плату. Однако итоговые оценки стоимости этой продукции существенно разнились. По мнению американских представителей, стоимость всего этого имущества должна составлять 2,6 млрд. долларов. СССР предоставил специальную техническую документацию и списки всей продукции на сумму 261 тысяча долларов[17].

Американская сторона также настаивала на возмещении им стоимости всех судов, предназначенных для транспортировки военных грузов в СССР. А также оставшейся части страховки этих судов (из которых 7 млн. долларов уже было выплачено Советским правительством в ноябре 1943 года)[18]. В представленных документах видно, что стороны не смогли договориться ни по одному из заявленных пунктов, включая список стратегических военных судов, оставленных Советским Союзом на своих военных базах. Поскольку, американский список из 75 судов двойного назначения был заведомо длиннее советского варианта. Кроме того, важным пунктом несогласия был тот факт, что Вашингтон упорно добивался пересмотра двухстороннего Соглашения о взаимопомощи, регулирующего основные принципы послевоенного сотрудничества и либерализации цен международной торговли. Поэтому стороны не пришли к общему соглашению. Американская делегация настаивала на пересмотре статьи VII данного соглашения, в то же самое время советские диплоты утверждали, что

16 The Ambassador of the Soviet Union (Novikov) to the Acting Secretary of State. Washington. 1947. April 25 // FRUS. 1947.Vol. IV. P. 703-704. // URL: https://history.state.gov/historical-documents (Дата обращения: 02.05.2025)

17 Ibid. P. 706.

18 Ibid. P. 701.

вопросы, связанные с положениями устава о международной торговле, не имели прямого отношения к ленд-лизовским соглашениям[19].

Впоследствии, требования советской стороны были приняты к рассмотрению Белым домом, скорректированы и переданы Н.В. Новикову 25 июня 1947 года. За невозможностью достичь быстрого консенсуса, включая отказ Советского Союза от политико-экономической стратегии плана Маршалла, умело с режиссированного Вашингтоном, соглашение не было достигнуто. Требование Вашингтона возобновлять поставки по кредитному Соглашению от 15 октября 1945 года было оставлено советскими дипломатами без внимания. И в июле 1947 года переговоры по урегулированию платежей по ленд-лизу между СССР и США были прерваны[20].

Официальный ответ на переданные 25 июня американские предложения был утверждён на соответствующем заседании ЦК ВКП (б) только 18 ноября. После длинной преамбулы, призванной напомнить американским сенаторам о том, что война с нацистской Германией была выиграна в основном силами Красной Армии, советское правительство выражало полную готовность пойти навстречу предложениям американской стороны и выплатить совместно оговоренную сумму по ленд-лизовскому вопросу. К 11 июня 1947 года советская переговорная группа подготовила специальное предложение, подразумевавшее выплату всей согласованной суммы за военные суда. Кроме того, Москва соглашалась на предоставление США части стратегических золотых запасов Российской империи для оплаты долларовой задолжности Советского Союза «…по программе ленд-лиза»[21]. Американская сторона получила этот ответ лишь 16 декабря 1947 года в виде ноты, направленной посольством СССР в Вашингтоне в Госдепартамент[22].

Вторая межправительственная встреча по урегулированию платежей по программе ленд-лиза состоялась 19 января 1948 года. В ней принимал участие новый глава советской делегации по совместительству посол Советского Союза в США А.С. Панюшкин. В процессе данной встречи и обмена мнениями в очередной раз проявился огромный комплекс противоречий в дипломатических подходах двух групп переговорщиков. Дипломатическая группа Панюшкина настаивала на том, что Соглашения о взаимопомощи

19 Директивы по вопросу об урегулировании расчётов по ленд-лизу, утверждённые ЦК ВКП(б) 14 апреля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 788. Л. 68.

20 Outline of Main Point of Settlement Proposed by the United States Sides. Washington, 1947. June 25 // FRUS. 1947, Vol. IV. 696-702. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (Дата обращения: 09.05.2025)

21 Постановление ЦК ВКП(б) о предоставлении прилагаемого проекта ответа правительству США по вопросу о ленд-лизе. 18 ноября 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 791. Л. 76-79.

22 The Embassy of the Soviet Union to the Department of State. Washington, 1947. December, 16 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 715-717 // URL: https://history.state.gov/search (Дата обращения: 10.05.2025)

подразумевало в своей фундаментальной основе, не только защиту Советского Союза от агрессии нацисткой Германии, но в конечном итоге и защиту государственности самих Соединённых Штатов, а следовательно, все поставки в рамках программы ленд-лиза в своём конечном варианте были направлены и на благо США. Таким образом, по мнению советской дипломатической группы во главе с послом Советского Союза Александром Семёновичем Панюшкиным говорить о компенсациях за поставки или о возвращении военных судов, а также судов двойного назначения было в принципе некорректно. Глава американской дипломатической группы Уильям С. Торп со своей стороны ответил, что статью V Соглашения о взаимной военно-экономической помощи от 11 июня 1942 года стоит трактовать совершенно прозрачно и однозначно – все суда, которые не были потоплены или подбиты, подлежат выкупу за оговоренную ранее совместно сумму. Второй вариант развития событий – немедленный возврат всех кораблей на военные базы Америки. Однако итоговые суммы, предоставленные обеими сторонами (США - 265, 5 млрд. долларов; СССР – 53, 1 млн. долларов), были не сопоставимы. Так как Соединённые Штаты не согласились пересмотреть конечную сумму выплаты в сторону уменьшения, встреча была завершена без каких-либо видимых результатов.

Третья межправительственная встреча советско-американских делегаций состоялась 29 января 1948 года. С самого начала первого раунда переговоров выяснилось ещё одно фундаментальное противоречие. Советские дипломаты выразили уверенность, что все вопросы, так или иначе связанные с поставками по ленд-лизу, должны решаться в комплексном плане. В свою очередь американская сторона настаивала на том, что решение по возвращению всего военного имущества, подпадавшего под статью V советско-американского Соглашения о взаимопомощи, должно быть принято в скором времени на отдельной консультативной встрече и на приоритетном основании. Соответственно только после этого можно будет вести переговоры по отдельным позициям[23]. При этом глава советской дипломатической группы Александр Семёнович Панюшкин делал упор на том обстоятельстве, что советские дипломаты трактуют формулировку статьи номер V «исключительно в духе ленд-лиза» и призывал придерживаться того же американских представителей во главе с У. Торпом[24].

Разночтения и жаркие споры вызвала и интерпретация понятия «употреблённого» оборудования и техники. Под это понятие вряд ли подпадает ряд военных автомобилей, поступивших в распоряжение Советского Со-

23 United States Side Munities of Third Combined Meeting on Lend-Lease Settlement Negotiations. Washington, 1948. January, 19 // FRUS. P. 960-967. // URL: https://history.state.gov/search (Дата обращения: 11.05.2025)

24 Ibid. P. 961.

юза за две недели до окончания ВМВ, но не принимавших участия в боевых действиях, вряд ли можно считать «употреблёнными в военных целях»[25]. Советская сторона же настаивала на том, что считает, что не использованной является только продукция, полученная после 2 сентября или остававшаяся на тот момент в портах Советского Союза.

В конечном итоге дипломатическая встреча была завершена без видимого результата. Однако в дальнейшем в советской дипломатической ноте от 31 января 1948 года говорилось, что «…правительство СССР готово в кратчайшие сроки передать американской стороне 8 торговых судов, на возвращении которых США особенно жёстко настаивали с июня 1947 года»[26]. Произведя дозаправку и погрузку в портах Южной Кореи, Китайской республики или Великобритании, они будут отправлены в США.

Двадцать четвёртого февраля в очередной ноте на имя заместителя госсекретаря по экономическим вопросам У. Торпа советский посол сообщил о согласии Советского правительства выкупить оставшиеся в портах Советского Союза 36 американских ленд-лизовских торговых судов по ценам ранее оговорёнными с послом США[27]. На следующий день по инициативе советской стороны состоялась четвёртая межправительственная встреча по вопросам урегулирования платежей по ленд-лизу. Советский посол А.С. Панюшкин повторил тезис о готовности советской стороны выкупить все 36 торгово-транспортных судов американского производства, остававшиеся в портах Советского Союза, со своей стороны У. Торп предложил составить подробный перечень всех судов, после чего данная продукция получила бы новую стратегически-финансовую оценку с американской стороны. Советские дипломаты ответили, что этот перечень в ближайшее время будет готов и передан в Вашингтон с необходимыми комментариями. В дальнейшем все юридические вопросы, касающиеся всех судов, можно будет уладить в ходе следующей встречи[28].

В последующей после этой встречи специальной ноте от 27 февраля 1948 года советский посол А.С. Панюшкин напомнил американской стороне о необходимости комплексной проработки вопроса урегулирования проблемы по ленд-лизу. Госсекретарь Дин Ачесон прислал оптимистичную телеграмму в ответ «…мы готовы проработать с Вами технические моменты нашей следующей встречи для сближения переговорных позиций. Государ-

25 Ibid. P. 964.

26 The Ambassador of the Soviet Union (Panyushkin) to the Assistant Secretary for Economic Affairs. Washington, 1948. January 31 // FRUS. P. 967 // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d645 (Дата обращения: 17.05.2025)

27 Ibid. P.970

28 United States Side Munites of Fourth Combined Meeting on Lend Lease Settlement Negotiations. Washington. 1948. February 25 // Ibid. P. 971–975.

ственный секретарь Соединённых Штатов Америки выражает свои глубокие дружеские пожелания и уважение Его Превосходительству послу Союза Советских Социалистических Республик»[29]. Однако пятый раунд переговоров от 12 марта 1948 года не выявил активных точек сближения между сторонами.

Таким образом, следует подчеркнуть, что после двух лет активной работы дипломатических групп различной степени интенсивности, США и СССР, выдвигая друг другу заведомо невыполнимые условия, так и не выработали соглашение урегулирования выплат по ленд-лизу, приемлемого для обеих сторон переговорного процесса. Политико-экономические и стратегические разногласия, выявленные переговорными группами ещё в самом начале работы первой межправительственной встречи, к завершению представленного нами периода так и не были приведены к какому-либо «общему знаменателю». В свою очередь к определённому консенсусу стороны смогли прийти лишь через три десятилетия в период реализации политики «разрядки».

Библиографический список:

1. Бутенина Н.В., Ленд-Лиз: Сделка века / Издательский дом ГУ ВШЭ – Москва, 2004. 314 с.
2. Горбачёв В.А. Библиотека «Совкомфлота» Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2015. Арктика в годы Великой Отечественной войны. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 29-30 апреля 2015 г.). – Москва: «Паулсен», 2016. 312 с.
3. Special Message to the Congress Presenting a 21-Point Program for the Reconversion Period. 1945. September 5 // The Truman Library // URL: https://catalog.archives.gov/id/307014274?objectPage=2 (Дата обращения: 30.03.2025)
4. Соглашение между СССР и США о распоряжении ленд-лизовскими поставками, имеющимися в наличии или находящиеся в процессе приобретения в США от 15 октября 1945 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12. Д. 9870. Л. 56 – 59.
5. The Secretary of State to the Charge of the Soviet Union (Orekhov) // Foreign Relations of the United States. 1946 Vol. VI. Washington (D.C.), 1969. P. 828-829.
6. Нота заместителя госсекретаря по экономическим вопросам Клейтона послу СССР в США. Вашингтон 14 сентября 1946 год // РГАЭ Ф. 413. Оп. 20с. Д. 446. Л. 102
7. Директивы советской делегации по вопросу урегулирования выплат по ленд-лизу // Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 84 Оп. 1. Д. 28. Л. 73-74.
8. Memorandum by Mr. George E. Truesdell of the Division of Lend-Lease and Surplus War Property Affairs Washington, 1947. March 25 // FRUS. 1947. Vol. IV. Washington (D.C.), 1972 P. 667-669. // URL: https://history.state.gov/historical documents/frus1947v04/d458 (Дата обращения: 26.04.2025)
9. Memorandum by the Under Secretary of State for Economic Affairs. Washington. February, 26. 1947. P. 658-664. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (Дата обращения: 26.04.2025)
10. The Lend-Lease Administrator (Lane) to the Chairman of the Government Purchasing Commission of the Soviet Union in the United States (Eremin). Washington, January 30. 1947. P. 655.
11. Справка о выплате 1 июля 1947 г. процентов по Соглашению от 15 октября 1945 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 20 с. Д. 469. Л. 1.
12. The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State. Moscow. 1947. April 5. 1947. Vol. IV. P. 674. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v07/d483 (Дата обращения: 27.04.2025).
13. The Ambassador of the Soviet Union (Novikov) to the Acting Secretary of State. Washington. 1947. April 25 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 703-704. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments (Дата обращения: 02.05.2025)
14. Outline of Main Point of Settlement Proposed by the United States Sides. Washington, 1947. June 25. 1947. Vol. IV. C. 696-702. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (Дата обращения: 09.05.2025)
15. Директивы по вопросу об урегулировании расчётов по ленд-лизу, утверждённые ЦК ВКП(б) 14 апреля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 788. Л. 68.

29 The Secretary of State to the Ambassador of the Soviet Union. Washington. 1948. February 27 // FRUS. P. 975–976. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d376 (Дата обращения: 07.06.2025)

16. Постановление ЦК ВКП(б) о предоставлении прилагаемого проекта ответа правительству США по вопросу о ленд-лизе. 18 ноября 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 791. Л. 76-79.
17. The Embassy of the Soviet Union to the Department of State. Washington, 1947. December, 16 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 715-717. // URL: https://history.state.gov/search (Дата обращения: 10.05.2025)
18. United States Side Munities of Third Combined Meeting on Lend-Lease Settlement Negotiations. Washington, 1948. January, 19 // FRUS. P. 960-967. URL: https://history.state.gov/search (Дата обращения: 11.05.2025)
19. The Ambassador of the Soviet Union (Panyushkin) to the Assistant Secretary for Economic Affairs. Washington, 1948. January 31 // FRUS. P. 967 // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d645 (Дата обращения: 17.05.2025)
20. United States Side Munites of Fourth Combined Meeting on Lend Lease Settlement Negotiations. Washington. February 25. 1948. P. 971-975.
21. The Secretary of State to the Ambassador of the Soviet Union. Washington. 1948. February 27 // FRUS. P. 975-976. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d376 (Дата обращения: 07.06.2025)

Reference

1. Butenina, N.V., Lend-Lease: The Deal of the Century / HSE Publishing House, Moscow, 2004. 314 p.
2. Gorbachev, V.A., Sovcomflot Library, Polar Readings on the Icebreaker Krasin, 2015. The Arctic During the Great Patriotic War. Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 29-30, 2015). – Moscow: Paulsen, 2016. 312 p.
3. Special Message to the Congress: Presenting a 21-Point Program for the Reconversion Period. 1945. September 5 // The Truman Library // URL: https://catalog.archives.gov/id/307014274?objectPage=2 (March 30, 2025)
4. Agreement between the USSR and the USA on the Disposition of Lend-Lease Supplies Available or in the Process of Acquisition in the USA, dated October 15, 1945 // Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 413. Op. 12. D. 9870. L. 56–59.
5. The Secretary of State to the Charge of the Soviet Union (Orekhov) // Foreign Relations of the United States. 1946 Vol. VI. Washington (D.C.), 1969. P. 828-829.
6. Note from Under Secretary of State for Economic Affairs Clayton to the USSR Ambassador to the USA. Washington, September 14, 1946 // RGAE F. 413. Op. 20 p. D. 446. L. 102
7. Directives of the Soviet delegation on the issue of settling Lend-Lease payments // Russian State Archive of Socio-Political History F. 84 Op. 1. D. 28. L. 73-74.
8. Memorandum by Mr. George E. Truesdell of the Division of Lend-Lease and Surplus War Property Affairs Washington, 1947. March 25 // FRUS. 1947. Vol. IV. Washington (D.C.), 1972 P. 667-669. // URL: https://history.state.gov/historical documents/frus1947v04/d458 (26.04.2025)
9. Memorandum by the Under Secretary of State for Economic Affairs. Washington. February, 26. 1947. P. 658-664. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (26.04.2025)
10. The Lend-Lease Administrator (Lane) to the Chairman of the Government Purchasing Commission of the Soviet Union in the United States (Eremin). Washington, January 30. 1947. P. 655.
11. Справка о выплате 1 июля 1947 г. процентов по Соглашению от 15 октября 1945 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 20с. Д. 469. Л. 1.
12. The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State. Moscow. 1947. April 5. 1947. Vol. IV. P. 674. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v07/d483 (27.04.2025).
13. The Ambassador of the Soviet Union (Novikov) to the Acting Secretary of State. Washington. 1947. April 25 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 703-704. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments (02.05.2025)
14. Outline of Main Point of Settlement Proposed by the United States Sides. Washington, 1947. June 25. 1947. Vol. IV. P. 696-702. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v04/d454 (09.05.2025)
15. Directives on the Settlement of Lend-Lease Accounts, Approved by the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on April 14, 1947 // RGASPI. Fund 17. Op. 166. D. 788. L. 68.
16. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Submission of the Attached Draft Response to the US Government on the Lend-Lease Issue. November 18, 1947 // RGASPI. Fund 17. Op. 166. D. 791. L. 76-79.
17. The Embassy of the Soviet Union to the Department of State. Washington, 1947. December, 16 // FRUS. 1947. Vol. IV. P. 715-717. // URL: https://history.state.gov/search (10.05.2025)
18. United States Side Munities of Third Combined Meeting on Lend-Lease Settlement Negotiations. Washington, 1948. January, 19 // FRUS. P. 960-967. URL: https://history.state.gov/search (11.05.2025)
19. The Ambassador of the Soviet Union (Panyushkin) to the Assistant Secretary for Economic Affairs. Washington, 1948. January 31 // FRUS. P. 967 // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d645 (17.05.2025)
20. United States Side Munites of Fourth Combined Meeting on Lend Lease Settlement Negotiations. Washington. February 25. 1948. P. 971-975.
21. The Secretary of State to the Ambassador of the Soviet Union. Washington. 1948. February 27 // FRUS. P. 975-976. // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d376 (07.06.2025)

Солиходжаева С.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии. Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, г. Худжанд.

Деятельность британской агентурной сети в средней Азии в 1918-1919 гг.*

Аннотация. Рассказывается о продолжении англо-русской военно-дипломатической конфронтации, начавшейся ещё в XIX веке, то есть со времен «Большой игры», и продолжавшейся при установлении советской власти. Согласно данному факту, что геополитика Центральной Азии всегда была под пристальным вниманием сначала российской, а затем и советской власти. С принятием советской декларации, касавшейся «прав народов России», окраины бывшей Российской империи стремились создать собственную государственную форму, что привлекло внимание мировых держав, давно мечтавших установить здесь свое господство, и главным образом Великобритании. Отмечено, что, учитывая военно-политическую конъюнктуру Туркестанского края, англичане усилили деятельность своих агентов. Британия, усиливая разведывательную деятельность в Туркестане, преследовала две цели: во-первых, ограничить военное движение советской власти к англо-индийской границе; во-вторых, установить господство в Туркестане и тем самым реализовать свою давнюю мечту. С этой целью британская разведка несколько раз снаряжала военные экспедиции, обеспечивала оружием группы, не признававшие новую власть, и направляла агентов на территорию Туркестана с целью организации диверсий и ведения подрывной деятельности.

Ключевые слова: Британия, Россия, Туркестан, дипломатия, военные миссии, агентурная сеть, подрывная деятельность.

Solikhojaeva S.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand.

The activities of the British agent network in central Asia in 1918-1919

Abstract. This article explores the continuation of the Anglo-Russian military and diplomatic confrontation, which began in the 19th century, during the "Great Game," and continued through the establishment of Soviet power. This article highlights the geopoli-

* © Солиходжаева С.А., 2026.

tics of Central Asia, which was always closely monitored, first by the Russian and then the Soviet authorities. With the adoption of the Soviet declaration concerning the "rights of the peoples of Russia," the outskirts of the former Russian Empire sought to establish their own form of government, attracting the attention of world powers that had long dreamed of establishing their dominance there, primarily Great Britain. It is noted that, given the military and political situation in the Turkestan region, the British intensified the activities of their agents. Britain, by intensifying its intelligence activities in Turkestan, pursued two goals: first, to limit Soviet military advances toward the Anglo-Indian border; second, to establish dominance in Turkestan and thereby realize its long-held dream. To this end, British intelligence repeatedly equipped military expeditions, supplied weapons to groups that did not recognize the new government, and sent agents into Turkestan to organize sabotage and conduct subversive activities.

Key words: Britain, Russia, Turkestan, diplomacy, military missions, spy network, subversive activities.

ВВЕДЕНИЕ

На период 1918-1919 гг. пришелся конец Первой мировой войны, более того, именно тогда были завершены переговоры по формированию нового мироустройства. Однако появление в России новой формы власти – Советов, которая затем была установлена по всем бывшим имперским окраинам, снова усилила конфронтацию в англо-русских отношениях.

Краткое описание. Англо-русское противостояние и происки в Средней Азии берут начало в XIX веке и продолжаются после Первой мировой войны. Активизация деятельности агентурной сети, главным образом английской, ощутимо проявилась в период между 1918 и 1920 годами, поскольку традиционное беспокойство британцев по поводу безопасности Индии значительно усилилось во время Первой мировой войны. Опасность немецких и турецких интриг в Афганистане и Персии, а также недовольство коренного населения Индии привели к британскому и российскому военному вмешательству в Персии в попытке оградить Центральную Азию и Индию от главных держав. Эмиссары Германии и Турции были выслежены и задержаны, казачья бригада персидской армии расширилась, и в 1916 году британское командование создало Южноперсидский стрелковый полк. Однако не успели страны Антанты восстановить свои позиции, как в России в 1917 году произошли две революции. Захват власти большевиками в ноябре 1917 года усугубил трудности. Развал русской армии, распад гражданской власти и утрата Россией влияния в Персии вновь пробудили опасения британцев. Именно в этих обстоятельствах увидели свет специальные миссии в Центральную Азию.

Цель исследования заключается в том, чтобы через призму очарования и таинственности рассмотреть роль, присущую специальному агенту, вы-

полняющему секретное задание, что неизменно является притягательным. Спустя много лет после завершения их работы агенты по-прежнему являются объектом всеобщего любопытства. Однако это может затушевывать некоторые фундаментальные проблемы, которые, хотя и являются менее захватывающими или более обыденными, имеют большее значение.

Методы исследования. При написании статьи были использованы биографический и идеографический методы, поскольку они фокусируют внимание исследователя на роли конкретных личностей в истории и помогают глубокому пониманию уникальных событий и эпохи в целом.

Анализ и описание научной литературы. К написанию настоящей статьи был привлечен огромный багаж исторических материалов: официальные документы, переписка, донесения, выдержки из биографий отдельных личностей и т.д. Однако, во избежание перегруженности статьи степенью изученности темы, мы решили дать общую характеристику источников и литературы. Также хотели бы отметить, что при написании статьи мы главным образом ссылались на зарубежную литературу.

Исходя из важности источников, мы классифицировали их на несколько групп и в первую группу ввели следующих авторов: Bailey Lt. Col. F.M. Mission to Tashkent; Его же: In Russian Turkestan under the Bolsheviks; Knollys Lt. Col. D.E. Militaty operations in Transcaspia; Macartney G. Bolshevism as I saw it at Tashkent in 1918; Dunsterville L.C. Military mission to North-west Persia; Kaye J.W. History of the War in Afghanistan; Malleson W. The twenty-six commissars; Nazarov P.S. Hunted through Central Asia. Эта литература важна для нас тем, что указанные книги написаны участниками изучаемых событий, более того, личностями, которые выполняли агентурную миссию. Ко второй группе отнесена литература библиографического характера: например Biography in Who was Who; Biography of Etherton in Who was Who. К третьей группе отнесены источники, созданные работниками официальных представительств: Public Record Office; War Office to India Office; War Office to General Dunsterville, так как эти представительства ежедневно сообщали своим правительствам о происходящих событиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Правительства, отправляющие специальные миссии, рискуют тем, что давление событий на людей, которым обязательно предоставляется свобода действий, может вынудить их выйти за рамки, изначально установленных для них. Такое развитие событий может также зависеть от характера и отношения к миссии самих агентов. Нет никакой гарантии, что намерения правительства совпадают с намерениями его представителей, особенно если учесть, что они находятся в ином положении, чем те, кто работает в обыч-

ных штатных подразделениях государственной службы. Дополнительные трудности могут возникнуть из-за личных особенностей завербованных. Неудивительно, что специальные службы привлекают эксцентриков, маргиналов или, что более распространено, беспокойных индивидуалистов. В личных отношениях такие люди могут быть очень привлекательными, но в официальном мире они часто создают трудности потенциально серьезных масштабов. В крайнем случае агент со специальным заданием может наводить ужас и на друзей, и на врагов.

В последующие годы такие агенты вызвали некоторое замешательство в официальных кругах Великобритании. Вернувшись на родину, они были недовольны тем, что, по их мнению, их работа не была оценена по достоинству. Один из них, полковник Ф.М. Бейли из Политического департамента правительства Индии [3, с. 46], впоследствии написал: «Я всегда чувствовал, что можно было бы приложить больше усилий, чтобы давать мне советы, инструкции (и даже, возможно, поощрять)» [2, с. 291]. Его биограф отметил, что «среди легионов, занимавших кресла в Симле, его друзья были не особенно многочисленны» [18, с. 200]. Более высокопоставленный офицер, генерал-майор У. Маллесон, который командовал миссией, базировавшейся в Мешхеде в Восточной Персии [3, с. 756], счел своим долгом публично выразить недовольство тем, что он так и не получил никакой официальной благодарности, и тем, что правительство не отметило работу его офицеров соответствующими наградами [13, с. 96-110]. Когда один из этих офицеров, капитан Л.В.С. Блэкер [3, с. 100-102], отправил в Министерство иностранных дел корректурный экземпляр написанной им книги «Тайное патрулирование в Средней Азии», она была там плохо принята [17 с. 371].

Тем не менее, если в официальном мире и было чувство недовольства агентурной сетью, то часть вины вполне может быть возложена на тех, кто подбирал персонал для этих миссий. Маллесон был начальником разведывательного отдела штаба индийской армии при лорде Китченере, но потерпел неудачу на посту командира британской бригады в Восточной Африке в 1915 и 1916 годах [7, с. 10]. Предыдущая карьера Бейли в Тибете принесла ему репутацию человека, потакающего своим желаниям, задолго до его подвигов в Ташкенте. У Блэкера была авантюрная военная карьера на Западном фронте, и, как и у Бейли, у него были склонности к исследованиям и науке, но о твердости его суждений, возможно, следует судить по вступительным словам к его лекции перед центральноазиатским обществом в 1921 году, в которой он пытался доказать, что Причины первой мировой войны кроются в борьбе между арийцами и монголоидами за расовое превосходство [4, с. 4-20].

План засылки агентов в Центральную Азию был разработан отделом

военной разведки Военного министерства. Это побудило государственного секретаря по делам Индии 29 октября 1917 г. отправить телеграмму вице-королю, спрашивая, не требуют ли изменившаяся ситуация в России и большой дефицит информации отправки агентов в Туркестан и не следует ли в срочном порядке отправлять отчеты полковника Редля, военного атташе в Мешхеде, в Лондон в ближайшее время [19, с. 10]. Несмотря на это, не произошло реального улучшения информации, поступающей из Индии, о событиях в Центральной Азии. К декабрю 1917 года обстановка в Лондоне стала очень напряженной. Редль сообщал о волнениях среди мусульман, спровоцированных странствующим проповедниками, провозглашавшими единство мусульман. Лорд Ислингтон, исполнявший обязанности государственного секретаря, подчеркнул опасность проникновения в Центральную Азию немецкого влияния в союзе с большевиками [14, с. 10].

Командующий Дж. Осия Веджвуд, член парламента, представил индийскому представительству полностью разработанную схему отправки офицеров индийской армии в Центральную Азию. Он представил выездные комиссии, которые должны были работать под прикрытием: чиновники Индийского ведомства отвергли эту идею как абсурдную. Но опасения правительства продолжали расти: как объяснил Монтегю лорду Челмсфорду 5 января 1918 года, эффективный контроль над коренным населением Туркестана был полностью снят из-за краха центральной власти в России и полного развала дисциплины в русской армии. Посол Его Величества в целом сообщал о сильных антибританских настроениях среди российских мусульман, и ему известно, что враг предпринимает решительные усилия, чтобы пробудить фанатизм местных мусульман и их враждебность к Британии. Благодаря этим усилиям, подкрепленным политикой большевиков, уже достигнуты значительные успехи. Предполагалось, что турецко-германская миссия во главе с Хентигом находилась на пути в Туркестан, если уже не прибыла туда. Движение распространялось в Персии, и это, вероятно, могло значительно укрепить и ободрить демократическую партию, которая и без того была враждебно настроена по отношению к Великобритании. Посол также сообщал, что существовала серьезная опасность того, что Туркестан может полностью подпасть под турецко-германское влияние и стать базой для отправки больших групп вооруженных вражеских агентов или даже организованных групп вооруженных вражеских пленных в Персию и Афганистан [20, с. 10].

В связи с этим правительству Индии было настоятельно рекомендовано принять активные меры. Оно должно было направить больше войск для охраны кордона в Восточной Персии и занять более жесткую позицию в отношении эмира Афганистана Хабибуллы. Оно также

должно было изучить возможности для отправки вооруженных сил в Туркестан.

Вице-король ответил 8 января в весьма сдержанных выражениях [20, с. 10], но, несмотря на это, план отправки миссии в Туркестан стал известен Военному министерству. Министерство рассматривало этот план как пропагандистскую миссию, направленную для сбора информации и формирования англофильских настроений, действуя при этом более или менее неофициально [21, с. 10]. Правительство Индии предложило разделить миссию на две части: одна часть, базировавшаяся в Мешхеде, должна была действовать в странах к западу от реки Оксус, включая Бухару, а другая – охватить территорию к западу от реки Окс. Центр, расположенный в консульстве в Кашгаре, то есть в Китайском Туркестане, должен был отвечать за Фергану и Самарканд. Однако вице-король не проявил энтузиазма. Его правительство сочло это предложение слишком расплывчатым и рисковавшим вызвать неприязнь у афганцев. Эту точку зрения разделяли официальные лица в представительстве Индии в Лондоне. Шакбург охарактеризовал эту схему как «ничейную». Однако по своей политической, а не военной направленности она открывала новые горизонты. Хотя индийское отделение было готово действовать для укрепления барьеров против немцев и турок, оно не было готово взять на себя полную ответственность. Хотя в этих обстоятельствах продолжалось предварительное планирование, однако принятие окончательного решения было отложено. Тем временем Маллесон был назначен в Мешхед, а Бейли, Блэкер и майор П.Т. Этертон из Королевского стрелкового полка Гарвала – в Кашгар [3, с. 354].

Но, несмотря на путаницу в направленности и отсутствие энтузиазма, в Индии план был реализован. Гражданские лица не могли остановить этот процесс. К апрелю 1918 года офицеры разведки были готовы приступить к работе, а Военное министерство даже разрабатывало собственные предложения. Теперь в них содержался не только призыв к немедленной отправке разведывательных миссий, но и к тому, чтобы побудить эмира Бухары объявить себя независимым от России. Командированным было дано указание продолжать работу, хотя на самом деле не было принято никакого решения относительно характера обязанностей, которые они должны были выполнять [24, с. 10]. Шакбург заметил: «Прежде чем давать нашим офицерам инструкции, мы должны совершенно четко определиться с тем, какова на самом деле наша политика и в каких общих направлениях она будет осуществляться. Мы предлагаем продолжить». Когда инструкции были наконец выпущены, в них не было такой ясности. Кашгарская миссия должна была осуществляться по приказу сэра К. Макартни, консула в Кашгаре [3, с. 714].

Целью миссии была борьба с немецкой и турецкой пропагандой, сбор полезной информации, знакомство с местной знатью и поиск групп, благосклонно относящихся к союзникам. Она не должна был вести активную пропаганду и действовать только по приказу правительства Индии, хотя в последнем пункте Макартни была предоставлена некоторая свобода действий. Аналогичные инструкции были направлены Редлю в Мешхед, позднее они были дополнены следующим указанием: запретить миссии в Мешхеде устанавливать связи с населением Туркестана и ограничить ее деятельность сбором информации и ведением пропаганды [5, с. 10]. Эти инструкции подтверждали, что миссии были направлены для выполнения пассивной и информационной роли [2, с. 291].

На практике значительная часть возможностей была предоставлена инициативе самих агентов. Учитывая расстояния и постоянно меняющиеся условия в регионах, раздираемых гражданской войной, это было неизбежно. Этой широте также способствовали терминологические положения инструкций Маллесона, в которых говорилось, что «целью миссии является борьба с немецкой и турецкой пропагандой и попытками организовать людей, железные дороги и ресурсы для оказания помощи враждебным предприятиям, агрессии или активным операциям против нас или наших союзников» в районе, ограниченном железнодорожной линией, проведенной от Каспия к Оксусу, Ташкентской и Оренбургской железным дорогам [6, с. 10]. Сотрудники миссии вскоре начали пользоваться этим, чтобы расширить сферу своей деятельности. Макартни настаивал на продолжении Кашгарского плана. Джентльмена отправили к русским в Ташкент, чтобы он разъяснил британскую политику в Персии и Афганистане [11, с. 46]. Редли предложил активно сотрудничать с местными армянами в Закаспийском регионе для разрушения Закаспийской железной дороги.

В конце июня 1918 года осторожное правительство Индии взяло на себя ответственность за всю политику в Туркестане, за исключением действий Военного министерства. Именно оно принимало решения о дальнейшем расширении роли миссий. Постепенно вице-король и его советники были вынуждены без особого энтузиазма согласиться с мерами, на которых настаивали представители военных. Макартни сообщили, что может посылать офицеров в Туркестан по своему усмотрению, но «они не должны привязывать нас к какой-либо конкретной политической линии или к какой-либо конкретной партии или фракциям». Поскольку отставка Макартни была неизбежна, он решил вернуться в Великобританию через Ташкент и Россию. Аналогичные события можно было наблюдать в Мешхеде. Позднее Маллесон утверждал, что получил то, что он считал греческим подарком, а именно свободу действий [12, с. 340].

Несомненно, под его руководством миссия в Мешхеде начала активно

расширять сферу своей деятельности. Хотя Военное министерство и утратило свою власть, оно все еще могло влиять на события, пусть и косвенно [8, с. 79-98]. В июле 1918 года Данстервилль, чьи войска в Северо-Западной Персии в то время находились в стадии расширения, получил приказ Военного министерства направить двух или трех офицеров в Красноводск, находившийся на восточном берегу Каспийского моря, в сфере контроля правительства Индии [25, с. 10].

Маллесон лично доложил начальнику Генерального штаба в Симле, что большевики обратились в бегство после народного восстания против них. Он вступил в контакт с меньшевистским Туркестанским союзом в Закаспийской области и субсидировал его в обмен на согласие отказать туркам и немцам в транзитных перевозках и на обязательство собирать освобожденных вражеских военнопленных. Он также сообщил, что туркмены подвергались усиленной панисламистской пропаганде. К августу 1918 г. он пошел еще дальше и заключил соглашение с новым закаспийским правительством. «Ввиду общей опасности большевизма и турецко-германского вторжения в Закаспий и Туркестан», британский командующий согласился защищать Баку и Красноводск и от немцев, и от большевиков, а также предоставлять субсидии. Новое правительство обязалось сделать Транскаспийскую железную дорогу бесполезной, если в этом возникнет необходимость, и принять энергичные меры для установления своей власти. Это новое обязательство стало первым, в котором большевики были конкретно объявлены врагами, что превратило миссию из пассивной и антинемецкой в активную и антибольшевистскую. Одновременно индийские войска были переброшены с восточноперсидского кордона в Закаспийскую область. Сначала на границу были отправлены одна пехотная рота и подразделение пулеметчиков с вооружением фирмы «Виккерс» [22, с. 324-325]. Когда войска нового закаспийского правительства бежали из-за нападения большевиков, 24 августа все имевшиеся в наличии британские и индийские войска были переброшены через границу в российский Закаспий, чтобы принять участие в предстоящем сражении с большевистскими силами при Кааке [9, с. 88-110].

К этому времени Маллесон разработал практически независимую политику. 1 октября 1918 года он телеграфировал в Индию о принятии политического решения. Ожидая, что новое правительство, с которым он заключил соглашение, будет недолговечным, он подчеркнул опасность панисламской пропаганды, влияющей на туркменские племена. Маллесон настаивал на том, чтобы британские войска были направлены вглубь Закаспия, чтобы положить конец царящей там анархии. 16 октября он усилил свои доводы. Приближающееся окончание Первой мировой войны не имело никакого отношения к положению в Центральной Азии, где опасно-

стями были анархия, панисламизм и нападения большевиков на тех, кого британцы обещали защищать. Маллесон нуждался в подкреплении и действовал в соответствии с собственными принципами, характерные черты которых постепенно проявлялись по мере того, как он начинал борьбу с его предполагаемыми союзниками. Это произошло, когда остатки казачьего войска русского белого генерала Л. Бичерахова нашли убежище в Красноводске. Маллесон хотел запретить им высаживаться на берег, чтобы сохранить порт в руках британцев [17, с. 32].

Подозревая о его мотивах, закаспийское правительство сделало ему косвенное предупреждение о нежелательности его деятельности. Этот неясный конфликт побудил Маллесона направить в Симлу телеграфом более полный отчет о своих мотивах. По его словам, это давало возможность установить британское влияние на весь регион, и особенно на мусульман Центральной Азии. Он был в прямом конфликте с Бичераховым и другими офицерами, которые хотели сохранить контроль России над регионом с преимущественно мусульманским населением. Он утверждал, что российские войска были трусливыми и вероломными [12, с. 9-98].

Трудно не прийти к выводу, что Маллесон выступал за создание некоего отдельного мусульманского политического образования в Центральной Азии, находившегося под британским влиянием и пользовавшегося британской помощью. Последующее предоставление Маллесоном оружия бухарскому эмиру указывает на то же самое. Просьбы о подкреплениях, бесцеремонное обращение в Персии с русскими и с местными персидскими чиновниками, настойчивое продвижение к Мерву под предлогом необходимости обеспечить себя жильем на зиму – все это наводило на мысль о цели, сильно отличающейся от той, которую первоначально преследовал Маллесон. Когда правительство Индии неохотно приняло его доводы в пользу размещения войск в Мерве, Маллесон немедленно начал настаивать на дальнейшем наступлении. Он утверждал, что река Окс была настоящей линией обороны. Остановка в Мерве плохо сказалась бы на моральном состоянии русских. Тремя неделями позже он сообщил все подробности операций, совместно запланированных с закаспийским правительством и направленных на установление границы по Оксу [12, с. 9-98].

31 декабря он развил аргументацию. Туркмены были большими англофилами, и продвижение к Оксу обеспечило бы новому правительству порядок и стабильность. Этот район был экономически жизнеспособным, но требовалось подкрепление. Малесон был категорически против любого предложения о выходе. Его энтузиазм по отношению к туркменам и собственные предположения об их желаниях продолжались и после возвращения агента в Британию, о чем свидетельствует его заявление о том, что британский протекторат был тем, что все они считали своим вероятным

величайшим счастьем. Эти взгляды разделял Блэкер, который был направлен в Мешхед после возвращения из Ташкента. Описание деятельности другого британского агента, выполнявшего специальную миссию примерно восьмьюдесятью годами ранее, вполне применимо к Маллесону: «И все еще раздавались крики о том, что ему нужно все больше и больше штыков, чтобы он мог сыграть в «красивую игру» по разрушению и созданию королевств и княжеств» [8, с. 79-98].

Осенью 1918 года правительство Индии отреагировало на деятельность Маллесона с большой твердостью. Никогда не испытывавшее энтузиазма по поводу политики направления миссий, в октябре оно пришло к выводу, что первоначальная причина для них исчезла. Политика Индии как подчиненного правительства была ориентирована на британское правительство в Лондоне и контролировалась им. В октябре 1918 года цели и политика последнего были неясны. Выступая против любых дальнейших финансовых вливаний в антибольшевистские силы и отказываясь даже рассматривать какие-либо другие формы помощи, вице-король и его советники жаловались: «Мы ничего не знаем об общей политике, которую правительство Его Величества намерено проводить в отношении антибольшевистского движения в России, и запрашиваются срочные инструкции» [23, с. 10]. В отсутствие каких-либо заявлений о британской политике вице-король мог сделать только одно: предупредить Маллесона, чтобы он придерживался имеющихся указаний и не связывал Британию обязательствами [19, с. 10].

2-3 октября 1918 года был направлен еще один запрос о разъяснении пределов, которые должны быть установлены для оказания помощи закаспийскому правительству. Однако правительство в Лондоне по-прежнему выступало за активную политику, и Монтегю ответил: «Военный кабинет в настоящее время рассматривает общие вопросы об отношении к большевизму, и до их решения нельзя выработать никакой определенной линии политики. В то же время, в принципе, нет возражений против поддержки антибольшевистских движений, но следует проявлять большую осторожность и оценивать каждый случай по существу. По мнению Военного министерства, финансовая помощь антибольшевикам бесполезна, если не будет оказана материальная помощь и не будет обеспечено руководство со стороны британского персонала» [19, с. 10].

Столкнувшись с этим, индийское правительство попыталось сдержать Маллесона, одновременно пытаясь склонить британское правительство к менее авантюрной политике. 6 ноября Челмсфорд настаивал на том, чтобы войска Маллесона были отведены на запад, а 10 декабря он предложил полностью вывести их из Закаспия и произвести закаспийскому правительству окончательную выплату в размере 100 000 фунтов стерлингов. Тем време-

нем предполагаемое перемещение Маллесона к Оксу было категорически запрещено. Этот вопрос мог быть разрешен только политическим вердиктом британского правительства.

Монтегю телеграфировал об этом решении 10 февраля 1919 года. Он сообщил вице-королю, что после надлежащего рассмотрения военный кабинет принял решение вывести войска из Центральной Азии обдуманно и осторожно, чтобы не потерять престижа. О добровольном согласии вице-короля свидетельствовала скорость, с которой новость была отправлена Маллесону; это было передано по телеграфу 11 февраля. 8 апреля рассерженный Маллесон смог сообщить своему начальству, что его последние офицеры связи выведены из состава закаспийского правительства и что активное британское участие в нём прекращено. Он продолжал собирать информацию и вести антибольшевистскую пропаганду из Мешхеда в соответствии с инструкциями, данными ему первоначально.

Несколько иные проблемы возникли в связи с миссией, направленной в Кашгар. Как только Макартни получил разрешение на въезд в Туркестан, путь для визита в Ташкент был открыт. Ташкент, столица бывшей провинции Туркестан, был резиденцией местного большевистского правительства. Отрезанные от Москвы белыми войсками, а также в связи с распространением внутренних беспорядков, а затем – и гражданской войны, железнодорожные и другие наземные коммуникации перестали существовать. Слабая и ненадежная связь связь между Ташкентом и новой советской столицей поддерживалась по радио [16, с. 9-34].

Именно в это море неопределенности и погрузилась миссия. Оставив Этертона в Кашгаре, где он должен был исполнять обязанности консула вместо Макартни, Бейли и Блэкер 24 июля отправились в путь. Они прибыли в Ташкент в конце августа, как раз вовремя, чтобы услышать о битве при Кааке, где британские войска дали отпор силам большевиков. Отсутствие сплоченности и единообразия в британской политике было наглядно продемонстрировано, когда Дамагацкий, большевистский комиссар по иностранным делам в ташкентском правительстве, сообщил Бейли и Блэкеру первые новости о развитии этих событий. Еще более смущающими были заданные вопросы: «Прием, который они получили, был определенно прохладным, если не сказать враждебным. Были заданы вопросы: «Кем была направлена миссия? Какие документы у нее были, кроме паспорта, выданного британским консулом в Кашгаре?» [10, с. 47].

На встречах с Дамагацким и Колесовым, председателем совета комиссаров в Ташкенте и фактическим диктатором, Макартни, прибывший десятью днями позже, назвал четыре основные причины. Во-первых, существовала опасность немецкого и турецкого вмешательства в дела Туркестана; во-вторых, встал вопрос о побеге бывших военнопленных

в Персию и Афганистан. В-третьих, была выражена обеспокоенность по поводу будущего использования запасов хлопка-сырца в Туркестане. В-четвертых, был затронут более общий вопрос о соблюдении интересов британских подданных в Туркестане. Макартни объяснил, что сам он не является членом миссии и приехал только для того, чтобы представить ее, прежде чем продолжить свой путь домой. Миссия, как он объяснил, не была ни официальной, ни аккредитованной и не имела официальных документов, но ее подлинность можно было проверить по радиосвязи с Индией. Это была искусная дипломатическая работа. Но почему миссия отправилась в Ташкент? Позже было заявлено, что миссия в Ташкент обсуждалась в течение нескольких месяцев и что «Бейли был направлен в Кашгар с явным намерением» осуществить ее. Представляется очевидным, что это было не так. И Блэкер, и Макартни утверждали, что эта идея пришла им в голову во время пребывания в Кашгаре, а сам Бейли не упоминал о ее прошлом [10, с. 46].

Недоразумение, по-видимому, возникло из-за отождествления конкретной миссии в Ташкент с общей миссией в Туркестан, которая обсуждалась в начале 1918 года. Позднее эта миссия была разделена на Кашгарскую и Мешхедскую. Макартни рекомендовал посетить Ташкент из-за невозможности получить в Кашгаре точную и достоверную информацию о событиях в Российском Туркестане. Блэкер объяснил: «Мы провели несколько недель в городе [Кашгар], и стало совершенно ясно, что расстояния слишком велики, а достоверность слишком необычна, чтобы извлечь оттуда какую-либо пользу для отправления». Блэкер пошел с ним, и Бейли, похоже, был движущей силой этого решения. Он считал Блэкера неподходящим товарищем и утверждал, что плохое состояние здоровья капитана требовало его возвращения в Индию. Тем не менее, Блэкер был достаточно здоров, чтобы на обратном пути отправиться в погоню за предполагаемыми немецкими агентами по не нанесенным на карту вершинам Памирского хребта в разгар зимы 1918 г. Так или иначе, 14 сентября 1918 г. Блэкер и Макартни уехали из Ташкента, оставив Бейли одного. Можно усомниться в том, что даже на этом этапе поездка в Ташкент принесла какую-либо реальную пользу. Заявление самого Макартни в Центральноазиатском обществе о том, что «если бы война продолжалась, его репортажи имели бы наибольшую ценность», было неубедительным, а вопросы, заданные в конце его лекции, выдавали некоторый скептицизм. Блэкер был столь же уклончив, но, по его мнению, он согласился, что, «поскольку было ясно, что теперь в Ташкенте больше ничего не делалось для победы в войне, нас там больше ничто не удерживало, какими бы живописными ни были наши приключения, если бы мы остались. Преимущества, извлекаемые из постоянного при-

сутствия Бейли, неясны. По возвращении в Лондон он сам не представил никаких оправданий, хотя впоследствии от его имени было заявлено, что «он понимал, что эта обязанность была возложена на него добровольно и имела мало общего с задачей, которая была перед ним первоначально поставлена». С первых дней прибытия миссии в Ташкент стало ясно, что за ним пристально следили агенты местной полиции и тайной полиции. Бейли признался, что к октябрю 1918 года он пытался покинуть город. Если он действительно намеревался собрать информацию для своего правительства, то трудно понять, почему, прежде чем уйти в подполье, он не принял никаких мер для передачи ее в Индию или для получения денег или инструкций. 20 октября 1918 года он исчез, не оставив никаких указаний ни о своем местонахождении, ни о способах, с помощью которых с ним можно было бы связаться.

Эта тайна вызывала большое беспокойство в Лондоне и Симле с октября 1918 года и до прибытия Бейли в Персию в январе 1920 года. Предложения о вознаграждении любому, кто поможет ему бежать, и планы по удержанию видных большевиков в качестве заложников для его благополучного возвращения чередовались с протоколами, в которых говорилось, что он мертв. Случайные косвенные упоминания о Бейли не имели никакого значения до мая 1919 года, когда Тредуэлл, бывший американский консул в Ташкенте, прибыл в Стокгольм. Но даже тогда прямая связь с Бейли была невозможна. Если бы это было так, он бы повторно получил сообщение, отправленное в августе 1919 года, в котором повторялся приказ, впервые отправленный в октябре 1918 года, в котором ему предлагалось уйти, поскольку его дальнейшее присутствие не имело реальной пользы в изменившихся обстоятельствах [1, с. 10].

Благополучное прибытие Бейли в Мешхед было встречено с глубоким облегчением. Полковник Грей, генеральный консул в Мешхеде, позже заявил, что, хотя он сам не присутствовал в Мешхеде в тот день, он, безусловно, мог засвидетельствовать, с каким удовольствием был принят Бейли. 22 января 1920 года вице-король передал Бейли поздравления Монтегю, а в июле к официальному одобрению правительства был добавлен отчет об Индии.

В конце года министр иностранных дел лорд Керзон присоединился к этой благодарности. Только Мэллисон пробил фальшивую ноту по поводу Бейли. Впоследствии он писал, что были лейтенант и полковник Бейли, несколько бесцельно блуждающие в Ташкентской области, которые могли в любой момент попасться большевикам. Майор Этертон, по-видимому, был более доброжелателен в своих оценках, но был близок к осуждению и слабой похвале, когда заявил, что Бейли «продемонстрировал способности и находчивость, которые выдвинули его на

передний план как исследователя и политического деятеля». На самом деле не было конкретного или точного описания достижений Бейли. Столкнувшись с этим, его биограф мог лишь заявить, что отличие его героя заключается в «уникальности его опыта» в «сборе информации и побеге». Собственный рассказ Бейли о его приключениях сосредоточен на его деятельности в подполье, раскрывающей его связи с антибольшевистскими группами в городе и окрестностях Ташкента. Возможно, это было следствием товарищества, возникшего при разделении общих невзгод. Однако очевидно, что Бейли лично симпатизировал устремлениям и позиции консервативных русских, стремившихся свергнуть все еще непрочную власть большевиков. Эти подпольные группы были совершенно не готовы к требованиям активной, решительной оппозиции. Их единственной серьезной попыткой к действию был государственный переворот Осипова в январе 1919 года, который начался с расстрела восьми комиссаров, а затем превратился в фарс, когда будущие освободители напились в стельку. В конце концов, это стало трагедией, когда взбудораженные большевики устроили массовые расстрелы ташкентской буржуазии. Действительно возможно, что вера Бейли в то, что британские войска продвигаются к Ташкенту из Персии через Бухару, помогла убедить эти антибольшевистские группировки, у которых были схожие ожидания. Однако политическое значение этих событий было минимальным. Представляется вероятным, что острые ощущения от опасности и побега, а также азарт исследователя были главными привлекательными моментами для Бейли [15, с. 8-53].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что, несмотря на то, как развивались военно-дипломатические миссии, это говорило о том, что при их отправке были допущены серьезные ошибки. По мере того, как Первая мировая война все больше сокращала ресурсы для защиты Британской империи от новых угроз, можно было противостоять большевикам только специальными мерами. Нехватка рабочей силы привела к убеждению, что денег и изобретательности небольших групп армейских офицеров будет достаточно. Различные тревожные сообщения, на основании которых британское правительство принимало соответствующие меры, свидетельствовали об опасностях широкого масштаба. Если бы это было правдой, то ответ, придуманный на них, был бы прискорбно неадекватным. В заявлении Г.В. Кокса от 10 января 1918 года отмечалось следующее: «Именно активные офицеры, имеющие за плечами деньги и много инициативы и предприимчивости, - это то, что им нужно». Действительно, было необходимо направить в интересующие центры несколько англичан подходя-

щего типа, которые изложили бы свою версию положения дел и снабдили их деньгами, чтобы щедро платить за разведывательные и другие оказываемые услуги и предоставить им сопровождение, достаточное для обеспечения личной безопасности. Предполагалось, что, получив подробные инструкции, эти офицеры будут защищать британские интересы, однако они сами были плохо защищены от опасностей, которые были сильно завышены. В сложившихся обстоятельствах их политическим хозяевам посчастливилось избежать худших последствий, которые могли бы последовать за всем происходившим.

Библиографический список / Reference

1. Bailey F.M. 'Report on a mission in Central Asia to Tashkent', 19 May 1920 L/P&S/10/722.
2. Bailey Lt. Col. F.M. Mission to Tashkent (London 1946), 291. F.M. Bailey, 'In Russian Turkestan under the Bolsheviks', Journal of the Central Asian Society, 8, part 1 (1921), 49-69.
3. Biography in Who was Who, 1961-1970 (London 1972), 46.
4. Blacker L.V.S. On Secret Patrol in High Asia (London 1922), viii; 'Wars and travels in Turkestan, 1918-1920' in Journal of the Central Asian Society, 9, (1922), 4-20.
5. Chief of the General Staff, Simla, to Red! tels., 9 and 23 April 1918, L/P&S/10/741.
6. Commander in chief, Simla, to War Office, tel., 18 June 1918, L/P&S/10/ 741.
7.Cox H.V. Military Secretary at the India Office. India Office Records, L/P&S/10/721.
8. Dunsterville L.C. Military mission to North-west Persia, 1918. In Journal of the Central Asian Society 8, part 2 (1921), p. 79-98.
9. Knollys Lt. Col. D.E. 'Militaty operations in Transcaspia' in Journal of the Central Asian Society 13, part 2 (1926), 88-110.
10. Macartney G. 'Bolshevism as I saw it at Tashkent in 1918' in Journal of the Central Asian Society, 7, parts 2 and 3 (1920), 47.
11. Macartney, Journal of the Central Asian Society, 7, 2 and 3, 46; Blacker, Journal of the Central Asian Society, 9, 1, 6.
12. Malleson W. 'The twenty-six commissars', Fortnightly Review new series, March 1933, 340. Malleson, Journal of the Central Asian Society. P. 9, 98.
13. Malleson Maj. Gen. Sir W. 'The British Military Mission to Turkestan, 1918-1920' Journal of the Central Asian Society, 9, (1922), 96-110.
14. Minute by Lord Islington, 28 December 1917, L/P&S/10/721. Public Record Office W.0.32/5671.
15. Nazarov P.S. Hunted through Central Asia (London 1932); Bailey, Journal of the Central Asian Society, 8, 1, 53.
16. Park A.G. Bolshevism in Turkestan 1917-1927 (New York 1957), 9-34.
17. Public Record Office 27 May 1919, W.O. 32/9567.
18. Swinson A. Beyond the Frontiers. The biography of Col. F.M. Bailey (London 1971), 200.
19. Secretary of State to Viceroy, tel. 29 October 1917 L/P&S/10/721.
20. Secretary of State to Viceroy, tel., 5 January 1918, L/P&S/10/741.
21. Secretary of State to Viceroy, tel., 25 January 1918, L/P&S/10/741 and minutes on the draft, L/P&S/10/721.
22. Ullmann R. Anglo-Soviet relations 1917-1921 (Princeton 1961), 324-325.
23. Viceroy to Secretary of State, tel., 17 October 1918, L/P&S/10/741.
24. War Office to India Office, internal memorandum, 19 April 1918, L/P&S/10/721
25. War Office to General Dunsterville, tel., 2 July 1918, L/P&S/10/741.

Хахалин С.И.

Преподаватель кафедр, «Общематематических и естественно-научных дисциплин» и «Землеустройство и кадастры», Московский финансово-юридический университет.

Бугенвиль: краткая история, предпосылки кризиса и сегодняшний день*

Аннотация. В данной статье затрагивается вопросы истории как медный рудник мог стать началом кризиса в Бугенвиле, путь от острой фазы кризиса до сегодняшнего дня, поднимается вопрос как правительства будущего субъекта пришло к финансово-бюрократической проблеме и какая угроза эскалации конфликта стоит перед ними вновь.

Ключевые слова: Бугенвиль, Папуа-Новая Гвинея, рудник Пангуна, Океания, Австралия, независимость, автономия.

Khakhalin St.I.

Lecturer of the departments, "General Mathematical and Natural Sciences" and "Land Management and Cadastres". Moscow University of Finance and Law.

Bougainville: a brief history, the background of the crisis and the present day

Abstract. This article discusses the history of how the copper mine could have been the beginning of the crisis in Bougainville, the path from the acute phase of the crisis to the present day, raises the question of how the governments of the future region came to a financial and bureaucratic problem and what threat of escalation of the conflict they face again.

Key words: Bougainville, Papua New Guinea, Panguna mine, Oceania, Australia, independence, autonomy.

Краткая история региона

Первый этап – история причин конфликта.

Можно начать рассматривать историю с 1963 года, когда Папуа - новая

* © Хахалин С.И., 2026.

Гвинея и сам остров Бугенвиль были ещё территорией Австралии. Тогда конгресс дал полномочия на разведку и через год установил, что в месте горного хребета Кронпринца (Crown Prince) на Бугенвиле множество полезных ископаемых.

Через 8 лет (в 1972 году) был открыт медный рудник Пангуна в центральной части острова и работал до его принудительного закрытия в 1989 году недовольными землевладельцами. Проблема была в том, что представители Бугенвиля получили только 4 места в палате представителей Папуа-Новая Гвинея. Лидеры острова решили, что необходимо объявить независимость и бороться за неё раньше чем Папуа-Новая Гвинея сама получит независимость и свободу. Таким образом через года после открытия рудника, а именно 1 сентября 1975 года предпринял первую попытку объявить о своей независимости. Однако чтобы пресечь попытки отделения, правительство ПНГ (недавно созданное) внедрило децентрализованную систему, предоставив правительствам провинций больше полномочий в управлении своими делами. С того момента как вся Папуа-Новая Гвинея обрела независимость и до закрытия рудника Пангуна на долю Бугенвиля приходилось примерно 44 % экспортных поступлений Папуа-Новая Гвинея и 17 % внутренних доходов национального правительства, при этом только 2 % прибыли возвращалось на остров стремящийся к свободе.

10-й летний кризис.

Вторым этапом стал Бугенвильский кризис который длился 10 лет, с1988 по 1998 год, данный кризис описывают как «самый напряженный конфликт на Тихом океане со времен Второй мировой войны». Конфликт был связан с боевыми действиями между силами безопасности центральной власти (в первую очередь силами обороны Папуа-Новая Гвинея) и сепаратистскими группировками Бугенвиля, главным образом БРА (Бугенвильская Революционная Армия). Свою деятельность они начали в 1990-м году [2].

Хотя принудительное закрытие шахты Пангуна послужило катализатором, глубинные причины этого конфликта были сложными и многочисленными, включая разногласия по поводу выплаты роялти (регулярный платёж, который владелец бизнеса выплачивает правообладателю за использование его интеллектуальной собственности или бренда [1]) традиционным землевладельцам, ущерб окружающей среде, причиняемый добычей полезных ископаемых, и ранее существовавшую напряженность в отношениях между бугенвильцами и другими этническими группами населяющие страну. Последствия конфликта были разрушительными: по оценкам, погибло - 15 000 человек, более 70 000 мирных жителей были вынуждены покинуть свои дома, а социальная и экономическая инфраструктура острова была практически полностью разрушена.

В итоге конфликт не привел к окончательной победе, но усталость от войны и военный тупик придали импульс урегулированию путем переговоров между представителями Бугенвиля и правительством Папуа-Новая Гвинея.

Так же стоит отметить, что на протяжении многих лет Австралия финансировала и предоставляла персонал и материально-техническое обеспечение для нескольких крупных миротворческих операций на Бугенвиле, начиная с кратковременной Южнотихоокеанские региональные силы по поддержанию мира (SPRPKF) в 1994 году и заканчивая группой по наблюдению за выполнением условий перемирия.

Начало переговоров

3-х летние переговоры закончились тем, что в Араве в августе 2001 году состоялось подписание Бугенвильского мирного соглашения между правительством и бугенвильскими сторонами конфликта. Как итог высшая степень автономии региона. Мирное соглашение обеспечило рамки, в соответствии с которыми Бугенвиль мог приобрести дополнительные полномочия и функции по таким разнообразным вопросам, как кладбища, лотереи, здравоохранение и образование [6, 2, 8].

В основе данного мирного соглашения лежали три основных принципа, которые были реализованы в разной степени:

1. Автономия;
2. Ликвидация оружия;
3. Проведение необязательного референдума о независимости.

Для контроля за эффективным осуществлением Бугенвильского мирного соглашения был создан совместный наблюдательный орган в качестве форума для диалога и консультаций между двумя странами.

Это соглашение официально вступило в силу с созданием автономного правительства Бугенвиля через 4 года (в 2005 году).

Что составляло эту автономию:

1. Палата представителей Бугенвиля как законодательного органа
2. Двойного органа исполнительной власти, возглавляемого президентом Бугенвиля и назначенным должностным лицом.
3. Исполнительный совет и суды Бугенвиля

Если говорить кратко, то по данным соглашения Бугенвиль получил возможность полностью управлять своими делами и при этом правительство Папуа-Новая Гвинея обязывалось поддерживать это через систему грантов [8]. То есть Папуа-Новой Гвинее было поручено оплатить расходы на персонал, строительство и все остальное, что было необходимо Бугенвилю для осуществления новых полномочий. По словам разных экспертов недостаточно / мало что из этого было сделано [6].

Отметим, что через 2 года (в 2003 году) после подписания Бугенвиль-

ского мирного соглашения возглавляемая Австралией группа по наблюдению за установлением мира (PMG) вышла из Бугенвиля. Вообще мнение самой большой страны региона сменилось на рубеже тысячелетия:

- до 2000 года австралийская политика заключалась в том, чтобы рассматривать Бугенвиль как неотъемлемую часть Папуа-Новой Гвинеи.

-после 2000 года - политика Австралии в отношении Бугенвиля представляла собой полную противоположность: «Мы поддержим все, о чем договорятся стороны» [5]. Австралия помогала правительству Папуа-Новая Гвинея и сумма составляла 500 миллионов австралийских долларов в год, что кажется много, пока не вспомнишь, что в то время эта сумма также составляла годовой бюджет средней австралийской больницы и лишь небольшую часть общего национального бюджета Папуа-Новой Гвинеи [3].

Референдум

Законодательная автономия: её проблемы и победы

К сожалению некоторые чиновники прекрасного острова носились с идеей «нам нужен закон» как с панацеей думая, что это палочка выручалочка. При этом множество юридических «решений» - от Закона о привлечении инвестиций (2013 г.), который создал ряд ведомств, которые так и не были созданы, до Закона о физическом планировании (2013 г.), который планировал мало что, - все это свидетельствует о том, что одних законов недостаточно для решения проблемы одним взмахом палочки.

А с другой стороны надо сказать, что Автономное правительство Бугенвиля Autonomous Bougainville Government - ABG) успешно провела 4 раза всеобщие выборы, приняла более 50 законодательных актов, создала собственные структуры государственной службы и систему финансового управления, которая отделена от систем Папуа-Новой Гвинеи. Правительство Бугенвиля сократило полномочия в горнодобывающей промышленности, разработало новое законодательство и создало новый департамент горнодобывающей промышленности и энергетических ресурсов при поддержке Всемирного банка.

Результат референдума и новая проблема

При влиянии главных игроков региона Океания, а именно Австралии и Новой Зеландии, а так же ООН Папуа-Новая Гвинея выделила деньги нс референдум. На референдуме 2019 года принимали участие около 300000 человек [4] и подавляющее большинство жителей Бугенвиля высказались за независимость - 97,7 % проголосовавших, остальные проголосовали в пользу большей автономии. После получения результатов начались консультации которые зашли в тупик из-за юридических тонкостей.

После долгих споров стороны решили найти независимого консультан-

та для помощи. Эти консультации завершились в июне 2025 года и вылились в подписание Меланезийского соглашения 26 июня 2025 года. Данное соглашение критикуют очень сильно потому, что по мнению экспертов оно просто откладывает решение на потом. Соглашение предусматривает обязательство обоих правительств довести результаты референдума до нынешнего 11-го национального парламента для ратификации. Лидеры Бугенвиля не хотят оставлять политическое будущее своего региона на волю случая и хотят объявить о своей независимости ровно через 52 года после своей первой попытки то есть 1 сентября 2027 года.

С одной стороны у нас есть правительство Папуа-Новая Гвинея во главе с премьер-министром Джеймсом Марапе. Его правительство признало результаты референдума и обязалось придерживаться процедуры, изложенной в Бугенвильском мирном соглашении, в частности, подписав Меланезийское соглашение. Эта поддержка мирного процесса не содержит никаких указаний на позицию правительства, поддерживающего независимость Бугенвиля. Вместо этого, когда состоится голосование по ратификации, Марапе распорядился предоставить каждому члену партии право голоса по совести. Так же стоит отметить тот факт, что правительство Марапе всё-тики выделило деньги на сам референдум [4].

С другой стороны у нас находится Автономное правительство Бугенвиля во главе с президентом Ишмаэлем Тороамой, видным бывшим бойцом Революционной армии Бугенвиля и участником мирного процесса. Учитывая историю президента как участника боевых действий за независимость, позиция правительства Бугенвиля, отвергающего любой вариант, кроме независимости, неудивительна [8].

Несмотря на подавляющее большинство голосов за независимость на референдуме 2019 года, продолжающаяся неудовлетворительная социально-экономическая динамика Бугенвиля ставит под сомнение его будущее как суверенного государства.

Исключительная сосредоточенность избранных лидеров Бугенвиля на цели независимости затмила практические проблемы управления новым государством и то, как политическая независимость принесет процветание жителям Бугенвиля. Процветание следует измерять улучшением качества жизни жителей Бугенвиля. Партийная риторика «независимость или ничего» подпитывает убеждение, что независимость является панацеей от проблем развития. Однако для достижения реального процветания правительства Папуа-Новой Гвинеи и Бугенвиля должны сотрудничать и проводить реформы на политическом, институциональном и техническом уровнях [9].

В завершение можно привести словосочетание, которые принадлежат двум важным в истории Бугенвиля людям.

1) Теодор Мириунг (считается «потерянным лидером» Бугенвиля [7], он

был убит во время конфликта, его убийцы, как предполагается, были членами Сил обороны Папуа-Новой Гвинеи и Сил сопротивления Бугенвиля, пропагандистской местной гвардии).

2) Джозеф Кабуи, первый президент Бугенвиля, часто использовал тот же термин, для описания усилий, которые он возглавлял с 1997 года по поиску мирного разрешения конфликта [6].

А данное словосочетание - «brukim bus», что дословно переводится как «прорубать себе путь сквозь густые заросли». Этим можно описать путь к независимости Бугенвиля.

Библиографический список:

1. Грамота – роялти // URL: https://gramota.ru/poisk?query=роялти&mode=slovari&dicts[]=9&ysclid=mk5xmp6sj3763250724
2. Фонд имени Миклухо-Маклая – Папуа-Новая Гвинея: Бугенвиль // URL: https://mikluho-maclay.ru/papua-novaya-gvineya-bugenvil/
3. Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade, «Development Assistance in Papua New Guinea».
4. Ben Bohane. The Bougainville referendum and beyond.
5. For a critique of Australia's involvement in the conflict, see Kristian Lasslett, 'State Crime by Proxy: Australia and the Bougainville Conflict', British Journal of Criminology 52, 2012. № 4 P. 705-23. – DOI: org/10.1093/bjc/azs012.
6. Gordon Peake. Have licence, lack engine. 2022.
7. Natalie Whiting, 'Bougainville Independence Referendum Renews Interest in Theodore Miriung Murder Mystery', ABC News, 11 December 2019 // URL: abc.net.au/news/2019-12-11/bougainvillereferendum-revives-theodore-miriung-murder-mystery/11782220
8. Oliver Nobetau. Report Part Title: A brief history of Bougainville.
9. Oliver Nobetau. Key findings.
10. May R.J. 'The Situation on Bougainville: Implications for Papua New Guinea, Australia and the Region', Current Issues Brief 9. 1997. // URL: aph.gov.au/sitecore/content/Home/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/Publications_ Archive/ CIB/ CIB9697/97cib9
11. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

Reference

1. Gramota – Royalty // URL: https://gramota.ru/poisk?query=роялти&mode=slovari&dicts[]=9&ysclid=mk5xmp6sj3763250724
2. Miklouho-Maclay Foundation – Papua New Guinea: Bougainville // URL: https://mikluho-maclay.ru/papua-novaya-gvineya-bugenvil/
3. Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade, «Development Assistance in Papua New Guinea».
4. Ben Bohane. The Bougainville referendum and beyond.
5. For a critique of Australia's involvement in the conflict, see Kristian Lasslett, 'State Crime by Proxy: Australia and the Bougainville Conflict', British Journal of Criminology 52, 2012. № 4 P. 705-23. – DOI: org/10.1093/bjc/azs012.
6. Gordon Peake. Have licence, lack engine. 2022.
7. Natalie Whiting, 'Bougainville Independence Referendum Renews Interest in Theodore Miriung Murder Mystery', ABC News, 11 December 2019 // URL: abc.net.au/news/2019-12-11/bougainvillereferendum-revives-theodore-miriung-murder-mystery/11782220
8. Oliver Nobetau. Report Part Title: A brief history of Bougainville.
9. Oliver Nobetau. Key findings.
10. May R.J. 'The Situation on Bougainville: Implications for Papua New Guinea, Australia and the Region', Current Issues Brief 9. 1997. // URL: aph.gov.au/sitecore/content/Home/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/Publications_ Archive/ CIB/ CIB9697/97cib9
11. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Сераев А.Р.
Аспирант. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 1200-0587

Мадридский саммит НАТО 1997 года как первая попытка глобальной трансформации военного блока*

Аннотация. В работе автор исследует роль саммита в Мадриде в 1997 году в контексте изменений глобальной деятельности НАТО. Рассматриваются предпосылки политики глобализации, возможности расширения влияния Североатлантического альянса в различных государствах. В связи с актуальностью принятия новых членов была предпринята попытка изменения условий вступления в НАТО и разработан ряд документов, регулирующих содержание и направления сотрудничества различных стран.

В исследовании автор изучает предпосылки становления политики НАТО: расширения границ влияния, установления партнерских отношений с новыми государствами и в этой связи использование различных инструментов, в том числе разработки соглашений, договоренностей на встречах, саммитах и иных мероприятиях. Саммит 1997 года в Мадриде рассматривается как встреча, в которой участвовал ряд государств, принадлежавших к «социалистическому лагерю» и это явилось серьезным шагом на пути к глобализации альянса и пониманию необходимости создания новых эффективных механизмов взаимодействия с различными странами - реальными и потенциальными участниками.

Ключевые слова: НАТО, Саммит 1997 г., внешняя политика, глобальная трансформация, страны-участники, Североатлантический альянс, страны «социалистического лагеря», расширение влияния, политико-дипломатическое присутствие.

Seraev A.R.
Postgraduate student. Moscow city pedagogical university. SPIN-code: 1200-0587

The 1997 Madrid summit of the national guard as the first attempt of the global transformation of the military block

Abstract. In the work the author explores the role of the summit in Madrid in 1997 in the context of changes in the global policy of NATO. The prerequisites of the policy of globalization, the possibilities of expanding the influence of the North Atlantic Alliance

* © Сераев А.Р., 2026.

in various states are considered. In response to the need for new members, NATO has attempted to change its conditions for membership and has developed a number of documents that govern the content and direction of cooperation between different countries.

In the study, the author examines the prerequisites for the formation of NATO's policy: expanding its influence, establishing partnerships with new states, and using various tools, including the development of agreements and arrangements at meetings, summits, and other events. The 1997 Madrid Summit is considered a meeting that involved a number of states from the "socialist camp," marking a significant step towards the globalization of the alliance and the need to establish new effective mechanisms for engaging with various countries, both existing and potential participants.

Key words: NATO, 1997 Summit, foreign policy, global transformation, member countries, North Atlantic Alliance, socialist camp countries, expansion of influence, political and diplomatic presence.

В течение достаточно длительного периода происходило расширение НАТО, которое имело определенные критерии: географические границы, вовлечение новых стран-участников, построение дипломатических взаимоотношений с государствами, не являющимися членами НАТО, разработка и реализация программ сотрудничества с различными международными организациями (ОБСЕ, ООН).

Динамика расширения сферы влияния Альянса очевидна: в 1991 г. в нем принимали участие 16 государств, а на настоящий момент объединены более 30 стран [1]. Конечно, подобное объединение имеет определенные политические и экономические выгоды, также трансформировавшиеся с момента создания (в качестве региональной организации безопасности в оборонных целях) [2] до введения общей стратегии взаимодействия с государствами, не состоящими в НАТО, и определения общих целей и задач внутри Альянса.

Мадридский саммит 1997 года, о котором пойдет речь в исследовании, явился, с одной стороны, очередной попыткой расширения, с другой — ярким примером глобализации влияния НАТО с расширением на восток, когда в качестве участников были приглашены бывшие страны «социалистического лагеря» (Польша, Венгрия, Чешская республика). Данный шаг, как свидетельствуют большинство экспертов, был призван препятствовать распространению ядерного оружия в Центральной и Восточной Европе [2, с. 24] и одновременно осуществлять меры по интеграции своей политики на территории новых стран-участников. И, безусловно, это связано с вопросами военно-стратегического влияния Альянса в мире, достижением превосходства, формированием «уникальной возможности» для нового расширения блока с целью «укрепления безопасности во всем Евро-Атлантическом регионе» [3].

Учитывая вышесказанное, необходимо говорить о постановке цели исследования — конкретизации роли Мадридского саммита НАТО в июле 1997 года. Объектом работы определено содержание данного мероприятия, предметом — трансформация военного блока.

Для того чтобы достигнуть поставленной цели, нам изначально необходимо определить цели создания НАТО, их преобразование в современном обществе, дифференцировать механизмы их достижения, а также приоритетное внимание уделить предмету исследования в рамках саммита в Мадриде (июль 1997 г.).

Материалы и методы исследования

В данной работе целесообразно использовать исторический и сравнительный анализ материалов отечественных и зарубежных публикаций, посвященных данной теме.

Исследование автора базируется на современных научных публикациях (Д. А. Данилов, Ю. С. Семенишин, Г. Ахмедова), а также на изучении официальных, проверенных интернет-ресурсов, которые позволяют получить сведения об отдельных фактах, статистические данные, мнения различных аналитиков по данной тематике.

Результаты и их обсуждение

Основные направления политики НАТО

Истоки создания НАТО берут свое начало после II Мировой войны, когда столкнулись интересы двух мировых политических систем: капиталистической и коммунистической. Результатом взаимодействий и переговоров ведущих стран-инициаторов оборонительного союза западных государств явилось подписание в 1949 г. Североатлантического договора, который стал основой нового союза (НАТО). Его целью было поддержание безопасности в Северо-Атлантическом регионе, т.е. Альянс изначально был создан для решения военно-стратегических задач и возможности укрепления своих позиций в мировом сообществе.

Как уже отмечалось во введении, Североатлантическому альянсу необходимо стабилизировать стратегическую обстановку в отношении своего присутствия в международном политическом и экономическом пространстве.

При этом одним из важнейших направлений политики НАТО, как отмечает А. Беблер [2], является расширение, которое может реализовываться в двух направлениях:

– постепенное, но постоянное увеличение количества стран-участников (количественный показатель);

– конкретизация этапов, шагов и мероприятий, направленных именно на усиление влияния, повышение авторитета Альянса на территории различных государств и в международном пространстве (качественный показатель).

С методической точки зрения необходимо понять, что для достижения максимального результата по данным показателям необходимы эффективные механизмы, инструменты, позволяющие реализовывать заданные стратегии. Одним из важнейших инструментов являются встречи не только руководителей стран-участников, но и представителей сторонних государств, вступление которых предполагается в перспективе. Кроме того, важно понимать, что достижение и политических, и экономических целей требует наличия человеческих, территориальных, военно-стратегических ресурсов, и, конечно же, у союза государств они гораздо мощнее, чем у одной страны, а значит, и результативность может быть в разы выше.

Саммит 1997 г., который является 15-й встречей глав государств-участников НАТО в целом и второй встречей в текущем году (первая проходила чуть ранее в Париже), нельзя назвать простым и однозначным. На самом деле, как отмечают некоторые обозреватели [4], противоречий было предостаточно, и среди основных были выделены такие, как перспективы принятия в НАТО стран Балтии, которые позволяли расширить количество стран-участниц на стратегически значимых территориях и были выгодны Альянсу. Однако некоторые политики выражали сомнение по поводу правильности такого решения, т. к. оно могло «не понравиться России» [5] и вследствие этого привести к разногласиям и разрушить заключенные на мероприятии договоренности.

Кроме того, неоднозначный и многополярный характер документов, подписанных на саммите, также вызывал вопросы по поводу их содержания. К примеру, если с Украиной была подписана Хартия об особом партнерстве [5], то с Россией чуть ранее в Париже в этом же году был подписан акт «О взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности», и конкретизации его содержания на саммите не последовало, хотя этого ожидали некоторые участники, и сотрудничество в этом контексте трактовалось экспертами лишь как «ненападение» [4], а не в свете построения конструктивных отношений. В содержании документа отражались обязательства НАТО не размещать стратегические вооружения и военные подразделения на территории вновь принятых в Альянс стран, что не могло бы угрожать безопасности граничащих государств. Тем самым обеспечивалась региональная безопасность, но заинтересованность НАТО в продвижении военной инфраструктуры на восток не утратила своей актуальности.

С другой стороны, по мнению ряда аналитиков, соглашение Россия-НАТО носило более конкретный характер, чем такой же документ в отношении Украины, т.к. в первом случае функционировал постоянный совет, регулирующий наиболее актуальные проблемы, во втором же – контроль и координация определялись в ведение комиссии, состав которой четко не был определен, как и периодичность заседания. Возможно, по данным

некоторых источников [4] подобное отсутствие конкретики могло объясняться перспективой вступления Украины в Альянс и уже в нем осуществилась бы возможность руководствоваться существующими правилами. Предпосылкой подписания указанного соглашения стало открытие в Киеве Центра информации и документации НАТО, который можно назвать первым подобным органом на территории государства, не входящего в состав Альянса. Со временем отношения Брюсселя и Киева формировались как стабильные и крепкие, однако должной динамики развития с подготовкой к вступлению в НАТО не последовало.

При всем при этом действие документа «Россия-НАТО» характеризовалось стратегической направленностью и внесло значительный вклад в создание общей зоны мира, стабильности и безопасности. Благодаря документу сохранялось возможно хрупкое и нестабильное, но равновесие сил НАТО и Российской Федерации, не актуализируя вооруженное противостояние, обеспечивая мирные переговоры и соглашения о совместной деятельности. Содержательно сотрудничеством это назвать сложно, однако возможно говорить о политике «невмешательства» [3, 5] в дела России и стран-участниц Альянса.

Подлежала обсуждению и возможность приглашения к участию страны «бывшего социалистического лагеря»: Польшу, Венгрию и Чехию с перспективой вступления в НАТО с целью повышения уровня безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Несмотря на то, что исследователи называют данное приглашение четверым в этапах расширения НАТО, нам стоит отметить, что данный шаг по отношению к указанной категории государств был первым, решающим и результативным. Три данные страны вступили в блок через два года, а всего с того момента стали участниками еще 14 государств. Это стало возможным из-за Концепции НАТО, которая предоставляет возможности рассмотрения заявки в влючение в состав НАТО со стороны различных государств. Деятельность в отношении государств бывшего соцлагеря была, по мнению ряда экспертов, рассчитана не только на их включение в Альянс, но и на то, чтобы сделать возможной интеграцию России [6]. Тем самым увеличивалось влияние и на страны Восточной Европы, и реализации сотрудничества с Россией, которое являлось одной из важнейших задач блока. И хотя большинство политиков признавали такую возможность маловероятной, шанс сохранить безопасное военно- политическое пространство в контексте взаимодействия с Россией был достаточно велик.

Перестройка структуры НАТО, необходимость которой была обозначена руководством Альянса на июльском саммите 1997 года также явила собой значительную сложность. Основная ее цель заключалась в реорганизации многоступенчатой и громоздкой структуры органов военного управления и придании ей способности осуществлять эффективное руководство войсками (силами) как в ходе крупномасштабных военных действий, так

и при проведении миротворческих операций различного характера и масштаба. В задачи подобной трансформации входила минимизация затрат на управление, контроль и координацию Альянсом, и направление данных средств на укрепление военной мощи организации. Безусловно, возможно согласиться с мнением ряда аналитиков о том, что подобное перераспределение функций и финансов ориентировано не только на создание безопасного Северо-Атлантического пространства, но и на усиление воздействия на страны, не являющиеся участниками НАТО.

Анализируя данные мероприятия, мы можем сделать вывод о том, что основное внимание НАТО обращено на Восток, в контексте создания нового формата сотрудничества с Россией, Украиной и бывшими соцстранами Восточной Европы. На саммите 1997 г. актуализировалась идея продолжения реализации, созданной в 1994 г. ПРМ (концепции «Партнерство ради мира»). Данная концепция продолжает идею СЕАП (Совета Евроатлантического партнерства), который был сформирован для улучшения отношений со странами, не являющимися участниками НАТО после холодной войны. Идея продолжения реализации «Партнерства ради мира» характеризуется как эффективный инструмент поддержания сотрудничества между странами- партнерами и достижения соглашений в контексте планирования национальной обороны и составления бюджета на военные нужды, готовности к чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям и проведении совместных операций в рамках данной программы.

Однако, если отдельно говорить о роли саммита в построении отношений НАТО с Россией, то некоторые представители стран- участников высказывали мнение о необходимости расширения не учитывая позицию российского руководства. В ходе подготовки саммита в Мадриде в июле 1997 года, где предполагалось объявить о расширении альянса и до начала которой предполагалось подписать соглашение с Россией, неоднократно выступал со своей концепцией в конгрессе, в ведущих научно-исследовательских центрах З. Бжезинский [6]. Он высказывал мнение о том, что нет необходимости отдельно обозначать вопрос об укрепления сотрудничества НАТО и Российской Федерации, т.к. у ее населения нет отрицательной оценки деятельности Альянса и не просматривается агрессивная позиция государства в целом. Поэтому не нужно определять перспективы интеграции России в НАТО, разрабатывать документы именно о совместной деятельности. Сложившаяся к 1997 году ситуация невмешательства и ненападения устраивает обе стороны и не требует дополнительных усилий.

По мнению ряда исследователей, необходимость создания системы коллективной безопасности, которая определяет значимость укрепления военно-стратегических сил, обусловлена рядом факторов [7, 6]:

– наличие угроз военного (со стороны агрессоров) и невоенного (эко-

логических, техногенных) характера, которые могут потребовать принятия стратегических решений и вмешательства вооруженных сил;

– интеграция в мировое пространство безопасности «слабеющих» государств, стран, не являющихся участниками. Это позволит получить поддержку с их стороны и усилить региональное влияние Альянса;

– обеспечение стабильных отношений с Россией, которые позволят сохранить существующий статус НАТО. Это могло быть реализовано при помощи участия российской стороны как полноправного партнера НАТО;

– гармоничное соотношение военных сил между странами- участниками, что позволяет избежать превосходства и возможности давления, возникновения вооруженных конфликтов;

– гибкость структуры НАТО (о пересмотре управленческого функционала мы говорили чуть выше).

Учитывая вышеуказанные факты, исследователи говорят о том, что идея глобализации военного блока была приоритетной для стран-участников. Однако, остается открытым вопрос о той оппозиции, которая должна была остаться после объединения ведущих стран по замыслу руководства НАТО. Включение наиболее сильных держав в состав Альянса позволило бы усилить влияние не только в Евро-Атлантическом регионе, но и на Востоке, в Азии, транслируя свои политические и экономические идеи, демонстрируя военное превосходство.

Основные результаты

В качестве основных выводов необходимо отметить, что Мадридский саммит 1997 года имел вполне конкретные результаты, которые оказали существенное влияние на становление политики НАТО более позднего периода, а именно:

– было объявлено о поддержке вступления трёх государств — Польши, Чехии и Венгрии. Несколько позже в 1999 году они стали полноправными членами военного объединения;

– принята Декларация, в которой отмечалось, что Альянс остаётся открытым для вступления новых членов. Тем самым обозначились перспективы расширения географических и социально-влиятельных перспектив НАТО в мировом пространстве;

– Создана «Хартия об особом партнёрстве между Украиной и Организацией Североатлантического Договора». Данный документ также регламентировал создание постоянной комиссии Украина–НАТО, действующей по организации и продвижению взаимного сотрудничества [8];

– Принято решение о разработке для стран Средиземноморья ежегодной рабочей программы в виде перечня мероприятий сотрудничества в различных сферах деятельности.

– Главы государств и главы правительств договорились открыть при

посольствах в странах Средиземноморского бассейна контактные представительства НАТО с целью оперативного разрешения возникающих проблем и достижения договоренностей по обсуждаемым вопросам.

Главным стратегическим вектором саммита являлось намерение Брюсселя, отражающее общее мнение стран-участников, продолжить линию на «глобализацию» НАТО: увеличение военно-стратегического и политико-дипломатического присутствия альянса далеко за пределами Евро-Атлантики. Однако, необходимо отметить, что кроме вышеуказанных конкретных результатов остались и нерешенные вопросы, актуальность которых не вызывает сомнений. К примеру, главы государств и главы правительств при обсуждении не пришли к единому согласию в вопросе о полном обновлении структуры, а также о том, какие меры необходимо принять для разрешения имеющихся разногласий [9, 10].

Библиографический список:

1. Усубов Фарид Джабраил Оглы, Белоногов Андрей Львович Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2010. № 1. С. 93-100.
2. Беблер Антон Как далеко зайдет расширение НАТО? // АПЕ. 2010. №3. С. 14-34.
3. Глобализация НАТО. // URL: https://www.geopolitika.ru/article/globalizaciya-nato (Дата обращения: 31.12.2025).
4. В Мадриде натовцы чуть было не поссорились. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/180778 (Дата обращения: 01.01.2026).
5. Хартия об особом партнерстве между Украиной и Североатлантическим альянсом. // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm= (Дата обращения: 01.01.2026).
6. Обсуждение проблем международной безопасности России и США. // URL: http://www.obraforum.ru/shakleina/RandUS-ch4.pdf (Дата обращения: 01.01.2026).
7. Как закладывались основы стратегии глобализации альянса. // URL: https://nic-pnb.ru/analytics/kak-zakladyvalis-osnovy-strategii-globalizatsii-alyansa/ (Дата обращения: 01.01.2026).
8. Семенишин Ю.С. Англо-французские противоречия по вопросу общей внешней политики и политики безопасности на этапе образования ЕС // Вестник магистратуры. 2016. № 5-2 (56). С. 114-115.
9. Ахмедова Гамида Историко-политические основы нового курса нато в 90-х гг. XX века // Архивариус. 2017. № 4 (19).
10. Данилов Д.А. Европейская составляющая эволюции НАТО // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1997. № 3. С. 1-4.

Reference

1. Usubov Farid Jabrail Ogly, Belonogov Andrey Lvovich Problems of NATO Strategy Transformation at the Beginning of the 21st Century // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2010. № 1. P. 93-100.
2. Bebler Anton How Far Will NATO Expansion Go? // APE. 2010. № 3. P. 14-34.
3. Globalization of NATO // URL: https://www.geopolitika.ru/article/globalizaciya-nato (31.12.2025).
4. NATO Members Almost Quarreled in Madrid // URL: https://www.kommersant.ru/doc/180778 (01.01.2026).
5. Charter on a Distinctive Partnership between Ukraine and the North Atlantic Alliance. // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm= (01.01.2026).
6. Discussion of International Security Issues between Russia and the United States. // URL: http://www.obraforum.ru/shakleina/RandUS-ch4.pdf (01.01.2026).
7. How the Foundations of the Alliance's Globalization Strategy Were Laid. // URL: https://nic-pnb.ru/analytics/kak-zakladyvalis-osnovy-strategii-globalizatsii-alyansa/ (01.01.2026).
8. Semenishin Yu.S. Anglo-French Contradictions on the Issue of Common Foreign and Security Policy at the Stage of EU Formation // Bulletin of the Magistracy. 2016. № 5-2 (56). P. 114-115.
9. Akhmedova Gamida. Historical and political foundations of NATO's new course in the 1990s // Archivarius. 2017. № 4 (19).
10. Danilov D.A. The European component of NATO's evolution // European security: events, assessments, forecasts. 1997. № 3. P. 1-4.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть история и история власти», руководитель проекта.

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Власть математики: невидимая сила, управляющая миром*

Аннотация. Статья раскрывает концепцию власти математики как фундаментальной, универсальной и непререкаемой силы, управляющей природными и социальными процессами. Рассматривается роль математики в научном познании мира, ее значимость в формировании экономических, социальных и политических институтов, а также влияние на современные технологические и информационные системы. Особое внимание уделяется историческим примерам выдающихся математиков, которые через знание и применение математики влияли на государственную власть и общественное развитие. Анализируются современные вызовы и ответственность, связанные с использованием математических моделей и алгоритмов в управлении обществом, экономикой и выборами. Материал подчеркивает, что власть математики – это власть разума, истины и этики, от которых зависит будущее человечества.

Ключевые слова: власть математики, математическое мышление, научное познание, экономика и финансы, алгоритмы и технологии, политическая власть, математические модели, история науки, выборы и демократия, этика в математике, математическое образование, управление и прогнозирование.

* © Терновая Л.О., Чапкин Н.С., 2026.

Ternovaya L.O.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Chapkin N.S.
Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

The power of mathematics: the invisible force ruling the world

Abstract. This article explores the concept of the power of mathematics as a fundamental, universal, and indisputable force governing natural and social processes. It examines the role of mathematics in scientific understanding of the world, its significance in shaping economic, social, and political institutions, and its influence on modern technological and information systems. Particular attention is given to historical examples of outstanding mathematicians who, through their knowledge and application of mathematics, influenced state power and social development. It analyzes the contemporary challenges and responsibilities associated with the use of mathematical models and algorithms in governing society, the economy, and elections. The article emphasizes that the power of mathematics is the power of reason, truth, and ethics, on which the future of humanity depends.

Key words: power of mathematics, mathematical thinking, scientific knowledge, economics and finance, algorithms and technology, political power, mathematical models, history of science, elections and democracy, ethics in mathematics, mathematics education, management and forecasting.

Когда мы слышим слово «власть», на ум приходят политики, армии, корпорации… Но есть сила куда более фундаментальная, древняя и непререкаемая, например, власть, которая не зависит от границ, валют или идеологий. Таковой можно назвать власть математики. Математика – это не просто набор формул и теорем в школьном учебнике. Это – универсальный язык, на котором написаны законы Вселенной, и инструмент, с помощью которого человечество смогло эти законы прочитать и частично подчинить себе, или попытаться сделать вид, что подчинило.

С самого начала научной мысли математика дала человеку власть понимать и предсказывать. Законы Ньютона, описанные языком математического анализа, позволили рассчитать траектории планет и полет пушечного ядра. Уравнения Максвелла описали все электромагнитные явления, что в итоге привело к электричеству, радио и интернету. Сегодня эта власть

распространяется на мельчайшие частицы в квантовой механике и на грандиозные масштабы космологии в общей теории относительности. Без математики Большой Взрыв оставался бы умозрительной догадкой, а поиск бозона Хиггса – невозможной фантазией. Математика – это верховный судья в споре гипотез: теория живет лишь до тех пор, пока ее математические предсказания совпадают с реальностью.

Если в природе математика описывает существующие законы, то в человеческом обществе она создает свои собственные. Самый яркий пример – деньги. Ценность кусочка бумаги или цифры на экране представляет собой чистую математическую абстракцию, в которую договорились верить все члены общества. Банковские проценты, кредиты, инвестиции, фондовые рынки выступают как гигантские математические конструкты, управляющие глобальной экономикой. Бюджеты государств, пенсионные системы, логистика мегаполисов, расписание общественного транспорта можно описать через системы уравнений и оптимизационных задач. Математика диктует, сколько автобусов должно выйти на линию в час пик и как распределить ресурсы страны. Ее власть означает могущество эффективности и порядка.

В XXI столетии власть математики стала как никогда очевидной и одновременно невидимой. Мы живем в эру алгоритмов. Поисковые системы ранжируют результаты с помощью сложных математических моделей, решая, какая информация достойна нашего внимания. Социальные сети используют линейную алгебру и теорию графов, чтобы удерживать пользователя на платформе, формируя его восприятие мира и общественное мнение. Системы рекомендаций на онлайн платформах предсказывают желания людей, анализируя индивидуальные и коллективные данные с помощью методов машинного обучения. Криптография охраняет личные сообщения и банковские транзакции. Попытки взломать эти системы напоминают математические «битвы титанов».

На фондовом рынке в XXI в. правят бал не «олдскульные» трейдеры, наподобие одного из главных персонажей фильма «Уолл-Стрит» (1987) и фильма «Уолл-стрит 2 Деньги не спят» (2010) Гордона Гекко. В наши дни на биржах царят математические гении, использующие суперкомпьютеры для получения прибыли. Порядка 70% сделок на Wall Street теперь проходят через специальный софт. Этих специалистов называют квантами. И они имеют такие специализации, как: Quantitative Analyst, Quantitative Developer, Quantitative Researcher и Quantitative Trader, – относящиеся к направлению Quantitative Finance, которое зародилось еще в 1900 г., т.е. более ста лет назад, с диссертации французского математика Луи Башелье «Теория спекуляции» (фр. Théorie de la spéculation), где была представлена модель ценообразования опционов при нормальном распределении, полученная на основе анализа броуновского движения.

В этой сфере власть математики двояка: она дает невероятные удобства, но и создает риски манипуляции и тотального контроля[1]. Прежде всего, эта власть проявляется как способ мышления. Она не только про вычисления и применение, а, главное, про власть разума над хаосом. Математический образ мышления учит: логике, т.е. умению выстраивать непротиворечивые цепочки рассуждений; абстракции, проявляющейся в способности видеть суть проблемы, отбросив второстепенное; строгости, заключающейся в требовании доказывать каждое свое утверждение.

Математика является интеллектуальной дисциплиной, которая делает людей менее восприимчивыми к манипуляциям, ложным новостям и псевдонауке. Человек, мыслящий математически, всегда спросит, где доказательства, какая имеется логическая связь межу определенными утверждениями. Но, существует и обратная сторона, заставляющая увидеть, что у власти математики, как и любой другой власти, имеется собственное бремя ответственности. Его особенность заключается в том, что власть математики абсолютна и объективна. Дважды два равно четыре и для президента государства, и для бездомного в управляемой им стране. В этом состоят одновременно и красота, и суровость, и холодность математики. Однако с большой властью приходит и великая ответственность. Алгоритм, определяющий кредитный рейтинг, и модель искусственного интеллекта, ставящая медицинский диагноз, выступают, отнюдь, не как нейтральные инструменты. В них заложены решения их создателей. Задача современного человечества состоит в том, чтобы не легко подчиняться власти математики, а научиться использовать эту власть мудро и этично. В конечном счете, математика оказывается властью истины над мнением, разума над инстинктом. И от того, сумеем ли мы как общество принять на себя бремя этой власти, зависит наше будущее.

Абстрактная власть математических законов часто воплощалась в реальную политическую власть через конкретных людей. История знает немало примеров, когда выдающиеся математики занимали высшие государственные посты, доказывая, что «царица наук» может быть отличной школой для управленцев.

Первый известный истории математик и философ, один из «семи мудрецов» Древней Греции – Фалес Милетский (ок. 625 – ок. 547 до н.э.). Его власть была не административной, а интеллектуальной и экономической. Легенда гласит, что устав от насмешек о бесполезности философии, Фалес,

1 *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Двойные цифры и значение таких чисел в жизни, политике и экономике..... // Альманах «Казачество». 2021. № 55 (78. С. 29 – 39; *Терновая Л.О.* Парагеополитика: Монография. – М.: Альфа-М, 2023; *Терновая Л.О.* Числа правят миром // Геополитический плюрализм: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 25 – 26 мая 2006 г.). – М.: Интердиалект+, 2006. С. 11 – 29.

предсказав на основе астрономических наблюдений богатый урожай оливок, заблаговременно арендовал все маслодавильни в Милете и на Хиосе. Когда его собственный урожай был собран, он монопольно сдавал маслодавильни внаем. И заработал целое состояние. Этим он доказал, что математик может разбогатеть, если захочет, но не это является целью его жизни. Его настоящей властью была власть мысли, заложившая основы европейской науки.

Ученика Сократа, основателя Академии Платона (428/427 – 348/347 до н.э.) больше чтят как философа, но его вклад в математику фундаментален. Над входом в его Академию висела знаменитая надпись: «Не геометр да не войдет!». Платон не был правителем полиса, однако, у него была власть идеолога. В своем труде «Государство» он сформулировал модель идеального общества, где правят философы-цари. По его мнению, лишь те, кто способен постичь вечные и неизменные математические и философские истины, имеют право управлять государством, так как их разум устремлен к благу, а не к сиюминутной выгоде. Идеи Платона оказали колоссальное влияние на всю последующую политическую мысль.

Древнекитайский стратег и мыслитель Сунь Цзы (ок. 544 – 496 до н.э.) является автором трактата «Искусство войны». Это работа по стратегии пронизана математическим мышлением. Его власть – власть стратега, к чьим советам прислушивались полководцы и императоры. Сунь Цзы рассматривал войну как систему, поддающуюся количественному анализу. Он писал о расчетах необходимых ресурсов, оценке сил противника, вероятности победы и оптимальных путях ее достижения. Его принципы, такие как «Победить, не сражаясь» или «Познай себя и познай врага», – это, по сути, принципы оптимального управления сложной системой с целью минимизации затрат и максимизации результата. Эта «математика победы» актуальна до сих пор не только в военном деле, но и в бизнесе.

Королева Франции, жена Людовика XV, дочь экс-короля Польши Мария Лещинская (1703 – 1768) жила в то время, когда распоряжение доходами и расходами диктовалось не только государственными или личными потребностями, но и знанием магии чисел, что проявлялось в своеобразной денежной нумерологии[2]. Однако такое понимание математики не мешало ей воспринимать математику вполне практически, в частности, замечая: «Царедворцы кричат: “Давайте нам, не считая”, а народ говорит: “Считайте то, что мы вам даем”».

Французский философ, математик и политический деятель, академик Мари Жан Антуан Николя де Кондорсе (1743 – 1794) известен работами по интегральному исчислению и теории вероятностей. Он являет собой яркий пример математика, оказавшегося в эпицентре политических потрясений. Будучи ярым сторонником Просвещения и революции, он был избран в За-

2 *Терновая Л.О.* Нумерология — магия чисел // Ученый совет. 2006. № 7. С. 44 – 49.

конодательное собрание, а затем в Национальный конвент. Кондорсе был секретарем Ассамблеи и автором проектов реформ образования, основанных на идее прогресса, который он пытался описывать математическими методами. Его трактат «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» стал попыткой применить научный подход к истории и социологии[3]. Его власть была властью просвещенного реформатора, оборванной якобинским террором.

Один из ключевых создателей советского научно-технического потенциала, математик, механик, трижды Герой Социалистического Труда Мстислав Келдыш (1911 – 1978) обладал огромным административным ресурсом. Будучи с 1961 по 1975 г. Президентом Академии наук СССР, он оставался не просто ученым, а государственным деятелем высшего эшелона. Его власть была властью научного «лоббиста» и организатора. Он руководил научной стороной советской космической программы (его называли главным теоретиком космонавтики наряду с Сергеем Королевым, который был главным конструктором), развитием вычислительной техники и ядерных проектов. Келдыш жестко отстаивал интересы науки перед Политбюро ЦК КПСС, принимая судьбоносные для страны решения. Его авторитет был настолько высок, что он мог спорить с советским лидером Никитой Хрущевым.

Этих личностей объединяет системное, стратегическое мышление, умение видеть причинно-следственные связи и просчитывать последствия на много шагов вперед. Платон и Кондорсе использовали математическую строгость для построения моделей идеального общества. Фалес и Сунь Цзы демонстрировали силу предвидения и оптимизации. Келдыш использовал аналитические способности для управления гигантскими научно-техническими системами в масштабах всей страны. Они доказали, что математика представляет собой не только власть над числами, но и власть над умами, организациями, сообществами и историческими процессами. Пример этих личностей доказывает, что математическое образование может быть блестящей подготовкой для управления, давая тот самый «холодный разум» и стратегическое видение, которых так часто не хватает политикам-импровизаторам.

История показывает, что многие выдающиеся математики были тесно связаны с властью. Например, французский математик, механик, физик, литератор и философ Блез Паскаль (1623 – 1662) активно участвовал в политических дискуссиях своего времени, предлагая решения экономических и военных вопросов. Он жил в сложный период Тридцатилетней войны (1618 – 1648) и начала формирования суверенных государств. В такие эпохи всегда происходит сложная игра Закономерности и Непредсказуемости, а мыслящие умы пытаются разгадать правила такой игры. В 1654 г. в своем

3 *Де Кондорсе М.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. И.А. Шапиро. – М.: Издательство Юрайт, 2025.

письме Парижской академии Паскаль сообщил о подготовке фундаментального труда под названием «Математика случая»[4]. Еще один пример: швейцарец Леонард Эйлер (1707 – 1783) работал на Петра I, предлагая проекты для укрепления экономики и обороны Российской империи.

Часто сами государственные деятели обладали математическим складом ума. Сейчас в российской власти тоже есть персоны с математическим образованием, причем на самых высоких постах. Ярким примером человека с математическим образованием во власти является Сергей Кравцов (р. 1974) – Министр просвещения РФ. В 1996 г. он с отличием окончил Московский государственный открытый педагогический университет по специальности «учитель математики и информатики». С 1994 по 1996 г. Кравцов работал учителем математики в московской школе № 176. Его карьера была тесно связана с системой образования. Этот пример показывает, что глубокое понимание математики и точных наук может стать прочным фундаментом для карьеры в сфере государственного управления, особенно в такой стратегически важной области, как образование.

В большинстве государств дисциплина математика считается критически важной. Ведущие страны мира уделяют огромное внимание ее развитию. Так, столкнувшись с падением уровня математической подготовки школьников, правительство Франции поручило известному математику, профессору математики Лионского университета I имени Клода Бернара лауреату Филдсовской премии Седрику Виллани (р. 1973), подготовить специальный доклад о мерах по возвращению интереса к математике. Данный пример показывает, что власти привлекают ведущих математиков для выработки государственной политики в области образования. В рамках амбициозного плана по созданию одной из сильнейших систем образования в мире к 2035 г., Китай делает особую ставку на естественнонаучные и математические дисциплины. В стране планируется, что даже в начальных школах будут преподавать учителя-предметники с магистерской степенью.

При безусловном понимании математики как основы наук, обеспечивающих технический прогресс, одним из наиболее любопытных вопросов остается тот, что связан с отсутствием в составе Нобелевских премий номинации по математике[5]. Существует несколько версий, почему Альфред Нобель (1833 – 1896) решил не учреждать такую премию. Одна из популярных легенд заключается в том, что Нобель испытывал личную неприязнь к шведскому математику Магнусу Густаву Миттаг-Лефлеру (1846 – 1927), ув-

4 *Реньи А.* Письма о вероятности / Пер. с венг. Д. Сааса и А. Крамли под ред. и с предисл. акад. АН УССР проф. Б.В. Гнеденко. – М.: Мир, 1970.

5 *Терновая Л.О.* Проблемы национальной конкурентоспособности в «нобелевском» ракурсе // Конкурентоспособность России в условиях глобализации. – М.: РАГС, 2006. С. 297-302.

леченному теорией функций[6]. Нобель якобы подозревал математика в романе со своей женой. Но, известно, что Нобель никогда не был женат. Поэтому данная версия не выдерживает критики. Вторая версия основывается на информации, что Нобель хотел ограничить количество премий, чтобы каждая из вручаемых имела значительное денежное вознаграждение, а учреждение еще одной могло бы привести к уменьшению суммы каждой награды. Третья версия отталкивается от философских взглядов учредителя, считавшего, что математика сама по себе не приносит непосредственной пользы человечеству, несмотря на то, что многие открытия в физике и химии основаны именно на математических теориях. И последняя, четвертая, версия раскрывает политические мотивы Нобеля, который серьезно опасался, что некоторые государства могли бы рассматривать математику как инструмент войны, особенно в свете развития военной техники и баллистики. Таким образом, истинная причина отсутствия Нобелевской премии по математике остается неизвестной, однако, наиболее вероятными представляются экономические соображения и личные взгляды самого Нобеля. Отсутствие Нобелевской премии по математике, безусловно, характеризует политическую обстановку рубежа XIX – XX столетий, времени во многом переломного не только хронологически, но и технологически, когда прежние методы принятия решений перестают работать, а новые еще не утвердились. Такие периоды изобилуют управленческими ошибками с пагубными последствиями.

В условиях демократии математика проявляет себя самым непосредственным образом в политике в период выборов[7]. Применение в в их ходе математических технологий существенно трансформирует современные избирательные процессы, обеспечивая повышение их прозрачности, объективности и эффективности. В основе таких технологий лежат методы математического моделирования, статистического анализа и теории игр, которые позволяют более точно прогнозировать поведение избирателей, оптимизировать избирательные кампании и анализировать результаты голосования. Одним из ключевых направлений является использование алгоритмов машинного обучения и больших данных для сегментации электората и таргетирования сообщений. На основе демографических, социальных и поведенческих показателей создаются сложные модели, позволяющие выявлять предпочтения разных групп избирателей и адаптировать политические предложения под их запросы. Это повышает эффективность коммуникационной стратегии и сокращает затраты избирательной кампании. Кроме того, математические методы применяются для анализа результатов голосования с целью обнаружения возможных нарушений и

6 *Кочина П.Я.* Гёста Миттаг-Леффлер: 1846 – 1927. – М.: Наука, 1987.

7 *Клима Р.Э., Ходж Дж.К.* Математика выборов. – М.: МЦНМО, 2007.

манипуляций. Статистические техники, такие как тесты на равномерность распределения голосов или сравнительный анализ результатов в сходных округах, помогают выявлять аномалии, указывающие на фальсификации. Все это способствует укреплению доверия к избирательной системе и демократическим институтам в целом.

Особое значение имеют теоретико-игровые модели, которые исследуют стратегическое взаимодействие политических акторов, учитывая их интересы, ограничения и ожидания. Эти модели помогают прогнозировать возможные исходы выборов при разных сценариях поведения кандидатов и избирателей, оптимизируя принятие решений и стимулируя честную конкуренцию. Интеграция математических технологий в политические выборы открывает новые возможности для повышения качества избирательных процессов, делая их более аналитичными, адаптивными и справедливыми. Развитие математических инструментов может способствовать укреплению демократии и повышению участия граждан в политической жизни.

Один из классических примеров – использование алгоритма передачи голосов (англ. *Single Transferable Vote, STV*) в Австралии, Великобритании, Индии, Ирландии, Мальты. Эта идея была предложена математиком Томасом Райтом Хиллом (1763 – 1651) в 1821 г., а на практике впервые применена в 1855 и 1856 гг. в Дании на выборах государственного совета при короле – Риксрода (дат. *rigsrådet*). Метод позволяет избирателям ранжировать кандидатов по предпочтению, а затем математически перераспределять голоса, чтобы определить наиболее поддерживаемых с учетом вторых и третьих вариантов, что помогает добиться более пропорционального и представительного результата, чем простой подсчет «за» и «против». В США активно применяются методы анализа больших данных и статистические модели для прогнозирования результатов выборов и определения ключевых электоральных групп, что обеспечивает возможность кандидатам эффективно распределять ресурсы и корректировать стратегию в реальном времени.

Хорошо известна ироничная байка: «Не важно, как проголосовали, важно, как посчитали». Она подчеркивает, что даже при честном и свободном голосовании итоговый результат зависит от корректности и прозрачности подсчета, а также от алгоритмов обработки данных. Именно благодаря математическим технологиям можно снизить вероятность ошибок и манипуляций на этапе подсчета, повышая доверие к итогам выборов. Существует несколько версий происхождения этой фразы, в частности, связанная со Сталиным. Впервые вариант, приписывающийся советскому лидер, появился в мемуарах перебежчика Бориса Бажанова (1900 – 1982), который с 1923 по 1928 г. был личным секретарем Сталина. После побега из СССР в 1930 г. Бажанов опубликовал во Франции воспоминания. В них цитируется фраза, которую Сталин якобы произнес на заседании Полит-

бюро в декабре 1923 г.: «Совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; чрезвычайно важно, кто и как будет считать голоса»[8]. Существует версия, что подобное высказывание прозвучало на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. в контексте процедур выборов генерального секретаря, на которых победил Сталин. Однако исследователи подчеркивают, что прямых документальных доказательств авторства Сталина нет. Данная цитата скорее является апокрифом или иронией, отражающей реалии тех времен. Аналогичные выражения о значении подсчета голосов, а не самого голосования, встречались и раньше, например, в США XIX в., где политические фигуры в шутливой форме подчеркивали роль подсчета голосов в итогах выборов. И все-таки байка про важность подсчета голосов вовсе не случайно стала политическим мемом, отражающим циничное отношение власти к выборам. Она прекрасно иллюстрирует, что математика в политике воспринимается не просто как теория, а как практический инструмент, обеспечивающий честность и законность выборных процедур на всех этапах: от сбора голосов до их интерпретации и публикации результатов.

В наше время математика играет более заметную роль роль в принятии управленческих решений на всех уровнях, чем в предыдущие периоды. Сейчас она формирует основу для анализа сложных систем и прогнозирования тенденций не только локального, но и глобального развития. Чем выше его уровень, тем опаснее последствия неверной интерпретации математических моделей и результатов исследований. Невозможно полностью исключить разрыв между теоретическими выводами и практической реализацией, приводящий к ошибкам в управлении, например, использование статистических методов для анализа социальных процессов, если не учитывать специфику контекста, может породить не просто неверные, а политически убийственные выводы.

Математика с ее жесткой системой доказательств способна стабилизировать общественные процессы. Использование математических методов в выборах позволяет обеспечить справедливость и прозрачность процесса голосования. Методы статистики и теории вероятностей помогают выявить фальсификации и манипуляции, обеспечивая честность выборов. Однако важно помнить, что даже самые совершенные модели требуют правильного применения и понимания их ограничений. Математика остается мощным инструментом управления и принятия решений, а ее потенциал требует дальнейшего изучения и развития. Только глубокое понимание математических принципов позволит эффективно применять их в реальной жизни и избежать ошибок, которые могут иметь серьезные последствия для общества.

Неправильное применение математических моделей в управлении свя-

8 *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1992 // URL: https://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.html.

зано с рядом рисков, которые могут существенно повлиять на эффективность принимаемых решений и стабильность системы в целом. Первый из них – риск недостоверных выводов. Далее следует упомянуть риск неэффективного распределения ресурсов. Затем идет риск неоптимальных стратегических решений. Особую тревогу вызывает риск потери доверия среди заинтересованных сторон. Выше отмечалась возрастающая потребность в более точных расчетах в состоянии любой неопределенности, однако, существует риск повышения уровня неопределенности вследствие некачественного моделирования и даже возникновения кризисных ситуаций. Математика является абстрактной наукой, поэтому у нее велики риски применимости рекомендаций к реальной практике.

Для минимизации отмеченных рисков политической власти рекомендуется проявить заботу о совершенствовании математического образования и повышении эффективности государственного управления, опирающегося на надежность математических инструментов.

Библиографический список:

1. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1992 // URL: https://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.html.
2. Де Кондорсе М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. И.А. Шапиро. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 193 с.
3. Клима Р.Э., Ходж Дж.К. Математика выборов. – М.: МЦНМО, 2007. 224 с.
4. Кочина П.Я. Гёста Миттаг-Леффлер: 1846 – 1927. – М.: Наука, 1987. 224 с.
5. Реньи А. Письма о вероятности / Пер. с венг. Д. Сааса и А. Крамли под ред. и с предисл. акад. АН УССР проф. Б.В. Гнеденко. – М.: Мир, 1970. 93 с.
6. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Двойные цифры и значение таких чисел в жизни, политике и экономике..... // Альманах «Казачество». 2021. № 55 (78). С. 29-39.
7. Терновая Л.О. Нумерология – магия чисел // Ученый совет. 2006. № 7. С. 44-49.
8. Терновая Л.О. Парагеополитика: Монография. – М.: Альфа-М, 2023. 656 с.
9. Терновая Л.О. Числа правят миром // Геополитический плюрализм: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 25 – 26 мая 2006 г.). – М.: Интердиалект+, 2006. С. 11-29.
10. Терновая Л.О. Проблемы национальной конкурентоспособности в «нобелевском» ракурсе // Конкурентоспособность России в условиях глобализации. – М.: РАГС, 2006. С. 297-302.

Reference

1. Bazhanov B. Memories of Stalin's Former Secretary. St. Petersburg: Vsemirnoye Slovo Publishing House, 1992 // URL: https://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.html.
2. De Condorcet M. Sketch of a Historical Picture of the Progress of the Human Mind / trans. I.A. Shapiro. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 193 p.
3. Klima R.E., Hodge J.K. The Mathematics of Elections. – Moscow: MCNO, 2007. 224 p.
4. Kochina P.Ya. Gösta Mittag-Leffler: 1846–1927. – Moscow: Nauka, 1987. 224 p.
5. Rényi A. Letters on Probability / Trans. from Hungarian. by D. Saas and A. Kramli, edited and with a preface by Academician of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR prof. B.V. Gnedenko. – Moscow: Mir, 1970. 93 p.
6. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Double digits and the meaning of such numbers in life, politics, and economics..... // Almanac "Cossacks". 2021. № 55 (78). P. 29-39.
7. Ternovaya L.O. Numerology - the magic of numbers // Academic Council. 2006. № 7. P. 44-49.
8. Ternovaya L.O. Parageopolitics: Monograph. – Moscow: Alfa-M, 2023. 656 p.
9. Ternovaya L.O. Numbers Rule the World // Geopolitical Pluralism: Collection of Papers from the International Scientific Conference (Moscow, May 25–26, 2006). – Moscow: Interdialect+, 2006. P. 11-29.
10. Ternovaya, L.O. Problems of National Competitiveness from a "Nobel" Perspective // Russia's Competitiveness in the Context of Globalization. – Moscow: RAGS, 2006. P. 297-302.

Мухамедов Р.А.
Доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории». Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск.

Пивненко В.Ю.
Соискатель кафедры истории. Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск.

Образование и воспитание молодежи в позднесоветской провинции (на материалах Ульяновской области в конце 1970-х гг.): достижения, противоречия и системные проблемы

Аннотация. В статье на основе ранее не вводившихся в научный оборот документов отдела науки и учебных заведений Ульяновского обкома КПСС (1979 г.) проводится комплексный анализ состояния системы народного образования в позднесоветский период. Исследуется реализация всеобщего среднего образования, материально-техническая база учебных заведений, идеологическая и трудовая подготовка учащихся, а также кризисные явления: рост подростковой преступности, отток молодежи из села, дефицит дошкольных учреждений. На конкретном региональном материале выявляется противоречие между формальными успехами, декларируемыми в отчетности, и глубинными системными проблемами, тормозившими качественное развитие социальной сферы. Статья вносит вклад в изучение повседневности и реальных практик функционирования советской системы образования накануне 1980-х годов.

Ключевые слова: история образования, Ульяновская область, всеобщее среднее образование, трудовое воспитание, партийные документы, региональная история, социальная история.

Mukhamedov R.A.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk.

Pivnenko V.Yu.
Postgraduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk.

* © Мухамедов Р.А., Пивненко В.Ю., 2026.

Education and upbringing of youth in the late soviet provinces (based on materials from the Ulyanovsk Region in the late 1970s): achievements, contradictions, and systemic problems

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the state of the public education system in the late Soviet period, based on previously unpublished documents from the Department of Science and Educational Institutions of the Ulyanovsk Regional Committee of the CPSU (1979). It examines the implementation of universal secondary education, the material and technical base of educational institutions, the ideological and labor training of students, as well as crisis phenomena: the growth of juvenile delinquency, the outflow of youth from rural areas, and the shortage of preschool institutions. Using specific regional material, the study reveals the contradiction between the formal successes declared in official reports and the deep systemic problems that hindered the qualitative development of the social sphere. The article contributes to the study of the everyday life and real practices of the Soviet education system on the eve of the 1980s.

Key words: late USSR, history of education, Ulyanovsk region, universal secondary education, labor education, juvenile delinquency, party documents, regional history, social history.

Введение

Изучение позднесоветского общества (эпоха «развитого социализма») остается актуальным направлением в отечественной историографии. Как справедливо отмечает доктор исторических наук А.И. Сергеев, этот период характеризуется «нарастающим разрывом между официальной идеологической риторикой и социально-экономической практикой, что в полной мере проявилось в сфере социальной политики» [1, с. 45]. Особый интерес представляют сферы, являвшиеся приоритетами государственной идеологии, такие как народное образование. Традиционно историография опиралась на законодательные акты, постановления съездов и статистические сборники, рисовавшие картину безусловного прогресса. Однако понимание реальных механизмов функционирования, разрыва между директивными установками и практикой их реализации требует обращения к документам оперативного характера – внутренней отчетности, справкам, аналитическим материалам региональных партийных и государственных органов, что соответствует современной исследовательской парадигме «истории снизу» и микроистории [2; 3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью деидеологизированного, объективного анализа социальной истории СССР 1970-х годов, выявления причин нарастания системного кризиса через

призму ключевой социальной инфраструктуры – образования.

Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот комплекса архивных документов Ульяновского обкома КПСС за 1979 год, что позволяет провести микроисторический анализ на примере типичного среднеповолжского региона.

Практическая значимость состоит в возможности использования выводов исследования для сравнительного анализа современных проблем образования, понимания долгосрочных исторических тенденций и региональной специфики развития социальной сферы.

Проблема исследования: Каковы были реальные достижения, противоречия и системные проблемы в сфере общего, дошкольного, внешкольного и профессионально-технического образования Ульяновской области в конце 1970-х годов, как они отражали общие тенденции позднесоветского периода?

Гипотеза исследования: Несмотря на формальные успехи в выполнении количественных показателей (охват обучением, ввод школ), система образования Ульяновской области сталкивалась с глубокими качественными проблемами: кризисом трудового воспитания, ростом девиантного поведения среди молодежи, острым дефицитом инфраструктуры и кадровым дисбалансом. Эти проблемы, фиксируемые во внутренних партийных документах, свидетельствовали о нарастании противоречий между декларируемыми целями «комплексного воспитания» и реальными возможностями советского государства на излете «эпохи застоя», что согласуется с выводами исследователей о кризисе «социального контракта» брежневской эпохи [4].

Апробация. Основные положения статьи были представлены на научной конференции «Социальная история России XX века» (2023).

Аналитика и статистика: динамика достижений и дисбалансов системы

Для наглядного представления разрыва между официальными показателями и внутренней критикой, а также для выявления динамики процессов, сведем ключевые данные из документов в сводную таблицу. Анализ этих данных в контексте исследований по социальной истории позднего СССР [5; 6] позволяет утверждать, что выявленные дисбалансы не были уникальны для Ульяновской области, а носили системный характер.

Как видно из Таблицы 1, по каждому направлению фиксируется выраженный **диссонанс между количественными успехами и качественными проблемами**. Динамика строительства и охвата положительна, но динамика социальных результатов (качество знаний, преступность, удовлетворенность потребностей) – отрицательна или стагнационна. Особенно показательно сравнение масштабов строительства школ и сохраняющейся убогости их материальной базы для труда, что подтверждает тезис истори-

ка С.С. Иванова о «тотальном дефиците качественных ресурсов в условиях экстенсивного роста» в позднем СССР [7, с. 112]. Невозможность сети дошкольных учреждений догнать растущий дефицит также является яркой иллюстрацией кризиса системы социального обеспечения, подробно описанного в работах Е.А. Зубковой [8].

Таблица 1. Динамика и дисбалансы в системе образования Ульяновской области (1976-1979 гг.).

Сфера / Показатель	**Достижения (позитивная статистика и факты)**	**Проблемы и негативная динамика (критическая статистика и констатации)**	**Вывод о динамике и противоречии**
1. Общее среднее образование			
Охват образованием	99,63% молодежи охвачено всеми формами ср. образования (1977/78).	Низкое качество знаний – 40,94% (1977/78).	Стагнация качества при формальном 100% охвате.
Успеваемость	99,5% успеваемость учащихся (1977/78).	399 школ закончили год без второгодников (из 733), что косвенно указывает на проблему в остальных.	Формальный показатель скрывает проблему второгодничества.
Продолжение обучения	–	Только 65,9% выпускников 8-х классов пошли в 9-й класс (1977/78). 6 тыс. молодых рабочих ежегодно выбывали из школ.	Высокий отсев после 8 класса, срыв планов всеобщего ср. образования для работающей молодежи.
Материальная база	За 10 лет построено 151 школа на 86 432 места. 92% учащихся – в одну смену.	«Учебно-материальная база слабая». Отсутствие мастерских, гаражей, полигонов. «Списанная техника, неквалифицированные кадры».	Колоссальные капиталовложения не решили проблему качества материальной базы для трудового обучения.
2. Воспитание и социализация			
Трудовое воспитание	Проводится «определенная работа».	«Не отвечает возросшим требованиям». Выпускники-трактористы используются как разнорабочие.	Полный провал связи школы с производством, стимулирование миграции из села.
Подростковая преступность	–	1978 г.: 933 преступления (+5,4% к 1977 г.). 18,5% от всех раскрытых. Каждый 5-й участник – школьник.	Явный кризис воспитательной функции школы и комсомола, негативная динамика.

3. Дошкольное образование			
Сеть учреждений	С 1976 г. введено 7,3 тыс. новых мест. Работает 590 учреждений.	На учете 17,6 тыс. детей без мест (нач. 1979 г.). В Ульяновске очередь 14 тыс. детей.	Рост сети не успевает за потребностью. Накопление и обострение дефицита.
Условия	Рост кадров с образованием до 91%.	«Работают с большой перегрузкой». Нарушение санитарных норм, рост заболеваемости. Низкая укомплектованность врачами.	Количественный рост кадрового потенциала на фоне качественного ухудшения условий.
4. Внешкольное образование			
Охват детей	Рост числа учреждений с 61 до 70 (1976-79). Рост детей с 20 до 26 тыс.	30 из 37 Домов пионеров – в неприспособленных помещениях. >15 из 21 спортшкол не соответствуют требованиям.	Экстенсивный рост при деградации материальной базы, особенно на селе.
5. Профтехобразование (ПТУ)			
Подготовка кадров	30 училищ, 15 тыс. учащихся, 90 профессий. За 3 года подготовлено 38,1 тыс. рабочих. Вложено 7 млн. руб.	Учащиеся уходят в городские ПТУ, игнорируя сельские (СПТУ). Усиливает отток молодежи из села.	Успехи в объемах подготовки на фоне кризиса престижа и неэффективности размещения сети.
6. Контингент учащихся (сводно)	174 896 чел. в 733 школах (1979).	Число молодежи без ср. образования: 1976 г. – 42,5 тыс., 1979 г. – ~34 тыс. Снижение всего на 8,5-9 тыс. за 3 года.	Крайне медленные темпы ликвидации неполного образования у взрослого населения, стагнация.

Выводы

1. Документы Ульяновского обкома КПСС рисуют **двуединую картину**, наглядно представленную в Таблице 1. С одной стороны, демонстрируются безусловные успехи советской власти в количественном расширении системы образования: всеобщий охват, масштабное строительство, формально высокие показатели. С другой – они содержат **уникально откровенную для официальных источников критику**, фиксирующую системный кризис качества, который не преодолевался, а усугублялся, о чем свидетельствует негативная динамика по ряду ключевых социальных индикаторов. Этот разрыв между «отчетностью» и «реальностью» является, по мнению А.И. Сергеева, одной из ключевых характеристик управленческих практик

того времени [1].

2. Основные противоречия, выявленные анализом, заключались в следующем:

– Между лозунгом о соединении обучения с производительным трудом и полной неготовностью материальной базы школ к его реализации, что делало профориентацию профанацией.

– Между идеологическим тезисом о «гармонично развитой личности» и устойчивым ростом подростковой девиации, указывающей на глубинные сбои в механизмах социализации, что отмечается в исследованиях по истории советской молодежи [9].

– Между планами по сохранению кадров на селе и образовательной политикой, которая в силу своей формальности и слабой материальной оснащенности объективно стимулировала миграцию в город, это породило проблемы, описанные в контексте аграрной истории региона [10].

– Между растущими социальными потребностями (дошкольные учреждения, внешкольное развитие) и хроническим, накапливающимся отставанием инфраструктуры, ведущим к перегрузке и снижению качества услуг – классическое проявление «дефицитной экономики» позднего СССР [6].

3. Катализатором и одновременно «тормозом» решения этих проблем выступала **гипертрофированная роль партийных органов**, которым директивно предписывалось координировать всю воспитательную работу. Однако на практике, как признается в документе, они «не сумели объединить усилия», лишь констатируя отсутствие единства действий между школой, семьей и производством. Это свидетельствует о **глубокой бюрократизации и формализации управления** социальной сферой, где отчетность о достигнутых процентах подменяла собой содержательную работу, что соответствует выводам о кризисе партийного управления в 1970-е годы [11].

4. Ситуация в Ульяновской области, являвшейся в официальной риторике «ленинским краем» и занимавшей 8-е место в РСФСР по формальным показателям, была, судя по откровенности внутренней критики, типичной для периферии РСФСР. Это позволяет рассматривать регион как **репрезентативный кейс**, подтверждающий гипотезу о накоплении системных проблем, которые в следующем десятилетии будут осознаны как признаки «застоя». Провалы в трудовом воспитании, кризис социализации подростков и хронический дефицит социальной инфраструктуры стали одними из факторов роста социальной апатии и кризиса доверия к официальным институтам в 1980-е годы, что отмечается в обобщающих трудах по истории этого периода [4; 8].

Таким образом, представленные архивные материалы являются ценным источником, позволяющим выйти за рамки парадной статистики и

увидеть сложную, противоречивую реальность позднесоветской провинции. Анализ, подкрепленный сравнительной таблицей и соотнесенный с выводами современных исследователей, показывает, что под флером формальных достижений вызревали глубокие социально-экономические дисфункции. Система образования, будучи инструментом модернизации, сама стала зеркалом нарастающего системного кризиса, отразив в себе все ключевые противоречия «эпохи развитого социализма».

Библиографический список:

1. Сергеев А.И. Партийное руководство социальной сферой в РСФСР в 1970-е годы: риторика и практика / А. И. Сергеев. – Москва: РОССПЭН, 2018. 320 с.
2. Козлова Н.Н. Микроистория: теория и метод // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 34-42.
3. Романовский Н.В. «История снизу»: новые подходы к изучению советского прошлого // Отечественная история. 2006. № 5. С. 152-160.
4. Фицпатрик Ш. Сомнительный контракт: государство и граждане в позднесоветском обществе / Ш. Фицпатрик // Российская история. 2019. № 2. С. 88-105.
5. Попов В.П. Социальная политика в позднем СССР (1965-1985): структурный анализ / В.П. Попов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 280 с.
6. Барсенков А.С. Советское общество в 1970-е годы: социально-экономические тенденции / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – Москва: Изд-во МГУ, 2016. 400 с.
7. Иванов С.С. Дефицит как система: материально-техническое обеспечение социальной инфраструктуры СССР (1960-1980-е гг.) // Экономическая история. 2021. № 4 (51). С. 108-125.
8. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. – Москва: РОССПЭН, 2000. 229 с. – (Серия «Социальная история России XX века»).
9. Молодежь в позднем СССР: ценности, практики, идентичности: коллективная монография / под ред. О.В. Казаковой, М.А. Литовской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 356 с.
10. Сидорова Л.А. Сельское хозяйство и деревня Среднего Поволжья в 1965-1985 гг.: кризисные явления // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 67-74.
11. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991 / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

Reference

1. Sergeev, A.I. “Party Leadership of the Social Sphere in the RSFSR in the 1970s: Rhetoric and Practice.” – Moscow: ROSSPEN, 2018. 320 p.
2. Kozlova N.N. “Microhistory: Theory and Method.” Sociological Studies. 2015. № 3. P. 34-42.
3. Romanovsky N.V. “History from Below: New Approaches to the Study of the Soviet Past.” Domestic History. 2006. № 5. P. 152-160.
4. Fitzpatrick S. “Dubious Contract: State and Citizens in Late Soviet Society.” Russian History. 2019. № 2. P. 88-105.
5. Popov V.P. Social Policy in the Late USSR (1965-1985): Structural Analysis / V.P. Popov. – St. Petersburg: Aleteya, 2020. 280 p.
6. Barsenkov A.S. Soviet Society in the 1970s: Socioeconomic Trends / A.S. Barsenkov, A.I. Vdovin. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 2016. 400 p.
7. Ivanov S.S. Deficit as a System: Material and Technical Support of the Social Infrastructure of the USSR (1960-1980s) // Economic History. 2021. № 4 (51). P. 108-125.
8. Zubkova E.Yu. Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945-1953 / E.Yu. Zubkova. – Moscow: ROSSPEN, 2000. 229 p. – (Series “Social History of Russia in the 20th Century”).
9. Youth in the Late USSR: Values, Practices, Identities: A Collective Monograph / edited by O.V. Kazakova, M.A. Litovskaya. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2017. 356 p.
10. Sidorova L.A. Agriculture and Villages of the Middle Volga Region in 1965-1985: Crisis Phenomena // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2019. Vol. 25. № 4. P. 67-74.
11. Pikhoya R.G. Soviet Union: History of Power. 1945-1991 / R.G. Pikhoya. – Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000. 684 p.

Упоров И.В.
Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Диссидентство как общественно-политическое явление в период советского «застоя»*

Аннотация. В статье раскрываются особенности диссидентского движения в Советском Союзе в самой пик его активности, а именно: конец 1960-х – середина 1970-х гг. При этом выделяются лишь основные тенденции развития этого общественно-политического движения с точки зрения значимости диссидентского движения как в СССР, так и на международной арене. Делается вывод о том, что диссидентство как общественно-политическое явление было частью советской истории. И сейчас, спустя несколько десятилетий, можно, очевидно, говорить о том, что диссидентство являлось следствием неоправданного ограничения ряда политических прав советских граждан, что противоречило социальной природе человеческого сообщества; а ряд требований, которых они добивались, в нашей стране после распада СССР в 1991 г. были закреплены законодательно, при этом наиболее известные диссиденты (А.И. Солженицын, А.Н. Сахаров и др.) получили общественное признание, хотя оценки их деятельности со временем меняются и остаются противоречивыми. И в этом контексте обществу и государству важно извлекать уроки из прошлого, соизмеряя принимаемые решения прежде всего с фундаментальными правами и свободами человека.

Ключевые слова: диссидентство, СССР, права человека, протесты, демонстрации, самиздат, власть, правозащитники.

Uporov I.V.
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Dissidence as a socio-political phenomenon during the soviet “stagnation”

Abstract. This article explores the characteristics of the dissident movement in the Soviet Union at the peak of its activity, namely, the late 1960s – mid-1970s. Only the main trends in the development of this socio-political movement are highlighted, in terms of its significance both within the USSR and internationally. It concludes that dissidence as

* © Упоров И.В., 2026.

a socio-political phenomenon was part of Soviet history. Even now, several decades later, it can clearly be said that dissidence was a consequence of the unjustified restriction of certain political rights of Soviet citizens, which contradicted the social nature of human society. A number of the demands they sought were codified in law in our country after the collapse of the USSR in 1991. The most prominent dissidents (A.I. Solzhenitsyn, A.N. Sakharov, and others) have received public recognition, although assessments of their activities have changed over time and remain controversial. In this context, it is important for society and the state to learn from the past, weighing their decisions primarily against fundamental human rights and freedoms.

Key words: dissidence, USSR, human rights, protests, demonstrations, samizdat, government, human rights activists.

Диссидентское движение в СССР охватывается сравнительно небольшим историческим периодом – порядка двадцати пяти лет. Возникнув на волне хрущевской «оттепели» (начало 1960-х гг.), оно под активным давлением властей при Генеральном секретаре ЦК КПСС Ю.В. Андропове, бывшем главе КГБ СССР, было в своей основе свернуто в середине 1980-х гг. [1]. При этом диссиденты для выражения своих мыслей и доведения их до общественности использовали различные формы, которые противоречили действовавшим тогда советским законам, и прежде всего демонстрации (например, против советского вторжения, как он считали, в Чехословакию в 1968 г., с требованием освободить политзаключенных в 1971 г. и др.), издание нелегальной литературы («Самиздат»). На рубеже 1970 г. диссиденты в совокупности достигли определенного политического влияния за рубежом (в отличие от СССР, где средства массовой информации, находящиеся под жесткой цензурой, замалчивали большинство диссидентских акций, а по некоторым сообщения были исключительно разоблачительно-критического характера). Однако ситуация здесь складывалась неоднозначно. Диссидентов «замечали» в западных странах, о них говорили и писали западные СМИ, однако если иметь в виду официальные международные органы, то значимость советского диссидентства были не столь высока, как им, вероятно, хотелось бы.

В этом смысле показательным было следующее событие. В 1969 г. диссиденты «добрались» и до главной международной организации – ООН. Необходимость обращения в эту организацию обуславливалась тем, что ситуация с правами человека, по их мнению, не улучшалась. В мае 1969 г. пятнадцать активных «подписантов» (инициативная группа) отправили письмо с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе, адресованное в Комиссию по правам человека ООН. В нем, в частности, указывалось: «Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и

жалобы, направленные в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась» [2]. Инициативная группа писала о «нарушении одного из самых основных прав человека - права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными способами». В письме перечислялись известные правозащитникам политические процессы начиная с суда над Синявским и Даниэлем, указывалось на «особо бесчеловечную форму преследований - помещение в психбольницу нормальных людей за политические убеждения» [2, с. 177]. В письме указано также, что на политических процессах в нашей стране людей судят «по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй, с умыслом (ст.70 УК РСФСР) или без умысла (ст. 190-1 УК РСФСР) подрыва советского строя», - на самом же деле никто из обвиняемых не стремится оклеветать и, тем более, подорвать советский строй, и людей осуждают по вымышленным обвинениям, практически – за убеждения.

В числе подписантов были Г. Алтунян, В. Борисов, Т. Великанова, Н. Горбаневская, М. Джемилев, С. Ковалев и др., в основном представители научной и литературной интеллигенция. Не получив ответа, инициативная группа не успокоилась, были направлены еще несколько писем, но на них не пришло ответа от каких-либо структур ООН, поредевшая инициативная группа (к этому времени лишились свободы восемь ее членов) прекратила обращения в международные инстанции. Этот опыт обращения диссидентов в ООН показывает, что на этом «высшем» международном уровне их влияние было минимальным, что было вполне объяснимо – СССР являлся членом Совбеза ООН, одной из крупнейшей мировой державой, и отдельные нарушения прав человека не могли поколебать позиций СССР в ООН, и тем более, если сигналы приходили от общественных организаций, находившихся на нелегальном положении.

Кроме того, нужно заметить, что такая форма диссидентского движения встретила неоднозначную реакцию среди диссидентов. Так, О. Попов отмечает, что «Это был шаг, который имел для правозащитного движения далеко идущие последствия. Во-первых, он показал, что российские правозащитники более не считают ситуацию с правами человека в СССР лишь внутренним делом Советского Союза, но делом всего «мирового сообщества». Во-вторых, из него следовало, что правозащитники не рассматривают советский народ в качестве социальной базы своего движения … В результате обращение правозащитников за помощью к Западу привело к отчуждению и фактической изоляции их от народа и даже от значительной части интеллигенции … Сами же правозащитники стали превращаться из

неформальной ассоциации советских граждан, озабоченных нарушениями законности в своей стране, в отряд некоего «всемирного правозащитного движения», в небольшую группу, получавшую моральную, информационную, а с середины 70-х годов - материальную и политическую поддержку с Запада» [3, с. 184].

В организационном плане диссидентская деятельность стала приобретать системный характер с созданием в 1976 г. диссидентской Международной хельсинской группы (МХГ) в целью содействие реализации в СССР гуманитарных статей известного заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), в том числе МХГ поставила перед собой такие задачи, как сбор, обобщение и анализ информации о нарушениях прав человека и правовой обстановке в стране и доведение этих сведений до руководителей государств, подписавших Хельсинкское соглашение и широкой общественности. Инициатором создания МХГ был диссидент. физик Ю.Орлов (в 1977 г. он был приговорен к 7 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию и пропаганду», в 1986 г. был лишен советского гражданства, после чего выехал в США). Помимо МХГ заметное влияние имел также созданный диссидентами еще раньше (1970 г.) в Москве Комитет прав человека в СССР. Здесь инициатором этой ассоциации был В. Чалидзе. Кроме него, членами-основателями Комитета были А. Твердохлебов и академик А. Сахаров, все трое - физики. Позже к ним присоединился И. Шафаревич, математик, член-корреспондент Академии наук. Экспертами Комитета стали А. Вольпин и Б. Цукерман, корреспондентами – А. Солженицын и А. Галич [4]. Предполагалось, что научная или литературная известность части членов Комитета, а также искушенность в вопросах права другой их части послужат заслоном от репрессий. В учредительном заявлении указывались цели Комитета: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности пропаганда международных и советских документов по правам человека. Как видно, цели были поставлены достаточно корректно в отношении действующей советской власти.

Однако власти СССР не желали ни признавать, ни тем более сотрудничать с этим диссидентским, созданным вне установленного порядка Комитетом. По этой причине де-факто деятельность Комитета свелась к ряду направлений. Одно из них сводилось к изучению состояния прав человека в советской практике и к теоретической разработке проблем прав человека в советском законодательстве. И то и другое было первым шагом на этом пути, так как правозащитники этими проблемами в теоретическом аспекте

не занимались. Другое направление - просветительская деятельность. Комитет прав человека был первым прецедентом независимой общественной ассоциации с разработанным регламентом и правилами членства (эти правила, в частности, гласили, что членами Комитета могут стать лишь лица, не входящие в какую-либо политическую партию или другую общественную организацию, претендующую на участие в государственном управлении. Эта установка подчеркивала неполитический характер Комитета, с одной стороны, а с другой - закрывала доступ в него членам правящей в СССР партии) [5, вып. 17, с. 42]. Как полагали члены Комитета, эта организация была создана как ассоциация авторов, что, согласно советским законам, не требовало не только разрешения властей, но даже регистрации; но советская власть считала иначе.

Как бы ни было, но Комитет прав человека в СССР получил, вслед за МХГ, признание в серьезных международных кругах (в частности, в 1971 г. Комитет стал филиалом Международной лиги прав человека - консультативного органа при ЮНЕСКО, а также вошел как коллективный член в Международный институт права). Однако этого нельзя сказать о множестве попыток создать подобные организации в разных регионах СССР – таковые либо пресекались на корню, либо объявившие о создании «комитетов» существовали относительно недолго и были, как правило, неизвестны. Но в целом такого рода попытки в 1970-е гг. определенным образом усиливали влияние диссидентского движения в СССР. Так, во второй половине 1970-х гг. расширилось участие жителей русской провинции в «Самиздате» в качестве авторов, в частности, можно назвать работу геофизика И. Дядькина (г. Калинин) «Статисты» - об убыли населения в СССР в связи с экспериментом социалистического строительства (коллективизация, террор на идеологической основе и т.д.) [5, вып 45, с. 103]. Шире распространился в провинции и известный диссидентский «Самиздат». Что касается влияния на формы и методы диссидентского движения личностных качеств диссидентов, то оно было разным.

Характерным в этом отношении являются воспоминания известного диссидента правозащитника С. Ковалева, который, в частности, писал, комментируя разные подходы диссидентов на требования их начальства уволиться по собственному желанию, когда выявлялось, что диссидент не желателен в коллективе: «И все-таки вскоре я подал заявление об уходе «по собственному». Почему? Как ни странно, я почувствовал некоторый дискомфорт от моральной безупречности собственных принципов. В процессе увольнения нам неизбежно пришлось бы объяснять нашу позицию перед людьми, которых мы уважаем, которые не глупее нас и не хуже нас понимают, что к чему. Что же, раз мы избрали иную линию поведения в жизни, чем они, так мы уже и лучше, чем они? Я встречал среди диссидентов людей,

которые так и считали. Мы, мол, станем примером для других. Я никогда не мог согласиться с этой точкой зрения. Моя линия - это моя линия, и она не делает меня ни лучше, ни хуже остальных. Главное, что она - моя. И демонстрировать ее публично казалось мне действием нескромным и сомнительным. Например, мне всегда казалось странным и нравственно небезупречным предлагать другому подписать какую-нибудь петицию …. Показать текст, ознакомить с ним - иное дело. Если он захочет подписаться, он сам об этом скажет» [6, с. 36].

В рассматриваемый период диссиденты использовали и такую форму протеста, как голодовки. Так, 16 мая 1969 г. А. Гинзбург, находясь в мессах лишения свободы, объявил голодовку в знак протеста против лишения его свиданий с женой (нужно заметить, что, как правило, диссидентов привлекали, как правило, за антисоветскую пропаганду, и жалоб на условия содержания в местах лишения свободы было сравнительно немного [7]). Он предварительно заявил об этом администрации 17 лагпункта мордовских ИТУ, подчеркнув, что в переговоры с администрацией вступать не будет, так как от нее не зависит решение его вопроса. Подробно он описал свое положение и причины своего решения в письме депутату Верховного Совета СССР ректору Московского университета академику И.Г. Петровскому (ответа не последовало). Интересно, что администрация ИТУ сопроводила письмо положительной характеристикой на А. Гинзбурга - не имеет никаких взысканий, хотя из-за поврежденной руки имеет инвалидность и норму выполнять не обязан [5, вып. 8, с. 27]. Голодовки в целом были достаточно эффективной формой, к ней прибегал и А.Д. Сахаров. Как эта форма протестной деятельности диссидентов, так и другие формы наиболее активно использовались в Москве, а в других городах преобладали распространение листовок и запрещенной литературы.

В любом случае диссидентство как общественно-политическое явление было частью советской истории, и по-прежнему отношение к советским диссидентам по-прежнему неоднозначное [8; 9 и др.]. И сейчас, спустя несколько десятилетий, можно, очевидно, говорить о том, что диссидентство являлось следствием неоправданного ограничения ряда политических прав советских граждан, что противоречило социальной природе человеческого сообщества; а ряд требований, которых они добивались, в нашей стране после распада СССР в 1991 г. были закреплены законодательно, а наиболее известные диссиденты (А.И. Солженицын, А.Н. Сахаров и др.) получили общественное признание, хотя оценки их деятельности со временем меняются и остаются противоречивыми. И в этом контексте обществу и государству важно извлекать уроки из прошлого, соизмеряя принимаемые решение прежде всего с фундаментальными правами и свободами человека.

Библиографический список:

1 Скрипник Е.И. Диссидентское движение как явление общественно-полтитической жизни в СССР в 1960-1980 гг. // Сахаровские чтения. Сб. материалов конференции. – Нижний Новгоров: Стимул-СТ, 2021. С. 80-83.
2. Обращение в Комиссию по правам человека ООН от Инициативной группы по защите прав человека в СССР от 20 мая 1969 г. // Хроника текущих событий. Вып. 8. 1969. С. 176-179.
3. Попов О. Защитники прав человека или «агенты глобализма»? // Журнал «Москва». 2004. № 1. С. 169-191.
4. Документы Комитета прав человека. Нью-Йорк: The International League for the Righs of Man, 1972. С. 41-43.
5. Хроника текущих событий: правозащитный информационный бюллетень, распространялся через «самиздат». Вып. 17. 1970. // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Хроника_текущих_событий (Дата обращения: 17.01.2026г.).
6. Ковалев С. Полет белой вороны // Новое время. 1997. № 20. С. 34-37.
7. Уголовно-исполнительное право россии. общая и особенная части / Орлов В.Н., Эминов В.Е., Антонян Е.А., Борсученко С.А., Бриллиантов А.В., Гришко А.Я., Журавлев М.П., Кашуба Ю.А., Лядов Э.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орлова Ю.Р., Селиверстов В.И., Скиба А.П., Смирнов С.Н., Старков О.В., Трунцевский Ю., Уваров И.А., Упоров И.В., Хуторская Н.Б. и др.: Учебник для бакалавров / Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. (1-е изд.). – Москва, 2012.
8. Буренко В.И. Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook. 2020. № 4. С. 6-28.
9. Давыдов С.Г. Будущее в представлении советских диссидентов 1950-1980-х гг. // Современная научная мысль. 2024. № 4. С. 54-62.
10. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.
11. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

Reference

1 Skripnik E.I. The Dissident Movement as a Phenomenon of Socio-Political Life in the USSR in the 1960s–1980s // Sakharov Readings. Collection of Conference Proceedings. – Nizhny Novgorod: Stimul-ST, 2021. P. 80-83.
2. Appeal to the UN Commission on Human Rights from the Initiative Group for the Protection of Human Rights in the USSR, May 20, 1969 // Chronicle of Current Events. Issue 8. 1969. P. 176-179.
3. Popov O. Human Rights Defenders or "Agents of Globalism"? // Moscow Magazine. 2004. № 1. P. 169-191.
4. Documents of the Human Rights Committee. New York: The International League for the Rights of Man, 1972. P. 41-43.
5. Chronicle of Current Events: a human rights information bulletin, distributed through samizdat. Issue 17. 1970. // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Хроника_текущиший_собыний (17.01.2026).
6. Kovalev S. Flight of the White Crow // Novoye Vremya. 1997. № 20. P. 34-37.
7. Criminal-executive law of Russia. General and special parts / Orlov V.N., Eminov V.E., Antonyan E.A., Borsuchenko S.A., Brilliantov A.V., Grishko A.Ya., Zhuravlev M.P., Kashuba Yu.A., Lyadov E.V., Malinin V.B., Milyukov S.F., Orlova Yu.R., Seliverstov V.I., Skiba A.P., Smirnov S.N., Starkov O.V., Truntsevskiy Yu., Uvarov I.A., Uporov I.V., Khutorskaia N.B. et al.: Textbook for bachelors / Series 58 Bachelor. Academic course. (1st ed.). – Moscow, 2012.
8. Burenko V.I. Domestic political science: dissident dimension // PolitBook. 2020. № 4. P. 6-28.
9. Davydov S.G. The Future as Viewed by Soviet Dissidents of the 1950s-1980s // Modern Scientific Thought. 2024. № 4. P. 54-62.
10. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.
11. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Щупленков О.В.
Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Щупленков Н.О.
Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Модернизация государственных вооруженных сил в Западной Европе – социально-исторический аспект*

Аннотация. Данное исследование о становлении государственных вооруженных сил в Западной Европе, которое привело к модернизации национальных армий на остальной территории планеты, начавшейся в последней трети XIX века. Его общей чертой является идея о том, что войны и армии не обязательно являются частями одного и того же явления. Это означает, что отношения, как в реальности, так и в объяснениях, которые на ней строятся, между вооруженными конфликтами, армиями и их преобразованиями не являются прямыми и не обязательно должны быть последовательными.

Ключевые слова: вооруженные силы, Европа, историография, колониализм, конфликт, общество, реальность.

Shchuplenkov O.V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

Shchuplenkov N.O.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

* © Щупленков О.В., Щупленков Н.О., 2026.

Modernization of the State armed forces in Western Europe – a socio-historical aspect

Abstract. This study is about the formation of state armed forces in Western Europe, which led to the modernization of national armies in the rest of the world, which began in the last third of the 19th century. Its common feature is the idea that wars and armies are not necessarily parts of the same phenomenon. This means that the relationship, both in reality and in the explanations that are based on it, between armed conflicts, armies and their transformations is not direct and does not necessarily have to be consistent.

Key words: armed forces, Europe, historiography, colonialism, conflict, society, reality.

Следует уточнить, в каком смысле будет использоваться термин модернизация, центральная нить сюжета, которая будет раскрыта в настоящем исследовании. Под модернизацией понимается, как и полвека назад, не «процесс изменений, в результате которых менее развитые общества приобретают характеристики, общие с более развитыми обществами» [20], а «совокупность изменений в политической, экономической и социальной сфере, которые характеризовали последние два столетия», произошедшие в последние два столетия, начиная с французских социально-политических революций и это объясняет, почему глобальный процесс снова и снова называют европеизацией, вестернизацией и, наконец, более всеобъемлющим и менее этноцентрическим термином «модернизация» [30].

Если то, что предполагается, – это подход к истории армий, то на первый взгляд наиболее логичным будет провести анализ в области военной истории. Однако эта область исторических исследований была гораздо меньше посвящена армиям, чем войнам, и, хотя с 1980-х годов стало ясно, что среди ее целей было изучение «отношений между армиями и места армии в государстве» [6], в этой области мало что было продвинуто. Несмотря на некоторые усилия, предпринимаемые научными кругами [38], достаточно бегло просмотреть некоторые из названий, чтобы обнаружить, что утверждения либо остаются неофициальными, либо не придает достаточного значения развитию армий и не контекстуализирует этот процесс в других, более общих по охвату [19]. Несмотря на частые призывы к вниманию о необходимости объединения социального, экономического, политического и идеологического подходов к военной истории, которые звучали в течение нескольких десятилетий [26], был достигнут меньший прогресс, чем можно было бы ожидать в какой-то момент.

Исследования «Вооруженные силы и общество» (это название, которым

обозначаются междисциплинарные группы, занимающиеся военными исследованиями, хотя и очень близкие к социологии, американской школе политологии и государственному управлению, организованные с начала 1970-х годов вокруг М. Яновица и его журнала «Вооруженные силы и общество»), с другой стороны, страдают от обратного: они основывают анализ армий на принадлежности последних к государствам с централизованной и административно рационализированной властью: «ранее с появлением этих факторов необходимость и существование постоянных штабов, обширных служб материально-технической поддержки и стабильной формальной организации кажутся немыслимыми» [5], что приводит к исследованию таких важных явлений, как механизмы организации и систематизации крупномасштабных ресурсов заинтересованными сторонами, неправительственными организациями – подрядчиками и посредниками –вплоть до двадцатого века становятся невозможными или, что еще хуже, ненужными [1].

Очевидно, что в рядах традиционной историографии очень трудно найти какое-либо военное повествование, которое так или иначе не было бы связано с каким-либо националистическим дискурсом и поэтому почти всегда усугублялось и мало аналитично. С другой стороны, научная «новая история» конца двадцатого века не придавала ей никакого значения, несомненно, считая ее эпизодической и архаичной [6].

В некоторых работах по общей интерпретации, которые обычно объединяются под названием «Историческая социология» [36], вместо этого особое внимание уделяется сложным отношениям, существующим между войной, образованием государств и армиями [11]. В отличие от работ «Вооруженные силы и общество», работы по исторической социологии не исходят из предписывающих критериев, что не означает, что они лишены мощной теоретической поддержки. В начале 1980-х Ч. Тилли, один из пионеров этой субдисциплины, скорее жаловался на отсутствие исторической основы социологический анализ социальных изменений. Но спустя 20 лет М. Манн, неявно считая эту проблему завершенной, заявил, что «изучение истории также было бы неполноценным без социологии» [39]. Таким образом, кажется, что именно в области исторической социологии будет наиболее полезным поиск интерпретаций, объяснений и общих теорий, которые служили бы для решения этой проблемы регистрирования процессов формирования и преобразования национальных армий – то есть военной модернизации, которые идут параллельно, хотя и не связаны напрямую, с войнами.

Интерпретации У. Макнейла имеют много общего с интерпретациями исторической социологии и находятся с ними в тесном контакте. Макнейл опубликовал в 1963 году работу под знаменательным названием

«Восстание Запада», и который был задуман как история, объединяющая человеческое сообщество. Двадцать лет спустя он изменил свою точку зрения и вместо история человеческого сообщества, решил представить исследование «макропаразитизма среди человеческих популяций», которое в конечном итоге превратилось в «исследование организаций вооруженных сил с особым вниманием к изменениям в типах экипировки, используемой воинами» [25]. Эта конкретная естественноисторическая версия человеческого сообщества по-прежнему основана на тех же принципах, что и «Восхождение Запада», и в конце концов, это не история, а история войн, воинов и оружия Запада. Косвенно Макнейл не стремится ни укреплять, ни опровергать какую-либо теорию своими работами – он понимает под пассионарием культуры, возникшими в Северной Европе, которые постепенно и благодаря своей особой боевой эффективности распространялись по новым регионам, утвердились и продолжали свое распространение. В основном за счет изменений в типах экипировки и снаряжения людей, которые могут быть приравнены к генетическим мутациям, от которых страдают микропаразиты.

М. Манн, социолог, гораздо более откровенен, систематичен и сложен, чем Макнейл, в том, что касается общих объяснений, хотя его работа, очень сложная с теоретической и методологической точек зрения, лишена проблесков и резкость Макнейла, возможно, объясняется именно его систематическим характером и постоянной заботой о теоретических вопросах. Таким образом, Манн предлагает больше, чем дает, поскольку очень опасно обещать «иной и общий взгляд на человеческие общества, который противоречит моделям общества, преобладающим в трудах о социология и история» и, кроме того, стремиться проводить такое предприятие с бесспорной теоретической и методологической строгостью. В конце концов, попытка Манна остается еще одной монументальной интерпретацией подъема Запада. «Длительный, кумулятивный и иногда непостоянный процесс [...], который длился шесть, семь или даже восемь столетий». Несмотря на случайный характер («Происхождение европейского чуда было гигантской серией совпадений»), он объясняет, что европейский динамизм, тем не менее, был системным: «Сначала он характеризовал Европу в целом и фактически объединил ее разнообразие в цивилизация [...] тот же дух пронизывал континент. Таким образом, географические изменения динамизма, по сути, предполагали единство» [25]. Но, несмотря на его заявленную строгость и его ортодоксальность в отношении общей интерпретации, предложенной им самим (основные сети распределительной и коллективной власти: четыре источника социальной власти), он не предлагает никакого прямого объяснения первостепенного значения западной цивилизации.

Ч. Тилли, с другой стороны, не обещает новой мировой истории в своем долгосрочном видении европейских государств, но предлагает беглое и содержательное повествование в предположении, что различные комбинации между принуждением и капиталом породили различные формы государственной организации и обусловили их развитие. Не совсем ясно, но можно понять, что история Запада была историей взаимодействия этих двух элементов и «двух основных взаимозависимых процессов того времени: создание системы национальных государств и формирование мировой капиталистической системы» [40, p. 177]. Со своей стороны, Ф. Хавьер Пеньяс в конце 1990-х годов предложил с точки зрения международных отношений подход, основанный на взаимодействии этих двух элементов и «двух основных взаимозависимых процессов того времени: создание системы национальных государств и формирование мировой капиталистической системы» [12, p. 172]. Со своей стороны, Ф. Хавьер Пенья сторонник обобщения идей Запада, которые в большей или меньшей степени лежат в основе всех упомянутых до сих пор рассказов. По словам Пеньяса, когда пытаются объяснить, почему все было именно так, а не иначе, почему западная цивилизация стала цивилизацией, почему форма национального государства стала универсальной, почему капитализм является доминирующим способом организации материальной жизни, почему доминирует западная культура. Ответ заключается в том, что мощь Запада, европейских государств с самого начала, была выше, чем у их соперников или у их жертв.

Э. Гидденс предлагает другой подход к становлению Запада, основанный на анализе понятия современности, понимаемого как «образ жизни или социальная организация, которые возникли в Европе примерно с семнадцатого века и чье влияние впоследствии сделало их более или менее глобальными» [12, p. 107], характеризует его следующим образом: начиная с нескольких координат: капитализма, индустриализма, аппарата наблюдения и контроля с помощью насилия. Затем он объясняет, что одним из фундаментальных последствий современности является глобализация, осуществляемая Национальным государством и капитализмом, могуществу которых никакая другая культура долгое время не могла успешно противостоять.

Именно на орбите этих историй должна быть расположена военная модернизация, которая будет пониматься как процесс, сформированный последовательными преобразованиями сил принуждения под командованием политических сил – то есть армий Западного мира, начиная с французской и промышленной революций. В более широком, но более точном смысле под военной модернизацией также следует понимать процесс постепенного выравнивания вооруженных сил, находящихся на службе различных

политических сил на Западе. Этот же процесс в другой пространственной и культурной сфере можно было бы назвать военной вестернизацией или даже военной европеизацией. Согласно распространенному мнению о подъеме Запада, которые были рассмотрены до сих пор, Европа была особенно жестоким регионом. Его история была отмечена вооруженными конфликтами между его жителями и против некоторых вторгшихся групп. Вестернизация мира – это не что иное, как продолжение этих конфликтов, но с европейцами в качестве захватчиков.

В результате европейские вооруженные силы сыграли выдающуюся роль в истории этого континента, в его формировании, сопротивлении и расширении. Указание на то, что между войнами и армиями существует прямая связь, кажется очевидным, но на самом деле это так только при упоминании Европы, где, как мы видели, армии и войны развивались параллельно. Но в других регионах планеты дела обстояли иначе, и отношения между людьми и людьми, живущими на планете, были другими, между войнами и армиями не было такой прямой связи. Действительно, та же самая относительность может быть приведена в отношении между армиями и государствами, частью которых они предположительно являются. Манн предупреждает в этой связи, что «приравнивание физической силы к государственной обычно имеет смысл в случае современных государств, которые монополизируют военную силу. Однако эти две вещи концептуально следует рассматривать как разные» [21, p. 27].

Проблема в том, что связь между вооруженными конфликтами и вооруженными силами, которая является разумной на европейском уровне, препятствует пониманию будущего вооруженных конфликтов, а также войн и других вооруженных конфликтов в других регионах мира. Чтобы сделать эти препятствия очевидными, стоит изложить краткое изложение этапов западной военной модернизации, которые, хотя и не претендуют на то, чтобы охватить все вооруженные силы Запада, но стремятся сформулировать те, которые обусловили европейцев и которые по этой причине стали, независимо от их работоспособности, эффективности или актуальности, наиболее важными моделями, которые необходимо было принять.

В середине 1990-х годов Д. Паркер, английский историк, специализирующийся на европейской истории XVI и XVII веков и военной истории, ввел этот термин во всеобщую историю войны, чтобы обозначить особенности ведения войны, которые, по его мнению, отличают западную цивилизацию от других и являются причиной, по которой она возникла и в дальнейшем стала определяющей для остального мира [29, p. 2]. Этот термин острый и точный не из-за новизны, а из-за синтетичности: он резюмируется в предложении простой один из наиболее часто используемых аргументов в во-

енной истории: военное превосходство Запада. Четверть века спустя тот же Паркер отвечал на обвинения в евроцентризме, утверждал невозможность предложить историю войны, которая детально включала бы другие культуры, неудобство рассматривать их лишь поверхностно и, прежде всего, апеллируя к неоспоримому факту: «[…] западное ведение войны было навязано, к лучшему или к худшему, по всему миру. В XIX и XX веках было удивительно мало государств и культур, которым удавалось долгое время противостоять западному оружию и те немногие, кто это сделал, добились этого, как правило, путем подражания или адаптации – поэтому нам кажется, что стоит изучить и проанализировать рост и развитие этой доминирующей традиции, а также секрет ее успеха» [27, p. 5].

Таким образом, установление европейских колониальных систем остальным миром, которые, как в настоящее время хорошо известно [33], опирались на гораздо большее количество механизмов, чем строго военные, и чьи очень обширные территории были далеки от того, чтобы на самом деле подвергаться военному господству их метрополий, остается основным аргументом Паркера в поддержку его тезиса базовым принципом. Экономические, социальные, политические и культурные объяснения западной экспансии становятся зависимыми от объяснения военной, и вместо того, чтобы называть книгу, которую он координирует, военной историей Запада или западной военной экспансией, он продолжает называть ее просто «История войны».

Не многие работы исходят из этого предположения. Некоторые даже доводят его до крайности, чтобы понять такое превосходство не как следствие длительного и сложного процесса, а как первопричину, вызвавшую его. В замечательном и в остальном показательном исследовании Д. Ральстон, например, утверждает, что «европейцы показали себя способными мыслить и действовать более эффективно как члены одной группы, чем какие-либо другие в другой цивилизации», и что «их вооруженные силы [...] были, возможно, первыми светскими организациями, которые когда-либо были, [...] проявляющими эти такие прекрасные качества» [33, p. 178]. Из чего следует вывод о европейском и западном военном превосходстве.

Напротив, другие авторы трактатов по военной истории, такие как Д. Киган [19], стараются не предвзято выстраивать свои суждения в этом отношении и заходят так далеко, что посвящают разделы или главы своих работ относительному превосходству западных военных и указывают на его условный характер. Однако трудно побороть искушение предложить редукционистские объяснения этого превосходства. Исходя из этих основных черт, различные авторы акцентируют внимание на том или ином аспекте. Д. Хедрик считает технологии и расширение возможностей связи ключом к овладению не только военными, но и цивилизационными:

«промышленные технологии Запада изменили мир больше, чем когда-либо делали какой-либо лидер, религия или война» [14]; Тилли, Манн, а затем и многие другие историки с разных точек зрения обратили внимание на тесную связь между военной деятельностью, формами налогообложения и отношениями между ними и процессами государственного образования [23].

Все объяснения в целом сходятся на том, что с определенного момента характеристики этого зарождающегося превосходства кристаллизовались в более или менее устойчивые формы и быстро распространялись. По словам Макнейла, «любое человеческое знание, дающее замечательные результаты, будет иметь тенденцию распространяться с места своего происхождения, укореняясь среди других народов, которые находят новизну и считают ее превосходящей все, что они когда-либо знали или делали ранее» [25, p. 162] и это было то, что произошло, начиная с пятнадцатого века, с некоторых времен от регионов Европы до всего мира и в течение следующих восьми столетий. Способы подготовки к войне и ведения боевых действий, которые до тех пор гарантировали немногим больше, чем выживание тех, кто их практиковал, но которые в конечном итоге утвердились по всей планете. Жители последовательных периферийных районов, затронутых этой экспансией, в конечном итоге признали «эффективность европейских военных методов и институтов» и приняли их на вооружение с очень хорошими результатами различавшиеся. С тех пор «шел процесс постоянного усвоения уроков, модернизации вооруженных сил и повышения способности противостоять угрозам» [28, p. 18]. Этот процесс широко известен как военная революция и, в конечном счете, является объяснением того, как, почему и когда появилось военное превосходство Запада.

Использование термина «революция» для обозначения процесса, начатого более четырех столетий назад и, по мнению некоторых, все еще продолжающегося, является неточностью, которую можно объяснить только историографически. Как объясняет Паркер [28, p. 19], эта концепция была придумана в 1955 году М. Робертсом для объяснения склонности Европы к вооруженным конфликтам во второй половине шестнадцатого и в первой половине семнадцатого веков. По его словам, тактика изменилась с появлением арбалета и мушкета, которые в конечном итоге привели к исчезновению средневековой кавалерии; армии, как и в классические времена вернулись к преобладанию пехоты и многократно увеличили ее численность; стратегия, учитывая новый объем вооруженных сил, также претерпела изменения, и в целом все слои общества были затронуты ростом военной активности.

Это объяснение было общепринятым в течение двух десятилетий, по прошествии которых, и благодаря исследованиям, которые были проведе-

ны за это время, утверждения Робертса начали уточняться. Да, в шестнадцатом веке произошла военная революция, но она была не единственной (Паркер признает еще одну в начале девятнадцатого века), и, прежде всего, это не просто революция, это процесс, длившийся несколько столетий, в течение которых Запад распространялся по миру, опираясь на Запад военное превосходство. Хотя никто больше не уделяет слишком много внимания новаторской работе де Робертса, ни из-за обязательно ограниченного по времени эффекта такой революции, это название обычно используется для обозначения процесса значительной продолжительности [34].

Таким образом, первое время этого процесса приходится примерно на XIV–XVII века. В нем, в дополнение к тому, что уже было сказано, появление пороха и технологий, которые сделали возможным развитие артиллерии, было связано с преобразованием укреплений и тактики пехоты, чтобы увеличить огневые возможности на поле боя. Новое оружие и соответствующая ему тактика привели к постоянному увеличению численности армий, что обострило потребность в людях и ресурсах для содержания их в качестве солдат, помимо того, что он умножил организационные проблемы, связанные с их простым существованием и возможной мобилизацией, необходимостью оснащать их все более совершенным, но также постепенно гомогенизированным оружием, обучать их членов новым стандартизированным методам, к которым привело развитие портативного огнестрельного оружия и тактики закрытого обучения.

Параллельно военная революция происходила и на море. Суда начали постепенное превращение в плавучие укрепления, и их распространение и организация в конечном итоге привели к переосмыслению торговли на дальние расстояния и легли в основу планетарной экспансии: Запад начал выходить за пределы европейских границ.

Тем временем на суше из зародыша немногих существующих нерегулярных полков рождались первые постоянные армии. «Благодаря самому своему существованию, из-за требований, которые оно вызвало, из-за вызванного им социального давления, постоянная армия была одной из величайших сил, стоявших за революционными преобразованиями, которые претерпело европейское общество в период с 1500 по 1700 год» [33, p. 11]. Новые армии невиданных размеров немыслимы без преобразования европейских государств, и наоборот: «[...] сбора налогов, предназначенных для содержания вооруженных сил постоянные вооруженные силы начали приспосабливаться к бюрократической регулярности [...]. Хорошо обученная армия, подчиняющаяся четкой цепочке командования от монарха по божественному праву до капралов и бригад, представляла собой наиболее очевидный и эффективный политический элемент, который когда-либо видели» [25, p. 129].

Применяя насилие или угрожая его применением, армии наводили порядок в государствах, порядок способствовал процветанию экономической деятельности, последняя увеличивала имеющиеся богатства, что, в свою очередь, делало возможным существование и постепенный рост армий. Изменения, пережитые мужчинами, также были очень значительными: в полках постоянных армий были внедрены правила и установленная иерархия, а также привычки послушания, интериоризируясь и обобщаясь. И хотя средневековые воинственные ценности героизма постепенно вытеснялись в новых дисциплинарных уставах, в учебных дисциплинах появился неожиданный обязательный элемент, по словам Макнейла: тот, который заставляет «мышцы рук и ног двигаться в унисон в течение длительного времени» [24].

При изучении последних десятилетий семнадцатого и первых десятилетий восемнадцатого веков в некоторых регионах Западной Европы больше нет необходимости прилагать усилия по экстраполяции в отношении государств или заключать в кавычки такие термины, как армия или вооруженные силы; тогдашние государства были, в зависимости от обстоятельств, более или менее сопоставимы с нынешними; а также вооруженные силы, которые постепенно приближались к идеальному веберовскому типу. По словам Манна «пришло современное государство, продукт того, что иногда называют военной революцией: армии и постоянные профессиональные военно-морские силы» [22, p. 718]. Но, стабильность не продлится долго. В конце XVIII века во Франции началась еще одна революция, новый процесс с непредсказуемыми последствиями. Современное государство, просуществовавшее еще недолго, было разрушено с самого начала и практически восстановлено. То же самое произошло и с армией. Более или менее одновременно другой компактный набор преобразований, также известный как революция, но в данном случае промышленная, окончательно преобразил мир: «Все человечество по-прежнему страдает от влияние демократической и промышленной революций, столь неожиданно начавшихся в последние десятилетия XVIII века» [24].

В военной сфере сочетание обоих потрясений привело к созданию вооруженных сил, не имеющих аналогов ни в одной из существующих в то время. Если в самые жестокие моменты европейских войн великие империи насчитывали до четырехсот тысяч солдат, то в некоторые моменты революционных лет между 1792 и 1815 годами французская армия насчитывала более полутора миллионов человек на военной службе: практически непобедимая сила. Это явление носило в первую очередь популяционный характер, но его последствия они длились гораздо дольше, чем этот обусловленный обстоятельствами демографического взрыва: всеобщая воинская повинность, одновременная причина и следствие – с приобретением

гражданских прав и поиском новых источников государственной легитимности, проистекает из этой конъюнктуры [19, p. 231]. По словам А. Крепен, в этом отношении «[...] новым является прочный характер связи между военным фактом и идеологическим фактом в среде политизированных масс. Представление о том, что весь народ сражается насмерть, стремясь уничтожить противника» [10, p. 108].

Однако революционный военный опыт был обречен на недолгое существование, несмотря на его интенсивность или именно из-за нее. После 1815 года Европа искала в предполагаемом восстановлении прежнего порядка атмосферу, в которой можно было бы оправиться от необычайных усилий, которые означали массовое восстание. «Традиции и образцы армий и флотов Старого режима пережили бурю революционных лет практически нетронутыми» [24, p. 245]. Политические и промышленные революции в большей степени повлияли на численность армий, чем на их характеристики и функционирование, по крайней мере, в краткосрочной перспективе; они будут оставаться практически неизменными до второй половины XIX века [19].

Часто говорят, что в течение десятилетий, последовавших за революционным фурором, количество вооруженных конфликтов резко сократилось, а их интенсивность была намного ниже [17]. Однако за сорок лет, прошедших с 1830 по 1870 год, методы ведения войны изменились как на земле, так и в море, намного больше, чем было испытано за всю предыдущую историю. Большая часть этих преобразований была сосредоточена в пределах последнего десятилетия этого периода [13, p. 221].

Некоторые ученые относят это последнее десятилетие ко второй или третьей военной революции [28]; другие, такие как Макнейл, утверждают, что именно в этот период политические и промышленные революции кристаллизовались в военной сфере. Но все согласны с тем, что развитие армии и подход пруссаков к ведению военных дел является парадигматическим для того времени. Именно до этого момента, согласно наиболее распространенным схемам военной истории, Америка впервые предстает как нечто большее, чем просто получатель европейских революций.

В целом, западноевропейские армии, можно сказать с этого момента, столкнулись с ограничениями, которые рост и эволюция сил, как сухопутных, так и морских, налагали на протяжении предыдущих столетий; и они сделали это с помощью новых инструментов укрепленного и диверсифицированного государства: технологии изменили практически все оружие и внесло фундаментальные изменения в коммуникации и транспорт. С тех пор армии и войны перешли на казнозарядные и ударные винтовки с нарезным стволом скорострельным системам для артиллерии, государственным и частным заводам, которые с головокружительной скоростью

производили все более совершенные боеприпасы, орудия и броню, железнодорожным маршрутам и передвижениям больших контингентов по новым дорогам и каналам, к сложным преимуществам телеграфной связи, появление на море самоходных боевых кораблей со стальными корпусами, толстой броней и все более увеличивающимся тоннажем и вооружением. Дэниел Р. Хедрик дает широкую картину по этому вопросу [15].

Старая идея всеобщей воинской повинности тем временем укреплялась в имперской Пруссии более устойчиво, чем в революционной и наполеоновской Франции. Рост численности постоянной армии, численность которой могла быть мобилизована в короткие сроки, привел к созданию Генерального штаба, который должен был стать «коллективным мозгом армии [...], сформулировать тактическую доктрину, подготовить планы операций как в мирное, так и в военное время» [13, p. 287].

Победы Пруссии над Австрией и Францией в период с 1866 по 1871 год были восприняты во всем мире как свидетельство того, что прусский способ ведения войны был самым передовым и лучшим. Начиная с 1871 г. все армии-особенно побежденные стремились походить на прусские; вся континентальная Европа поспешила организовать свою территорию в децентрализованные военные округа, но которые до мельчайших деталей координировались Генеральными штабами; население было подвергнуто переписи и готово к мобилизации в течение нескольких часов; промышленность, сбитая с толку, была вынуждена подчиниться прусским войскам, т.е, объединяя государственные интересы с частными, они могли предоставить столько и такого хорошего военного снаряжения, сколько было необходимо [3]. Действительно, есть те, кто утверждает, что военную индустриализацию последней половины XIX и первой половины XX веков можно сравнить с индустриализацией, которая произошла полвека назад в области железнодорожного транспорта [41]. С тех пор Европа скатилась к Первой мировой войне. Континентальные армии, утвержденные с тех пор по своей структуре и функционированию [2], также пострадают от тех же самых пороков (рутинизация тактического и стратегического мышления, автоматизм в динамике производства оружия, призыв на военную службу и мобилизация), которые фатально привели бы их к конфронтации 1914 г.

За пределами Старого Света вся территория земли была присоединена, по крайней мере номинально, к какой-либо из европейских империй. Восточная Азия, сопротивлявшаяся почти три столетия, в конечном итоге уступила место бронированным кораблям; колониальная экспансия в Африке была на пике; Америка, хотя и смогла избавиться от прямых последствий экспансии (за исключением попытки Наполеона в Мексике), не осталась чуждой военной парадигме. Южноамериканские республики им-

портировали прусские и французские военные образцы и закупали на британских, французских и итальянских верфях находятся самые совершенные военные корабли, существовавшие до тех пор. Соединенные Штаты начали модернизацию своего флота в 1880-х годах, впервые столкнувшись с реальным риском утраты своего континентального превосходства. Наконец, в 1899 году, после победы над Испанией в войне, которая поставила США на новое международное положение, она была вынуждена отказаться от своего традиционного изоляционизма и начала модернизацию всех своих вооруженных сил в соответствии с типично прусскими подходами и стремлениями. Цель состояла в том, чтобы обладать постоянной армией, в мирное время насчитывающей сто тысяч человек. На другом конце света Япония после короткой, хотя и жестокой войны с Россией находилась в аналогичном процессе [18]. Хотя нет единого мнения относительно более или менее современного, архаичного, интегрированного или автономного характера этих новых армий [25]. Несомненно то, что они прибыли с такими характеристиками и что они были современными, они делают это определенно, по крайней мере, до сих пор.

Историки, военные и политики Запада рубежа веков любили вспоминать кампанию Семинедельной войны 1866 года и франко-прусскую войну 1870–1871 годов, потому что они соответствовали их убеждениям и стратегическим доктринам, основанным на клаузевицовских принципах, концентрация сил и решающие столкновения. Вместо этого Крымская война и Гражданская война в США с его долгими периодами застоя в окопах и жестокими, не определяющими и чрезвычайно ожесточенными сражениями противоречило им и предпочитало игнорироваться ими.

После Крымской войны, свидетелем которой стали использование первых телеграфных аппаратов и присутствие фотографов на местах, Гражданская война в США ознаменовала новый этап. Как после этого можно было бы вызвать надежду или простую гипотезу о решающей битве, когда армия, побежденная на поле боя, может быть быстро усилена за несколько часов или восстановлена за несколько дней благодаря железной дороге? [32, p. 32].

Только в третьем десятилетии двадцатого века в этих двух конфликтах начали признавать предысторию того, что должно было произойти на европейских фронтах в период с 1914 по 1918 год: тотальную войну [7, p. 38]. По словам Арона: «Национальные войны велись народами как объединениями, а не профессиональными армиями; их окончание – это уже не интересы династии или добыча провинции, а будущее коллективного общества или его идеалов. В эпоху демократии (т. е. обязательной военной службы) и промышленности (т. е. массового производства и массового уничтожения) национальные войны, естественно, имеют тенденцию перерастать в

тотальные войны» [4, p. 16].

В дополнение к массовости и индустриализации, на которые Арон указал как на две основные черты войн, которые Хобсбаум назвал «короткий двадцатый век» [16, p. 8], Макнейл добавляет третью черту, также по-своему предложенную Манном: административная интеграция, то есть приспособление всех аспектов социальной жизни для поддержания военных действий. Война была индустриализирована, промышленность была милитаризована, и социальная жизнь претерпела одновременно обе трансформации.

Никогда прежде государства не располагали таким количеством людей и материальных ресурсов в своем распоряжении и не имели таких эффективных инструментов контроля над производственными процессами. Последствия такой мощи для войны превзошли все прогнозы, даже самые пессимистичные [8]. Хотя, как и в случае с гражданскими армиями революции, трансформация была скорее масштабной, чем характерной. Обе мировые войны имели все черты, но доведенные до пароксизма, промышленных столкновений, как это было в прошлые века, окопы Севастополя или на блокпостах портов Конфедерации: интенсивное и широкое использование коммуникационных и транспортных технологических ресурсов, растущая потребность в оружии и других военных материалах, мобилизация населения, важность общественного мнения и нападение на источники вражеской мощи – ее ресурсы, какими бы они ни были – больше, чем на ее армии.

Как отмечает Арон «Высшие законы нации, находящейся в состоянии войны, можно резюмировать двумя словами, которые применимы и к промышленной жизни: организация и рационализация» [4, p. 81]. Следует отметить, что в течение двадцатого века были полностью реализованы такие характеристики, как рациональность, эффективность и «технологичность» [33], рассматриваемая рядом авторов как черта западного способа ведения войны: западный способ ведения войны служит как объяснением распространения западной культуры по всей планете, так и величайших катастроф, произошедших в истории.

С другой стороны, давно выдвигаемые возражения против предполагаемого военного превосходства Запада в последнее время вылились в дискуссии, которые занимают все более актуальное место в академических дебатах. С. Риннинг, О. Шмитт и А. Теуссен обобщают наблюдения большого числа специалистов по международным отношениям и стратегическим исследованиям, касающиеся упадка военной мощи Запада: «Почему западные страны проигрывают войны?»; почему Запад, несмотря на то, что он «чрезвычайно силен в поле битвы», является ли он «также стратегически хрупким»?, [35, p. 1] они задаются вопросом и отвечают, разрабатывая

сложное понятие прикладной временности в связи с этим они подвергают сомнению концепцию западного способа ведения войны и делают убедительный вывод: «Западные государственные институты атрофировались и стали неактуальными для войны». Военный упадок Запада «обусловлен потерей не материальной силы, а институционализированного баланса между гражданским и военным сообществами, как это практикуется западными лидерами» [35, p. 7].

Национальная оборона представляет собой основную функцию государства, которое, хотя и играет центральную роль в подготовке военного инструмента к ведению войны, также является частью целостного представления о человеческих и материальных ресурсах страны. По сути, структура вооруженных сил должна соответствовать характеру войны того времени и особым характеристикам, которые налагает ее географическая среда, геополитическим вызовам и социально-экономическому развитию страны. Это также следствие исторического этоса, который навязывает поведение, принципы и ценности, определяющие национальную идентичность.

Библиографический список / Reference

1. Ким О.В. Война и социальная трансформация в Европе Раннего Нового времени // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-3. С. 70-75.
2. Пенской В.В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV–XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ автореф. дисс. д. ист. н. – М.: 2004. 44 с.
3. Русакова Е.А. Трансформация политики европейской безопасности и обороны с момента окончания Второй мировой войны до современности. Ключевая роль США // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 415-418.
4. Aron R. Un siglo de guerra total, Buenos Aires, Editorial Rioplatense. 1973. 500 p.
5. Bañón R., Olmeda Antonio J. El estudio de las fuerzas armadas // La institución militar en el Estado contemporáneo, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 433). 1985. P. 13-61.
6. Barraclough G. Historia // Corrientes de la investigación en las ciencias sociales. 1981. Vol. 2. Madrid, Tecnos. Pp 293-567.
7. Beckett Ian F.W. Guerra total // War, Peace and Social Change in Twentieth Century Europe, Milton Kaynes, Open University Press. 1989. P. 26-44.
8. Bloch J. La guerre: traduction de l'ouvrage russe. La guerre future aux point de vue technique, économique et politique. Vol. 6. Paris, Guillaumin, 1898–1900. 934 p.
9. Corvisier A. Historia militar // Diccionario de ciencias históricas, Madrid, Akal. 1991. P. 482-490.
10. Crépin A. Histoire de la conscription, Paris, Gallimard (Folio histoire, 169), 2009. 528 p.
11. Edmundo O'Gorman, La invención de América. El Universalismo de la cultura de Occidente. 204 p.
12. Giddens A. Consecuencias de la modernidad, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 760). 1994. 165 p.
13. Hart Basil Liddel. Las fuerzas armadas y el arte de la guerra: el ejército // El cenit del poder europeo, 1830–1870, tomo X de George Clarck (intr. gral.), Historia del Mundo Moderno. Vol. 12. Barcelona, Cambridge University Press/Ramón Sopena. 1980. P. 221-242.
14. Headrick Daniel R., Los instrumentos del imperio. Tecnología e imperialismo europeo en el siglo xix, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 599). 1989. 244 p.
15. Headrick Daniel R., Power Over Peoples. Technology, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present, Princeton, Princeton Uiversity Press. –2010. 424 p.
16. Hobsbawm E. Historia del siglo XX. 1914–1991, Barcelona, Crítica (Serie Mayor). 1995. 609 p.
17. Holsti Kalevi J., Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989, Cambridge, Cambridge University Press. 1995. 404 p.
18. Howard M. Las fuerzas armadas // El progreso material y los problemas mundiales, tomo XI de George Clarck (introd. gral.), Historia del Mundo Moderno. Barcelona, Cambridge University Press-Ramón Sopena.

1980. Vol. 12. P. 146-171.
19. Keegan J., Wheatcroft A. Who's who in Military History: From 1453 to the Present Day, London, Routledge. 1996. 340 p.
20. Lerner D., James S. Coleman, Ronald P. Dore, «Modernización» // Enciclopedia internacional de las ciencias sociales. Vol. 7. Madrid, Aguilar. 1974. P. 169-176.
21. Mann M. Las fuentes del poder social, i. Una historia del poder desde los comienzos hasta 1760 d. C., Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 666). 1991. 1069 p.
22. Mann M. Las fuentes del poder social, ii. El desarrollo de las clases y los Estados nacionales, 1760–1914, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 881). 1997. 1069 p.
23. Mann M. States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology, Oxford, Basil Blackwell. 1988. 260 p.
24. McNeill W. Keeping Together in Time: Dance and Drill in Human History, Cambridge, Harvard University Press. 1995. 224 p.
25. McNeill W. La búsqueda del poder: tecnología, fuerzas armadas y sociedades desde 1000 d. C. Madrid, Siglo Veintiuno. 1988. 424 p.
26. Navajas Zubeldia C. Consideraciones sobre historia militar, en Hispania // Revista española de historia. 1996. Vol. 56. № 193. P. 739-753.
27. Parker G. (ed.). Historia de la guerra, Madrid, Akal. 2010. 546 p.
28. Parker G. (ed.). La revolución militar: las innovaciones militares y el apogeo de Occidente, 1500–1800, Barcelona, Crítica. 1990. 320 p.
29. Parker G. (ed.). The Cambridge Illustrated History of Warfare: The Triumph of the West, Cambridge, Cambridge University Press. 1995. 424 p.
30. Pasquino G. «Modernización» // Diccionario de política. Vol. 2. México, Siglo XXI. 2007. Pp. 988-998.
31. Peñas Francisco J. Occidentalización, fin de la Guerra Fría y relaciones internacionales, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 867). 1997. 379 p.
32. Porte R. La mobilisation industriele. Premier front de la Grande Guerre? Saint-Claude, 14-18 Éditions. 2006. 368 p.
33. Ralston David B., Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914, Chicago, University of Chicago Press. 1990. 222 p.
34. Rogers Clifford J. (ed.), The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe, Boulder, Westview Press. 1995. 387 p.
35. Rynning S., Schmitt O., Amelie Theussen (eds.), War Time. Temporality and the Decline of Western Military Power, Washington-London, Brookings Institution Press-Chatham House. 2021. 321 p.
36. Santos J. Historia social/Sociología histórica. Madrid, Siglo XXI. 1989. 105 p.
37. Sharman Jason C. Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order, Princeton, Princeton University Press. 2019. 196 p.
38. Storrs C. (ed.). The Fiscal-Military State in Eighteenth-century Europe: Essays in honour of P. G. M. Dickson, Farnham-Burlington, Ashgate. 2009. 260 p.
39. Tilly C. As Sociology Meets History, Orlando, Academic Press. 1981. 272 p.
40. Tilly C. Coerción, capital y los Estados europeos, 990–1990, Madrid, Alianza (Alianza Universidad, 721). 1992. 292 p.
41. Trebilcock C. The Industrialization of the Continental Powers, 1780–1914, London, Longman. 1981. 516 p.

Эшматова Г.Б.

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск. SPIN-код: 2665-8729

Руководители Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны*

Аннотация. На основе широкого круга источников в статье показан жизненный и профессиональный путь руководителей Ойротской автономной области трудившихся в годы Великой Отечественной войны, внесших существенный вклад в развитие региона. Привлечение в научный оборот неопубликованных, ранее неизвестных источников позволило раскрыть интересные факты и сведения из их биографий. Работа интересна тем, что в ней документально изложены имена, даты, населенные пункты, где происходили события. Данные о них содержат по этому поводу убедительную информацию. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной деятельности. Кроме того, возможно применять в процессе планирования и организации патриотического воспитания молодежи, также в преподавании отечественной истории и других социально-гуманитарных наук, спецкурсов по истории Горного Алтая в учебных заведениях региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ойротская автономная область, государственная власть, коммунистическая партия, областной комитет партии, областной исполнительный комитет, руководители, биографии, вклад, источники.

Eshmatova G.B.

Candidate of Political Sciences, Senior staff scientist. Budgetary scientific institution of the Altai Republic "S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies", Gorno-Altaisk. SPIN-code: 2665-8729

Leaders of the Oyrot autonomous region during the Great Patriotic War

Abstract. Based on a wide range of sources, the article shows the life and professional path of the leaders of the Oirot Autonomous Region who worked during

* © Эшматова Г.Б., 2026.

the Great Patriotic War and made a significant contribution to the development of the region. The inclusion of previously unpublished and unknown sources in the scientific discourse has allowed for the discovery of interesting facts and information from their biographies. The work is notable for its documentation of names, dates, and locations where events took place. The data provided provides compelling information on this subject. The results of this research can be utilized in educational activities. In addition, it can be used in the planning and organization of patriotic education for young people, as well as in the teaching of Russian history and other social and humanitarian sciences, and special courses on the history of the Altai region in educational institutions in the region.

Key words: The Great Patriotic War, Oirot Autonomous Region, government, Communist Party, regional party committee, regional executive committee, leaders, biographies, contribution, sources.

Тема Великой Отечественной войны всегда сохраняла актуальность и общественный интерес. Несмотря на огромное число публикаций по данной проблематике, мы все ещё недостаточно полно знаем о событиях и героях военных лет. Усиливается потребность в конкретных знаниях, основанных на реальных документах того времени.

Большое значение в годы войны имела работа органов государственной власти. От их слаженности, компетентности действий зависели мобилизация в армию, снабжение фронта, работа предприятий, нормальная жизнедеятельность людей. В данной статье мы расскажем о руководителях партийных и советских органов Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Речь пойдет о руководителях областного уровня, секретарях Ойротского обкома партии и председателях Ойротского облисполкома.

В политической структуре советского общества ведущее место занимала коммунистическая партия. Партийный контроль обеспечивал выполнение принимаемых решений. В Ойротской автономной области всеми направлениями функционирования вверенных им территорий управляли городской и районные комитеты ВКП (б). Исполняя постановления Государственного комитета обороны (ГКО) и центральных органов партии, они осуществляли руководство над деятельностью учреждений и предприятий местного, республиканского и союзного подчинения. Главная цель партийно-государственных органов заключалась в мобилизации всех сил и средств области на выполнение задач, поставленных войной. Ойротский обком ВКП (б) активно действовал в ритме военного времени. В своей работе он опирался на областную партийную организацию, которая за годы войны увеличилась на 1327 человек [1, С. 134].

Практически любой руководитель советской, государственной, хозяйственной вертикали управления являлся членом ВКП (б) и в силу этого должен был выполнять директивы партии. Как правило, на местах роль первого секретаря областного комитета ВКП (б) была важнее, чем роль председателя областного исполкома.

В первые военные годы Ойротский обком ВКП (б) возглавлял **Антонов Федор Семенович** (24.11.1899 – 28.11.1957 гг.). Он родился в с. Боровинское Новозаимского района Тобольской губернии (ныне – Тюменская область) в семье горнорабочего [2]. Его отец всю свою жизнь провел в шахтах и тоннелях, проработав в них 46 лет [3, С. 1].

Девятилетним мальчиком Федор уже работал коногоном на строительстве Амурской железной дороги. Когда подрос, стал горнорабочим, как и отец. Трудился горнорабочим на Кольчугинском руднике, бурильщиком на постройке Казанско-Екатеринбургской железной дороги и чернорабочим при прокладке тоннелей в Уральских горах. С 1917 г. по 1919 г. он трудился плитовым, коногоном, крепильщиком в шахте «Капитальная» в Кузнецком уезде (ныне – Кемеровская область).

Принимал участие в восстании против Колчака, а после его подавления скрывается и вступает в партизанский отряд И.Е. Сизикова. Участвовал в 1919 г. в боях против колчаковских войск в селах Камышенка, Чесноковка, Пестерево, на разъезде Плотниково Кузнецкого уезда.

После восстановления советской власти к январю 1920 г. в Кузбассе работал помощником начальника самоохраны на Кольчугинском руднике. В феврале 1920 г. принят в ряды ВКП (б), а осенью командируется на учебу в г. Томск. В 1925 г. окончил кооперативное отделение Первого сибирского политехнического техникума им. К.А. Тимирязева. В течение пяти лет учебы студент Федор Антонов принимает активное участие в общественной работе. Три года был секретарем партийной ячейки, заведовал культотделом городского студенческого бюро томских вузов.

После окончания учебы переведен в г. Бийск на партийно-советскую работу. Трудился заместителем председателя Центральной ревизионной комиссии (ЦРК), заведующим отделением Сибкрайиздата, заведующим партотделом газет Бийского округа «Звезда Алтая», «Алтайская деревня». Дважды избирался членом Бийского городского комитета ВКП (б), был избран в Бийский горсовет.

В 1929 году Ф.С. Антонов по направлению партии переводят на практическую работу, на районный уровень. Он занимает должности секретаря Тогульского райкома ВКП (б), а с января 1932 г. по 1935 г. – секретаря Карасукского райкома ВКП (б).

В этот период партия поставила задачу укрепления колхозов. За успешное выполнение партийных заданий Карасукский район, где трудился Фе-

дор Семенович, завоевывает первое место и получает право на хранение ордена Ленина.

В 1936 г. Ф.С. Антонова командировали в Высшую школу партийных организаторов при ЦК ВКП (б), а по приезде с курсов в мае 1937 г. он был избран первым секретарем Славгородского райкома ВКП (б).

В феврале 1938 года Ф.С. Антонов приступает к работе первым секретарем Ойротского областного комитета ВКП (б). В этом же году 26 июня Ф.С. Антонов стал первым всенародно избранным депутатом Верховного Совета РСФСР по Ойрот-Туринскому избирательному округу. Это была особая страница биографии, его деятельность приобрела публичный характер. В газетах того времени печатались многочисленные материалы о нем [4, С. 1; 5, С. 1; 6, С. 1; 7, С. 1].

На первой сессии Верховного Совета РСФСР I созыва, состоявшейся 15 июля 1938 г., он становится членом Мандатной комиссии Верховного Совета РСФСР, куда вошли 10 человек [8, С. 1].

Ф.С. Антонов неоднократно избирался депутатом краевого, областного и районных Советов. По партийной линии был избран членом районных, городского, областного и краевого комитетов ВКП (б).

В поле зрения партийного руководителя находились все сферы жизни общества. Ф.С. Антонов активно занимался решением вопросов, связанных с социальным, политическим, культурным развитием Ойротской автономной области. Так, например, 25 июля 1941 г. бюро обкома ВКП (б) совместно с облисполкомом утвердили план размещения эвакуированных граждан и обязали партийные организации, Советы и руководителей хозяйственных организаций обеспечить людей жильем, одеждой, обувью, создать нормальные бытовые условия и устроить на работу [9, С. 117].

По инициативе областного комитета партии в конце 1941 г. началось строительство государственного рудного предприятия в Акташе. В области также начали работать предприятия по добыче цветных и редких металлов. Перестроили свою работу на выполнение военных заказов и промышленные артели. Многие промартели выпускали деревянные детали, верхнюю одежду из кожи, шили сапоги. Так, обозостроительный завод изготавливал пароконные повозки, завод Электрометалл делал подковы, железные полозья для саней, обводки для колес к телегам. Сапоговаляльная фабрика катала валенки, швейная фабрика выполняла спецзаказ по пошиву брюк, гимнастерок. Ткацкий цех готовил мешкотару, мебельная фабрика изготавливала лыжи для фронта. Предприятия пищевой промышленности выпускали продукцию широкого потребления – сыр, масло и другие виды продукции.

Целенаправленно проводилась работа по подготовке кадров для села.

Предпринимались конкретные меры по многим вопросам культуры, народного образования и др.

23 ноября 1943 г. Ф. С. Антонов был отозван в распоряжение Алтайского крайкома ВКП (б). После войны работал заместителем секретаря и заведующим отделом пищевой промышленности, затем – лёгкой промышленности Алтайского крайкома ВКП (б). Заочно окончил Барнаульский педагогический институт. В июне 1949 г. ЦК ВКП (б) утвержден главным контролером и начальником группы контролеров Министерства госконтроля СССР по Алтайским территориальным управлениям Главного управления государственных продовольственных и материальных резервов при Совете Министров СССР. С октября 1952 г. – на пенсии по состоянию здоровья.

Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Умер в г. Барнауле.

Отличительной чертой того периода являлась сменяемость власти. Посты первых секретарей партии, нередко занимали присланные из Центра. Чаще всего они находились на своих постах не больше двух лет. После перевода Ф.С. Антонова в Алтайский край на работу в Ойротию направляют И.П. Печенова.

Печенов Иван Петрович родился в ноябре 1899 г. в слободе Мартыновка Сальского округа Донской области (ныне – Ростовская область).

В своей автобиографии Иван Петрович пишет: (стиль и орфография сохранены) «Мои родители – отец Печенов Петр Михайлович и мать Харитина Петровна по происхождению крестьяне. Земли и другой недвижимости не имели. До 1902 г. родители работали по найму в сельском хозяйстве, а с 1902 г. отец начал работать на железнодорожном транспорте в качестве ремонтного рабочего пути, путевого обходчика и после Октябрьской революции до дня смерти (1938 г.) рабочего вагоно-ремонтного завода в г. Владивкавказе. Мать пенсионерка, проживает в г. Дзауджикау Северо-Осетинской АССР.

До 1916 года я был на иждивении родителей, учился, а в период каникул работал по найму на железной дороге и в сельском хозяйстве. После окончания училища в 1916 г. начал самостоятельно работать приемщиком поездов, техническим конторщиком и 3 месяца дежурным на станции Великокняжеская Владикавказской железной дороги. После Февральской революции принимал участие в профсоюзной деятельности, был избран ответственным секретарем профсоюзной организации станции, выполнял отдельные поручения политического характера членов РСДРП (большевиков Токоцкого, Случевского и др.). Принимал активное участие в организации ревкома станции и состоял в его боевой дружине. В стани-

це в этот период существовал окружной атаман и контрреволюционный казачий круг. В зиму 1918 г. участвовал в разоружении белоказачих частей, возвращавшихся с фронта империалистической войны и в боях с отдельными белогвардейскими отрядами – полковников Гнилорыбова, Семилетова и других. В марте до июня 1918 г. находился в красногвардейском отряде Алёхина и сражался с белогвардейскими бандами генерала Корнилова на Кубани, а с июня в отряде Васильева с боями пробивался до Царицына, где оформился членом РКП (б) и добровольно уехал на оборону Царицына в 1-м Коммунистическом батальоне X армии. В боях под Царицыном был ранен и находился на излечении в госпитале, откуда по выздоровлении горкомом партии был направлен на работу в органы ЧК – Губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на железнодорожном транспорте. Работал комиссаром, следователем и членом коллегии Уч. тран. комм. в фронтовой полосе до 1920 г. После сдачи Царицына работал в Сариском в Губчека на той же работе. В 1920 г. весной находясь в отпуску по болезни на родине, был мобилизован Сальским окружкомом партии на борьбу с бандитизмом, а затем оставлен в окружкоме на партийной работе. По поручению окружкома организовал на станции Пролетарская новую парторганизацию и был её руководителем одновременно избран был председателем организованного потребительского общества. В 1921 г. политотделом Северо-Кавказского округа путей сообщения переброшен на станцию Прохладная руководителем Узлового парткома, там же избран ответственным секретарем Узлового комитета профсоюза.

В 1922 году отозван на работу в Политсекретариат (политотдел) Владикавказского линейного отдела Северо-Кавказского округа путей сообщения, работал политсекретарем, зам. пред. Уполнаркомпути по политчасти. После ликвидации Линотделов в 1923 г. направлен в Краснодар на должность пом. нач. Кубано-Черноморского района МКПС по лесозаготовкам. С этого времени начинается моя работа в лесной промышленности и продолжается до января 1941 г. Подробно она отражена в личном листке по учету кадров. <…> Годы войны застали меня на партийной работе в Алтайском крайкоме ВКП (б) куда я отозван был по решению партийной организации края и ЦК ВКП (б) в январе 1941 г.

До ноября 1943 г. работал секретарем крайкома ВКП (б) и зам. секретаря по лесной промышленности, а с ноября первым секретарем Ойротского обкома ВКП (б) до 1946 г. В октябре 1946 г. освобожден был от работы первого секретаря и направлен в распоряжение Наркомлеса СССР, которым направлен на работу в БССР в качестве зам. министра лесной промышленности БССР. Партийных и административных взысканий не имею. В 1945 г. награжден Правительством за выполнение заданий по хлебозаготовкам ор-

деном Отечественной войны II степени. Был депутатом Верховного Совета Союза ССР второго созыва <…>».

Данная автобиография датирована 15 апреля 1954 г. в г. Минске, а последняя запись в личном деле И.П. Печенова сделана в июле 1957 г. с уходом с должности, в связи с реорганизацией Управления промышленности.

Знакомясь с его личным делом, мы обнаружили еще интересные странички из биографии. Например, Иван Петрович закончил железнодорожное училище, затем заочно Лесотехнический институт, Вечернюю партийную школу повышенного типа, Вечерний университет марксизма-ленинизма. Владел в совершенстве украинским и белорусским языками. Действительно занимал ряд руководящих постов от начальника лесоразработок участка до начальника крупнейшего треста «Запсибтранслес». До работы в Алтайском крае, это в целом более 15 лет жил и трудился в Владикавказе, Краснодаре, Сочи, Северном Кавказе, Ростове н/Дону, Северной Осетии, Казани, Челябинске.

В 1945 г. награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1954 г. – «За трудовую доблесть». Успешная работа И.П. Печенова на посту заместителя неоднократно отмечалась приказами министра лесной и бумажной промышленности СССР, в том числе с выдачей денежной премии. Награжден значком «Отличник социалистического соревнования Министерства лесной промышленности». Присвоено персональное звание Генерального директора лесной промышленности третьего ранга.

В характеристиках, отзывах на Ивана Петровича Печенова, указывались такие положительные черты характера как честность, принципиальность, дисциплинированность, требовательность, чуткость к подчиненным, инициативность, умелое руководство и хорошая практика [10].

К сожалению, в Государственном архиве Республики Алтай хранится не так много документов об этом человеке. В основном это материалы, касающиеся выдвижения его в кандидаты депутата Верховного Совета СССР второго созыва (1946–1950 гг.) от Горного Алтая в послевоенное время, которые были опубликованы в областной газете «Красная Ойротия». Однако в Государственном архиве РФ сохранились данные протоколов голосования окружной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР из которых мы узнаем, что в день голосования 10 февраля 1946 г. за И.П. Печенова проголосовали 108596 избирателей из 109007, поданных по округу и признанными действительными [11, Л. 3]. Сведениями о дальнейшей жизнедеятельности Ивана Петровича Печенова, увы не располагаем.

Секретарём Ойротского областного комитета ВКП (б) по кадрам в годы

Великой Отечественной войны был человек с необычной судьбой – **Николай Иванович Сорока**. К этой должности он приступил в 1942 г.

Родился Николай Иванович в 1909 г. в местечке Братское Одесской губернии (ныне – Одесская область), в многодетной семье крестьянина-бедняка. По национальности украинец [12, Л. 46].

Окончив в 1927 г. семилетнюю школу, уехал в Кировоград, где до 1931 г. работал на заводе «Красная Звезда» рабочим маляром. Позже стал секретарём заводского комитета комсомола. Здесь же на заводе Николай Сорока вступил в ряды партии.

В 1931 г. призван в Красную Армию, и прослужил в её рядах до 1934 г. [13, С. 2]. После демобилизации продолжил работать в комсомольских организациях: в качестве заведующего отделом Ильичёвского райкома г. Одессы, а также секретаря Ново-Бугского райкома ВЛКСМ в Одесской области [14, С. 2].

В 1937 году был командирован на учёбу в высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП (б), по окончании которой направлен в Ойротскую автономную область. Здесь он до 1940 г. работает заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ВЛКСМ.

С 1940 г. по 1942 г. находился на руководящей партийной работе секретарем Усть-Коксинского районного комитета ВКП (б), затем секретарем по кадрам и вторым секретарем Ойротского обкома ВКП (б).

В период Великой Отечественной войны Н.И. Сорока полностью переключился на работу по организации помощи фронту и решении хозяйственно-политических задач. В своих докладах часто уделял внимание анализу причин неудач в сельском хозяйстве. Его выступления отличались конструктивной критикой, эмоциональностью [15, С. 2].

С 1946 г. по 1949 г. Николай Иванович учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), после окончания которой был назначен заместителем заведующего сельскохозяйственным отдела Алтайского крайкома, а с 1950 г. по 1955 г. работал на посту первого секретаря Горно-Алтайского обкома КПСС.

Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР в Совет Союза (III (1950–1954 гг.) и IV (1954–1958 гг.) созывов). Н.И. Сорока участвовал в работах исторического XIX съезда КПСС, являлся членом бюро Алтайского крайкома КПСС и депутатом краевого Совета депутатов трудящихся.

С 1955 года занимал должность заместителя председателя исполнительного комитета Алтайского краевого Совета. На данный момент дальнейшая судьба Н.И. Сорока неизвестна.

В годы войны значительную роль в управлении Ойротской автономной областью играли Советы депутатов трудящихся. Советы поддерживали ор-

ганизованность и порядок, следили за выполнением законов военного времени. Проводили работу по практическому осуществлению постановлений пленумов и решений бюро обкома ВКП (б). Нередко эти два органа, партийный и советский, принимали совместные решения. Огромную работу по указанным направлениям проводил Ойротский областной Совет депутатов трудящихся и его Исполнительный комитет, председателем которого являлся **Чемок Макеевич Кандараков** (15.12.1905–20.05.1991 гг.).

Чемок Макеевич родился в урочище Егозон Кондомо-Щелкальской волости (ныне – с. Иткуч, Турочакский район, Республика Алтай), принадлежал к челканскому сеоку акпаш. Семья была бедной, отец умер рано и мать воспитывала четверых детей одна.

В своей автобиографии Чемок Макеевич рассказывает о том, что основное занятие родителей до революции составляло сельское хозяйство и промысел. С установлением советской власти в Горном Алтае повсеместно организуются сельсоветы как органы местного самоуправления. В 1926 г. Чемок Макеевич как хороший общественник, активист, избирается председателем Курмач-Байгольского сельсовета.

В 1927 г. председателя сельсовета Ч.М. Кандаракова посылают в областную партийную школу, где он проходит учебу до 1930 г. На учёбе как прилежный курсант получает необходимые знания.

После учебы в 1930 году работал заведующим Турочакского райземотдела. С декабря 1931 г. член ВКП (б). С 1930–1932 гг. трудился в том же аймаке заведующим юртой-передвижкой. Переход на эту должность Ч.М. Кандараков объяснял неподготовленностью его к работе зав. райземотделом.

С мая 1933 г. по апрель 1934 г. – зав. агитмассовым отделом Турочакского райкома ВКП (б), с апреля 1934 г. по февраль 1936 г. работал инструктором Турочакского РК ВКП (б).

В 1934 г. стал членом союзполитпросветучреждений.

С февраля 1936 г. по март 1937 г. Ч. М. Кандараков учился на Западно-Сибирских краевых курсах марксизма-ленинизма в г. Новосибирске. В результате окончания учебного заведения получил специальность «партработник» [16, Л. 4–15].

После курсов работал инструктором Ойротского обкома ВКП (б). С 1934 г. являлся членом пленума обкома ВКП (б), в феврале этого же года избран членом Ойротского обкома ВКП (б). На XI пленуме обкома избирается 3-м секретарём обкома.

В 1937 г. в нашей стране по новой избирательной системе состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР, который начал работать с января 1938 г. и заседал по 1946 г., поскольку в военные годы выборы не проводились. Ч.М. Кандараков уже в этот период временно исполнял обязанности председателя Ойротского областного исполнительного ко-

митета, когда был выдвинут депутатом в высший орган государственной власти [17, С. 2].

Интересный сюжет, наглядно характеризующий это время, рассказала его дочь Светлана Чемоковна Мекечинова (Кандаракова). «Когда проходила предвыборная кампания, папа выдвигался по Онгудайскому избирательному округу № 546 и встречался с жителями этого района. Встречи проходили не только днем, но и вечером. Жгли костры, молодого, красивого человека, с его вдохновляющими речами с любовью слушало местное население. И когда в день выборов 12 декабря 1937 года его избрали депутатом, в Онгудайском районе первая родилась девочка, которую назвали «Чемок» в честь депутата Верховного Совета СССР Чемока Макеевича Кандаракова» [18].

Вместе с Чемоком Макеевичем от Ойротской автономной области становятся депутатами I созыва Верховного Совета СССР такие известные люди того времени как Бабич-Декань Т.П. (председатель оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю), Юфит С.Н. (секретарь Ойротского обкома ВКП (б)), Антонюк М.А. (командующий войсками Сибирского военного округа), Агеев А.Д. (капитана пограничных войск НКВД), Ялатов Ш.С. (председатель колхоза «Красная Армия» Шебалинского аймака), Барбачаков М.М. (заведующий МТФ колхоза «Дьаны Конок» («Новая жизнь») Турочакского аймака) [19, С. 304–315].

С этого времени Чемок Мокеевич руководил областью семь лет – с октября 1937 г. по ноябрь 1944 г. Годы его работы выпали на период массовых репрессий и первых тяжелейших лет Великой Отечественной войны.

Приступив к должности, Ч.М. Кандараков начал свою деятельность с разработки плана третьей пятилетки развития народного хозяйства Ойротии. В связи с 15-летием Ойротской автономной области 20 апреля 1937 г. Президиум ВЦИК принял Постановление «О советском хозяйственном и культурном строительстве Ойротской автономной области за 15 лет». Постановление явилось программой для дальнейшего развития области. Данный план был утвержден на XVIII съезде партии в 1939 г.

Когда началась Великая Отечественная война, органы советской власти, областная партийная организация, проводили решительные меры по обеспечению мобилизации на фронт. В организации отправки мобилизованных жителей Ойротии самое активное участие принимал Чемок Макеевич. Из Ойротской автономной области были призваны в армию 42268 человек, в том числе 707 женщин. Основная часть наших земляков, ушедших на войну, не вернулась домой. Погибли в боях 21299 человек [20, С. 8].

Как ранее было отмечено, огромное внимание руководители области в годы войны придавали развитию в области образования и подготовки национальных кадров: в 1941 г. по ходатайству Ойротского обкома партии

и Ойротского облисполкома было открыто алтайское отделение по подготовке учителей алтайского языка и литературы.

В период руководства Ч.М. Кандараковым областью проводилось социальное строительство. В областном центре были построены новые здания: Дом специалистов на улице Социалистической, городская школа № 12, здание Алтайторга (ранее находился Эл-Банк), здание педучилища (в прошлом исторический факультет Горно-Алтайского государственного университета), Дом Советов (ныне – Правительство Республики Алтай) и др. Одновременно со строительством Дома Советов обустраивали парк. М.А. Лисавенко (в будущем доктор сельскохозяйственных наук, академик ВАСХНИЛ) лично планировал благоустройство этого парка. Поскольку площадь перед зданием была болотистой, принимались меры по ее осушению [21, С. 137].

Заслуги руководителя области и депутата Верховного Совета СССР были оценены и его пригласили на исторический Парад Победы в июне 1945 г. в Москву. В то время Ч.М. Кандараков работал председателем Улаганского (1944–1946 гг.), а затем Элекмонарского аймакисполкомов до ухода на пенсию. Не боялся и не стеснялся никакой работы.

В биографии Чемока Макеевича было немало ярких событий и знаменательных дат. Но самым ответственным шагом он считал вступление в ряды Коммунистической партии. В 1981 г. шести ветеранам областной партийной организации были вручены почетные знаки «50 лет пребывания в КПСС». Среди награжденных Ч.М. Кандараков, Н.С. Колегов, И.К. Русин, М.Т. Киндиков, З.В. Бороданова, В.И. Галкин [22, С. 1].

Ч. М. Кандараков награжден правительственными наградами: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «За освоение целинных земель»; «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»; «Ветеран труда»; «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «50 лет пребывания в КПСС»; «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также многочисленными почетными грамотами. Ветеран труда, персональный пенсионер российского значения [23].

Чемок Макеевич вместе с женой Еленой Санаевной воспитали шестерых детей (четыре сына и две дочери).

Похоронен в г. Горно-Алтайске.

Итак, благодаря вовлечению в научный оборот новых архивных материалов удалось раскрыть некоторые страницы из жизни руководителей области в рассматриваемый период. Все они имели богатый опыт практической работы. Являлись преимущественно выходцами из рабочих и крестьян. Большая часть руководителей прошла через совпартшколы и многочисленные курсы повышения квалификации. Разделяли соци-

алистические идеи и являлись проводниками их в жизнь. В результате была создана реальная возможность получить образование, повысить свой социальный статус, а нередко добиться высокого общественного положения. Некоторые из руководителей участвовали в Гражданской войне, способствовали установлению советской власти. Все они работали в самый тяжелый период истории и внесли значительный вклад развитие области.

Но многое еще предстоит сделать, поскольку судьбы отдельных личностей неизвестны до сих пор.

Библиографический список:

1. Горно-Алтайская областная партийная организация / составитель П.С. Пупышев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1975. 152 с.
2. 28 ноября 1957 года – 65 лет со дня смерти партийного деятеля Ф.С. Антонова: [сайт]. // URL: http://slavbibl. ru (Дата обращения: 12.02.2025).
3. Федор Семенович Антонов (Краткая биография) // Красная Ойротия: газета. 1938. 21 июня. С. 1.
4. Голосуйте за достойного кандидата блока коммунистов и беспартийных тов. Ф.С. Антонова // Красная Ойротия: газета. 1938. 26 июня. С. 1.
5. Сумачаков Ч. Отдадим свои голоса за Федора Семеновича Антонова / Ч. Сумачаков // Красная Ойротия: газета. 1938. 25 июня. С. 1.
6. Товарищ Антонов у своих избирателей // Красная Ойротия: газета. 1938. 25 июня. С. 1.
7. Наш молодежный привет товарищу Антонову // Красная Ойротия: газета. 1938. 5 июня. С. 1.
8. Первая сессия Верховного Совета РСФСР первого созыва // Красная Ойротия: газета. 1938. 21 июля. С. 1.
9. Этот день мы приближали как могли. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается…: научно-популярное издание / составители: Т.В. Захарова, М.А. Яковлева. – Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2020. 352 с.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). РГАЭ. Ф. 7637 Оп. 2. Д. 65.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. Р–7523. Оп. 48. Д. 54.
12. Государственный архив Республики Алтай (Госархив РА). Госархив РА. Ф. Р–455. Оп. 1. Д. 69.
13. Сорока Николай Иванович (Краткая биография) // Красная Ойротия: газета. 1950. 11 марта. С. 2.
14. Николай Иванович Сорока // Красная Ойротия: газета. 1954. 28 февраля. С. 2.
15. За дальнейший подъем общественного животноводства: [Из речи секретаря обкома ВКП (б) тов. Н.И. Сорока] // Красная Ойротия: газета. 1945. 26 января. С. 2.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 617.
17. Чемок Мокеевич Кандараков (Краткая биография) // Красная Ойротия: газета. 1937. 7 декабря. С. 2.
18. ПМА (Полевые материалы автора). Воспоминания Мекечиновой (Кандараковой) Светланы Чемоковны. Запись Г.Б. Эшматовой 25 февраля 2025 г., г. Горно-Алтайск.
19. Эшматова Г.Б. Первые всесоюзные выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. (по материалам Ойротской автономной области) // Макарьевские чтения: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2024. С. 304-315.
20. Великая Отечественная война в истории и памяти Горного Алтая. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне / Редакционная коллегия: Г.Б. Эшматова (отв. ред.), А.Э. Чумакаев, М.С. Каташев, М.С. Дедина. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2025. 576 с.
21. Кандаракова Е.П. Ровесник века / Е.П. Кандаракова. – Горно-Алтайск: Книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2006. 152 с.
22. Шадрин В. Полвека в партии // Звезда Алтая: газета. 1982. 26 февраля. С. 1.
23. Личный архив Светланы Чемоковны Мекечиновой (Кандараковой), г. Горно-Алтайск, Республика Алтай.
24. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

Reference

1. Gorno-Altaisk Regional Party Organization / compiled by P.S. Pupyshev. – Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk Branch of the Altai Book Publishing House, 1975. 152 p.
2. November 28, 1957 – 65 years since the death of party figure F.S. Antonov: // URL: http://slavbibl.ru (12.02.2025).
3. Fyodor Semyonovich Antonov (Short Biography) // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. June 21. P. 1.
4. Vote for the worthy candidate of the bloc of communists and non-party members, Comrade F.S. Antonov // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. June 26. P. 1.
5. Sumachakov Ch. Let's Cast Our Vote for Fyodor Semyonovich Antonov / Ch. Sumachakov // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. June 25. P. 1.
6. Comrade Antonov with His Voters // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. June 25. P. 1.
7. Our Youthful Greetings to Comrade Antonov // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. June 5. P. 1.
8. First Session of the Supreme Soviet of the RSFSR of the First Convocation // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1938. July 21. P. 1.
9. We Brought This Day Closer as Best We Could. Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War…: popular science publication / compiled by T.V. Zakharova, M.A. Yakovleva. – Gorno-Altaisk: Literary and Publishing House "Altyn Tuu", 2020. 352 p.
10. Russian State Archive of Economics (RGEA). RGAE. F. 7637 Op. 2. D. 65.
11. State Archives of the Russian Federation (GARF). GARF. F. R–7523. Op. 48. D. 54.
12. State Archives of the Altai Republic (RA State Archives). State Archive of the Republic of Armenia. F. R-455. Op. 1. D. 69.
13. Soroka Nikolai Ivanovich (Brief biography) // Red Oirotia: newspaper. 1950. March 11. P. 2.
14. Nikolai Ivanovich Soroka // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1954. February 28. P. 2.
15. For the further development of public livestock farming: [From the speech of the secretary of the regional committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) Comrade N.I. Soroka] // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1945. January 26. P. 2.
16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). RGASPI. F. 17. Op. 35. D. 617.
17. Chemok Mokeevich Kandarakov (Short biography) // Krasnaya Oirotia: newspaper. 1937. December 7. P. 2.
18. FMA (Author's field materials). Memories of Mekechinova (Kandarakova) Svetlana Chemokovna. Recorded by G. B. Eshmatova on February 25, 2025, Gorno-Altaysk.
19. Eshmatova, G. B. The First All-Union Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 (Based on Materials from the Oirot Autonomous Region) // Makaryev Readings: Collection of Materials from the XIX International Scientific and Practical Conference. – Gorno-Altaysk: BIC GASU, 2024. P. 304-315.
20. The Great Patriotic War in the History and Memory of Gorny Altai. Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War / Editorial Board: G. B. Eshmatova (editor-in-chief), A.E. Chumakaev, M.S. Katashev, M. S. Dedina. – Gorno-Altaysk: BNU RA "S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies", 2025. 576 p.
21. E.P. Kandarakova. Peer of the Century / E.P. Kandarakova. – Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer-Belukha Publishing House, Altai Republic, 2006. 152 p.
22. V. Shadrin. Half a Century in the Party // Zvezda Altai: newspaper. 1982. February 26. P. 1.
23. Personal archive of Svetlana Chemokovna Mekechinova (Kandarakova), Gorno-Altaysk, Altai Republic.
24. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Шипова М.А.
Соискатель ученой степени кандидата наук Института истории и социальных наук. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, ведущий библиотекарь отдела «Научная библиотека» Государственного Эрмитажа.

Технологии производства на Императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX века*

Аннотация. В статье рассматривается технология производства фарфора на Императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX века. В ней представлен источниковедческий анализ архивных документов, посвященных развитию сырьевой и технологической базы предприятия, которые содержат большое количество технической информации и позволяют проследить тенденции в развитии этого вида керамики. В статье приводятся данные об изменении в составе сырья фарфоровой массы, выразившемся в отказе от отечественных материалов в пользу импортных; о внедрении на производстве новых машин и механизмов; о применении новых техник декорирования художественного фарфора; рассматриваются вопросы организации производственного процесса. Результаты исследования имеют особенную актуальность для искусствоведов, музейных хранителей и реставраторов при выявлении подделок, атрибуции изделий или выборе техники восстановления фарфоровых произведений, а также могут служить отправной точкой для современных фарфористов при создании новых шедевров художественного фарфора.

Ключевые слова: русский фарфор, Императорский фарфоровый завод, технология производства фарфора, рецептура фарфора, исторический источник.

Shipova M.A.
Candidate of Science degree Candidate of Sciences of the Institute of History and Social Sciences Herzen University, Head Librarian of the Scientific Library Department of the State Hermitage museum.

Manufacturing technologies at the Imperial porcelain manufactory in the second half of the 19th century

Abstract. This article presents production technology at the Imperial Porcelain

* © Шипова М.А., 2026.

Manufactory in the Second Half of the 19th Century. It concerns a source study analysis of archival documents dedicated to development of the factory's raw materials and technological base. These documents contain a wealth of technical information and allow us to trace trends in the development of this type of ceramics. The article gives data on changes in the composition of porcelain mixture, resulting in the refusal of domestic materials in favor of imported ones; on commissioning of new machines and mechanisms; on use of new techniques for artistic porcelain decorating; it presents issues concerning organization of the manufacturing process. The findings of the study are particularly relevant for art historians, museum curators, and restorers when identifying counterfeits, attributing pieces, or choosing restoration techniques of porcelain works. They can also serve as a starting point for modern porcelain artisans when creating new masterpieces of artistic porcelain.

Key words: Russian porcelain, Imperial Porcelain Manufactory, porcelain production technology, porcelain formulation, historical source.

История Императорского фарфорового завода (ИФЗ) в настоящее время изучена достаточно полно: его продукция предназначалась для Двора и высшей знати и в период существования предприятия являла собой образец высокого искусства. Императорский фарфор представляет собой предмет пристального интереса как искусствоведов, рассматривающих его различных аспектах, так и историков. Вместе с тем придворная мануфактура и произведенные на ней вещи могут являться отправной точкой при рассмотрении истории любого частного завода России. Несмотря на то, что изделия ИФЗ в широкой продаже были представлены довольно скудно, завод служил образцом для многих керамических предприятий страны. Несмотря на обилие литературы и исследований, посвященных ИФЗ, существуют аспекты, ускользнувшие от внимания исследователей: сырье и технология изготовления, от подготовки ингредиентов до приемов декорирования.

О производстве фарфора написано немало книг и пособий, но все они, в основном, отражают актуальные на тот момент технологии и проследить, как они менялись с течением времени, затруднительно. Между тем этот вопрос представляется весьма важным для современного исследователя. Какое и когда использовали сырье? Как и в каких горнах производился обжиг, какие изменения претерпевал этот процесс? Чем и по каким методикам декорировались художественные изделия, когда впервые появляются новые техники и отмирают старые? Это важно для искусствоведов и музейных хранителей для атрибуции изделий, представляет интерес для экспертов при выявлении подделок. Ответы на эти вопросы помогут реставраторам при выборе техники восстановления фарфоровых изделий и могут служить отправной точкой для современных фарфористов – художников и скульпторов, при создании новых шедевров художественного фарфора.

Основными источниками изучения технологии производства фарфора на ИФЗ являются документы, непосредственно отражающие заводскую жизнь и работу предприятия на рассматриваемом временном отрезке. Большая их часть хранится в Государственном историческом архиве в фондах ИФЗ и Кабинета его императорского величества. К таким документам относятся, в первую очередь, инвентарные ведомости, в которых производилась подробная опись наличного имущества при передаче его от одного директора к другому: в 1802 году, в 1817-1819, в 1829 году, в 1835 (?), 1848, 1857, 1880 и 1900[1]. Изучая эти документы, можно выявить, какое сырье использовали на заводе, в каких условиях его хранили, какое оборудование применяли в производстве и как оно изменялось со временем.

Кроме этих ведомостей, в качестве источников рассматриваются рапорты руководителей завода разных лет Кабинету ЕИВ, труды его директоров, отчеты сотрудников завода, а также деловая переписка, бухгалтерские документы, инвентарные книги и т.п. В них нашли отражение перестройки горнов, покупка, ремонт и установка оборудования, приобретение материалов, внедрение новых приемов декорирования.

В представленной статье показывается, как изменялась сырьевая база и технология производства на Императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX века. Отправной точкой для нас будет служить книга «Описание производства работ на Императорском фарфоровом заводе», опубликованная директором предприятия в 1844 году к столетию основания завода[2]. В данном издании подробно описано устройство предприятия и особенности его производственного процесса, сложившиеся к началу рассматриваемого периода.

---

1 РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 65. О поступлении в ведомство кабинета фарфорового завода. 1802;

РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 63. О капитале Фарфорового завода, состоявшем в 1817 году при приеме оного в управление директора сего и Стеклянного заводов действительного статского советника Комарова, о переоценке строений и прочем. 1818.

РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 91. Один экземпляр генерального отчета по Фарфоровому заводу. 1829.

РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 296. Об определении в должность директора Фарфорового завода коллежского асессора Озерского, об увольнении его в отставку и о приеме от него бухгалтером Егоровым всего заводского имущества. 1848.

РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 961. Об определении надворного советника Сивкова директором Фарфорового завода, и о приеме им имущества завода. 1855.

РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 980. О поручении статскому советнику Форостовскому исправления должности директора Фарфорового Завода, и о приеме им имущества Завода и капиталов. 1857.

РГИА. Ф. 503 Оп. 1 Внутр. оп. 471/1987. Д. 106. Об определении Статского Советника Гурьева Директором Завода. 1880.

2 Описание производства работ на Императорском фарфоровом заводе, с кратким обзором всех его частей. СПб., 1844.

Подробное описание Императорского завода, составленное В.Е. Галяминым, позволяет нам рассмотреть технологию фарфорового производства в начале 1840-х годов и последовательно соотносить с ней те изменения, которые будут происходить во второй половине XIX века.

В 1830-е годы, наряду с отечественным сырьем (глуховской глиной, полевым шпатом (фельдшпатом) и кварцем из Финляндии) стали использовать готовую французскую массу из Лиможа. Именно в этот период в составе фарфорового черепа впервые появляется иностранное сырье, доля которого со временем будет только увеличиваться.

Глазурь для покрытия фарфора в ту пору изготавливали из глуховской глины, измельченных полевого шпата и кварца с добавлением мела, и размолотого фарфорового черепа, расплавляя этот состав в самом сильном огне. Полученный полуфабрикат тонко размалывали, смешивали с водой и использовали для «… поливы вещей перваго обжига»[3].

Технология производства фарфорового черепа в этот период описана достаточно подробно. Основные его этапы разнесены по разным помещениям. В отдельном здании во дворе завода располагались «машина» и «цедильная» - оборудование для размола компонентов массы, их смешивания и прессования. Машина представляла собой мельницу на конном приводе, измельчавшую каолин, фельдшпат и кварц в порошок и растиравшую их с водой. В цедильной находились два пресса. Они были построены в 1835 году. Их задачей было доведение массы до требуемых влажности, плотности и пластичности для последующей формовки и обжига. Влажную массу помещали в холщовые мешки и подвергали постепенно возраставшему давлению до тех пор, пока лишняя влага ее не покидала[4]. До постройки этих прессов данный этап осуществлялся в сушильных печах. Такое изменение технологии привело не только к увеличению производительности и улучшению качества подготовки фарфоровой массы, но и устранило избыточную влажность в производственных помещениях и позволило снизить себестоимость процесса за счет существенной экономии дров[5].

В основном здании завода располагалось гончарное отделение. Здесь осуществлялся важный этап технологического процесса – формовка. Изделия изготавливались способом вытачивания на токарных станках или способом «отминки» в специальных формах, «вылитых из глиняных моделей». Формы делали из алебастра, сырьем для моделей служила зеленая тосненская глина.

---

3 Описание производства работ… С. 11.

4 *Ильенков П.А.* Курс химической технологии, составленный экстра-ординарным профессором С.-Петербургского университета П. Ильенковым. – Санкт-Петербург, 1851. С. 336.

5 Описание производства работ. С. 6-7.

Произведения художественного фарфора – вазы, сервизы и скульптура – часто декорировались лепными украшениями, которые делали здесь же. Крупные элементы изготавливали отдельно, как правило способом отминки, и потом приклеивали к изделию, мелкие – вырезали в алебастровой форме вместе с основным предметом. О технике отливки из фарфоровой массы Галямин ничего не пишет, хотя в 1834 году в «Рапорте» было указано, что эта методика стала использоваться на заводе для изготовления мелких, в том числе, сервизных вещей[6].

Кроме того, в гончарном отделении изготавливались капсели и огнеупорные кирпичи для горнов. Для новых капселей использовался цемент, полученный от размола старых, производившегося в специальной машине, размещавшейся в отдельном помещении

После формовки изделия подвергались либо сушке, либо первому обжигу, после которого их покрывали глазурью и обжигали при температуре около 1400^0 – «второму обжигу» или «обжигу большого огня». Оба эти этапа производились одновременно в трехэтажных «берлинских» горнах. Они были построены еще в начале XIX века мастером Зейфертом, и к середине столетия являлись основным оборудованием для обжига.

На первом этаже этого горна, при самой высокой температуре, обжигались глазурованные вещи; второй этаж, где температура была ниже, «простираясь только до 100° по пирометру Веджвуда»[7], производился первый обжиг, наконец, в третьем этаже, при самой низкой температуре в 60° по Веджвуду, обжигали капсели. Для этапа обжига использовались мелкие, чаще всего сосновые дрова, он продолжался от 16 до 26 часов. Для определения степени готовности обжигаемых изделий в определенных местах горна располагались так называемые пробы, «… кои, будучи вынимаемы каждый час, показывают степень обжига»[8].

После остывания горна изделия из него извлекались, сортировались, и те из них, что признавались годными, поступали в живописную мастерскую для росписи. В этот период времени фарфор расписывают керамическими красками и золотом. Краски и золото для росписи изделий, а также

6 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 138. Л. 23. «Показано средство выливать легкие вещи из Фарфоровой массы, и получать таковые весьма тонкие и легкие, выгода от сего состоит в сохранении значительного количества массы, а притом в самой выделке, ибо оная может производиться с точностью всяким работником, неумеющим точить».

7 Пирометр Веджвуда основан на равномерном, пропорциональном теплоте, изменении объема (усадке) глин при обжиге. Глиняная палочка из сырого материала составляет 100 мм при температуре 1000˚. Она уменьшается до 93 мм, при 1200˚ - до 90 мм, при 1500˚ - до 88 мм. Данные такого пирометра точностью не отличались. (Свобода К. Керамика : Производство фарфоровых, фаянсовых и глиняных изделий. Санкт-Петербург : журн. «Техника ремесла и с.-х. архитектура», 1904. С. 43).

8 Описание производства работ. С. 13-14.

флюсы – особые составы для лучшей связи росписи с изделием – изготавливались в лаборатории завода. «Флюсы составляются из известного количества буры, сурика, кварца или песка»[9].

После росписи изделия сушили и подвергали обжигу в особого вида печах – так называемых муфелях. В результате краски и золото вступали с фарфором в неразрывное соединение, приобретали гладкую стеклоподобную поверхность и характерный блеск. В зависимости от вида декорирования муфельный обжиг выполнялся однократно или дважды[10].

К началу рассматриваемого периода Императорский фарфоровый завод находился в своем наивысшем расцвете. Он отличается не только высочайшим техническим совершенством изделий, но и прекрасной организацией производства: в эти годы на заводе изготавливается большое количество сложных в исполнении высокохудожественных вещей. Высокие, богато декорированные вазы, большие парадные сервизы для дворцов и резиденций членов царской семьи, копийная живопись на фарфоре – все эти изделия свидетельствуют о том, что производство на предприятии находилось на подъеме.

В истории Императорского фарфорового завода второй половины XIX века можно четко выделить два периода: 1850-е – 1870-е и 1880-е – 1890-е годы.

Уже в начале 1850-х годов экономическое и финансовое положение предприятия стало вызывать тревогу. Катастрофы еще нет, но необходимость принятия самых радикальных мер для ее предотвращения многим очевидна. Так, управляющий Кабинетом ЕИВ граф Л.А. Перовский представил в 1853 году доклад, в котором доказывал, что императорские мануфактуры не могут содержать себя самостоятельно. «Заведения, которые, как Императорские фарфоровый и стеклянный заводы, производят почти исключительно предметы роскоши, надлежит необходимо поддерживать средствами правительства», – писал он[11]. Реформы 1850-х годов носили в начале своем преимущественно административный характер. В 1853 году утверждаются новые штаты для Императорских фарфорового и стеклянного завода: руководство обоими предприятиями остается за управляющим, поставленным от Кабинета ЕИВ, оба директора находятся в его подчинении.

В следующем году организуется масштабная ревизия обеих мануфактур – ею руководит Ю.И. Стенбок, чиновник особых поручений, который глубоко входит в курс дел на ИФЗ. Результатом этой ревизии, в частно-

9 Описание производства работ… С. 14-15.

10 Описание производства работ… С. 15.

11 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904 : [Ист. очерк / Санкт-Петербург]: Упр. имп. з-дами, [1906]. С. 156.

сти, становится назначение на должность директора ИФЗ А.Д. Сивкова (10.04.1855 г), который через два года, в апреле 1857, становится управляющим обоими предприятиями.

Намерения А.Д. Сивкова были совершенно благие. ИФЗ в его понимании не должен был уступать ведущим европейским производствам. На ИФЗ осуществляется попытка провести модернизацию производства в духе самых современных научных и технических тенденций того времени. В частности, перестроить заводское здание по образцу лучших европейских фарфоровых заводов. Однако после увольнения Сивкова в 1870 году должность управляющего императорскими заводами была упразднена[12].

Помимо реформы управления и перестройки технологических процессов, новый исторический этап в деятельности Императорского фарфорового завода характеризуется изменением сырьевой базы. Завод все шире стал использовать импортные материалы. В 1850 году из Франции было выписано 3000 пудов фарфоровой массы[13], в 1853 году – еще 1500 пудов, а также 200 пудов французского мела для глазури[14]. В этот период на заводе использовали следующие виды глин: глуховскую, английскую, французскую, синюю, вытегорскую и андомскую[15]. Две последние применялись для изготовления капселей. Причина этой метаморфозы понятна. Профессор А.К. Крупский в своей работе «Записка о глинах, меле и изделиях из глины» писал о том, что такая ситуация с сырьем была характерна для российского фарфорового производства в целом. Она была связана не с тем, что отечественное сырье уступало заграничному качеством, а с «…тем именно, что торговля нашими туземными, иной раз превосходными сортами огнеупорных глин обставлена чрезвычайно неправильно»[16].

Дело в том, что качество предлагаемого отечественными поставщиками сырья могло существенно меняться от партии к партии, сроки поставок постоянно срывались, издержки в целом были очень высоки. Причиной тому была крайне слабая централизация во всех вопросах, связанных с разведкой, добычей, заготовкой и продажей сырья – множество разнородных хозяев вели бизнес каждый на свой лад; кроме того, огромные расстояния вкупе с крайне слабо развитой дорожной сетью настолько увеличивали логистические издержки, что проще и гораздо дешевле было привезти сырье морем из Англии, чем доставить его сухим путем с Украины.

В 1856 году на ИФЗ при изготовлении массы глуховская глина смеши-

12 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 220.

13 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 375. Л. 3 об.

14 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 375. Лл. 1 – 1 об.

15 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 685. Л. 19 об.

16 *Крупский А.К.* Записка о глинах, меле и изделиях из глин... – СПб.: типография В. Киршбаума, 1889. С. 11.

валась с английской и французской, с добавление кварца и шпата, привезенных из Олонецкой губернии[17]. На этом этапе говорить о вытеснении отечественного сырья зарубежным еще нельзя, но тенденция к тому уже обозначена. В производстве капселей в этот период используются в основном отечественные сорта глин – вытегорская и андомская в смеси с «цементом» - мелким порошком из старых капселей, размолотых в специальной машине[18].

Стремление вернуться к отечественному сырью в производстве фарфора декларируется руководителями завода на протяжении 1850-х – 1870-х годов. Так, фельдшпат на этом этапе применяется преимущественно отечественный: екатеринбургский[19], олонецкий и «превосходный, не требующий большой сортировки» полевой шпат из Салминского массива на берегу Ладожского озера[20]. Но, несмотря на все усилия и благие пожелания, доля иностранного сырья на производстве фарфора растет год от года.

Все вышесказанное в полной мере относится и к используемым в производстве краскам – здесь доля импортных материалов особенно высока. Безусловно, некоторые краски изготавливались на заводе, производились опыты с металлическими компонентами для них, но основные поставки в виде полуфабриката либо в готовом виде шли из-за границы. В 1850-е – 1870-е годы краски выписывали из Берлина, Парижа и Лондона[21]. Кобальт («оксидом и металлом») привозили из Англии и Швеции[22].

Руководство предприятия в этот период приглашает на работу ведущих мастеров европейских мануфактур, желая с их помощью внедрить западную культуру производства на русской почве. Следует заметить, что эта тенденция не нова и берет начало еще на рубеже XVIII – XIX вв. – приглашенные мастера строили горны (Ф. Зейферт и Дарт), внедряли новые технологии декора (Л.Г. де Пюйбюск), вводили рецепты приготовления массы (И. Регенсбург) и применяли современные технологии формовки изделий (Ф. Давийон). Продолжая эту традицию, в феврале 1854 года на ИФЗ пригласили контр-метра Севрской мануфактуры П.А.Ж. Деривьера (Pierre Adrien Jacques Deriviere (?-1872), который обязывался принять на себя все работы по изготовлению белых вещей: управление горнами, составом массы, обжигом изделий, формовкой, отливкой, а также обучить русских мастеров и учеников всем приемам, которые применялись в Севре[23].

17 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Л. 103 об.
18 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Л. 104.
19 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 244.
20 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 607. Лл. 5-5 об., 8-8 об.
21 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 246.
22 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 377. Л. 1–1 об.
23 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 166.

Несмотря на то, что приезжий мастер проявлял немалое усердие и искренне желал улучшить производство, успеха он не добился и пользы заводу не принес. Построенный им по образцу севрского горн оказался непригоден. В 1858 году А.Д. Сивков с удивлением отмечает, «…что убытки с устройством французского горна... увеличились...»[24]. Причину тому Сивков видит в том, что Деривьер – не ученый, а практик. Систематических познаний в химии и физике он не имел, а с российскими материалами знаком не был, поэтому правильно решить задачу, с которой он справлялся на родине, а именно «…угадать ту пропорцию, в которой материалы должны быть соединены» не мог. В результате построенный Деривьером горн был разобран – такое решение было сочтено менее затратным, чем продолжение его эксплуатации, а контракт с мастером расторгнут в 1858 году[25].

В 1855 году Сивков озаботился тем, чтобы поставить производство фарфора на научные рельсы. Он хотел вернуться к производству фарфора из отечественного сырья и делал ставку на радикальное обновление основного оборудования завода, в частности, новые машины для размола и смешивания составных частей массы для черепа и глазури. Но для решения этой задачи необходимо было «…произвести ряд многочисленных и многообразных опытов…», чтобы достаточно точно определить химический состав исходных материалов и добиться «…пропорции, в которой эти материалы должны быть соединены, чтоб получить массу наивысшего достоинства…»[26]. Для этого требовались ученые, люди науки, которых в России в то время почти не было. Частично эту задачу пытались решить, привлекая г. Деривьера, который такие опыты на заводе производил. Но, считая себя «арканистом», то есть носителем особых тайных знаний, он наотрез отказался делиться своими рецептами с русскими коллегами[27]. Таким образом, на этот раз опыт приглашения иностранного специалиста потерпел двойную неудачу, не решив ни научных, ни практических задач, стоящих перед предприятием.

Можно сказать, что проблемы, стоящие перед заводом, имели системный характер. В целом к середине XIX века основное оборудование ИФЗ безнадежно устарело. Сырье для фарфоровой массы, как и в начале столетия, измельчали с помощью толчеи и машины с конным приводом. Ее производительность была крайне низкой, а эксплуатация – очень затратной. Все это ставило крест на мечтах руководства о достижении сырьевой самодостаточности и технологической независимости.

Модернизация основного оборудования становится насущной необхо-

24 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 167.
25 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 167.
26 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 930. Л. 155 об.
27 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 930. Лл. 218-221.

димостью, и 22 января 1853 года Перовский подал всеподданнейший доклад о «мерах к упорядочению Императорских заводов и фабрик» и получил разрешение на возведение на заводе паровой машины[28]. Русский агент Бутовский прислал из Парижа ее чертежи. Изготовление механизма было поручено Санкт-Петербургскому гальванопластическому, литейному и механическому заведению[29]. В 1858 году машина была изготовлена и установлена. Ее задачей стало обеспечение ИФЗ достаточным запасом массы «… из одних отечественных материалов…», сведя к минимуму, а в идеале и вообще к нулю закупки сырья во Франции и Англии[30].

Процесс модернизации основного оборудования продолжался: в 1864 году был установлен новый паровой котел трубчатой системы, что дало возможность на 30% увеличить рабочую силу пара и поставить две большие волокуши для размола массы вместо маленьких пяти мельниц[31]. Эти меры должны были позволить предприятию самостоятельно обеспечивать себе «…потребное количество массы…», полностью отказавшись от закупки готовой массы за рубежом[32].

Помимо оборудования для приготовления массы, модернизируется и процесс ее дальнейшей обработки, хотя и не столь быстро. В 1856 году в здании машины по-прежнему стоит цедильня, установленная еще в 1835 году на замену сушильным печам, и «…прессовая, где масса приводится в нужное для выделки вещей состояние»[33]. Только к 1865 году относится усовершенствование процесса выминания глины с целью удаления из нее воздуха и придания массе равномерного состава и консистенции – «сделано новое устройство в глиномятке с вращающимся дном…», что привело к увеличению выработки массы и улучшению ее качества[34].

В 1850-х годах все еще не претерпела существенных изменений и технология формования вещей, оставаясь той же, что и в середине 1830-х годов. По-прежнему «все чисто круглые гладкие фарфоровые вещи вытачиваются на токарном станке…», изделия более сложных форм отминаются в алебастровых формах. Крупные декоративные элементы вылепливаются отдельно и потом приклеиваются к изделию, мелкие – вырезаются целиком вместе с вещами в специальных формах[35].

Но к концу 1860-х – началу 1870-х годов наблюдались изменения и здесь.

28 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 183.
29 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 937. Лл. 400-400 об.
30 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 930. Л. 233 об – 235.
31 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 950. Л. 3.
32 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 950. Л. 3 – 3 об.
33 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Л. 103 об.
34 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 986. Лл. 5 – 5 об.
35 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Лл. 104 об. – 105 об.

Механизация и стандартизация теперь в полной мере относятся и к процессу формовки. Так, в 1867 году в токарной мастерской введена выточка больших изделий, прежде всего, ваз, в специальных стандартных формах. «Вследствие этого вытачиваемые вещи получают определенную заранее верную форму и так как они могут быть вытачиваемы гораздо тоньше, то этим они сохраняются при дальнейшей выделке от растрескивания»[36]. В 1870 году на заводе были установлены два станка «для точения фарфоровых вещей механической силою»[37].

Помимо формовки изделий на токарном станке модернизируется и процесс отливки. В 1869 году директора завода В.А. Ранненкампф отчитывался о разработке методика отливки больших пластов и обжига их в специальных капселях, составленных из кирпича[38]. В 1871 году устроена «Мастерская для отливки больших фарфоровых изделий в алебастровых формах пневматическим давлением, и литые этим способом вещи отличаются легкостью, однообразностью в наружной форме и отсутствием всех тех пороков, бывших при ручной выделке, как, например, винтов, оклеек и проч.»[39].

Согласно отчетам заводского руководства, принятые меры увенчались успехом: уже к 1865 году было увеличено производство фарфоровой массы, так что завод получил возможность не только выделывать необходимое количество, но и «приступить к изготовлению запасов и отказаться от покупки готовой массы за границей[40]. В 1872 году была созданы новая бисквитная масса, отличающаяся «удобством в работе, способностью к отделке мелких скульптурных вещей»[41], а также новая глазурь, легкоплавкая, уменьшающая время обжига вещей, придающая яркость и блеск фарфоровым краскам[42].

Особый интерес представляли те изменения, которым подвергался этап декорирования художественного фарфора: роспись, золочение, методики и техники применения цветных масс, цветных глазурей и керамических красок. Дело в том, что эти аспекты крайне скудно освещены в тех источниках, которые относятся к первой половине XIX века. Но в середине столетия картина меняется: архивные источники содержат гораздо больше информации. Читая рапорты и отчеты руководителей предприятия, можно предположить, что в данный период ИФЗ переживает небывалый взлет

36 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1026. Л. 8.
37 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1330. Л. 3.
38 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1312. Л. 6 – 6 об.
39 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1339. Л. 4.
40 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 986. Л. 5.
41 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1346. Л. 3.
42 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1346. Лл. 3-3 об.

и осуществляет революционный прорыв в деле декорирования фарфора. Насколько это соответствует действительности – мы рассмотрим в следующей части статьи.

Согласно источникам, одним из нововведений завода в середине XIX века стало использование жидкого золота, не нуждавшегося в полировке. Эта технология называется «глянцгольд», она была заимствована из Европы. В отчете об улучшениях на заводе за 1859 год пояснялось, что на предприятии начали применять золото, выходящее полированным прямо из огня, что было очень удобно «для позолоты мелких скульптурных тонких вещей, на которые нельзя употребить полировку»[43]. Но своими свойствами – стойкостью к истиранию, прочностью, внешним видом – оно значительно уступает традиционному порошковому золочению, и говорить о том, что качество декора в результате его применения улучшилось, некорректно. Поэтому для изготовления вещей дорогих и значимых попрежнему использовалась традиционная технология.

Полировка золотого покрытия до середины века производилась вручную. Для позолоты использовали плющильное золото, которое получали с Санкт-Петербургского монетного двора.

В 70-х годах XIX века в технологию декорирования фарфора методом золочения вносится целый ряд существенных изменений, частично заимствованных на европейских мануфактурах, частично разработанных заводскими специалистами. Так, в 1870 году на ИФЗ начинают выполнять рельефное золочение с применение белил или рельефной массы[44]. Помимо нанесения золота, с 1873 года «в Лаборатории применен новый способ наложения на фарфор металлического серебра»[45]. В 1875 на ИФЗ был удачно применен способ вытравления рисунка в глазури посредством плавиковой кислоты[46]. Наконец, в 1879 году для декорирования сервиза для завтрака с видами загородных замков впервые применяется комбинация техники вытравки с рельефным золочением[47].

Помимо техник золочения, совершенствуются и изменяются и другие методы изготовления и декорирования изделий. Так, еще в 1859 году на ИФЗ начали производить костяной фарфор[48], примерно к этому же времени относится появление на заводе техники живописи по бисквиту жидкой фарфоровой массой pâte-sur-pâte. Кроме того, совершенствование

43 Ф. 468. Оп. 12. Д. 750. Л. 5 об.

44 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1330. Л. 4.; *Иеннике Ф.И.* Практическое руководство к живописи по фарфору, фаянсу и проч. : Пер. с нем. Санкт-Петербург, 1895. С. 21.

45 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1382. Л. 2.

46 Ф. 468. Оп. 12. Д. 1396. Л. 2 об.

47 Ф. 468. Оп. 12. Д. 1469. Л. 2

48 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 750. Л. 4 об.

знаний и навыков заводских специалистов в области практической химии имело следствием появление новых методов изготовления цветных фонов на фарфоре – так называемого «крытья». Уже в 1860 году, вместо прочистки крытья под рисунок, стали использовать следующий способ: узор наносили на поверхность изделия составом из мела и аравийской камеди, который, высыхая, отставал от нее вместе с краской, оставляя белый фон[49]. В 1870-1871 годах для этого начинают применять касторовое масло или патоку. К 1872 году использование смеси касторового масла со свинцовыми белилами или баканом[50] окончательно вытеснило прочистку фонов на изделиях. Этот способ использовали для украшения сервиза для яхты «Ливадия»[51], а в 1873 году с помощью этой технологии декорировали сервиз для яхты «Держава», «в такое короткое время, в какое до сих пор не изготовлялся ни один подобный сервиз»[52]. В глазурной мастерской в 1872 году также стали применять резерваж, включающий в себя воск и заменяющий выскабливание различных украшений и клейм в глазурованной поверхности[53].

Конец 1850-х – начало 1860-х годов XIX столетия характеризуется появлением новых, ранее не применявшихся не только на ИФЗ, но и на европейских производствах техник декорирования. На ИФЗ эти новшества внедряются в жизнь вскоре после их разработки. Так, в 1858–1859 годы предприятие начинает применять новый метод росписи, незадолго до этого разработанный во Франции – живопись люстрами. Люстром называют очень тонкий слой металла, который, не придавая изделию свойственного ему природного цвета, производит «…преломление лучей и ирризирование краски»[54]. В результате роспись на изделии по-особенному играет в лучах света, меняя оттенок в зависимости от того, под каким углом оно освещается.

С 1861 года в декорировании фарфора стали использовать эмалевую живопись. На этом этапе применяли в основном эмали заграничного производства, с помощью которых можно было выполнять только изображения небольшого размера и тонкие линии. Но в 1875 году заводская лаборатория разработала собственный рецепт «финифти» – эмали для декорирования фарфора, которая позволила создавать крупноразмерные изображения и

49 Ф. 468. Оп. 12. Д. 809. Л. 6 об. -7.

50 Баканы- лаковые красители, искусственно получаемые смеси или соединения органических красителей с бесцветными или окрашенными минеральными веществами. // URL: https://azbukametalla.ru/entsiklopediya/b/bakany.html

51 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1346. Л. 3 об.

52 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1382. Л. 2 об.

53 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1330. Л. 3 об. – 4.

54 *Иеннике Ф.И.* Практическое руководство к живописи по фарфору, фаянсу и проч.: Пер. с нем. Санкт-Петербург, 1895. С. 186.

покрывать большие площади изделий[55].

Несмотря на то, что во второй половине XIX века на заводе продолжали изготавливать некоторые краски и производили опыты с металлическими пигментами, все еще использовались краски зарубежного производства[56]. Заграничные краски обходились дороже в номинальном денежном выражении, но при этом обладали рядом существенных преимуществ: они продавались уже готовыми к употреблению, что существенно облегчало их использование, и отличались стабильным качеством, не меняющимся от партии к партии, что снижало процент брака. В целом, как и в ситуации с сырьем для изготовления черепа, использование зарубежных красок было для завода экономически более выгодным. Вытеснить импортные компоненты отечественными у руководства ИФЗ никак не получалось, несмотря на все старания.

Процесс обжига живописных вещей в этот период существенных изменений не претерпел – по-прежнему, как и в начале века, небольшие изделия обжигали в трех муфельных печах, построенных еще Зейфертом, а крупные вещи – в специально построенном для этого в 1830 году большом муфеле. К 1860-1870 годам эти печи обветшали физически и устарели технически, постоянно выходили из строя, переделывались и ремонтировались[57].

Процесс устаревания и обветшания затронул не только заводское оборудование – с полным правом можно говорить о том, что к рубежу 1860-х 1870-х годов ИФЗ подошел в состоянии глубокого системного кризиса. Основные фонды завода, его здания и сооружения находились в таком состоянии, что директор Сивков считал дальнейший их ремонт нецелесообразным, и предложил полностью заменить здание XVIII века современным, отвечающим нуждам предприятия.

Этот вопрос обсуждался в течение двадцати лет, создавались комиссии, составлялись сметы то на перестройку старого здания, то на постройку нового из материала старого. Среди рассматриваемых проектов был и вариант возвести новое здание завода, сохранив старое в целости.

Чтобы провести реконструкцию основных фондов ИФЗ наиболее оптимально, в 1869 году была предпринята зарубежная командировка директора завода В.А. Ранненкампфа и архитектора А.И. Кракау, посетивших Мейсенский, Севрский и Берлинский заводы, на которых незадолго до этого были построены новые корпуса.

По результатам этой командировки был представлен рапорт, отражающий новшества в технологиях, появившиеся на ведущих европейских производствах. Речь шла об отливке крупных изделий под давлением сжатого

55 РГИА. Ф. 468. Оп.12. Д. 1396. Лл. 2-2 об.

56 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 954. Л. 1–2.

57 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 247.

воздуха, создаваемым специальным пневмонасосом, покрытии бисквитных изделий цветными глазурями непосредственно после первого обжига, размоле компонентов массы сухим способом в специальных барабанах при помощи фарфоровых шариков вместо сложных и капризных мельниц, которые применялись на ИФЗ, причем этот процесс предлагалось совместить с размолом красок, подготовкой массы для капселей, обработкой готовых изделий точением и полировкой[58].

Идея постройки нового корпуса завода не была реализована, однако часть новых методов изготовления фарфора взяли на вооружение. В частности, в 1871 году была устроена мастерская для отливки больших фарфоровых изделий в алебастровых формах пневматическим давлением[59].

Тем не менее, негативные тенденции, которые были отмечены Сивковым, преодолеть не удалось. Состояние дел на ИФЗ вызывало все большую тревогу. В начале 1880-х годов руководство Кабинета признало, что состояние завода находится в упадке. В 1881 году решался вопрос о том, стоит ли сохранять стеклянный и фарфоровый заводы, предполагалось передать их в ведение Академии художеств. Однако 18 января 1882 года великий князь Владимир Александрович объявил, что «Государю Императору благоугодно, чтоб Императорский фарфоровый завод был поставлен в самые наилучшие условия, как в отношении техническом, так и художественном, дабы он мог достойно носить наименование Императорского и служить образцом для всех частных заводчиков по этой отрасли промышленности»[60]. 27 января 1882 года комиссия под председательством Г. Е. Паукера при участии директора завода и двух заводских специалистов осмотрела производство и изложила свои выводы в докладной записке[61]. Техническая организация завода была признана неудовлетворительной, расположение мастерских неудобным, масса – хорошей, но требующей усовершенствования.

Хотя отчеты 1850-х – 1870-х годов рисовали картину неуклонного развития технологии и роста качества продукции, качество массы и глазури пореформенного времени оставляло желать лучшего, о чем свидетельствуют заводские документы. Директор предприятия А.П. Сумароков в 1872 году отмечал, что масса слишком слаба и неустойчива в огне, а глазурь крепка и выходит из обжига «в пузырях и ссадинах»[62].

31 декабря 1879 года директором Императорского фарфорового завода был назначен Дмитрий Николаевич Гурьев. Именно с его именем связаны серьезные перемены в производстве. Новый руководитель представил

58 РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 1309. Л. 246.
59 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1339. Л. 4.
60 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 262-263.
61 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 263.
62 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 245.

программу системных преобразований, затронувшую все стороны жизни и работы предприятия, которая за время его руководства была выполнена[63]. Д.Н. Гурьев начал с глубокой и достаточно длительной ревизии заводского хозяйства – отчет о ней представлен в 1882 году. Состояние дел, с точки зрения Гурьева, было совершенно неудовлетворительным. Главной проблемой завода новому директору виделась крайне слабая организация управления, чрезмерная бюрократизация и отсутствие инициативы и ответственности у руководителей всех уровней, а потому «…на бумаге все в порядке, в действительности же везде хаос»[64].

В 1884 году Д.Н. Гурьев совершает поездку на ведущие европейские заводы, по результатам которой представляет еще один рапорт[65]. На фоне бравурных отчетов предыдущего начальства отчеты Д.Н. Гурьева 1882–1884 годов произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Директор крайне пессимистически оценивает возможность сколько-нибудь серьезного улучшение дел на предприятии и считает, что гораздо проще его закрыть, дабы не тратить зря «… труды, энергию и деньги»[66]. Тем не менее, понимая роль и значение ИФЗ для страны, Гурьев намечает план переустройства завода, включающий в себя меры по техническому усовершенствованию производства, реформы заводского управления, снабжения и капитальную перестройку основных и вспомогательных производственных единиц.

В первую очередь он предлагает организовать устойчивое снабжение предприятия лучшим иностранным сырьем, главным образом, французским. Он пишет, что лучше «иностранными сырыми материалами, с помощью русских мастеров, производить хорошие вещи, нежели из русских материалов производить дурные вещи с помощью немецких мастеров»[67].

Производственный процесс на момент вступления Д.Н. Гурьева в должность был совершенно архаичен – достаточно вспомнить, что обжиг фарфора до сих пор осуществляется в горнах с прямым пламенем, построенных еще Зейфертом в начале века. Директор настроен решительно – все печи нужно заменить на современные с обратным пламенем той системы, что применяется в Германии и Франции, а кроме того, уменьшить их количество, «в виду уменьшения на будущее время производства»[68], с четырех до двух.

63 Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. С. 263.
64 РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 600. Лл. 44- 44 об.
65 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174.
66 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Л. 7 об.
67 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Л. 8 об.
68 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Лл. 8 об. – 9.

Помимо перестройки заводских горнов, Д.Н. Гурьев предлагает радикально изменить сам процесс обжига, увеличив его время для достижения большей равномерности прогрева печи и снижения количества брака. Это, в свою очередь, диктует необходимость перехода на другие виды топлива – с сосновых дров на березовые, дубовые и буковые, и изменения процесса его заготовки. Все дрова должны строго калиброваться по трем основным размерам.

Кроме печей для основного обжига, предлагалось радикальное обновление обжига живописных вещей, что требовало замены цельно-деланных муфелей старой конструкции на сборные, чтобы упростить их ремонт. Такой муфель «…состоит из небольших огнеупорных кирпичей, которые легко заменять частями в случае повреждений, не бракуя всего муфеля»[69]. Кроме того, Гурьев предлагает, «соединить весь заводской огонь в одном помещении» для большей технологичности и удобства процесса обжига. Муфели предполагалось расположить рядом с горнами, что нашло отражение в проекте «устройства двух новых горнов»[70].

Отчет Д.Н. Гурьева вызвал весьма болезненную реакцию со стороны его предшественника А.П. Сумарокова. Он представил в Кабинет ответ, суть которого сводилась к тому, что положение дел на ИФЗ всегда было и является образцовым, никакого кризиса нет и в помине, русская масса имеет высочайшее качество и хранится на заводе в достаточном количестве, и нет никакой необходимости ее импортировать. Кроме того, Сумароков прямо выступил против технической модернизации предприятия: «Фарфор делается не машинами. Машины только служат вспомогательным средством», делая основной упор на мастерство, опыт и смекалку рабочих и специалистов, их дружную коллективную работу. В качестве образца подобного подхода Сумароков напомнил времена А.Д. Сивкова, когда в 1850-х годах «хромая лошадь вертела первобытную мельницу, а фарфор того времени был замечательным по качеству»[71].

Д.Н. Гурьев детально, по пунктам, опроверг все тезисы Сумарокова, доказав, что глубокая техническая отсталость предприятия и серьезные недостатки в управлении поставила его, по сути, на грань катастрофы. Своим ответом он окончательно поставил точку в споре двух подходов к производству фарфора: «технологического», делающего ставку на современные научные достижения, и «архаического», базирующегося на опыте предшественников, интуиции и мастерстве специалистов. Речь шла уже не о том, чтобы сохранить за ИФЗ лидирующие позиции в отрасли, а об элементарном спасении его зданий от физического разрушения, к которому обяза-

69 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Л. 9 об.

70 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Л. 9 об.

71 РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 600. Л. 53 об. – 55б.

тельно привело бы дальнейшее использование устаревших технологий. Аргумент же о хромой лошади, вертевшей первобытную мельницу, которая была заменена машиной, по мнению Д.Н. Гурьева, некорректен, ибо «замена эта сделана задолго до меня и кажется до г. Сумарокова. /…/ Вообще вспоминание о г. Сивкове очень неудачно, так как с его именно времени начинается крупное падение Фарфорового Завода и систематическое расхищение накопленных до того сокровищ»[72].

Планируя и осуществляя свою масштабную модернизацию, Д.Н. Гурьев следует уже испытанным методам. Он обращается за опытом к иностранным производителям керамики. Чтобы выяснить, как поставлено дело на других предприятиях, приобрести необходимые материалы и оборудование, было организовано несколько зарубежных командировок для руководителей завода, технологов, химиков и других специалистов. Следует отметить, что Александр II был к фарфору равнодушен и делами предприятия не занимался. В отличие от него Александр III, с середины 1870-х годов, еще в бытность свою великим князем, проявлял большой интерес к заводу. Его влияние на произведения мануфактуры ощущалось все сильнее. «Он наметил направление реформ в фарфоре, смену художественных ориентиров. Осваиваются новые техники, обновляются формы, тематика и стилистика декора. /…/ По инициативе великого князя стали проводить опыты с цветными декоративными глазурями, изготавливать терракотовую скульптуру, применять технику pâte-sur-pâte»[73].

Взойдя на престол, Александр III серьезно увеличивает финансирование предприятия и глубоко вникает в его нужды. Все это сыграло важную роль в том, что результаты деятельности Д.Н. Гурьева, в том числе и от международных контактов, значительно успешнее, чем у его предшественников. Заграничные командировки дали импульс как технической, так и творческой мысли сотрудников завода: инженеров, техников, художников, скульпторов. Результаты оказались весьма впечатляющими.

При Д.Н. Гурьеве международные контакты приобретают регулярный характер: в 1880 г. на фарфоровые предприятия в Карлсбаде, Берлине, Мейсене, Севре и Лиможе совершили поездку технолог А.К. Хованский и мастер А.П. Иванов. В 1884 г. эти же мануфактуры посещает сам Д.Н. Гурьев в сопровождении технологов Я.О. Быка и К.Ф. Клевера; помимо руководителей и технических специалистов, в заграничных поездках теперь принимают участие художники и скульпторы.

Все заводские специалисты, принимавшие участие в зарубежных поезд-

72 РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 600. Л. 56 – 61 об.; 62-64.

73 *Кудрявцева Т.В.* Русский императорский фарфор. Санкт-Петербург, 2003. С. 182-183.

ках, составили подробные отчеты[74]. В них содержится информация о постановке фарфорового дела на ведущих заводах того времени: составе массы и технология ее подготовки, техники обработки изделий и их обжига, особенностей декорирования. Отдельное внимание уделялось управлению персоналом и финансовым вопросам.

Результатом международного сотрудничества стало значительное количество заказов и зарубежных поставок – образцы художественного фарфора, технологического и научного оборудования, массы. Необходимо отметить, что со стороны европейских коллег специалисты ИФЗ встретили самое благожелательное и доброе отношение. В своем отчете Д.Н. Гурьев пишет о том, что на всех мануфактурах их руководство и специалисты «… открыли нам широкое гостеприимство <…>, и не только дозволили их подробный осмотр, но предоставили нам право на них работать, позволили снимать чертежи с горнов и аппаратов, дали рецепты своих масс и глазурей и по отъезде нашем делали опыты у себя с нашими сырыми материалами, сообщают о результатах этих опытов и продолжают эти опыты и теперь»[75].

Результатом заграничных командировок сотрудников завода явилось усовершенствование технической стороны производства фарфора. Гурьев, Иванов, Хованский и другие специалисты, изучив методы работы зарубежных коллег, сумели провести модернизацию производства на заводе.

Эта модернизация затронула практически все этапы и стороны работы предприятия. С 1882 года фарфоровая масса хранится не в деревянных ящиках, а в специальных бетонных резервуарах[76]; с этого же года измельчение компонентов глазури производится в двух современных барабанах, привезенных из Мейсена[77]. В 1882-1883 гг. масса обрабатывается современной мялкой, купленной во Франции у фирмы «Фор» - она становится однородной, что существенно снизило процент брака[78]. В эти же годы гончарный цех получает новые станки для производства тарелок. Модернизируется процесс изготовления капселей – с 1883 года размол капсельного лома и сортировка шамота осуществляется в дробильной машине «Доньи» со стальными вальцами[79]. Наконец переводится на современные рельсы процесс обжига: в 1885-1886 годы устроены два новых горна – берлинского образца для обжига цветных глазурей, и севрского для обжига крупных ве-

74 РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 1081; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174: РГИА. Ф. 503. Оп. 1 (471/1987). Д. 261.

75 РГИА. Ф. 503. Оп. 1 (471/1987). Д. 261. Лл. 30, 31.

76 РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 742. Лл. 2–13.

77 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 65.

78 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Лл. 72-72 об.

79 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 65.

щей. В 1887 году к ним добавлен горн мейсенского образца – в нем можно одновременно обжигать до 2500 изделий[80]. В 1886 году устроены три новых муфеля системы Поллара, один муфель для обжига больших ваз – все они находятся в отдельном, специально построенном помещении[81].

В 1860-х годах происходит событие, которое привело к масштабным переменам в европейском искусстве вообще и декорировании художественного фарфора в частности – миру открывается искусство Дальнего Востока. Революция Мейдзи в Японии (1867) положила конец длительному периоду изолированного развития этой страны. Интерес в Европе и России к искусству Дальнего Востока чрезвычайно велик. Благодаря этому интересу во второй половине XIX века на ИФЗ начинают применяться новые способы декорирования фарфора: цветные массы и цветные глазури. В 1866 году «введена выделка вещей из разноцветной массы»[82]. В 1872 году на предприятии проводят успешные эксперименты с pâte changeante, «…из зеленой массы или так называемого хамелеона, что за границею считается редкостью»[83]. В 1873 году изготовлена цветная масса из окиси металла Никеля, дающая «красивый коричневый цвет глазурованным вещам большого огня»[84].

В 1880-х годах начинает формироваться новый стиль в искусстве – модерн, который достигает пика своего развития на рубеже столетий. Подход заводских специалистов к декорированию изделий в 1880-х годах значительно отличается от более раннего. Причиной тому, помимо появления заимствованных в Европе техник и образцов с Дальнего Востока, являются вкусы и предпочтения нового императора Александра III, который высоко ценил произведения, выполненные в стиле модерн.

В частности, для украшения наиболее сложных и дорогих вещей еще с 1870-х годов применяют технику «масса-по-массе», или пат-сюр-пат. Интересно, что на ИФЗ эта техника отличается от той, что применяется в Европе – об этом мы узнаем из отчета А.П. Иванова. Согласно ему, в России шликер – жидкую фарфоровую массу – наносят на сырой фарфор, а в Европе – на вещи первого обжига «…накладывается с помощью губки слой цветных масс, в том числе и кобальт, и ляпис-лазурь»[85].

Первоначально на Императорском заводе рисунок жидкой фарфоровой массой наносили только на зеленый фон, первый удачный опыт использования синего кобальтового фона относится к 1883 году, когда

80 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 69.
81 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 69 об.
82 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1005. Л. 5.
83 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1346. Л. 3 об.
84 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1382. Л. 2.
85 РГИА. Ф. 503. Оп. 1 (471/1987). Д. 139. Л. 61.

техник А.П. Иванов создал чашу для драгоценностей с изображением четырех времен года[86]. Подглазурная живопись использовалась при декорировании фарфора, скорее всего, с самого начала его существования. На конец XIX века приходится один из периодов расцвета этого вида росписи: появляются новые краски, новые сюжеты, новые техники использования этого вида декора. В середине XIX века использовали следующие подглазурные краски: окись хрома, закись кобальта, окиси железа и марганца, окись титана (для желтого цвета) и закись урана для черного[87]. Из этого списка на Императорском заводе отсутствовал только титан, который появляется в инвентарных описях только в 1880 году. Помимо своего прямого применения, подглазурные краски использовались также для окрашивания массы, окрашивания глазури и надглазурной живописи. К концу XIX века их палитра была весьма разнообразна и включала в себя соединения хрома, кобальта, железа, титана, марганца и золотого пурпура, что позволяло получать самые разные цвета и их тончайшие оттенки[88].

Одним из мировых лидеров подглазурной живописи в конце XIX столетия был Копенгагенский фарфоровый завод. В 1892 Гурьев совершил поездку в Данию, подробно ознакомился с работой этой мануфактуры и приобрел образцы для музея ИФЗ. В том же году на завод приехал датский художник Карл Лиисберг, и уже в сентябре 1892 года в живописной мастерской ИФЗ изготавливались вещи «по датскому способу»[89]. Влияние Копенгагенского завода этим не ограничивается - в 1894 году на ИФЗ приезжает еще один датский художник – Карл Мортенсен. Из архивных документов следует, что он продолжает опыты с различными подглазурными красками. Эти эксперименты с применением красок большого огня были весьма успешны – тому свидетельством ряд изделий, хранившихся музее ИФЗ. Проведенные работы способствовали длительному расцвету этой техники украшения художественного фарфора в России.

В.И. Селезнев в руководстве по производству керамики пояснял, что Императорский завод к середине 1890-х годов «является единственным фарфоровым заводом в России, где работают, между прочим, некоторыми колерами большого огня, помимо синего, и разными цветными глазурями. Нынешний фарфор плотен, с зеленоватым холодным отливом; глазурь сравнительно довольно мягка (известковистая)»[90].

86 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 73.

87 *Ильенков П.А.* Курс химической технологии. С. 345.

88 *Любавин Н.Н.* Техническая химия. Т. 2: Легкие металлы, 1899. С. 951.

89 Образцовая коллекция в стиле модерн. Императорские фарфоровый и стеклянный заводы на рубеже XIX - XX веков. – СПб., 2022. С. 18-19.

90 *Селезнев В.И.* Производство и украшение глиняных изделий в настоящем и прошлом (керамика): Для техников, художников и любителей керамики сост. В.И. Селезнев, зав. фабрикацией эмалей для мозаич. отд. Имп. Акад. художеств. – СПб.: К.Л. Риккер, 1894. С. 322.

Кроме подглазурных красок, немалый интерес представляло применение на предприятии цветных глазурей: кристаллических, потечных и пламенеющих. Они нашли широкое применение в Японии и Китае, изготавливались при помощи окрашивания основной глазури оксидами разных металлов и создавали очень красивые, неповторимые художественные эффекты. Художники завода во второй половине XIX столетия активно осваивали эти техники, и с 1869 года широко применяют «окрашивание всех вещей цветною глазурою»[91]. В 1870-х годах использовались коричневая, черная, желтая, сине-зеленая и желто-красная глазури[92]. В 1874–1875 годах заводская лаборатория производит многочисленные опыты с никелем и хромом, давшие хороший результат[93].

Цветные глазури обладают рядом преимуществ перед цветными массами. Будучи окрашенной теми же веществами, что и масса, глазурь отличается более богатым и предсказуемым цветом, а также позволяет украшать вещи живописью и позолотой в резервах[94]. В каталоге заводского музея, опубликованном в 1890 году, упоминаются вещи, декорированные цветными глазурями и подглазурной росписью: вазы с росписью прозрачным золотом по цветной глазури, с глазурями табачного, кирпичного, коричневого, серо-зеленого цветов, зеленого цвета с темными отеками, серо-зеленоватого цвета с красноватыми пятнами, пурпуровые с оттенками flambe, с глазурями под мрамор[95].

В 1880-х годах заводская лаборатория проводила многочисленные опыты с целью получения особого вида глазурей – пламенеющих, которые отличались особым, очень красивым и глубоким цветом и характерными переливами. В 1889 году эти опыты увенчались успехом – была получена глазурь красного цвета «rouge flamme» – пламенеющая красная[96]. Вскоре технологам завода удалось создать одну из наиболее сложных в изготовлении красной глазури, которая носила название «sang de boeufe» - бычья кровь[97]. В Европе первые опыты по ее получению относятся еще к 1848 году, но тогда это направление никакого развития не получило. Данная глазурь известна своим особым, рубиново-красным цветом с переливами и плавными переходами в розовый, серый, лиловый и голубой. Им она обязана солям и оксидам меди[98].

91 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1312. Л. 6 – 6 об.

92 Образцовая коллекция в стиле модерн... С. 12.

93 РГИА. Ф. 468. Оп.12. Д. 1396. Л. 2 об.

94 РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1386. Л. 3.

95 Каталог Музея императорского фарфорового завода, основанного на теперешнем его местонахождении в 1744 году. – СПб. : [б. и.], 1890. С. 139–141

96 РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 64 об.

97 *Кудрявцева Т.В.* Русский императорский фарфор. Санкт-Петербург, 2003. С. 201.

98 Техническая энциклопедия. Т. 5. Газовые ткани – Графическая статика. Москва. 1929. Стлб. 638-639.

Особого внимания заслуживают опыты ИФЗ с декорированием изделий особым видом цветных глазурей – кристаллическими. Впервые они появились в Китае еще в X – XIII веках, европейские керамисты получили их только в 1885 году на Севрском заводе в результате экспериментов технологов Ш. Лота и Ж. Дютайи (видимо, в качестве случайной находки). Декоративный эффект от образования этих кристаллов был найден весьма интересным, и в течении 1880-х – 1890-х годов подобный метод декорирования разрабатывается уже целенаправленно на всех ведущих европейских производствах – в Севре, Берлине и Копенгагене. На Императорском заводе технолог К. Ф. Клевер обратился к ним в конце 1890-х гг. после того, как закончил эксперименты с глазурью «бычья кровь»[99].

Центрами кристаллизации в этой глазури являются окись цинка и двуокись титана. Технология декорирования изделий этим методом имеет целый ряд отличий. Если обычные глазури наносятся на изделие тонким слоем, то слой кристаллических глазурей достигает 2,5 мм. Кроме того, есть особенности их обжига - изделия необходимо нагреть до температуры созревания кристаллов, при котором происходит полное сплавление всех компонентов, однако полное расплавление глазури не требуется. При этом, изделия необходимо выдержать при температуре созревания до двух часов. После образования центров кристаллизации рост кристаллов происходит при температуре ниже точки созревания на 100° - 250° и продолжается от одного часа до пяти[100]. В лаборатории завода «были разработаны рецептуры кристаллических глазурей – голубого желтого, зеленого, белого, розового, серого цветов»[101]. Изделия с таким декором изготавливались на протяжении 1900-х – 1910-х гг.

Несмотря на серьезные преобразования и реформы, технические усовершенствования и научные разработки, завод к концу XIX столетия оставался тем же, чем и был – относительно небольшой придворной мануфактурой, ориентированной, главным образом, на нужды и вкусы императорской семьи и двора. Вместе с тем, в последней четверти XIX века среди подносимых ко Двору произведений преобладали вещи, декорированные в новых техниках. «Подобно тому, как в архитектуре модерна основой для создания новых форм послужили достижения строительной техники и появление новых материалов и конструкций, изменение

99 Кристаллы в исторических стеклах и художественной керамике / А.А. Дроздов, Н.Ю. Хлебцевич, П.А. Шутова, Д.Д. Яроменок // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2019. № 1-1. С. 232.

100 *Кузнецова Е.А.* Кристаллическая глазурь. Технология и опыт создания // Проблемы Науки. 2015. №9 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kristallicheskaya-glazur-tehnologiya-i-opyt-sozdaniya (дата обращения: 16.09.2025).

101 Образцовая коллекция в стиле модерн. С. 14.

художественного облика фарфора связано с усовершенствованиями в технологии производства и освоением новых приемов декора. В фарфоре модерна сконцентрировалось все их разнообразие. Пластические и декоративные возможности фарфора, богатство фактурных эффектов используется с небывалой до тех пор полнотой. Стилистике модерна более всего соответствовали росписи подглазурными красками, цветными глазурями, эмалями и шликерами»[102].

Таким образом, многочисленные источники, представленные в рамках настоящей работы, позволяют сделать вывод об огромном труде, предпринятом руководством и сотрудниками завода во второй половине XIX столетия в целях совершенствования всех аспектов производства фарфора: обработке сырья, подготовке массы, формовке, обжиге, декорировании. Тем не менее, в силу ряда рассмотренных в статье обстоятельств, решить задачу сырьевой независимости и технологической самодостаточности к рубежу веков заводу так и не удалось. Сырье для производства по-прежнему оставалось импортным, основное оборудование закупалось за рубежом, технологии и научные разработки имели в значительной своей части заграничное происхождение, лишь частично адаптируясь на отечественной почве. В результате производимая заводом продукция, отличаясь нередко выдающимися художественными достоинствами, по своему составу, технологии производства и внешнему виду пребывала в русле европейских эстетических и технических тенденций того времени.

Библиографический список:

1. Иеннике Ф.И. Практическое руководство к живописи по фарфору, фаянсу и проч. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1895. 230 с.
2. Ильенков П.А. Курс химической технологии, составленный экстра-ординарным профессором С.-Петербургского университета П. Ильенковым. – СПб.: В.А. Исаков, 1851. 1064 с.
3. Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904: [Ист. очерк / [Предисл.: бар. Н.Б. фон-Вольф]. – СПб.: Упр. имп. з-дами, [1906]. 422 с.
4. Каталог Музея императорского фарфорового завода, основанного на теперешнем его местонахождении в 1744 году. – СПб.: [б. и.], 1890. 157 с.
5. Кристаллы в исторических стеклах и художественной керамике / А.А. Дроздов, Н.Ю. Хлебцевич, П.А. Шутова, Д.Д. Яроменок // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2019. № 1-1. С. 228-238.
6. Крупский А.К. Записка о глинах, меле и изделиях из глин, составленная профессором С.-Петербургского технологического института А.К. Крупским. – СПб.: типография В. Киршбаума, 1889. 104 с.
7. Кудрявцева Т.В. Русский императорский фарфор. – СПб.: Славия, 2003. 279 с.
8. Кузнецова Е.А. Кристаллическая глазурь. Технология и опыт создания // Проблемы Науки. 2015. № 9 (39). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kristallicheskaya-glazur-tehnologiya-i-opyt-sozdaniya (Дата обращения: 16.09.2025).
9. Любавин Н.Н. Техническая химия. – М.: Унив. тип., 1897-1926. Т. 2: Легкие металлы, 1899. 969 с.
10. Образцовая коллекция в стиле модерн. Императорские фарфоровый и стеклянный заводы на рубеже XIX - XX веков. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022. 291 с.
11. Описание производства работ на Императорском фарфоровом заводе, с кратким обзором всех его частей. – СПб.: [б. и.], 1844. 29 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 10. Д. 63.

102 *Кудрявцева Т.В.* Русский императорский фарфор. Санкт-Петербург, 2003. С. 198.

13. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 91.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 138. Л. 23.
15. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 296.
16. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 375. Лл. 1 – 1 об., 3 об.
17. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 377. Л. 1–1 об.
18. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 685. Л. 19 об.
19. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 930. Лл. 155 об., 218–221, 233 об.–235.
20. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 937. Лл. 400-400 об.
21. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 954. Лл. 1-2.
22. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 961.
23. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 980.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 1309. Л. 246.
25. РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 600. Лл. 44–44 об., 53 об.–64.
26. РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 742. Лл. 2–13.
27. РГИА. Ф. 468. Оп. 11. Д. 1081;
28. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Л. 103 об.
29. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 607. Лл. 5-5 об., 8-8 об.
30. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 750. Лл. 4 об., 5 об.
31. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 809. Л. 6 об. -7.
32. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 950. Л. 3 – 3 об.
33. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 986. Л. 5.
34. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1005. Л. 5.
35. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1026. Л. 8.
36. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1312. Л. 6 – 6 об.
37. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1330. Лл. 3 – 4.
38. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1339. Л. 4.
39. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1346. Л. 3 об.
40. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1382. Лл. 2, 2 об.
41. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1386. Л. 3.
42. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1396. Лл. 2–2 об.
43. РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1469. Л. 2
44. РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 65.
45. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1174. Лл. 7 – 9 об.
46. РГИА. Ф. 503 Оп. 1 (471/1987). Д. 106.
47. РГИА. Ф. 503. Оп. 1 (471/1987). Д. 139. Л. 61
48. РГИА. Ф. 503. Оп. 1 (471/1987). Д. 261. Лл. 30, 31.
49. РГИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 21. Л. 73. Лл. 64 об., 65, 69, 69 об., 72-73.
50. Свобода К. Керамика: Производство фарфоровых, фаянсовых и глиняных изделий. – СПб.: журн. «Техника ремесла и с.-х. архитектура», 1904. 70 с.
51. Селезнев В.И. Производство и украшение глиняных изделий в настоящем и прошлом (керамика). – СПб.: К.Л. Риккер, 1894. 338 с.
52. Техническая энциклопедия / ред. совет: Бах А.Н. [и др.] ; глав. ред. Л.К. Мартенс. – М.: Советская энциклопедия, 1927-1936. Т. 5: Газовые ткани – Графическая статика. 1929. 922 стлб.
53. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 255-258.

Reference

1. Iennike F.I. Practical guide to painting on porcelain, faience, etc. – St. Petersburg: Typography of M. Merkushev, 1895. 230 p.
2. Ilyenkov P.A. Course in chemical technology, compiled by extraordinary professor of the St. Petersburg University P. Ilyenkov. – St. Petersburg: V.A. Isakov, 1851. 1064 p.
3. Imperial Porcelain Factory. 1744-1904: [Source essay / [Preface: bar. N.B. von Wolf]. – St. Petersburg: Management of imperial factories, [1906]. 422 p.
4. Catalogue of the Museum of the Imperial Porcelain Factory, founded at its present location in 1744. – St. Petersburg: [former and], 1890. 157 p.
5. Crystals in Historical Glasses and Art Ceramics / A.A. Drozdov, N.Yu. Khlebtsevich, P.A. Shutova, D.D. Yaromenok // Decorative Art and Object-Spatial Environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2019. № 1-1. P. 228-238.
6. Krupskiy A.K. Note on Clays, Chalk, and Clay Products, Compiled by Professor of the St. Petersburg Technolog-

ical Institute A.K. Krupskiy. – St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House, 1889. 104 p.
7. Kudryavtseva T.V. Russian Imperial Porcelain. – St. Petersburg: Slavia, 2003. 279 p.
8. Kuznetsova E.A. Crystalline Glaze. Technology and Creation Experience // Problemy Nauki. 2015. № 9 (39). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kristallicheskaya-glazur-tehnologiya-i-opyt-sozdaniya (16.09.2025).
9. Lyubavin N.N. Technical Chemistry. – Moscow: Univ. type., 1897-1926. Vol. 2: Light metals, 1899. 969 p.
10. Exemplary collection in the Art Nouveau style. Imperial porcelain and glass factories at the turn of the 19th - 20th centuries. – St. Petersburg: Publishing house of the State Hermitage Museum, 2022. 291 p.
11. Description of the production work at the Imperial Porcelain Factory, with a brief overview of all its parts. – St. Petersburg: [b. i.], 1844. 29 p.
12. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 468. Op. 10. D. 63.
13. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 91.
14. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 138. L. 23.
15. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 296.
16. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 375. Lll. 1 – 1 vol., 3 vol.
17. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 377. L. 1–1 vol.
18. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 685. L. 19 vol.
19. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 930. Lll. 155 vol., 218–221, 233 vol.–235.
20. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 937. Lll. 400-400 rpm
21. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 954. Lll. 1-2.
22. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 961.
23. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 980.
24. RGIA. F. 468. Op. 10. D. 1309. L. 246.
25. RGIA. F. 468. Op. 11. D. 600. Lll. 44–44 rev., 53 rev.–64.
26. RGIA. F. 468. Op. 11. D. 742. Lll. 2–13.
27. RGIA. F. 468. Op. 11. D. 1081;
28. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 343. L. 103 vol.
29. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 607. Lll. 5-5 rev., 8-8 rev.
30. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 750. pp. 4 rev., 5 rev.
31. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 809. L. 6 vol. -7.
32. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 950. L. 3 – 3 vol.
33. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 986. L. 5.
34. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1005. L. 5.
35. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1026. L. 8.
36. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1312. L. 6 – 6 vol.
37. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1330. Ill. 3 – 4.
38. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1339. L. 4.
39. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1346. L. 3 vol.
40. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1382. Ill. 2, 2 rev.
41. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1386. L. 3.
42. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1396. Ill. 2–2 vol.
43. RGIA. F. 468. Op. 12. D. 1469. L. 2
44. RGIA. F. 468. Op. 37. D. 65.
45. RGIA. F. 468. Op. 43. D. 1174. Pll. 7–9 v.
46. RGIA. F. 503 Op. 1 (471/1987). D. 106.
47. RGIA. F. 503. Op. 1 (471/1987). D. 139. Pll. 61
48. RGIA. F. 503. Op. 1 (471/1987). D. 261. Pll. 30, 31.
49. RGIA. F. 503. Op. 2. D. 21. Pll. 73. Pll. 64 v., 65, 69, 69 v., 72-73.
50. Svoboda K. Ceramics: Production of Porcelain, Earthenware, and Clay Products. – St. Petersburg: Magazine "Craft Technique and Agricultural Architecture", 1904. 70 p.
51. Seleznev V.I. Production and Decoration of Clay Products in the Present and Past (Ceramics). – St. Petersburg: K.L. Ricker, 1894. 338 p.
52. Technical Encyclopedia / Editorial Board: Bakh A.N. [et al.]; Editor-in-Chief L.K. Martens. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1927-1936. Vol. 5: Gauze Fabrics – Graphic Statics. 1929. 922 columns.
53. Ardashev R.G. The irrational space of legal representations of Russians // Mission confessions. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 255-258.

Турянская К.А.
Магистр педагогического образования, преподаватель иностранных языков, аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, кафедра «Информатика и информационная безопасность», г. Санкт-Петербург.

Бобров А.А.
Инженер путей сообщения, начальник Управления энергетического и инженерного обеспечения ПГУПС, аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Кафедра «Электроснабжение железных дорог», г. Санкт-Петербург.

Панкратьева Г.И.
Кандидат педагогических наук, доцент. Преподаватель английского языка Кафедры русского и иностранного языков, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург.

Феномен подстаканника как символа железных дорог России*

Аннотация. Предметом исследования является подстаканник как элемент материальной культуры и устойчивый символ железных дорог России. Объектом исследования выступает железнодорожная повседневность как особое культурное и институциональное пространство, в рамках которого формируются и закрепляются символические значения предметов сервиса. Автор рассматривает подстаканник не только как утилитарный аксессуар для подачи чая, но и как культурный знак, возникающий на пересечении инфраструктурных условий железнодорожного путешествия, регламентированных практик обслуживания пассажиров и ритуализированных форм повседневного поведения в пути. Особое внимание уделяется анализу механизмов символизации подстаканника, связанных с повторяемостью практики чаепития, институциональной устойчивостью железнодорожного сервиса и включённостью предмета в коллективную культурную память. В работе подстаканник интерпретируется как «малый предмет инфраструктуры», через который абстрактные представления о пути и дороге получают материальное и телесно переживаемое воплощение.

Методологическую основу исследования составляют историко-культурный анализ, семиотический подход, методы исследования повседневности, а также полемико-критический анализ интерпретаций символики железной дороги.

Основными выводами проведённого исследования являются положения о том,

* © Турянская К.А., Бобров А.А., Панкратьева Г.И., 2026.

что символический статус подстаканника формируется не в результате единичного исторического акта или эстетической ценности предмета, а вследствие его устойчивого воспроизводства в институционально организованной железнодорожной повседневности. Особым вкладом автора в исследование темы является обоснование подхода к подстаканнику как «малому предмету инфраструктуры», соединяющему регламент сервиса, телесный опыт путешествия и механизмы культурной памяти. Новизна исследования заключается в переносе акцента с традиционного анализа «больших» символов железной дороги (поезд, путь, вокзал) на материально-ритуальный уровень повседневности, где символика пути закрепляется через повторяемые действия и предметы. Показано, что подстаканник выступает репрезентативным носителем смыслов железнодорожного путешествия, обеспечивая переход от абстрактных метафор дороги к их практическому и переживаемому воплощению.

Ключевые слова: подстаканник, железные дороги России, железнодорожная повседневность, материальная культура, символизация, семиотика культуры, пассажирский сервис, культурная память, ритуал чаепития, инфраструктура повседневности.

Turianskaia K.A.

Master of Pedagogical Education, Foreign Language Teacher, Postgraduate Student, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, Department of Computer Science and Information Security, St. Petersburg.

Bobrov A.A.

Railway Engineer, Head of the Department of Energy and Engineering Support, Postgraduate Student, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, Department of Railway Power Supply, St. Petersburg.

Pankratieva G.I.

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. English Language Teacher, Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, St. Petersburg.

The phenomenon of glass holder as a symbol of Russian railways

Abstract. The subject of the study is the podstakannik as an object of material culture and an element of Russian railway service. The object of the research is the podstakannik considered in the context of historical development, artistic design, and ideological content. Particular attention is given to the evolution of the podstakannik's functions—from a utilitarian everyday item to a stable cultural symbol associated with railway travel. The study examines the main hypotheses concerning the origin of the podstakannik in Russia,

the stages of its dissemination and transformation in the nineteenth and twentieth centuries, as well as the specific features of its incorporation into the passenger service system. The role of the podstakannik in shaping the visual image of the railway and its significance in cultural memory, museum practice, and artistic discourse are analyzed. The research is aimed at identifying patterns in the interaction between material objects, the social environment, and the ideological frameworks of different historical periods.

The results of the study demonstrate that the podstakannik evolved from a utilitarian household item into a significant element of railway culture endowed with stable artistic and ideological functions. Key stages of its development have been identified, determined by changes in stylistic features, production technologies, and functional purpose, as well as by its role in shaping the visual and symbolic space of passenger transportation.

The main conclusions of the study concern the gradual transformation of the podstakannik into a meaningful element of railway culture reflecting the social, economic, and ideological processes of various historical periods. It has been established that changes in the forms, materials, and decorative solutions of podstakanniks are closely connected with the dynamics of artistic and ideological paradigms within society. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive interpretation of the podstakannik through the unity of utilitarian, artistic, and symbolic functions, as well as in identifying its role as a stable cultural marker of Russian railway service. The findings of the study may be applied in research on material culture, museum studies, and cultural studies.

Key words: glass holder, Russian railways, everyday railway life, material culture, symbolization, semiotics of culture, passenger service, cultural memory, tea drinking ritual, everyday infrastructure.

Введение

Подстаканник — предмет на границе утилитарного и символического. В российской культурной памяти он устойчиво «прикреплён» к железной дороге: чай в гранёном стакане с металлическим держателем выступает знаком дороги, длительного пути, особой «поездной» повседневности [1]. Однако символизация подстаканника не является прямым следствием его утилитарной функции. Она формируется в процессе исторически сложившегося воспроизводства практик железнодорожного сервиса, включающих регламентированное чаепитие, институционально закреплённые формы обслуживания пассажиров и повторяемые сценарии повседневного быта в условиях железнодорожного путешествия. При этом распространённые популярные версии происхождения «железнодорожного подстаканника» требуют критической проверки по источникам: например, Центральный музей железнодорожного транспорта РФ специально отмечает, что документальных подтверждений версии о введении подстаканника министром С.Ю. Витте не сохранилось, а ранняя регулярная практика подачи чая в вагонах привязана к Сибирскому поезду прямого сообщения, курсировавшему между Москвой и Иркутском с 1898 года [2].

В этой логике подстаканник интересен не как «симпатичный сувенир»,

а как материальный знак железной дороги, который аккумулирует представления о пути, дисциплине движения, стандартизации сервиса и интимной «тёплой» повседневности путешествия.

Цель исследования — выявить и описать исторически сложившиеся практики железнодорожного чаепития в России и связанные с ними механизмы символизации подстаканника в контексте железнодорожного быта и культуры путешествия.

Задачи исследования:

1. Уточнить связь подстаканника с практикой железнодорожного чаепития в хронологической перспективе.

2. Описать функции подстаканника в поездном сервисе как предпосылки его символизации (без редукции к «удобно держать стакан»).

3. Рассмотреть подстаканник как знак в семиотической системе железнодорожного путешествия (ритуал, повторяемость, узнаваемость).

4. Сопоставить (в полемике) трактовки образа железной дороги в культурологических исследованиях и показать, что подстаканник является частным, но высокоузнаваемым «материальным носителем» этих смыслов.

5. Обосновать научную новизну: предложить модель символизации подстаканника как «малого предмета инфраструктуры», связывающего институциональные нормы и культурную память.

Предметом исследования является подстаканник как элемент железнодорожного быта и сервиса, рассматриваемый в историко-культурном аспекте — в связи с практиками чаепития, институциональными нормами обслуживания и их последующей символической фиксацией в культурной памяти.

Методология исследования опирается на историко-культурный анализ, элементы истории повседневности и анализ материальной культуры, а также семиотический анализ предметов в институциональном контексте. Такой подход позволяет рассматривать подстаканник не изолированно, а как элемент воспроизводимой практики железнодорожного сервиса, зафиксированной в источниках и культурной памяти.

Под «массовым опытом» в данной работе понимается исторически воспроизводимая и институционально закреплённая практика железнодорожного быта, зафиксированная в музейных и научных источниках, а не эмпирическое социологическое исследование.

Основные результаты исследования.

Железнодорожный контекст подстаканника: от практики к ритуалу.

Переход подстаканника из сферы общего русского чаепития в пространство железнодорожного путешествия обусловлен не столько эстетическими предпочтениями, сколько особенностями самой логики железнодорожной мобильности. Поезд как форма передвижения формирует специфические условия быта: ограниченное пространство вагона, ритм

движения и остановок, необходимость организованного обслуживания пассажиров. В этих условиях чаепитие в поезде приобретает характер не спонтанного бытового действия, а институционально организованной и регулярно воспроизводимой практики, зафиксированной в системе железнодорожного обслуживания и связанной с конкретными временными и пространственными параметрами движения поезда [3].

Музейная публикация Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации фиксирует принципиально важный для научного анализа момент: распространённое представление о «введении» подстаканника на железной дороге по инициативе С.Ю. Витте не подтверждается документально [2]. Вместо персонализированной версии происхождения в источнике подчёркивается ранний факт регулярной подачи чая проводниками Сибирского поезда прямого сообщения Москва—Иркутск, функционировавшего с 1898 года [2]. Тем самым задаётся более корректная исследовательская рамка, в которой ключевую роль играют не отдельные управленческие решения, а совокупность сервисных практик и инфраструктурных условий движения поезда, способствовавших закреплению чаепития как устойчивой нормы дорожного быта.

В том же источнике подробно показана связь железнодорожного чаепития с инфраструктурой снабжения водой. Необходимость частых остановок, обусловленных заправкой паровозов, и получение кипятка на станциях в специальных «кубовых» описываются как важная составляющая раннего железнодорожного быта [2]. Методологическая значимость этого наблюдения заключается в том, что символизация предмета возникает не из единичного факта его появления, а из повторяемого сценария использования. Чай в поезде оказывается не случайной опцией, а встроенной в маршрут процедурой, где временные параметры движения и остановок, а также пространственное разделение «станция — вагон» образуют ритмизованную структуру повседневного опыта. В рамках этой структуры подстаканник постепенно закрепляется как неотъемлемый элемент поездного ритуала, обеспечивающий устойчивость и узнаваемость практики чаепития в пути [2, 3].

Подстаканник как «малый предмет инфраструктуры»: функциональность, стандартизация, узнаваемость.

На уровне материальной культуры подстаканник обладает рядом свойств, которые делают его особенно удобным объектом символизации. Он компактен, функционально прост, долговечен и легко опознаваем по устойчивому силуэту, включающему металлическую обечайку и ручку. Такая форма не только решает практическую задачу удержания горячего стакана в условиях движения, но и обеспечивает визуальную устойчивость предмета, благодаря которой он легко запоминается и воспроизводится в культурных представлениях. Немаловажно и то, что подстаканник допу-

скает тиражирование и декоративные вариации, оставаясь при этом узнаваемым, что способствует его закреплению в массовой практике.

Однако решающим фактором формирования символического статуса подстаканника является не его художественная выразительность как таковая, а устойчивое воспроизводство практики его использования в рамках железнодорожного сервиса. Именно институциональная повторяемость — как характеристика исторически сложившегося быта железной дороги — обеспечивает закрепление предмета в коллективном опыте путешествия.

Музейная исследовательская публикация Г.А. Корягиной прямо указывает на прочную связь современного бытования подстаканника с железными дорогами, отмечая, что его основным заказчиком в течение длительного времени выступали структуры Министерства путей сообщения, а наиболее характерным пространством его использования остаётся железная дорога [4]. Для научного анализа здесь принципиально важно не буквальное прочтение административной формулировки, тем более с учётом смены ведомственных и институциональных структур в разные исторические периоды, а зафиксированная в источнике мысль о железной дороге как устойчивом институциональном «держателе» практики. Именно железнодорожная среда поддерживает регулярное воспроизводство подстаканника как элемента сервиса, сохраняя его актуальность даже в условиях изменения бытовых привычек и форм повседневного потребления вне поезда.

Семиотика подстаканника: как предмет начинает означать «путь»

Обращение к семиотической перспективе позволяет объяснить, почему именно подстаканник — а не такие функционально значимые элементы поездки, как билет, полка или чемодан, — закрепляется в культурном сознании в качестве одного из наиболее узнаваемых образов железной дороги. В отличие от перечисленных объектов, подстаканник включён в ритуализированную практику, связанную не столько с организацией перемещения, сколько с переживанием самого пути. Он сопровождает моменты паузы, телесного комфорта и относительного покоя, возникающие в пространстве движения, и тем самым оказывается связан с особым режимом восприятия времени и пространства в поезде.

Подстаканник функционирует как элемент ритуала чаепития в пути, который сочетает физическое ощущение тепла, визуальное созерцание пейзажа за окном, возможность неспешного общения или уединённого размышления. В этом контексте предмет начинает выполнять не только утилитарную, но и знаковую функцию. С точки зрения культурной семиотики он работает как знак по ряду оснований: во-первых, подстаканник регулярно повторяется в типовой ситуации железнодорожного путешествия; во-вторых, он легко распознаётся благодаря устойчивой форме и контексту исполь-

зования; в-третьих, он связывается с эмоционально насыщенным опытом, включающим дорогу, ожидание, расставание или встречу, а также переживание длительности и переходного состояния между пунктами назначения.

Данная логика соотносится с представлением Ю.М. Лотмана о культуре как системе знаков и механизмов смыслопорождения, в рамках которой предметы повседневности способны становиться носителями культурных значений при условии их устойчивого включения в повторяющиеся коммуникативные и поведенческие сценарии [5]. Подстаканник в этом смысле выступает не просто бытовой деталью железнодорожного сервиса, а материальным знаком, через который переживание пути приобретает наглядную и узнаваемую форму.

«Большие» символы железной дороги и «малые» предметы

В культурологических исследованиях образ железной дороги, как правило, осмысляется через обобщённые концепты, связанные с движением и переходом: путь и дорога, граница, жизненная траектория, опыт модернизации и ускорения. В рамках этой традиции железная дорога рассматривается как значимый культурный образ, репрезентирующий не только технический прогресс, но и изменения в восприятии времени, пространства и человеческой судьбы. Так, Е. А. Мальцева показывает, что в художественной культуре России железная дорога последовательно семантизируется как метафора жизненного пути и как архетипически нагруженный образ, прежде всего через концепты «путь» и «дорога» [6].

Разделяя данную исследовательскую рамку, представляется необходимым внести уточнение, имеющее принципиальное значение для настоящей работы. Символическая «работа» железной дороги осуществляется не только через крупные и визуально доминирующие образы — рельсы, поезд, вокзал, — но и через «малые» предметы повседневности, которые делают опыт железнодорожного пути телесно конкретным, осязаемым и воспроизводимым в повседневной практике. Именно такие предметы переводят абстрактные метафоры движения и перехода в уровень повседневного действия.

Подстаканник выступает показательным примером подобного «малого носителя» смыслов. Он связывает общий концепт пути с повторяемым телесным жестом: взять горячий стакан, удерживая его за металлическую ручку; пить чай в движущемся поезде, в ритме дороги. Через это действие абстрактная метафора пути приобретает материальное воплощение и закрепляется в индивидуальном и коллективном опыте. В этом состоит уточнение, дополняющее существующие интерпретации: если в рамках культурологической традиции анализа железнодорожных символов в центре внимания находятся тексты, образы и метафоры, то в данной работе акцент переносится на материально-ритуальный уровень, посредством которого символика железной дороги укореняется в массовом опыте и по-

вседневной практике.

Научная новизна

1. Предложено рассматривать подстаканник как «малый предмет инфраструктуры», обеспечивающий сцепление институциональной нормы сервиса и культурной памяти путешествия.

2. Показано, что символизация подстаканника объясняется не «легендой о введении сверху», а воспроизводимой практикой чаепития, документируемой в железнодорожном контексте.

3. Уточнено, что культурологические модели символики железной дороги (путь/дорога) продуктивно дополняются анализом материальных ритуалов; подстаканник выступает частным, но высокочастотным «проводником» этих смыслов.

Заключение

Проведённое исследование позволило рассмотреть подстаканник не как второстепенный атрибут железнодорожного сервиса, а как элемент исторически сложившегося железнодорожного быта, включённый в систему институционально закреплённых практик и обладающий устойчивым символическим значением. Анализ показал, что формирование подстаканника как символа железнодорожного путешествия в России обусловлено совокупным действием инфраструктурных, институциональных и культурных факторов.

Во-первых, установлено, что подстаканник закрепляется в железнодорожной среде в связи с формированием регламентированной практики чаепития в поезде, обусловленной логикой движения и остановок, а также особенностями снабжения и обслуживания пассажиров. Исторические источники фиксируют регулярность и воспроизводимость данной практики уже на ранних этапах развития железнодорожного сообщения, что создаёт основу для устойчивого включения подстаканника в повседневный быт путешествия.

Во-вторых, показано, что ключевым механизмом символизации подстаканника является институциональная повторяемость его использования в рамках железнодорожного сервиса. Регулярное воспроизведение однотипного сценария чаепития формирует устойчивую ассоциацию предмета с опытом пути, обеспечивая его узнаваемость и закрепление в коллективной культурной памяти. В этом смысле подстаканник функционирует как «малый предмет инфраструктуры», связывающий нормативные требования сервиса и индивидуальное переживание путешествия.

В-третьих, установлено, что символическое значение подстаканника формируется в рамках ритуализированной практики, связанной не столько с организацией перемещения, сколько с переживанием длительности пути и переходного состояния между пунктами назначения. Включённость предмета в телесный и эмоциональный опыт пассажира способствует его превра-

щению в устойчивый материальный знак железнодорожного путешествия.

Наконец, сопоставление полученных результатов с существующими культурологическими интерпретациями образа железной дороги позволяет уточнить, что символика пути и дороги формируется не только через крупные визуальные и текстовые образы, но и через «малые» предметы повседневности, обеспечивающие практическую и телесную конкретизацию этих смыслов. Подстаканник выступает показательным примером такого материального носителя, через который абстрактные представления о дороге закрепляются в исторически воспроизводимом опыте железнодорожного быта.

Таким образом, подстаканник предстает как устойчивый элемент железнодорожной повседневности, в котором соединяются стандартизация сервиса и индивидуальное переживание пути. Рассмотрение данного предмета в историко-культурном контексте позволяет выявить механизмы символизации, действующие на уровне повседневных практик, и тем самым расширить представления о способах формирования культурных смыслов в материальной среде железнодорожного транспорта.

Библиографический список:

1. Вульфов А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. – М.: Молодая гвардия, 2007. 453 с.
2. История подстаканника и чаепития на железных дорогах России // Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации: офиц. сайт. // URL: https://https://cmzt.ru/events/news-events/istoriya-podstakannika-i-chaepitiya-na-zh/ (Дата обращения: 02.01.2026).
3. Гайдамакин А.В. и др. История железнодорожного транспорта России: учебное пособие (допущено Фед. агентством ж.-д. транспорта). – М.: УМЦ по образованию на железнодорожном транспорте, 2012. 312 с.
4. Корягина Г.А. Подстаканники в коллекции «Металл. Художественные изделия XIX–XX вв.» / Г.А. Корягина. – Кирилло-Белозерский музей-заповедник, 2023. // URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2023/koryagina_g.a._statya_4_kv.pdf (Дата обращения: 01.01.2026).
5. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
6. Мальцева Е.А. Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. // URL: https://sfk-mn.ru/PDF/12KLSK122.pdf
7. Узденова Б.Х., Семенова А.Н., Казиева М.Х. Реализация информационно-коммуникационных технологий в сфере предоставления электронных государственных услуг // Альманах Казачество. 2020. № 44. С. 21-25.

Reference

1. Vulfov A.B. Everyday Life of Russian Railways. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007. 453 p.
2. The History of the Glass Holder and Tea Drinking on Russian Railways // Central Museum of Railway Transport of the Russian Federation: official website. // URL: https://https://cmzt.ru/events/news-events/istoriya-podstakannika-i-chaepitiya-na-zh/ (02.01.2026).
3. Gaidamakin A.V., et al. The History of Russian Railway Transport: A Study Guide (approved by the Federal Agency for Railway Transport). – Moscow: Educational and Methodological Center for Railway Transport Education, 2012. 312 p.
4. Koryagina G.A. Glass Holders in the "Metal" Collection. Artistic Products of the 19th–20th Centuries" / G.A. Koryagina. – Kirillo-Belozersky Museum-Reserve, 2023. // URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2023/koryagina_g.a._statya_4_kv.pdf (01.01.2026).
5. Lotman Yu.M. Semiosphere / Yu.M. Lotman. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.
6. Maltseva E. A. Symbolism and Meanings of the Image of the Railway in the Artistic Culture of Russia: the Concepts of "Path", "Road" // The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2022. Vol. 13. № 1. // URL: https://sfk-mn.ru/PDF/12KLSK122.pdf
7. Uzdenova B.Kh., Semenova A.N., Kazieva M.Kh. Implementation of information and communication technologies in the field of provision of electronic public services // Almanac Cossacks. 2020. № 39. P. 21-25.

Тимербулатов Т.А.
Кандидат исторических наук, доцент. Башкирский институт социальных технологий (филиал).

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 1. Субъекты информационной безопасности*

Аннотация. Обеспечение информационной безопасности – процесс сложный, объединяющий правовое, организационное, научно-техническое и иные направления деятельности государства. Молодое советское государство, объективно оценивая информацию и как ресурс, и как источник угроз, с первых дней существования постепенно формировало систему обеспечения информационной безопасности. В РСФСР эта система в целом сложилась еще до образования СССР. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда по инициативе Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина был запущен и в целом реализован (в том числе непопулярными методами с использованием репрессивных мер) план форсированного экономического прорыва СССР, нацеленного прежде всего на укрепление безопасности и обороноспособности государства. В части 1 настоящей статьи изучен один из ряда аспектов проблемы – субъекты обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: информация, система, защита информации, обеспечение информационной безопасности.

Timerbulatov T.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 1. Subjects of information security

* © Тимербулатов Т.А., 2026.

Abstract. Ensuring information security is a complex process, combining legal, organizational, scientific, technical, and other areas of state activity. The young Soviet state, objectively assessing information both as a resource and as a source of threats, gradually developed an information security system from its earliest days. In the RSFSR, this system had generally been in place even before the formation of the USSR. However, as the conditions for the state's development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when, at the initiative of General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), I.V. Stalin, a plan for a forced economic breakthrough for the USSR was launched and largely implemented (including through unpopular methods involving repressive measures), aimed primarily at strengthening the security and defense capability of the state. Part 1 of this article examines one of several aspects of the problem: the subjects of information security.

Key words: information, system, information protection, ensuring information security.

Введение

Настоящая статья является частью ретроспективного исследования становления и развития советской системы обеспечения информационной безопасности (ОИБ) и хронологически охватывает период с 1929 по 1941 гг., т.е. с «года великого перелома», названного так И.В. Сталиным в одноименной статье, опубликованной 7 ноября 1929 г. в газете «Правда», до начала Великой Отечественной войны.

Это был сложный период перемен,инициированных Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным во всех сферах жизни государства, социума и личности. В литературе со времен XX съезда КПСС (1956 г.) и до сих пор преобладают негативные оценки сталинских инициатив, во многом опиравшихся на репрессивный аппарат.Мы не вступаем в дискуссии, но, исследуя вопросы безопасностью государства в информационной сфере, опускаем политические и иные основания для эмоциональных оценок периода и учитываем только факты, касающиеся безопасности. Заодно отметим, что в целом понимание российской истории, если она изучается с точки зрения обеспечения государственной безопасности, может не совпадать с общепринятым. Для понимания (не оценки) событий принимаем во внимание следующее.

1. Россия всегда находилась и находится под угрозой поползновений на ее независимость. Она заняла огромную территорию с низкой в большинстве регионов плотностью населения, протяженными границами и множеством государств-соседей и с высоким ресурсным потенциалом. Перечисленное – перманентные факторы угроз для нашего государства.

2. Исторически сложилось, что независимость России обеспечивала сильная самодержавная власть, уходящая корнями к восточной деспотии, в то время как все периоды ослабления России вплоть до разрушения государства (Российской империи) становились следствием попыток либерализации государственного управления под западным влиянием. Это большая тема, которую мы здесь не освещаем, но полагаем, что И.В. Сталин взял на себя функции сильного (авторитарного) самодержца, руководствуясь целью обеспечить защищенность государства, ослабленного в предшествующие военно-революционные периоды.

3. Основой государственной устойчивости помимо сильной власти являлась экономическая способность государства защищать свои интересы, что подразумевало среди прочего содержание конкурентоспособного войска, со временем – армии, флота и в целом силовой инфраструктуры.

После Октябрьской революции вследствие военно-революционных событий слабым местом государства стала экономика. В определенном смысле экономический кризис был преодолен в период нэпа. Однако методы нэпа не стимулировали интенсивный рост экономики. К тому же, как пишут В.В Никулин и его коллеги, нэп был антикризисным маневром, допустившим временное отступление от «чисто социалистических отношений» (частичный возврат к рыночным отношениям, привлечение западного капитала), но ничего не изменил в «политико-общественной сфере» [1, с. 18–19]. В публикациях по данной теме авторылюбых политических взглядов констатирует, что И.В. Сталин, называвший СССР «осажденной крепостью» в окружении капиталистических стран, заинтересованных в ее уничтожении [2, с. 5], вознамерился в ускоренном темпе модернизировать экономику СССР так, чтобы она достигла высоких показателей независимо от западного мира, и на этой основе укрепить обороноспособность социалистического государства, создав сильную армию для защиты от внешних врагов [2, с. 5; 3, с. 258] (со своей стороны отметим, что это был в высшей степени амбициозный проект, ибо в дореволюционной России со времен Ивана III экономический прогресс связывался с интеграцией технологических достижений Запада, и этот же принцип использовался в период нэпа).

Сталинская экономическая стратегия строилась прежде всего на ускоренной индустриализации и подъеме сельского хозяйства за счет коллективизации. Отметим, что в СССР на момент «великого перелома» большинство населения составляли крестьяне (около 80 %), ведущие индивидуальное хозяйство [1, с. 23]. Между тем реформы предполагали отток крестьян в города для достижения индустриальных планов, к слову, немыслимых без развития образовательной и научно-технической сфер, и объединение поредевших крестьянских рядов в коллективные государственные хозяйства, снабженные современной техникой. Иными словами, лидер

ставил задачи, означавшие «великий перелом» не только в экономике, но и головах крестьянского большинства, которое держалось за свои наделы. Социальное одобрение нововведений со стороны консервативного большинства не ожидалось и не произошло: «крестьяне отвергли идею труда в колхозах в качестве лиц наемного труда» [1, с. 22]. Это был для государства один из важнейших факторов риска на внутриполитической арене.

Ограничимся немногочисленными перечисленными фактами. Полагаем, их достаточно, чтобы понять, насколько сложную экономическую задачу, нацеленную в том числе на обеспечение государственной безопасности, решала власть государства, окруженного внешними врагами, не имея оснований рассчитывать на добровольный отклик со стороны консервативного большинства внутри страны. В сложившейся ситуации весомая роль отводилась информации, т.е. решению вопросов, какую информацию следует разрешать или поощрять, в т.ч. в пропагандистских целях, какую – запрещать, какую – защищать; как эту работу организовать, юридически урегулировать и т.д.

Отметим важный момент. ОИБ – системное явление. Советская система ОИБ, которая является предметом нашего исследования, формировалась постепенно, но в целом сложилась в РСФСР еще до образования СССР, однако отдельные элементы системы продолжали развиваться и меняться. Цель данного этапа работы – установить, что представляла собой система ОИБ в период закрепления командно-административных отношений в экономике и других сферах общественной жизни. Для этого нужно последовательно ответить на ряд уточняющих вопросов. В части 1 настоящей статьи ответим на один из них – о субъектах ОИБ.

К числу субъектов ОИБ можно без преувеличения отнести весь партийный и правительственный аппарат, ибо любой орган в этой системе как минимум имел дело с секретной информацией, не подлежащей распространению. Кроме того, в партийных и ответственных государственных органах в 1920-е годы были созданы контролирующие подразделения с функциями в том числе цензуры, выявляющие не подлежащую распространению информацию, противоречащую государственной идеологии, и осуществляющие агитационно-пропагандистскую работу (Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б), Главполитпросвет и Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомате просвещения РСФСР и их местные подразделения и пр.). Особое место в системе субъектов ОИБ заняла первая советская спецслужба – Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) при Совете народных комиссаров (СНК), в которой сконцентрировались разнообразные формы защиты государственных интересов, причем в любой сфере, от экономики до армии и внешних связей [4, с. 45-47]. После гражданской войны ВЧК была преобразована в Главное политиче-

ское управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел (НКВД) РСФСР, а после образования СССР – в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Подчеркнем: на заре СССР ОГПУ получило общесоюзный статус, в то время как наркоматы ВД действовали в союзных республиках на единой правовой основе, но без общесоюзного центра, что было закреплено в первой Конституции СССР (1924) [5].

С начала 1930-х годов в системе субъектов ОИБ началась очередная волна организационных изменений.

О партийной системе обеспечения информационной безопасности

Реформ не избежал партийный аппарат, в т.ч. центральный, что выглядит логично, поскольку внутрипартийная борьба к началу 1930-х годов не свернулась и теперь разыгрывалась вокруг «методов и темпов индустриализации и коллективизации». Расшатывание взятого курса И.В. Сталина не устраивало. На первый план вышла проблема «кадрового и организационного обеспечения сталинской политики, усиления его личного влияния в партии и государства в целом» [6].

5 января 1930 г. Политбюро ЦК утвердило новую схему аппарата ЦК. Тогда почти без изменений был оставлен Секретный отдел ЦК, который по численности сотрудников «значительно превосходил другие отделы». 20 октября 1930 г. Политбюро постановило «перевести Секретный отдел ЦК со Старой площади в Кремль». Если изначально Секретный отдел вел секретное делопроизводство всего ЦК, то в 1933 г. он стал обслуживать только Политбюро ЦК и лично Генсека, которому непосредственно подчинялся (причем численное сокращение отдела не производилось). Есть мнение, что так ЦК «в еще большей степени попадал под контроль» лично Сталина.По решению XVII съезда ВКП(б) (1934) партийная система, в т.ч. ЦК, вновь подверглась перестройке. Секретный отдел ЦК был реорганизован в Особый сектор.Особые секторы с теми же функциями и аналогичными штатами, включая шифрработников, появились в партийной вертикали: республиканских и областных (краевых) комитетах [6]. В том же году функции Особого сектора ЦК были расширены – в его состав вошло Бюро международной информации (БМИ), засекреченная аналитическая служба, связанная с «внешнеполитической и военной разведкой», ранее входившая в структуру аппарата ЦК [7, с. 143].

В научной литературе отмечается, что секретные подразделения под разными названиями функционировали в ЦК партии с 1919 г., но изначально они были заняты ведением секретного делопроизводства и обеспечением шифрованной связи, т.е. самостоятельной роли в формировании системы защиты партийно-государственной информации не играли. Однако в 1930-е годы объем их полномочий охватил почти весь комплекс ре-

жимно-секретной деятельности: проверку условий хранения и использования секретных документов, расследование фактов нарушений секретного делопроизводства и разглашения тайны, ведение шифровальной и дешифровальной работы, подготовку проектов постановлений высших органов партии и разработку собственных актов в сфере защиты информации и пр. [6]Созданный в 1934 г. Особый сектор и его местные подразделения фактически стали полноценной спецслужбой в партийной системе, позволявшей И.В. Сталину владеть информацией центрального и местного значения для принятия политических решений. Хотя известно, что многие мероприятия (следственная, правовая деятельность) система особых секторов проводила совместно с органами госбезопасности.

О реформах ОГПУ и НКВД

Волна организационных изменений коснулась ОГПУ и НКВД.В декабре 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР были ликвидированы НКВД союзных и автономных республик. Документ констатировал, что в системе НКВД сконцентрировалось слишком много задач, объединивших «руководство различными, органически не связанными между собою отраслями управления», от коммунального дела до милиции и уголовного розыска. Это было актуально на этапе борьбы с послевоенной разрухой. В условиях же «социалистической реконструкции народного хозяйства» отдельные направления потребовали специального руководства. В рамках темы нас интересует судьба органов правопорядка, являющихся частью системы ОИБ. Указанное постановление предписало организовать при СНК союзных и автономных республик управления милиции н уголовного розыска [8]. Опять без указаний на создание общесоюзного центра. Вместе с тем через 5 дней очередным Постановлением ЦИК и СНК СССР, принятым под грифом «Совершенно секретно», утверждалась необходимость обеспечения единого для СССР руководства «деятельностью милиции и уголовного розыска со стороны органов ОГПУ». В составе ОГПУ предписывалось создать Главную инспекцию по руководству деятельностью милиции и уголовного розыска, уполномоченную совместно с региональными органами ОГПУ оперативно управлять их деятельностью, в т.ч. в кадровой сфере [9]. Главная инспекция по милиции и уголовному розыску в составе ОГПУ была создана в конце 1931 года [10, с. 160]. Через год Постановлением ЦИК и СНК СССР учреждалось Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) при ОГПУ – для осуществления общего руководства работой управлений рабоче-крестьянской милиции союзных республик, а также для «проведения по всему Союзу ССР паспортной системы и прописки паспортов» [11]. Отметим два момента. Во-первых, отныне милиция была официально подчинена ОГПУ. Во-вторых,

перед милицией была поставлена новая задача. Поясняем. В союзных республиках до сего времени существовали разные способы удостоверения личности и контроля над перемещениями граждан. Да и в РСФСР единый формат учета населения сформирован не был. С 1932 г. во всем СССР вводилась единая паспортная системас обязательной пропиской граждан по месту жительства, а прописка паспортов означала обязательную отметку в органах милиции в течение 24 часов после прибытия на новое место. Мы остановились на введении паспортной системы, потому что этот механизм был связан не только с задачами народно-хозяйственной статистики, но и с обеспечением безопасности (как минимум всесоюзного розыска).

В 1934 г. произошла очередная реформа – ЦИК СССР постановил создать общесоюзный НКВД «со включением в его состав» ОГПУ. В союзных республиках предписывалось создать республиканские НКВД «на основе Положения об общесоюзном Народном комиссариате внутренних дел», а в РСФСР установить вместо республиканского НКВД институт уполномоченного НКВД СССР [12]. На первый взгляд, решение выглядело как акт переподчинения. Но это не так: «во-первых, такого ведомства, как НКВД, к тому времени уже не существовало, а во-вторых, наиболее крупным из функциональных подразделений НКВД стало ГУГБ» [10, с. 161] (Главное управление государственной безопасности). Изучив опубликованные сведения [13, с. 12], можем констатировать, что система госбезопасности осталась неприкосновенной – в состав ГУГБ вошли почти все секретные подразделения ОГПУ, сформированные к 1927 г., а именно Особый отдел (контрразведка и борьба с вражескими действиями в армии и на флоте), Секретно-политический отдел (борьба с враждебными политическими партиями и антисоветскими элементами), Иностранный отдел (разведка за границей), Экономический отдел (борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве), Транспортный отдел (борьба с вредительством, диверсиями на транспорте), Оперативный отдел (охрана руководителей партии и правительства, обыски, аресты, наружное наблюдение), Специальный отдел (шифровальная работа, обеспечение секретности в ведомствах), Учетно-статистический отдел (оперативный учет, статистика, архив)Причем в 1934 г. на своих местах остались все их руководители. Упразднялась только судебная коллегия ОГПУ, но сохранялись внесудебные полномочия. Впоследствии кадровые изменения происходили, но система до 1941 г. не менялась.

О политико-идеологической работе

Изменения происходили в органах, формирующих идеологические установки и контролирующих распространение информации.

Высшее идеологическое руководство в стране осуществляла, разумеется,

партия и, в частности, Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП (б) (Агитпроп). Под таким названием он существовал до конца 1920-х годов. В 1930-е годы орган неоднократно реформировался со сменой названий. Если кратко, то на базе бывшего Агитпропа либо создавалось несколько подразделений, либо производилось их объединение. В середине 1930-х годов пропагандистский сектор партии был усилен посредством наделения секретными полномочиями. Так, в состав одного из отделов разделенного Культпропа (бывшего Агитпропа) – Отдела печати и издательств – из Особого сектора ЦК было переведено упомянутое выше БМИ. Бюро официально в печати не выступало. Оно анализировало международную информацию, полученную из любых источников, и проверяло сведения «через высылаемых собственных корреспондентов». Результаты ежедневно докладывались в партийный Центр и использовались как «информационный источник для советской прессы» [7, с. 143]. Реформы партийного пропагандистского сектора завершились в 1939 г., когда XVIII съезд ВКП(б) принял изменения в Устав ВКП(б), закрепив в структуре ЦК Управление пропаганды и агитации, а в местных комитетах всех уровней – отделы пропаганды и агитации [14, с. 99]. Сложно устроенное Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) объединило все направления идеологической партийной работы, от руководства пропагандой и агитацией и воспитания идеологически подкованных кадров до контроля за исполнением идеологических установок партии печатью, творческими сообществами и иными источниками распространения информации [7, с. 143].

Партийноедоминирование в агитационно-пропагандистской сфере началось в 1920 г., когда с разницей в три месяца были учреждены партийный Агитпроп и Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) в составе Наркомата просвещения (Наркомпроса) РСФСР – прямой аппарат партии в структуре государственного ведомства [4, с. 47].Формально их функции были разграничены. Согласно Резолюции X съезда РКП(б) (март 1921 г.) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» деятельность системы агитпропов связывалась с работой «внутри партии по поднятию сознательности ее членов и по их коммунистическому воспитанию», в то время как деятельность системы политпросветов – с «агитационно-пропагандистской работой среди внепартийных масс». Однако даже этот документ вменял агитпропам руководство органами политпросветов [15, с. 357]. В 1920-е годы партия официально поддерживала систему политпросветов, которая фактически снимала с нее множество дополнительных дел, связанных с организацией идеологической работы в школах, избах-читальнях и пр. Но были и серьезные проблемы, например, финансовые. По Конституции СССР 1924 г. общесоюзный орган управления просвещением не пред-

усматривался. Действовали, как и в случае с НКВД, наркомпросы союзных республик и их местные подразделения [5]. После образования СССР политпросветы были прикреплены к местным отделам народного образования, а их государственное обеспечение отменено. Финансирование делегировалось местным властям. В условиях нэпа оно тяжелым бременем легло на небогатые местные бюджеты. Средств не хватало. Последствия – сокращение кадров в политросветах – предсказуемо отмечались [16, с. 27], но система, приспосабливаясь к свободам нэпа, работала. Впрочем, нэп сделал свое дело. В год «великого перелома» началось «очищение» Наркомпроса РСФСР от его мелкобуржуазных последствий. Первым мероприятием в этом ряду стало отстранение бессменного наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского. Новым наркомом просвещения стал А.С. Бубнов, ранее возглавлявший Агитпроп ЦК, а затем Главное политуправление Красной армии. Бубнов ликвидировал главки Наркомпроса, включая Главполитпросвет, и создал ряд профильных секторов. На базе Главполитпросвета был создан Сектор массовой политико-просветительной и школьной работы [17, с. 122–123] с несравнимо меньшим объемом властных полномочий.

Иначе сложилась история еще одного органа в системе Наркомпроса РСФСР – Главлита, учрежденного в 1922 году. В Положении о Главлите впервые с 1917 г. официально утверждалась советская цензура (ранее только военная)в формулировке «все виды цензуры» на уровне предварительно просмотра [18]. Органы Главлита на местах, как и политпросветы, в 1920-е годы были финансово ущемлены, что влекло различные нарушения в организации работы и подборе кадров. Нарушения выявлялись органами ОГПУ, меры принимались, но ситуация до конца 1920-х годов существенно не менялась. «Великий перелом» отразился на Главлите. В число отстраненных от должности вошел его руководитель П.И. Лебедев-Полянский. Новым начальником Главлита в 1931 г. стал Б.М. Волин, юрист, журналист с опытом управленческой работы в партийных и советских органах, связанных с защитой информации (в частности, руководил отделом печати Народного комиссариата иностранных дел), в разное время работал за рубежом.

С 1930 г. Политбюро ЦК и СНК РСФСР разрабатывали документы, нацеленные на реорганизацию системы Главлита [19, с. 196–109], но о его ликвидации, как в случае с Главполитпросветом, речь не шла. Зато вновь было завуалировано понятие «цензура». Постановление Политбюро от 5 апреля 1931 г. утверждало «предварительный контроль» по вопросам, касающимся государственной тайны, в т.ч. имеющей оборонное и внешнеэкономическое значение. Сведения, составляющие государственную тайну, должны были предоставляться руководителями ведомств в Главлит ежемесячно [20, с. 144–145]. В июне 1931 г. СНК РСФСР ввел новое Положение о Глав-

лите. Отныне Главлит осуществлял «все виды политико-идеологического, военного и экономического контроля» за материалами, предназначенными для обнародования любыми способами (в печати, на радио и пр.), причем на этот раз Положение предусматривало и предварительный, и последующий контроль [21]. Действовавшая ранее норма об объединении «всех видов цензуры» отменялась. Не упоминались цензоры – контроль возлагался на политредакторов.

В 1933 г. произошел возврат к официальному признанию связки цензуры и военной тайны. Поскольку главлиты действовали при республиканских наркомпросах, охрана тайны не могла считаться хорошо поставленным делом, на что обратили внимание военные [22]. В сентябре 1933 г. в целях усиления «военной цензуры в СССР» Политбюро ЦК постановило возложить на Б.М. Волина обязанности уполномоченного СНК СССР «по охране военных тайн в печати», преобразовать действовавшую при Главлите РСФСР группу по охране государственных тайн в отдел по военной цензуре(ОВЦ) при уполномоченном СНК СССР и создать такие же отделы при Главлитах союзных республик с подчинением уполномоченному СНК СССР [23]. На ряд сомнительных моментов этого решения указал М.В. Зеленов. ЦК ВКП (б) упорно отказывался переподчинять Главлит правительству СССР, что сняло бы проблему общесоюзной организации охраны тайн и согласованности постановлений. В сложившейся же ситуации нововведения вошли в противоречие с Постановлением Политбюро от 5 апреля 1931 г. и новым Положением о Главлите, которые вменяли Главлиту охрану всех видов государственных тайн. Впрочем, уполномоченный СНК СССР и ОВЦ почти сразу, не имея возможности поступить иначе, восстановили функцию экономической цензуры, точнее, в принятой тогда терминологии – политико-идеологического экономического контроля. Отмечены и другие основания для «управленческих несуразностей», связанных с тем, что у Главлита помимо охраны тайн были и другие задачи, которые должны были исполняться в пределах РСФСР [23].

В 1935 г. Б.М. Волин попросил ЦК об отставке, предложив на свое место кандидатуру С.Б. Ингулова, с которым много лет сотрудничал, в т.ч. в системе Агитпропа ВКП(б) (в 1937 г. репрессирован). С 1938 по 1946 гг. должности начальника Главлита и уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн занимал Н.Г. Садчиков, также имевший опыт работы в системе Агитпропа. В довоенный период все начальники Главлита ставили перед руководством страны вопрос о предоставлении своему ведомству статуса самостоятельного союзного цензурного органа. Однако Главлит этот статус так и не получил. Как пишет С.А. Дианов, «содержание нового государственного органа требовало больших расходов», поэтому радикальная реформа Главлита не считалось экономически целесообразной [19, с. 41].

Вместе с тем де-факто цензурная деятельность по всем возможным направлениям осуществлялась.

Заключение

В 1930-е годы идеологическая и, соответственно, информационная политика СССР формировалась в условиях однопартийной системы, т.е. силами ВКП(б). Партия руководила идеологической работой, ее центральный аппарат устанавливал, какую информацию распространять можно и нужно, какую следует запрещать, какую необходимо защищать.

В исследуемый период в партийной системе функции защиты информации были сконцентрированы в одном секретном подразделении, подчиненном лично Генсеку И.В. Сталину.

С 1917 г. защита информации являлась важнейшей задачей органа госбезопасности – советской спецслужбы (ВЧК – ГПУ – ОГПУ). У засекреченной спецслужбы менялись не только названия, но и официальное подчинение, от СНК до НКВД. Но при любых реформах ее развитие шло своим путем в тесной связи с партийными лидерами и было связано с возникающими внешними и внутренними угрозами государству и научно-техническими возможностями. В 1930-е годы были произведены очередные преобразования в НКВД и ОГПУ и в итоге создан НКВД СССР, в состав которого без какого-либо структурного и штатного вмешательства вошло ОГПУ в качестве самого крупного подразделения, названного Главным управлением государственной безопасности.

Идеологическая работа в массах осуществлялась различными государственными органами под контролем ВКП(б) и органов госбезопасности. С 1920-х годов главные проводники идеологического курса партии – Главполитпросвет и Главлит – состояли в структуре скромно финансируемого Наркомпроса РСФСР и дополнительной финансовой поддержки от государства не получали. В 1930-е годы ситуация не изменилась. Главполитпросвет ликвидировали. Главлит как цензурный инструмент был сохранен при Наркомпросе РСФСР с одним нововведением – учреждением при нем союзного контролирующего (де-факто цензурного) аппарата охраны военной (де-факто государственной) тайны. Самостоятельным союзным органом Главлит РСФСР не стал, но круг его обязательных задач был очерчен, а правовые основания для деятельности в масштабах СССР созданы.

Библиографический список:

1. Никулин В.В., Красников В.В., Юдин А.Н. Советская Россия: проблемы социально-экономического и политического развития (1917–1939 гг.). – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2005. 128 с.
2. Чевардин А.В. Советский Союз в эпоху сталинской модернизации (1928–1939 гг.). Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2013. 18 с.

3. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учебник. – М.: Велби; Проспект, 2004.520 с.
4. Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г. Исторический опыт становления системы информационной безопасности в России в 1917–1922 годах. Часть 1. Субъекты и правовое обеспечение информационной безопасности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 10-2. С. 44-48.
5. Основной закон (Конституция) СССР (принят в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.) // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (Дата обращения: 12.11.2025).
6. Куренков Г.А. От конспирации к секретности: монография. М.: Аиро-XXI, 2015. 255 с. // URL: https://itexts.net/avtor-gennadiy-aleksandrovich-kurenkov/274787-ot-konspiracii-k-sekretnosti-gennadiy-kurenkov/read (Дата обращения: 30.11.2025).
7. Еремин С.В. Организационная структура советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 142-148
8. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 16 декабря.
9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 декабря 1930 г. «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска» // Политбюро и органы государственной безопасности: сборник документов. – М.: Кучково поле, 2017. С. 280-281.
10. Смирнов Д.А. Реформирование полицейской деятельности в советский и постсоветский период // Вестник Академии права и управления. 2015. № 1 (38). С. 159-164.
11. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г «Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ Союза ССР» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. 28 декабря
12. Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР» // Известия. 1934. 11 июля.
13. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917-1960. Справочник. – М.: МФД, 1997. 352 с.
14. Устав ВКП (б) (принят XVIII съездом ВКП (б), 10–21 марта 1939 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. Т. 7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. С. 94-108.
15. Резолюция X съезда РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. Т. 2. 1917–1922. – М.: Политиздат, 1983. С. 357-360.
16. Крылова А.В. Взаимодействие агитпропотделов партийных комитетов РКП(б) и органов Главполитпросвета в центре и на местах в первой половине 1920-х годов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С. 26-30.
17. Хайретдинова Н.Э. Становление и развитие государственных профессиональных театров в 1917–1941 гг. (на материалах театров г. Уфы): дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2014. 197 с.
18. Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит) от 6 июня 1922 г. // Известия ВЦИК Советов. 1922. 23 июня.
19. Дианов С.А. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: дис. … докт. ист. наук. Пермь, 2011. 415 с.
20. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1931 г «Об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 1999. С. 144-145.
21. Постановление СНК РСФСР от 6 июня 1931 г. «Об утверждении положения о Главном управлении по делам литературы и издательства и его местных органах» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1931. № 31. Ст. 273.
22. Зеленов М.В. Главлит внутри власти. Июнь 1931 – июнь 1935 гг. // Открытый текст: электронное издание. // URL: https://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/zelenov-m-v/m-v-zelenov-glavlit-vnutri-vlasti-ijun-1931-ijun-1935-gg/ (Дата обращения: 12.12.2025).
23. Протокол № 145 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1933 г. «Об усилении охраны военных тайн» // URL: https://istmat.org/node/59181 (Дата обращения: 12.12.2025).
24. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

Reference

1. Nikulin V.V., Krasnikov V.V., Yudin A.N. Soviet Russia: Problems of Socio-Economic and Political Development (1917–1939). – Tambov: Tambov State Technical University, 2005. 128 p.
2. Chevardin A.V. The Soviet Union in the Era of Stalin's Modernization (1928–1939). Yekaterinburg: Ural State Forest Engineering University, 2013. 18 p.
3. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. History of Russia: Textbook. – Moscow: Velbi; Pros-

pect, 2004. 520 p.
4. Timerbulatov T.A., Yusupov R.G. Historical Experience of the Formation of the Information Security System in Russia in 1917–1922. Part 1. Subjects and Legal Framework for Information Security // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 10-2. P. 44-48.
5. The Basic Law (Constitution) of the USSR (adopted in its final version by the II Congress of Soviets of the USSR on January 31, 1924) // Faculty of History, Lomonosov Moscow State University: website. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (12.11.2025).
6. Kurenkov G.A. From Conspiracy to Secrecy: Monograph. Moscow: Airo-XXI, 2015. 255 p. // URL: https://itexts.net/avtor-gennadiy-aleksandrovich-kurenkov/274787-ot-konspiracii-k-sekretnosti-gennadiy-kurenkov/read (11.30.2025).
7. Eremin S.V. Organizational structure of Soviet foreign policy propaganda in the 1930s // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2013. № 4. P. 142-148
8. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of December 15, 1930 "On the liquidation of the People's Commissariats of Internal Affairs of the Union and Autonomous Republics" // Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1930. December 16. 9. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of December 20, 1930 "On the management of the activities of the police and criminal investigation department by the OGPU bodies" // Politburo and state security agencies: collection of documents. – M.: Kuchkovo pole, 2017. P. 280-281.
10. Smirnov D.A. Reforming Police Activity in the Soviet and Post-Soviet Period // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. № 1 (38). P. 159-164.
11. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of December 27, 1932 "On the Formation of the Main Directorate of the Workers' and Peasants' Militia under the OGPU of the USSR" // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Union Central Executive Committee. 1932. December 28
12. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of July 10, 1934 "On the Formation of the All-Union People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR" // Izvestia. 1934. July 11.
13. Lubyanka. All-Union Extraordinary Commission – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917-1960. Handbook. – M.: MFD, 1997. 352 p.
14. Charter of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (adopted by the 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), March 10–21, 1939) // Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenary sessions of the Central Committee (1898–1986): in 15 volumes. Vol. 7. 1938–1945. – M.: Politizdat, 1985. P. 94-108.
15. Resolution of the Tenth Congress of the RCP(b) (March 8–16, 1921) "On the Main Political Education Department and the Agitation and Propaganda Tasks of the Party" // The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898–1986): in 15 volumes. Vol. 2. 1917–1922. – Moscow: Politizdat, 1983. P. 357-360.
16. Krylova A.V. Interaction between the Agitation Propaganda Departments of the Party Committees of the RCP(b) and the Main Political Education Department Bodies in the Center and Locally in the First Half of the 1920s // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2017. Vol. 23. № 2. P. 26-30.
17. Khairutdinova N.E. Formation and Development of State Professional Theaters in 1917–1941 (Based on Materials from Ufa Theaters): Diss. … Cand. Sci. (Hist.). Orenburg, 2014. 197 p.
18. Regulation on the Main Administration for Literature and Publishing (Glavlit) of June 6, 1922 // Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets. 1922. June 23.
19. Dianov S.A. Development of Local Bodies of Glavlit in the Urals in 1922–1938: Structure, Functions, Personnel: Diss. … Doctor of Science (Hist.). Perm, 2011. 415 p.
20. Resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 5, 1931, "On Strengthening Political Control over Periodical and Non-Periodical Press" // Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committees of the RCP(b) – All-Union Communist Party (Bolsheviks), Cheka – OGPU – NKVD on Cultural Policy. 1917–1953. – Moscow: MFD, 1999. P. 144-145.
21. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of June 6, 1931, "On Approval of the Regulations on the Main Administration for Literature and Publishing and its Local Bodies" // Collection of Legislations and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. 1931. No. 31. Art. 273.
22. Zelenov M.V. Glavlit within the Government. June 1931 – June 1935 // Open Text: Electronic Edition. // URL: https://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/zelenov-m-v/m-v-zelenov-glavlit-vnutri-vlasti-ijun-1931-ijun-1935-gg/ (12.12.2025).
23. Protocol No. 145 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of September 15, 1933, "On Strengthening the Protection of Military Secrets" // URL: https://istmat.org/node/59181 (12.12.2025).
24. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

Бедретдинова Л.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарных иестественно-научных дисциплин» ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет».

Географический детерминизм раннего С.М. Соловьева*

Аннотация. В статье рассматривается концепция географического детерминизма через призму взглядов русского историка С.М. Соловьева. Автор анализирует, как географические условия, такие как климат, рельеф и доступность ресурсов, влияют на развитие обществ и формирование их исторических путей. Статья предлагает комплексный подход к изучению истории, который учитывает взаимодействие между природными условиями и человеческой деятельностью, подчеркивая необходимость многогранного анализа факторов, формирующих цивилизации, а также сравнительную характериститку анализа природного фактора С.М. Соловьева и Л.И. Мечникова.

Ключевые слова: географический детерминизм, социальное развитие, исторические процессы, экономические факторы, политические факторы, заимосвязь, критика детерминизма.

Bedretdinova L.N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences, Moscow State University of Psychology and Education.

The geographical determinism of early S.M. Solovyov

Abstract. The article examines the concept of geographical determinism through the lens of the views of the Russian historian S.M. Solovyov. The author analyzes how geographical conditions, such as climate, topography, and resource availability, influence the development of societies and the formation of their historical paths. The article proposes a comprehensive approach to the study of history that takes into account the interaction between natural conditions and human activity, emphasizing the need for a multifaceted analysis of the factors that shape civilizations, as well as a comparative analysis of the natural factor by S.M. Solovyov and L.I. Mechnikov.

Key words: geographical determinism, social development, historical processes, economic factors, political factors, international relations, criticism of determinism.

* © Бедретдинова Л.Н., 2026.

1. Географический детерминизм – это концепция, которая утверждает, что географические условия и особенности окружающей среды существенно влияют на развитие человеческого общества, его культуры, экономики и политических систем.Его работы остаются актуальными и сегодня, предлагая ценные уроки для современных исследователей, стремящихся понять сложные взаимосвязи между человеком и окружающей средой.

Влияние географической среды и климата на развитие общества было настолько значительным, что это осознание привело к возникновению научного направления, называемого географическим детерминизмом. Этот термин происходит от латинского слова «determinare», что означает «определять». Основной принцип географического детерминизма заключается в том, что географические условия являются первичными и играют решающую роль в определении экономической, социальной и политической жизни государств.

Теория географического детерминизма начала развиваться еще в античные времена. Известно, что первыми делали попытки объяснить явления общественной жизни особенностями географической среды многие древнегреческие философы. Важно отметить, что именно в эту эпоху начали формироваться основы географического подхода в науке, который стал базой для методологии географического детерминизма [1, с. 12].

2. Интерес к тому, как географические и социокультурные факторы влияют на развитие общества, у русских мыслителей появился еще в древности. Это видно в таких памятниках литературы, как «Повесть временных лет» и «Поучения Владимира Мономаха». В этих текстах славяне высказывают мысли о том, как географическая среда влияет на жизнь их племен. Например, названия племен, такие как «поляне», «древляне» и «северяне», показывают, что их жизнь и занятия были связаны с тем, где они жили.

В «Повести временных лет» подчеркивается важность речных торговых путей, которые проходили через Волгу и Дон. Это говорит о том, что ландшафт и природа оказывали влияние на славянские племена. Общая идея, которая прослеживается в древнерусской мысли, – это стремление объединить народы. Это отражает понимание того, что географическая среда может соединять славянские племена. Лев Гумилев в наше время точно выразил эту мысль: он говорил о том, что экономико-географическое единство региона, где сочетаются разные природные ландшафты (например, речные долины), требует создания единой хозяйственной системы. В этой системе части не противостоят друг другу, а дополняют друг друга [2, с. 31].

3. Среди русских мыслителей первым, кто научно обосновал взаимосвязь географических и социокультурных факторов в объяснении исторических событий в России, был историк Сергей Соловьев. Он использовал

геосоциологию как метод исследования. Соловьев объяснял особенности общественной жизни и хозяйствования следующим образом: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского моря до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев, верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению. И равнина, как бы ни была обширна, каким бы ни было вначале разноплеменным ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.» [6, с. 63].

4. Борис Якеменко писал,что труд Сергея Соловьева настолько грандиозен, что его очень тяжело читать подряд, но обойтись без него невозможно, потому что книги Соловьева это энциклопедия русской истории. Труд Соловьева остается навсегда единственной работой такого масштаба, и без его «Истории России» представить себе русскую историческую науку нельзя, тем более что многие его выводы не утратили своей актуальности и по сей день [9, с. 11].

У С.М. Соловьева, среди многих других, был замечательный ученик Василий Ключевский, который создал свой курс лекций, написанный совершенно под иным углом зрения. Лекции Ключевского стали своеобразным теоретическим комментарием к труду Соловьева. Василий обсуждает идеи Сергея Михайловича Соловьёва в своей книге «Курс русской истории». В этом произведении Ключевский рассматривает различные аспекты русской истории, включая взгляды и методологию Соловьёва, а также критикует его подходы к изучению исторических процессов [4, с. 3].

Деятельность Соловьёва также критически оценивал Н.В. Шелгунов, полагая, что «политической» стороне истории он уделяет гораздо больше внимания, чем «народной», и, таким образом, «не видит исторической жизни России в полной её совокупности» [8, с. 36].

5. В ранней работе Сергея Михайловича Соловьёва «История отношений между русскими князьями рюрикова дома» предлагает глубокий анализ политических и социальных взаимодействий между князьями, что может быть рассмотрено в контексте географического детерминизма:

1. Географические факторы играли ключевую роль в формировании политической и социальной структуры Руси, что подробно анализируется в трудах Сергея Михайловича Соловьёва. Рассмотрим этот аспект более подробно, с конкретными примерами.

1.1. Реки как артерии торговли и войны.

Реки на Руси служили важными транспортными путями, что влияло на экономическое и политическое развитие княжеств. Например:

– Днепр: Эта река была основным торговым маршрутом, соединяющим Север с Югом и Востоком с Западом. Князья, контролировавшие Днепр, могли обогащаться за счёт торговли с Византией и другими регионами. Это способствовало укреплению их власти и влияния [7, с. 75].

– Волга: Волга также играла важную роль в торговле, связывая Русь с Поволжьем и Каспийским морем. Контроль над Волгой позволял князьям устанавливать торговые связи с восточными народами и получать доступ к товарам из Азии [7, с. 178].

1.2. Леса как укрытие и ресурс.

Обширные леса на Руси не только служили источником древесины, но и предоставляли укрытие для защитников:

– Леса Северной Руси: Эти леса обеспечивали защиту от нападений врагов, например, от кочевников. Князья могли использовать леса для организации партизанской войны, скрывая свои силы и атакуя врагов из засады [7, с. 81].

– Охота и ресурсы: Леса также обеспечивали пищей и ресурсами. Князья могли контролировать охотничьи угодья, что добавляло им авторитета и влияния среди местного населения.

1.3. Равнины и стратегические позиции [7, с. 81].

Равнинные территории способствовали созданию крупных городов и укреплений:

– Киев: Расположенный на высоком холме над Днепром, Киев имел стратегически важное положение. Это позволяло контролировать торговлю по реке и защищать город от нападений. Его географическое положение способствовало превращению в центр объединения Руси [7, с. 46-47].

– Суздаль и Владимир: Эти города находились в плодородных равнинах, что позволяло развивать сельское хозяйство и обеспечивать продовольствием растущее население. Успех этих княжеств во многом зависел от их географического положения [7, с. 75].

1.4. Климатические условия.

Климат также оказывал влияние на жизнь княжеств:

– Суровые зимы: Холодные зимы ограничивали возможности для ведения сельского хозяйства, что могло приводить к голоду и внутренним конфликтам. Например, в годы неурожая князья часто сталкивались с восстаниями среди крестьян [7, с. 249].

– Сезонные миграции: Кочевые народы, такие как печенеги и половцы, использовали климатические условия для своих миграций, что создавало угрозу для русских княжеств. Это заставляло князей заключать союзы или вести войны для защиты своих территорий [7, с. 50].

2. Экономические условия играли немаловажную роль в развитии политической структуры и социальной жизни Руси. Они определяли не только уровень жизни населения, но и возможности князей укреплять свою власть, вести войны и развивать торговлю. Рассмотрим этот пункт более подробно с конкретными примерами.

2.1.Сельское хозяйство.

Сельское хозяйство было основным источником существования на Руси. Основные культуры, такие как пшеница, рожь, ячмень и овёс, обеспечивали продовольственную безопасность и способствовали развитию населения.

– Плодородные земли: Наиболее благоприятные условия для сельского хозяйства были на юге Руси, в Черноземье. Здесь князья могли собирать богатые урожаи, что позволяло им накапливать ресурсы и расширять свои владения. Например, Киевская Русь, находясь на плодородных землях, могла обеспечивать не только своих жителей, но и соседние территории [7, с. 321].

– Обработка земли: Система общинного землевладения (мир) способствовала совместному ведению сельского хозяйства. Это позволяло крестьянам объединять усилия для обработки больших участков земли и делиться ресурсами. [3, с. 9].

2.2. Торговля.

Торговля была важным аспектом экономической жизни Руси, способствующим обмену товаров и культурным связям с другими регионами.

– Торговые пути: Развитие торговых путей, таких как «из варяг в греки», связывало Русь с Византией и другими странами. Это обеспечивало приток товаров (например, шелка, пряностей) и позволяло русским князьям обогащаться. Контроль над этими путями давал возможность князьям устанавливать пошлины на товары, что увеличивало их доходы.

– Города как торговые центры: Города, такие как Новгород и Псков, стали важными торговыми центрами. Новгород, например, активно торговал с германскими городами и скандинавскими странами, что способствовало его экономическому процветанию. Князья могли извлекать выгоду из торговли, обеспечивая защиту торговых путей и заключая выгодные соглашения [7, с. 400].

2.3. Ремесленное производство.

Развитие ремесел также играло важную роль в экономике Руси.

– Специализация ремесел: В крупных городах начали развиваться различные ремесла: кузнечное дело, ткачество, гончарное производство и др. Это способствовало созданию товарного производства и обмену между различными регионами. Например, Новгород славился своими тканями и изделиями из меди.

– Рынки: Ремесленники продавали свои изделия на рынках, что способствовало росту городов и увеличению их населения. Князья могли получать налоги с торговли на этих рынках, что увеличивало их доходы [7, с. 535].

2.4. Налоги и дани.

Система налогов и дани была важным инструментом для обеспечения власти князей.

– Дань от крестьян: Крестьяне обязаны были платить дань князю за использование земли. Эта система обеспечивала стабильный доход для княжеской власти. Например, на юге Руси дань часто собиралась в виде продуктов сельского хозяйства [7, с. 43].

– Налоги на торговлю: Князья устанавливали налоги на торговлю и ремесленное производство. Эти налоги помогали финансировать военные кампании и строительство укреплений. Например, в Новгороде существовала система пошлин на товары, проходящие через город [7, с. 371].

2.5. Внешняя торговля и дипломатические связи.

Экономические условия также влияли на внешнюю политику Руси.

– Дипломатические союзы: Успешная торговля с Византией позволяла русским князьям укреплять дипломатические связи и получать военную поддержку. Например, союз с Византией в виде династических браков (например, брак князя Владимира с византийской принцессой Анной) способствовал укреплению позиций Руси на международной арене [7, с. 57-58].

– Экономические войны: Конфликты с соседними народами часто имели экономическую подоплёку. Например, борьба с кочевыми племенами (печенегами и половцами) за контроль над торговыми путями и пастбищами приводила к военным столкновениям [7, с. 64-65].

3. Климатические условия играли важную роль в жизни и развитии Руси, влияя на сельское хозяйство, экономику, миграцию населения и даже на политическую структуру. Рассмотрим этот пункт более подробно с конкретными примерами.

3.1. Сельское хозяйство.

Климат Руси, который варьируется от умеренно-континентального на юге до субарктического на севере, оказывал значительное влияние на сельское хозяйство.

– Сезонность и продолжительность вегетационного периода: В южных регионах Руси (например, в Черноземье) вегетационный период был значительно длиннее (около 180-200 дней), чем на севере, где он составлял всего 90-120 дней. Это позволяло южным регионам собирать более богатые урожаи пшеницы и других культур. Например, Киевская Русь, находясь на юге, могла обеспечивать своих жителей хлебом, в то время как северные

земли (такие как Новгород) зависели от менее продуктивных культур, таких как рожь и ячмень.

– Устойчивость к неблагоприятным условиям: Крестьяне на севере были вынуждены использовать более устойчивые к холодам культуры, такие как гречка и овёс. Это также повлияло на выбор сельскохозяйственных технологий и методов ведения хозяйства. Например, на Севере использовались специальные методы хранения урожая, чтобы минимизировать потери от морозов [6, с. 117].

3.2. Орошение и водные ресурсы.

Климат также определял доступность водных ресурсов и методы орошения.

– Реки и озёра: Наличие рек (например, Волги, Днепра) и озёр обеспечивало не только транспортные пути, но и источники орошения для сельского хозяйства. В засушливые годы реки могли использоваться для орошения полей. Например, в некоторых районах на юге Руси использовали системы орошения для повышения урожайности [6, с. 8].

– Засушливые годы: В годы засухи (что иногда происходило в южных регионах) крестьяне сталкивались с серьёзными проблемами, такими как неурожай и голод. Это могло приводить к миграции населения в более благоприятные климатические зоны или к внутренним конфликтам за ресурсы [3, с. 73].

3.3. Зимние условия.

Зимы в России могут быть суровыми, что также оказывало влияние на образ жизни и экономику.

– Долгие зимы: Долгие зимы требовали от населения запасать продовольствие на зиму. Это влияло на структуру сельского хозяйства: крестьяне должны были планировать свои посевы так, чтобы обеспечить достаточные запасы. Например, в северных регионах часто использовались методы хранения продуктов, такие как заквашивание и соление [3, с. 110].

– Проблемы с транспортом: Суровые зимние условия также затрудняли транспортировку товаров. Это влияло на торговлю и экономику. Например, в зимний период реки замерзали, что ограничивало речное сообщение и вынуждало торговцев использовать другие маршруты или ждать потепления [3, с. 59].

3.4. Миграция и расселение.

Климатические условия влияли на миграцию населения и расселение различных народов.

– Перемещение племён: Кочевые племена, такие как половцы и печенеги, мигрировали по степям в поисках лучших пастбищ для скота. Это создавало напряжённость с оседлыми народами Руси и приводило к конфликтам. Например, нападения кочевников на южные земли Руси

были вызваны стремлением получить доступ к более благоприятным пастбищам.

– Переселение крестьян: В ответ на неблагоприятные климатические условия (например, голод или неурожай) крестьяне могли переселяться в другие районы с более благоприятным климатом. Это способствовало освоению новых земель, таких как Сибирь в более поздние времена [7, с. 354].

3.5. Политические последствия.

Климатические условия могли влиять на политическую структуру Руси.

– Формирование княжеств: Различия в климате между севером и югом способствовали формированию различных княжеств с разной экономической базой. Например, княжества юга (Киевская Русь) были более аграрными и богатейшими благодаря плодородным землям, тогда как северные княжества (Новгород) развивались больше за счёт торговли и ремесел.

– Адаптация к климату: Политические решения часто принимались с учётом климатических условий. Например, князья могли принимать меры по улучшению инфраструктуры (дороги, мосты) для облегчения торговли в условиях сурового климата.

4. Влияние соседей на Русь в разные исторические периоды было значительным и многогранным. Соседние государства, племена и народы оказывали влияние на экономику, культуру, политику и военные дела Руси. Рассмотрим этот пункт более подробно с конкретными примерами.

4.1. Влияние соседних государств.

4.1.1. Византия

– Культурное влияние: Византия оказала огромное влияние на развитие культуры Руси, особенно в области религии, архитектуры и искусства. Принятие христианства в 988 году князем Владимиром Святославичем стало поворотным моментом. Византийские миссионеры, такие как Кирилл и Мефодий, способствовали распространению письменности и культуры среди славян, что привело к созданию кириллицы [7, с. 53].

– Экономические связи: Русь активно торговала с Византией, что способствовало развитию экономики. Товары, такие как меха, мед и воск, поставлялись в Византию, а взамен русские купцы получали дорогие ткани, серебро и другие товары. Это способствовало укреплению экономических позиций Руси [2, с. 249].

4.1.2. Польша и Литва

– Политические альянсы: В XIV-XV веках влияние Польши и Литвы на Русь стало особенно заметным. Образование Литовского княжества, которое включало в себя значительные русские земли, привело к культурному и политическому взаимодействию. Например, Кревская уния 1385 года

между Польшей и Литвой создала мощный союз, который оказал давление на Русь.

– Культурное влияние: Польша и Литва принесли с собой католическую культуру и западные традиции, что создало культурные противоречия между восточным православием и католицизмом. Это влияние также проявилось в юридических системах, архитектуре и образовании [7, с. 375].

4.2. Влияние кочевых народов.

4.2.1. Хазары.

– Политические отношения: Хазарский каганат, существовавший с VII по X века, играл важную роль в политике Руси. Хазары контролировали важные торговые пути между Востоком и Западом. Русь поддерживала с ними дипломатические отношения и торговлю, что позволяло избежать конфликтов.

– Культурное взаимодействие: Хазары также оказали влияние на религиозную жизнь Руси. Некоторые историки предполагают, что хазарское еврейство могло повлиять на формирование религиозных представлений в регионе [3, с. 21].

4.2.2. Половцы и печенеги

– Военные конфликты: Половцы и печенеги представляли собой постоянную угрозу для Руси в XI-XIII веках. Их набеги на русские земли вызывали необходимость создания военных альянсов между русскими княжествами. Например, объединение князей против половцев в битве на Калке в 1223 году показало важность совместных усилий для защиты от внешней угрозы.

– Влияние на военное дело: Конфликты с кочевыми народами способствовали развитию военного дела на Руси. Русские князья начали использовать новые тактики и стратегии, заимствованные у кочевников, такие как мобильность и использование конницы [7, с. 388].

4.3. Влияние Западной Европы.

4.3.1. Тевтонский орден

– Военные конфликты: В начале XIII века Тевтонский орден начал экспансию на восток, что привело к конфликтам с Русью. Битва при 冰 кере (1236) и другие столкновения показали необходимость объединения русских земель для противостояния внешнему врагу.

– Культурное влияние: Несмотря на конфликты, контакты с Западной Европой способствовали обмену культурными и экономическими идеями. Это влияние проявилось в архитектуре (например, строительство каменных церквей) и в торговле.

4.3.2. Ливонский орден

– Политические альянсы: Ливонский орден также пытался расширить своё влияние на русские земли в XIII-XV веках. Это привело к созданию

временных союзов между русскими княжествами для защиты от ливонцев.

– Культура и технологии: Контакты с Ливонским орденом способствовали обмену технологиями, такими как металлургия и строительство крепостей.

Таким образом, в «Истории отношений между русскими князьями рюрикова дома» Соловьёв демонстрирует, как географические факторы формировали политическую динамику и социальные структуры на Руси, что делает его труд актуальным для анализа в рамках концепции географического детерминизма [7, с. 636].

6. Связь между древнерусским народом и окружающей природой была очевидной. Основой взглядов историка и культуролога Сергея Соловьева является метод геосоциологии, который позволил ему объединить географическую среду, в которой жили восточные славяне, с особенностями их экономики и культуры. Соловьев считал, что богатая природа может ослаблять умственную и физическую активность человека, тогда как более скромная природа требует от него постоянной напряженной работы и держит в состоянии активности.

Это мнение Соловьева о преимуществах умеренного климата перед тропическим перекликается с идеями русского географа и этнографа Льва Мечникова. В своей книге «Цивилизация и великие исторические реки» Мечников подробно анализирует древние «речные цивилизации», такие как египетская, индийская, ассиро-вавилонская и китайская. Он пришел к выводу, что именно великие реки стали основой первых цивилизаций. Мечников считал, что реки отражают сочетание различных природных условий: климата, почвы, рельефа и геологического строения определенной области [5, с. 199].

Природные условия, созданные большими реками и жарким климатом, ставили перед жителями прибрежных долин непростой выбор: либо объединяться, либо погибнуть. Чтобы выжить в сложных условиях, людям нужно было работать вместе. Зависимость от разливов рек, необходимость строить сложные ирригационные системы и поддерживать их в рабочем состоянии требовали сотрудничества. Только благодаря организованному совместному труду можно было эффективно управлять жизнью и обеспечивать пропитание. Именно эти суровые условия природы привели к возникновению первых известных цивилизаций у рек [5, с. 165].

7. Сравнительная характеристика идей Соловьева и Мечникова:

Лев Ильич Мечников (1838–1888) – русский ученый-позитивист, занимавшийся географией, социологией и этнографией, а также публицист. Брат лауреата Нобелевской премии 1908 года Ильи Ильича Мечникова. Является одним из ведущих представителей географического направления в отечественной и мировой социологии. Мечников активно участво-

вал в политических событиях Западной Европы и служил добровольцем в отряде Дж. Гарибальди в Италии. По приглашению Министерства народного просвещения Японии он читал лекции и исследовал японскую культуру, а также основал русскую школу в Токио. С 1883 года он возглавлял кафедру сравнительной географии и статистики в Лондонском университете. В своей социологической работе Мечников изучал процессы социальной эволюции, связывая различные исторические периоды с воздействием окружающей природной среды на общество. Он также исследовал взаимодействие между «миром общественности» и «миром биологии», разрабатывая принципы солидарности, взаимопомощи, свободы и альтруизма в контексте социального прогресса. Любопытно сравнить подходы С.М. Соловьева и Л. Мечникова.

1. Методология и подход:

– Сергей Соловьев использует метод геосоциологии, который позволяет ему рассматривать взаимосвязь между географической средой и культурными особенностями восточных славян. Он акцентирует внимание на том, как природа влияет на умственную и физическую активность человека.

– Лев Мечников, в свою очередь, анализирует цивилизации, возникшие вдоль великих рек, и подчеркивает роль природных условий (рельеф, климат, почвы) в формировании социальных структур и культур [5, с. 132].

2. Влияние природы на человека:

– Соловьев утверждает, что богатая природа может ослаблять активность человека, тогда как более скромные условия требуют от него постоянной работы и активности. Это подразумевает, что окружающая среда формирует характер и образ жизни людей.

– Мечников акцентирует внимание на том, что сложные природные условия, такие как разливы рек и необходимость ирригации, способствовали объединению людей для совместной работы. Он рассматривает природу как фактор, способствующий социальной сплоченности и развитию цивилизаций [5, с. 133].

3. Цивилизационные аспекты:

– Соловьев делает вывод о том, что умеренный климат имеет преимущества перед тропическим, что может влиять на развитие культуры и экономики. Он видит в этом связь между природными условиями и человеческой деятельностью.

– Мечников, исследуя «речные цивилизации», подчеркивает, что именно реки стали основой первых цивилизаций. Он акцентирует внимание на необходимости сотрудничества для выживания в сложных природных условиях, что ведет к социальным изменениям и развитию цивилизаций [5, с. 132-133].

Таким образом, оба автора подчеркивают важность природных усло-

вий в формировании человеческой деятельности и социальных структур, но делают это с разных точек зрения: Соловьев акцентирует внимание на индивидуальном воздействии природы на человека, тогда как Мечников идет дальше и рассматривает коллективные усилия людей как ответ на вызовы природы. Оба подхода дополняют друг друга и позволяют глубже понять взаимосвязь человека и окружающей среды в контексте исторического развития.

Таким образом, идеи Соловьёва о географическом детерминизме не только открывают новые горизонты для понимания исторического процесса, но и подчеркивают важность учета природных факторов в изучении человеческой истории. В ранних работах идея географического детерминизма является базисом для анализа исторических событий. В целом разработка данной проблемы остаются полезными и сегодня, предлагая ценные уроки для современных исследователей, стремящихся понять сложные взаимосвязи между человеком и окружающей средой. В конечном итоге, наследие Соловьёва вдохновляет нас на дальнейшие размышления о том, как природа формирует человеческую судьбу и какие вызовы она ставит перед обществом в условиях глобальных изменений.

Библиографический список:

1. Аристотель. Метафизика. – М.: «Издательство АСТ», IV в. до н.э. – (Эксклюзивная классика (АСТ)), 2024.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: «ФТМ»,1989.
3. Иванов В.Д. Русь изначальная. – М.: «Азбука-Аттикус», 1961.
4. Ключевский В.О. Полный курс русской истории: в одной книге.– М.: АСТ, Астрель, 2010
5. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Прогресс-Пангея, 1995.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Соцэкономиздат, 1965.
7. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. – М.: по определению Совета Московского Университета, 1847.
8. Шелгунов Н.В. Учёная односторонность // Русское слово: литературно-политический журнал. – СПб.: В тип. Рюмина и Комп., 1864. № 4. Отд. 2. С. 36.
9. Якеменко Б.Г. История России. С древнейших времен до наших дней. – М.: «Яуза», 2024.
10. Старостина Н.А. Особенности и примеры донского гутара // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 171-179.

Reference

1. Aristotle. Metaphysics. Moscow: AST Publishing House, 4th century BC (Exclusive Classics (AST)), 2024.
2. Gumilyov L.N. Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow: FTM, 1989.
3. Ivanov V.D. Primordial Rus'. Moscow: Azbuka-Attikus, 1961.
4. Klyuchevsky V.O. A Complete Course in Russian History: in One Book. Moscow: AST, Astrel, 2010.
5. Mechnikov L.I. Civilization and Great Historical Rivers. Moscow: Progress-Pangaea, 1995.
6. Soloviev S.M. History of Russia from Ancient Times. – Moscow: Sotsekonomizdat, 1965.
7. Soloviev, S.M. "History of Relations between the Russian Princes of the Rurik Dynasty." – Moscow: As Determined by the Council of Moscow University, 1847.
8. Shelgunov, N.V. "Learned One-Sidedness." // Russkoe Slovo: Literary and Political Journal. – St. Petersburg: Ryumina i Komp., 1864. № 4. Section 2. P. 36.
9. Yakemenko, B.G. "History of Russia. From Ancient Times to the Present Day." – Moscow: "Yauza," 2024.
10. Starostina N.A. Features and examples of Don gutar // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 171-179.

Гусельников С.Д.

Аспирант. Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Проблема обеспечения медицинским персоналом войск царя Алексея Михайловича в годы русско-польской войны 1654-1667 годов*

Аннотация. В XVII веке в организации военных сил русского царства произошли значительные перемены. В результате реформ царя Алексея Михайловича основной частью армии стали полки нового строя. Однако новое войско требовало новых подходов в управлении и обеспечении. Одним из них стала организация медицинской службы. Эта задача легла на Аптекарский и Разрядный приказы. Целью данной работы является определения количество и качество врачебного персонала в русской армии середины XVII в. Объектом исследования выступает система назначения медицинских специалистов в армии царя Алексея Михайловича в годы русско-польской войны 1654-1667 гг. Методологическая база исследования основана на следовании принципов историзма, системности и объективности. Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация. Источниковая база данной работы - делопроизводственные документы Разрядного и Аптекарского приказа, как опубликованные, так и хранящиеся в РГАДА. В ходе проделанной работы становится очевидно, что снабжение войск лекарями в рассматриваемый период приобрело регулярный характер, но их количество едва ли позволяло удовлетворить все потребности армии.

Ключевые слова: военно-полевая медицина, русская армия, история медицины, военные реформы Алексея Михайловича, XVII век, Аптекарский приказ.

Guselnikov S.D.

Postgraduate student. N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

* © Гусельников С.Д., 2026.

The problem of providing medical personnel to the troops of Tsar Alexei Mikhailovich during the Russian-Polish War of 1654-1667

Abstract. In the 17th century, significant changes took place in the organization of the military forces of the Russian empire. As a result of the reforms of Tsar Alexei Mikhailovich, the regiments of the new system became the main part of the army. However, the new army required new management and support approaches. One of them was the organization of a medical service. This task fell to the Pharmacy and Discharge Orders. The purpose of this work is to determine the number and quality of medical personnel in the Russian army in the middle of the 17th century. The object of the study is the system of appointment of medical specialists in the army of Tsar Alexei Mikhailovich during the Russian-Polish war of 1654-1667. The methodological basis of the research is based on following the principles of historicism, consistency and objectivity. The research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, generalization, systematization. In the course of the work done, it becomes obvious that the supply of healers to the troops during the period under review became regular, but their number hardly allowed them to meet all the needs of the army.

Key words: military field medicine, Russian army, history of medicine, military reforms of Alexei Mikhailovich, XVII century, Apothecary's order.

Процесс изменения воинских систем, получивший в современной литературе название военная революция, породил новые реалии боевых действий. Историк В.В. Пенской характеризует период конца XVI – первой половины XVII в. как время, когда в военном деле произошел прорыв, ознаменовавший собой переворот в численности, тактике и обучении войск. Система, сложившаяся в ходе этого процесса, в дальнейшем только совершенствовалась и развивалась вплоть до эпохи Наполеоновских войн [1, с. 23]. Вооружённые силы русского государства также оказались затронуты военной революцией. Переломным моментом для преобразования военного устройства России стала Тринадцатилетняя война (1654-1667) [2, с. 22]. Для этого конфликта характерно как количественные, так и качественные изменения русской армии. Важно отметить, что эти преобразования повлекли за собой новые вызовы, связанные в первую очередь с обслуживанием вооружённых сил нового типа. Одним из которых стал феномен становления военно-полевой медицины. Армия царя Алексея Михайловича включающая в себя сформированные по европейскому образцу подразделения остро нуждалась в государственном обеспечении. И если вопрос провианта и фуража царское правительство решала денежными выплатами, то вопрос о медицинском обслуживании стоял особенно остро.

Данное обстоятельство способствовало централизованному назначе-

нию медицинского персонала в войска. Причём уже со второй половины XVII в. можно говорить о сложившейся традиции обеспечивать армию медицинским персоналом [3, с. 228]. Однако, открытым остаётся вопрос о характере и регулярности назначений, а также о соотношении численности врачей и ратных людей в данный период. При этом без ответа на эти вопросы невозможно установить уровень развития и эффективность военно-полевой медицины в годы русско-польской войны 1654-1667 годов.

Говоря о численности медицинского персонала в воеводских полках царя Алексея Михайловича, в первую очередь важно отметить, что источники не дают нам точных данных на весь промежуток войны 1654-1667 гг. Однако по ним мы можем очертить нижнюю границу численности медицинского персонала в войсках за интересующий нас период. Эту картину хорошо иллюстрирует Государев поход 1654 г. Так в докладе о количестве подвод под аптекарскую казну, поданном царю Алексею Михайловиче в 1655 г., упоминается, что во время похода 1654 г. в государевом полку несли службу доктор, лекарь и 12 лекарских учеников [4, л. 1]. К сожалению, в документе не указаны имена служащих Аптекарского приказа получивших это назначение. Что создает некоторую сложность т.к. из указа Алексея Михайловича от 2 ноября 1654 г. известно, что «в Смоленску ж остался болен в Аврамове полку Лесли лекарь Индрик Кюстер» [5, с. 153]. С одной стороны, можно предположить, что данный лекарь как раз был назначен в Государев полк, а после осады по состоянию здоровья оставлен в городе с солдатами, также входившими в состав данного подразделения. Однако, нельзя также исключать вероятность, что для генеральского полка Авраама Лесли был выделен собственный лекарь, тем более еще один подобный пример мы увидим ниже. Но даже если исходить из того, что в указанных выше документах речь идет о двух разных медицинских работниках, общая численность штата в 1 доктора, 2 лекарей и 12 учеников выглядит недостаточной, учитывая, что численность Государевого полка могла достигать 20000 человек [6, с. 143]. Впрочем, даже если допустить, что численность медицинского персонала сильно занижена, важно отметить, что он не справлялся с объёмом, стоявшей перед ним работы. В ходе кровопролитного штурма Смоленска ранения получили более 2500 человек из армии Алексея Михайловича [6, с. 160]. Для оказания помощи такому количеству пострадавших было принято решение отправить в лагерь осаждающих лекарей из занятых литовских городов. Из Шклова и Копыси прибыло 8 медицинских специалистов, из которых двое сразу были отпущены назад [7, с. 301, 307].

Еще одним источником, говорящем об обеспечении полков Алексея Михайловича вовремя I Государевого похода медицинским персоналом является челобитная лекаря Михайло Кашпирова от 15 сентября 1654 г. В ней он сообщает, что «всякие лекарства изошли и раненых больных лечить

нечем» [5, с. 146]. Из этого же документа становится понятно, что он проходит службу в полку Я.К. Черкасского, чья численность на начало похода составляла 9100 человек, но впоследствии была увеличена примерно до 17000 [7, с. 44, 112]. Из документа совершенно не ясно были ли в нем другие медицинские работники. Однако ввиду отсутствия других источников, позволяющих пролить свет на данный вопрос, примем, как нижнюю границу, что в данном полку нес службу всего 1 лекарь. В схожей ситуации мы оказываемся, оценивая наличие медицинского персонала у воеводы А.Н. Трубецкого. Документов о назначении медиков в данный полк перед летней компанией 1654 г. найти не удалось. Однако, из дела по челобитной В.Б. Шереметева от января 1655 г. известно, что «в Смоленску один человек лекарь, а был он на государевой службе з бояры и воеводы с Алексей Никитичем Трубецким с товарищи» [8, л. 1].

Приведенная выше челобитная заслуживает отдельного рассмотрения. В ней В.Б. Шереметев сообщает: «в нынешнем, государь, в 163 году в генваре месяце ходили мы, холопы твои, от Белой Церкви против поляков и татар и немец и генваря ж, государь, в 19 день под Черкасским городком Охматовым на Драгалове поли встретили нас, холопей твоих, полские гетманы Потоцкой да лянскорунской с поляки и с татары и с немцы со многими людми, и у нас, холопей твоих, был с ними бой. И на бое твоих государевых ратных людей ранили многих. А в полку у нас, холопей твоих, лекарь один, да лекарств у нево мало, раненых лечить некому, а один лекарь лечить не успевает, и от ран многие помирают. И о лекаре, государь, и о лекарстве вели свой, государь, указ учинить.» На этом же листе другим почерком стоит отметка, что «З боярином и воеводой с Васильем Борисовичем Шереметевым лекарь 1 человек, да с ним 6 человек лекарских учеников» [8, л. 1]. Данный документ дает нам не только четкое представление о том, какой медицинский персонал нес службу во время зимней кампании на Украине в 1654-1655 гг. А также позволяет обратить момент на еще один занятный момент: в челобитной В.Б. Шереметев сообщает о том, что в его полку всего 1 лекарь, не принимая в расчет лекарских учеников. При этом в начале компании численность воеводского полка составляла 8549 человек, а после соединения с отрядами А.В. Бутурлина и Ф.В. Бутурлина достигла 12000 [9, с. 9-10].

В том же документе мы видим следующие строки: «Лекаря Юрья велено выслать в государев полк, а на ево место велено быть з боярином и воеводою с Васильем Васильевичем Бутурлиным с товарыщи лекарю Василью Ульфову, и лекарств ему дано из Оптекарского приказа» [8, л. 1 об.]. Важно отметить, что раз речь зашла о высылке лекаря в Государев полк, то речь уже явно идет о летней кампании в 1655 г. В которой войска окольничего и дворецкого В.В. Бутурлин насчитывала примерно 10000 человек. Говоря же о численности медицинского персонала в Государевом полку, куда и

был направлен лекарь Юрий Мак, во время данной компании необходимо вернуться к упомянутому выше документу об обеспечении подводами людей Аптекарского приказа. Из него известно, что на службу были назначены 1 доктор, 1 аптекарь, 4 лекаря, 2 цирюльника и 27 лекарских учеников [4, л. 1]. При этом численность Государева полка составляла около 20600 человек [10, с. 123] т.е. не на много больше, чем в первом походе. Следовательно, увеличение численности медицинского персонала было вызвано именно уроками 1654 г.

Ещё одним свидетельством назначения лекаря на службу является челобитная шкловского лекаря Савелия Гаврилова. В ней он сообщает, что в 1655 г. был по царскому указу взят в полк Б.А. Репнина [7, с. 347]. Примечательно, что это вторая служба шкловского лекаря в русской армии: в 1654 г. его отправили из родного города в лагерь русской армии под Смоленск для помощи в лечении раненых [7, с. 301]. Его назначение в Сторожевой полк Б.А. Репнина крайне интересно в виду сравнительно небольшой численности данного подразделения. Она составляла около 4700 человек [10, с. 124]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что и другие воеводские полки имели хотя бы одного лекаря. Также обращает на себя внимание значительная разница в численности медицинского персонала в государевом и воеводских полках.

Подобная ситуация будет сохраняться и в следующем 1656 г., когда в Государевом полку были 1 доктор, 4 лекаря, 2 костоправа, 17 лекарских учеников и 2 костоправских ученика, при этом в Большом полку Я.К. Черкасского был 1 лекарь и 9 учеников [11, л. 1-3]. При этом численность первого воинского соединения составляла около 20000 человек, а во втором было примерно 15000 человек [10, с. 124].

Крайне интересную ситуацию мы наблюдаем в полку князя А.Н. Трубецкого. Согласно документам Аптекарского приказа, в его 10000 воеводский полк [13, с. 107] был отправлен лекарь Юрий Мак с 7 учениками [13, л. 4]. Однако, согласно окладной книге Иноземского приказа, в 1656 г. в полку солдатского строя Александра Гамолтона была должность полкового лекаря, которую занимал Венден Дахрут. Примечательно, что в других полках войска А.Н. Трубецкого данная должность отсутствует [14, л. 105-171], но ещё интересней сам прецедент медицинского работника, ведавшегося в Иноземном приказе. Все остальные источники, позволяющие определить врачебный персонал в армии, были обнаружены либо в Разряде, через который шли указы о назначении, либо в Аптекарском приказе, в котором медицинские работники ведались вне боевых действий. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает, что в изучении вопроса о численности врачебного персонала в полевых армиях царя Алексея Михайловича, уместно всегда говорить о нижней границе.

На этот период известны случаи назначение медицинского персонала и в сравнительно небольшие воинские группировки. Так из челобитной Кирьяна Кутешева мы знаем, что во время зимней компании 1656-1657 гг. на Западной Двине и в Лифляндии он с 1 учеником нёс службу в Царевиче-Дмитриеве [5, с. 158], с отрядом А.Л. Ордин-Нащокина, чья численность составляла около 2000 человек [12, с. 42].

Крайне интересной для изучения вопроса назначения медицинского персонала в полки может служить роспись лекарей и лекарских учеников, находящихся на службе в разных полках, датируемая 1657 г. Список представляет собой перечень 5 лекарей с учениками (от 5 до 9 человек) и в 2 случаях с толмачами, к сожалению, в документе отсутствуют данные, в какие именно полки они направлены [15, л. 1]. Однако, даже при этом роспись остаётся крайне важным источником. По ней мы видим, что при назначении медицинского персонала укрепляется формула: 1 лекарь с учениками в воеводский полк.

Следующие назначения касаются обеспечения медицинским персоналом войск Белгородского разряда. В декабре 1657 г. туда был отправлен лекарь Осип Боржово [16, с. 134]. Весьма примечательно, что уже 11 марта 1658 г. последовал новый царский указ. В нем лекарю Василию Ульфу с учениками Василием Падуруевым и Иваном Михайловым велено быть на государевой службе в Белгороде, в полку Г.Г. Ромодановского [16, с. 128]. Возможно, увеличение медицинского персонала было вызвано тем, что предполагалось, что последний должен будет с гетманом И. Выговским для совместного похода в Литву. Для этого под началом Г.Г. Ромодановского был собран воинский контингент численностью примерно в 14000 человек, однако из-за обострения отношений между гетманом и царским правительством совместный поход не состоялся [16, с. 93-94].

Следующие известное назначение медицинского персонала в действующую армию так же связано с Белгородским разрядом. В мае 1660 г. воевода Г.Г. Ромодановский подал челобитную в которой указал, что в его разрядном полку нет лекаря. Царское правительство оперативно отреагировало на запрос, и уже 21 мая лекарю Юрию Яганову было предписано быть на службе в Белгороде [16, с. 132]. При этом обеспечение полка Г.Г. Ромодановского в 1660 г. медицинским персоналом на этом не окончилось. Так 1 августа того же года из Москвы в Белгород были посланы 2 лекаря Федот Васильев и Андрей Федотов с учеником Федором Захарьевым [16, с. 135]. Это выглядит несколько странно учитывая, что войска Г.Г. Ромодановского в это время участия в боевых действиях не принимали, а занимались обороной черты [17, с. 168].

Значительную информацию об обеспечении полков русской армии врачебным персоналом в 1661-1662 гг. даёт дело по челобитной от 8 августа

1667. В ней лекарь Семен Ларионов и лекарского дела ученик Емельян Климов просят «государево жалование на подъём» для службы в Астрахани с полком И.С. Прозоровского. Для уточнения размеров жалования в деле были «выписаны например» 9 назначений за 1661-1662 гг. [18, с. 150-152], часть из которых можно проверить и дополнить другими источниками. Первым упоминается воеводский полк Г.С. Куракина, куда были направлены 3 лекаря: иноземец Фрол Дляклер и 2 русских лекаря, бывших в предыдущих компаниях в статусе лекарских учеников, Афанасий Шешуков и Василий Падуруев [18, с. 151]. Весьма любопытно, что войска, куда были направлены эти медицинские специалисты, были развернуты для создания резервной армии, и в августе 1661 г. объединились в Севске с воеводским полком П.М. Салтыкова [17, с. 189], у которого в свою очередь имелся собственный медицинский штат: лекари Юрий Яганов и Иван Евдокимов с учениками Степаном Власовым и Алексеем Левонтьевым [18, с. 151]. Таким образом, когда в августе войска объединились в Севске, общее число медицинского персонала в полках достигло 5 лекарей при двух учениках. Впрочем, такое количество стоит рассматривать скорее как исключение, случившееся в результате объединения двух воеводских полков.

Из того же документа известно, что лекари Иван Никитин и Иван Антонов в 1661 г. получили назначение в Новгородский разрядный полк, которым в тот момент командовал князь И.А. Хованский [18, с. 151]. Летом того года данное подразделение активно действовало на территории Великого Княжества Литовского, где участвовало в сражении при Кушликовых горах. Зимой же Новгородский разрядный полк обеспечивал оборону северо-западных рубежей русского государства. Общую численность подразделения можно оценить в 12000 человек [17, с. 198]. В том же году два лекаря Кирьян Кутешев и Степан Алексеев и костоправ Максимов получили назначение в полк воеводы Ю.А. Долгорукова [18, с. 151]. Расположенное в Смоленске данное боевое подразделение выполняло функции резервной армии прикрывая новоприсоединённые территории. Так же данный документ сообщает о службе двух лекарей Якова Дементьева и Федора Захарьева в рейтарском полку В. Змеева [18, с. 151]. Однако эти данные не совсем корректны. Если обратиться к челобитной Якова Дементьева и Федора Захарьева от 24 марта 1664 г., то выяснится, что последний на тот момент состоял еще в чине лекарского ученика. Вероятно, к моменту составления выписки в 1667 г. он уже стал лекарем, отчего и произошла путаница. Отдельно важно отметить, что в челобитной, поданной Яковым Дементьевым и Федором Захарьевым, отмечается город прохождения службы – Смоленск, и воеводский полк П.А. Долгорукова. Но при этом четко отмечается, что службу Яков Дементьев и Федор Захарьев проходили именно в рейтарском полку В. Змеева. Примечательно, что летом 1662 г. издается

царский указ о продолжении службы лекаря и его ученика в этом же полку [18, с. 45-46]. С этой службы они были отпущены только в январе 1663 г. когда полк В. Змеева был отпущен к Москве[5, с. 238]. Можно предположить, что перед нами первые попытки обеспечить полки собственным медицинским составом. Разумеется, небольшой штат Аптекарского приказа не мог поставить лекарей в каждый полк армии царя Алексея Михайловича. Однако, подразделения, действующие отдельно от основных сил, возможно, старались обеспечить собственными медицинскими работниками. Характер военных действий, которые предпринимал рейтарский полк В. Змеева, позволяет придерживаться этой версии. В августе 1661 г. он, из-за проблем со снабжением был переброшен из Смоленска к Ельне, а в ноябре отправлены в рейд к Борисову для обеспечения гарнизона продовольствием [17, с. 197]. Таким образом, бойцы из полка Змеева не могли рассчитывать на медицинский персонал из воеводского полка П.А. Долгорукова, на 1661 г. это 2 лекаря и костоправ [18, с. 151], которых так же вряд ли бы отпустили из главных сил. И, следовательно, подразделения, подобные рейтарскому полку В. Змеева, нуждались в собственных медицинских работниках. При этом весьма примечательно, что это не единственный пример подобных маневров. Так в мае 1662 г. сводный воинский отряд русских войск численностью в 3225 человек, под командованием В. Драммонда сопровождал обоз из Смоленска в Старый Быхов и нанес чувствительное поражение в бою под Чаусами литовским войскам [19, с. 302-304]. К сожалению, были ли в этом отряде медицинские работники установить не удалось. Однако, учитывая самостоятельные действия отряда В. Драммонда в отрыве от основных сил, можно предположить, что в нем, как и В. Змеева, имелся собственный медицинский персонал.

В том же документе фиксируются 4 назначения медицинского персонала в полки на 1662 г. Это и уже упомянутая выше служба лекаря и ученика в рейтарском полку В. Змеева. При этом записан новый ученик: вместо Федора Захарьева записан Дмитрий Абосимов. Так же там упомянуты лекари Федот Васильев, Андрей Федотов и Федор Захарьев направленные в полк к Г.Г. Ромодановскому [18, с. 151]. Причем в росписи лекарей и лекартсв от 1662 г. Федор Захарьев все так же обозначен как ученик [18, с. 50]. При этом важно отметить, что указ об их назначении был издан 22 июля [18, с. 44-45], когда Белгородский разрядный полк уже выступил в поход [20, с. 30]. Так что лекарям с учеником, по всей видимости пришлось нагонять свой полк уже на марше.

Из того же документа мы знаем о назначении к П.В. Шереметеву в Севск лекарей Василия Ульфа, Ивана Раева и Ивана Семенова [18, с. 43-44, 151]. Данный полк в тот момент насчитывал 11000 человек и осуществлял прикрытие юго-западных рубежей [17, с. 257]. Последним назначением

упомянутом в данном деле является направление в Новгородский разрядный полк к воеводе Б.А. Репнину лекаря Фрола Дляклера [18, с. 151]. Этот случай примечателен тем, что, получив назначение на службу в июне 1662 г. [21, с. 500] последний оставался в Новгороде до июня 1663 г., когда царским указом его было приказано отослать в Смоленск в воеводский полк Д.А. Долгорукова со всеми имеющимися медицинскими запасами [5, с. 268]. В данном случае примечательна, как затянувшаяся служба Дляклера, так и то, что к месту нового назначения он отправился с теми медикаментами, что были выданы ему в прошлом году. При этом нельзя сказать, что правительство Алексея Михайловича не отдавало себе отчет о расходе медикаментов. Еще при первом назначении Фролу Дляклеру было предписано «лекарство давать с запискую … и те книги, за дьячею приписью, присылати к нам» [21, с. 500]. Однако, на текущий момент, это единственный известный случай такой нагрузки на лекаря. В остальных случаях медицинский персонал отправлялся к месту службы из Москвы, и после окончания компании отзывался в столицу. Хотя, благодаря челобитным о выплате жалования, нам и известны случаи, когда лекари задерживались в полках сверх изначально предполагаемого срока.

Также на 1663 г. приходится ещё одно любопытное назначение. В ноябре по царскому указу в полк Я. К. Черкасского было велено направить 2 лекарей и костоправа [18, с. 14]. Данное назначение связано со сбором царской армии в Можайске для отражения Московского похода Яна Казимира [22, с. 36]. При этом уже 30 декабря 1663 г. принято решение об увеличении численности медицинского персонала в армии Я.К. Черкасского до 7 лекарей и 1 костоправа [18, с. 58]. Скорее всего это было связано с увеличением численности войск. 3 января под командование Я.К. Черкасского было 5333 человека, 1 февраля 1664 г. уже 11 011, а к 13 февраля его войско разрослось до 12337 человек [22, с. 116-117]. Не были оставлены без медицинской помощи и другие воеводские полки. К П.В. Шереметеву в Путивль были отправлены лекари Василий Ульф и Василий Семенов, а к Г.Г. Ромодановскому в Белгород лекари Юрий Яганов, Андрей Федотов и Дмитрий Микитин [18, с. 58]. При этом следует отметить, что в силу зимнего времени численность полков была не большой. 3674 человека у П.В. Шереметева и 3192 человека у Г.Г. Ромодановского [22, с. 118-119]. Можно предположить, что такая обеспокоенность наличием в войсках достаточного количества медицинского персонала была вызвана у русского правительства ожиданием тяжёлых боев, а также опасением перед значительными небоевыми потерями вызванными условиями зимней компании. Учитывая, что на эти полки в итоге легло активное участие в отражении вторжения польских войск [23, с. 167] — это решение правительства царя Алексея Михайловича выглядит крайне верным.

Следующие известное назначение приходится на 1665 г. - это служба в полку Б.А. Репнина лекаря Семена Ларионова и ученика Остапа Ермолина [5, с. 318], о которой известно из челобитной последних, в которой они просят о выплате жалования. Также важным источником, нуждающимся в рассмотрении, является указ царя Алексея Михайловича от 10 мая 1666 г., который предписывает направить лекаря в крепость Борисоглебов. В документе проговаривается причина принятия данного решения. Согласно отписке командира гарнизона, Б. М. Неклюдова «великого государя ратные люди в посылках и в боях ранены, и от тех ран многие померли без лекарства, потому что в Борисоглебове цирюльника нет и лечить их некому» [18, с. 93]. Из чего следует, что в отсутствии возможности использовать местных врачей, как очевидно поступали в большинстве городов и крепостей на занятых территория Речи Посполитой, запрос на обеспечение медперсонала направлялся в Москву. Важно отметить и крайне тяжелое положение гарнизона крепости. С 1663 г. Борисоглебов становится одним из важнейших опорных пунктов для ведения «малой войны», в результате чего большую часть времени крепость осаждена или блокирована [24, с. 3-7]. В рассматриваемый нами 1666 г. даже для обеспечения крепости продовольствием приходится проводить полноценные походы с привлечением сил Новгородского разрядного полка [17, с. 325-326]. Все это говорит о крайней значимости Борисоглебова для противоборствующих сторон. Данное обстоятельство не позволяет утверждать о систематическом обеспечении отдаленных гарнизонов медицинским персоналом. Во-первых, для этого не хватило бы штата Аптекарского приказа. Во-вторых, как уже говорилось выше, скорее всего, данная задача решалась привлечением местных специалистов.

Ещё одним любопытным документом, раскрывающим вопрос о численности медицинского персонала в полевой армии царя Алексея Михайловича является царский указ от 8 февраля 1666 г. В нем воеводе П.В. Шереметеву приказывается отпустить со службы лекаря Афанасия Шешукова с учеником Федором Дорофеевым, и сообщается, что на их место назначены 2 лекаря Федот Васильев и Дмитрий Микитин [5, с. 309-310]. Схожую ситуацию мы видим и для Белгородского разряда: 2 июля 1667 г. по царскому указу воеводе Ю.Н. Барятинскому было велено отпустить со службы лекаря Якова Дементьева и ученика Давыда Аксентьева [18, с. 142]. В том же документе сообщалось, что на их место направлены лекарь Иван Грамон и ученик Иван Федоров. К сожалению, в документе не указано с какого момента несут службу Яков Дементьев и Давыд Аксенов, поэтому нельзя с уверенностью говорить о том, что они несли службу во время войны 1654-1667 гг. Однако сам факт такой пересменки указывает на то, что правительство царя Алексея Михайловича, как минимум к концу войны, стремилось наладить беспрерывную медицинскую службу в полках русской армии.

Таким образом мы видим, что во всех рассмотренных нами случаях медицинскую помощь в армии царя Алексея Михайловича обеспечивали лекари, доктора, костоправы, лекарские и костоправские ученики. Причем на первых ложилась основная нагрузка. Так 32 из 37 назначений (86.49%) - это назначения только лекарей или лекарей с учениками. Весьма примечательно исчезновение докторов из полков русской армии после Третьего государевого похода. Можно предположить, что в годы русско-польской войны 1654-1667 гг., доктора назначались в войска только если в походе, участвовал царь, т.к. после 1656 г. Алексей Михайлович больше лично не возглавлял свои войска, то и докторов в полки больше не назначали. Обеспечение полков медикаментами также было централизовано и осуществлялось совместной деятельностью Аптекарского и Разрядного приказов.

Также можно с уверенностью утверждать, что первоочередной задачей правительство видело обеспечение медицинским персоналом воеводских полков. При этом соотношение ратных людей и врачебного персонала позволяет сомневаться в высокой эффективности военно-полевой медицины в армии царя Алексея Михайловича в годы русско-польской войны 1654-1667 гг.

Проанализировав 37 назначений медиков в полки и гарнизоны русской армии можно утверждать, что наибольшее количество назначений - это назначение 1 лекаря с 1 или несколькими учениками (40%), или 1 лекаря (21%). И, если для гарнизона численностью не более 700 человек такой медицинский состав кажется достаточным, то для воеводского полка, состоящего минимум из 2000 человек этого явно не хватало. Однако, известное нам количество назначений позволяет говорить о том, что снабжение войск лекарями в рассматриваемый период приобрело регулярный характер. Таким образом, как минимум со времени Тринадцатилетней войны 1654-1667 гг. можно говорить о становлении в русской армии военно-полевой медицины.

Библиографический список:

1. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М.: 2010. С. 448.
2. Стивенс К. Войны за становление Российского государства. 1460-1730. – С-Пб., Бостон: Библиороссика Academic Studies Press, 2023. С. 487.
3. Змеев Л.Ф. Чтения по врачебной истории России / Л.Ф. Змеев. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. С. 228.
4. РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 141.
5. Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. – СПб.: 1884. Вып. II: 1645-1675 гг. С. 338.
6. Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2018. С. 228.
7. Русско-белорусские связи (1570-1667 гг.): сборник документов / отв. ред. Л.С. Абецедарский, М.Я. Волков. – Минск: Высш. шк., 1963. С. 542.
8. РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 137.
9. Бабулин И.Б. Белгородские полки в битве на Дрожи-поле 1655 г. // Белгородская черта. Выпуск 10. 2025 г. С. 3-11.
10. Бабулин И.Б. Борьба за Вильно и битва при Верках 1658 г. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2023. С. 144.

11. РГАДА. Ф 143. Оп. 2. Д. 192.
12. Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-1658 гг. – М.: Руниверс, 2018. С. 97.
13. Лобин А.Н. Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2021. С. 128.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 57.
15. РГАДА. Ф 143. Оп. 2. Д. 298.
16. Материалы по истории медицины в России / Н. Новомбергский. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1905-1910. Т. 2. 1906. – L, 341 с.
17. Курбатов О.А. Русско-польская война 1654-1667 гг. – М.: Руниверс, 2019. С. 338.
18. Материалы по истории медицины в России / Н. Новомбергский. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1905-1910. 1905. Т. 1. XXII.
19. Бабулин И.Б. Триумф генерал-майора Вильяма Драммонда: бой при Чаусах 16 (26) мая 1662 года // Научный сборник государственного музея «Смоленская крепость»; Свиток, 2025. С. 302-309.
20. Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июня 1662 г. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. С. 88.
21. Акты Московского Государства, изд. Акад. Наук. Т. III Разрядный приказ. Московский стол (1660-1664 гг.) / под ред. Н.А. Попова. – СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1901. 674 с.
22. Бабулин И.Б. Московский поход короля Яна Казимира1663-1664 гг. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2022. С. 136.
23. Прудовский П.И. Сводный копейно-рейтарско-солдатский полк кристиана гогольшина в весенней и летней кампаниях 1664 г. на Украине: состав, структура, боевой путь // Белгородская Черта сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2024. С. 165-171.
24. Малов А.В. Гарнизон Борисоглебской крепости. Государево служилое платье, 1666. // Цейхгауз. 2003. № 21. С. 3-10.

Reference

1. Penskoy V.V. The Great Firearms Revolution. – Moscow: 2010. P. 448.
2. Stevens K. Wars for the Formation of the Russian State. 1460-1730. – St. Petersburg, Boston: Bibliorossika Academic Studies Press, 2023. P. 487.
3. Zmeyev L.F. Readings on the Medical History of Russia / L.F. Zmeyev. St. Petersburg: Type. V. Demakova, 1896. P. 228.
4. RGADA. F. 143. Op. 2. D. 141.
5. Materials for the History of Medicine in Russia. Affairs of the Apothecary Prikaz from 1629 to 1682: in 4 issues / edited by N.E. Mamonov. – St. Petersburg: 1884. Issue. II: 1645-1675. P. 338.
6. Babulin I.B. Smolensk campaign and the battle of Shepelevichi in 1654. – Moscow: Russian Knights Foundation, 2018. P. 228.
7. Russian-Belarusian relations (1570-1667): collection of documents / eds. L.S. Abetsedarsky, M.Ya. – Minsk: Higher. school, 1963. P. 542.
8. RGADA. F. 143. Op. 2. D. 137.
9. Babulin I.B. Belgorod regiments in the battle at Drozha-Pole in 1655 // Belgorod Line. Issue 10. 2025. P. 3-11.
10. Babulin I.B. The struggle for Vilna and the Battle of Verki 1658 - M.: Russian Knights Foundation, 2023. P. 144.
11. RGADA. F 143. Op. 2. D. 192.
12. Kurbatov O.A. Russian-Swedish War 1656-1658 – M.: Runivers, 2018. P. 97.
13. Lobin A.N. Smirnov N.V. The fight for Yuriev-Livonsky. – M.: Russian Knights Foundation, 2021. P. 128.
14. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 57.
15. RGADA. F 143. Op. 2. D. 298.
16. Materials on the history of medicine in Russia / N. Novombergsky. – St. Petersburg: Altshulera Printing House, 1905-1910. Vol. 2. 1906. – L, 341 p.
17. Kurbatov O.A. Russo-Polish War of 1654-1667. – Moscow: Runivers, 2019. P. 338.
18. Materials on the history of medicine in Russia / N. Novombergsky. – St. Petersburg: Altshulera Printing House, 1905-1910. 1905. Vol. 1. XXII.
19. Babulin I.B. The Triumph of Major-General William Drummond: the Battle of Chausy on May 16 (26), 1662 // Research Collection of the State Museum "Smolensk Fortress"; Scroll, 2025. P. 302-309.
20. Babulin I.B. The Battle of Kanev on June 16, 1662 – Moscow: Russian Knights Foundation, 2015. P. 88.
21. Acts of the Moscow State, pub. Academy of Sciences. Vol. III Discharge Prikaz. Moscow Table (1660-1664) / edited by N.A. Popov. – St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1901. 674 p.
22. Babulin I.B. The Moscow Campaign of King Jan Kazimierz 1663-1664. – Moscow: Russian Knights Foundation, 2022. P. 136.
23. Prudovsky P.I. Christian Gogolshin's Combined Spear-Reiter-Soldier Regiment in the Spring and Summer Campaigns of 1664 in Ukraine: Composition, Structure, and Combat Path // Belgorod Line: A Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Belgorod, 2024. P. 165-171.
24. Malov A.V. Borisoglebsk Fortress Garrison. The Tsar's Service Dress, 1666. // Zeughaus. 2003. № 21. P. 3-10.

Джумагулова А.Т.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 6955-4591

Илясова А.А.
Кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 2749-5413

Колесов М.А.
Аспирант департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 7041-6045

Административные и социокультурные практики интеграции Крыма в состав России: к постановке проблемы*

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ административных и социокультурных практик интеграции Крымского полуострова в состав Российской империи в 1783 – первой половине XIX в. Несмотря на обширную историографию, синтез управленческих и культурных механизмов имперской политики остается недостаточно изученным, что определяет новизну работы. Методологическую основу составляют принципы историзма, системности, компаративный анализ и институциональный подход. Источниковую базу образуют законодательные акты, делопроизводственные материалы, статистические описания и источники, извлеченные из фондов Российского государственного военно-исторического архива. Анализ материалов позволил выявить ключевые особенности и противоречия интеграционной модели: сочетание унификации губернского управления с сохранением специфических судебных институтов («татарские расправы»); поэтапную, но затрудненную интеграцию крымскотатарской знати в российское дворянство; дуалистическую конфессиональную политику, включавшую инкорпорацию исламских институтов (создание муфтията) и параллельное усиление православного присутствия. Сформулирован вывод о том, что интеграция Крыма представляла собой нелинейный процесс сложного диалога между имперскими нормами и местными традициями, в

* © Джумагулова А.Т., Илясова А.А., Колесов М.А., 2026.

котором стратегия административной модернизации сочетались с тактикой социокультурной адаптации, что позволило Российской империи относительно мирно инкорпорировать регион, сформировав при этом уникальный и внутренне конфликтный правовой и культурный ландшафт.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, интеграция, административная политика, социокультурные практики, правовой плюрализм, крымские татары.

Dzhumagulova A.T.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies, and Theology. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 6955-4591

Ilyasova A.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies, and Theology. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 2749-5413

Kolesov M.A.
Postgraduate Student, Department of Coordination of Research and Innovative Project Activities in Specialist, Master's, and Doctoral Programs. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 7041-6045

Administrative and sociocultural practices of Crimea's integration into Russia: problem statement

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the administrative and sociocultural practices of integrating the Crimean Peninsula into the Russian Empire from 1783 to the first half of the 19th century. Despite extensive historiography, the synthesis of managerial and cultural mechanisms of imperial policy remains insufficiently studied, which constitutes the novelty of this work. The methodological foundation is based on the principles of historicism and systematicity, comparative analysis, and an institutional approach. The source base consists of legislative acts, administrative documents, statistical descriptions, and materials extracted from the collections of the Russian State Military Historical Archive. The analysis of these materials has revealed key features and contradictions of the integration model: the combination of the unification of provincial administration with the preservation of specific judicial institutions ("Tatar courts"); the gradual yet challenging integration of the Crimean Tatar nobility into the Russian nobility; and a dualistic confessional policy that included the incorporation of Islamic institutions (establishment of a Muftiate) alongside the parallel strengthening of Orthodox Christian presence. It is concluded that the integration of Crimea was a non-linear process of complex dialogue between imperial norms and local traditions,

in which a strategy of administrative modernization was combined with tactics of sociocultural adaptation. This allowed the Russian Empire to incorporate the region relatively peacefully, while simultaneously creating a unique and internally conflict-ridden legal and cultural landscape.

Key words: Russian Empire, Crimea, integration, administrative policy, sociocultural practices, legal pluralism, Crimean Tatars.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного и многомерного анализа процессов интеграции новых территорий в состав Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. Особый интерес представляет сравнение различных моделей интеграции, которые демонстрируют Северное Причерноморье и Северный Кавказ. Присоединение Крымского полуострова в 1783 году и начавшийся в тот же период процесс интеграции Северного Кавказа, который принял затяжной военный характер и объединил часть местных обществ в сопротивлении, задали принципиально разные векторы развития этих регионов. Анализ административных и социокультурных практик, применявшихся российскими властями, позволяет выявить общие механизмы и специфику региональной имперской политики. Представляется, что успешные управленческие и социокультурные стратегии интеграции зачастую апробировались сначала в Крыму, где процесс проходил в относительно мирных условиях, и лишь затем адаптировались или трансформировались для применения на Северном Кавказе. Возможно, именно разница в изначальных условиях, включая формы присоединения и уровень организованного сопротивления, во многом предопределила разные траектории развития этих территорий. Изучение крымского сценария, таким образом, выходит за рамки локальной истории и позволяет понять логику имперского строительства в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве южных окраин. Этот исторический опыт управления сохраняет свое научное и отчасти практическое значение в контексте изучения долгосрочных интеграционных процессов.

Целью публикации является комплексный анализ ключевых административных и социокультурных практик, направленных на интеграцию Крымского полуострова в состав Российской империи в период с 1783 г. по первую половину XIX века, и выявление противоречий между имперскими проектами и местной спецификой.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и междисциплинарности. В работе применяется инсти-

туциональный подход для анализа структур управления, а также методы исторической антропологии и микроистории, позволяющие реконструировать логику действий как имперских администраторов, так и различных групп местного населения. Важную роль играет компаративный анализ, позволяющий выявить общее и особенное в интеграционной политике России на южных окраинах.

Степень изученности проблемы

Историографию изучения интеграции Крыма в состав России традиционно принято структурировать по нескольким периодам, каждый из которых характеризуется своими методологическими подходами и акцентами. Дореволюционная литература заложила фундамент изучения темы, сконцентрировавшись на описании политико-административных преобразований и роли государственных деятелей. Ключевой вклад внесли труды, основанные на анализе законодательных актов и официальных документов. К классическим работам этого периода относятся труды Н.Ф. Дубровина [1], Ф.Ф. Лашкова [2-3], А.А. Скальковского [4]. Советская историография, находясь в рамках марксистско-ленинской парадигмы, сместила акцент на анализ социально-экономических предпосылок и последствий присоединения, рассматривая его как прогрессивный акт. Центральное место заняли исследования хозяйственного развития региона – Е.И. Дружинина [5-6], П.Н. Надинский [7], Якобсон А.Л. [8] и др. Постсоветский период характеризуется отказом от жестких идеологических схем, расширением проблемного поля и источниковой базы, обращением к методам микроистории, исторической антропологии и новой имперской истории. Исследователи сосредоточились на комплексном анализе механизмов имперской интеграции, взаимодействия центра и периферии, адаптационных стратегий местного населения – А.Р. Андреев [9], С.М. Архипова [10] и др. Тем не менее в историографии традиционно выделялись два основных направления: первое сосредоточено на военно-политических и дипломатических аспектах присоединения, а второе – на социально-экономическом развитии региона. В последние годы наметился поворот к более сложным и комплексным подходам. Появились исследования, посвященные имперскому управлению и роли отдельных администраторов [11], правовому статусу и эволюции сословий [12], конфессиональной политике [13]. Однако работ, которые бы синтезировали административные и социокультурные аспекты интеграции, прослеживая их взаимовлияние, до сих пор недостаточно. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, опираясь на новейшие достижения исторической науки.

Основная часть

Административно-правовая интеграция Крыма в состав Российского государства в конце XVIII века была первоочередной задачей в имперском управлении. Российское правительство столкнулось со сложнейшей задачей инкорпорации территории, чья политико-правовая система, сформировавшаяся в рамках Крымского ханства, базировалась на принципах, фундаментально отличных от общероссийских. Как справедливо отмечает С.М. Архипова, «правовой плюрализм Крымского полуострова требовал выработки особых подходов к управлению» [10, с. 45]. Это породило ряд системных проблем, решение которых определяло успех всей интеграционной политики после подписания Екатериной II 8 апреля 1783 г. манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую Державу…» [14, 1783, 8 апреля, № 15708].

Введение губернской системы управления (сначала в статусе Таврической области в 1784 г., затем – Таврической губернии в 1802 г.) осуществлялось по общеимперским образцам, но с неизбежной необходимостью учета региональной специфики. Как демонстрирует в своем исследовании А.С. Кравчук, институт губернаторства в Тавриде функционировал в условиях «двойного подчинения» – Министерству внутренних дел и новороссийскому генерал-губернатору, что создавало уникальный управленческий дуализм и требовало постоянного поиска баланса между общеимперскими директивами и необходимостью гибкого реагирования на местные условия [11, с. 112-115].

Одним из распространенных явлений в историографии является миф о массовой миллионной эмиграции крымских татар в Османскую империю сразу после присоединения Крыма к России в 1783 году. Эта концепция, активно тиражировавшаяся в трудах некоторых западных, турецких и украинских исследователей, а также в публицистике, основывалась на некритичном восприятии ошибочных расчетов, восходящих к работам начала XX века. В частности, крымскотатарский общественный деятель А. Озенбашлы, опираясь на вольный перевод мемуаров французского консула барона де Тотта, без должных оснований утверждал, что накануне присоединения региона к России население ханства достигало 3–5 миллионов человек, и именно такая многомиллионная масса якобы хлынула в Турцию [15; 16]. Однако тщательный анализ первоисточников, проведенный российскими историками и демографами, однозначно опровергает эти представления [17, с. 12-40]. Исход части населения региона относился к более раннему периоду (до 1783 г.), что согласуется с выводами российских демографов [18]. Реальные документы свидетельствуют, что все население полуострова в 1783 году составляло около 115 тыс. человек, а в последующие десятилетия оно не сокращалось, а устойчиво росло, увеличившись к

середине XIX века более чем вдвое

После присоединения Крыма к Российской империи, перед царским правительством встала сложная задача освоения нового региона. Одним из ключевых инструментов экономического развития стала массовая раздача казенных земель русским помещикам, чиновникам и лояльной крымскотатарской знати. Однако этот процесс с самого начала сопровождался серьезными проблемами. Из-за неточных карт («Камеральное описание» 1787 г.), слабого учета и элементарного незнания местных обычаев и правовых норм (таких как вакуф, бейлик или мевat) чиновники зачастую раздавали земли, которые уже принадлежали или обрабатывались местным населением. Несмотря на многочисленные земельные конфликты между новыми владельцами и старожилами, вынуждавшие последних массово обращаться в суды, имперская администрация продолжала политику целенаправленного заселения стратегически важных территорий. Такие села, как поселения Покровской волости на Кинбурнской косе, создавались по инициативе и плану Правительства в качестве плацдармов против турецких крепостей, а в Днепровском уезде с 1810 года формировались переселенческие села вроде Больших Копаней. Эволюционируя от захватного землевладения к надельной и общинной системе, эта политика сопровождалась мягким, но последовательным внедрением российских институтов при сохранении элементов местного самоуправления. В результате формировалось разнородное, но лояльное население, в среде которого происходила взаимная культурная адаптация: русские и украинские переселенцы перенимали у крымских татар эффективные хозяйственные практики (виноградарство, бахчеводство), а власти, видя в этом экономическую целесообразность, не препятствовали такому заимствованию. Однако в целом эти процессы привели к упадку традиционной хозяйственной жизни полуострова и поставили под угрозу данные правительством обещания сохранить традиционный уклад мусульманского населения [19, с. 375-390].

Одной из наиболее острых проблем, возникших в ходе интеграции, стал затяжной земельный конфликт между старожилами и новыми переселенцами. Для его решения император Александр I в 1801 году создал специальный Новороссийский комитет [6, с. 178]. В рамках его деятельности столкнулись две основные точки зрения: протекционистский (И.И. Микельсон, В.П. Кочубей), апеллировавший к указам Екатерины II и настаивавший на реституции земель крымским татарам и сохранении их личной свободы и традиционного статуса казенных поселян и лоббистский (Н.С. Мордвинов), отстаивавший имущественные интересы российского дворянства и дискурсивно обосновывавший его права через тезисы о «хозяйственной неприспособленности» татар и приоритете письменных актов над традиционным правом [19, с. 375-390]. Итогом этой внутри-

правительственной полемики стало не принятие одного из проектов, а компромиссное решение о создании специализированной землеустроительной комиссии (1802–1810 гг.). Данная мера позволила временно снизить социальную напряженность, но не привела к системному разрешению конфликтов, которые сохраняли свою актуальность на протяжении всего XIX века.

Особую сложность представляла интеграция традиционных институтов крымскотатарского самоуправления в вертикаль имперской власти, что, по меткому замечанию Ф.Ф. Лашкова, порождало «своеобразный административный симбиоз» [2, с. 89]. При этом важной задачей выступала правовая инкорпорация и интеграция элит – включение крымскотатарской знати в сословную систему Российской империи с сохранением элементов ее социального статуса и экономического влияния. Формально их права были уравнены с российским дворянством уже в 1784 году специальным указом Екатерины II [14, 1784, 22 февраля, № 15936]. Однако на практике этот процесс столкнулся с трудностями. Главной проблемой стало отсутствие у местной знати письменных документов, подтверждающих их происхождение – жалованных грамот или официальных дипломов, в то время как традиционное крымское общество опиралось на устную традицию и общественное признание. Первое время все решалось просто – достаточно было получить свидетельства от двенадцати уже признанных дворян, но с 1803 года правила ужесточились. Потребовались настоящие документы – ханские грамоты, султанские указы, которых у многих не было [20, с. 53-57]. Так за первые 20 лет (с 1804 по 1824 год) в дворянские родословные книги Таврической губернии были внесены всего около пяти представителей крымскотатарской знати [21, с. 392-393]. Осознавая проблему, правительство в 1816 году создало специальную комиссию, в которую вошли сами крымские мурзы, муфтий и греческие дворяне. Ее задачей был разбор дел и признание знатности на основе местных свидетельств. Комиссия проработала несколько лет и утвердила несколько десятков человек, после этого процесс несколько ускорился – так, в 1830-е годы в дворянство были приняты уже десятки семей, далее процесс шел волнообразно: в 1835 г. – 7, в 1836 – 5, затем спад, что свидетельствовало о том, что после работы комиссии и адаптации системы процесс ускорился, но оставался неравномерным. Интеграция позволила части знати сохранить статус и участвовать в управлении. К примеру, Метметча бей стал уездным предводителем дворянства, Ахмет бей Хункалов – муфтием, так привилегированные роды Ширинских, Мансурских, Аргинских и др. семьи служили в армии, становились предводителями дворянства и на протяжении нескольких десятилетий составили костяк управления в крымских уездах. Большинство же мурз и

беев (в особенности ногайцев степных районов) так и остались за порогом привилегированного сословия, не сумев преодолеть бюрократические барьеры [21, с. 397]. К 1830-м годам в Крыму насчитывалось около 180 крымскотатарских дворян. Их годовые доходы были скромными – в среднем 200-400 рублей, но статус и влияние они сохранили. Рассматриваемый процесс свидетельствует о стремлении российской власти к инкорпорации региональной элиты в существующие властные структуры на особых условиях. Включение крымскотатарской знати в сословную систему Российской империи было сложным, медленным и во многом незавершенным процессом, сочетавшим формальное равенство прав с практическими ограничениями.

Вторым аспектом интеграционной политики в отношении местного населения являлась целенаправленная инкорпорация мусульманских сообществ, призванная преодолеть восприятие России исключительно как государства христианского мира. Важным элементом данной стратегии стало подчеркивание поликонфессионального характера империи, в состав которой уже входили народы Волжско-Камского региона, в частности татарское население, обладавшее исторически сложившимися институтами и социальной структурой. Интеграция мусульманских подданных рассматривалась имперской властью как важный фактор обеспечения стабильности и лояльности на новых территориях. Эта политика включала не только формальное признание их религиозных и сословных прав, но и вовлечение мусульманского духовенства в общеимперские административные и социальные структуры, что выразилось в сохранении действия норм шариата и адата в сфере семейного, наследственного и частично уголовного права [13, с. 312-315]. Как отмечал Д.Ю. Арапов, решение о создании Таврического магометанского духовного правления (муфтията) в 1788 году стало важнейшим элементом системы государственного регулирования ислама и в отличие от Оренбургского муфтията, создавался специально для управления мусульманскими общинами Крымского полуострова [22, с. 75]. При этом муфтият был встроен в общеимперскую административную систему и находился под строгим контролем губернской власти, что иллюстрирует характерный для Российской империи принцип «государственной церковности», распространенный на ислам [22, с. 77]. Муфтий и мусульманское духовенство получали казенное жалованье, с целью формирования лояльной религиозной элиты, которая могла бы стать проводником имперского влияния среди местного населения. Сохранение за мусульманскими религиозными учреждениями их земельной собственности, с одной стороны, должно было обеспечить лояльность местного населения, а с другой – вступало в противоречие с имперской практикой секуляризации и унификации земельных отношений [12, с. 205-230]. Им-

перское правительство последовательно устанавливало государственный контроль над вакуфными имуществами – земельными владениями, доходы с которых шли на содержание мечетей, медресе и других мусульманских учреждений [22, с. 125-130]. Эта политика, с одной стороны, ограничивала экономическую самостоятельность мусульманской общины, с другой – позволяла государству контролировать финансирование религиозных институтов.

В последующие годы, в частности в 1820-1840-е годы был принят ряд законодательных актов, ограничивающих строительство новых мечетей, регламентирующих деятельность мусульманских школ и контролирующих связи крымских татар с единоверцами за границей [22, с. 125-130]. При этом политика в отношении мусульман Крыма существенно отличалась от подходов, применявшихся к мусульманам других регионов империи. Таврический муфтият имел особый статус и подчинялся непосредственно Министерству внутренних дел, в то время как Уфимский находились в ведении гражданских учреждений [22, с. 88-96]. Конфессиональная политика Российской империи в отношении мусульман Крыма характеризовалась сочетанием элементов интеграции (через создание официальных религиозных институтов) и ограничения (через контроль над экономическими ресурсами и регламентацию религиозной жизни). Эта политика была направлена на формирование управляемой и лояльной мусульманской общины, интегрированной в административную систему империи, но ограниченной в возможности самостоятельного религиозного и культурного развития.

Решение этих проблем происходило на фоне задач по суверенизации и легитимации имперской власти на ее территории. Данный процесс реализовывался через планомерное создание новых административных институтов – таможенной и судебной систем, – призванных наглядно демонстрировать незыблемость и эффективность новой власти. Однако, как свидетельствует Н.Ф. Дубровин, распространение действия общероссийских законов встречало не только открытое сопротивление, но и пассивное неприятие, основанное на инерции традиционных правовых практик и непонимании новых процедур [1, с. 412-415]. Организация судопроизводства, учитывавшего местные обычаи через создание особых «татарских расправ» (судов, действовавших на основе адата и шариата для коренного населения), стала вынужденным компромиссом. Как отмечает А.С. Кравчук, хотя этот институт и был призван смягчить правовой переход, его полномочия были ограничены, а юрисдикция – распространялась лишь на мелкие тяжбы, что снижало его эффективность в глазах местного населения [23, с. 78]. Так, административно-правовая интеграция Крыма представляла собой не линейный процесс унификации, а слож-

ный диалог между имперскими нормами и местной правовой традицией, результатом которого стало формирование уникального правового ландшафта, характеризовавшегося значительным региональным своеобразием вплоть до конца имперского периода.

Как справедливо отмечает современный исследователь С.Б. Филимонов, «имперская власть осознавала, что успешная инкорпорация требовала не только административных реформ, но и формирования лояльности через культурные и символические механизмы» [24, с. 56]. Данный аспект реализовывался через несколько направлений. Проблема конфессиональной интеграции являлась одной из наиболее сложных. Российская империя, декларируя принципы веротерпимости, одновременно проводила последовательную политику усиления позиций православия как духовной основы государства. Как подробно анализирует В.Г. Тур, это порождало сложную, зачастую противоречивую систему взаимодействия с конфессиональными общинами Крыма [25, с. 247-276]. С одной стороны, мусульманское духовенство было инкорпорировано в имперскую социальную иерархию с сохранением определенных привилегий, что, по мнению А.В. Гаврилова, позволяло снизить потенциал сопротивления [26, с. 50-54]. С другой стороны, активная христианизация сакрального ландшафта – превращение херсонесских руин в православную святыню, строительство новых храмов и монастырей, поддержка миссионерской деятельности – становилась мощным инструментом символического закрепления имперского присутствия и утверждения доминирующей роли православия [27, с. 305-326]. Проблема конструирования исторической легитимности решалась через формирование в общественном сознании образа Крыма как неотъемлемой части историко-культурного пространства России. Как убедительно демонстрирует в своих работах Н.И. Храпунов, имперская наука, литература и публицистика активно разрабатывали концепцию «русской античности», в рамках которой наследие древнегреческих колоний и Византии интерпретировалось как общее христианское прошлое, исторически связывающее Крым с Россией. Этот нарратив позволял рассматривать присоединение Крыма как законное «возвращение» исконных земель в состав российской государственности и православного культурного ареала [27, с. 305-326].

Важной частью государственной политики по освоению новых земель стало заселение полуострова христианским населением. Переселение было не стихийным, а целенаправленной политикой российского правительства, направленной на заселение и хозяйственное освоение новых территорий. Власти поощряли переселение, предлагая щедрые льготы: новые жители Крыма на 8-10 лет освобождались от налогов, получали денежные ссуды на переезд и крупные земельные наделы – до 50 десятин на семью [28, с. 35-40]. Это привлекало как православных крестьян

из центральных губерний России, так и иностранных колонистов. Особое внимание уделялось переселению единоверцев из Османской империи – болгар и греков. Для них создавались особые условия, практически равные с немецкими колонистами. В результате в начале XIX века в Крыму появились целые колонии переселенцев, такие как Старый Крым и Киплава [29, с. 49-52]. Изменение демографического баланса, и поддержка лояльных групп (караимов, немецких колонистов) становились важными инструментами управления полиэтничным пространством. Однако, как отмечала Е.И. Дружинина, имперская власть была вынуждена балансировать, признания специфики отдельных этноконфессиональных обществ, что в условиях Крыма приобретало особую сложность [5, с. 189]. Социокультурная интеграция представляла собой многомерный процесс, сочетавший элементы унификации и адаптации местных обществ и переселенцев, направленный на формирование новой региональной идентичности в рамках имперского пространства.

Проблема управления полиэтничным обществом требовала от имперской администрации выработки гибких практик культурной медиации. Формирование управленческих подходов к взаимодействию с крайне разнородными группами населения (крымские татары, русские и украинские переселенцы, немецкие и греческие колонисты, караимы, евреи) осложнялось действием глубоких мировоззренческих стереотипов, что подробно исследовано Д.А. Прохоровым [30, с. 353-368]. Этот процесс, по мнению автора, осложнялся действием глубоких мировоззренческих стереотипов, укорененных как в сознании самих чиновников, подходивших к управлению новыми территориями с позиции «просвещенного патернализма», так и в отношениях между различными группами населения. Главной трудностью стали глубокие культурные и мировоззренческие стереотипы, которые влияли на принятие решений. Российские чиновники, воспитанные в традициях европейского просвещения, часто воспринимали местных татар через призму предубеждений – как «ленивых» и «неспособных к рациональному хозяйствованию» кочевников [31, с. 285]. Указанные представления служили легитимацией земельных конфликтов, возникавших между коренным населением и переселенцами, а также последующей передачи земельных ресурсов немецким колонистам, которые воспринимались властями в качестве образцовой модели трудолюбия. Для каждой группы создавались особые правила: немцы получали широкую автономию и льготы; православные переселенцы поощрялись как единоверцы; крымские татары, несмотря на официальные обещания сохранения их прав, на практике ущемлялись в земельных вопросах в пользу первых двух групп [31, с. 290-293]. В результате вместо единого социально-экономического пространства в Крыму сложилась сложная мозаика из разных правил для разных групп,

что на десятилетия вперед определило уникальный и конфликтный характер социальных отношений на полуострове, где взаимные стереотипы и правовое неравенство стали источником постоянной напряженности.

Согласно статистическим данным, численность населения Крымского полуострова на исходе XVIII столетия оценивалась в 140–160 тысяч человек, при крайне низкой плотности расселения, не превышавшей 5 чел/км². Доминирующей этнодемографической группой, составлявшей 87,6% населения, являлись крымские татары и ногайцы. Прочие этноконфессиональные общности – русские и украинцы (5,6%), евреи и караимы (3%), греки (1,9%), армяне (0,6%), а также немногочисленные немецкие и болгарские колонисты (по 0,1%) – формировали весьма незначительные по численности анклавы [32, с. 79]. Подобная демографическая структура объективно затрудняла задачи социокультурной интеграции региона в состав империи. Расселение носило очаговый характер с концентрацией в предгорных ареалах, обладавших наиболее благоприятными агроклиматическими условиями, в то время как степные и горные территории оставались слабо освоенными. Уровень урбанизации не превышал 12–15%, а городская жизнь была сосредоточена в исторических центрах бывшего Крымского ханства – Бахчисарае, Евпатории и Карасубазаре. Сложившаяся демографическая и расселенческая модель напрямую определяла экономический уклад полуострова, который сохранял свои традиционные черты и развивался постепенно, без резких изменений. Основу хозяйственного комплекса составляли экстенсивное кочевое и полукочевое животноводство (овцеводство, коневодство, верблюдоводство) и зерновое земледелие, ориентированное на производство экспортной пшеницы. Индустриальный сектор находился в зачаточном состоянии и был представлен мелкими мануфактурами (кожевенные, мыловаренные производства), тогда как первое более или менее крупное предприятие – суконная фабрика – было учреждено лишь в 1810 году [33, д. 19067, л. 10-300].

Ключевым элементом экономики региона являлась внешняя торговля, имевшая выраженную сырьевую направленность. Статистические данные таможенной отчетности портов Азовского моря (Керчь, Бердянск, Мариуполь) за указанный период демонстрируют значительный дисбаланс внешнеторгового оборота. Так, физический объем экспорта (36 107 552 пуда) превосходил объем импорта (4 931 197 пудов) в 7,3 раза, а в стоимостном выражении (48 071 240 руб. против 8 744 409 руб.) – в 5,5 раз. Регион выступал преимущественно поставщиком аграрной и минеральной продукции (зерно, соль, кожа, шерсть). В свою очередь, ввозимые товары – мануфактурные изделия, фарфор, металлические товары и предметы роскоши – обладали значительно более высокой долей добавленной стоимости, что объясняет их меньший физический объем при существенной общей стои-

мости. Немаловажно, что таможенные сборы, достигавшие 1,63 млн руб., служили не только важным источником доходов казны, но и маркером успешной административной и фискальной интеграции региона в экономическое пространство империи [34, д. 178, л. 1].

Отдельным направлением, стимулировавшим углубленное изучение региона, стала деятельность по исследованию его хозяйственно-экономического потенциала. Необходимость эффективного управления и освоения ресурсов Таврической губернии побуждала центральные и местные власти к систематическому сбору и анализу разнообразных статистических и описательных данных. Ярким свидетельством этой работы являются сохранившиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) комплексные материалы, такие как развернутое «Описание Таврической губернии», учиненное в 1807 году таврическим гражданским губернатором Д.Б. Мертваго [33, д. 19065], «Статистическое описание Таврической губернии» 1818 года [34, д. 19066], а также «Статистические материалы Таврической губернии» за 1823 годы [33, д. 19067]. Детализация информации нарастала в последующие годы, что отразилось в серии картографических работ, включая «Планы Таврической губернии» 1825 года [33, д. 19068], и в демографических учетах, подобных «Списку волостям и селениям Таврической губернии с показанием числа жителей» 1837 года [33, д. 19072]. Наиболее полное обобщение этих усилий представлено в фундаментальных «Военно-статистических описаниях», составленных полковником Н.Б. Герсевановым в 1848 и 1849 годах [33, д. 19073; 19074]. Эти документы, сочетавшие экономические, географические и военно-стратегические сведения, не только фиксировали современное состояние губернии, но и служили практической основой для дальнейшей административной и экономической политики империи в регионе.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает выдвинутую во введении гипотезу о том, что интеграция Крыма в конце XVIII - первой половине XIX века представляет собой уникальную модель имперской политики, существенно отличавшуюся от стратегии освоения других южных регионов, к примеру, Северного Кавказа. Если на Кавказе доминировала военно-административная система, то крымский вариант интеграции продемонстрировал возможность поэтапной трансформации традиционного общества через комплекс административных и социокультурных практик.

1. Интеграция Крыма в рассматриваемый истерический период представляла собой сложный, многомерный и нередко противоречивый процесс, сочетавший стратегию унификации с необходимостью учета региональной специфики. Административно-правовая инкорпорация, ос-

нованная на введении губернской системы и распространении общероссийского законодательства, сочетался с сохранением элементов правового плюрализма – особых региональных специфик для местных татарских обществ (татарских расправ, сохранявших судопроизводство по местным адатам и шариату). Можно утверждать, что с этого периода формируется устойчивая практика включения норм о свободе вероисповедания (а впоследствии – и этнокультурных правах) в систему государственного управления, что позволяло империи решать широкий спектр политических и административных задач.

2. Социокультурная интеграция осуществлялась через комплекс мер, направленных на формирование лояльности и конструирование исторической легитимности российской власти. Важнейшую роль здесь играла конфессиональная политика, сочетавшая инкорпорацию мусульманского духовенства в имперскую иерархию через создание Таврического муфтията с одновременным усилением православного присутствия и христианизацией сакрального пространства. Формирование нарратива о «русской античности» и целенаправленное заселение территории православными переселенцами и иностранными колонистами были призваны изменить демографический и культурный ландшафт региона.

3. Экономическая интеграция полуострова демонстрирует постепенный переход от традиционной экономики к современным формам хозяйствования. Включение Крыма в систему всероссийского рынка, о чем свидетельствуют данные внешнеторговой статистики, стимулировало развитие товарного производства. Значительные таможенные сборы (свыше 1,6 млн рублей) свидетельствуют не только о фискальной успешности, но и о глубокой экономической интеграции региона. Появление первых промышленных предприятий (суконная фабрика, 1810 г.) знаменовало начало индустриальной модернизации.

4. Тем не менее, имперские проекты постоянно сталкивались с сопротивлением местной специфики (проявлявшим, в частности, определенное сходство с кавказским вариантом в форме скрытого неприятия нововведений и приверженности традиционным нормам). Земельные конфликты, трудности интеграции крымскотатарской знати в дворянское сословие, культурные барьеры – все это подтверждает тезис о нелинейном характере интеграции как постоянном диалоге между центром и периферией.

Таким образом, интеграция Крыма представляет собой пример взаимосвязанности теорий имперской модернизации и адаптации, демонстрируя, как имперские власти реформировали институты управления в процессе инкорпорации новых территорий и одновременно приспосабливались к региональным особенностям для сохранения эффективного контроля. Крымский интеграционный сценарий подтверждает теорети-

ческую модель, согласно которой успешная имперская интеграция требовала синтеза модернизационных преобразований с адаптацией к локальным особенностям – именно баланс между унификацией и гибкостью, централизацией и учетом региональной специфики позволял Российской империи эффективно интегрировать полиэтничные территории, сохраняя при этом стабильность и управляемость на протяжении длительного исторического периода.

Библиографический список:

1. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения: в 4 т. / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. Т. 1-4.
2. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 23. С. 78-124.
3. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 7. С. 25-45.
4. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823: в 2 т. / А.А. Скальковский. – Одесса: Гор. тип., 1836. Т. 1. 363 с.
5. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е.И. Дружинина. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. 280 с.
6. Дружинина, Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. / Е.И. Дружинина. – М.: Наука, 1970. 376 с.
7. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма / П.Н. Надинский. – Симферополь: Крымиздат, 1951. Ч. 1. 199 с.
8. Якобсон А.Л. Крым в средние века / А. Л. Якобсон. – М.: Наука, 1973. 172 с.
9. Андреев А.Р. История Крыма: Краткое описание прошлого Крымского полуострова / А.Р. Андреев. – М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. 254 с.
10. Архипова С.М. Землевладение и землепользование в Крыму (последняя треть XVIII – начало XX в.): проблемы взаимодействия различных правовых систем / С.М. Архипова. – Симферополь: Доля, 2011. 216 с.
11. Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Кравчук. – М.: 2016. 28 с.
12. Храпунов Н.И. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Н.И. Храпунов, Д.В. Конкин. – Севастополь: Альбатрос, 2017. 424 с.
13. История крымских татар: в 5 т. / [отв. ред. Э.Э. Исхаков]. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2021. Т. 3. 1024 с.
14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
15. Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Крым. 1926. № 2. С. 143-146.
16. Tott F. de. Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares: Pt. 2 / F. de Tott. – Amsterdam, 1784. 302 p.
17. Водарский Я.Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав) / Я.Е. Водарский, О.И. Елисеева, В.М. Кабузан. – М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2003. 160 с.
18. Fisher A. The Crimean Tatars / A. Fisher. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
19. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII - начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. № 21. С. 375-390.
20. Сичаева Г.А. Формирование и становление крымско-татарского дворянства // Приволжский научный вестник. 2015. № 6-1 (46). С. 53-57.
21. Хайрединова З.З. Некоторые особенности правового регулирования положения крымскотатарской знати в России конца XVIII - начала XIX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. № 21. С. 391-400.
22. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII - начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Д. Ю. Арапов. – М.: 2005. 454 с.
23. Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Кравчук. – М.: 2016. 28 с.
24. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии / С.Б. Филимонов. – 2-е изд. – Симферополь, 2017. 268 с.
25. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 247-276.

26. Мурадасылова Ш.М. Конфессиональная политика Российской империи в отношении армян Крыма (конец XVIII - первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: тр. IV Всерос. науч.-практ. конф. (Евпатория, 25 мая 2018 г.). – Евпатория: Ариал, 2018. С. 50-54.
27. Храпунов Н.И. Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню / // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. – Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 305-326.
28. Белова Е.В. Внутренняя политика российского правительства по заселению юга Российской империи: По материалам Новороссии и Бессарабии 1751-1871 годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Белова. – М.: 2004. 254 с.
29. Полянская Е.С. Миграционные процессы в Крыму (конец XVIII - начало XIX вв.) // Педагогический вестник. 2018. № 4. С. 49-52.
30. Прохоров Д.А. Мировоззренческие стереотипы в межкультурной и межэтнической коммуникации: евреи и караимы // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. – Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 353-368.
31. Прохоров Д.А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 278-295.
32. Мальгин Е.А. Историко-географические особенности развития хозяйства Крыма на рубеже XVIII и XIX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2012. Т. 25 (64). № 3. С. 78-87.
33. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 Военно-ученый архив (коллекция). Оп. 16. Д. 16065, 19066, 19067, 19068, 19072, 09073.
34. РГВИА. Ф. 414 Статистические сведения о Российской империи. Оп. 1. Д. 178.
35. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8. С. 12-40.
36. Байханов И.Б., Терновая Л.О. Педагогическая антропология лекции // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 97-109.
37. Мокина Л.С. Зарубежные модели цифровизации экономики и возможность их применения в российской практике // Альманах «Крым». 2025. № 47. С. 71-75.

Reference

1. Dubrovin N.F. The Annexation of Crimea to Russia: Rescripts, Letters, Reports, and Dispatches: in 4 Volumes / N.F. Dubrovin. – St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1885. Vol. 1-4.
2. Lashkov F.F. Historical Essay on Crimean Tatar Land Ownership // Bulletin of the Tauride Scientific Archival Commission. 1895. № 23. P. 78-124.
3. Lashkov F.F. Office Description of Crimea in 1784 // Bulletin of the Tauride Scientific Archival Commission. 1889. № 7. P. 25-45.
4. Skalkovsky A.A. Chronological Review of the History of Novorossiysk Krai. 1730–1823: in 2 volumes / A.A. Skalkovsky. – Odessa: City Printing House, 1836. Vol. 1. 363 p.
5. Druzhinina E.I. Northern Black Sea Region in 1775–1800 / E.I. Druzhinina. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 280 p.
6. Druzhinina E.I. Southern Ukraine in 1800–1825 / E.I. Druzhinina. – Moscow: Nauka, 1970. 376 p.
7. Nadinsky P.N. Essays on the History of Crimea / P.N. Nadinsky. – Simferopol: Krymizdat, 1951. Part 1. 199 p.
8. Yakobson A.L. Crimea in the Middle Ages / A.L. Jacobson. - Moscow: Nauka, 1973. 172 p.
9. Andreev A.R. History of Crimea: A Brief Description of the Past of the Crimean Peninsula / A.R. Andreev. – Moscow: Interregional Center for Industry Informatics of the Russian Federal Service for Supervision of Nuclear, Nuclear and Nuclear Power Engineering, 1997. 254 p.
10. Arkhipova S.M. Land Ownership and Land Use in Crimea (Last Third of the 18th – Early 20th Century): Problems of Interaction between Different Legal Systems / S.M. Arkhipova. – Simferopol: Dolya, 2011. 216 p.
11. Kravchuk A.S. The Institute of Governorship in the Taurida Province: Anthropology of Power (1802–1854): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation: 07.00.02 / A.S. Kravchuk. – M.: 2016. 28 p.
12. Khrapunov N.I. Problems of the Integration of Crimea into Russia, 1783–1825 / N.I. Khrapunov, D.V. Konkin. – Sevastopol: Albatros, 2017. 424 p.
13. History of the Crimean Tatars: in 5 volumes / [ed. E.E. Iskhakov]. – Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. Vol. 3. 1024 p.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection. 1649–1825: in 45 volumes. – St. Petersburg: Type. II Department of the Own. His Imperial Majesty Chancellery, 1830.
15. Ozenbashly A. The Role of the Tsarist Government in the Emigration of the Crimean Tatars // Crimea. 1926. № 2. P. 143-146.
16. Tott F. de. Memoirs of Baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares: Pt. 2 / F. de Tott. – Amsterdam, 1784. 302 p.

17. Vodarsky Ya.E. Population of Crimea in the Late 18th – Late 20th Centuries (Number, Distribution, Ethnic Composition) / Ya.E. Vodarsky, O.I. Eliseeva, V.M. Kabuzan. – Moscow: Publishing Center of the Institute of Russian History, RAS, 2003. 160 p.
18. Fisher A. The Crimean Tatars / A. Fisher. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
19. Konkin D.V. Land conflicts in Crimea (late 18th - early 19th centuries): "opinions" and "projects" // Materials on the archeology, history and ethnography of Taurida. 2016. № 21. P. 375-390.
20. Sichaeva G.A. Formation and development of the Crimean Tatar nobility // Privolzhsky scientific bulletin. 2015. № 6-1 (46). P. 53-57.
21. Khairedinova Z.Z. Some features of legal regulation of the position of the Crimean Tatar nobility in Russia in the late 18th - early 19th centuries // Materials on the archeology, history and ethnography of Taurida. 2016. № 21. P. 391-400.
22. Arapov D.Yu. The System of State Regulation of Islam in the Russian Empire (Last Third of the 18th - Early 20th Centuries): Dis. ... Doctor of History: 07.00.02 / D. Yu. Arapov. – Moscow: 2005. 454 p.
23. Kravchuk A.S. The Institute of Governorship in the Taurida Province: Anthropology of Power (1802-1854): Abstract of Dis. ... Cand. History: 07.00.02 / A.S. Kravchuk. – Moscow: 2016. 28 p.
24. Filimonov S.B. Guardians of the Historical Memory of Crimea: On the Legacy of the Taurida Scientific Archival Commission and the Taurida Society of History, Archaeology, and Ethnography / S.B. Filimonov. – 2nd ed. – Simferopol, 2017. 268 p.
25. Tur V.G. Religious communities of Crimea // Problems of the integration of Crimea into Russia, 1783-1825 / edited by N.I. Khrapunov, D.V. Konkin. – Sevastopol: Albatros, 2017. P. 247-276.
26. Muradasylova Sh.M. Confessional policy of the Russian Empire towards the Armenians of Crimea (late 18th - first half of the 19th century) // Actual problems of the humanitarian sciences: proc. IV All-Russian scientific and practical conf. (Yevpatoriya, May 25, 2018). – Yevpatoriya: Arial, 2018. P. 50-54.
27. Khrapunov N.I. Christianization of Crimea and the transformation of Chersonesos into an Orthodox shrine / // Problems of the integration of Crimea into Russia, 1783–1825 / edited by N.I. Khrapunov, D.V. Konkin. – Sevastopol: Albatros, 2017. P. 305-326.
28. Belova E.V. Domestic policy of the Russian government on the settlement of the south of the Russian Empire: Based on the materials of Novorossiya and Bessarabia 1751-1871: diss. ... Cand. of History: 07.00.02 / E.V. Belova. – M.: 2004. 254 p.
29. Polyanskaya E.S. Migration processes in Crimea (late 18th - early 19th centuries) // Pedagogical Bulletin. 2018. № 4. P. 49-52.
30. Prokhorov D.A. Ideological stereotypes in intercultural and interethnic communication: Jews and Karaites // Problems of the integration of Crimea into Russia, 1783-1825 / edited by N.I. Khrapunov, D.V. Konkin. – Sevastopol: Albatros, 2017. P. 353-368.
31. Prokhorov D.A. Crimean Tatars in the governing bodies of the Taurida region after the annexation of Crimea to Russia (1783-1787) // Problems of history, philology, culture. 2016. № 1. P. 278-295.
32. Malgin E.A. Historical and geographical features of the development of the Crimean economy at the turn of the 18th and 19th centuries // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology. 2012. Vol. 25 (64). № 3. P. 78-87.
33. Russian State Military Historical Archive (RSVIA). F. 846 Military Scientific Archive (collection). Op. 16. D. 16065, 19066, 19067, 19068, 19072, 09073.
34. RGVIA. F. 414. Statistical information on the Russian Empire. Op. 1. D. 178.
35. Lashkov F.F. Office description of Crimea in 1784 // News of the Tauride Scientific Archival Commission. 1889. № 8. P. 12-40.
36. Bayhanov I.B., Ternovaya L.O. Pedagogical anthropology of lecture // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 97-109.
37. Mokina L.S. Foreign models of economic digitalization and the possibility of their application in Russian practice // Almanac "Crimea". 2025. № 47. P. 71-75.

Ерошков К.Ю.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Попова М.Б.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Буркова В.А.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Воробьёва А.Е.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С.
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Роль гестапо в системе контроля за населением*

Аннотация. Данное исследование представляет собой комплексный анализ функционирования гестапо (Тайной государственной полиции) как центрального элемента репрессивного аппарата Третьего рейха и его роли в установлении тотального контроля над обществом [1, 6]. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного осмысления социально-политических механизмов, позволивших относительно малочисленной организации [4, 7] не только эффективно подавлять инакомыслие внутри страны, но и стать ключевым исполнителем политики массового террора и геноцида на оккупированных территориях [3, 8].

Ключевые слова: Гестапо, нацистская Германия, тотальный контроль, репрессивный аппарат, социальный террор, холокост, айнзацгруппы.

* © Ерошков К.Ю., Попова М.Б., Буркова В.А., Воробьёва А.Е., Иванов К.С., 2026.

Eroshkov K.Yu.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Popova M.B.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Burkova V.A.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Vorobyova A.E.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Ivanov K.S.
Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

The Gestapo's role in population control

Abstract. This study is a comprehensive analysis of the functioning of the Gestapo (Secret State Police) as a central element of the Third Reich's repressive apparatus and its role in establishing total control over society [1, 6]. The relevance of this work lies in the need for a systematic understanding of the socio-political mechanisms that allowed a relatively small organization [4, 7] not only to effectively suppress dissent within the country but also to become a key executor of mass terror and genocide policies in occupied territories [3, 8].

Key words: Gestapo, nazi Germany, total control, repressive apparatus, social terror, the Holocaust, and the Einsatzgruppen.

Цель исследования: выявление и структурирование комплекса правовых, организационных и социально-психологических инструментов, которые обеспечивали всепроникающую власть гестапо.

Методы исследования: принципы историзма и системного анализа. В работе применен междисциплинарный подход, сочетающий институциональный, правовой и социально-психологический анализ. Методы включали критическое изучение нормативных актов нацистского государства (в

частности, Закона о гестапо 1936 года) [1, 6], структурно-функциональный анализ ведомства в рамках Главного управления имперской безопасности (РСХА), а также обобщение данных историографии и свидетельств, включая материалы исследований деятельности айнзацгрупп [3, 5]. Особое внимание уделено компаративному рассмотрению эволюции методов гестапо в довоенный и военный периоды.

Основные результаты работы заключаются в следующем. Эффективность гестапо определялась синтезом трех компонентов:

1. Внеправовых полномочий, основанных на «превентивном аресте» и выведении деятельности из-под судебного надзора [1, 4];

2. Системы тотального осведомительства, сознательно культивировавшей страх и разрушавшей социальные связи, что превращало граждан в соучастников контроля [7, 9];

3. Аппарата физического террора, включавшего пытки и концентрационные лагеря [4, 5]. Доказано, что с началом войны гестапо трансформировалось из органа внутреннего сыска в главный инструмент «окончательного решения еврейского вопроса», осуществлявший депортации [3] и напрямую участвовавший в массовых убийствах [8]. Его организационная интеграция в СС и РСХА стала материальной основой этого превращения [1, 6].

Значимые выводы статьи заключались в том, что гестапо являлось не просто полицейским органом, а институтом социальной инженерии, создававшим послушное и конформистское общество через легализованный произвол, тотальную слежку и устрашение. Практическая значимость работы видится в ее предупреждающем и просветительском потенциале. Исследование наглядно демонстрирует алгоритмы построения репрессивных систем, подменяющих право волей режима, и раскрывает катастрофические последствия разрушения правовых и социальных барьеров на пути государственного насилия.

Глава 1. Роль гестапо внутри страны

Гестапо (тайная государственная полиция), созданное в 1933 году, являлось не просто карательным органом, а центральным элементом системы тотального контроля нацистского режима над обществом [2]. Его деятельность была направлена не только на подавление открытой оппозиции, но и на обеспечение идеологического доминирования и формирование послушной, лояльной массы через создание атмосферы всеобщего страха и недоверия [2, 9]. Изучение организационных основ, правовых механизмов и социальных практик гестапо позволяет раскрыть внутренние механизмы функционирования нацистского полицейского государства. Данная глава посвящена анализу того, как гестапо, будучи относительно малочисленной организацией, сумело обеспечить эффективный тотальный контроль над

населением Германии и оккупированных территорий.

1.1 Организационно-правовые основы деятельности гестапо

Эволюция гестапо от прусского полицейского отдела до ключевого управления в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА) сопровождалась последовательной централизацией и радикализацией его полномочий.

– Этап создания и централизации. Гестапо было создано 26 апреля 1933 года Германом Герингом, министром внутренних дел Пруссии, на базе отдела политических преступлений (1А) прусской полиции [1, 5]. Уже 30 ноября 1933 года оно было выведено из подчинения прусского МВД и превращено в самостоятельную организацию, что стало первым шагом к его обособлению от традиционных правовых институтов [1]. К 1934 году, в ходе внутриполитической борьбы, контроль над гестапо перешел к Генриху Гиммлеру, что ознаменовало начало сращивания государственной полиции с партийными структурами СС.

– Интеграция в систему СС и РСХА. В 1936 году, после назначения Гиммлера главой всей немецкой полиции, гестапо было объединено с криминальной полицией (крипо) в Полицию безопасности (Зипо) под руководством Рейнхарда Гейдриха [1, 3]. Окончательное организационное оформление произошло 27 сентября 1939 года с созданием Главного управления имперской безопасности (РСХА), в котором гестапо заняло место IV управления под началом Генриха Мюллера [1, 7].

– Правовые основы внеправового характера. Легальной базой, предоставившей гестапо неограниченные полномочия, стал Закон о гестапо 1936 года, который вывел его деятельность из-под административного и судебного надзора [2]. Ключевым инструментом репрессий стало право «превентивного ареста», позволявшее заключать людей в тюрьмы и концентрационные лагеря без судебного решения и на неограниченный срок [1, 3]. Правовую доктрину сформулировал сотрудник гестапо Вернер Бест, заявив, что «до тех пор, пока полиция выполняет волю руководства, она действует законно» [2].

1.2 Структура, кадры и методы обеспечения контроля

Эффективность гестапо основывалась на разветвленной структуре, подобранных кадрах и сочетании террора с системой всеобщего доносительства.

– Структура и численность. Организационная структура гестапо неоднократно менялась. После реорганизации 1941 года в составе IV управления РСХА были созданы специализированные отделы, занимавшиеся борьбой с политическими противниками, контрразведкой, надзором за церковью, а также преследованием евреев (знаменитый отдел IV B4 под руководством Адольфа Эйхмана) [1, 3]. Несмотря на колоссальные полномочия, гестапо оставалось относительно малочисленным: в 1937 году в его центральном

аппарате и 54 региональных управлениях служили около 6 500 человек, а к концу войны численность не превышала 40 000 сотрудников [1], [6].

– Социальное доносительство как основа эффективности. Исторические исследования подчеркивают, что широкие возможности гестапо по слежке обеспечивались массовой готовностью обычных граждан сообщать о «неблагонадежных» согражданах [5, 6]. Сеть информаторов, насчитывавшая десятки тысяч человек, пронизывала все слои общества, порождая взаимное недоверие и страх, при котором дети могли доносить на родителей, а соседи – друг на друга [2]. Это делало систему контроля проницаемой и вездесущей, компенсируя малочисленность штатных сотрудников.

– Практики внесудебного террора. Основными методами работы были слежка, перлюстрация корреспонденции, прослушивание телефонов, а также задержания и допросы с применением жестоких пыток [5]. Штабквартира гестапо в Берлине и его региональные управления были оборудованы специальными камерами для пыток, где применялись такие методы, как подвешивание за руки, избиения, вырывание ногтей, пытки водой и электрическим током [5].

1.3 Реализация карательной политики на оккупированных территориях

С началом Второй мировой войны роль гестапо вышла за пределы Германии, и оно стало ключевым инструментом реализации нацистской расовой и оккупационной политики.

– Участие в осуществлении Холокоста. Гестапо играло центральную роль в преследовании и уничтожении еврейского населения Европы [3]. Подразделение Эйхмана в рамках гестапо координировало организацию депортации евреев в гетто и лагеря смерти [3]. Сотрудники гестапо входили в состав айнзатцгрупп, осуществлявших массовые расстрелы евреев, цыган, коммунистов и других «нежелательных элементов» на оккупированных территориях СССР [3, 5].

– Политика террора на Востоке. На оккупированных советских территориях гестапо принимало непосредственное участие в карательных операциях, уничтожении мирных жителей и борьбе с партизанским движением [7]. Свидетельские показания, собранные Чрезвычайной государственной комиссией, содержат многочисленные описания зверств, чинимых гестаповцами: массовые расстрелы, пытки в тюрьмах, сожжение трупов для сокрытия следов преступлений [7].

Таким образом, гестапо сформировалось в ключевой инструмент нацистской диктатуры, обеспечивавший тотальный контроль над населением через сочетание псевдолегальных полномочий, институционального террора и систематического использования социального доносительства. Его организационная эволюция от прусского ведомства до IV управления

РСХА иллюстрирует процесс формирования целостного полицейского государства. Анализ методов работы гестапо демонстрирует, что его эффективность зиждилась не только на прямом насилии, но и на глубокой интеграции в социальную ткань, что позволяло подавлять малейшие проявления инакомыслия и осуществлять беспрецедентные по масштабу преступления против человечности.

Глава 2. Методы и социальные функции гестапо в системе тотального контроля над населением

Если организационное становление гестапо, рассмотренное в первой главе, создало институциональный каркас нацистской репрессивной системы, то его практические методы и социальные функции обеспечили глубокое проникновение этой системы во все сферы общественной жизни. Анализ инструментария и технологий власти гестапо позволяет раскрыть механизмы, с помощью которых относительно немногочисленный орган смог установить и поддерживать эффективный тотальный контроль над миллионами людей. Данная глава посвящена комплексному изучению методов деятельности тайной полиции, их эволюции в условиях войны, а также их разрушительного воздействия на социальную ткань германского и оккупированных обществ [3].

2.1. Инструментарий террора: правовые, психологические и карательные методы

Эффективность гестапо зиждилась на сочетании внеправовых полномочий, утончённых-сихологических приемов и отлаженной системы физического подавления, что в совокупности создавало атмосферу всеобъемлющего страха.

– Превентивный арест и внесудебные полномочия. Краеугольным камнем карательной практики гестапо стало право «превентивного ареста» (Schutzhaft), предоставлявшее возможность заключать людей в тюрьмы и концентрационные лагеря без судебного решения и на неопределенный срок [1]. Эта мера, юридически введенная в 1933 году, позволяла обходить уголовный кодекс, все еще формально запрещавший пытки и убийства [5]. Легальной базой для подобного произвола послужил Закон о гестапо 1936 года, который вывел деятельность ведомства из-под административного и судебного надзора [6]. В результате его сотрудники, по словам историка Константина Залесского, действовали «незаконно с точки зрения цивилизованного общества» [3], что превратило гестапо в автономную силу, стоящую над законом.

– Система осведомителей и социальная дезинтеграция. Несмотря на скромную численность (около 6,5 тысяч сотрудников в 1937 году и 20-30 тысяч на пике могущества) [3], гестапо создало разветвленную сеть информаторов, пронизывавшую все слои общества. Исторические исследования

подчеркивают, что основу эффективности организации составляла массовая готовность граждан к доносительству, зачастую на безвозмездной основе [3]. Эта система не только обеспечивала постоянный поток информации, но и целенаправленно разрушала традиционные социальные связи. Культивирование страха и взаимного недоверия подрывало доверие между соседями, коллегами и даже внутри семей, превращая каждого гражданина в потенциального агента контроля [6]. Таким образом, сами граждане становились активными участниками поддержания тоталитарного порядка.

– Технические средства наблюдения и пытки. Для подавления оппозиции применялись как современные на тот момент технические методы – перлюстрация корреспонденции, прослушивание телефонных разговоров, скрытое наблюдение [6], – так и варварские пытки. Согласно материалам французского историка Жака Деларю, в застенках гестапо широко практиковались подвешивание за отведенные назад руки, избиения палками и плетьми, вырывание ногтей, пытки электрическим током и утоплением [3]. Штаб-квартира на Принц-Альбрехтштрассе, в Берлине и региональные управления были оборудованы специальными камерами для пыток, где заключенных подвергали изощренным истязаниям с целью получения признаний и запугивания [3].

2.2. Социально-политические функции гестапо в условиях военного времени

С началом Второй мировой войны функции и методы гестапо претерпели значительную эволюцию, адаптируясь к задачам управления оккупированными территориями и реализации радикальных идеологических программ.

– Реорганизация и экспансия на оккупированные территории. После создания в 1939 году Главного управления имперской безопасности (РСХА) гестапо было институционально закреплено в качестве IV управления [1, 5]. Это усилило координацию его действий с другими компонентами репрессивного аппарата, такими как СД и криминальная полиция. На оккупированных землях, особенно на востоке, гестапо действовало в составе айнзацгрупп, которые занимались массовыми убийствами евреев, коммунистов и иных «нежелательных элементов» [3, 6]. Примечательно, что на оккупированной территории СССР обычная структура гестапо не создавалась; вместо этого карательные функции выполняли айнзацгруппы, укомплектованные в значительной степени коллаборационистами [3].

– Ключевая роль в осуществлении Холокоста. Гестапо стало главным исполнителем антиеврейской политики нацистской Германии [5]. Специализированный отдел IV B4 под руководством Адольфа Эйхмана координировал организацию депортации еврейского населения в гетто и лагеря смерти [5, 6]. Офицеры гестапо не только руководили логистикой этого процесса, но и лично возглавляли операции айнзацгрупп по массовым рас-

стрелам на востоке [5]. Эта деятельность была системной и центральной для функционирования гестапо в военный период, сделав его одним из главных инструментов «окончательного решения еврейского вопроса» [6].

– Подавление инакомыслия и контроль над обществом. Война потребовала ужесточения внутреннего контроля. Гестапо вело беспощадную борьбу с любыми проявлениями инакомыслия, от диссидентских настроений до попыток организованного сопротивления. Организация сыграла ключевую роль в разгроме заговора 20 июля 1944 года, после чего провела масштабные чистки, окончательно уничтожив внутригерманскую оппозицию [6]. Наряду с политическими противниками, гестапо целенаправленно преследовало и другие маргинализированные группы: цыган, свидетелей Иеговы, гомосексуалов, «асоциальных» лиц, отправляя их в концентрационные лагеря [1, 6].

2.3. Воздействие гестапо на общественные институты и социальные отношения

Деятельность гестапо оказала глубокое деструктивное воздействие на фундаментальные общественные институты, трансформируя социальные отношения в соответствии с логикой тоталитарного государства.

– Разрушение приватности и семейных связей. Поощряя доносительство даже на близких родственников, гестапо систематически разрушало частную сферу как зону, свободную от государственного вмешательства. Семья переставала быть безопасным пространством для выражения несогласия, что вело к атомизации общества и росту социальной апатии [6].

– Контроль над профессиональной и религиозной жизнью. Через сеть осведомителей гестапо осуществляло постоянный мониторинг политических настроений на предприятиях, подавляя любые попытки возрождения рабочего движения [6]. Активному контролю и преследованиям подвергались и религиозные общины, которые рассматривались как потенциальные центры альтернативной идеологической лояльности [1, 6]. Специальные отделы гестапо занимались надзором за церковью и сектами [1], а религиозные деятели, осмеливавшиеся критиковать режим, становились жертвами репрессий.

– Формирование культуры страха и конформизма. Социальные функции гестапо не ограничивались прямым подавлением, а были направлены на формирование нового типа личности – запуганной, аполитичной и готовой к беспрекословному подчинению. Демонстративная жестокость, слухи о всеведении тайной полиции и практика превентивных арестов культивировали в обществе атмосферу перманентного страха, что являлось эффективным инструментом предотвращения любой оппозиционной активности [6].

Таким образом, гестапо реализовало модель тотального контроля, основанную на симбиозе внеправового террора, всепроникающей системы осведомительства и целенаправленной деформации социальных отношений.

Его методы эволюционировали от подавления политической оппозиции внутри Германии к осуществлению геноцида и террора на оккупированных территориях в период войны. Анализ демонстрирует, что эффективность гестапо определялась не столько его численностью, сколько способностью тотализировать подозрение и страх, превращая их в основные инструменты управления обществом. Это позволяет рассматривать гестапо не просто как карательный орган, но как ключевой элемент социальной инженерии нацистского режима, оказавший глубоко деструктивное воздействие на моральные и социальные устои европейской цивилизации.

Вывод

Проведенное исследование позволяет сделать основополагающий вывод о том, что гестапо являлось не просто карательным органом, а центральным элементом и катализатором формирования нацистского тоталитарного государства, пронизывающим все сферы общественной жизни. Его историческая роль в системе контроля над населением характеризуется несколькими системообразующими признаками.

Во-первых, институциональное развитие гестапо, от его создания Германом Герингом в 1933 году как прусской тайной полиции до интеграции в Главное управление имперской безопасности (РСХА) в 1939 году, демонстрирует последовательный процесс этатизации и сращивания государственных функций с партийными структурами СС [1, 3]. Этот процесс был юридически закреплен законодательством, которое вывело деятельность гестапо из-под судебного и административного надзора, предоставив ему неограниченные полномочия, ключевым из которых стало право превентивного ареста (Schutzhaft) [1, 9]. Это создало правовую основу для внесудебного террора.

Во-вторых, эффективность тотального контроля обеспечивалась не столько численностью аппарата (который оставался относительно небольшим), сколько утончённых-сочетанием методов прямого физического подавления с технологиями психологического манипулирования и системной социальной инженерии [8, 9]. Наряду с жестокими пытками и заключением в концентрационные лагеря, гестапо целенаправленно культивировало атмосферу всеобщего страха и недоверия через разветвленную сеть осведомителей. Это приводило к атомизации общества, разрушению традиционных социальных связей, включая семейные, и формированию конформистской личности, что являлось одной из главных социальных функций организации [9].

В-третьих, с началом Второй мировой войны гестапо стало ключевым инструментом реализации нацистской расовой и оккупационной политики. Его роль в осуществлении Холокоста и других военных преступлений была центральной и системной [1, 9]. Организация не только координи-

ровала депортации еврейского населения в лагеря смерти, но и непосредственно участвовала в массовых убийствах на оккупированных территориях СССР в составе айнзацгрупп [6, 9]. Преступления, документированные актами Чрезвычайных государственных комиссий, свидетельствуют о необъяснимой жестокости и массовом уничтожении мирных граждан [6].

Таким образом, гестапо воплотило в себе модель тотального контроля, основанную на симбиозе внеправового террора, всепроникающей системы осведомительства и целенаправленной деформации социальных отношений. Его деятельность оказала глубоко деструктивное воздействие на моральные и социальные устои, превратив страх и доносительство в основные инструменты управления обществом. Исторический опыт гестапо служит суровым предостережением об опасности создания репрессивных институтов, стоящих над законом и направленных на подавление человеческой личности.

Библиографический список:

1. Гестапо // Википедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гестапо (Дата обращения: 22.11.2025).
2. Гестапо // Каталог терминов. // URL: https://sl.ceur.ru/dictionary/item110965/ (Дата обращения: 22.11.2025).
3. Гестапо // Яд Вашем. Энциклопедия Холокоста. // URL: https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/gestapo.html (Дата обращения: 22.11.2025).
4. Деларю, Ж. История гестапо // URL: http://militera.lib.ru/research/delarue/02.html (Дата обращения: 22.11.2025).
5. Тайная полиция преступного режима: правда и мифы о деятельности гестапо // RT. // URL: https://russian.rt.com/science/article/507069-istoria-sozdanie-gestapo (Дата обращения: 22.11.2025).
6. Гестапо – щит и меч нацистского государства // DW. // URL: https://www.dw.com/ru/гестапо-щит-и-меч-нацистского-государства/a-39536450 (Дата обращения: 22.11.2025).
7. Что такое гестапо? // Исторический проект. // URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/chto-takoe-gestapo/ (Дата обращения: 22.11.2025).
8. Паутина под свастикой // Портал военной истории. // URL: https://history.milportal.ru/pautina-pod-svastikoj/?print=print (Дата обращения: 22.11.2025).
9. Галкин, А. Механизм контроля над обществом // scepsis.net. // URL: https://scepsis.net/library/id_2743.html (Дата обращения: 22.11.2025).
10. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

Reference

1. Gestapo // Wikipedia. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гестапо (22.11.2025).
2. Gestapo // Catalog of terms. // URL: https://sl.ceur.ru/dictionary/item110965/ (22.11.2025).
3. Gestapo // Yad Vashem. Holocaust Encyclopedia. // URL: https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/gestapo.html (22.11.2025).
4. Delarue, J. History of the Gestapo // URL: http://militera.lib.ru/research/delarue/02.html (22.11.2025).
5. The Secret Police of a Criminal Regime: Truth and Myths about the Activities of the Gestapo // RT. // URL: https://russian.rt.com/science/article/507069-istoria-sozdanie-gestapo (22.11.2025).
6. The Gestapo – the Shield and Sword of the Nazi State // DW. – URL: https://www.dw.com/ru/гестапо-щит-и-меч-нацистрского-стейвава/a-39536450 (22.11.2025).
7. What is the Gestapo? // Historical Project. // URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/chto-takoe-gestapo/ (22.11.2025).
8. The Web Under the Swastika // Military History Portal. // URL: https://history.milportal.ru/pautina-pod-svastikoj/?print=print (22.11.2025).
9. Galkin A. The Mechanism of Control over Society // scepsis.net. // URL: https://scepsis.net/library/id_2743.html (22.11.2025).
10. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

Макарова Д.Д.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванова Д.Е.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С.
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Иванова А.С.
Магистрант, Школа образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

«Культурная революция» в СССР: пропаганда, ликбез и формирование «нового человека»

Аннотация. В статье отражены основные вопросы, касающиеся культурной революции в СССР. Проведенные мероприятия смогли поменять не только духовно-нравственную культуру людей, но и облик страны в целом. Данный процесс позволил перейти от капиталистической системы к социалистической. Цель исследования: анализ культурной революции на различные сферы деятельности человека, определение роли формирования «нового человека» в обществе. Методы исследования: изучение и анализ литературы, статистическая обработка полученных данных. Результаты и выводы исследования: Реализованные изменения нельзя оценивать однозначно, так и в годы революции и после различным сферам деятельности человека был нанесен большой ущерб: эмиграция большого количества ученых, поэтов и т.д., разрушение памятников архитектуры. Среди успехов, достигнутых в рамках культурной революции, можно выделить следующие: повышение грамотности населения, создание единой образовательной системы, расцвет науки и культуры.

Ключевые слова: культурная революция, СССР, пропаганда, ликбез, новый человек.

* © Макарова Д.Д., Иванова Д.Е., Иванов К.С., Иванова А.С., 2026.

Makarova D.D.
Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanova D.E.
Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanov K.S.
Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Ivanova A.S.
Master's student, School of Education at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

The "Cultural Revolution" in the USSR: propaganda, literacy campaigns, and the formation of the "new man"

Abstract. The article reflects the main issues related to the cultural revolution in the USSR. The events were able to change not only the spiritual and moral culture of the people, but also the appearance of the country as a whole. This process made it possible to move from a capitalist system to a socialist one. The purpose of the research is to analyze the cultural revolution in various fields of human activity, to determine the role of the formation of a "new man" in society. Research methods: study and analysis of literature, statistical processing of the data obtained. The results and conclusions of the study: The implemented changes cannot be assessed unambiguously, as during the years of the revolution and after, great damage was done to various spheres of human activity: the emigration of a large number of scientists, poets, etc., the destruction of architectural monuments. Among the achievements achieved within the framework of the cultural revolution, the following can be distinguished: improving the literacy of the population, creating a unified educational system, and the flourishing of science and culture.

Key words: cultural revolution, USSR, propaganda, educational program, new man.

Введение

Проведение «культурной революции» в СССР оказалось очень сложным и противоречивым процессом со всех сторон. Наиболее жестких изменений постигли культурные ценности: произошла ликвидация свободы печати, изменилось театральное, издательское дела, кинопроизводство. Это время можно описать как «революционный бум», побудивший людей

на новые достижения и творческие эксперименты.

Первоначально термин «культурная революция» был употреблен В.И. Лениным в работе «О кооперации» в 1923 году. Под культурной революцией он понимал «процесс распространения грамотности и развития массовой просветительской работы среди сельского населения» [Фролов, Аксенов, с. 221]. Процесс культурной революции включал в себя активное использование пропаганды, снижение уровня неграмотности и формирование образа «нового человека.

Среди целей реализации культурной революции были обозначены следующие:

- развитие марксистко-ленинской идеологии;
- создание основ для социалистической культуры;
- ликвидация религиозной системы;
- формирование нового социального слоя и т.д.

Культурная революция реализовывалась следующими органами:

- Агитпроп;
- Наркомпросс;
- Главполитпросвет;
- Отделы народного образования Советов и т.д.

Среди основных тем советской пропаганды выделяли следующие:

- величие социалистического строя;
- образ «героя труда» и «нового человека» (труды В.И. Ленина, А.В. Луначарского, Л.Д. Троцкого);
- необходимость искоренения врагов народа;
- мировая революция и интернационализм.

Среди методов пропаганды историки выделяют следующие:

- создание культовых фигур и героев;
- использование символов и лозунгов;
- массовые парады, мероприятия и демонстрации.

Благодаря советской пропаганде через СМИ, кино, литературу, плакаты и радио, у людей формировалось устойчивое общественное мнение, а также происходил процесс укрепления власти. Среди людей распространялись идеи социализма, интернационализма и борьбы за светлое будущее.

Печать и радио были основным способом пропаганды культурной революции в то время. Так была введена многотиражная печать: газеты «Правда», «Известие», «Труд» и т.д. В 1922 году начало работу главное управление по делам литературы, контролирующее ввоз книг и журналов из-за границы, цензуру, деятельность библиотек и т.д.

Ключевое место в культурной революции занимали СМИ: печать и радио. Впервые в стране была введена система многотиражной печати (выходят в производственных и учебных коллективах, отражающие их

трудовую деятельность): партийные, военные, молодежные, женские, детские издательства. Главными газетами считались «Правда», «Известия», «Труд», «Гудок». Также издавались газеты для деревенского и городского пролетариата, различные отраслевые издания, а также большое количество журналов.

В 1922 году было разработано Главное управление по делам литературы и издательств - Главлит. Данное управление контролировало ввоз книг и журналов из-за границы, осуществлял цензуру всех печатных изданий, деятельность библиотек, типографий и книжных магазинов. С 1924 г. в жизнь людей были внедрены радиопередачи: выступления партийных лидеров, трансляции парадов, просветительские и литературно-музыкальные передачи.

Рассмотрим подробнее сферы жизнедеятельности человека, которых коснулась культурная революция. В первую очередь реформы начались в сфере образования:

- ликвидация классической системы учебных заведений;
- бесплатное всенародное образование и просвещение;
- появление «социалистической интеллигенции»;
- проведение массовых курсов и школ для взрослых;
- внедрение обязательного обучения в школах.

В 1920 году была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности во главе с А. Луначарским. Сначала обучались красноармейцы, призывники, члены профсоюзов, комсомольцы. Для мотивации взрослых к обучению, был введен сокращенный рабочий день с сохранением заработной платы. В деревнях вводились так называемые «избы-читальни» - клубные учреждения, центры культурно-просветительской работы в деревнях и селах.

Так, по итогам культурной революции к 1939 году вырос уровень грамотности (обучены грамоте 40 млн. человек, по стране грамотность достигла 81%), что способствовало распространению советской идеологии и подготовке кадров для индустриализации. Также «к концу второй пятилетки было введено всеобщее начальное образование, а с 1938 г. стало обязательным изучение русского языка, с 1940 г. - преподавание иностранных языков в средней школе стало обязательным. В период с 1918 по 1928 гг. было подготовлено около 340 тысяч специалистов с высшим образование и почти 200 тысяч со средним специальным» [Бухарин, с. 368].

Для формирования нового социального слоя населения были введены следующие учреждения: Коммунистический университет, Коммунистическая академия, Истпарт, Институт красной профессуры.

Вместе с этим проводились следующие репрессивные меры:

- операция «Философский пароход», в рамках которого более 200 чело-

век российской культуры и науки были высланы из страны;

- вытеснение буржуазных специальностей: операции «Шахтинское дело», «Академическое дело», «Дело Промпартии»;

- создание «шарашек», состоящих из заключенных, которые занимались конструкторскими и научно-исследовательскими работами.

Революция в области литературы и кинематографа проводилась такими лидерами партийно-государственного руководства, как: А.В. Луначарский, А.К. Воронский, Л.Д. Троцкий и т.д. В этот период лидеры выступали за сохранение унаследованных культурных ценностей при условии их идеологически-критического усвоения и против создания пролетарской культуры, не имеющей связи с традицией.

В начале 30-х гг. прошлого века были ликвидированы почти все объединения в сфере искусства. Для каждой сферы искусства были разработаны всесоюзные и творческие союзы:

- Союз художников СССР (1931);
- Союз советских архитекторов (1932);
- Союз композиторов СССР (1932);
- Союз писателей СССР (1934);
- Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК (1936).

В рамках I всесоюзного съезда писателей (1934 г.) основным направлением работы был объявлен социалистический реализм. Также в рамках съезда было завершено создание Союза писателей СССР (председатель

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Комитет по делам искусств при СНК Союза ССР

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ

О назначении тов. КЕРЖЕНЦЕВА П. М. председателем Всесоюзного Комитета по делам искусств

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНК СОЮЗА ССР

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

ИСКУССТВО ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

Рис. 1. Постановление ЦИК и СНК о создании Всесоюзного комитета по делам искусств с фото первого его председателя П.М. Керженцева. Газета «Советское искусство» № 4 от 22 января 1936 г.

- М. Горький). Среди наиболее известных произведений того периода можно выделить следующие: М.А. Шолохов «Тихий Дон»; Ф.В. Гладков «Энергия», А.Н. Толстой «Петр Первый» и т.д. К запрещенным поэтам, чьи требования не соответствовали реалиям соцреализма, относили следующих: А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, М.А. Булгаков, А.П. Платонов и др.

Влияние кинематографа на сознание людей было неоценимо, поэтому партийно-государственное руководство часто предлагало темы для новых фильмов и сценариев. Благодаря культурной революции в 1938 г. был открыт Всесоюзный Государственный институт кинематографии. В 1936 г. открыты специализированные студии «Союздетфильм» и «Союзмультфильм». В 1930-е годы появились фильмы, прославляющие советскую действительность, героические подвиги рабочих и крестьян, а также достижения индустриализации. Особое место занимали фильмы, созданные под руководством таких режиссёров, как С. Эйзенштейн и Д. Вертов, которые использовали новые художественные методы для усиления идеологического воздействия.

Религия также стала одним из аспектов проводимой культурной революции. Так как большевики считали ее главным конкурентом в борьбе за мировоззрение. Церкви закрывались, разрушались, имущество храмов и монастрыей конфисковывалось, происходили гонения, аресты и убийства священнослужителей и монахов. Было введено понятие «новомученики» - люди, которые были репрессированы в годы советской власти и затем при-

Рис. 2. Изъятые церковных ценностей.

числены к лику святых. За годы культурной революции было организовано более 200 судебных процессов, более 700 человек оказались на скамье подсудимых.

Так, в 1931 г. был разрушен Храм Христа Спасителя (г. Москва) и в 1936 г. - Казанский собор (г. Москва). С церквей снимались колокола, в 1932 г. была объявлена «безбожная пятилетка», целью которой стало упрощение всех церквей и других религиозных сооружений.

Заключение

Таким образом, все реформы, проводимые в рамках культурной революции должны привести к созданию Нового советского человека, обладающего следующими качествами:

- самоотверженный, образованный, здоровый, мускулистый;
- несущий через всю свою деятельность идеи большевизма и марксизма-ленинизма;
- им должно управлять убеждение, требующее отказа от врожденной личности и бессознательного;
- «бескорыстный коллективизм», пожертвовать жизнью ради других и благого дела.

Проведение культурной революции значительно изменило облик СССР. Реализованные изменения нельзя оценивать однозначно, так и в годы революции и после различным сферам деятельности человека был нанесен большой ущерб: эмиграция большого количества ученых, поэтов и т.д., разрушение памятников архитектуры. Среди успехов, достигнутых в рамках культурной революции, можно выделить следующие: повышение грамотности населения, создание единой образовательной системы, расцвет науки и культуры.

Библиографический список:

1. Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции: Н.И. Избранные произведения. Москва: Политиздат, 1988. 410 с.
2. Борисов Ю.С., Ермаков В.Т., Фомин А.И. Советская культура в реконструктивный период 1928-1941. – Москва: Наука, 1988. 129 с.
3. Голбин А.Ю. «Культурная революция»: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928-1941 гг. ВЕСТНИК РГГУ. 2018. С. 27-36.
4. Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. – Москва: Мысль, 1968. 150 с.
5. Ким М.П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР. – Москва: Наука, 1967. 470 с.
6. Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. – М.: 1970. Т. 45. С. 370-371.
7. Молостова Е.С. Модели «Нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 168-174.
8. Саннаева А.С. Культурная революция в СССР // Молодой ученый. 2020. №6. С. 160-162.
9. Сабирова З.Р. Некоторые аспекты проведения «Культурной революции» в советской России: региональный опыт // Вестник ЧелГУ. 2015. № 16. С. 1-10.
10. Фролов А.А., Аксёнов С.И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019.

№ 1. С. 220-224.
11. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31-40.
12. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.
13. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Reference

1. Bukharin N.I. Leninism and the problem of the Cultural Revolution: N.I. Selected works. – Moscow: Politizdat, 1988. 410 p.
2. Borisov Yu.S., Ermakov V.T., Fomin A.I. Soviet culture in the reconstructive period 1928-1941. – Moscow: Nauka, 1988. p.129.
3. Golbin A.Y. "Cultural Revolution": the formation of the system of parks of culture and recreation in the USSR 1928-1941. BULLETIN of the Russian State University of Fine Arts. 2018. P. 27-36.
4.Ermakov V.T. The historical experience of the cultural revolution in the USSR. – Moscow: Mysl, 1968. 150 p.
5. Kim M.P. On the essence of the cultural revolution and the stages of its implementation in the USSR. – Moscow: Nauka Publ., 1967. 470 p.
6. Lenin V. I. On cooperation // V. I. Lenin. Complete collection of works: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1970. Vol. 45. P. 370-371.
7.Molostova E.S. Models of the "New Man" in the Soviet period: approaches to transhumanism // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2014. № 9 (180). P. 168-174.
8. Sannaeva A.S. The cultural Revolution in the USSR // Young Scientist. 2020. № 6. P. 160-162.
9. Sabirova Z.R. Some aspects of the "Cultural Revolution" in Soviet Russia: regional experience // Bulletin of ChelSU. 2015. № 16. P. 1-10.
10. Frolov A.A., Aksenov S.I. "Cultural Revolution" in the USSR: ideology, practice, results (1920-1930s) // Revolution and evolution: models of development in science, culture, society. 2019. № 1. P. 220-224.
11. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31-40.
12. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.
13. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Кальченко П.Д.

Аспирант кафедры истории. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск.

Газеты «Новая жизнь» и «Утро», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.), как фактор идеологического влияния на детей и их семьи*

Аннотация. В статье анализируются архивные материалы, взятые из газет «Новая жизнь» и «Утро», издаваемых в период немецко-фашистской оккупации на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.), в качестве фактора идеологического влияния на детей и их семьи. Уделяется особое внимание распространению данных газет среди местного населения, которые зачастую отражали будущий крах советских войск и успешное наступление немецкой армии и их союзников. Кроме того, в статьях газет активно пропагандировалась помощь оккупационным властям, необходимость постановки граждан на биржу труда, после чего они были обязаны отправиться на работу в Германию. В заключительной части статьи делается вывод о том, что местное население (включая детей) стало жертвой немецко-фашистской пропаганды, направленной на манипуляцию групповым сознанием и поведением людей.

Ключевые слова: Ворошиловградская область, немецко-фашистская оккупация, пропаганда, дети и их семьи, местное население, идеологическое влияние.

Kalchenko P.D.

Postgraduate Student, Department of History. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. Dahl Luhansk State University", Luhansk.

Newspapers "Novaya zhizn" and "Utro", published during the period of the german-fascist occupation in the territory of the Voroshilovgrad region (1942-1943), as a factor of ideological influence on children and their families

* © Кальченко П.Д., 2026.

Abstract. The article analyzes archival materials taken from the newspapers "Novaya Zhizn" and "Utro", which were published during the German-fascist occupation of the Voroshilovgrad region (1942-1943), as a factor of ideological influence on children and their families. Special attention is paid to the distribution of these newspapers among the local population, which often reflected the future collapse of the Soviet forces and the successful advance of the German army and its allies. In addition, newspaper articles actively promoted assistance to the occupation authorities and the need for citizens to register with the labor exchange, after which they were required to go to work in Germany. The final part of the article concludes that the local population (including children) became victims of German- fascist propaganda aimed at manipulating group consciousness and people's behavior.

Key words: Voroshilovgrad region, German-fascist occupation, propaganda, children and their families, local population, ideological influence.

Ворошиловградская область в военный период длительное время находилась под оккупацией немцев и их союзников (с июля 1942 по сентябрь 1943 гг.), в результате чего на этой территории была сформирована устойчивая оккупационная власть, которую, по замыслу Й. Геббельса, следовало закрепить активной немецкой пропагандой [1]. С этой целью на территории Ворошиловградской области существовало тиражирование газет «Новая жизнь» [2. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24.] и Утро» [3. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 2], издаваемых на украинском языке. В связи с этим представляется чрезвычайно важным изучить содержание материалов статей газет «Новая жизнь» и «Утро», издаваемых в период немецко-фашисткой оккупации на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.), в качестве фактора идеологического влияния на детей, их семьи (местное население), проанализировать полученные при этом результаты, что стало предметом исследования.

Необходимо отметить, что содержание газет включало в себя серию статей, посвященных следующим основным положениям: благодарности немецкому руководству и их союзникам за освобождение от гнета советских властей; необходимости вступления в ряды добровольцев для оказания помощи оккупационным войскам в освобождении всей территории Советского Союза от большевиков; обязанности местного населения регистрироваться на бирже труда с целью дальнейшей отправки людей на работу в Германию; объяснений целесообразности хода ведения войны немецкими войсками и их союзниками; активизации пропаганды, связанной с успешным ведением немецкими войсками и их союзниками наступательных операций и, как следствие, недопущении у местных граждан сомнений в гегемонии немецко-фашистских захватчиков; воспитании местного населения (включая детей) в духе покорности ко всему немецко-

му (через призму вопроса об обучении детей, проведению религиозных богослужений для местного населения и проведению различных культурных мероприятий).

В качестве образцов материалов из статей газет «Новая жизнь» и «Утро», можно привести рисунки 1 [2. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24. Л. 37] и 2 [3. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 2. Л. 4], в которых изображены попытки воспитания у местного населения чувства покорности и благодарности в отношении А. Гитлера, а также объяснению главной цели большевиков, от которых их намеренно стремилось освободить немецкое войско и их союзнические силы – это мировая революция и тирания.

Нове Життя

УКРАЇНСЬКИЙ ЧАСОПИС МІСТА ТА СЕЛА

Видавництво Первомайського окружного часопису „Нове Життя". Редакція залишає за собою право виправляти рукописи. Невикористані рукописи не повертаються.

Рік II. Первомайськ. Вівторок, 3 серпня 1943 р. Ч. 36 (76).

ДЯКУЄМО ФЮРЕРУ ЗА ВИЗВОЛЕННЯ НАС!
ХАЙ ЖИВЕ НЕПЕРЕМОЖНА НІМЕЦЬКА АРМІЯ!

Два роки плодотворної праці

22 червня 1941 року німецька армія перейшла кордони совєтського союзу. Німецькі війська з блискавичною швидкістю займали все нові міста і села, неупинно рухаючись вперед, на схід. В кожному місті, в кожному селі, куди тільки вступало німецьке військо, було радо зустрінуте українським народом. І той день, коли в те село чи місто вступило німецьке військо, населення радісно зустрічає, як велике свято.

Сьогодні, 3 серпня, м. Первомайськ відзначає славну дату в історії свого існування. Два роки тому Первомайськ був звільнений від більшовицької влади. З першого ж дня трудящі Первомайська енергійно взялися за творення нового життя, почали будувати краще майбутнє. І цих 2 роки пройшли не даремно, вони дали прекрасні плоди плодотворної праці. Надто зруйноване місто військовими діями з кожним днем набирає все більш культурного вигляду, чітко працює відбудована промисловість: лісопильний завод, миловарний завод, машинотракторні станції, будівельна контора, ткацька фабрика, молокозавод, олійзавод і інш. Сільське господарство швидкими темпами йде вперед, завойовуючи все нові успіхи.

Декларація Німецького Уряду про приватну власність селян на землю, проголошена Райхсміністром п. А. Розенбергом 3. VI. 43 року, дала новий поштовх вперед. Тепер селянин вільно працює на своїй землі, яку йому дала німецька влада.

І от, працюючи на своїй землі, селянство нашого району й повіту завоювало високий урожай. Тепер на ланах відбувається напружена робота. Селянство від зорі до зорі працює на збиранні дорідного урожаю. Виконуючи своє завдання чесно і відважно трудиться для перемоги на фронті-громадське господарство „Грюнланд". (І частина міста), повністю закінчило збирання врожаю. Увесь скошений хліб зв'язаний і складений в копа, ретельно підтрелбано колосся. Старости цього господарства п. Сумейко організував роботу в господарстві так, що всі роботи виконуються заздалегідь раніше всіх. Отже цілком заслужено він за швидке закінчення жнив одержав подяку від „Гебітскомісара.

Відзначаючи двохріччя з дня звільнення Первомайська, ми повинні ще більше напружити свої сили в боротьбі за краще майбутнє нашого народу. Надягаючи подяжок за наше визволення повинна бути праця, особливо тепер, на жнивах.

Населення м. Первомайська під керівництвом пана Гебітскомісара і такого енергійного голови міста, як пан Крейн добється ще кращих успіхів в усіх галузях господарства.

„Наші противники можуть провадити війну так довго, доки вони в стані її вести. Те, що ми можемо робити, щоб їх громити, ми будемо робити. Щоб вони коли нас побили, це—неможливо і виключене. Націонал-соціалістична Німеччина і запризнені з нею держави, як молоді нації, добудуть славну перемогу!"

(А. ГІТЛЕР.)

„Ціль більшовизму—світова жидівська революція, яке ми хочемо зовсім розбити їхні надії, ми хочемо раз і назавжди знищити небезпеку жидо-більшовицької тиранії. І Німеччина, без сумніву, зро-

Град бомб на совєтський транспорт

Рисунок 1. Образец статей газет «Новая жизнь», издаваемых в г. Первомайске, Ворошиловградской области. Август 1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.

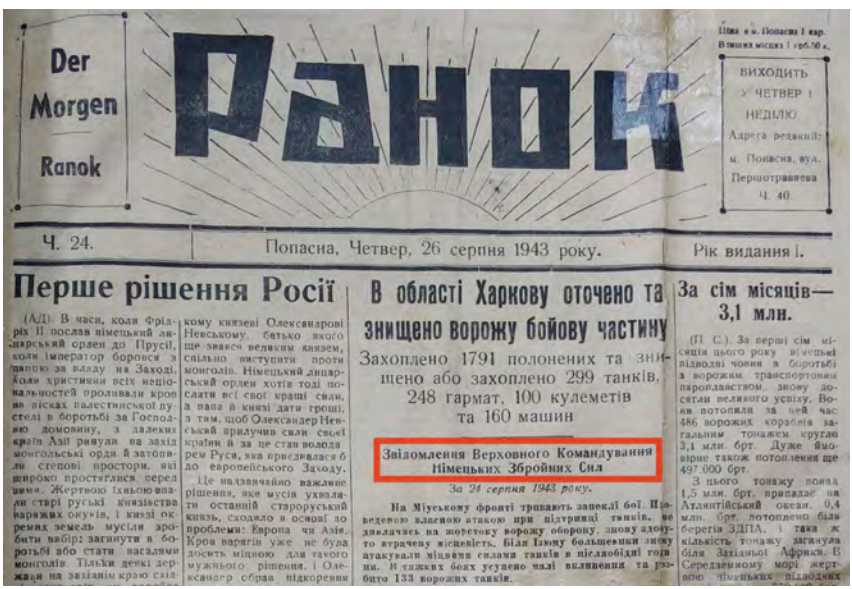
Помимо прочего, немецкое командование стремилось наглядно изобразить перед местным населением успехи на фронте, с целью недопущения сомнений в итоговой победе немецко-фашистских войск (см. рисунок 2).

Весьма интересным представлялся вопрос, связанный с формированием добровольческого корпуса, призванного оказывать активное военное содействие немецким войскам и их союзникам в борьбе против большевиков (см. рисунок 3). Так, в частности, по состоянию на 26 августа 1943 г. на базе Галицкой дивизии было сформировано порядка 800 человек. За верную службу немецкому народу и их союзникам, добровольцам обещали денежное довольствие, в том числе обеспечивали необходимыми продуктами питания [3. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Активное содействие добровольцам оказывали и некоторые учителя с детьми, их родители. Из материалов газеты «Новая жизнь» известно, что зачастую такая помощь ограничивалась подарками на фронт от Пологовской СШ № 1 и СШ № 75. При этом особое внимание было уделено сбору на зимние вещи для добровольцев [2. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24. Л. 18].

Из детских воспоминаний ученицы Первомайской СШ № 43

Зайцевой Алины и Зуева Саши следует, что дети жили в страхе и ужасе



Der Morgen Ranok

Ранок

Ч. 24. Попасна, Четвер, 26 серпня 1943 року. Рік видання І.

ВИХОДИТЬ У ЧЕТВЕР І НЕДІЛЮ

Перше рішення Росії

В області Харкову оточено та знищено ворожу бойову частину

Захоплено 1791 полонених та знищено або захоплено 299 танків, 248 гармат, 100 кулеметів та 160 машин

Звідомлення Верховного Командування Німецьких Збройних Сил

За 24 серпня 1943 року.

За сім місяців— 3,1 млн.

Рисунок 2. Обращение Верховного Командования Немецких Вооруженных Сил в образце статьи газеты «Утро», издаваемой в г. Попасная, Ворошиловградской области. Август 1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

У вишколенні добровольців покладається велику вагу на стріляння. Німецькі досвідчені інструктори вводять наших добровольців у тайни штуки стріляння.

Рисунок 3. Обучение украинских добровольцев немецкими инструкторами в образце статьи газеты «Утро», издаваемой в г. Попасная, Ворошиловградской области. Август 1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

в период немецко-фашисткой оккупации. Большинство местных граждан были вынуждены скрываться от оккупационных властей, поскольку их гнали на биржу труда, откуда потом забирали в Германию. Большинство людей умирали от голода, нехватки медицинских препаратов, часть из них была расстреляна по подозрению в содействии Красной армии. Некоторые дети посещали школу, где их обучали арифметике, пению, немецкому и украинскому языках. Учителя старались воспитывать детей в духе покорности ко всему немецкому. За малейшую провинность детей били [4. Ф. Р-1748. Оп. 2. Д. 19. Л. 18].

Саша Зуев писал, что вместо учебников зачастую использовали статьи из газет «Жизнь» и «Утро». Меньшая часть людей верила немецкой пропаганде, другая, ожидала скорейшего возвращения советских войск. Оккупанты предпринимали попытки воздействовать на местное население и с помощью религиозного фактора (через священнослужителей). Поощряли культурные мероприятия (пение, танцы). При этом страшно жилось при немцах [4. Ф. Р-1748. Оп. 2. Д. 19. Л. 32].

Всего с территории Украинской СССР под гнетом активной немецко-фашисткой пропаганды было угнано 2 млн. 102 тыс. 234 чел., из них вернулись обратно 1 млн. 114 тыс. 132 чел. Количество вернувшихся при этом детей (в т.ч. подростков) 127 тыс. 082 чел. в возрасте 15–18 лет [5, с. 73].

Таким образом, изложенное позволяет сделать общий вывод о том, что немецко-фашистская пропаганда должна была обеспечить постепенное «освоение» захваченной немецкими войсками и их союзниками территории Советского Союза, а равно создать надежный внутренний фундамент для устройства на ней управления. Ее результатом стало вовлечение многих людей в экономическую и политическую жизнь нацисткой Германии. К сожалению, заложниками немецко-фашисткой пропаганды стали и дети, их семьи, местное население, обремененное всеми тяготами и лишениями, обусловленными войной.

Библиографический список:

1. Клим М. Пропаганда Геббельса: сайт Литрес. // URL: https://www.litres.ru/book/maksim-klim/propaganda-gebbelsa-paul-yozef-gebbels-biografiya-foto-lichnay-28721629/ (Дата обращения: 17.12.2025).
2. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755. (Газеты «Новая жизнь» издаваемые в период временной оккупации Ворошиловградской области в г. Первомайске (окт. 1942 г.-сент. 1943 г.)). Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24. Л. 18, 37.
3. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Утро» издаваемые в период временной оккупации Ворошиловградской области в г. Попасная (июнь – авг. 1943 г.)). Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5.
4. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1748 (Письменные работы-воспоминания учащихся Первомайской средней школы и Ореховской, Попаснянской № 43 и Сокологоровской неполных средних школ Попаснянского района Ворошиловградской области о пребывании в немецко-фашисткой оккупации в период Великой Отечественной войны (19 января 1944 г. – 26 ноября 1945 г.)). Оп. 2. Д. 19. Л. 32.
5. Максимов К.Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы ВОВ: сайт Киберленинка. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/repatriatsiya-sovetskih-grazhdan-ugnannyh-fashistami-v-rabstvo-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (Дата обращения: 17.12.2025).
6. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

Reference

1. Klim M. Goebbels' Propaganda: Litres website. // URL: https://www.litres.ru/book/maksim-klim/propaganda-gebbelsa-paul-yozef-gebbels-biografiya-foto-lichnay-28721629/ (17.12.2025).
2. LPR Archival Service. F. R-1755. (Newspapers "Novaya Zhizn" published during the temporary occupation of the Voroshilovgrad region in the city of Pervomaysk (October 1942 - September 1943)). F. R-1755. Op. 1. D. 24. L. 18, 37.
3. LPR Archival Service. F. R-1755 (The "Utro" newspaper, published during the temporary occupation of the Voroshilovgrad region in the town of Popasnaya (June – August 1943)). Op. 1. D. 2. L. 4, 5.
4. LPR Archival Service. F. R-1748 (Written memoirs of students of the Pervomayskaya Secondary School and the Orekhovskaya, Popasnyanskaya No. 43, and Sokologorovskaya Junior Secondary Schools of the Popasnyansky District of the Voroshilovgrad Region about their experience under Nazi occupation during the Great Patriotic War (January 19, 1944 – November 26, 1945)). Op. 2. D. 19. L. 32.
5. Maksimov, K.N. Repatriation of Soviet citizens taken into slavery by the Nazis during the Great Patriotic War: Cyberleninka website. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/repatriatsiya-sovetskih-grazhdan-ugnannyh-fashistami-v-rabstvo-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (17.12.2025).
6. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Карелина Н.Н.
Старший преподаватель кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Михеева Е.С.
Студентка, направление подготовки «Конструирование изделий легкой промышленности», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Васющенкова Т.С.
Доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Миляева А.К.
Старший преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Миронова Е.А.
Преподаватель, Международный технологический колледж Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ).

Женщины в спорте в СССР: исторические основы физической активности женщин*

Аннотация. Актуальность темы исследования «Женщины в спорте в СССР: исторические основы физической активности женщин» обусловлена значительным вкладом женщин-спортсменок в развитие спортивной и физической культуры исторического периода времён Советского Союза, а также недостаточной изученностью их роли в историческом и социальном контексте. Цель исследования – выявить основные достижения женщин-спортсменок, определить влияние их деятельности на формирование гендерных ролей и общественного мнения в Советском Союзе. В данной статье проведено исследование о женщинах-спортсменках в Советском Союзе, изучено их участие в большом спорте, персональные достижения и влияние их спортивной деятельности на общество в определённый исторический период. В работе уделяется внимание участию женщин в Олимпийских Играх, жен-

* © Карелина Н.Н., Михеева Е.С., Васющенкова Т.С., Миляева А.К., Миронова Е.А., 2026.

щинам-тренерам, созданию специализированных спортивных школ для девочек, спортивной одежде для женщин в советском союзе. Обращается внимание на развитие научно-теоретической базы женского спорта. Рассматривается вопрос проблем и препятствий в спорте, с которыми сталкивались женщины в изучаемый отрезок времени. В работе применялся метод научного исследования – тематический анализ научно-методологической литературы. В результате проведённого теоретического исследования сделан вывод, что достигнутые в советское время результаты свидетельствуют о необходимости продолжения работы в данном направлении. Важно не только учитывать исторический опыт, но и постоянно совершенствовать его, учитывая изменения в обществе и новые вызовы. Развитие женского спорта – это не только вопрос спортивной и социальной справедливости, но и важный фактор формирования гармоничного, прогрессивного и здорового общества.

Ключевые слова: виды спорта, женщины-спортсменки, идеология, история, общество, равноправие, Советский Союз, социум, спорт, спортивные школы, СССР, общество, Олимпийские Игры, физическая культура, физкультурница.

Karelina N.N.
Senior Lecturer at the Department of Physical Education, The Kosygin State University of Russia.

Mikheeva E.S.
Student, direction of training "Design of light industry products", The Kosygin State University of Russia.

Vasiushcenkova T.S.
Associate Professor of the Department of Physical Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Milyaeva A.K.
Senior Lecturer at the Department of Social and Educational Psychology, State University of Education.

Mironova E.A.
Lecturer, International College of Technology, BIOTECH University.

Women in sports in the USSR: historical foundations of women's physical activity

Abstract. The relevance of the research topic "Women in Sports in the USSR: Historical Foundations of Women's Physical Activity" is due to the significant contribution

of female athletes to the development of sports and physical culture during the historical period of the Soviet Union, as well as the lack of research on their role in the historical and social context. The purpose of this study is to identify the main achievements of female athletes and determine the impact of their activities on the formation of gender roles and public opinion in the Soviet Union. This article provides a study on female athletes in the Soviet Union, exploring their participation in high-level sports, their personal achievements, and the impact of their sports activities on society during a specific historical period. The work focuses on women's participation in the Olympic Games, female coaches, the establishment of specialized sports schools for girls, and women's sportswear in the Soviet Union. Attention is drawn to the development of the scientific and theoretical basis of women's sports. The article examines the problems and obstacles faced by women in sports during the period under study. The research method used was a thematic analysis of scientific and methodological literature. The study concluded that the achievements made during the Soviet era indicate the need to continue working in this area. It is important not only to consider historical experience, but also to continuously improve it, taking into account changes in society and new challenges. The development of women's sports is not only a matter of sports and social justice, but also an important factor in shaping a harmonious, progressive, and healthy society.

Key words: sports, female athletes, ideology, history, society, equality, Soviet Union, society, sports, sports schools, USSR, society, Olympic Games, physical culture, female athlete.

Актуализация темы «Женщины в спорте в СССР» обусловлена значительным вкладом женщин-спортсменок в развитие спортивной и физической культуры исторического периода времён Советского Союза, а также недостаточной изученностью их роли в историческом и социальном контексте.

В середине 1930-х годов Конституция СССР провозгласила решение задачи исторической значимости - обеспечить равноправие женщин. Статья 122 дала гарантии: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной государственной и общественно-политической жизни» [16, С. 239]. В условиях советской идеологии, которая провозглашала равенство полов и поддерживала участие женщин в различных сферах общественной жизни, спорт стал одним из важных инструментов реализации гендерных стратегий. Однако, несмотря на очевидные достижения и активное участие женщин в спортивных соревнованиях, их вклад зачастую оставался недооцененным, а вопросы, связанные с гендерными аспектами спортивной деятельности, недостаточно освещались в научной литературе.

В социуме, где женщины занимаются деятельностью, которая изначально считалась исключительно мужской, такой как спорт, изучение вопросов, связанных с феминизацией спорта, будут актуальны продолжитель-

ный период, считают исследователи [5, С. 22].

Феминизацию спорта ознаменовали успехи и достижения женщин-спортсменок на Олимпийских Играх. Женщины-спортсменки на Олимпийских играх привлекали особое внимание, демонстрируя как высокий уровень спортивных достижений, так и морально-волевые духовные личностные качества, преодолевая многочисленные социальные барьеры, связанные с гендерными стереотипами. Победы и достижения женщин на крупных мировых соревнованиях, таких как Олимпийские Игры, имели существенное значение в истории спортивного движения и способствовали расширению правовых возможностей для женщин и изменению общественного восприятия их роли в обществе.

Исторически к участию в Олимпийских играх женщины-спортсменки были допущены в 1900 г, на вторых Играх [1]. С тех пор женский спорт постепенно развивался, и количество дисциплин, в которых выступали женщины, увеличивалось. Важным этапом стало введение женских соревнований в таких видах, как легкая атлетика, плавание, гимнастика и фехтование. Несмотря на прогресс, на протяжении долгого времени женские соревнования оставались менее престижными и менее финансируемыми по сравнению с мужскими.

Союз советских Социалистических Республик включился в Олимпийское движение в 1951 году, а в 1952-ом спортсмены СССР приняли участие в XV ОИ. Олимпийскими чемпионками тогда стали Н. Бочарова, М. Гороховская (гимнастика), Г. Зыбина, Н. Ромашкова (лёгкая атлетика) [15, С. 271-272].

За всю историю советского спорта Олимпийскими чемпионками стали:

– волейбол: Л.С. Булдакова, Т.Э. Вейнберга, В.А. Виноградова, В.И. Галушка, В.С. Лантратова, Г.А. Леонтьева, Л.Н. Михайловская, Т.П. Поняева, И.В. Рыскаль, Р.Г. Салихова, Т.Ф. Сарычева, Н.Н. Смолеева;

– гимнастика: П.Г. Астахова, Н.А. Бочарова, Л.В. Бурда, Е.В. Волчецкая, З.Б. Воронина, М.К. Гороховская, Л.П. Громова, П.А., Данилова, Л.Б. Егорова, М.Н. Джугели, Т.А. Замотайлова, Л.Г. Иванова, Е.И. Калиничук, О.Д. Карасева, Н.А. Кучинская, Л.С. Латынина, Т.И. Манина, Г.Я Минаичева, С.И. Муратова, М.Н. Николаева, Л.И. Турищева, Л.Л. Петрик, Г.Н. Урбанович, Г.Я. Шамрай;

Гребля на байдарках и каноэ: Е.Г. Дементьева, Л.И. Пинаева, А.А. Середина, М.Т. Шубина;

– лёгкая атлетика: Г.И. Зыбина, В.С. Крепкина, Л.И. Лысенко, Э.А. Озолина, Н.А. Пономарёва, И.Н. Пресс, Т.Н. Пресс, Т.А. Тышкевич, И.В. Яунзем;

– плавание: Г.Н. Прозуменщикова;

– фехтование: Г.Е. Горохова, А.И. Забелина, Е.Д. Новикова, В.А. Пруд-

скова, В.К. Растворова, Т.Д. Самусенко, С.М. Чиркова, Л.Н. Шишова;

– лыжный спорт: Л.В. Баранова, К.С. Боярских, М.И. Гусакова, А.П. Колчина, Е.П. Мекшило;

– скоростной бег на коньках: К.И. Нестерова, Л.П. Скобликова, Л.Е. Титова;

– фигурное катание на коньках: Л.Е. Белоусова [15, Приложение].

В Советском Союзе большое внимание уделялось развитию женского спорта, считая его частью политической идеологии и пропаганды советского образа жизни. Женщины-спортсменки СССР достигали высоких результатов в таких дисциплинах, как гимнастика, легкая атлетика, лыжные гонки и биатлон. Спортивные успехи женщин укрепляли международный авторитет страны советов и служили примером для миллионов женщин-соотечественниц, демонстрируя то, что они могут достичь выдающихся результатов в спортивной сфере.

Яркими примерами успехов женщин является выступление советских спортсменок, которые на Олимпиадах с 1950 по 1980-ые годы демонстрировали впечатляющие результаты и завоевывали множество медалей:

Мария Гороховская (гимнастика) на Олимпиаде 1952 года завоевала семь медалей, установив рекорд по количеству наград, выигранных женщиной на одной Олимпиаде. Она выиграла золотые медали в командном многоборье и индивидуальном многоборье.

Лариса Латынина выступала с 1956 по 1964 год на трёх Олимпиадах и завоевала 18 олимпийских медалей, из них 9 золотых, став единственной гимнасткой, выигравшей на трёх Олимпиадах подряд: в Мельбурне (1956), в Риме (1960) и в Токио (1964) и ставшей многократной чемпионкой по спортивной гимнастике.

Полина Астахова принимала участие в Олимпийских играх в 1956, 1960 и 1964 годах и завоевала 10 медалей, заняв второе место после Латыниной по числу наград.

Людмила Турищева выступала на трёх Олимпийских играх и выиграла девять медалей: одну в 1968 году, четыре в 1972 году и четыре в 1976 году.

В лёгкой атлетике выдающиеся результаты продемонстрировала Татьяна Казанкина (1976 г., Монреаль, мировой рекорд на дистанции 800 метров – 1 минута 54,94 секунды; в забеге на 1500 метров завоевала вторую золотую награду Олимпийских игр, пробежав последний круг за 56,9 секунд; 1980 г., Москва, выиграла золото в забеге на 1500 метров, установив очередной олимпийский рекорд).

Среди плеяды легендарных женщин-спортсменок довоенного периода, внесшими значительный вклад в развитие отечественного спорта, в частности, можно назвать Нину Павловну Петрову, Антонину Григорьевну Пенязеву, Любовь Алексеевну Кулакову, Таисию Васильевну Барышникову,

Валентину Андреевну Гладкову (Кусову), Элеонору Наумовну Матвееву (Кисленко). Многим из них не довелось в полной мере осуществить свою мечту – взять желаемые вершины в спорте, завоевать медали Олимпийских Игр, так как их спортивная карьера была прервана суровыми реалиями Великой Отечественной Войны. Н.П. Петрова, Л.А. Кулакова, В.А. Гладкова (Кусова) и Э.Н. Матвеева (Кисленко) получили ордена и высокие звания, но не за достижения в большом спорте, а за заслуги в освобождении Родины от фашистских захватчиков [22].

Хотеться отдельно отдать дань уважения и упомянуть Нелли Алексеевну Корбукову, советскую гребчиху-байдарочницу, выступавшую за сборную СССР в 1980-х годах. Нелли являлась призёром чемпионатов мира, победительницей турнира «Дружба-84», многократной чемпионкой национальных первенств, впоследствии получившей звание профессора и много лет успешно руководившей кафедрой физического воспитания ФГБОУ ВО «Московский государственный университет пищевых производств» до 2019 года.

Их успехи способствовали разрушению стереотипов о слабости и неспособности женщин к высоким спортивным достижениям, стимулировали развитие женского спорта и увеличивали число женщин, занимающихся спортом на профессиональном уровне. Кроме того, победы женщин на Олимпиадах становились символами прогресса и равенства, вдохновляя новые поколения девушек и женщин к активной спортивной деятельности.

Произошло не только появление исключительно женских видов спорта, но и феминизация тех видов спорта, которые изначально считались мужскими, например, феминизация тяжелой атлетики. По мнению специалистов, привлечение женщин в различные виды спорта делает соревнования более разнообразными и зрелищными, а самих женщин более уверенными, и повышает их способность к самореализации [5, С. 17].

Ни одна победа в спорте не обходится без заслуг тренера чемпиона. На этом поприще во времена Советского Союза также трудились женщины, ставши не менее знаменитыми, чем их звёздные воспитанники. Здесь стоит упомянуть такие виды спорта, как:

– фигурное катание: Елена Анатольевна Чайковская (Осипова) – заслуженный тренер СССР (1970). Подготовила олимпийских чемпионов Людмилу Пахомову, Александра Горшкова, Наталью Линичук, Геннадия Карпоносова. На чемпионатах мира ученики Чайковской завоевали 11 золотых медалей: Тамара Николаевна Москвина (в девичестве Братусь) – заслуженный тренер СССР. Под её руководством воспитала олимпийских чемпионов: Елену Валову и Олега Васильева (1984), Наталью Мишкутёнок и Артура Дмитриева (1992) и других [23];

– баскетбол: Лидия Владимировна Алексеева – заслуженный тренер СССР, тренировала сборную женскую баскетбольную команду СССР. С её именем связаны многолетние успехи советского женского баскетбола на международной арене: начиная с 1960 года сборная СССР семнадцать раз подряд выиграла Чемпионат Европы по баскетболу [4];

– синхронное плавание: Зоя Александровна Барбиер – заслуженный тренер РСФСР по синхронному плаванию, первой в стране получила звание заслуженного тренера РСФСР (1983). Подготовила 31 мастера спорта, 6 мастеров спорта международного класса, среди которых Е. Фролова, Е. Грызунова (Советникова), С. Подосинова, Е. Худякова, М. Черняева; Мария Николаевна Максимова – тренер, создала своё особое направление в синхронном плавании, открыла первую в СССР специализацию по синхронному плаванию на кафедре плавания Государственного института физкультуры [19].

Изучив биографии великих спортсменок советского спорта в предвоенный период и в годы войны исследователи верно отметили: «Безусловно, имена этих великих женщин-спортсменок, тренеров золотыми буквами вписаны в историю нашей страны и отечественного спорта. Их жизненный путь и подвиг – это гордость нашего народа, о которых следует помнить» [22].

Кроме достижений на уровне победы в Олимпийских Играх, отмечались и прочие достижения советских женщин в области физкультурно-спортивной деятельности. В журнале «Смена» в номере №121, март 1929 года, была опубликована статья – «Физкультурницы советской страны». В статье говорилось о подготовке «новой женщины – женщины советского времени» средствами физической культуры. В статье приводятся примеры отличной спортивной подготовки женщин, и даже проводится сравнение, в котором женщины выигрывают у мужчин усреднённого уровня в различных видах спорта: «москвичка Шаманова пробегает 100 метров в 12,9 секунды. В беге на лыжах работница фабрики «Большевик» в Москве Г. Чистякова показала достижение - 23 м. 54 сек. на 5 километров. Ленинградка Проскурнина проплыла 1.500 метров в 31 мин. 23 сек. Не все крепкие мужчины, умеющие недурно плавать, рискуют пуститься вплавь через реку или озеро, где расстояние между берегами превышает 1.000 метров. А ведь женщины, показывающие такие достижения, отнюдь не феномены, потерявшие все особенности своего пола и по мышечному развитию приближающиеся к мужчинам. Нет, это здоровые, хорошо тренированные девушки - физкультурницы, добившиеся высоких достижений в результате нескольких лет систематической работы» [21].

Образ советской физкультурницы как образец красоты и здоровья женщины, красовался на плакатах, стендах, открытках. Их красоту отмечали

художники в своих работах.

Александр Дейнека создал плакат «Физкультурница» (Рисунок 1.) и его известный слоган: «Работать, строить и не ныть! Нам к новой жизни путь указан, Атлетом можешь ты не быть, Но физкультурником - обязан!» (1933).

«Девушка в футболке» - картина советского художника Александра Николаевича Самохвалова (1894-1971), завершённая автором в 1932 году (Рисунок 2). В 1937 году картина была отмечена золотой медалью на Международной парижской выставке, где ее назвали «советской Джокондой». С 1933 года «Девушка в футболке» находится в собрании Государственного Русского музея. У центральной фигуры картины был реальный прообраз – учительница-активистка Евгения Петровна Адамова (1907-1977). «Девушка в футболке» - произведение, в котором воплотилось представление об эпохе [3].

Советский фотограф Иван Шагин, работавший в газете «Комсомольская правда», специализировался на фотографии советских женщин и спортсменок, которые в его работах предстают сильными, волевыми, с вы-

Рисунок 1. Александр Дейнека «Физкультурница», 1933. Плакат. Российская государственная библиотека. Москва.

Рисунок 2. Самохвалов А.Н. «Девушка в футболке», 1932. Холст, масло, темпера.

раженным «спортивным» характером (Рисунок 3.) [17].

Спортсменки оказали значительное влияние на культурную сферу, заложив традиции спортивной моды для женщин в СССР. В 1930-е годы, когда в СССР начали формироваться традиции массового спорта, девушки, одетые в смелые для того времени «купальные» костюмы и шорты, доказывая, что спорт и красота могут быть неразрывно связаны. В 1960-х годах появились первые настоящие спортивные костюмы, выполненные из трикотажа. Они были синего и красного цвета с белыми узкими полосками-лампасами или без них. Эти костюмы стали культовыми и начали продаваться во многих магазинах. Ближе к девяностым спортивная мода СССР пополнилась атрибутами аэробики: яркими лосинами, купальниками и гетрами [7; 18].

Некоторые источники рассматривают моду и политику в неразрывной взаимосвязности и сообщают, что спортивная экипировка граждан СССР переживала ряд трудностей. В этой связи правительство Советского Союза произвело искусный манёвр, предложив физкультурникам и физкультурницам раздеться буквально до белья. Такой подход не получил должного одобрения среди женщин: «Женщинам не нравилась новая спортивная одежда из-за ее открытости, а ведь заниматься теперь приходилось перед смешанной аудиторией… Некоторые из тех, кто ходил в гимназию, имели опыт занятий спортом, но те группы делились по гендерному признаку», -

Рисунок 3. Фото: И. Шагин «Молодость». Спортивный парад на Красной площади. 1932 год.

делится историк искусства, исследовательница спортивной моды и истории спортивного дизайна Екатерина Кулиничева. В результате разногласий начали отшивать женскую спортивную форму в виде спортивных маек - «фуфаек без ворота с короткими рукавами, сделанных из трикотажной бумажной ткани» и трусов - «свободных спортивных штанов».

Благодаря одному из первых дизайнерских проектов Дома моделей спортивной одежды на зимней Олимпиаде в 1964 году советским спортсменам произвести фурор на международной арене. В парадную экипировку делегации вошли шубы из редкой золотой нерпы. По некоторым источникам, стоимость такого изделия была соразмерна стоимости трехкомнатной квартиры. Главная героиня той Олимпиады, конькобежка Лидия Скобликова, завоевавшая золото на всех четырех женских дистанциях, рассказывала, что ее олимпийская шуба перешла по наследству дочери, а потом была передана внучке.

Женщинам-физкультурницам СССР можно было оформить подписку на журналы «Мода и спорт» и «Спорт и отдых» и найти там инструкции для самостоятельного создания спортивной экипировки [9].

Практика не возможна без теории, и спортивно-физкультурная деятельность не является исключением. Становление женщин на главные роли в спортивной жизни страны отразилось и на тематике научных исследований. Так в сборниках научных трудов того времени стали появляться темы, связанные с исследованием тренировочного процесса у женщин, физиологических реакциях женщин на физическую нагрузку, морфофункциональных особенностях и развитии физических и психических качеств женщин в физической культуре и спорте. Приведём примеры таких исследований:

– «Изменения гемодинамики у женщин при занятиях ритмической гимнастикой» (В.Н. Артамонов, М.Ю. Ростовцева);

– «Опыт использования ходьбы по лестнице для снижения массы тела молодых женщин» (Ю.И. Курпан) [12];

– «Исследование длительности толчка о мостик у гимнасток различной квалификации» (Н.Ф. Митина, Ю.А. Ипполитов, Б.А. Ипполитов);

– «Исследование соотношения предстартового эмоционального возбуждения и психофизиологических особенностей нервной системы фехтовальщиц» (С.Н. Пимонова);

– «Амортизирующее устройство для обучения гимнасток опорным прыжкам повышенной сложности» (Е.С. Факеев, А.Ф. Родионенко) [20];

– «Восстановление физического качества быстроты под влиянием физических упражнений у женщин среднего возраста» (А.Т. Рубцов);

– «К вопросу о выборе формы занятий физической культурой в зависимости от возрастно-половых особенностей» (З.Л. Кацнельсон) [14];

– «О системе подготовки ведущих женщин-спринтеров к международ-

ным соревнованиям» (Е.И. Рудакова);

– «Подготовка советских горнолыжниц к международным соревнованиям» (В.П. Чередова);

– «Некоторые особенности функционирования состояния периферического кровообращения при выполнении стандартных физических нагрузок у женщин-спортсменок по данным осциллографии» (Г.А. Гончарова);

– «Планирование физической нагрузки в занятиях физической культурой с женщинами среднего и старшего возраста» (Н.В. Трофимов)[11];

– «Некоторые особенности деятельности юных гимнасток-художниц старших разрядов, обусловленные свойствами их темперамента» (Л.П. Кумановская);

– «О зависимости формирования двигательных навыков равновесия от развития физических качеств юных гимнасток» (Г.Н. Пшеничникова);

– «Особенности формирования двигательного навыка в гимнастических прыжках у девочек разного возраста» (Л.Я. Черешнева);

– «Параметрическая модель скоростного бега девочек 11-12 лет» (В.К. Бальсевич, Г.М. Грузных, А.Н. Павлов) и др. [10].

Стоит отметить тот факт, что, к сожалению, исследований, относящихся к тематике женской спортивной подготовки, в сборниках научных трудов в процентном соотношении подавляющее меньшинство (1,4%; 6,2%; 2,6%; 3,4%; 2.5% - в разных сборниках научных конференций), и, даже, их полное отсутствие. Основная часть научных исследований по физкультурно-спортивной тематике основано на изучении мужчин, или же носит гендерно-нейтральный характер.

В 30-е годы в стране начали активно и повсеместно создаваться ДСШ – детские спортивные школы – «Юный динамовец», «Юный спартаковец» и др. В СССР шло становление всесоюзных секций (федераций) по разным видам спорта [22]. Важной вехой в развитии женского спорта в СССР стало создание специализированных спортивных школ для девочек. Такие спортивные школы создавали условия для развития женского спорта, и способствовали всестороннему развитию юных спортсменок. Такой подход позволил не только выявлять талантливых девочек с раннего возраста на и развивать их задатки. Спортивные школы являлись той самой комфортной и творческую и средой, где они могли реализовать свои спортивные амбиции. Например, Общество «Динамо», основанное в 1923 году, сыграло большую роль в развитии женского спорта в стране. В нём были созданы первые женские спортивные коллективы и организовывались соревнования специально для представительниц прекрасного пола. В 1927 году женская команда легкоатлеток «Динамо» выиграла первенство Ленинграда, а затем и соревнования, среди коллективов «Динамо» РСФСР [6].

Создание специализированных спортивных школ для девочек также способствовало повышению уровня профессиональной подготовки тренеров и педагогов, специализирующихся на работе с женским контингентом. В таких учебно-спортивных учреждениях акцент делается на развитие педагогических и методических навыков, что позволяет более эффективно работать со спортсменками, учитывая их индивидуальные особенности и потребности. В контексте исторического развития женского спорта в СССР была создана специализированная инфраструктура, предназначенной для женского спорта. Функционирование специализированных спортивных школ для девочек, очевидно, отразилось на повышение качества тренировочного процесса, его персонализации и целенаправленном воздействии на формирование физических и психофизических качеств юных спортсменок. Это, в свою очередь, отразилось на повышении спортивных результатов и успехов на соревнованиях высокого уровня женщин-спортсменок СССР.

Наличие специализированных учреждений способствовало развитие женских спортивных клубов и команд, и в целом популяризации женского спорта среди молодежи. Создание таких школ способствовало привлечению внимания к проблемам женского спорта и повышению его статуса в обществе.

Кроме профессионального спорта, большое значение имело развитие массовых видов физической активности среди женщин. В СССР проводились различные спортивные мероприятия, утренние зарядки, спортивные праздники и фестивали, что способствовало популяризации спорта среди женщин. Важной составляющей этого процесса было внедрение системы физической культуры в учебные заведения, фабрики и заводы.

Научно-теоретические основы советской системы физического воспитания охватили всё лучшее, что было создано предшественниками. Модификация комплекса ГТО включала пять научно обоснованных и экспериментально проверенных ступеней и была предназначена как для женщин, так и для мужчин. Как утверждал бывший председатель Спорткомитета СССР Н.Н. Романов: «Комплекс ГТО – это замечательная находка, золото физической культуры... ГТО сыграл огромную роль в физическом воспитании нашего народа до введения разрядных нормативов. Разряды стали заманчивой лестницей для молодых людей, которые хотели взойти на Олимп» [8, С. 12].

С 1930 г. физическое воспитание определяется как обязательная дисциплина во всех вузах страны, что способствует созданию кафедр физической культуры и спорта. Вся образовательная деятельность в данной области науки строилась по единым планам государственной системы физического воспитания, а содержание учебных программ определяли

нормативные требования комплекса ГТО I и II ступеней, что создало мощный стимул для занятий физической культурой и спортом, в том числе и для женщин [8, С. 13].

Несмотря на значительные успехи, женский спорт сталкивался с рядом проблем, таких как недостаточное финансирование, ограниченные возможности для профессионального роста и социальное давление. В некоторых регионах сохранялись стереотипы о роли женщин, что мешало развитию женского спорта и ограничивало их участие в международных соревнованиях. Однако благодаря усилиям спортсменок, тренеров и организаций эти барьеры постепенно преодолевались, а женский спорт приобретал все большее признание и уважение.

Одним из примеров таких трудностей явился советский женский атлетизм. Женский атлетизм как спортивная дисциплина способствовал укреплению нормативной феминности в течение 1960-х гг. Однако уже в начале 1970-х ситуация изменилась, и группы женского атлетизма перестали существовать. Произошёл так называемый «кризис» позднесоветской маскулинности. «Выдавливание» советских женщин из атлетизма привело к гипермаскулинизации дисциплины, и привело к ограничению возможностей занятия спортом для женщин. Эпизодическая история советского женского атлетизма показывает, что в 1960-е гг. границы «допустимого» в спорте для женщин расширились, но в конце 1960-х гг. эта практика перестала быть допустимой. Это связывают с общим курсом государства на признание любых силовых активностей как мужских в рамках дискуссий о гендерной проблематики [13].

Одним из основных препятствий было ограниченное финансирование женского спорта по сравнению с мужским. В условиях плановой экономики и приоритетов государства на развитие мужских видов спорта женские спортивные программы зачастую получали меньшие ресурсы, что сказывалось на качестве подготовки спортсменок, наличии современных тренировочных баз и необходимого инвентаря. Это создавало дополнительные трудности для женщин, стремящихся к профессиональному росту и участию в международных соревнованиях. Недостаток материальной поддержки нередко приводил к тому, что талантливым спортсменкам приходилось совмещать тренировки с работой или учебой, что снижало их возможности для полноценной подготовки.

Однако есть мнение, что в СССР и странах восточного блока делали всё возможное для развития женского спорта. Например, именно Советский Союз подарил миру один из самых женственных видов спорта – художественную гимнастику [2].

В заключение можно отметить, что достигнутые в советское время результаты свидетельствуют о необходимости продолжения работы в дан-

ном направлении. Важно не только учитывать исторический опыт, но и постоянно совершенствовать его, учитывая изменения в обществе и новые вызовы. Развитие женского спорта – это не только вопрос спортивной и социальной справедливости, но и важный фактор формирования гармоничного, прогрессивного и здорового общества.

Библиографический список:

1. Бубка С.Н. Роль президентов Международного олимпийского комитета в развитии женского спорта и участии женщин-спортсменок в Олимпийских играх // Спортивна медицина. 2012. Т. 2012. № 2. С. 3-13.
2. Волков А. О женском спорте и пользе социализма. // URL: https://www.sports.ru/figure-skating/blogs/1610792.html (Дата обращения: 05.11.2025).
3. Девушка в футболке. 1932. // URL: https://rmgallery.ru/ru/828 (Дата обращения: 05.11.2025).
4. Династия Овечкиных. // URL: https://dynamomuseum.ru/mediateka/heroes/Dinastiya-Ovechkinykh (Дата обращения: 05.11.2025).
5. Иванов В.Д. Женщины и спорт: феминизация спорта / В.Д. Иванов, К.С. Ротор // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2021. Т. 2. № 1. С. 17-26.
6. История появления общества «Динамо» // URL: http://www.spbdynamo.ru/node/26 (Дата обращения: 04.11.1925).
7. Как родилась советская спортивная форма: от визионерских идей до массовой популярности. // URL: https://dynamomuseum.ru/mediateka/society/kak-rodilas-sovetskaya-sportivnaya-forma-ot-vizionerskih-idej-do-massovoj-populyarnosti (Дата обращения: 06.11.2025).
8. Кузнецова З.М. Об истории развития физкультурного образования в Советский период / З.М. Кузнецова, Ю.П. Симаков // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2008. Т. 3. № 2. С. 9-19.
9. Майер К. Спортивная мода в СССР. BLUEPRINT. // URL: https://theblueprint.ru/fashion/history/muzey-dinamo-istoria-sporta?ysclid=mhnrk7kjqv699592756 (Дата обращения: 05.11.2025).
10. Материалы четвёртой научной конференции по физическому воспитанию детей и подростков. Научно-исследовательский институт возрастной физиологии и физического воспитания. – Москва. 1968. 398 с.
11. Материалы к итоговой научной сессии института за 1961 год. Центральный научно-исследовательский институт физической культуры. – Москва. 1962. 243 с.
12. Медицинские и социально-экономические проблемы массовой физической культуры. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции в 2-ух частях (Ужгород, 12-14 сентября 1988 г.) – Москва. 1988. 142 с.
13. Мухаматулин Т.А. «Женщины и штанга - слишком необычное сочетание»: история женского атлетизма в СССР в 1960-е - начале 1970-х годов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2019. № 4 (47). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-i-shtanga-slishkom-neobychnoe-sochetanie-istoriya-zhenskogo-atletizma-v-sssr-v-1960-e-nachale-1970-h-godov (Дата обращения: 07.11.2025).
14. Научные труды за 1969 год. Под общ. ред. доктора мед. наук, проф. А.В. Коробкова. Том III. – Москва. 1970. 115 с.
15. Олимпийские игры [Текст]: Маленькая энциклопедия / Ред. коллегия: К.А. Андрианов (глав. ред.) [и др.]. – Москва: Сов. энциклопедия, 1970. 351 с.
16. Скорнякова С.С. История гендерного равноправия в России в советский период // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 232-243.
17. Советские физкультурницы. 11 фото про время, когда спортивная девушка выступала символом активистки, комсомолки и товарища. // URL: https://dzen.ru/a/ZO-Y5L6E2XPkEwfs (Дата обращения: 05.11.2025).
18. Спортивная мода СССР. // URL: rusichsport.ru (Дата обращения: 06.11.2025).
19. Становление синхронного плавания как самостоятельной спортивной дисциплины началось в Европе в конце XIX века. // URL: https://fspmos.ru/history (Дата обращения: 05.11.2025).
20. Физическое воспитание студентов пединститутов. Сборник трудов. Выпуск 3. – Москва. 1977. 158 с.
21. Физкультурницы советской страны. // URL: https://smena-online.ru/stories/fizkulturnitsy-sovetskoi-strany/page/2?ysclid=mhjna7eyda295912381 (Дата обращения: 05.11.2025).
22. Фоменко М.В. Роль женщин-спортсменок в развитии советского спорта в предвоенный период и в годы войны / М.В. Фоменко, Т.И. Мармазова, А.В. Хижная, М.В. Угрюмова // Современная научная мысль. 2022. № 1. С. 62-67. – DOI: 10.24412/2308-264X-2022-1-62-67.
23. 50-летие тренерской деятельности Тамары Москвиной и Алексея Мишина. // URL: https://spletnik.ru/166518-50-letie-trenerskoy-deyatelnosti-tamary-moskvinoy-i-alekseya-mishina-271395 (Дата обращения: 05.11.2025).
24. Беляева Н.Н. К вопросу организации индивидуальных занятий в классе баяна и аккордеона в ВУЗе // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 48-54.

Reference

1. Bubka S.N. The Role of the Presidents of the International Olympic Committee in the Development of Women's Sports and the Participation of Women Athletes in the Olympic Games // Sports Medicine. 2012. Vol. 2012. № 2. P. 3-13.
2. Volkov A. On Women's Sports and the Benefits of Socialism // URL: https://www.sports.ru/figure-skating/blogs/1610792.html (05.11.2025).
3. Girl in a T-shirt. 1932. // URL: https://rmgallery.ru/ru/828 (05.11.2025).
4. The Ovechkin Dynasty. // URL: https://dynamomuseum.ru/mediateka/heroes/Dinastiya-Ovechkinykh (05.11.2025).
5. Ivanov, V.D. Women and Sport: The Feminization of Sport / V.D. Ivanov, K.S. Rotor // Current Issues of Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 2. № 1. P. 17-26.
6. The History of the Dynamo Society // URL: http://www.spbdynamo.ru/node/26 (04.11.1925).
7. The Birth of the Soviet Sports Uniform: From Visionary Ideas to Mass Popularity. // URL: https://dynamomuseum.ru/mediateka/society/kak-rodilas-sovetskaya-sportivnaya-forma-ot-vizionerskih-idej-do-massovoj-populyarnosti (06.11.2025).
8. Kuznetsova Z.M. On the history of the development of physical education education in the Soviet period / Z.M. Kuznetsova, Yu.P. Simakov // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. 2008. Vol. 3. № 2. P. 9-19.
9. Mayer K. Sports fashion in the USSR. BLUEPRINT. // URL: https://theblueprint.ru/fashion/history/muzey-dinamo-istoria-sporta?ysclid=mhnrk7kjqv699592756 (05.11.2025).
10. Proceedings of the Fourth Scientific Conference on Physical Education of Children and Adolescents. Research Institute of Developmental Physiology and Physical Education. Moscow. 1968. 398 p.
11. Proceedings of the Institute's Final Scientific Session for 1961. Central Research Institute of Physical Culture. Moscow. 1962. 243 p.
12. Medical and Socioeconomic Problems of Mass Physical Culture. Abstracts of the Reports of the All-Union Scientific Conference in Two Parts (Uzhgorod, September 12-14, 1988) – Moscow. 1988. 142 p.
13. Mukhamatulin T.A. "Women and the Barbell - Too Unusual a Combination": the History of Women's Athletics in the USSR in the 1960s - Early 1970s // Vestn. Perm. University. History Series. 2019. № 4 (47). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-i-shtanga-slishkom-neobychnoe-sochetanie-istoriya-zhenskogo-atletizma-v-sssr-v-1960-e-nachale-1970-h-godov (07.11.2025).
14. Scientific Works for 1969. Under the general editorship of Doctor of Medical Sciences, Professor A.V. Korobkov. Volume III. Moscow, 1970. 115 p.
15. The Olympic Games [Text]: A Little Encyclopedia / Editorial Board: K. A. Andrianov (editor-in-chief) [et al.]. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1970. 351 p.
16. Skornyakova, S. S. History of Gender Equality in Russia during the Soviet Period // Russia in the Global World. 2014. № 4 (27). P. 232-243.
17. Soviet Female Athletes. 11 Photos from the Time When an Athletic Girl Was a Symbol of an Activist, Komsomol Member, and Comrade. // URL: https://dzen.ru/a/ZO-Y5L6E2XPkEwfs (Accessed: 05.11.2025).
18. Sports Fashion in the USSR. // URL: rusichsport.ru (06.11.2025).
19. The development of synchronized swimming as an independent sports discipline began in Europe at the end of the 19th century. // URL: https://fspmos.ru/history (05.11.2025).
20. Physical education of students of pedagogical institutes. Collection of works. Issue 3. – Moscow. 1977. 158 p.
21. Female athletes of the Soviet country. // URL: https://smena-online.ru/stories/fizkulturnitsy-sovetskoi-strany/page/2?ysclid=mhjna7eyda295912381 (05.11.2025).
22. Fomenko M.V. The role of female athletes in the development of Soviet sports in the pre-war period and during the war / M.V. Fomenko, T.I. Marmazova, A.V. Khizhnaya, M.V. Ugryumova // Modern Scientific Thought. 2022. № 1. P. 62-67. – DOI: 10.24412/2308-264X-2022-1-62-67.
23. 50th Anniversary of the Coaching Career of Tamara Moskvina and Alexey Mishin. // URL: https://spletnik.ru/166518-50-letie-trenerskoy-deyatelnosti-tamary-moskvinoy-i-alekseya-mishina-271395 (05.11.2025).
24. Belyaeva N.N. On the issue of organizing individual lessons in the bayan and accordion class at a university // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 48-54.

Лебедев В.П.

Аспирант 3 курса, Департамент истории, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Харбин как фактор социально-экономической, политической и культурной трансформации Маньчжурии*

Аннотация. Статья рассматривает Харбин как ключевой фактор социально-экономической, политической и культурной трансформации Маньчжурии в 1898–1945 годах. На основе архивных материалов фонда 323 РГИА, российской и зарубежной историографии анализируется процесс формирования и развития города как центра Китайско-Восточной железной дороги, его роль в модернизации региона, последовательной смене влияний (российского, советского, японского, китайского) и становлении уникального пространства межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделено двойственному характеру влияния Харбина: с одной стороны – импульс урбанизации, экономического роста и экспорта, создание многонационального городского сообщества; с другой – источник социальных диспропорций, этнических противоречий и геополитической напряжённости.

Ключевые слова: Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия, российская эмиграция, культурная гибридизация, колониальная урбанизация, Северо-Восточный Китай.

Lebedev V.P.

3nd-year postgraduate student, Department of History, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of Moscow City «Moscow City University».

Harbin as a factor of socio-economic, political, and cultural transformation of Manchuria

Abstract. The article examines Harbin as a key factor in the socio-economic, political, and cultural transformation of Manchuria between 1898 and 1945. Based on archival materials from Fund 323 of the Russian State Historical Archive, as well as Russian and foreign historiography, the study analyzes the process of the city's formation and development as the center of the Chinese Eastern Railway, its role in the modernization

* © Лебедев В.П., 2026.

of the region, the successive shifts of influence (Russian, Soviet, Japanese, and Chinese), and the emergence of a unique space of intercultural interaction. Particular attention is paid to the dual nature of Harbin's influence: on the one hand, as a driver of urbanization, economic growth, export development, and the creation of a multiethnic urban community; on the other, as a source of social disparities, ethnic tensions, and geopolitical conflict.

Key words: USSR, Japanese Empire, Manchukuo, China Eastern Railway, Manchuria, Mantetsu, economic expansion.

Текст статьи: Город Харбин, основанный в 1898 году как станция Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), за сравнительно короткий исторический период стал одним из наиболее ярких примеров искусственно созданного урбанистического центра, изменившего облик Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Сформировавшийся на ранее неосвоенной территории, Харбин в кратчайшие сроки приобрёл значение ключевого транспортно-логистического центра и стал одним из факторов социально-экономической модернизации, политической трансформации и культурного синтеза обширного региона.

Актуальность изучения данной темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, Харбин представляет собой редкий случай «колониального города», созданного с нуля на чужой территории без предшествующей городской традиции, что позволяет проследить механизмы урбанизации в чистом виде. Во-вторых, в китайской и международной историографии активно обсуждается вопрос о соотношении колониального наследия и национального строительства в истории Северо-Восточного Китая. В-третьих, опыт Харбина остаётся важным кейсом для понимания процессов культурной гибридизации в условиях асимметричного межцивилизационного контакта.

В советский период изучение Харбина и КВЖД велось преимущественно в русле экономической и внешнеполитической истории. Классическим трудом остаётся монография М.И. Сладковского, в которой подчёркивалась роль КВЖД как инструмента экономического проникновения российского капитала в Китай и одновременно как объекта острой международной борьбы [1].

С конца 1980-х – начала 1990-х годов начинается качественно новый этап. Появилась серия работ Г.В. Мелихова, который впервые в постсоветской историографии поставил акцент не только на геополитическом и экономическом, но и на культурно-бытовом измерении харбинского феномена. В книге «Маньчжурия далёкая и близкая» автор отмечал: «Харбин стал городом, открытым внешнему миру, в котором русские, китайцы, японцы,

евреи, поляки, корейцы и представители многих других национальностей жили бок о бок, создавая уникальную атмосферу» [3]. Особенно ценны работы Н.Е. Абловой, посвящённые истории российской эмиграции в Китае и функционированию КВЖД в 1920–1930-е годы [2]. Е.Е. Аурилене в ряде статей и монографий детально реконструировала механизмы сохранения русской идентичности в условиях постепенной «китаизации» города [5].

Зарубежная историография рассматривает данный комплекс проблем с иных теоретико-методологических позиций, акцентируя внимание на процессах культурной трансференции, формировании национальной идентичности и либеральных практиках в колониальном контексте.

Дэвид Вольф в своей фундаментальной монографии «To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914» изучал Харбин как уникальную попытку реализации либеральной модели городского управления в рамках российского имперского проекта. Он подчёркивал относительную автономию харбинской администрации и её отличия от жёстко централизованных моделей управления другими окраинами империи. Важная характеристика города дана автором следующим образом: «Харбин представлял собой уникальное сочетание российских имперских амбиций и местной автономии» [9].

Джеймс Картер в книге «Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932» (2002) сосредотачивался на обратном процессе – постепенном «окитаивании» города и формировании в нём китайского национального самосознания. Автор показывал, как бывший «русский город на китайской земле» в 1920-е годы становится ареной напряжённой борьбы за национальное и культурное доминирование. Одна из ключевых формулировок Картера звучала так: «К концу 1920-х годов Харбин уже не был просто русским городом в Китае; он становился китайским городом, в котором случайно проживало большое количество русских» [8].

Таким образом, если российская историография чаще акцентирует геополитическое и экономическое измерение харбинского феномена, то западные авторы делают упор на процессы культурной гибридизации и национального строительства, рассматривая Харбин как пример «контактной зоны» (по Мэри Луизе Пратт) между империями и формировавшимся китайским национальным государством.

Ключевым комплексом источников остаются документы фонда 323 Российского государственного исторического архива (РГИА) – «Общество Китайско-Восточной железной дороги». Они позволяют не только реконструировать официальную политику, но и проследить механизмы повседневной трансформации региона «снизу» – через жалобы, прошения, отчёты о санитарном состоянии, конфликтах между русским и китайским населением и т.д.

Основание Харбина в 1898 году было следствием подписания русско-китайского договора 1896 года о строительстве Китайско-Восточной железной дороги – стратегической магистрали, связавшей Забайкалье с Владивостоком через территорию Маньчжурии. Уже к 1903 году, когда дорога была введена в эксплуатацию, население Харбина превысило 40 тысяч человек, из которых около 80 % составляли русские подданные (рабочие, инженеры, служащие, торговцы, члены их семей).

Архивные документы фиксировали стремительный рост города. Так, в одном из отчётов Управления КВЖД за 1902 год говорится: «…на месте прежней китайской деревни Сунгари возник благоустроенный европейский город с каменными зданиями, водопроводом, электрическим освещением и трамваем».

Этот процесс сопровождался радикальной экономической трансформацией региона. Маньчжурия, ранее представлявшая собой преимущественно аграрную периферию Цинской империи, в течение 10–15 лет трансформировалась в один из ключевых экспортно-ориентированных регионов Восточной Азии. Главным товаром стала соя: если в 1908 году из Северо-Восточного Китая было вывезено около 200 тыс. тонн соевых бобов, то к 1913 году этот показатель превысил 1,5 млн тонн, причём подавляющая часть экспорта проходила через Харбин и порт Дальний.

Дэвид Вольф справедливо отмечал, что именно Харбин стал «экономической столицей» русского влияния в Маньчжурии, выполнявшего функции одновременно транспортного узла, банковского центра и главного рынка сбыта российских товаров.

Стремительный экономический рост региона был напрямую связан с созданием Харбином функций главного перевалочного и торгового центра. По данным отчётов Управления КВЖД за 1910 год, через станцию Харбин проходило до 70–75 % всего экспорта маньчжурской сои и соевого масла, а также значительная часть пушнины, леса и зерновых. Тем самым город стал главным центром аккумуляции русского капитала в Северо-Восточном Китае.

Существенной характеристикой экономической модели Харбина было формирование экстерриториальной зоны русской концессии. Земли, отведённые под полосу отчуждения КВЖД, фактически выводились из-под китайской юрисдикции. На этих территориях действовали российские законы, русская администрация, полиция и суд. Как отмечал Г.В. Мелихов: «полоса отчуждения КВЖД превратилась в своеобразное русское государство в государстве, со своей экономикой, социальной структурой и даже элементами самоуправления» [3].

Революционные события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война в России привели к качественно новому этапу в истории

Харбина. Город стал основным центром русской политической и экономической эмиграции в Азии. По разным оценкам, в 1920–1923 годах в Харбин и полосу отчуждения КВЖД прибыло от 120 до 200 тысяч русских беженцев [2].

Этот приток радикально изменил социальный состав населения города. Если до 1917 года социальную структуру города определяли железнодорожники, строители и чиновники, то после революции в Харбине сформировались значительные общины интеллигенции, офицерства, предпринимательских кругов и представителей свободных профессий. Именно в этот период Харбин приобрёл репутацию «русского культурного оазиса» в Азии.

С экономической точки зрения период 1920-х годов стал временем максимального расцвета города. Русские эмигранты создали здесь сотни промышленных и торговых предприятий: мукомольные мельницы, маслобойни, лесопильные заводы, пивоварни, типографии, магазины, банки. По подсчётам Н.Е. Абловой, к середине 1920-х годов русским принадлежало около 60–65 % всех торгово-промышленных предприятий Харбина [2].

Однако этот расцвет происходил на фоне постепенной утраты Россией (а затем СССР) контроля над КВЖД. Советско-китайское соглашение 1924 года и последующие конфликты 1929 года существенно ослабили позиции русских в городе. Тем не менее, до японской оккупации 1932 года Харбин сохранял положение крупнейшего экономического и финансового центра Северо-Восточного Китая.

Социальная структура Харбина отличалась крайней пестротой. Помимо русских и китайцев, здесь стабильно проживали значительные еврейские, польские, японские, корейские, немецкие, французские и другие общины. По переписи 1926 года, проводившейся городской управой, в Харбине насчитывалось около 15–18 тысяч евреев – одна из крупнейших еврейских общин в Азии того времени [9].

Многонациональный характер города порождал как уникальные возможности культурного взаимодействия, так и острые социальные противоречия. С одной стороны, формировались смешанные браки, создавались совместные предприятия, открывались общие учебные заведения и благотворительные организации. С другой – сохранялись жёсткие сегрегационные практики: русские районы (Новый город, Модягоу) и китайские слободы (Фуцзядянь) существовали практически как отдельные города.

Политическая история Харбина тесно сопряжена со специфическим статусом Китайско-Восточной железной дороги и полосы отчуждения, что де-факто придало городу характер экстерриториального образования Российской империи, а позднее – СССР на территории Китая. Русско-китайское соглашение 1896 года и протокол 1898 года предоставили России

право на строительство и эксплуатацию дороги. При этом полоса отчуждения (шириной до 10–15 км по обе стороны линии) выводилась из-под суверенитета Цинской империи: здесь действовали российские законы, администрация, суд, полиция и военная охрана. Харбин, выполнявший функции административного центра Китайско-Восточной железной дороги, фактически являлся столицей «русской Маньчжурии». Как отмечал Г.В. Мелихов: «Харбин превратился в центр русского государственного управления на территории, формально принадлежавшей Китаю, со всеми атрибутами государственной власти, за исключением полной территориальной целостности» [3].

Этот статус вызывал постоянное напряжение в русско-китайских отношениях. Китайское правительство (как цинское, так и республиканское) неоднократно пыталось вернуть контроль над полосой отчуждения, особенно после Синьхайской революции 1911–1912 гг. и в 1920-е годы. Наиболее острым проявлением этого конфликта стал советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 года, когда китайские войска попытались силой захватить управление дорогой, что привело к военным действиям и восстановлению советского контроля.

Японская оккупация Маньчжурии в 1931–1932 годах и провозглашение марионеточного государства Маньчжоу-го в марте 1932 года радикально изменили политический статус Харбина. Квантунская армия и администрация Маньчжоу-го сохранили большую часть русской инфраструктуры КВЖД, однако постепенно начали вытеснять русских из ключевых позиций управления. В 1935 году СССР продал японцам свою долю в КВЖД за 140 млн иен, после чего дорога была полностью интегрирована в японскую транспортную систему Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

Русское население Харбина оказалось в крайне сложном положении: часть эмигрантов сотрудничала с японской администрацией (особенно в сфере разведки и контрразведки), другие пытались сохранить нейтралитет, третьи подвергались репрессиям. Джеймс Картер отмечал парадоксальную ситуацию: «В японском Маньчжоу-го Харбин превратился из русского колониального города в многонациональный центр под японским контролем, где бывшие колонизаторы сами стали объектом колониальной политики» [8].

Японцы активно использовали харбинских русских в пропагандистских и разведывательных целях, в том числе для создания образа «антикоммунистического оплота» в Азии. В то же время в городе продолжалось формирование китайского национального самосознания, которое в условиях японской оккупации приобретало всё более антиколониальный и антиимпериалистический характер.

Наступательная операция Советской Армии в Маньчжурии привела к быстрому занятию Харбина советскими войсками. Город стал временным центром советской военной администрации на Северо-Востоке Китая. В течение нескольких месяцев советские власти проводили демонтаж японской военной и промышленной инфраструктуры, одновременно передавав власть формирующимся китайским коммунистическим силам. Большинство оставшегося русского населения (около 30–40 тысяч человек к 1945 году) либо эмигрировало в Австралию, США, Аргентину и другие страны, либо было репатриировано в СССР в 1946–1950-е годы. Этот процесс завершил историю города как центра русского влияния в Маньчжурии.

Одним из самых долговременных последствий существования Харбина стало создание уникального культурного пространства, в котором происходило интенсивное взаимодействие русской, китайской, еврейской, японской и других культур. Дэвид Вольф подчёркивал именно эту особенность раннего Харбина: «Город представлял собой уникальное сочетание русской имперской культуры и местных условий, что привело к появлению своеобразной культурной гибридизации» [9].

В Харбине сформировался феномен, который современные исследователи определяют как «контактную зону» – пространство интенсивного, нередко асимметричного, но взаимного культурного обмена. Происходило взаимное влияние на всех уровнях: от повседневного быта и гастрономии до литературы, музыки и архитектуры. Русская православная церковь (соборы Св. Николая, Иверской иконы Божией Матери, Покрова Пресвятой Богородицы) стала не только религиозным, но и важнейшим культурно-идентификационным центром. Одновременно в городе активно действовали синагоги, католические и лютеранские храмы, что делало Харбин одним из наиболее веротерпимых городов Азии того времени.

Особенно ярко культурный синтез проявился в архитектуре: смешение русского модерна и неоклассицизма с элементами китайского традиционного зодчества и японского влияния создало совершенно неповторимый облик города. Многие здания, построенные в 1900–1920-е годы (например, гостиница «Модерн», коммерческие дома на Китайской улице), до сих пор сохраняют этот эклектический стиль.

Пресса также играла огромную роль в поддержании культурной идентичности. В разные годы в Харбине выходило до 30–40 периодических изданий на русском языке: газеты «Русский голос», «Заря», «Рупор», «Гунбао», журналы «Рубеж», «Чураевка» и др. Эти издания не только информировали, но и формировали «харбинское сознание» – сочетание ностальгии по утраченной родине, адаптации к новой реальности и ощущения принадлежности к «русскому миру» в Азии.

После 1949 года, с установлением власти коммунистической партии

Китая, русский культурный слой Харбина практически полностью исчез: большинство эмигрантов уехали, оставшиеся были либо ассимилированы, либо подверглись репрессиям в период «культурной революции». Однако физическое наследие сохранилось гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Сегодня в Харбине функционирует несколько музеев, посвящённых русскому периоду (Музей архитектуры и истории КВЖД, Музей писем харбинской эмиграции), восстанавливаются православные храмы, а центральная улица Чжунъян-дацзе (бывшая Китайская) остаётся одним из главных туристических объектов города, сохраняя характерный русский модерн начала XX века.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов о роли Харбина в трансформации Маньчжурии в период 1898–1945 годов. Во-первых, Харбин стал ключевым катализатором социально-экономической модернизации региона: из аграрной периферии Цинской империи Маньчжурия трансформировалась в один из ведущих экспортно-ориентированных регионов Восточной Азии благодаря формированию транспортной, промышленной и торговой инфраструктуры, ядром которой являлся Харбин.

Во-вторых, политически город на протяжении полувека служил инструментом российского, а затем советского и японского влияния, одновременно являясь постоянным источником напряжённости в отношениях между великими державами и Китаем.

В-третьих, наиболее долговременным и глубоким оказалось культурное воздействие: в Харбине сформировалось уникальное пространство межкультурного взаимодействия, в котором на протяжении нескольких десятилетий сосуществовали и взаимно обогащали друг друга элементы русской, китайской, еврейской и других культур.

В целом Харбин можно рассматривать как редкий исторический пример «третьего пространства» – зоны, которая одновременно принадлежала нескольким культурным и политическим мирам и ни одному из них полностью. Этот опыт остаётся актуальным для понимания современных процессов глобализации, урбанизации и культурного синтеза в условиях интенсивного межцивилизационного контакта.

Библиографический список:

1. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) [Текст] / М.И. Сладковский; АН СССР. Институт Дальнего Востока. – М.: Наука, 1974. 439с.
2. КВЖД и российская эмиграция в Китае: междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.): [монография] / Н.Е. Аблова. – Москва: Рус. панорама, 2005. 430 с.
3. Маньчжурия далёкая и близкая / Г.В. Мелихов. – Москва: Наука, 1991. 319 с.
4. Роман Сергеевич Авилов Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г. // Вестник РУДН. История России. 2023. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-gorod-v-manchzhurii-glazami-voennogo-ministra-poseschenie-a-n-kuropatkinym-harbina-v-

1903-g (Дата обращения: 02.01.2026).
5. Российская диаспора в Китае (1920-1950-е гг.) / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 269 с.
6. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира [Текст]: [монография] / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левошко, А.А. Хисамутдинов; М-во науки и образования Российской Федерации, Амурский гос. ун-т. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.
7. Харбин - русская Атлантида [Текст]: [страницы истории Харбина - бывшего русского города в Китае] / Николай Крадин; Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства, Российская акад. архитектуры и строительных наук, Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 365 с.
8. Carter J.H. Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 220 p.
9. Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. – Stanford: Stanford University Press, 1999. 293 p.
10. Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий // Культура Мира. 2025. Т. 14. № 85 (4). С. 103-109.

Reference

1. History of Trade and Economic Relations between the Peoples of Russia and China (before 1917) [Text] / M.I. Sladkovsky; USSR Academy of Sciences. Institute of Far East. – Moscow: Nauka, 1974. 439 p.
2. The CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century): [monograph] / N.E. Ablova. – Moscow: Rus. Panorama, 2005. 430 p.
3. Manchuria Far and Near / G.V. Melikhov. – Moscow: Nauka, 1991. 319 p.
4. Roman Sergeevich Avilov. A Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903 // Bulletin of RUDN University. History of Russia. 2023. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-gorod-v-manchzhurii-glazami-voennogo-ministra-poseschenie-a-n-kuropatkinym-harbina-v-1903-g (01.02.2026).
5. Russian diaspora in China (1920-1950s) / E.E. Aurilene. – Khabarovsk: Private collection, 2008. 269 p.
6. Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier [Text]: [monograph] / A.A. Zabiyako, A.P. Zabiyako, S.S. Levoshko, A.A. Khisamutdinov; Ministry of Science and Education of the Russian Federation, Amur State. University. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 461 p.
7. Harbin – Russian Atlantis [Text]: [pages from the history of Harbin – a former Russian city in China] / Nikolai Kradin; Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Pacific State University. – Khabarovsk: Khabarovsk Regional Printing House, 2010. 365 p.
8. Carter J.H. Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 220 p.
9. Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. – Stanford: Stanford University Press, 1999. 293 p.
10. Ivanov V.V., Kardashesckii Y.M., Akimova V.S. Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions // Cultural World. 2025. Vol. 14. № 85 (4). P. 103-109.

Меньшиков И.А.
Ассистент кафедры гуманитарных наук. Донбасский государственный технический университет, г. Алчевск, Луганская Народная Республика.

Средневековые украшения конской узды из экспозиции Луганского краеведческого музея*

Аннотация. В данной статье анализируется украшения конской узды, из экспозиции Луганского Краеведческого музея, обнаруженное в Краснодонском районе Луганщины. Автором дается подробное описание предметов набора, приведены его метрические и весовые показатели, проведен сравнительный анализ, на основании которого набор уздечных украшений из Краснодонского района автором отнесен к Гаевско-Новокаменскому типу по классификации Р.С. Орлова.
Ключевые слова: украшения, решмы, бляшки, узда, орнамент.

Menshikov I.A.
Assistant Professor, Department of Humanities. Donbass State Technical University, Alchevsk, Luhansk People's Republic.

Medieval decorations for horse bridles from the exhibition of the Lugansk historical and local museum

Abstract. This article analyzes the decorations for horse bridles from the exhibition of the Lugansk Historical and Local Museum, which were discovered in the Krasnodon district of the Lugansk region. The author provides a detailed description of the set's items, including their metric and weight measurements, and conducts a comparative analysis, based on which the set of bridle ornaments from the Krasnodonsky District is classified as the Gaevsko-Novokamensky type according to the classification by R.S. Orlov.
Key words: ornaments, reshmas, plaques, bridle, ornamentation.

Введение. В 2012 году на территории Краснодонского района Луганщины был обнаружен комплект украшений конской узды эпохи средневековья. На данной территории подобный комплект был найден впервые (Рис.

* © Меньшиков И.А., 2026.

1)[1]. Комплект состоит из 15 деталей[2]:

1. Двух бубенцовых решм, которые в свою очередь состоят из миндалевидной бляхи подвески, соединенной шарнирным креплением с трехлопастным разделителем ремней (Рис. 1: 1). Решмы размещались на соединении ремней храпа с ремнем налобным и ремнем переносья [8, с. 242]. Подвески состоят из двух тонких листов, скрепленных с оборотной стороны 4 штифтами, центральная часть имеет выпуклую форму. Между листами в районе выпуклой части находятся металлические шарики. Решма покрыта рельефным жгутовым плетением, пальметтами, сочетающим растительный и геометрические элементы орнамента. Центральной фигурой решмы является композиция в виде двухчастных пальметт. Все выпуклые части декора инкрустированы чернью, в виде линии по центру. Углубленные части подвески позолочены. Пространство между внутренним и внешним бортиком заполнено рубчатым поребриком. Появление и распространение решм исследователи связывают с кочевниками Центральной Азии [5, с. 251-260].

Трехлопастной распределитель ремней имеет короткие подпрямоугольные лопасти и полусферический центр, который вписанный в плоский квадрат. На каждой лопасти расположены выпуклые треугольники, инкрустированные чернью.

2. Двух крестообразных блях распределителей ремней (Рис. 1: 2). Крестообразные распределители служили для сочленения ремней, указывали их направление, располагались на пересечении суголовного, подбородного ремней и ремня переносья [8, с. 242]. Центральная часть распределителей имеет полусферическую форму, которая вписана в стилизованный круг с лепестками, от центральной части отходят 4 подпрямоугольные лопасти, заостренные на концах, на лопасти одного из распределителей присутствует отверстие. Лопасти декорированы рельефным ленточным плетением с серединной линией инкрустированной чернью.

3. Пяти наконечников с V- образным основанием, килевидной формы (Рис. 1: 5). Наконечники ремней использовались в качестве декоративной и функциональной детали конского снаряжения, крепились на ремни уздечки, а также на концы ремней предохраняя их от быстрого изнашивания. Наконечники декорированы симметричным ленточным плетением, образующим пять чередующихся кругов, большего и меньшего диаметра, по центру каждого выделено приострённое ребро. Ленты плетения инкрустированы чернью в виде центральной линии. По бортику проходит линия мелкой ложной зерни.

4. Двух наконечников ремней с прямым основанием (Рис. 1: 4). Данные

1 *Художница В.Ю.* Легейда

2 Размеры и вес всех предметов Краснодонского набора приведены в таблице 1.

наконечники имели килевидную форму, декорированы рельефным симметричным ленточным плетением, образующим пять кругов большего и меньшего диаметров, по центру каждого выделено приострённое ребро. Ленты плетения инкрустированы чернью в виде центральной линии. По бортикам проходит линия ложной зерни.

5. Двух прямоугольных бляшек-пластинок (Рис. 1: 3). Они, предположительно, размещались на ремне храпа соединяющий налобный и переносный ремни [8, с. 242]. Пластинки декорированы по краям длинных сторон нервюрами в виде невысоких бортиков, по краям коротких сторон нервюрами-бортиками, инкрустированы чернью по центру черненой линией. С внутренней стороны бортиков, по периметру выполнена линия мелкой ложной зерни. Вдоль длинных сторон пластины, на линии ложной зерни, симметрично расположены выпуклые круги, по четыре с каждой стороны, с черневой точкой по центру. По центру пластины декорированы рельефным симметричным ленточным плетением, образующим три чередующихся овала, по центру каждого выделено приострённое ребро. Ленты плетения инкрустированы чернью.

С оборотной стороны почти у всех предметов набора присутствуют по несколько штифтов для крепления к ремню оголовья с сохранившимися шайбочками.

Материалы и методы. При анализе украшений применялись как обще-

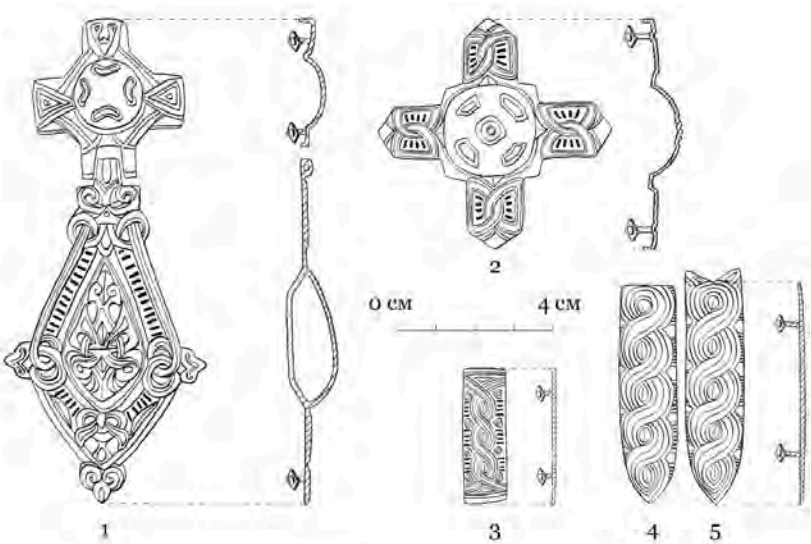


Рис. 1. Набор украшений конской узды из Краснодонского района Луганщины.

научные (анализ, синтез), так и традиционный для археологической науки, типологический метод и метод аналогий.

Литературный обзор Украшения конской узды эпохи средневековья многократно становились предметом научных исследований. Среди наиболее значимых можно назвать работы А.Н. Кирпичникова [4], где в целом рассматривается снаряжение верхового коня в Древней Руси. Также следует отметить кандидатскую диссертацию В.В. Новикова [6]. И ряд отдельных статей Р.С. Орлова [7, 8], К.А. Михайлова [5], А.И. Айбабина [1].

Украшения конской узды на территории Северного Причерноморья были обнаружены исследователями неоднократно. Самими яркими и полными из них являются комплекты украшений из хутора Гаевки 1904 г. [3, с. 153-154], из с. Новокаменки [8, с. 238-246], и набор из с. Сарайлы-Кият (ныне с. Мирное) полуостров Крым [2, с. 145].

Таблица 1. Размер и вес элементов Краснодонского уздечного набора.

Наименование предмета	Размер	Общий размер	Вес	Общий вес
Бляха подвеска №1	9,3х5,4 см.	12,6х5,4 см.	37, 08 г.	51,73 г.
Трехлопастной распределитель ремней №1	3,9х3,9 см.		14,65 г.	
Бляха подвеска №2	9,3х5,3 см.	12,5х5,3 см.	41,45 г.	55,56 г.
Трехлопастной распределитель ремней №2	3,9х3,9 см.		14,11 г.	
Крестообразный распределитель ремней №1	5,9х6,0 см.	–	18,21 г.	–
Крестообразный распределитель ремней №2	5,9х6,0 см.	–	19,36 г.	–
Наконечник ремня с V-образным основанием №1	6,2х1,4 см.	–	8,79 г.	–
Наконечник ремня с V-образным основанием №2	6,2х1,4 см.	–	10,04 г.	–
Наконечник ремня с V-образным основанием №3	6,2х1,4 см.	–	9,68 г.	–
Наконечник ремня с V-образным основанием №4	6,2х1,4 см.	–	9,19 г.	–
Наконечник ремня с V-образным основанием №5	6,2х1,4 см.	–	8,62 г.	–

Наконечник ремня с прямым основанием №1	5,6х1,4 см.	–	8,74 г.	–
Наконечник ремня с прямым основанием №2	5,6х1,4 см.	–	8,21 г.	–
Прямоугольная пластина №1	3,5х1,2 см.	–	4,60 г.	–
Прямоугольная пластина №2	3,5х1,2 см.	–	4,69 г.	–
Все предметы набора	–	–	–	217,42 г.

Ближайшими аналогиями набору из Краснодонского района Луганщины являются набор из Новокаменки, особенно крестообразные распределители ремней, в обоих наборах они имеют помимо четырех лопастей дополнительные выступы между ними, хотя новокаменские выступы украшены ленточным плетением, инкрустированным чернью, а также лопасти новокаменского крестообразного распределителя ремней имеют расширение к заостренным концам. Кроме того, интересно отметить близость орнаментальных мотивов с комплексами хазарского времени [1, с. 311-312], [9, с. 241], [10, с. 298-300].

Самая широкая датировка данных и аналогичных памятников (из Новокаменки и Краснодонского района) охватывает конец IX–XII вв. [7, с. 25-26]. Однако Большинство исследователей датируют подобные комплекты X–XII вв. [7, с. 26]. Что касается наиболее вероятной этнической принадлежности памятников, то по мнению специалистов их можно отнести как к торкам (гузам), так и к печенегам, которые в X – первой половине XI вв. поочередно занимали ведущее положение в регионе Северного Причерноморья (в том числе на территории Луганщины где обнаружены десятки погребений поздних кочевников).

На основе анализа набора из Новокаменки исследователями А.И. Кубышевым и Р.С. Орловым была реконструирована технология производства предметов набора, прежде всего она включала литье. Расплавленный металл заливался в глиняную форму с оттиском оригинала, который в свою очередь был выполнен на металлической пластинке [8, с. 242]. Применение такой технологии подтверждается тем, что на внутренней стороне изделий присутствует рельефное воспроизведение орнамента формы [8, с. 242]. На внутренней стороне всех предметов набора из Краснодонского района, также присутствует рельефное воспроизведение орнамента оттиска, что свидетельствует о применении подобной технологии производства. Затем происходила доработка деталей орнамента резцом. После наносилась позолота и чернь [8, с. 242]. Интересно отметить схожесть технологий из-

готовления наборов украшений конской узды с северными и западными регионами Древней Руси [6, с. 43-44].

Исследователи провели и металлографический анализ новокаменского набора, и выяснили, что для изготовления применялся сплав типа биллона основой которого служит серебро и медь с лигатурными прибавками свинца и золота [8, с. 242]. Можно предположить, что подобный сплав применялся и для изготовления краснодонского набора.

Интересно провести сравнение размеров и веса новокаменского и краснодонского наборов. Как видно из таблицы 2, по размерам приведенные элементы наборов практически сходны, различаясь в один или несколько миллиметров, самое большое различие наблюдается у прямоугольных пластинок[3]. Что касается веса элементов набора, то набор из Новокаменки тяжелее краснодонского, наибольшее отличие наблюдается между крупными деталями, решмы из Новокаменки тяжелее краснодонских решм в среднем на 9 г. а крестообразные распределители ремней из Новокаменки тяжелее краснодонских на 8,29 и 11,14 г. Как видно, наиболее существенное различием в весе насчитывает чуть более 11 грамм. На наш взгляд такие близкие и идентичные размеры и сопоставимый вес наборов, свидетельствует об возможной однородности сплавов, технологии производства и места производства.

В своей статье Р.С. Орлов отметил интересную деталь, набор украшений конской узды (всего 21 элемент) из Новокаменки имел общий вес 332 г., вес близкий к византийской денежно-весовой единице – Литра (весом 327,45 г.) [7, с. 42]. Такая близость, по мнению Р. С. Орлова свидетельствует об соблюдении мастерами византийской государственной нормы контроля за рынком драгоценных металлов [7, с. 42], также это дополнительно свидетельствует о том, что изготовили данный набор в византийской торгово-ремесленной корпорации, или корпорации подконтрольной Византии.

Общий вес краснодонского набора составляет 217,42 г. Однако на наш взгляд, в этом наборе, очевидно, не хватает нескольких предметов. Ориентируясь на новокаменский набор, который был найден полностью, in situ, во впускном погребении [8, с. 243], а также на предложенную реконструкцию оголовья из Гаевки, [4, с. 41], по всей видимости необходимо добавить к краснодонскому набору 2 крестообразных распределителя ремней (весом 18,21 и 19, 36 г.), 2 наконечника с V- образным основанием (весом 8,79 и 10,04 г.), 2 наконечника с прямым основанием (весом 8, 74 и 8,21 г.), 2 круглые выпуклые шайбы (каждая весом 3 г.), 2 круглые выпуклые заклепки (каждая весом 3 г.), 1 пряжку (весом 10 г.), 1 прямоуголь-

3 Измерения веса краснодонского набора проводились на весах «Техноваги ТВЕ 2.1 II», вес и размеры новокаменского набора взяты из статьи Р. С. Орлова и А.И. Кубышева [8, с. 242].

ную пластинку (весом 4,60 г.), все добавленные предметы имеют общий вес 99, 95 г.[4]. Таким образом, вес краснодонского набора составит 317, 37 г. Что также очень близко к византийской литре (327,4 г.), тем самым предположение Р. С. Орлова получает еще одно подтверждение. Что касается расположения украшений на ремнях узды, то вероятно наиболее близким является расположение украшений из Новокаменки [8, с. 243].

Таблица 2. Сравнительная таблица веса и размеров Краснодонского и Новокаменского уздечных наборов.

	Новокаменка		**Краснодонский набор**	
	Размер	**Вес**	**Размер**	**Вес**
Решмы	12х5,5 см.	61; 64,5 г.	12,6х5,4; 12,5х5,3 см.;	51,73; 55,56 г.
Длинные наконечники	6,2х1,4 см.	От 7,5 до 9,5 г.	6,2х1,4 см.	От 8,62 до 10,4 г.
Крестообразный распределитель	6х6 см.	От 26,5 до 30,5 г.	5,9х6 см.	18,21; 19,36 г.
Прямоугольная пластинка	4,5х1,4 см.	От 5 до 7 г.	3,5х1,2 см.	4,60; 4,69 г.

По классификации Р.С. Орлова все вышеперечисленные памятники (Новокаменка, Сарайлы-Кият, Гаевка) относятся к 1-й Восточносредиземноморской группе, для которой как раз характерны чередования кругов большего и меньшего диаметров, с вписанными пальметтами, трилистниками, растительно-ленточным плетением [7, с. 30]. Типологически все четыре набора восходят к степной евразийской традиции [8, с. 244].

Центр производства 1-й группы, вероятнее всего находился в Крыму, и относится к византийской художественно-ремесленной школе [7, с. 35-36]. На это указывает и близость находок к Крыму и находки на территории самого полуострова. Наборы из Новокаменки, Краснодонского района, Гаевки, Сарайлы-Кият, стилистически выдержаны и ориентированы на византийский стиль [7, с. 30]. В пользу Крыма как одного из центров, говорит и то, что в Херсонесе в VII–VIII вв. существовала традиция поясных наборов [7, с. 36].

Технологические особенности вышеупомянутых украшений свидетельствуют об достаточно высоком уровне металлообработки, применялись различные техники – литье, чеканка, чернь, инкрустация, золочение и др.

4 Вес дополнительных деталей взят частично из краснодонского, частично из новокаменского наборов.

Результаты

На основании анализа ряда наборов украшений конской узды, исследователями А.И. Кубышевым и Р.С. Орловым были выделены три технико-стилистические признаки 1-й группы, совокупность которых соответствует исключительно наременным украшениям из Северного Причерноморья [8, с. 244]:

1) Рубчатый поребрик фона или каниллированный позолоченный бордюр.

2) Выпуклая полированная поверхность для основного орнаментального мотива.

3) Графический характер орнаментального декора.

Как видно, данным признакам соответствуют не только наборы из Новокаменки, Сарайлы-Кият, Гаевки, но и набор из Краснодонского района Луганщины.

Заключение

Набор уздечных украшений из Краснодонского района, на основании стилистической, типологической, орнаментальной и технической аналогии наборам, из Новокаменки, Сарайлы-Кият (Мирное), и Гаевки, по всей видимости принадлежит к 1-й группе по классификации Р.С. Орлова, и может быть отнесен к Гаевско-Новокаменскому типу [7, с. 27]. Также об их однородности свидетельствуют и метрические и весовые показатели (между краснодонским и новокаменским). Кроме того, их находка на территории Луганщины свидетельствует об достаточно широких торговых связях кочевников как в раннем, так и в развитом средневековье на территории Северного Причерноморья.

Библиографический список:

1. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 277-315.
2. Альбом Рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 годы. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов. Моховая, 40., 1906. 346 с.
3. Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 19. – СПб.: Типография В.Ф.Киршбауна 1906. 174 с.
4. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX– XIII вв. / Свод Археологических источников. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 112 с.
5. Михайлов К.А. Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников 10 века / Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1997. № 11 С. 251-260
6. Новиков В.В. Диссертация Уздечные наборы на территории Древней Руси в 9-11 вв.: по материалам погребений и поселений / кандидата исторических наук / Новиков Василий Васильевич. – Москва, 2009. 365 с.
7. Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X-XI ст. / Археологія. 1984. № 47. С. 24-44.
8. Орлов Р.С. Кубышев А.И. Уздечный набор XI в. Из Ново-Каменки / Советская Археология. 1982. № 1. С. 238-246.
9. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А., Кравцова С.Л., Харитонов И.М. Кочевническое погребение второй половины VIII в. у с. Садовое Ставропольского края // Актуальные проблемы изучения и сохранения археологического наследия Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти

археолога-кавказоведа Владимира Александровича Кузнецова. Выпуск 18. – Ставрополь, 2025. С. 226-246.
10. Пьянков А.В., Джигунова Ф.К. Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов к 70-летию профессора И.И. Марченко. Вып. 8. Саратов: Амирит, 2025. 394 с.
11. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31-40.
12. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

Reference

1. Aibabin, A.I. "Archaeological Heritage of the Khazars from the Time of the Establishment of the Khaganate." Materials on the Archaeology, History, and Ethnography of Taurida. 2013. № 18. P. 277-315.
2. Album of Drawings from the Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1898. St. Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages. – Mokhovaya, 40, 1906. 346 p.
3. News of the Imperial Archaeological Commission. Issue 19. – St. Petersburg: Printing House of V.F. Kirshbaun, 1906. 174 p.
4. Kirpichnikov A.N. Equipment of a Rider and Riding Horse in Rus' in the 9th–13th Centuries. Collection of Archaeological Sources. Issue E1–36. L.: Nauka, 1973. 112 p.
5. Mikhailov K.A. Central Asian belt adornments in materials of ancient Russian monuments of the 10th century / Novgorod and Novgorod land. History and archeology. 1997. № 11. P. 251-260
6. Novikov V.V. Dissertation: Bridle sets in the territory of Ancient Rus' in the 9th-11th centuries: based on materials of burials and settlements / Candidate of Historical Sciences / Vasily Vasilyevich Novikov. – Moscow, 2009. 365 p.
7. Orlov R. S. Pivnichno-Prichornomorsky center of artistic metalworking in the 10th-11th centuries / Archeology. 1984. № 47. P. 24-44.
8. Orlov R.S. Kubyshev A.I. Bridle set of the 11th century. From Novo-Kamenka / Soviet Archaeology. 1982. № 1. P. 238-246.
9. Prokopenko Yu.A., Okhonko N.A., Kravtsova S.L., Kharitonov I.M. Nomadic burial of the second half of the 8th century near the village of Sadovoe, Stavropol Krai // Actual problems of the study and preservation of the archaeological heritage of the Caucasus and adjacent territories. Scientific almanac dedicated to the memory of the archaeologist and Caucasus specialist Vladimir Aleksandrovich Kuznetsov. Issue 18. – Stavropol, 2025. P. 226-246.
10. Pyankov A.V., Dzhigunova F.K. Materials and research on the archeology of Kuban: Collection of scientific papers for the 70th anniversary of Professor I.I. Marchenko. Issue 8. Saratov: Amirit, 2025. 394 p.
11. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31-40.
12. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

Аннотации

Лупина А.Е.

Этнолингвокультурная картина мира: особенности интерпретации и методологические перспективы

В условиях глобализации и формирования полиэтничных социумов, актуализируется проблема адекватной интерпретации мировосприятия различных этнолингвокультурных сообществ. Статья посвящена теоретическому обоснованию и методологическому наполнению интегрального подхода к изучению данной проблемы – концепции этнолингвокультурной картины мира (ЭЛКМ).

Автор проводит анализ эволюции смежных дисциплин (лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики) и обосновывает становление новой синтетической области знания – этнолингвокультурологии, фокусирующейся на триаде «язык-этнос-культура». Операционализируется ключевое понятие ЭЛКМ, определяемое как динамическая модель мировосприятия, реконструируемая через анализ культурно-маркированных концептов.

Особое внимание уделяется методологии исследования. Доказывается необходимость сочетания традиционного качественного анализа с инструментарием цифровой лингвистики. В статье рассматриваются возможности применения корпусных методов, NLP-инструментов и сетевого моделирования для объективации и верификации структуры этноконцептов.

Научная новизна работы заключается в систематизации этнолингвокультурологии как направления, четкой операционализации понятия ЭЛКМ и предложении конкретного интегрального методического комплекса. Практическая значимость исследования связана с перспективами применения его результатов в сфере преподавания языков и культур (особенно РКИ), межкультурной коммуникации, анализа социолингвистических конфликтов и экспертизы публичного дискурса в полиэтничных сообществах.

Ключевые слова: этнолингвокультурная картина мира, этнолингвокультурология, концепт, межкультурная коммуникация, цифровая лингвистика, корпусные методы, полиэтничность.

Смирнова Е.В.
Ведерникова Т.В.
Шуаипова А.А.

Специфика функционирования явления «денглиш» в немецком политическом дискурсе

Статья посвящена комплексному анализу функционирования феномена «денглиш» в современном немецком политическом дискурсе. Детально рассматриваются социолингвистические предпосылки интенсивного проникновения англицизмов, связанные с глобальной доминацией английского языка как лингва франка. Особое внимание уделяется дифференциации между функционально оправданными заимствованиями, заполняющими концептуальные лакуны, и собственно «денглишем» – использованием английской лексики там, где существуют полноценные немецкие эквиваленты. Центральная часть работы раскрывает специфические прагматические функции этого явления в политической коммуникации: конструирование прогрессивного имиджа, создание эзотерического кода для политической элиты, эвфемизацию непопулярных мер и дискредитацию оппонентов. Подчеркивается, что «денглиш» является не стилистическим приемом, а инструментом идеологической борьбы и символической политики. На примере таблицы наглядно демонстрируется, как конкретные англицизмы реализуют эти функции в публичных выступлениях и официальных документах. Статья также анализирует обратную реакцию – сопротивление «денглишу» со стороны консервативных и правопопулистских сил, которые используют его критику для продвижения национал-патриотической повестки. Делается вывод о том, что языковая дискуссия отражает глубинный социокультурный раскол в немецком обществе и служит ключом к пониманию современных

политических процессов в Германии.

Ключевые слова: немецкий политический дискурс, «денглиш», англицизмы, языковая идеология, лингвистическая прагматика, политическая коммуникация.

Содикова Р.А.

Некоторые теоретические взгляды на историю изучения предлогов в таджикском и английском языках

Данная статья представляет собой комплексный обзор историко-сравнительного изучения предлогов в таджикском и английском языках. Обобщая ключевые исследования, работа начинается с анализа основополагающих трудов таджикских языковедов, таких как Немёнова, которая классифицировала предлоги таджикского языка и описала их семантику. Рассматриваются вопросы грамматикализации, функциональной эволюции простых и составных предлогов с привлечением исследований Сиёева, Халилова, Исматуллоева и других. Параллельно прослеживается развитие предлогов английского языка от древнеанглийского периода до современности с опорой на работы таких авторитетных грамматистов, как Есперсен, Куирк и Траугоут. Сравнительный анализ выявляет общие тенденции семантического расширения и структурного усложнения предлогов в обоих языках, подтверждая их переход от конкретных пространственных маркеров к многогранным грамматическим элементам.

Ключевые слова: предлог, самостоятельные части речи, поэзия и проза, семантические функции предлогов, типы предлогов, стиль, таджикский и английский языки, лингвистика, сравнительный анализ, обзор историко-сравнительного изучения предлогов.

Терских Н.В.

О происхождении топонимов США

Статья исследует топонимическую лексику северо восточных штатов США. Отличительная черта местных топонимов -присутствие лексических элементов из языков коренных американцев, а также французского, немецкого, голландского и английского.

В рамках исследования проанализированы истоки топонимов пяти штатов: Нью-Йорка, Пенсильвании, Нью Джерси, Делавэра и Мэриленда. Количественный анализ выявил преобладание англоязычных названий, что отражает последствия британской колонизации и последующее языковое доминирование.

Примечательно, что топонимы коренных американцев образуют устойчивый доколониальный языковой субстрат. Это выделяет регион как территорию, где доевропейская номенклатура сохраняется в современном топонимическом пространстве. Исследование подчёркивает как колониальное влияние, так и непреходящее наследие индейских топонимов в формировании региональной топонимической системы.

Ключевые слова: топонимическая лексика, северо восточные штаты США, топоним, ойконим, колонизация, английский язык, языки коренных американцев, заимствования, топонимическое пространство, доколониальный субстрат, лингвистическое наследие, количественный анализ.

Аминджанова Р.Х.

Семантико-морфологический анализ таджикского простого глагола "шудан/shudan" в образовании сложных глаголов и его английских эквивалентов

В данной статье рассматривается семантико-морфологический анализ простого таджикского глагола шудан (shudan) – «становиться» – в его функции вспомогательного глагола в сложных глагольных образованиях. Используя корпус основополагающей работы Садриддина Айни «Воспоминания», исследование систематически изучает семантический и грамматический вклад шудана в составной предикат. Основное внимание уделяется роли глагола в выражении ингрессивных (инхоативных), трансформативных и результативных значений, тем самым формируя аналитические каузативы и пассивные конструкции. Контрастивный

анализ выявляет и классифицирует английские переводные эквиваленты для этих конструкций, раскрывая закономерности, варьирующиеся от простых глагольных фраз («began to...», «was...ed») до сложных перифрастических и лексикализованных форм. Результаты показывают, что шудан – это многозначный и грамматически универсальный вспомогательный глагол, занимающий центральное место в таджикской глагольной морфологии, функции которого распределены по множеству лексических и синтаксических структур в английском языке.

Ключевые слова: таджикский язык, составной глагол, вспомогательный глагол шудан, семантико-морфологический анализ, ингрессивный аспект, трансформативный аспект, каузативный аспект, пассивный залог, контрастивная лингвистика, Садриддин Айни, «Воспоминания».

Джамалова Т.Ю.
Савина А.В.

Англицизмы как средство самоидентификации в цифровой среде

Данная статья посвящена проблеме исследования никнеймов как современных антропонимов, отражающих динамику языковых процессов в условиях глобализации. Отмечается, что прагматико-коммуникативном плане никнейм служит средством самопрезентации участника виртуального общения, в связи с чем основой классификации никнеймов выступает их семантика. Однако, сформированные различными лингвистическими методами никнеймы чрезвычайно разнообразны. Кроме того, отражая актуальные тенденции интернационализации цифровой среды, никнеймы часто содержат англицизмы. В статье приведена классификация никнеймов, содержащих заимствования из английского языка, по методу их формирования: лексико-семантическому, морфологическому и лексико-синтаксическому; даны примеры моно- и поликонтентных антропонимов, образованных с помощью каждого из названных методов.

Ключевые слова: никнейм, самоидентификация в цифровой среде, англицизм, лингвистический анализ, морфолого-словообразовательный анализ.

Дилфузаи Ислом

Понятие «родина» в составе фразеологических единиц таджикского и английского языков

В данной статье рассматривается понятие «ватан/родина» в составе фразеологических единиц, пословиц и поговорок на таджикском и английском языках, а также выявляются их изоморфные и алломорфные особенности. Отмечается, что фразеологические единицы (ФЕ), включая пословицы и поговорки, служат языковыми сосудами для накопленной нацией мудрости, опыта и культурного мировоззрения. Цель исследования – провести сравнительный анализ концептуализации «ватан/родина» в рамках фразеологических систем таджикского и английского языков. В качестве первичных источников данных были использованы опубликованные словари таджикской и английской фразеологии, пословицы и корпуса литературных текстов. Были выявлены и семантически проанализированы таджикские ФЕ, содержащие лексему «ватан/родина» и связанные с ней понятия. Таким образом, понятие «ватан/родина» является фундаментальным и имеет позитивный оттенок в обеих языковых культурах.

Ключевые слова: понятие родины, фразеологические единицы, культурное восприятие, мудрость, пословица, защита родины, дом.

Зафарова З.А.

Некоторые теоретические взгляды на сравнительный анализ конструкций с неличными глагольными формами в таджикском и английском языках

Данная статья посвящена сравнительному анализу конструкций с неличными глагольными формами в таджикском и английском языках, основанному на теоретической концепции, разработанной в рамках контрастивной лингвистики и типологии. Неличные формы, включая инфинитивы, причастия и герундии, служат важными инструментами синтаксического

подчинения и упаковки информации, однако их функциональная и структурная реализация значительно различается в разных языках. Изучая эти конструкции на примере таджикского языка, индоиранского языка с богатой синтетической морфологией, и английского языка, германского языка с выраженными аналитическими тенденциями, данное исследование выявляет как универсальные принципы, так и языковые ограничения. Анализ опирается на теоретические постулаты из описательных грамматик и контрастивных исследований для систематической классификации и сравнения синтаксических ролей, семантических свойств и дискурсивных функций неличных предложений в обоих языках. Ключевые различия выявлены в таких областях, как выражение временных-аспектных отношений, структура аргументов и допустимость нулевых подлежащих. В заключение статьи делается вывод, что, хотя оба языка используют неличные формы для интеграции предложений, лежащие в их основе грамматические системы накладывают различные правила на их образование и использование, что влияет на стратегии перевода и усвоение второго языка.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, неличные формы глаголов, таджикский и английский языки, синтаксис, типология, герундии, причастия, инфинитив, стратегии перевода, выражение временных-аспектных отношений.

Ли Илинь

Двусторонняя интерпретация и сопоставительный анализ трансграничного распространения китайской и российской сетевой литературы

На фоне динамичного развития цифровой цивилизации и углубления гуманитарного обмена между Китаем и Россией сетевая литература, как новый носитель цифровой культуры, стала ярким явлением в культурном обмене между двумя странами. Исходя из концепций «Взаимодействие культурных символов» и «культурная адаптация», в данной работе проводит углубленную интерпретацию и систематический сопоставительный анализ двустороннего процесса распространения китайской и российской сетевой литературы. Исследование полагает, что этот процесс далеко не сводится к простому экспорту и импорту культурной продукции, а представляет собой непрерывное взаимодействие культурных символов и конструирование идентичности в цифровом поле при участии множества субъектов, таких как авторы, переводчики, платформы передачи и читатели. В этом процессе китайская сетевая литература, благодаря своей систематизированной картине мира и сильного нарратива, вызвала у российских читателей глубокую культурную адаптацию – от когнитивного восприятия до практики; в то время как российская сетевая литература, опираясь на свои глубокие литературные традиции и духовные поиски, достигла эстетической адаптации, основанной на ценностном резонансе, среди определенных кругов китайских читателей. Однако, упрощение содержания под влиянием коммерческой логики, нехватка высококвалифицированных кадров для межкультурной интерпретации и закрепление информационных пузырей из-за алгоритмов платформ в совокупности создают барьеры, препятствующие глубокому распространению. На этой основе в статье предлагается ряд оптимизационных мер, направленных на содействие высококачественному обмену смыслами и взаимному обогащению цивилизаций в рамках литературного обмена между двумя странами.

Ключевые слова: китайская сетевая литература, символическое взаимодействие, культурная адаптация, трансграничное распространение, межкультурная коммуникация, стратегии перевода, цифровые платформы, взаимное обогащение цивилизаций.

Гаврилюк Н.П.
Дедиу Е.И.

Банкнотная бумага как фундамент безопасности: технологические инновации и индустриальный контроль в производстве банкнот Банка Франции (XIX – начало XX вв.)

В статье исследуется ключевой аспект финансовой истории Франции – технологическая и институциональная эволюция производства банкнотной бумаги как основы защиты на-

циональной валюты от подделки. В центре внимания находится переход Банка Франции от эпизодического аутсорсинга сложных водяных знаков частным мануфактурам к полному технологическому суверенитету и прямому контролю над всем производственным циклом. На основе анализа архивных материалов и исторических свидетельств реконструируется процесс индустриализации этого производства во второй половине XIX века, инициированный резким ростом обращения банкнот мелких номиналов (50 и 100 франков). В работе рассматриваются взаимосвязанные факторы этого перехода: совершенствование технологий (от ручного черпания к машине Дюпона), кризис ремесленных навыков (исчезновение корпорации черпальщиков) и стратегические управленческие решения (приобретение фабрики в Бьерси, создание собственной мастерской). Делается вывод о том, что ответом на вызовы массового обращения и новых репродуктивных технологий (литография, фотография) стала не просто механизация, а создание комплексной системы, сочетавшей элементы инженерного новаторства, сохранение уникальных ручных навыков и жёсткий административный надзор. Этот процесс рассматривается как формирование современной, для того времени, модели защиты денежных знаков, обеспечившей Банку Франции производственную независимость и качество, необходимое для поддержания доверия к франку.

Ключевые слова: Банк Франции, водяной знак, защита банкнот от подделки, индустриализация бумажного производства, машина Дюпона, фабрика в Бьерси, черпальщики, денежное обращение XIX века, история финансовых технологий.

Жегалова У.А.

Идеология «Итальянского социального движения» и стратегия ее пропаганды в Европе 1960 – 1970-х гг.

В статье проводится анализ идеологии и пропагандистских стратегий «Итальянского социального движения» (MSI) в 1960–1970-е годы в контексте европейского правого популизма. Рассматривается специфика итальянского правого популизма, тесно связанного с неофашистским наследием, а также исследуется организационная структура MSI, её внутренние противоречия и эволюция от радикального неофашизма к более умеренному национал-консерватизму. Особое внимание уделяется пропагандистским методам партии, включая использование СМИ, символики, уличных акций и молодёжных организаций. Статья также затрагивает влияние MSI на политическую жизнь Италии и её роль в формировании современных правых движений в Европе.

Ключевые слова: Итальянское социальное движение (MSI), правый популизм, неофашизм, национал-консерватизм, пропаганда, Италия, политическая идеология, радикальные правые движения, евроскептицизм.

Пром Тхари

Исторические наследия и их влияние на демократический переход Камбоджи в 1993 году

Данное исследование анализирует эволюцию демократического перехода Камбоджи после периода, организованного ООН (UNTAC) в 1993 году, с учетом её исторического контекста. В работе рассматривается, каким образом французское колониальное господство, режим «Красных кхмеров» и вьетнамская оккупация повлияли на развитие парламентской системы и демократических практик Камбоджи. Показано, что исторический институционализм объясняет, как прошлые события закрепили устойчивые политические структуры, способствующие централизации власти и доминированию элиты в Камбодже после 1993 года. Несмотря на то, что период UNTAC способствовал внедрению демократических норм через многопартийные выборы, политическая система по-прежнему подвержена влиянию исторических факторов, мешающих полной демократической консолидации. Исследование объясняет, каким образом процессы демократизации в постконфликтных обществах сталкиваются с барьерами, вызванными исторической травмой, что имеет важное значение для стран, проходящих ана-

логичные демократические переходы. В будущем стоит обратить внимание на изучение роли внешних акторов в процессах демократизации, а также проводить сравнительные исследования постконфликтных переходов для более глубокого понимания того, как можно преодолеть авторитарное наследие.

Ключевые слова: демократический переход, историческое наследие, UNTAC, Народная партия Камбоджи (CPP), «Красные кхмеры», политическое покровительство, проблемы демократизации, Камбоджа после 1993 года.

Гончаров Н.А.

Рабочий вопрос в ходе парламентских прений в Великобритании в 1918-1921 гг.: между революционной угрозой и социальной реформой

В центре внимания статьи — парламентские дебаты в Великобритании 1918–1921 гг. как реакция политического истеблишмента на радикализацию рабочего движения после Первой мировой войны. Послевоенный период поставил перед правящими кругами задачу решения острого социального кризиса, вызванного демобилизацией, экономическими трудностями и влиянием революционных событий в России. В статье уделено внимание ключевым политическим фигурам, определявшим официальный ответ на вызовы времени — Дэвиду Ллойд Джорджу, либеральному министру Томасу Макнамаре, а также лидерам Лейбористской партии, таким как Артур Гендерсон и Джеймс Макстон, чьи идеологические разногласия внутри партии дезориентировали профсоюзное движение. Автор останавливается как на риторических стратегиях консерваторов и либералов, конструировавших образ рабочего — от «героя труда» до «бунтовщика», — так и на конкретных законодательных мерах, призванных смягчить социальную напряженность. Внимание уделено обсуждению в парламенте закона о угольных шахтах (Coal Mines Bill) 1919 г., Закона о шахтах 1920 г., а также дебатам о забастовке полиции и проблеме безработицы. Автор отмечает, что, несмотря на отдельные уступки, правящая коалиция в целом использовала тактику отсрочки и риторического маневра, чтобы блокировать фундаментальные реформы, такие как национализация шахт. Особое внимание уделено кризису Либеральной партии, которая не сумела предложить убедительную программу для рабочего класса и укрепить свои позиции. Дается оценка парламентским прениям как уникальному источнику, отражающему глубокий страх истеблишмента перед революционной угрозой и его попытки балансировать между социальной реформой и сохранением статус-кво. В статье проанализированы проблемы, которые вызывали наиболее заметные трения в отношениях между правительством и рабочим движением. Среди них — вопросы заработной платы и условий труда в угольной промышленности, национализация, а также тяжелое экономическое положение шахтеров Южного Уэльса и Шотландии.

Ключевые слова: британский парламент, рабочий вопрос, Дэвид Ллойд Джордж, Лейбористская партия, Либеральная партия, забастовочное движение, угольная промышленность, национализация шахт, социальные реформы.

Куровский С.В.
Мишин Д.А.
Морозов М.А.

Присоединение ФРГ к НАТО в 1955 году: генезис, процесс и трансформация архитектуры европейской безопасности в контексте ранней холодной войны

В статье представлены результаты исследования генезиса, процесса и трансформации архитектуры европейской безопасности в контексте ранней холодной войны в условиях присоединения ФРГ к НАТО в 1955 году. Цель научного исследования – комплексный анализ причин, механизмов и последствий присоединения ФРГ к НАТО для военно-политической и правовой архитектуры Европы. В статье приведены генезис «германского вопроса» в системе европейской безопасности (1949-1953 гг.), дипломатическая борьба вокруг перево-

оружения ФРГ и её интеграции в НАТО (1953-1955 гг.), последствия и формирование новой биполярной структуры (1955-1961 гг.), а также долгосрочные последствия для архитектуры европейской безопасности. Хронологические рамки исследования охватывают временной период 1949 (создание ФРГ и НАТО) – 1955 (вступление ФРГ в НАТО и ответное создание Организации Варшавского Договора) гг. с экскурсами в более ранний (план Плевена, 1950) и поздний периоды (кризис вокруг Берлина 1958-1961 гг.) для понимания причин и долгосрочных эффектов.

Ключевые слова: присоединение ФРГ к НАТО, генезис, трансформация архитектуры европейской безопасности, ранняя холодная война, германский вопрос, последствия, биполярная структура.

Мэн Синь

Механизм функционирования приграничных транспортных станций на советско-китайской границе в контексте деятельности Дальневосточного бюро Коминтерна

В статье исследуется скрытый механизм функционирования сети транспортных станций, созданных и курируемых Дальневосточным бюро Коминтерна (ДВБ КИ) на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-х гг. Данные станции являлись ключевыми элементами логистической инфраструктуры, обеспечивавшими нелегальную переброску партийных кадров, курьеров, финансовых средств, шифровальной аппаратуры и пропагандистских материалов из Советского Союза в Китай и обратно. Анализ архивных материалов и мемуарных свидетельств позволяет выявить двойственный характер этих пунктов — сочетание легальных прикрытий (торговые конторы, аптеки, гостиницы) и строжайшей конспирации. Особое внимание уделено роли станции в Харбине и приграничных пунктах Забайкалья, а также сложной системе взаимодействия агентов ДВБ, советских спецслужб и местных активистов Китайской компартии. Показано, что эффективность системы напрямую зависела от политической обстановки и жесткой централизации управления со стороны Москвы.

Ключевые слова: Коминтерн, Дальневосточное бюро, Маньчжурия, Транспортные станции, Китайская компартия.

Набизода М.С.

Источники о таджиках в составе кокандского ханства в годы правления Алим-Хана (1805-1810 гг.)

Статье описывается период превращение Коканда в ханства и принятие Алим-ханом, титу хана, сущность его реформы и преобразование политической жизнь таджикского народа в составе государства Коканд, который от владения в короткий срок, превратиться в ханства. Захват территории области Курама и Ташкент, превратило Коканд в ханства. Борьба за Ура-Тюбе, между Кокандом и Бухорой продолжалось. Но Худжанд, всегда было под властью Кокандского ханства. Именно Алим-хан возрождал весенний праздник земледельцев - Навруз, который организовалось в местности Чорчаман, за городом Коканд. Одним из таких гуляний Навруз, завершилось трагедий, Алим-хану был организован покушение. Смертельное ранение полученное ханом, зарождало много слухов в государстве и за рубежом. В результате, эмир Бухары проникает в Ура-Тюбе, владыка Ташкента, Хомидходжа ибни Юсуфходжа блокирует крепостей области Курама. Алим-хану пришлось организовать военный поход в Ташкент, в результате которого, область был захвачен окончательно. Реформы которые провел Алим-хан, конечно, служили для усиления Коканда, но рождало много оппонентов и врагов внутри государства. Именно противники Алим-хана, дважды организовали покушение, который, завершилось ножевым ранением. Внутренние противостояния и борьба, в итоге укрепило и оппозиционных сил среди военачальников, которые были недовольны от проведенной военной реформы, где хан ограничил власть наместников областей и племенных эмиров и вождей. Именно они и стали организаторами государственного переворота, отстранения от власти

Алим-хана и его физического уничтожения.

Ключевые слова: Чорчаман, горные таджики, Кокандское ханства, Чорку, Чуст, Курама, Ташкент, Ура-Тюбе, Худжанд, Алим-хан, Умар-хан, Ирискулибий, Джумабой-кайтоки, Мухаммадхакимхон Тура, Навруз.

Писчикова Н.П.
Савосина Ю.В.

Дискурс о Британии в российской прессе: общественное мнение и геополитика на рубеже XIX-XX столетий

В статье исследуется, как российские общественно-политические журналы формировали и изменяли представления об Англии в обществе в конце XIX – начале XX века. На примере публикаций в «Вестнике Европы», «Русском богатстве» и других изданиях показано, как пресса влияла на умы читателей. Авторы прослеживают, почему отношение к Великобритании резко менялось: от осуждения её политики во время англо-бурской войны до постепенного образа стратегического союзника после 1907 года. Работа демонстрирует, что ключевые нарративы в прессе напрямую определялись внешнеполитическими целями государства, что позволяет говорить о периодике как о важном проводнике официальной линии в общественное сознание.

Ключевые слова: общественное мнение, Великобритания, Россия, Первая мировая война, общественное сознание.

Пром Тхари

Институциональный дисбаланс в парламентской системе Камбоджи: структурный барьер на пути к демократии

Данное исследование анализирует продолжающийся институциональный дисбаланс в парламентской системе Камбоджи после принятия Конституции 1993 года. Конституция устанавливает разделение властей между исполнительной, законодательной и судебной ветвями, однако на практике преобладание исполнительной власти ограничивает их независимость. В работе показано, что Народная партия Камбоджи (CPP) сохраняет централизованное руководство, а система политического покровительства и зависимая судебная власть привели к ослаблению демократической подотчётности. Проводится качественный анализ правовых и политических структур, который иллюстрирует, что Национальное собрание и судебная система остаются структурно подчинёнными, что подрывает общественное доверие и затрудняет верховенство закона и проведение значимых реформ. Исследование также оценивает механизмы консолидации исполнительной власти и предлагает конституционные, правовые и политические реформы, которые могли бы восстановить демократические принципы, заложенные в соглашении 1993 года, путём возвращения баланса между государственными институтами.

Ключевые слова: Камбоджа, парламентская система, доминирование исполнительной власти, институциональный дисбаланс, судебная власть, конституционная реформа, управление, верховенство права.

Смирнов А.В.

Советско-американские переговоры по вопросам урегулирования платежей по системе «Ленд-Лиз» (1946-1948)

В данной статье рассматривается проблема урегулирования вопросов выплат по системе «Ленд-Лиз» в процессе первых советско-американских переговоров по вопросу выплаты кредита со стороны СССР в первые послевоенные годы. В этой связи особое внимание стоит уделить официальной позиции Вашингтона и Москвы, проиллюстрировать эволюцию дипломатических позиций Советского Союза и Соединённых Штатов в ходе переговорного процесса. Стоит подчеркнуть, что американская сторона не хотела идти на политические уступки

СССР и особенно выделять Советский Союз из общего числа «стран-получателей» военно-экономической помощи по «Ленд-Лизу», в тоже время, предоставляя СССР льготные условия для реализации временных договорных обязательств по военным расходам. Советский Союз со своей стороны затягивал переговорный процесс, надеясь в конечном итоге на снижение требований к выплачиваемой сумме. А также руководство СССР сознательно откладывало обусловленную Соглашением о военной взаимопомощи 1942 года передачу Соединённым Штатам трёх американских линкоров, поскольку испытывало в них острую необходимость. Кроме того, делается соответствующий вывод о том, что спустя 2 года переговоров, различной степени интенсивности, дипломатические группы обеих сторон так и не достигли какого-либо определённого консенсуса.

Ключевые слова: США, СССР, ленд-лиз, переговоры, дипломатия, Н.В. Новиков, А.С. Панюшкин, У. Клейтон, У. Торп.

Солиходжаева С.А.

Деятельность британской агентурной сети в средней Азии в 1918-1919 гг.

Рассказывается о продолжении англо-русской военно-дипломатической конфронтации, начавшейся ещё в XIX веке, то есть со времен «Большой игры», и продолжавшейся при установлении советской власти. Согласно данному факту, что геополитика Центральной Азии всегда была под пристальным вниманием сначала российской, а затем и советской власти. С принятием советской декларации, касавшейся «прав народов России», окраины бывшей Российской империи стремились создать собственную государственную форму, что привлекло внимание мировых держав, давно мечтавших установить здесь свое господство, и главным образом Великобритании. Отмечено, что, учитывая военно-политическую конъюнктуру Туркестанского края, англичане усилили деятельность своих агентов. Британия, усиливая разведывательную деятельность в Туркестане, преследовала две цели: во-первых, ограничить военное движение советской власти к англо-индийской границе; во-вторых, установить господство в Туркестане и тем самым реализовать свою давнюю мечту. С этой целью британская разведка несколько раз снаряжала военные экспедиции, обеспечивала оружием группы, не признававшие новую власть, и направляла агентов на территорию Туркестана с целью организации диверсий и ведения подрывной деятельности.

Ключевые слова: Британия, Россия, Туркестан, дипломатия, военные миссии, агентурная сеть, подрывная деятельность.

Хахалин С.И.

Бугенвиль: краткая история, предпосылки кризиса и сегодняшний день

В данной статье затрагивается вопросы истории как медный рудник мог стать началом кризиса в Бугенвиле, путь от острой фазы кризиса до сегодняшнего дня, поднимается вопрос как правительства будущего субъекта пришло к финансово-бюрократической проблеме и какая угроза эскалации конфликта стоит перед ними вновь.

Ключевые слова: Бугенвиль, Папуа-Новая Гвинея, рудник Пангуна, Океания, Австралия, независимость, автономия.

Сераев А.Р.

Мадридский саммит НАТО 1997 года как первая попытка глобальной трансформации военного блока

В работе автор исследует роль саммита в Мадриде в 1997 году в контексте изменений глобальной деятельности НАТО. Рассматриваются предпосылки политики глобализации, возможности расширения влияния Североатлантического альянса в различных государствах. В связи с актуальностью принятия новых членов была предпринята попытка изменения условий вступления в НАТО и разработан ряд документов, регулирующих содержание и направления сотрудничества различных стран.

В исследовании автор изучает предпосылки становления политики НАТО: расширения границ влияния, установления партнерских отношений с новыми государствами и в этой связи использование различных инструментов, в том числе разработки соглашений, договоренностей на встречах, саммитах и иных мероприятиях. Саммит 1997 года в Мадриде рассматривается как встреча, в которой участвовал ряд государств, принадлежавших к «социалистическому лагерю» и это явилось серьезным шагом на пути к глобализации альянса и пониманию необходимости создания новых эффективных механизмов взаимодействия с различными странами - реальными и потенциальными участниками.

Ключевые слова: НАТО, Саммит 1997 г., внешняя политика, глобальная трансформация, страны-участники, Североатлантический альянс, страны «социалистического лагеря», расширение влияния, политико-дипломатическое присутствие.

Терновая Л.О.
Чапкин Н.С.

Власть математики: невидимая сила, управляющая миром

Статья раскрывает концепцию власти математики как фундаментальной, универсальной и непререкаемой силы, управляющей природными и социальными процессами. Рассматривается роль математики в научном познании мира, ее значимость в формировании экономических, социальных и политических институтов, а также влияние на современные технологические и информационные системы. Особое внимание уделяется историческим примерам выдающихся математиков, которые через знание и применение математики влияли на государственную власть и общественное развитие. Анализируются современные вызовы и ответственность, связанные с использованием математических моделей и алгоритмов в управлении обществом, экономикой и выборами. Материал подчеркивает, что власть математики – это власть разума, истины и этики, от которых зависит будущее человечества.

Ключевые слова: власть математики, математическое мышление, научное познание, экономика и финансы, алгоритмы и технологии, политическая власть, математические модели, история науки, выборы и демократия, этика в математике, математическое образование, управление и прогнозирование.

Мухамедов Р.А.
Пивненко В.Ю.

Образование и воспитание молодежи в позднесоветской провинции (на материалах Ульяновской области в конце 1970-х гг.): достижения, противоречия и системные проблемы

В статье на основе ранее не вводившихся в научный оборот документов отдела науки и учебных заведений Ульяновского обкома КПСС (1979 г.) проводится комплексный анализ состояния системы народного образования в позднесоветский период. Исследуется реализация всеобщего среднего образования, материально-техническая база учебных заведений, идеологическая и трудовая подготовка учащихся, а также кризисные явления: рост подростковой преступности, отток молодежи из села, дефицит дошкольных учреждений. На конкретном региональном материале выявляется противоречие между формальными успехами, декларируемыми в отчетности, и глубинными системными проблемами, тормозившими качественное развитие социальной сферы. Статья вносит вклад в изучение повседневности и реальных практик функционирования советской системы образования накануне 1980-х годов.

Ключевые слова: история образования, Ульяновская область, всеобщее среднее образование, трудовое воспитание, партийные документы, региональная история, социальная история.

Упоров И.В.

Диссидентство как общественно-политическое явление в период советского «застоя»

В статье раскрываются особенности диссидентского движения в Советском Союзе в са-

мой пик его активности, а именно: конец 1960-х – середина 1970-х гг. При этом выделяются лишь основные тенденции развития этого общественно-политического движения с точки зрения значимости диссидентского движения как в СССР, так и на международной арене. Делается вывод о том, что диссидентство как общественно-политическое явление было частью советской истории. И сейчас, спустя несколько десятилетий, можно, очевидно, говорить о том, что диссидентство являлось следствием неоправданного ограничения ряда политических прав советских граждан, что противоречило социальной природе человеческого сообщества; а ряд требований, которых они добивались, в нашей стране после распада СССР в 1991 г. были закреплены законодательно, при этом наиболее известные диссиденты (А.И. Солженицын, А.Н. Сахаров и др.) получили общественное признание, хотя оценки их деятельности со временем меняются и остаются противоречивыми. И в этом контексте обществу и государству важно извлекать уроки из прошлого, соизмеряя принимаемые решения прежде всего с фундаментальными правами и свободами человека.

Ключевые слова: диссидентство, СССР, права человека, протесты, демонстрации, самиздат, власть, правозащитники.

Щупленков О.В.
Щупленков Н.О.

Модернизация государственных вооруженных сил в Западной Европе – социально-исторический аспект

Данное исследование о становлении государственных вооруженных сил в Западной Европе, которое привело к модернизации национальных армий на остальной территории планеты, начавшейся в последней трети XIX века. Его общей чертой является идея о том, что войны и армии не обязательно являются частями одного и того же явления. Это означает, что отношения, как в реальности, так и в объяснениях, которые на ней строятся, между вооруженными конфликтами, армиями и их преобразованиями не являются прямыми и не обязательно должны быть последовательными.

Ключевые слова: вооруженные силы, Европа, историография, колониализм, конфликт, общество, реальность.

Эшматова Г.Б.

Руководители Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны

На основе широкого круга источников в статье показан жизненный и профессиональный путь руководителей Ойротской автономной области трудившихся в годы Великой Отечественной войны, внесших существенный вклад в развитие региона. Привлечение в научный оборот неопубликованных, ранее неизвестных источников позволило раскрыть интересные факты и сведения из их биографий. Работа интересна тем, что в ней документально изложены имена, даты, населенные пункты, где происходили события. Данные о них содержат по этому поводу убедительную информацию. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной деятельности. Кроме того, возможно применять в процессе планирования и организации патриотического воспитания молодежи, также в преподавании отечественной истории и других социально-гуманитарных наук, спецкурсов по истории Горного Алтая в учебных заведениях региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ойротская автономная область, государственная власть, коммунистическая партия, областной комитет партии, областной исполнительный комитет, руководители, биографии, вклад, источники.

Шипова М.А.

Технологии производства на Императорском фарфоровом заводе во второй половине XIX века

В статье рассматривается технология производства фарфора на Императорском фарфо-

ровом заводе во второй половине XIX века. В ней представлен источниковедческий анализ архивных документов, посвященных развитию сырьевой и технологической базы предприятия, которые содержат большое количество технической информации и позволяют проследить тенденции в развитии этого вида керамики. В статье приводятся данные об изменении в составе сырья фарфоровой массы, выразившемся в отказе от отечественных материалов в пользу импортных; о внедрении на производстве новых машин и механизмов; о применении новых техник декорирования художественного фарфора; рассматриваются вопросы организации производственного процесса. Результаты исследования имеют особенную актуальность для искусствоведов, музейных хранителей и реставраторов при выявлении подделок, атрибуции изделий или выборе техники восстановления фарфоровых произведений, а также могут служить отправной точкой для современных фарфористов при создании новых шедевров художественного фарфора.

Ключевые слова: русский фарфор, Императорский фарфоровый завод, технология производства фарфора, рецептура фарфора, исторический источник.

Турянская К.А.
Бобров А.А.
Панкратьева Г.И.

Феномен подстаканника как символа железных дорог России

Предметом исследования является подстаканник как элемент материальной культуры и устойчивый символ железных дорог России. Объектом исследования выступает железнодорожная повседневность как особое культурное и институциональное пространство, в рамках которого формируются и закрепляются символические значения предметов сервиса. Автор рассматривает подстаканник не только как утилитарный аксессуар для подачи чая, но и как культурный знак, возникающий на пересечении инфраструктурных условий железнодорожного путешествия, регламентированных практик обслуживания пассажиров и ритуализированных форм повседневного поведения в пути. Особое внимание уделяется анализу механизмов символизации подстаканника, связанных с повторяемостью практики чаепития, институциональной устойчивостью железнодорожного сервиса и включённостью предмета в коллективную культурную память. В работе подстаканник интерпретируется как «малый предмет инфраструктуры», через который абстрактные представления о пути и дороге получают материальное и телесно переживаемое воплощение.

Методологическую основу исследования составляют историко-культурный анализ, семиотический подход, методы исследования повседневности, а также полемико-критический анализ интерпретаций символики железной дороги.

Основными выводами проведённого исследования являются положения о том, что символический статус подстаканника формируется не в результате единичного исторического акта или эстетической ценности предмета, а вследствие его устойчивого воспроизводства в институционально организованной железнодорожной повседневности. Особым вкладом автора в исследование темы является обоснование подхода к подстаканнику как «малому предмету инфраструктуры», соединяющему регламент сервиса, телесный опыт путешествия и механизмы культурной памяти. Новизна исследования заключается в переносе акцента с традиционного анализа «больших» символов железной дороги (поезд, путь, вокзал) на материально-ритуальный уровень повседневности, где символика пути закрепляется через повторяемые действия и предметы. Показано, что подстаканник выступает репрезентативным носителем смыслов железнодорожного путешествия, обеспечивая переход от абстрактных метафор дороги к их практическому и переживаемому воплощению.

Ключевые слова: подстаканник, железные дороги России, железнодорожная повседневность, материальная культура, символизация, семиотика культуры, пассажирский сервис, культурная память, ритуал чаепития, инфраструктура повседневности.

Тимербулатов Т.А.

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 1. Субъекты информационной безопасности

Обеспечение информационной безопасности – процесс сложный, объединяющий правовое, организационное, научно-техническое и иные направления деятельности государства. Молодое советское государство, объективно оценивая информацию и как ресурс, и как источник угроз, с первых дней существования постепенно формировало систему обеспечения информационной безопасности. В РСФСР эта система в целом сложилась еще до образования СССР. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда по инициативе Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина был запущен и в целом реализован (в том числе непопулярными методами с использованием репрессивных мер) план форсированного экономического прорыва СССР, нацеленного прежде всего на укрепление безопасности и обороноспособности государства. В части 1 настоящей статьи изучен один из ряда аспектов проблемы – субъекты обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: информация, система, защита информации, обеспечение информационной безопасности.

Бедретдинова Л.Н.

Географический детерминизм раннего С.М. Соловьева

В статье рассматривается концепция географического детерминизма через призму взглядов русского историка С.М. Соловьева. Автор анализирует, как географические условия, такие как климат, рельеф и доступность ресурсов, влияют на развитие обществ и формирование их исторических путей. Статья предлагает комплексный подход к изучению истории, который учитывает взаимодействие между природными условиями и человеческой деятельностью, подчеркивая необходимость многогранного анализа факторов, формирующих цивилизации, а также сравнительную характериститку анализа природного фактора С.М. Соловьева и Л.И. Мечникова.

Ключевые слова: географический детерминизм, социальное развитие, исторические процессы, экономические факторы, политические факторы, заимосвязь, критика детерминизма.

Гусельников С.Д.

Проблема обеспечения медицинским персоналом войск царя Алексея Михайловича в годы русско-польской войны 1654-1667 годов

В XVII веке в организации военных сил русского царства произошли значительные перемены. В результате реформ царя Алексея Михайловича основной частью армии стали полки нового строя. Однако новое войско требовало новых подходов в управлении и обеспечении. Одним из них стала организация медицинской службы. Эта задача легла на Аптекарский и Разрядный приказы. Целью данной работы является определения количество и качество врачебного персонала в русской армии середины XVII в. Объектом исследования выступает система назначения медицинских специалистов в армии царя Алексея Михайловича в годы русско-польской войны 1654-1667 гг. Методологическая база исследования основана на следовании принципов историзма, системности и объективности. Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация. Источниковая база данной работы - делопроизводственные документы Разрядного и Аптекарского приказа, как опубликованные, так и хранящиеся в РГАДА. В ходе проделанной работы становится очевидно, что снабжение войск лекарями в рассматриваемый период приобрело регулярный характер, но их количество едва ли позволяло удовлетворить все потребности армии.

Ключевые слова: военно-полевая медицина, русская армия, история медицины, военные реформы Алексея Михайловича, XVII век, Аптекарский приказ.

Джумагулова А.Т.
Илясова А.А.
Колесов М.А.

Административные и социокультурные практики интеграции Крыма в состав России: к постановке проблемы

В статье проводится комплексный анализ административных и социокультурных практик интеграции Крымского полуострова в состав Российской империи в 1783 – первой половине XIX в. Несмотря на обширную историографию, синтез управленческих и культурных механизмов имперской политики остается недостаточно изученным, что определяет новизну работы. Методологическую основу составляют принципы историзма, системности, компаративный анализ и институциональный подход. Источниковую базу образуют законодательные акты, делопроизводственные материалы, статистические описания и источники, извлеченные из фондов Российского государственного военно-исторического архива. Анализ материалов позволил выявить ключевые особенности и противоречия интеграционной модели: сочетание унификации губернского управления с сохранением специфических судебных институтов («татарские расправы»); поэтапную, но затрудненную интеграцию крымскотатарской знати в российское дворянство; дуалистическую конфессиональную политику, включавшую инкорпорацию исламских институтов (создание муфтията) и параллельное усиление православного присутствия. Сформулирован вывод о том, что интеграция Крыма представляла собой нелинейный процесс сложного диалога между имперскими нормами и местными традициями, в котором стратегия административной модернизации сочетались с тактикой социокультурной адаптации, что позволило Российской империи относительно мирно инкорпорировать регион, сформировав при этом уникальный и внутренне конфликтный правовой и культурный ландшафт.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, интеграция, административная политика, социокультурные практики, правовой плюрализм, крымские татары.

Ерошков К.Ю.
Попова М.Б.
Буркова В.А.
Воробьёва А.Е.
Иванов К.С.

Роль гестапо в системе контроля за населением

Данное исследование представляет собой комплексный анализ функционирования гестапо (Тайной государственной полиции) как центрального элемента репрессивного аппарата Третьего рейха и его роли в установлении тотального контроля над обществом [1, 6]. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного осмысления социально-политических механизмов, позволивших относительно малочисленной организации [4, 7] не только эффективно подавлять инакомыслие внутри страны, но и стать ключевым исполнителем политики массового террора и геноцида на оккупированных территориях [3, 8].

Ключевые слова: Гестапо, нацистская Германия, тотальный контроль, репрессивный аппарат, социальный террор, холокост, айнзацгруппы.

Макарова Д.Д.
Иванова Д.Е.
Иванов К.С.
Иванова А.С.

«Культурная революция» в СССР: пропаганда, ликбез и формирование «нового человека»

В статье отражены основные вопросы, касающиеся культурной революции в СССР. Проведенные мероприятия смогли поменять не только духовно-нравственную культуру людей, но и облик страны в целом. Данный процесс позволил перейти от капиталистической системы к социалистической. Цель исследования: анализ культурной революции на различные сферы деятельности человека, определение роли формирования «нового человека» в обществе. Методы исследования: изучение и анализ литературы, статистическая обработка полученных данных. Результаты и выводы исследования: Реализованные изменения нельзя оценивать однозначно, так и в годы революции и после различным сферам деятельности человека был нанесен большой ущерб: эмиграция большого количества ученых, поэтов и т.д., разрушение памятников архитектуры. Среди успехов, достигнутых в рамках культурной революции, можно выделить следующие: повышение грамотности населения, создание единой образовательной системы, расцвет науки и культуры.

Ключевые слова: культурная революция, СССР, пропаганда, ликбез, новый человек.

Кальченко П.Д.

Газеты «Новая жизнь» и «Утро», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.), как фактор идеологического влияния на детей и их семьи

В статье анализируются архивные материалы, взятые из газет «Новая жизнь» и «Утро», издаваемых в период немецко-фашистской оккупации на территории Ворошиловградской области (1942-1943 гг.), в качестве фактора идеологического влияния на детей и их семьи. Уделяется особое внимание распространению данных газет среди местного населения, которые зачастую отражали будущий крах советских войск и успешное наступление немецкой армии и их союзников. Кроме того, в статьях газет активно пропагандировалась помощь оккупационным властям, необходимость постановки граждан на биржу труда, после чего они были обязаны отправиться на работу в Германию. В заключительной части статьи делается вывод о том, что местное население (включая детей) стало жертвой немецко-фашистской пропаганды, направленной на манипуляцию групповым сознанием и поведением людей.

Ключевые слова: Ворошиловградская область, немецко-фашистская оккупация, пропаганда, дети и их семьи, местное население, идеологическое влияние.

Карелина Н.Н.
Михеева Е.С.
Васющенкова Т.С.
Миляева А.К.
Миронова Е.А.

Женщины в спорте в СССР: исторические основы физической активности женщин

Актуальность темы исследования «Женщины в спорте в СССР: исторические основы физической активности женщин» обусловлена значительным вкладом женщин-спортсменок в развитие спортивной и физической культуры исторического периода времён Советского Союза, а также недостаточной изученностью их роли в историческом и социальном контексте. Цель исследования – выявить основные достижения женщин-спортсменок, определить влияние их деятельности на формирование гендерных ролей и общественного мнения в Советском Союзе. В данной статье проведено исследование о женщинах-спортсменках в Советском Союзе, изучено их участие в большом спорте, персональные достижения и влияние их спортивной деятельности на общество в определённый исторический период. В работе уделяется внимание участию женщин в Олимпийских Играх, женщинам-тренерам, созданию специализированных спортивных школ для девочек, спортивной одежде для женщин в советском союзе. Обращается внимание на развитие научно-теоретической базы женского спорта. Рассматривается вопрос проблем и препятствий в спорте, с которыми сталкивались женщины в изучаемый отрезок времени. В работе применялся метод научно-

го исследования – тематический анализ научно-методологической литературы. В результате проведённого теоретического исследования сделан вывод, что достигнутые в советское время результаты свидетельствуют о необходимости продолжения работы в данном направлении. Важно не только учитывать исторический опыт, но и постоянно совершенствовать его, учитывая изменения в обществе и новые вызовы. Развитие женского спорта – это не только вопрос спортивной и социальной справедливости, но и важный фактор формирования гармоничного, прогрессивного и здорового общества.

Ключевые слова: виды спорта, женщины-спортсменки, идеология, история, общество, равноправие, Советский Союз, социум, спорт, спортивные школы, СССР, общество, Олимпийские Игры, физическая культура, физкультурница.

Лебедев В.П.

Харбин как фактор социально-экономической, политической и культурной трансформации Маньчжурии

Статья рассматривает Харбин как ключевой фактор социально-экономической, политической и культурной трансформации Маньчжурии в 1898–1945 годах. На основе архивных материалов фонда 323 РГИА, российской и зарубежной историографии анализируется процесс формирования и развития города как центра Китайско-Восточной железной дороги, его роль в модернизации региона, последовательной смене влияний (российского, советского, японского, китайского) и становлении уникального пространства межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделено двойственному характеру влияния Харбина: с одной стороны – импульс урбанизации, экономического роста и экспорта, создание многонационального городского сообщества; с другой – источник социальных диспропорций, этнических противоречий и геополитической напряжённости.

Ключевые слова: Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия, российская эмиграция, культурная гибридизация, колониальная урбанизация, Северо-Восточный Китай.

Меньшиков И.А.

Средневековые украшения конской узды из экспозиции Луганского краеведческого музея

В данной статье анализируется украшения конской узды, из экспозиции Луганского Краеведческого музея, обнаруженное в Краснодонском районе Луганщины. Автором дается подробное описание предметов набора, приведены его метрические и весовые показатели, проведен сравнительный анализ, на основании которого набор уздечных украшений из Краснодонского района автором отнесен к Гаевско-Новокаменскому типу по классификации Р.С. Орлова.

Ключевые слова: украшения, решмы, бляшки, узда, орнамент.

Abstracts

Lupina A.E.

Ethnolinguocultural worldview: interpretation features and methodological perspectives

In the context of globalization and the formation of polyethnic societies, the problem of adequately interpreting the worldviews of various ethnolinguistic cultural communities becomes increasingly relevant. The article is devoted to the theoretical justification and methodological elaboration of an integral approach to studying this problem—the concept of the ethnolinguistic cultural worldview (ELCW).

The author analyzes the evolution of related disciplines (linguoculturology, ethnolinguistics, cognitive linguistics) and substantiates the emergence of a new synthetic field of knowledge—ethnolinguoculturology, which focuses on the triad "language-ethnicity-culture." The key concept of ELCW is operationalized, defined as a dynamic model of worldview reconstructed through the analysis of culturally marked concepts.

Special attention is given to research methodology. The article argues for the need to combine traditional qualitative analysis with digital linguistics tools. It explores the potential of corpus methods, NLP tools, and network modeling for objectifying and verifying the structure of ethnoconcepts.

The scientific novelty of the work lies in the systematization of ethnolinguoculturology as a research direction, the clear operationalization of the ELCW concept, and the proposal of a specific integral methodological framework. The practical significance of the study is linked to the prospects of applying its results in language and culture teaching (especially RKI), intercultural communication, analysis of sociolinguistic conflicts, and expertise in public discourse within polyethnic communities.

Key words: ethnolinguocultural worldview, ethnolinguoculturology, concept, intercultural communication, digital linguistics, corpus methods, multi-ethnicity.

Smirnova E.V.
Vedernikova T.V.
Shuaipova A.A.

The specific functioning of the phenomenon of "denglish" in german political discourse

This article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of «Denglish» in contemporary German political discourse. It examines in detail the sociolinguistic preconditions for the intensive penetration of Anglicisms, associated with the global dominance of English as a lingua franca. Particular attention is paid to differentiating between functionally justified borrowings that fill conceptual gaps and «Denglish» proper—the use of English vocabulary where full-fledged German equivalents exist. The central part of the paper reveals the specific pragmatic functions of this phenomenon in political communication: constructing a progressive image, creating an esoteric code for the political elite, euphemizing unpopular policies, and discrediting opponents. It is emphasized that «Denglish» is not a stylistic device, but a tool of ideological struggle and symbolic politics. The table illustrates how specific Anglicisms fulfill these functions in public speeches and official documents. The article also analyzes the counter-reaction—resistance to «Denglish» from conservative and right-wing populist forces, who use its criticism to advance a nationalist-patriotic agenda. It concludes that the linguistic debate reflects a deep sociocultural divide in German society and serves as a key to understanding contemporary political processes in Germany.

Key words: German political discourse, «Denglish», anglicisms, language ideology, linguistic pragmatics, political communication.

Sodiqova R.A.

Some theoretical views on the history of the study of prepositions in Tajik and English

The given article provides a comprehensive overview of the historical and comparative study of prepositions in the Tajik and English languages. It synthesizes key research, beginning with foundational Tajik linguistic works by scholars like Neměnova, who classified Tajik prepositions and analyzed their semantics. The review extends to the examination of primary and compound prepositions, their grammaticalization, and functional evolution, referencing contributions from Tajik linguists such as Siyoev, Khalilov, and Ismatulloev. Simultaneously, the article traces the development of English prepositions from Old English to Modern English, citing leading grammarians like Jespersen, Quirk, and Traugott. The analysis highlights the parallel processes of semantic expansion and structural complexification in both languages, demonstrating how prepositions have evolved from concrete spatial markers to multifunctional grammatical elements. The article concludes that cross-linguistic research offers valuable insights into universal and language-specific trends in syntactic and semantic development.

Key words: preposition, independent parts of speech, poetry and prose, semantic functions of prepositions, types of prepositions, style, Tajik and English, linguistics, comparative analysis, overview of the historical and comparative study of prepositions.

Terskikh N.V.

About the origin of the US toponyms

The article examines toponymic vocabulary in the northeastern U.S. states. A key feature of Northeastern toponyms is the presence of lexical elements from Native American, French, German, Dutch, and English.

The study analyzes toponym origins in five states: New-York, Pennsylvania, New Jersey, Delaware, and Maryland. Quantitative analysis reveals the predominance of English-derived names, reflecting British colonization and subsequent linguistic dominance.

Notably, Native American place names form a significant precolonial linguistic substrate. This distinguishes the region as an area where pre European nomenclature persists within the modern toponymic landscape. The research thus highlights both colonial influence and the enduring legacy of Indigenous toponyms in shaping the region's toponymic space.

Key words: toponymic vocabulary, Northeastern United States, toponym, oikonym, colonization, English language, Native American languages, borrowings, toponymic space, precolonial substrate, linguistic heritage, quantitative analysis.

Aminjonova R.H.

Semantico-morphological analysis of the TAJIK simple verb "шудан/shudan" in composite verb formation and its English equivalents

The given article dwells on the semantico-morphological analysis of the Tajik simple verb шудан – "to become" – in its function as an auxiliary within compound verb formations. Using the corpus of Sadriddin Aini's foundational work "Reminiscences", the study systematically investigates the semantic and grammatical contribution of шудан to the composite predicate. The primary focus is on the verb's role in expressing ingressive (inchoative), transformative, and resultative meanings, thereby forming analytical causatives and passives. A contrastive analysis identifies and categorizes the English translational equivalents for these constructions, revealing patterns ranging from simple verbal phrases ("began to...", "was...ed") to complex periphrastic and lexicalized forms. The results demonstrate that шудан is a highly polysemous and grammatically versatile auxiliary central to Tajik verbal morphology, whose functions are distributed across multiple lexical and syntactic structures in English.

Key words: Tajik language, compound verb, auxiliary шудан, semantico-morphological analy-

sis, ingressive aspect, transformative aspect, causative, passive voice, contrastive linguistics, Sadriddin Aini, "Reminiscences".

Dzhamalova T.Yu.
Savina A.V.

Anglicisms as a means of self-identification in the digital environment

This article is devoted to the study of nicknames as modern anthroponyms, reflecting some language processes under the conditions of globalization. According to the pragmatic-communicative approach, nicknames are a means of self-presentation in virtual communication. Therefore, the basis for classification of nicknames is their semantics. However, a great variety of nicknames is existed, due to the fact that they are built of different morphemes. In addition, reflecting the current trends of internationalization of the digital environment, nicknames often contain anglicisms. The article offers a classification of nicknames containing some borrowings from the English language, according to their method of formation: lexical-semantic, morphological and lexical-syntactic. Examples of mono- and polycontent anthroponyms are given as well.

Key words: nickname, self-identification in the digital environment, anglicism, linguistic analysis, morphological analysis, word formation.

Dilfuzai Islom

The notion of «homeland» in the composition of phraseological units of Tajik and English

The given article dwells on the notion of «ватан/homeland» within the composition of phraseological units, proverbs, and sayings in Tajik and English and identifies their isomorphic and allomorphic peculiarities. It is noted that phraseological units (PUs), including proverbs and sayings, serve as linguistic vessels for a nation's accumulated wisdom, experience, and cultural worldview. The study aims to conduct a comparative analysis of the notionualization of «ватан/homeland» within the phraseological systems of Tajik and English. The primary data sources included published dictionaries of Tajik and English phraseology, proverbs, and corpora of literary texts. Tajik PUs containing the lexeme «ватан/homeland» and related notions were identified and semantically analyzed. Thus, the notion of «ватан/homeland» is fundamental and positively charged in both linguistic cultures.

Key words: notion of homeland, phraseological units, cultural perception, wisdom, proverb, defense of homeland, home.

Zafarova Z.A.

Some theoretical views on comparative analysis of constructions with non-finite verb forms in Tajik and English

The given article dwells on the comparative analysis of non-finite verb form constructions in Tajik and English, grounded in a theoretical framework derived from contrastive linguistics and typology. Non-finite forms– including infinitives, participles, and gerunds– serve as critical tools for syntactic subordination and information packaging, yet their functional and structural realizations vary significantly across languages. By examining these constructions through the lens of Tajik, an Indo-Iranian language with rich synthetic morphology, and English, a Germanic language with strong analytic tendencies, this study elucidates both universal principles and language-specific constraints. The analysis draws on theoretical postulates from descriptive grammars and contrastive studies to systematically categorize and compare the syntactic roles, semantic properties, and discourse functions of non-finite clauses in both languages. Key divergences are identified in areas such as the expression of temporal-aspectual relations, argument structure, and the licensing of null subjects. The article concludes that while both languages utilize non-finite forms for clause integration, the underlying grammatical systems impose distinct rules on their formation and us-

age, impacting translation strategies and second language acquisition.

Key words: contrastive linguistics, non-finite verb forms, Tajik and English languages, syntax, typology, gerunds, participles, infinitive, translation strategies, expression of temporal-aspectual relations.

Li Yilin

A bilateral interpretation and comparative analysis of the cross-border dissemination of Chinese and Russian online literature

Against the backdrop of the dynamic development of digital civilization and the deepening of cultural exchanges between China and Russia, online literature, as a new carrier of digital culture, has emerged as a prominent phenomenon in the bilateral cultural dialogue. Based on the theoretical frameworks of "cultural-semiotic interaction" and "cultural adaptation," this study provides an in-depth interpretation and a systematic comparative analysis of the bilateral dissemination process of Chinese and Russian online literature. The research posits that this process extends far beyond the mere export and import of cultural products; rather, it constitutes a continuous interplay of cultural symbols and an identity construction within the digital sphere, involving multiple actors such as authors, translators, distribution platforms, and readers. In this process, Chinese online literature, with its systematic world-building and compelling narratives, has elicited profound cultural adaptation among Russian readers– spanning from cognitive reception to practical engagement. Meanwhile, Russian online literature, drawing on its profound literary traditions and spiritual explorations, has achieved aesthetic adaptation based on value resonance within certain circles of Chinese readers. However, content simplification driven by commercial logic, a shortage of high-quality cross-cultural interpreters, and the reinforcement of information bubbles by platform algorithms collectively form barriers that hinder deeper dissemination. Building on this analysis, the paper proposes a series of optimization measures aimed at promoting high-quality meaning exchange and mutual enrichment of civilizations through literary interaction between the two countries.

Key words: Chinese online literature, symbolic interaction, cultural adaptation, cross-border dissemination, intercultural communication, translation strategies, digital platforms, cross-cultural enrichment.

Gavrilyuk N.P.
Dediu E.I.

Banknote paper as the foundation of security: technological innovations and industrial control in the production of bank of France banknotes (19th – early 20th centuries)

This article examines a key aspect of French financial history – the technological and institutional evolution of banknote paper production as the foundation for protecting national currency from counterfeiting. The focus is on the transition of the Bank of France from the episodic outsourcing of complex watermarks to private manufacturers to full technological sovereignty and direct control over the entire production cycle. Based on the analysis of archival materials and historical evidence, the process of industrialization of this production in the second half of the 19th century is reconstructed, initiated by a sharp increase in the circulation of small-denomination banknotes (50 and 100 francs). The article explores the interconnected factors of this transition: technological advancements (from manual vat papermaking to the Dupont machine), the crisis of artisanal skills (the disappearance of the corporation of vatmen), and strategic managerial decisions (acquisition of the factory in Biercy, creation of an in-house workshop). It concludes that the response to the challenges of mass circulation and new reproductive technologies (lithography, photography) was not merely mechanization, but the creation of a comprehensive system that combined elements of engineering innovation, preservation of unique manual skills, and strict administrative oversight. This process is examined as the formation of a modern, for its time, model

of currency protection, which provided the Bank of France with the production independence and quality necessary to maintain trust in the franc.

Key words: Bank of France, watermark, banknote security, industrialization of paper production, Dupont machine, Biercy factory, vatmen, 19th-century monetary circulation, history of financial technology.

Zhegalova U.A.

The ideology of the "Italian Social Movement" and the strategy of its propaganda in Europe in the 1960s and 1970s

The article analyzes the ideology and propaganda strategies of the "Italian Social Movement" (MSI) in the 1960s and 1970s in the context of European right-wing populism. The article examines the specifics of Italian right-wing populism, which is closely related to the neo-fascist legacy, as well as the organizational structure of MSI, its internal contradictions and evolution from radical neo-fascism to a more moderate national conservatism. Special attention is paid to the party's propaganda methods, including the use of mass media, symbols, street actions and youth organizations. The article also touches on MSI's influence on Italian political life and its role in shaping modern right-wing movements in Europe.

Key words: Italian Social Movement (MSI), right-wing populism, neo-fascism, national conservatism, propaganda, Italy, political ideology, radical right-wing movements, euroscepticism.

Prom Thary

Historical legacies and their impact on Cambodia's Democratic transition 1993

The research explores how Cambodia's democratic transition evolved after the 1993 UNTAC-led period through an examination of its historical background. This research evaluates how French colonial rule together with the Khmer Rouge period and Vietnamese occupation have shaped Cambodia's parliamentary system and democratic practices. The research demonstrates how historical institutionalism explains how past occurrences established permanent political frameworks which maintain power centralization and elite dominance in post-1993 Cambodia. The research demonstrates that although the UNTAC period introduced democratic norms through multi-party elections the political system continues to be dominated by historical factors which block complete democratic consolidation. The research helps explain how post-conflict democratization processes encounter barriers stemming from historical trauma which has implications for nations undergoing comparable democratic transitions. Future research needs to investigate external actor involvement in democratization processes and perform comparative studies of post-conflict transitions to better understand how authoritarian legacies can be overcome.

Key words: democratic transition, historical legacies, UNTAC, Cambodian People's Party (CPP), Khmer Rouge, political patronage, democratization challenges, post-1993 Cambodia.

Goncharov N.A.

The labour question in british parliamentary debates, 1918–1921: between revolutionary threat and social reform

This article focuses on the parliamentary debates in Britain from 1918 to 1921 as a reflection of the political establishment's response to the radicalisation of the labour movement following the First World War. The post-war period presented the ruling classes with the urgent task of resolving a profound social crisis, precipitated by demobilisation, economic hardship, and the influence of revolutionary events in Russia. The article pays attention to key political figures who shaped the official response to the challenges of the time—David Lloyd George, the Liberal minister Thomas Macnamara, as well as leaders of the Labour Party, such as Arthur Henderson and James Maxton, whose ideological disagreements within the party disoriented the trade union movement. The

author examines both the rhetorical strategies employed by Conservatives and Liberals, which constructed the image of the worker—from 'hero of labour' to 'insurgent'—and the specific legislative measures designed to alleviate social tensions. Attention is given to parliamentary discussions of the Coal Mines Act of 1919, the Mining Industry Act of 1920, as well as debates on the police strike and the problem of unemployment. The author notes that, despite some concessions, the ruling coalition largely employed tactics of delay and rhetorical manoeuvre to block fundamental reforms, such as the nationalisation of the mines. Particular attention is paid to the crisis of the Liberal Party, which failed to propose a convincing programme for the working class and strengthen its position. Parliamentary proceedings are evaluated as a unique source, revealing the establishment's deep-seated fear of a revolutionary threat and its attempts to balance social reform with the preservation of the status quo. The article analyses the issues that caused the most significant friction in the relationship between the government and the labour movement. Among these were questions of wages and working conditions in the coal industry, nationalisation, and the dire economic situation of miners in South Wales and Scotland.

Key words: British Parliament, labour question, David Lloyd George, Labour Party, Liberal Party, strike movement, coal industry, nationalisation of mines, social reforms.

Kurovsky S.V.
Mishin D.A.
Morozov M.A.

FRG'S accession to NATO in 1955: genesis, process, and transformation of the European security architecture in the context of the early Cold War

The article presents the results of a study of the genesis, process, and transformation of the European security architecture in the context of the early Cold War following the accession of the FRG to NATO in 1955. The aim of the scientific study is to comprehensively analyze the causes, mechanisms, and consequences of the FRG's accession to NATO for the military-political and legal architecture of Europe. The article presents the genesis of the "German question" in the European security system (1949–1953), the diplomatic struggle over the rearmament of the FRG and its integration into NATO (1953–1955), the consequences and formation of a new bipolar structure (1955–1961), as well as long-term consequences for the European security architecture. The chronological framework of the study covers the time period from 1949 (the creation of the FRG and NATO) to 1955 (the entry of the FRG into NATO and the retaliatory creation of the Warsaw Pact). with excursions into earlier (Pleven plan, 1950) and later periods (Berlin crisis 1958-1961) to understand the causes and long-term effects.

Key words: Germany's accession to NATO, genesis, transformation of the European security architecture, early Cold War, the German question, consequences, bipolar structure.

Meng Xin

The functioning of border transport stations on the Soviet-Chinese border in the context of the activities of the Far Eastern Bureau of the Comintern

The article explores the clandestine mechanism of the network of transport stations established and managed by the Comintern's Far Eastern Bureau (FEB) in Northeast China (Manchuria) during the 1920s–1930s. These stations were crucial elements of the logistical infrastructure, ensuring the illegal transfer of Party personnel, couriers, funds, cipher equipment, and propaganda materials between the Soviet Union and China. An analysis of archival and memoir sources reveals the dual nature of these posts—a combination of legal covers (trading houses, pharmacies, hotels) and the strictest conspiracy. Particular attention is paid to the role of the station in Harbin and the border points of Transbaikalia, as well as the complex system of interaction between FEB agents, Soviet intelligence services, and local Chinese Communist Party activists. It is demonstrated that

the system's effectiveness was directly dependent on the political climate and strict centralized control from Moscow.

Key words: Comintern, Far Eastern Bureau, Manchuria, Transport Stations, Chinese Communist Party.

Nabizoda M.S.

Sources on Tajiks in the Kokand khanate during the reign of Alim Khan (1805-1810)

The article describes the essence of Alim Khan's reforms and the transformation of the political life of the Tajik people within the state of Kokand, which quickly transformed from a possession into a khanate. The seizure of the Kurama and Tashkent regions transformed Kokand into a khanate. The struggle for Ura-Tyube between Kokand and Bukhara continued. However, Khujand always remained under the control of the Kokand Khanate. It was Alim Khan who revived the spring agricultural festival of Navruz, which was held in the Chorchaman area, outside the city of Kokand. One of these Navruz celebrations ended in tragedy: an assassination attempt was staged against Alim Khan. The Khan's fatal wound fueled numerous rumors within the country and abroad. As a result, the Emir of Bukhara invaded Ura-Tyube, and the ruler of Tashkent, Khomidhoja ibn Yusufhoja, blockaded the fortresses of the Kurama region. Alim Khan was forced to organize a military campaign against Tashkent, which ultimately resulted in the region's final capture. Alim Khan's reforms, while certainly strengthening Kokand, created many opponents and enemies within the state. It was Alim Khan's opponents who twice staged assassination attempts, which ended with a knife wound. Internal conflicts and infighting ultimately strengthened opposition forces among the military commanders, who were dissatisfied with the military reforms implemented by the Khan, in which the power of regional governors, tribal emirs, and chieftains was limited. It was they who orchestrated the coup d'état, the removal of Alim Khan from power, and his physical assassination.

Key words: Chorchaman, mountain Tajiks, Kokand Khanate, Chorku, Chust, Kurama, Tashkent, Ura-Tyube, Khujand, Alim Khan, Umar Khan, Iriskuliby, Jumaboy-kaitoki, Muhammad-hakimkhon Tura, Navruz.

Pischikova N.P.
Savosina Y.V.

Discussion about Britain in the Russian press: public opinion and geopolitics at the turn of the 19th and 20th centuries

The article explores how Russian socio-political magazines shaped and changed public perceptions of England in the late 19th and early 20th centuries. Through examples from publications in Vestnik Evropy, Russkoe Bogatstvo, and other media, the article examines how the press influenced readers' minds. The authors delve into why attitudes towards Britain underwent significant shifts, from condemnation of its policies during the Boer War to a gradual perception of it as a strategic ally after 1907. The work demonstrates that key narratives in the press were directly determined by the state's foreign policy goals, which allows us to consider periodicals as an important medium for conveying the official line to the public.

Key words: public opinion, Great Britain, Russia, World War I, public consciousness.

Prom Thary

Institutional imbalance in Cambodia's parliamentary system: a structural barrier to democracy

This research investigates the ongoing institutional imbalance in Cambodia's parliamentary system after the 1993 Constitution took effect. The Constitution establishes separate powers between the executive and legislative and judicial branches but executive dominance limits the operation-

al independence of other institutions in practice. The research shows that the Cambodian People's Party (CPP) maintains centralized power while patronage networks and politically aligned judicial structures have led to the decline of democratic accountability. The paper conducts a qualitative examination of legal and political structures to show how the National Assembly and judiciary remain structurally subordinate which damages public trust and hinders rule of law and meaningful reform efforts. The research evaluates executive consolidation mechanisms to propose constitutional and legal and political reforms which would restore democratic principles from the 1993 settlement by rebalancing institutional relationships.

Key words: Cambodia, parliamentary system, executive dominance, institutional imbalance, judiciary, constitutional reform, governance, rule of law.

Smirnov A.V.

Soviet-American negotiations on the settlement of payments under the Lend-Lease system (1946-1948)

This article examines the problem of resolving issues of payments under the Lend-Lease system in the process of the first Soviet-American negotiations on the payment of a loan from the USSR in the first post-war years. In this regard, special attention is paid to the official position of Washington and Moscow, illustrating the evolution of the diplomatic positions of the Soviet Union and the United States during the negotiation process. It is worth emphasizing that the American side did not want to make political concessions to the USSR and especially single out the Soviet Union from the total number of "recipient countries" of military-economic assistance under the Lend-Lease. By providing the USSR with preferential conditions for the implementation of temporary contractual obligations for military expenditures. The Soviet Union, for its part, delayed the negotiation process, hoping eventually to reduce the requirements for the amount to be paid. And also, the leadership of the USSR deliberately postponed the transfer of three American battleships to the United States due to the 1942 Agreement on Mutual Military Assistance, as it felt an urgent need for them. In addition, it is concluded that after 2 years of negotiations of varying degrees of intensity, the diplomatic groups of both sides have not reached any definite consensus.

Key words: USA, USSR, lend-lease, negotiations, diplomacy, N.V. Novikov, A.S. Panyushkin, W. Clayton, W. Thorpe.

Solikhojaeva S.A.

The activities of the British agent network in central Asia in 1918-1919

This article explores the continuation of the Anglo-Russian military and diplomatic confrontation, which began in the 19th century, during the "Great Game," and continued through the establishment of Soviet power. This article highlights the geopolitics of Central Asia, which was always closely monitored, first by the Russian and then the Soviet authorities. With the adoption of the Soviet declaration concerning the "rights of the peoples of Russia," the outskirts of the former Russian Empire sought to establish their own form of government, attracting the attention of world powers that had long dreamed of establishing their dominance there, primarily Great Britain. It is noted that, given the military and political situation in the Turkestan region, the British intensified the activities of their agents. Britain, by intensifying its intelligence activities in Turkestan, pursued two goals: first, to limit Soviet military advances toward the Anglo-Indian border; second, to establish dominance in Turkestan and thereby realize its long-held dream. To this end, British intelligence repeatedly equipped military expeditions, supplied weapons to groups that did not recognize the new government, and sent agents into Turkestan to organize sabotage and conduct subversive activities.

Key words: Britain, Russia, Turkestan, diplomacy, military missions, spy network, subversive activities.

Khakhalin S.I.

Bougainville: a brief history, the background of the crisis and the present day

This article discusses the history of how the copper mine could have been the beginning of the crisis in Bougainville, the path from the acute phase of the crisis to the present day, raises the question of how the governments of the future region came to a financial and bureaucratic problem and what threat of escalation of the conflict they face again.

Key words: Bougainville, Papua New Guinea, Panguna mine, Oceania, Australia, independence, autonomy.

Seraev A.R.

The 1997 Madrid summit of the national guard as the first attempt of the global transformation of the military block

In the work the author explores the role of the summit in Madrid in 1997 in the context of changes in the global policy of NATO. The prerequisites of the policy of globalization, the possibilities of expanding the influence of the North Atlantic Alliance in various states are considered. In response to the need for new members, NATO has attempted to change its conditions for membership and has developed a number of documents that govern the content and direction of cooperation between different countries.

In the study, the author examines the prerequisites for the formation of NATO's policy: expanding its influence, establishing partnerships with new states, and using various tools, including the development of agreements and arrangements at meetings, summits, and other events. The 1997 Madrid Summit is considered a meeting that involved a number of states from the "socialist camp," marking a significant step towards the globalization of the alliance and the need to establish new effective mechanisms for engaging with various countries, both existing and potential participants.

Key words: NATO, 1997 Summit, foreign policy, global transformation, member countries, North Atlantic Alliance, socialist camp countries, expansion of influence, political and diplomatic presence.

Ternovaya L.O.
Chapkin N.S.

The power of mathematics: the invisible force ruling the world

This article explores the concept of the power of mathematics as a fundamental, universal, and indisputable force governing natural and social processes. It examines the role of mathematics in scientific understanding of the world, its significance in shaping economic, social, and political institutions, and its influence on modern technological and information systems. Particular attention is given to historical examples of outstanding mathematicians who, through their knowledge and application of mathematics, influenced state power and social development. It analyzes the contemporary challenges and responsibilities associated with the use of mathematical models and algorithms in governing society, the economy, and elections. The article emphasizes that the power of mathematics is the power of reason, truth, and ethics, on which the future of humanity depends.

Key words: power of mathematics, mathematical thinking, scientific knowledge, economics and finance, algorithms and technology, political power, mathematical models, history of science, elections and democracy, ethics in mathematics, mathematics education, management and forecasting.

Mukhamedov R.A.
Pivnenko V.Yu.

Education and upbringing of youth in the late soviet provinces (based on materials from the Ulyanovsk Region in the late 1970s): achievements, contradictions, and systemic problems

The article presents a comprehensive analysis of the state of the public education system in the late Soviet period, based on previously unpublished documents from the Department of Science and Educational Institutions of the Ulyanovsk Regional Committee of the CPSU (1979). It examines the implementation of universal secondary education, the material and technical base of educational institutions, the ideological and labor training of students, as well as crisis phenomena: the growth of juvenile delinquency, the outflow of youth from rural areas, and the shortage of preschool institutions. Using specific regional material, the study reveals the contradiction between the formal successes declared in official reports and the deep systemic problems that hindered the qualitative development of the social sphere. The article contributes to the study of the everyday life and real practices of the Soviet education system on the eve of the 1980s.

Key words: late USSR, history of education, Ulyanovsk region, universal secondary education, labor education, juvenile delinquency, party documents, regional history, social history.

Uporov I.V.

Dissidence as a socio-political phenomenon during the soviet "stagnation"

This article explores the characteristics of the dissident movement in the Soviet Union at the peak of its activity, namely, the late 1960s – mid-1970s. Only the main trends in the development of this socio-political movement are highlighted, in terms of its significance both within the USSR and internationally. It concludes that dissidence as a socio-political phenomenon was part of Soviet history. Even now, several decades later, it can clearly be said that dissidence was a consequence of the unjustified restriction of certain political rights of Soviet citizens, which contradicted the social nature of human society. A number of the demands they sought were codified in law in our country after the collapse of the USSR in 1991. The most prominent dissidents (A.I. Solzhenitsyn, A.N. Sakharov, and others) have received public recognition, although assessments of their activities have changed over time and remain controversial. In this context, it is important for society and the state to learn from the past, weighing their decisions primarily against fundamental human rights and freedoms.

Key words: dissidence, USSR, human rights, protests, demonstrations, samizdat, government, human rights activists.

Shchuplenkov O.V.
Shchuplenkov N.O.

Modernization of the State armed forces in Western Europe – a socio-historical aspect

This study is about the formation of state armed forces in Western Europe, which led to the modernization of national armies in the rest of the world, which began in the last third of the 19th century. Its common feature is the idea that wars and armies are not necessarily parts of the same phenomenon. This means that the relationship, both in reality and in the explanations that are based on it, between armed conflicts, armies and their transformations is not direct and does not necessarily have to be consistent.

Key words: armed forces, Europe, historiography, colonialism, conflict, society, reality.

Eshmatova G.B.

Leaders of the Oyrot autonomous region during the Great Patriotic War

Based on a wide range of sources, the article shows the life and professional path of the leaders of the Oirot Autonomous Region who worked during the Great Patriotic War and made a significant contribution to the development of the region. The inclusion of previously unpublished and unknown sources in the scientific discourse has allowed for the discovery of interesting facts and information from their biographies. The work is notable for its documentation of names, dates, and locations where events took place. The data provided provides compelling information on this

subject. The results of this research can be utilized in educational activities. In addition, it can be used in the planning and organization of patriotic education for young people, as well as in the teaching of Russian history and other social and humanitarian sciences, and special courses on the history of the Altai region in educational institutions in the region.

Key words: The Great Patriotic War, Oirot Autonomous Region, government, Communist Party, regional party committee, regional executive committee, leaders, biographies, contribution, sources.

Shipova M.A.

Manufacturing technologies at the Imperial porcelain manufactory in the second half of the 19th century

This article presents production technology at the Imperial Porcelain Manufactory in the Second Half of the 19th Century. It concerns a source study analysis of archival documents dedicated to development of the factory's raw materials and technological base. These documents contain a wealth of technical information and allow us to trace trends in the development of this type of ceramics. The article gives data on changes in the composition of porcelain mixture, resulting in the refusal of domestic materials in favor of imported ones; on commissioning of new machines and mechanisms; on use of new techniques for artistic porcelain decorating; it presents issues concerning organization of the manufacturing process. The findings of the study are particularly relevant for art historians, museum curators, and restorers when identifying counterfeits, attributing pieces, or choosing restoration techniques of porcelain works. They can also serve as a starting point for modern porcelain artisans when creating new masterpieces of artistic porcelain.

Key words: Russian porcelain, Imperial Porcelain Manufactory, porcelain production technology, porcelain formulation, historical source.

Turianskaia K.A.
Bobrov A.A.
Pankratieva G.I.

The phenomenon of glass holder as a symbol of Russian railways

The subject of the study is the podstakannik as an object of material culture and an element of Russian railway service. The object of the research is the podstakannik considered in the context of historical development, artistic design, and ideological content. Particular attention is given to the evolution of the podstakannik's functions—from a utilitarian everyday item to a stable cultural symbol associated with railway travel. The study examines the main hypotheses concerning the origin of the podstakannik in Russia, the stages of its dissemination and transformation in the nineteenth and twentieth centuries, as well as the specific features of its incorporation into the passenger service system. The role of the podstakannik in shaping the visual image of the railway and its significance in cultural memory, museum practice, and artistic discourse are analyzed. The research is aimed at identifying patterns in the interaction between material objects, the social environment, and the ideological frameworks of different historical periods.

The results of the study demonstrate that the podstakannik evolved from a utilitarian household item into a significant element of railway culture endowed with stable artistic and ideological functions. Key stages of its development have been identified, determined by changes in stylistic features, production technologies, and functional purpose, as well as by its role in shaping the visual and symbolic space of passenger transportation.

The main conclusions of the study concern the gradual transformation of the podstakannik into a meaningful element of railway culture reflecting the social, economic, and ideological processes of various historical periods. It has been established that changes in the forms, materials, and decorative solutions of podstakanniks are closely connected with the dynamics of artistic and ideological para-

digms within society. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive interpretation of the podstakannik through the unity of utilitarian, artistic, and symbolic functions, as well as in identifying its role as a stable cultural marker of Russian railway service. The findings of the study may be applied in research on material culture, museum studies, and cultural studies.

Key words: glass holder, Russian railways, everyday railway life, material culture, symbolization, semiotics of culture, passenger service, cultural memory, tea drinking ritual, everyday infrastructure.

Timerbulatov T.A.

Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 1. Subjects of information security

Ensuring information security is a complex process, combining legal, organizational, scientific, technical, and other areas of state activity. The young Soviet state, objectively assessing information both as a resource and as a source of threats, gradually developed an information security system from its earliest days. In the RSFSR, this system had generally been in place even before the formation of the USSR. However, as the conditions for the state's development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when, at the initiative of General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), I.V. Stalin, a plan for a forced economic breakthrough for the USSR was launched and largely implemented (including through unpopular methods involving repressive measures), aimed primarily at strengthening the security and defense capability of the state. Part 1 of this article examines one of several aspects of the problem: the subjects of information security.

Key words: information, system, information protection, ensuring information security.

Bedretdinova L.N.

The geographical determinism of early S.M. Solovyov

The article examines the concept of geographical determinism through the lens of the views of the Russian historian S.M. Solovyov. The author analyzes how geographical conditions, such as climate, topography, and resource availability, influence the development of societies and the formation of their historical paths. The article proposes a comprehensive approach to the study of history that takes into account the interaction between natural conditions and human activity, emphasizing the need for a multifaceted analysis of the factors that shape civilizations, as well as a comparative analysis of the natural factor by S.M. Solovyov and L.I. Mechnikov.

Key words: geographical determinism, social development, historical processes, economic factors, political factors, international relations, criticism of determinism.

Guselnikov S.D.

The problem of providing medical personnel to the troops of Tsar Alexei Mikhailovich during the Russian-Polish War of 1654-1667

In the 17th century, significant changes took place in the organization of the military forces of the Russian empire. As a result of the reforms of Tsar Alexei Mikhailovich, the regiments of the new system became the main part of the army. However, the new army required new management and support approaches. One of them was the organization of a medical service. This task fell to the Pharmacy and Discharge Orders. The purpose of this work is to determine the number and quality of medical personnel in the Russian army in the middle of the 17th century. The object of the study is the system of appointment of medical specialists in the army of Tsar Alexei Mikhailovich during the Russian-Polish war of 1654-1667. The methodological basis of

the research is based on following the principles of historicism, consistency and objectivity. The research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, generalization, systematization. In the course of the work done, it becomes obvious that the supply of healers to the troops during the period under review became regular, but their number hardly allowed them to meet all the needs of the army.

Key words: military field medicine, Russian army, history of medicine, military reforms of Alexei Mikhailovich, XVII century, Apothecary's order.

Dzhumagulova A.T.
Ilyasova A.A.
Kolesov M.A.

Administrative and sociocultural practices of Crimea's integration into Russia: problem statement

The article provides a comprehensive analysis of the administrative and sociocultural practices of integrating the Crimean Peninsula into the Russian Empire from 1783 to the first half of the 19th century. Despite extensive historiography, the synthesis of managerial and cultural mechanisms of imperial policy remains insufficiently studied, which constitutes the novelty of this work. The methodological foundation is based on the principles of historicism and systematicity, comparative analysis, and an institutional approach. The source base consists of legislative acts, administrative documents, statistical descriptions, and materials extracted from the collections of the Russian State Military Historical Archive. The analysis of these materials has revealed key features and contradictions of the integration model: the combination of the unification of provincial administration with the preservation of specific judicial institutions ("Tatar courts"); the gradual yet challenging integration of the Crimean Tatar nobility into the Russian nobility; and a dualistic confessional policy that included the incorporation of Islamic institutions (establishment of a Muftiate) alongside the parallel strengthening of Orthodox Christian presence. It is concluded that the integration of Crimea was a non-linear process of complex dialogue between imperial norms and local traditions, in which a strategy of administrative modernization was combined with tactics of sociocultural adaptation. This allowed the Russian Empire to incorporate the region relatively peacefully, while simultaneously creating a unique and internally conflict-ridden legal and cultural landscape.

Key words: Russian Empire, Crimea, integration, administrative policy, sociocultural practices, legal pluralism, Crimean Tatars.

Eroshkov K.Yu.
Popova M.B.
Burkova V.A.
Vorobyova A.E.
Ivanov K.S.

The Gestapo's role in population control

This study is a comprehensive analysis of the functioning of the Gestapo (Secret State Police) as a central element of the Third Reich's repressive apparatus and its role in establishing total control over society [1, 6]. The relevance of this work lies in the need for a systematic understanding of the socio-political mechanisms that allowed a relatively small organization [4, 7] not only to effectively suppress dissent within the country but also to become a key executor of mass terror and genocide policies in occupied territories [3, 8].

Key words: Gestapo, nazi Germany, total control, repressive apparatus, social terror, the Holocaust, and the Einsatzgruppen.

Makarova D.D.
Ivanova D.E.
Ivanov K.S.
Ivanova A.S.

The "Cultural Revolution" in the USSR: propaganda, literacy campaigns, and the formation of the "new man"

The article reflects the main issues related to the cultural revolution in the USSR. The events were able to change not only the spiritual and moral culture of the people, but also the appearance of the country as a whole. This process made it possible to move from a capitalist system to a socialist one. The purpose of the research is to analyze the cultural revolution in various fields of human activity, to determine the role of the formation of a "new man" in society. Research methods: study and analysis of literature, statistical processing of the data obtained. The results and conclusions of the study: The implemented changes cannot be assessed unambiguously, as during the years of the revolution and after, great damage was done to various spheres of human activity: the emigration of a large number of scientists, poets, etc., the destruction of architectural monuments. Among the achievements achieved within the framework of the cultural revolution, the following can be distinguished: improving the literacy of the population, creating a unified educational system, and the flourishing of science and culture.

Key words: cultural revolution, USSR, propaganda, educational program, new man.

Kalchenko P.D.

Newspapers "Novaya zhizn" and "Utro", published during the period of the german-fascist occupation in the territory of the Voroshilovgrad region (1942-1943), as a factor of ideological influence on children and their families

The article analyzes archival materials taken from the newspapers "Novaya Zhizn" and "Utro", which were published during the German-fascist occupation of the Voroshilovgrad region (1942-1943), as a factor of ideological influence on children and their families. Special attention is paid to the distribution of these newspapers among the local population, which often reflected the future collapse of the Soviet forces and the successful advance of the German army and its allies. In addition, newspaper articles actively promoted assistance to the occupation authorities and the need for citizens to register with the labor exchange, after which they were required to go to work in Germany. The final part of the article concludes that the local population (including children) became victims of German- fascist propaganda aimed at manipulating group consciousness and people's behavior.

Key words: Voroshilovgrad region, German-fascist occupation, propaganda, children and their families, local population, ideological influence.

Karelina N.N.
Mikheeva E.S.
Vasiushcenkova T.S.
Milyaeva A.K.
Mironova E.A.

Women in sports in the USSR: historical foundations of women's physical activity

The relevance of the research topic "Women in Sports in the USSR: Historical Foundations of Women's Physical Activity" is due to the significant contribution of female athletes to the development of sports and physical culture during the historical period of the Soviet Union, as well as the lack of research on their role in the historical and social context. The purpose of this study is to identify the main achievements of female athletes and determine the impact of their activities on the formation of gender roles and public opinion in the Soviet Union. This article provides a study on

female athletes in the Soviet Union, exploring their participation in high-level sports, their personal achievements, and the impact of their sports activities on society during a specific historical period. The work focuses on women's participation in the Olympic Games, female coaches, the establishment of specialized sports schools for girls, and women's sportswear in the Soviet Union. Attention is drawn to the development of the scientific and theoretical basis of women's sports. The article examines the problems and obstacles faced by women in sports during the period under study. The research method used was a thematic analysis of scientific and methodological literature. The study concluded that the achievements made during the Soviet era indicate the need to continue working in this area. It is important not only to consider historical experience, but also to continuously improve it, taking into account changes in society and new challenges. The development of women's sports is not only a matter of sports and social justice, but also an important factor in shaping a harmonious, progressive, and healthy society.

Key words: sports, female athletes, ideology, history, society, equality, Soviet Union, society, sports, sports schools, USSR, society, Olympic Games, physical culture, female athlete.

Lebedev V.P.

Harbin as a factor of socio-economic, political, and cultural transformation of Manchuria

The article examines Harbin as a key factor in the socio-economic, political, and cultural transformation of Manchuria between 1898 and 1945. Based on archival materials from Fund 323 of the Russian State Historical Archive, as well as Russian and foreign historiography, the study analyzes the process of the city's formation and development as the center of the Chinese Eastern Railway, its role in the modernization of the region, the successive shifts of influence (Russian, Soviet, Japanese, and Chinese), and the emergence of a unique space of intercultural interaction. Particular attention is paid to the dual nature of Harbin's influence: on the one hand, as a driver of urbanization, economic growth, export development, and the creation of a multiethnic urban community; on the other, as a source of social disparities, ethnic tensions, and geopolitical conflict.

Key words: USSR, Japanese Empire, Manchukuo, China Eastern Railway, Manchuria, Mantetsu, economic expansion.

Menshikov I.A.

Medieval decorations for horse bridles from the exhibition of the Lugansk historical and local museum

This article analyzes the decorations for horse bridles from the exhibition of the Lugansk Historical and Local Museum, which were discovered in the Krasnodon district of the Lugansk region. The author provides a detailed description of the set's items, including their metric and weight measurements, and conducts a comparative analysis, based on which the set of bridle ornaments from the Krasnodonsky District is classified as the Gaevsko-Novokamensky type according to the classification by R.S. Orlov.

Key words: ornaments, reshmas, plaques, bridle, ornamentation.

Авторы

Аминджанова Р.Х. - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Худжандского политехнического института Таджикского технического Университета имени академика М.С. Осими, г. Худжанд, Республика Таджикистана.

Бедретдинова Л.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарных иестественно-научных дисциплин» ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет».

Бобров А.А. - инженер путей сообщения, начальник Управления энергетического и инженерного обеспечения ПГУПС, аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Кафедра «Электроснабжение железных дорог», г. Санкт-Петербург.

Буркова В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Васющенкова Т.С. - доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Ведерникова Т.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков АНОВО «Московский международный университет».

Воробьёва А.Е. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Гончаров Н.А. - аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гусельников С.Д. - аспирант. Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Дедиу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Джамалова Т.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и речевой коммуникации. Московский международный университет. SPIN-код: 7084-4306

Джумагулова А.Т. - кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 6955-4591

Дилфузаи Ислом - докторант факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Ерошков К.Ю. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Жегалова У.А. - аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Зафарова З.А. - докторант кафедры перевода и грамматики английского языка, факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Иванова А.С. - магистрант, Школа образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Иванова Д.Е. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С. - старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Илясова А.А. - кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой исторических и соци-

ально-философских дисциплин, востоковедения и теологии. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 2749-5413

Кальченко П.Д. - аспирант кафедры истории. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск.

Карелина Н.Н. - старший преподаватель кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Колесов М.А. - аспирант департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск. SPIN-код: 7041-6045

Куровский С.В. - руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования».

Лебедев В.П. - аспирант 3 курса, Департамент истории, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Ли Илинь - студент бакалавриата. Цзилиньский университет, г. Чанчунь, Китай.

Лупина А.Е. - кандидат филологических наук, преподаватель. Военный университет г. Москва.

Макарова Д.Д. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Меньшиков И.А. - ассистент кафедры гуманитарных наук. Донбасский государственный технический университет, г. Алчевск, Луганская Народная Республика.

Миляева А.К. - старший преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Миронова Е.А. - преподаватель, Международный технологический колледж Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ).

Михеева Е.С. - студентка, направление подготовки «Конструирование изделий легкой промышленности», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Мишин Д.А. - руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования».

Морозов М.А. - студент факультета «Международные отношения и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.

Мухамедов Р.А. - доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории». Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск.

Мэн Синь - научный сотрудник. Хэйхэский университет.

Набизода М.С. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Панкратьева Г.И. - кандидат педагогических наук, доцент. Преподаватель английского языка Кафедры русского и иностранного языков, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург.

Пивненко В.Ю. - соискатель кафедры истории. Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск.

Писчикова Н.П. - кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Попова М.Б. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Пром Тхари - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Государственный служащий в Министерстве внутренних дел Камбоджи.

Савина А.В. - бакалавр направления «Филология, Мировая литература, творческое письмо и современная риторика». Московский международный университет. SPIN-код: 9573-2660

Савосина Ю.В. - кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Сераев А.Р. - аспирант. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 1200-0587

Смирнов А.В. - магистр. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университета.

Смирнова Е.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Содикова Р.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Солиходжаева С.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии. Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, г. Худжанд.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть история и история власти», руководитель проекта.

Терских Н.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка. Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск.

Тимербулатов Т.А. - кандидат исторических наук, доцент. Башкирский институт социальных технологий (филиал).

Турянская К.А. - магистр педагогического образования, преподаватель иностранных языков, аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, кафедра «Информатика и информационная безопасность», г. Санкт-Петербург.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Хахалин С.И. - преподаватель кафедр, «Общематематических и естественно-научных дисциплин» и «Землеустройство и кадастры», Московский финансово-юридический университет.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Шипова М.А. - соискатель ученой степени кандидата наук Института истории и социальных наук. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, ведущий библиотекарь отдела «Научная библиотека» Государственного Эрмитажа.

Шуаипова А.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и востоковедения Института иностранных языков АНОВО «Московский международный университет».

Щупленков Н.О. - кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Щупленков О.В. - кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Эшматова Г.Б. - кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск. SPIN-код: 2665-8729

Authors

Aminjonova R.H., Candidate of Science in Philology, senior lecturer of Foreign Languages Department, Khujand Polytechnic Institute of Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi, Khujand, Republic of Tajikistan.

Bedretdinova L.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences, Moscow State University of Psychology and Education.

Bobrov A.A., Railway Engineer, Head of the Department of Energy and Engineering Support, Postgraduate Student, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, Department of Railway Power Supply, St. Petersburg.

Burkova V.A., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dilfuzai Islom, Doctoral student of the Faculty of Foreign Languages of the State Educational Institution "Khujand State University named after Academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

Dzhamalova T.Yu., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Department of Foreign Language and Speech Communication, Moscow International University. SPIN-code: 7084-4306

Dzhumagulova A.T., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies, and Theology. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 6955-4591

Eroshkov K.Yu., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Eshmatova G.B., Candidate of Political Sciences, Senior staff scientist. Budgetary scientific institution of the Altai Republic "S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies", Gorno-Altaisk. SPIN-code: 2665-8729

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Goncharov N.A., Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Guselnikov S.D., Postgraduate student. N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

Ilyasova A.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies, and Theology. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 2749-5413

Ivanova A.S., Master's student, School of Education at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

Ivanova D.E., Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanov K.S., Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Kalchenko P.D., Postgraduate Student, Department of History. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. Dahl Luhansk State University", Luhansk.

Karelina N.N., Senior Lecturer at the Department of Physical Education, The Kosygin State University of Russia.

Khakhalin S.I., Lecturer of the departments, "General Mathematical and Natural Sciences" and "Land Management and Cadastres". Moscow University of Finance and Law.

Kolesov M.A., Postgraduate Student, Department of Coordination of Research and Innovative Project Activities in Specialist, Master's, and Doctoral Programs. Pyatigorsk State University, Pyatigorsk. SPIN-code: 7041-6045

Kurovsky S.V., Head of the Research Department LLC "Higher School of Education".

Lebedev V.P., 3nd-year postgraduate student, Department of History, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of Moscow City «Moscow City University».

Li Yilin, Undergraduate Student. Jilin University, Changchun, China.

Lupina A.E., Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Moscow Military University.

Makarova D.D., Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Menshikov I.A., Assistant Professor, Department of Humanities. Donbass State Technical University, Alchevsk, Luhansk People's Republic.

Mikheeva E.S., Student, direction of training "Design of light industry products", The Kosygin State University of Russia.

Milyaeva A.K., Senior Lecturer at the Department of Social and Educational Psychology, State University of Education.

Mironova E.A., Lecturer, International College of Technology, BIOTECH University.

Mishin D.A., Head of the Editorial and Publishing Department of LLC "Higher School of Education".

Meng Xin, Researcher. Heihe University.

Morozov M.A., Student of the Faculty of International Relations and Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Mukhamedov R.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk.

Nabizoda M.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, State Educational Institution "Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

Pankratieva G.I., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. English Language Teacher, Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, St. Petersburg.

Pischikova N.P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Pivnenko V.Yu., Postgraduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk.

Popova M.B., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Prom Thary, Postgraduate student at the Peoples' Friendship University of Russia. Civil servant at the Cambodian Ministry of Interior.

Savina A.V., Bachelor's degree in Philology, World Literature, Creative Writing, and Modern Rhetoric, Moscow International University. SPIN-code: 9573-2660

Savosina Y.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Seraev A.R., Postgraduate student. Moscow city pedagogical university. SPIN-code: 1200-0587

Shchuplenkov N.O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

Shchuplenkov O.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

Shipova M.A., Candidate of Science degree Candidate of Sciences of the Institute of History and Social Sciences Herzen University, Head Librarian of the Scientific Library Department of the State Hermitage museum.

Shuaipova A.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Romano-Germanic Philology and Oriental Studies, Institute of Foreign Languages, ANOHE «Moscow International University».

Smirnova E.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture. «Russian State Social University».

Smirnov A.V., Master's degree. Novosibirsk National Research State University.

Sodiqova R.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic.

Solikhojaeva S.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Terskikh N.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the English Language Department. Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk.

Timerbulatov T.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Turianskaia K.A., Master of Pedagogical Education, Foreign Language Teacher, Postgraduate Student, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering, Department of Computer Science and Information Security, St. Petersburg.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Vasiushcenkova T.S., Associate Professor of the Department of Physical Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Vedernikova T.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages ANOHE «Moscow International University».

Vorobyova A.E., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Zafarova Z.A., PhD student of the department of translation and grammar of the English language of the faculty of foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

Zhegalova U.A., Postgraduate student. Russian State University for the Humanities.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru